T 29/266
1

ДРЕВНОСТИ

РУССКАГО ПРАВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Г 29/266

ДРЕВНОСТИ РУССКАГО ПРАВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ТЕРРИТОРІЯ и НАСЕЛЕНІЕ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ
съ перемѣнами и дополненіями

В. Сергѣевича

Ф XXIII 3861

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1909

3878

2007088073

Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности. Въ издаваемомъ нынѣ трудѣ я представляю благосклонному вниманію желающихъ ознакомиться съ русскими юридическими древностями рядъ характерныхъ мѣстъ изъ памятниковъ.

Въ нашей исторіи замѣчается медленная, но постоянная смѣна явленій. Въ юридическомъ бытѣ Московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ московскіе порядки отрицаютъ старину.

Задача настоящаго труда выяснить первоначальное положеніе дѣла и прослѣдить его до конца XVII-го вѣка. На новыхъ явленіяхъ московской жизни я останавливаюсь на сколько они имѣютъ прямое отношеніе къ старинѣ, отрицая ее или дополняя.

Въ отдѣлѣ о населеніи рѣчь идетъ и о дворовыхъ чинахъ. Это потому, что дворъ московскихъ государей является дѣятельнымъ факторомъ, существенно измѣняющимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекавшая

къ себѣ все большія и большія силы, перерабо-тываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновные разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ.

30 января 1890 г.

Настоящее второе изданіе появляется въ свѣтъ по прошествіи одиннадцати лѣтъ съ выхода перваго. Въ этотъ длинный промежутокъ времени я продолжалъ изучать памятники нашей древности и по нѣкоторымъ вопросамъ пришелъ къ инымъ заключеніямъ; въ это время появились и новые труды по вопросамъ, о которыхъ шла рѣчь въ моей книгѣ. Это сдѣлало необходимымъ кое-что переработать, а кое-что—дополнить. Всего болѣе перемѣнъ потребовалъ отдѣлъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Новое мое изслѣдованіе этого вопроса войдетъ въ первый выпускъ III т. Древностей, значительная часть котораго уже написана; тамъ же найдетъ мѣсто и дополнительный обзоръ литературы предмета. Здѣсь же я только исправляю прежде сказанное, приводя въ согласіе съ новыми выводами. Отдѣлъ о думныхъ людяхъ согласованъ съ тѣмъ, что говорится о боярской думѣ во II т. Древностей; статьи о закладныхъ людяхъ и ссудныхъ записяхъ второй половины XVII вѣка написаны вновь; есть перемѣны въ статьѣ о числякахъ, ордынцахъ и делюяхъ и въ другихъ

статьяхъ. Отдѣлъ о службѣ дворянъ я предполагаю обработать вновь въ связи съ дворянскимъ землевладѣніемъ, а потому нѣсколько страницъ, посвященныхъ этому вопросу въ первомъ изданіи, не вошли во второе.

30 октября 1901 г.

Это третье изданіе также оказалось возможнымъ кое-гдѣ исправить и дополнить. Нѣкоторыя поправки вызваны новымъ, сдѣланнымъ мною въ 1904 году, изданіемъ Русской Правды. Принятое въ немъ иное раздѣленіе статей Правды, чѣмъ то, котораго держались прежніе издатели, измѣнило самый смыслъ нѣкоторыхъ выраженій этого памятника и вызвало необходимость иного ихъ толкованія, что я и дѣлаю въ настоящемъ изданіи. Другія измѣненія вызваны пересмотромъ текста второго изданія, который и привелъ къ необходимости нѣкоторыхъ перемѣнъ. Такъ, напримѣръ, въ объясненіе встрѣчающагося въ памятникахъ выраженія «издѣльное серебро» я нахожу теперь правильнымъ только повторить мнѣніе, высказанное Б. Н. Чичеринымъ еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

По части дополненій самое большое мѣсто отведено военной организаціи, о чемъ мнѣ приходилось говорить и прежде частью въ изданіи Лекцій и изслѣдованій 1883 года, частью въ журнальныхъ статьяхъ. — Поразительное сходство нѣкоторыхъ

статей Русской Правды о холопахъ съ древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ законодательствомъ вавилонскаго царя Хаммураби навело меня на мысль сдѣлать сравненіе древнѣйшаго русскаго права, относящагося къ несвободнымъ людямъ, съ законами вавилонскими, еврейскими, масульманскими и германскими; такой опытъ сравненія я дѣлаю въ IV отдѣлѣ I главы этого тома.

28 марта 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Государственная территорія

Волости—1. Города и пригороды—4. Земли—5.
Возникновеніе и разложеніе волостей—9.
Княженія, удѣлы—14.
Нѣсколько страницъ изъ исторіи Ростовской волости—16.
Отчины—33.
Остатки старины въ XVI и XVII вѣкѣ—36.
Политическая самостоятельность волостей—37.
Соединеніе волостей—41.
Возникновеніе Московскаго государства—51. Наименованіе новаго государства царствомъ русскимъ—87.

КНИГА ВТОРАЯ

Населеніе

Дѣленіе на свободныхъ и рабовъ—101.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Несвободные

Холопъ, роба, обель, добровольный холопъ—102.

I. Полные холопы

Холопъ собственность господина—105. Цѣна холоповъ—109. Послѣдствія ихъ вины—111. Уставъ Ярослава—115, Уставъ его сыновей—118.
Вліяніе церкви на положеніе холоповъ—121.
Собственное холоповъ имущество—126.
Холопы—тіуны и ключники—129, судьи—130, адвокаты—133. Холопья честь—134. Собина холоповъ въ московское время—135.
Убійство холопа господиномъ—138.
Отношеніе холоповъ къ третьимъ лицамъ—140.
Установленіе—142.
Прекращеніе—157.

II. Кабальные холопы

Кабала—159. Служилая и ростовая кабала—160. Кабала докладная—163. Указъ 1597 года—164.
Свойства кабальнаго холопства—168.
Установленіе—169.
Прекращеніе—170.
Служилыя кабалы безъ найма—171.
Мнѣніе о кабальныхъ г. Павлова-Сильванскаго—171.

III. Заключеніе—176.

Новости Уложенія—177.

IV. Рабство и другихъ народовъ

Въ Вавилоніи—180, у евреевъ—189, магометанъ—194 и у германцевъ—195.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Свободное населеніе

Люди и мужи—199.

I. Смерды

Широкій и тѣсный смыслъ слова смердъ—203.
Юридическое положеніе смерда—207.
Мнѣніе ученыхъ—211.

II. Закупы

Значеніе слова—215.
Закупъ Русской Правды—217.
Мнѣнія ученыхъ—224.
Жилыя записи—226.
Закупень Псковской судной грамоты—229.

III. Крестьяне

Значеніе слова—230.
Крестьяне на владѣльческихъ земляхъ—233. Ихъ право перехода—237. Условія порядныхъ—239. Крестьянскіе займы—243. Серебро ростовое и издѣльное—243. Покрута — 244. Сроки найма земель — 241. Отказъ—246.
Крестьяне на черныхъ волостныхъ земляхъ—251. Ихъ отношеніе къ этимъ землямъ — 251. Составъ вота.— 255 Поселеніе новыхъ крестьянъ на волостной землѣ и ихъ права на свои участки—256. Отношеніе правительства къ переходу черныхъ земель къ бѣломѣстцамъ—260. Крестьяне обработываютъ свои участки наймомъ—263 и сдаютъ ихъ въ наемъ другимъ крестьянамъ—264.
Крестьяне имѣютъ лавки и торгуютъ—265.
Древнѣйшія ограниченія крестьянскаго перехода—266. Постановленія Судебниковъ—269 и Псковской судной грамоты—271. Послѣдствія ухода крестьянъ не въ срокъ—273. Бѣглые крестьяне—277. Отмѣна Юрьева дня 278. Урочные годы—280. Ихъ отмѣна—281.

Порядныя XVII вѣка—282.
Записка во крестьяне—284.
Ссудныя записи второй полавины XVII вѣка—287.
Новости Уложенія—289.
Мнѣнія ученыхъ о волостныхъ земляхъ—292 и объ установленіи крѣпостного права—293.

IV. Изгои

Ихъ юридическое положеніе—298. Значеніе слова—300.
Мнѣнія ученыхъ—301.

V. Численные люди, ордынцы и делюи — 302.

VI. Закладни

Это запрещенное состояніе—306.
Юридическое положеніе закладней—316.
Акты укрѣпленія закладней—319.
Институтъ патроната на русской почвѣ—325.

VII. Купцы, гости, посадскіе люди

Купцы и гости по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ—335. Торговля не есть дѣло только городскихъ поселеній—337. Спеціальная служба торговыхъ людей—341.
Посадскіе люди московскихъ памятниковъ—343.
Положеніе московскихъ гостей—350.
Привилегіи купцовъ въ Новгородѣ и Москвѣ—351.
Мнѣнія ученыхъ—352.

VIII. Огнищане, бояре, дѣти боярскія

Огнищане—359. Значеніе слова бояринъ—361. Бытовое положеніе бояръ—365. Они вольные слуги князей—372. У нихъ право отъѣзда—375. Приказъ на службу—377. Отказъ отъ службы—380. Древнѣйшія стѣсненія отъѣзда—383. Записи о неотъѣздѣ и другія мѣры московскаго правительства—386. Послѣдствія уничтоженія права отъѣзда—394.
Дѣти боярскія—394.
Привилегіи бояръ и вольныхъ слугъ—398; право вотчиннаго суда—398, кормленія—403, пути (значеніе выраженія путь и путный бояринъ)—412, пожалованіе земель—416.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дворовые чины

Первоначальный составъ княжескаго двора—422. Составъ двора московскихъ государей—427.

I. Бояре введеные

Они судятъ судъ князя—432. Боярство имъ сказывается—435. Списки введенныхъ бояръ XV, XVI и XVII вѣка—439. Боярскій судъ—444, первоначально единоличный, съ великаго князя Ивана Васильевича на судѣ бояръ дьяки—445, въ XVI в. боярская судная коллегія—447.

Они совѣтники князя—450. Другія обязанности введенныхъ бояръ—451.

Ближніе бояре—452.

Выходъ изъ введеннаго боярства—455.

Жалованье—457.

II. Окольничіе—458.

III. Дворецкіе

Ключники—466, дворскіе—467, дворецкіе Большаго дворца—471, званіе дворецкаго—почетный титулъ—476.

IV. Конюшіе

Конюшіе Русской Правды—477; конюшіе бояре—478, ихъ возвышеніе въ концѣ XVI в.—479; вѣдомство—481. Ясельничіе—484.

V. Крайчіе—485.

VI. Казначеи

Казна—489. Кругъ вѣдомства казначеевъ—490.

VII. Дворяне думные

Древнѣйшее значеніе дворянъ—497. Испомѣщеніе дворовыхъ людей—500. Постепенное слитіе дворянъ съ дѣтьми боярскими—502.

Думные дворяне—507.
Терминъ «дворяне» въ XVII вѣкѣ—513. Ихъ составъ въ XVII вѣкѣ—517. Городовые дворяне—519. Московскіе дворяне—525. Большіе дворяне—531.

VIII. Оружничіе—532.

IX Постельничіе—535.

X. Стряпчіе съ ключомъ

Чинъ стряпчаго и разные виды его—538. Стряпчій съ ключомъ—543.

XI. Ловчіе и сокольничіе—544.

XII. Печатникъ—550.

XIII. Стольники.

Двойственность ихъ службы—552; ближніе стольники—558.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дьяки

Писцы и дьяки—560. Дьяки-рабы—561. Дьяки приказные люди, дьяки введеные 561.—Дьяки дворцовые и полатные—562.
Возвышеніе дьяковъ съ конца XV вѣка—562. Дьяки въ XVI вѣкѣ—564, новгородскіе—569, московскіе приказные—576.
Дьяки XVII вѣка, приказные—580, при государѣ—584, въ боярской думѣ—585, число дьяковъ—587, ихъ жалованье—589.
Подьячіе—589.
Дьяки худой чинъ—590.
Дьяки возводятся въ высшіе чины—594.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Войско

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Древнѣйшее время

Обязательное и вольное участіе въ войнѣ—595. Всесословность войска—597.
Дворцовое войско—600.
Дружина—601.
Военное управленіе—604.
Средства содержанія: военная добыча—612, денежныя выдачи—619, кормъ—617.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Служба въ Москвѣ

Военныя задачи Москвы—619.
Значеніе слова служба—625.
Всесословность обязательной службы—627.
Вольная служба—629.
Постоянныя войска—632.
Средства содержанія войскъ—636.
Верстаніе—637. Скала верстанія—642, его значеніе и послѣдствія—645, повторяемость—646.
Денежное жалованье—649.
Земельная дача—659.
Виды службы—667.
Опредѣленіе размѣра службы—673.
Послѣдствія неисполненія служебныхъ обязанностей—658.
Заключеніе—687.

ОПЕЧАТКИ

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Надо:*
195	9-я снизу	у нихъ	у германцевъ
583	2-я сверху	имя	на имя
628	8-я снизу	брахники	бражники

КНИГА ПЕРВАЯ

Государственная территорія

Наша древность не знаетъ единаго «государства Россійскаго»; она имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существующихъ небольшихъ государствъ. Эти небольшія государства называются: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей, уѣздами; всего позднѣе возникаетъ для нихъ наименованіе государствомъ.

Слово волость, иначе «власть», обозначаетъ территорію, состоящую подъ одною властью [1]).

Такое словоупотребле́ніе весьма обыкновенно нашимъ лѣтописямъ. Начальный лѣтописецъ, сказавъ объ убійствѣ Свѣнальдича Олегомъ, древлянскимъ княземъ, продолжаетъ:

«И о томъ бысть межю има ненависть, Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свѣнальдъ (отецъ уби-

[1]) Слово волость означаетъ собственно всякую территорію, состоящую подъ одною властью, а потому одинаково употребляется, какъ для обозначенія цѣлаго государства, такъ и его административныхъ дѣленій, составляющихъ въ правительственномъ отношеніи тоже одно цѣлое, а также и для обозначенія земель, состоящихъ въ чьей-либо частной собственности, они тоже состоятъ подъ одною властью. Въ текстѣ рѣчь идетъ только о волости въ смыслѣ государства.

таго, пользовавшійся довѣріемъ князя Ярополка): поиди на братъ свой и прiими волость его» 975.

Года черезъ два Ярополкъ дѣйствительно предпринялъ походъ противъ Олега, кончившійся пораженіемъ и смертью послѣдняго. Описавъ погребеніе Олега, лѣтописецъ заключаетъ свой разсказъ такимъ замѣчаніемъ:

«И прія власть его Ярополкъ».

Подъ 1135 годомъ читаемъ:

«Юрій князь Владимірович... вда Ярополку Суздаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю». Лавр.

Въ 1149 г. послѣ побѣды у Переяславля, одержанной суздальскимъ княземъ Юріемъ надъ племянниками, Изяславомъ, княземъ владимірскимъ и кіевскимъ, и Ростиславомъ смоленскимъ, кіевляне обратились къ этимъ князьямъ съ такою рѣчью:

«Господина наю князя! не погубите насъ до конца. Се нынѣ отцы наши и братья наши и сынови наши на полку, одни изопманы, а другіе избьени и оружіе снято. А нынѣ поѣдита въ свои волости! А вы вѣдаете, что намъ съ Юріемъ не ужити: а по сихъ дняхъ, гдѣ узримъ стязи ваши, тамъ и мы будемъ«. Ипат.

«Томъ-же лѣтѣ иде Ростиславъ Борисовичь отъ Святослава отъ Ольговича искать себѣ волости. поемъ полкъ Святославль, зане не створиша ему милости братья его, вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю. И пріѣхавъ къ Случьску, и нача слатися къ дрьючаномъ. Дрьючане-же ради быша ему и пріѣздече къ нему вабяхутъ и къ собѣ, рекуче: «поѣди, княже. не стряпай, ради есме тобѣ; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся, бьемъ за тя». И выѣхаша противу ему болѣе 300 людій дрьючанъ и полочанъ. И вниде въ городъ съ честью великою и ради быша ему людіе. А Глѣба и Ростиславича выгнаша и дворъ его разграбиша горожане и дружину его». Ипат. 1159.

«Черниговскому князю (Святославу Всеволодичу) не мирну съ Олегомъ Святославичемъ (новгородъ-сѣверскимъ) и воеваше Олегъ Святославлю волость Черниговскую:

Святославъ же... пойде на Ольга и пожьже волость его». Ипат. 1174.

«Посла Святославъ Глѣба, сына своего, въ Коломну, въ Рязанскую волость». Ипат. 1180.

«И скупи всю Черниговскую (сторону, а по другому списку) волость и дружину свою и поча думати...». Ипат. 1180.

«Сыновцы же твои воеваша Смоленскую волость». Ипат. 1195.

«Всеволодъ (владимірскій) посла мужи своя къ Ярославу (черниговскому) и умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя». Ипат. 1196.

Отъ сюда, вести споры и войны изъ за княженій— значитъ волоститься. Ипат. 1159.

Съ такимъ же словоупотребленіемъ встрѣчаемся и въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новагорода съ великими князьями тверскими и московскими слово волость служитъ для обозначенія какъ всего Новогородскаго государства, такъ и государствъ Тверскаго и Московскаго.

Въ 1265 году Новгородцы обязываютъ тверскаго князя:

«А въ Бѣжицахъ, княже,—тобе... селъ не дьржати... и по всей волости Новгородьской»...

...«А въ Бѣжиць, княже, людій не выводити въ свою (т.-е. Тверскую) землю (въ грамотѣ 1270 года вмѣсто землю написано волость)». Рум. Соб. I № 1, 3, 6, 15; 1265—1327.

Тоже и съ московскими князьями:

А изъ Бѣжиць вамъ, князи, не выводити людей въ свою (Московскую) волость»... «А что мытъ по Суздальской землѣ, въ вашей (Московской) волости, отъ воза имати по двѣ вѣкши»... А. Э. I № 57. Рум. Соб. I № 20; 1456—1471.

Терминъ «власть—волость» очень хорошо выражаетъ юридическую природу государственной территоріи: все, что находится въ предѣлахъ территоріи, состоитъ подъ одною властью, а потому и составляетъ одно государственное цѣ-

лое—волость. Эта природа волости ясна сознанію людей XII вѣка и хорошо выражена грамотеемъ, описавшимъ внутреннюю розпь, возникшую въ послѣдней четверти этого вѣка въ древней Ростовско-Суздальской волости.

«Новогородци бо изначала, говоритъ онъ, и смоляне, и кыяне, и полочяне, и вся власти (волости) на думу на вѣчя сходятся: на что-жь старѣйшіи сдоумаютъ, на томъ-же пригороди станоутъ». Сузд. 1176.

Въ этихъ немногихъ словахъ выражена вся суть древняго волостного устройства.

Волости состоятъ изъ городовъ и пригородовъ [1]). Обыкновенно, въ каждой волости—одинъ городъ. Это глав-

---

[1]) Слово «городъ» означаетъ собственно всякое укрѣпленіе съ цѣлью обороны. Въ Ипат. лѣт. подъ 1219 г. читаемъ: «...и созда градъ на церкви...» или въ Новгрд. I, подъ 1224 г.; «...сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ, и ту створи городъ около себи въ колѣхъ, и бися съ ними изъ города того по 3 дни». Согласно съ этимъ, выраженіе «ставить городъ» означаетъ обыкновенно только сооруженіе стѣнъ около существующаго уже поселенія для огражденія его жителей отъ внезапныхъ вторженій. Такія извѣстія о построеніи Новгорода напр., встрѣчаются въ XI, XII, XIII и XIV в.; см. Ипк. 1044 г., 1116 г., Новгрд. I 1262 г.; Львов. 1302 г. Древнѣйшее-же указаніе на построеніе городовъ съ цѣлью защиты относится еще ко времени, предшествовавшему призванію Рюрика. Въ 859 г. Кривичи, Славяне, Чудь и Меря, изгнавъ за море Варяговъ, которымъ до того времени платили дань,—немедленно начинаютъ «грады ставити», т.-е. укрѣплять свои поселенія, чтобы тѣмъ упрочить только-что завоеванную самостоятельность. Воскр. Призванные вскорѣ за тѣмъ князья являются продолжателями народа въ этомъ дѣлѣ охраненія самостоятельности Русской земли. — Иногда, по стратегическимъ соображеніямъ, города ставились и на новыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не было поселеній. Въ такихъ случаяхъ лѣтописи не ограничиваются обычнымъ выраженіемъ «поставить городъ»; но еще прибавляютъ къ тому и извѣстіе о населеніи такого города пришлыми людьми. Такъ въ Сузд. лѣт. подъ 989 г. читаемъ: «и нача ставити (Владиміръ Св.) грады по Деснѣ, и по Остри, и по Трубежу, и по Сулѣ, и по Стугнѣ и нача нарубати мужи лучшіи отъ словенъ, отъ кривичъ, отъ чюди, отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады: бѣ бо ратенъ съ печенѣги».

ный пунктъ поселенія, по имени котораго обозначается и вся волость. Такъ получили свое наименованіе волости: Новогородская, Смоленская, Кіевская, Полоцкая, Черниговская и др. Остальные пункты поселенія находятся въ зависимости отъ «города». Они не сами по себѣ существуютъ, а состоятъ при немъ: это пригороды, возникшіе при городѣ и, конечно, для удовлетворенія потребностей жителей главнаго города. Служебное значеніе пригородовъ по отношенію къ городамъ видно изъ того, что города сами нерѣдко заботятся объ укрѣпленіи своихъ пригородовъ [1]).

Наиболѣе рѣзкимъ образомъ служебное значеніе пригородовъ выразилось въ 1468 г. во Псковѣ, когда пригороды были подѣлены между частями Пскова, причемъ на каждый конецъ досталось по два пригорода. Къ сожалѣнію, краткость лѣтописнаго извѣстія не даетъ возможности выяснить, какія обязанности лежали на пригородахъ по отношенію къ отдѣльнымъ концамъ, на долю которыхъ они достались.

Городъ является, такимъ образомъ, центромъ, вокругъ котораго образуется окружность волости. Центральному пункту, натурально, принадлежитъ характеръ старшинства; его жители — старѣйшіе въ волости. Населеніе-же пригородовъ—молодшее. Какъ молодшее, оно есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слабѣйшее, а потому и должно слѣдовать направленію, даваемому старшимъ городомъ. Подчиненіе пригородовъ старшимъ городамъ есть обыкновенное явленіе древности и замѣчено лѣтописцемъ:

«На чтожь старшіи (города) сдоумаютъ, на томже и пригороди стануть», говоритъ онъ. Суздл. 1176.

Земля, находящаяся въ предѣлахъ волости, составляетъ собственность ея жителей и прежде всего жителей ея главнаго города. Несмотря на крайнюю бѣдность нашихъ

---

[1]) Воскр. 1297; Львов. 1323, 1330; Новогор. I, 1372, 1387; IV, 1384; Псков. I и II, 1414, 1431, 1441.

лѣтописей по всѣмъ вопросамъ, касающимся поземельныхъ отношеній, мы можемъ, однако, привести нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ на связь земли съ городомъ,—связь, объяснимую только тѣмъ, что земля, часто на очень значительномъ протяженіи отъ города, составляла собственность его жителей. Такъ въ 1067 г. кіевляне требуютъ отъ князя своего Изяслава, только-что потерпѣвшаго пораженіе отъ половцевъ, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ нихъ, и свое требованіе мотивируютъ тѣмъ, что «половцы разсыпались по землѣ». Лавр. Если кіевляне защищали земли, лежавшія внѣ стѣнъ Кіева, то, конечно, только потому, что эти земли принадлежали имъ, что тамъ были ихъ села и животы. Подобныя же указанія сохранились отъ Чернигова, Владиміра на Клязьмѣ и Полоцка. Въ 1138 г. черниговцы побуждаютъ своего князя Всеволода къ миру съ Ярополкомъ Кіевскимъ на томъ основаніи, что въ случаѣ войны «онъ погубитъ волость свою», Лавр.: въ 1176 г. владимірцы изгоняютъ Ростиславичей за то, что они грабили «волость всю», Ипат. Въ 1186 г. полочане, узнавъ о движеніи на нихъ новгородцевъ и смольнянъ, спѣшатъ встрѣтить ихъ на границѣ Полоцкаго княженія, опасаясь, что въ противномъ случаѣ они «сотворили-бы землю ихъ пусту». Воскр.— Приведемъ и свидѣтельство начальной лѣтописи, относящееся къ смерти великаго князя Владиміра Ярославича:

«Се же (смерть Владиміра) увѣдѣвше людіе безъ числа снидошася и плакашася по немъ: боляры акы заступника ихъ земли, убозіи акы заступника и кормителя»... 1015.

Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другого города, можетъ быть прямо считаемо мѣриломъ ихъ политическаго значенія. Извѣстно значеніе, которымъ пользовался Новгородъ по самый конецъ XV в.

Объясненіе этому надо искать въ громадной поземельной собственности, принадлежавшей его горожанамъ.

Отдаленный отголосокъ этого первопачальнаго отношенія города къ землѣ слышится еще и въ XVI вѣкѣ. На вопросъ государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, о мирѣ съ Литвой, государевы богомольцы, архіепископы и епископы, отвѣчали:

«А что королевы послы даютъ къ Полотцку земли по сей стороне вверхъ по Двине рѣкѣ на пятнацать верстъ, а внизъ по Двине рѣкѣ отъ Полотцка на пять верстъ, а за Двину земли не даютъ, а рубежъ чинять Двину рѣку, и тому ся сстати мочно ли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и село или деревни безъ поль и безъ угодей не живутъ, а городу какъ быти безъ уѣзда?» Рум. Собр. I, № 192, 1566.

Города составляютъ потребность мѣстнаго населенія и воздвигаются имъ въ видахъ защиты отъ нападеній безпокойныхъ сосѣдей. Такое возникновеніе городовъ можно наблюдать еще въ XVI вѣкѣ. Городокъ Шестаковскій былъ поставленъ въ первой половинѣ XVI вѣка жителями окружавшихъ его деревень и починковъ, которые не удовольствовались существовавшимъ уже въ той мѣстности (Вятская земля) Слободскимъ городкомъ. Но наличныхъ средствъ у мѣстнаго населенія для постройки города было мало, и оно вошло даже въ долги (А. Э. I, № 210). Деревня, въ данномъ случаѣ, предшествуетъ городу; городъ возникаетъ въ силу совокупной дѣятельности окружающихъ его деревень и починковъ. Городъ высшая форма быта, результатъ нѣкотораго объединенія разрозненнаго сельскаго населенія, которое само создаетъ для себя оборонительный пунктъ. Въ случаѣ благопріятныхъ условій, такой оборонительный пунктъ можетъ сдѣлаться и мѣстомъ постояннаго поселенія. Городки возникали иногда и по почину отдѣльнаго лица, достаточно для того богатаго и, слѣдовательно, сильнаго. Въ 1558 г. дано было разрѣшеніе Григорію Аникѣеву Строганову, по его чело-

битью, поставить городокъ на Камѣ рѣкѣ и снабдить его пушками, пищалями и всѣмъ необходимымъ для береженія (А. Э. I, № 254). Съ тою-же цѣлью города ставились и князьями.

Такъ какъ земля, окружающая городъ, есть составная часть волости, то иногда цѣлое, волость, обозначается именемъ своей части, земли,—землей [1]).

«Посла вы Деревска земля», гворятъ древлянскіе послы кіевской княгинѣ Ольгѣ и подъ землею, конечно, разумѣютъ не землю въ тѣсномъ смыслѣ слова, а волость Древлянскую, какъ политическое цѣлое.

Въ лѣтописи подъ 1190 годомъ читаемъ:

«Бяшетъ Святославу (кіевскому князю) тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ (смоленскимъ) и Смоленскою землей того дѣля и съ братіею (Ольговичами) совокупилъся бяшеть, какъ бы ему ся не съступить» (не уступить въ спорѣ). Ипат.

Споръ Святослава касался не лично только смоленскихъ князей, но и всей Смоленской земли въ смыслѣ особаго государства.

Въ этомъ же смыслѣ употребляетъ слово «земля» и Русская Правда въ статьѣ о сводѣ:

«А изъ своего города въ чюжю землю свода нетуть». Третья ред. Пр. 48.

Но слово «земля» не всегда употребляется въ смыслѣ

---

[1]) Въ Обозрѣніи исторіи русскаго права проф. Владимірскаго-Буданова (вып. I), терминъ «земли» не метафора, а форма общества, замѣнявшая государство во весь первый періодъ» (3). На стр. 4 эту особую форму, замѣнявшую государство, онъ называетъ «земскимъ государствомъ», но, къ сожалѣнію, не разъясняетъ, въ чемъ состоятъ свойства этого «земскаго государства» и чѣмъ оно отличается отъ государства вообще.—Въ новомъ изданіи (1900 г.) почтенный авторъ дѣлаетъ поправку. Земля не «замѣняетъ» у него государства, а «составляетъ государство» (12), которое онъ продолжаетъ называть «земскимъ государствомъ» (14), все же не разъясняя, чѣмъ оно отличается отъ государствъ не земскихъ, если таковыя есть.

отдѣльнаго государства, оно обозначаетъ и просто извѣстную географическую мѣстность безъ всякаго отношенія къ государственному ея единству.

Въ этомъ смыслѣ употребляется нерѣдко выраженіе Русская земля.

«Бывшю же съвѣту всихъ князей во градѣ Кыевѣ, створиша съвѣтъ сице: «луче ны бы есть пріяти я (татаръ) на чюжеи землѣ, нежели на своеи». Тогда бо бѣахуть: Мстиславъ Романовичъ въ Кыевѣ, а Мстиславъ въ Козельскѣ и въ Черниговѣ, а Мстиславъ Мстиславовичъ въ Галичѣ: ти бо бяаху старѣйшины въ Русскоі земли; Юрія князя же великого суздальского не бы въ томъ съвѣтѣ». Ипат. 1224.

Въ томъ-же смыслѣ географическаго термина памятники говорятъ о Двинской землѣ и пр.

Возникаетъ вопросъ, какъ образовались эти древнѣйшія волости государства? Отвѣчать на него возможно только догадками. Существуетъ предположеніе о племенномъ происхожденіи волостей, т.-е., каждое отдѣльное племя (поляне, древляне и пр.) составляло особую волость. Мысли этой посчастливилось, она получила значительное распространеніе среди нашихъ ученыхъ. У Соловьева читаемъ: «первоначально границы волостей соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено» (III. 24). По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, «племена, перечисляемыя въ начальной лѣтописи, суть земли — княженія». Но Владимірскій-Будановъ идетъ далѣе Соловьева, ибо допускаетъ, что эти племенныя земли — княженія «большею частью сохраняются и при князьяхъ Рюриковичахъ въ XI и XII вѣкахъ» [1]).

[1]) Первое изданіе I, 4. Во второмъ изданіи почтенный авторъ излагаетъ свою мысль нѣсколько иначе. Онъ говоритъ: «Время происхожденія земскаго государства должно быть отнесено къ эпохѣ доисторической. Начальная лѣтопись перечисляетъ земли—княженія (б. ч. тѣ же, какія мы находимъ въ XI и XII вв.). Славянскія племена уже

Это мнѣніе отправляется, конечно, отъ того предположенія, что племена, перечисляемыя начальнымъ лѣтописцемъ, составляютъ каждое особую группу, имѣющую общее родовое происхожденіе. Племя, предположительно происходящее отъ общаго родоначальника, естественно, составляетъ одно цѣлое и поэтому образуетъ одну волость. Но такъ-ли это? Что такое племена, перечисляемыя лѣтописцемъ? Многія изъ нихъ получили свое имя отъ свойствъ занимаемой мѣстности. Поляне—жители полей, древляне—жители лѣсной мѣстности; полочане названы по рѣкѣ Полотѣ, бужане—по рѣкѣ Бугу, дреговичи заимствовали имя свое отъ болотъ (дрегва — топь, трясина). Такія мѣстныя наименованія не даютъ повода предполагать родовое единство отдѣльныхъ племенъ и условливаемую этимъ единствомъ политическую ихъ цѣльность.

Переходя къ фактамъ, мы наблюдаемъ уже въ самое отдаленное время, о которомъ только разсказываетъ лѣтопись, несовпаденіе границъ племени съ границами во-

---

тогда (до начала лѣтописныхъ сказаній) перешли отъ чисто племенного быта въ бытъ государственный земскій, т.-е. образовали княженія—земли, предѣлы которыхъ не всегда совпадали съ границами племени. Лѣтописецъ, разсказавъ о миѳическихъ 3-хъ братьяхъ...» Къ этому мѣсту авторъ дѣлаетъ ссылку, въ которой приводитъ указанное нами мѣсто Соловьева, возражаетъ ему, а въ концѣ говоритъ: «Проф. Сергѣевичъ приписываетъ мысль Соловьева и намъ». — Мы были крайне огорчены этимъ указаніемъ на недостатокъ у насъ вниманія къ труду почтеннаго ученаго и поспѣшили взять первое изданіе и развернуть 4-ю стр.; тамъ напечатано: «Время происхожденія земскаго государства должно быть отнесено къ эпохѣ доисторической. Племена, перечисляемыя въ начальной лѣтописи, суть земли—княженія (б. ч. тѣ же, какія мы находимъ въ XI—XII вв.). Лѣтописецъ, разсказавъ о миѳическихъ 3-хъ братьяхъ»... Мы были этимъ совершенно успокоены: мы ничего не приписали почтенному автору, чего у него не было сказано. Сличеніемъ же его двухъ изданій мы были даже обрадованы. Во второмъ онъ высказываетъ совершенно другую мысль, чѣмъ въ первомъ, и совершенно правильную, не о земскомъ, конечно, государствѣ, а о томъ, что границы племенъ и княженій не совпадаютъ, а въ первомъ изданіи сказано: «племена суть земли—княженія».

лости. Призваніе варяговъ начальный лѣтописецъ приписываетъ: чуди, словѣнамъ и кривичамъ. Въ составъ Новогородской волости, значитъ, входятъ не только разныя славянскія племена, но и финскія, и это задолго до того времени, когда началась дѣятельность князей Рюриковичей. Съ другой стороны, одно и то же племя представляется раздѣленнымъ между многими волостями. Такъ Изборскъ, населенный кривичами, съ древнѣйшаго времени принадлежитъ къ волости Новогородской; но въ то-же время существуютъ кривичи, входящіе въ составъ двухъ другихъ волостей, Полоцкой и Смоленской, историческія судьбы которыхъ весьма различны.

Соотвѣтствіе границъ племени съ границами волости предполагаетъ, далѣе, совершенно мирное сожительство племенъ, благодаря чему каждое племя продолжаетъ составлять одно цѣлое, а не распадается на части. Могло ли это быть? Это весьма сомнительно.

Лѣтописецъ, описывая нравы отдѣльныхъ племенъ, о древлянахъ говоритъ, что они жили «звѣрскимъ образомъ» и «убивали другъ друга». Конечно, задолго до появленія князей Рюриковичей, были въ ходу всякаго рода насильственныя дѣйствія, грабежи, убійства, хищническія нападенія шайками и т. д., и не только между поселеніями разныхъ племенъ, но и среди единоплеменниковъ, какъ это и утверждаетъ лѣтописецъ.

Не на мирный характеръ первоначальныхъ людскихъ отношеній указываетъ и городовое устройство волости: это система укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ виду весьма натуральной незамиренности племенъ въ началѣ ихъ историческаго поприща, укрѣпленія ставились для защиты не отъ иноплеменниковъ только, но и отъ соплеменниковъ. Допустить мирное и согласное участіе всего племени въ сооруженіи городовъ и въ созданіи первоначальныхъ волостей очень трудно. Изслѣдователь нашего древняго историческаго быта имѣетъ постоянно дѣло съ актами насилія; какъ допустить, что во времена доисторическія

человѣческія отношенія (у тѣхъ-же племенъ) были обставлены иначе?

Скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался, надо думать, медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ. Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпріимчивыхъ людей, которые нуждались въ нихъ, какъ и въ XVI вѣкѣ, для береженія. Въ составъ этихъ группъ могли входить и люди разныхъ славянскихъ племенъ и даже иноплеменники; со славянами могли соединяться чудь и меря. Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли стремиться къ расширенію своихъ владѣній и съ этою цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель. Для «береженія» своихъ пріобрѣтеній имъ приходилось ставить пригороды. Такой способъ возникновенія волостей проглядываетъ и въ вышеописанной ихъ организаціи. Центръ волости—городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выдти изъ города.

Возникшія въ борьбѣ живыхъ силъ волости и въ историческое время отличаются очень большой подвижностью. Границы ихъ не остаются неизмѣнными, и въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ нерѣдко наблюдаются колебанія: новые города-пригороды возвышаются, иногда, до значенія старыхъ городовъ и даже случается, затмеваютъ ихъ.

Это происходитъ въ силу дѣйствія различныхъ причинъ. Можно допустить, что тѣ-же причины, какія мы наблюдаемъ въ историческое время, вліяли и на доисторическое измѣненіе состава первоначальныхъ волостей.

Прежде всего здѣсь надо обратить вниманіе на естественный ростъ пригородовъ, какъ на одну изъ причинъ, существенно вліявшихъ на измѣненіе состава волости.

По происхожденію своему пригородъ есть зависимый и служебный по отношенію къ городу членъ волости. Но,

находясь въ условіяхъ благопріятныхъ для своего дальнѣйшаго развитія, пригородъ можетъ сравняться силами со старымъ городомъ. При этомъ условіи строгая зависимость пригорода отъ города не можетъ болѣе имѣть мѣста. Городъ поневолѣ долженъ будетъ считаться съ волею пригорода. Въ волости могутъ, такимъ образомъ, возникнуть два старшихъ города; можетъ произойти и полное обособленіе пригорода въ отдѣльную волость; пригородъ можетъ, наконецъ, взять даже верхъ надъ городомъ. Въ случаѣ-же наличности особенно неблагопріятныхъ условій для главнаго города, имя его и совсѣмъ можетъ исчезнуть со страницъ исторіи и замѣнится именемъ новаго города.

Такъ именно случилось съ тѣмъ старымъ городомъ, по отношенію къ которому Новгородъ названъ Новымъ. Новгородская волость принадлежитъ къ древнѣйшимъ: лѣтописецъ относитъ ее къ «изначальнымъ», великій князь Всеволодъ Юрьевичъ называетъ (1206) «старѣйшею во всей Русской землѣ»; а между тѣмъ нельзя сомнѣваться, что эта волость образовалась на развалинахъ какой-то болѣе старой, самое имя которой не сохранилось.

Существенныя перемѣны въ составѣ Новогородской волости происходятъ и на глазахъ исторіи.

Первоначально Псковъ есть пригородъ Новгорода Великаго; пригородомъ остается онъ въ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка.

1270. Противъ Ярослава Ярославича, великаго князя Владимірскаго, «совокупися въ городъ (т.-е. въ Новгородъ) вся власть новгородская: и псковичи, и ладожане, и корела, и ижора, и вологжане, и идоша въ Голино отъ мала и до велика» (Лѣт. VII, 170).

Какъ старѣйшина, Новгородъ даетъ Пскову посадниковъ и другихъ мѣстныхъ правителей. Еще въ 1341 году псковичи сами обращаются къ Новгороду съ просьбой дать имъ намѣстника (Пск. I).

Но къ началу XII вѣка Псковъ достигаетъ такого раз-

витія и такой силы, что въ состояніи дѣйствовать на свой страхъ и безъ согласія съ Новгородомъ. Въ первой половинѣ XII вѣка псковичи, иногда, сажаютъ у себя особаго отъ Новгорода князя; въ XII вѣкѣ они вступаютъ въ самостоятельные договоры съ нѣмцами. Съ такой вновь образовавшейся силой нельзя было не считаться Новгороду; онъ съ ней, дѣйствительно, считается. Новгородцы начинаютъ называть псковичей «братьями». Это уже признакъ равенства. Въ 1223 г. новгородцы безъ согласія «своихъ братьевъ плесковичей» не пошли даже на Ригу, къ войнѣ съ которой побуждалъ ихъ князь Ярославъ. Въ 1347 году новгородцы признаютъ наконецъ, и полную самостоятельность Пскова:

«Того-же лѣта, егда идуще новогородцы къ Орѣховцу, даша жалованье городу Пскову: посадникамъ новогородскимъ въ Псковѣ не сѣдѣти, ни судити»... (Новг. III).

Такъ Псковъ выросъ въ самостоятельную волость и выдѣлился изъ старой новгородской.

Вторая причина, которая вела къ такому же выдѣленію новыхъ волостей изъ старыхъ, заключалась въ князьяхъ.

Князья составляютъ необходимый элементъ каждой волости. Безъ нихъ нѣтъ достаточно твердой власти, и волость безъ князя держаться не можетъ. Даже Новгородъ Великій безъ князя не обходится. Если ему отказывали въ князѣ, онъ говорилъ:

«Мы князя себѣ налѣземъ», т.-е. найдемъ.

Князь такая-же необходимость для волости, какъ укрѣпленные города съ пригородами. Стоя во главѣ волости, князь носитъ титулъ «волостеля».

Владиміръ, галицкій князь, говоритъ о себѣ:

«Богъ поставилъ насъ волостелями въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ». Ипат. 1149.

Князь сажается народомъ на столъ въ главномъ городѣ волости. Вслѣдствіе этого главный городъ носитъ

наименованіе стольнаго; а по званію князя—вся волость называется княженіемъ.

Весьма понятное стремленіе членовъ княжескаго рода, этихъ прирожденныхъ правителей, имѣть независимое отъ другихъ князей положеніе, ведетъ то къ соединенію, то къ дробленію первоначальныхъ волостей. Князь, у котораго была только одна волость, но нѣсколько сыновей, чувствуя приближеніе смерти, старшему сыну даетъ, обыкновенно, старшій городъ, пригороды же раздѣляетъ между сыновьями, но въ качествѣ самостоятельныхъ волостей.

Отъ этого дѣйствія раздѣленія отцомъ своихъ владѣній дѣтямъ произошло наименованіе «удѣла». Первыми удѣльными князьями являются, такимъ образомъ, сыновья Святослава Игоревича. Несмотря на это древнее происхожденіе удѣловъ, слово удѣлъ во всеобщее употребленіе входитъ не ранѣе второй половины XIV вѣка. Въ памятникахъ московскаго времени удѣлами называются какъ владѣнія младшихъ сыновей завѣщателя, такъ и владѣнія старшаго. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты читаемъ: «а се сыномъ моимъ раздѣлъ учинилъ». Согласно съ этимъ, Семенъ, Андрей и Иванъ Ивановичи одинаково называютъ свои княженія удѣлами. Въ договорѣ, заключенномъ этими князьями, читаемъ:

«(А тобѣ, вел. князю Семену Ивановичу, селъ въ) нашихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ... (также и намъ не купити), ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ въ твоемъ удѣлѣ».

Поэтому и великое княженіе Владимірское также называется удѣловъ. Великій князь Василій Васильевичъ, назначая старшему сыну своему великое княженіе Владимірское, называетъ его удѣломъ, какъ и владѣнія другихъ дѣтей своихъ:

«А которымъ дѣтямъ своимъ, читаемъ въ его духовной, села подавалъ, во чьемъ удѣлѣ нибуди, ино того и судъ надъ тѣми селы, кому дано».

Князья не всегда бывали довольны тѣмъ, что получали отъ отцевъ. Кому удѣлъ казался недостаточнымъ (а едва ли было много князей, которые находили свои владѣнія достаточными), тотъ старался всѣми средствами увеличить его. Вслѣдствіе возникавшихъ изъ такого порядка вещей войнъ пригороды отдѣлялись отъ той волости, къ составу которой принадлежали первоначально, и присоединялись къ другой; кіевскіе пригороды отходили къ Полоцку, Владиміру, черниговскіе и переяславскіе— къ Кіеву и т. д. А съ другой стороны, отдѣльныя волости соединялись въ новое цѣлое.

При такомъ рѣзаніи по живому тѣлу исторически сложившихся волостей, иногда слышится протестующій голосъ населенія старшихъ городовъ, которые, натурально, стоятъ за единство своей волости. Но нельзя сказать, чтобы дробленіе, совершаемое въ чисто-княжескихъ интересахъ, не находило сочувствія и въ населеніи. Младшіе города (пригороды) нерѣдко тяготились зависимостью отъ старшихъ и рады были имѣть своего князя и сдѣлаться центромъ хотя и небольшой, но самостоятельной волости.

Каждая волость имѣла, такимъ образомъ, свою исторію; но по скудости нашихъ источниковъ полная исторія волостей едва-ли можетъ быть когда-нибудь написана. Что волости имѣли свою исторію и что дѣятелями ея были не только князья, но и населеніе, въ этомъ не можетъ, однако, быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Въ доказательство нашей мысли дадимъ нѣсколько страничекъ изъ исторіи Ростовской волости.

Возникновеніе и первоначальная исторія этой волости вовсе не освѣщены источниками. Есть, однако, основаніе думать, что на зарѣ нашей исторіи Ростовъ принадлежалъ къ составу Новгородской волости. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что Ростовъ упоминается въ числѣ городовъ, которые были розданы Рюрикомъ, первымъ новгородскимъ княземъ, имя котораго извѣстно нашей лѣтописи, мужамъ своимъ къ кормленіе:

«По дву же лѣту Синеусъ умре и братъ его, Труворъ, и прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ градомъ суть находницы варязи, а перьвіи насельницы въ Новѣгородѣ—словѣне, Польтьски—кривичи, въ Ростовѣ—меря, въ Бѣлѣозерѣ—весь, въ Муромѣ—мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ». Лавр. 862.

Но затѣмъ возникаетъ вопросъ, какую роль играли перечисляемые лѣтописцемъ города въ составѣ Новогородской волости, были ли они старшими пригородами Новагорода, или составляли новое пріобрѣтеніе первыхъ князей? Краткость первоначальной лѣтописи не даетъ основаній для положительнаго рѣшенія этого вопроса. Можно допустить и то и другое. Но послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ для Полоцка, Ростова и Мурома. Преемникъ Рюрика, Олегъ, не остался въ Новгородѣ, онъ перешелъ на югъ, въ Кіевъ. Въ какомъ отношеніи находилась къ нему обширная, но оставленная имъ Новогородская волость, это не очень ясно. Краткое лѣтописное извѣстіе о первомъ мирѣ его съ греками перечисляетъ города, на которые греки обязались давать уклады:

И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблій по 12 гривенъ на ключь, и потомъ даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгомъ суще». Лавр. 907.

Новгородъ въ этомъ перечисленіи не упомянутъ. Правда, лѣтописецъ не перечисляетъ всѣхъ городовъ, но трудно допустить, что, назвавъ новогородскіе города, Ростовъ и Полоцкъ, онъ опустилъ самый главный, Новгородъ, и разумѣетъ его подъ выраженіемъ «и прочіе грады». Надо, кажется, заключить, что Новгородъ не былъ въ числѣ городовъ, на которые выговорена греческая дань и, конечно, потому, что власть Олега не простиралась на этотъ городъ; Ростовъ же и Полоцкъ имѣли князей, состояв-

шихъ въ зависимости отъ Олега. Эти два города, значитъ, обособились уже отъ Новгорода. Они важные пункты, ибо имѣютъ своихъ князей. Когда же они успѣли сдѣлаться важными, если еще въ 862 году они были столь незначительными пригородами, что лѣтописецъ ихъ вовсе не упоминаетъ, и братьевъ Рюрика сажаетъ не въ Ростовѣ и Полоцкѣ, а въ Бѣлоозерѣ и въ Изборскѣ? Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ думать, что въ 862 году они не входили еще въ составъ Новогородской волости, какъ пригороды новогородскіе, а были самостоятельными городами, присоединенными къ Новгороду уже при Рюрикѣ и его братьяхъ. Это предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что племя меря, населявшее Ростовскую волость, не упомянуто въ числѣ племенъ, принимавшихъ участіе въ призваніи варяговъ. Если же Ростовъ не былъ до Рюрика пригородомъ Новгорода, то еще труднѣе допустить, что имъ былъ Муромъ, отдѣленный отъ Новгорода Ростовской волостью.

Источники нашей древнѣйшей исторіи очень не полны, а выраженія лѣтописца не достаточно опредѣленны. О древнѣйшихъ событіяхъ возможны, поэтому, иногда только догадки.

Какъ бы то ни было, былъ ли Ростовъ изначала пригородомъ Новгорода или присоединенъ къ нему при Рюрикѣ и его братьяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ X вѣка онъ центръ самостоятельной волости и имѣетъ своего особаго князя. Въ волости этой могли быть и другіе города, но Ростовъ былъ старѣйшимъ, его имя приводится раньше всѣхъ другихъ городовъ. Позднѣйшіе лѣтописцы, разсказывая о политическихъ событіяхъ въ предѣлахъ этой волости, на первомъ мѣстѣ, обыкновенно, ставятъ ростовцевъ; жители другихъ городовъ волости упоминаются ими всегда послѣ ростовцевъ.

Въ концѣ XII вѣка Всеволодъ Юрьевичъ, въ переговорахъ своихъ съ княземъ Мстиславомъ, называетъ жи-

телей Ростова «старѣйшей дружиной», а такой признакъ старѣйшинства, обыкновенно, придается жителямъ старшаго города волости.

По съ половины XII вѣка въ предѣлахъ этой волости, рядомъ съ Ростовомъ, начинаетъ обозначаться и другой сильный городъ Суздаль. Князь Ростовской волости, Юрій Владиміровичъ, живетъ чаще въ Суздалѣ, чѣмъ въ Ростовѣ [1]). Резиденція князя начинаетъ, такимъ образомъ, обособляться отъ старшаго города. Хотя Юрій былъ посаженъ на столъ не въ Суздалѣ, а въ Ростовѣ (Лавр. 1157), но на дѣлѣ его стольнымъ городомъ былъ Суздаль.

Возникающее преобладаніе Суздаля, какъ и всякаго города, есть прежде всего результатъ энергіи его жителей. Во время войны родныхъ братьевъ, Константина Всеволодовича, ростовскаго князя, съ Юріемъ суздальскимъ, приближенные Юрія такими рѣчами стараются удержать его отъ уступокъ брату:

«Не было сего ни при прадѣдахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ, что бы кто вступилъ ратью въ землю Суздальскую и вышелъ бы цѣлъ».

Суздальцы, значитъ, сознаютъ свою силу; силу эту признаютъ и князья, ихъ противники. Князь Мстиславъ новгородскій, союзникъ Константина, приготовляя полки свои къ бою съ суздальцами, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

«Се братіе! вошли есмя въ землю сильну, да позря на Бога, станемъ крѣпко, не озирающеся назадъ, побѣгше бо, не уйдти».

Фактъ постояннаго пребыванія князя въ городѣ не могъ не вліять благотворно на его развитіе. Князья, обыкновенно, украшали свои города постройками, обогощали

[1]) По миру, заключенному въ 1151 г. съ племянниковъ Изяславомъ, Юрій отказывался отъ обладанія Кіевомъ и обязывался удалиться въ «свой Суздаль». Ипат. Ср. еще Лавр. 1159 года. Берладникъ приведенъ изъ Суздаля.

ихъ монастыри и церкви подарками изъ своего многоимѣнія, жителямъ же раздавали доходныя должности. Овладѣвъ Кіевомъ въ 1155 г., Юрій окружилъ себя тамъ не ростовцами, а суздальцами, и имъ роздалъ кормленія по городамъ и селамъ. Суздаль былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ не одному себѣ, но и князю, Юрію Долгорукому, который предпочелъ его старшему Ростову.

Такимъ образомъ, къ концу XII вѣка въ Ростовской волости образовались два старшихъ города. Лѣтописецъ не умѣлъ примѣниться къ этому новому и не совсѣмъ обычному факту. Сказавъ, что изначала во всѣхъ волостяхъ жители сходились на вѣча, и на чемъ рѣшали старѣйшіе, на томъ становились и молодшіе, онъ продолжаетъ такъ:

«А здѣ (въ Ростовской волости) городъ старый. Ростовъ и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божія, но «какъ намъ любо» рекоша, «такоже створимъ, Володимеръ пригородъ нашь»...

Выходитъ, что Ростовъ и Суздаль составляютъ какъ бы одинъ старшій городъ, Владиміръ же есть ихъ общій пригородъ! Такъ живуча идея о единомъ городѣ въ волости. Хотя Ростовъ всегда занимаетъ первое мѣсто, но въ виду того, что Суздаль—стольный городъ, стали иногда и всю волость называть «Суздальской» (Ипат., стр. 91 и 144).

Чувствуя приближеніе смерти, Юрій возымѣлъ намѣреніе оставить свою обширную волость двумъ сыновьямъ, Михаилу и Всеволоду, и получилъ на это согласіе жителей волости, которые цѣловали ему въ томъ крестъ. Въ этомъ фактѣ надо видѣть случай перваго раздѣленія Ростовской волости на двѣ части, состоявшееся по желанію князя и съ согласія народа.

Но у Юрія было не два сына, а девять, да еще два внука отъ умершаго при его жизни сына, Ростислава. Отъ чего же они ничего не получили? Не отъ того, конечно,

что Ростовская волость не могла прокормить большого числа князей. Можно думать, что дальнѣйшее дробленіе встрѣтило сопротивленіе въ «старѣйшихъ» волости; дѣленіе же на двѣ части было принято въ виду существованія двухъ одинаково сильныхъ городовъ, Ростова и Суздаля, между которыми и должно было произойти размежеваніе прежде нераздѣльной волости.

Но даже и это дѣленіе на двѣ части не очень соотвѣтствовало вкусамъ «старѣйшихъ» волости. Оно было принято ими, пока былъ живъ князь Юрій, и немедленно нарушено, какъ только онъ умеръ.

«Того же лѣта, говоритъ лѣтописецъ, ростовцы и суздальцы, сдумавше вси, пояша Андрея, сына его (Юрія) старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суздали, занеже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше прежде къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ». Лавр. 1157.

Такимъ образомъ, волею старшихъ городовъ было возстановлено единство Ростовской волости. Андрей былъ избранъ единымъ княземъ для всей волости и, по старинѣ, посаженъ «на отни столѣ» въ Ростовѣ. Въ этомъ возстановленіи «отеческаго стола» въ Ростовѣ нельзя не усматривать въ происшедшемъ переворотѣ преобладающей роли жителей старшаго города, Ростова.

Съ первенствующею дѣятельностію ростовскихъ бояръ мы встрѣтимся и въ дальнѣйшей исторіи Ростовской волости.

Князь Андрей, избранникъ старшихъ городовъ, княжившій въ Ростовской волости безъ малаго 18 л. и оказавшій сильное вліяніе на ходъ дѣлъ всей русской земли, не жилъ однако ни въ Ростовѣ, ни въ Суздалѣ. Любимымъ мѣстопребываніемъ его былъ пригородъ Владиміръ и недалеко расположенное отъ него село Боголюбово [1]).

[1]) Въ Суздалѣ посадничалъ сынъ его, Мстиславъ, который и былъ отправленъ имъ изъ этого города въ походъ на Кіевъ.

Это второй случай несовпаденія стольнаго города со старшимъ. Старшимъ городамъ на этотъ разъ былъ предпочтенъ совсѣмъ новый, пригородъ Владиміръ.

Какая причина этого передвиженія ростовскихъ князей изъ старыхъ городовъ въ новые? Очевидно, въ старыхъ городахъ было что-то такое, что не нравилось князьямъ, даже избранникамъ старыхъ городовъ. Не имѣя силъ передѣлать эти непріятные имъ порядки, князья уходятъ въ новые города, гдѣ, по всей вѣроятности, непріятные имъ элементы были слабѣе. Въ старомъ Ростовѣ было не мало сильныхъ людей, бояръ, которые, естественно, стремились заправлять всѣми дѣлами волости. Отъ нихъ-то, надо думать, ушелъ Юрій въ Суздаль. Но, по всей вѣроятности, бояре успѣли развестись и въ Суздалѣ, и вотъ сынъ Юрія, Андрей, уходитъ во Владиміръ къ «меньшимъ» людямъ владимірцамъ. Князья не въ силахъ еще мѣнять существующіе порядки, они могутъ только бѣжать отъ того, что имъ не нравится. Но примѣръ Андрея показываетъ, какъ трудно было убѣжать отъ старыхъ порядковъ, не возстановляя противъ себя всего населенія. Онъ избранъ на ростовскій и суздальскій столъ потому, что былъ «прелюбимъ» всѣми, умеръ же всѣми оставленный. Князь Андрей палъ жертвою мести отъ руки брата казненнаго имъ Кучковича. Но смерть князя не нашла себѣ мстителя. Убійцы одно время опасались, что мстители придутъ изъ Владиміра. Чтобы склонить ихъ на свою сторону, они вступили съ владимірской дружиной въ переговоры. Владимірцы, правда, не стали на сторонѣ убійцъ, но и не взяли на себя защиты убитаго; они даже не позаботились о похоронахъ князя. Даже духовенство не явилось отдать ему послѣдній долгъ. Три дня лежало тѣло князя, запертое въ божницѣ, безъ обычнаго молитвеннаго пѣнія. Только на третій день по убійствѣ пришелъ Арсеній, игуменъ св. Козьмы и Демьяна, и приступилъ къ отпѣванію, говоря: «Долго-ли намъ ждать старѣйшихъ игуменовъ, и долго-ли

сему князю лежати? Отомкните божницу, да отпою надъ нимъ».

Равнодушіе лучшихъ людей къ смерти князя понятно. Онъ самъ ушелъ отъ нихъ и окружилъ себя людьми новыми, маленькими. Ближайшимъ человѣкомъ къ себѣ онъ сдѣлалъ Анбала, ключника: это пришлецъ въ ростовской волости, поднятый княземъ изъ ничтожества. Ему-то, разсказываетъ лѣтописецъ, Андрей «далъ волю надо всѣмъ». Насколько князь плохо зналъ окружавшихъ его людей, видно изъ отношенія къ нему этого любимца его, Анбала: этотъ всѣмъ ему обязанный человѣкъ оказался въ числѣ убійцъ своего благодѣтеля. По всей вѣроятности, выборъ мѣстныхъ судей и правителей былъ также неудаченъ. Смерть князя была сигналомъ къ избіенію посадниковъ и тіуновъ по всей волости и къ грабежу домовъ ихъ. Все населеніе было недовольно: лучшіе люди тѣмъ, что князь пренебрегъ ими; меньшіе—тѣмъ, что новые любимцы не оправдали довѣрія князя.

Къ исходу XII в., въ Ростовской волости рядомъ со старыми городами, Ростовомъ и Суздалемъ, дѣлаются замѣтными и два новыхъ: Владиміръ и Переяславль. Владиміръ обязанъ своимъ возвышеніемъ долговременному пребыванію въ немъ князя Андрея.

По смерти князя Андрея, единство Ростовской волости снова выразилось въ томъ, что ростовцы, суздальцы и переяславцы съѣхались у Владиміра для общаго избранія новаго князя. Съѣздъ старшихъ городовъ у Владиміра свидѣтельствуетъ уже о значительной силѣ этого пункта. Въ это время, очевидно, не было въ Ростовской волости города, который настолько возвышался бы надъ другими, чтобы взять на себя одного избраніе князя для всей волости. Не могли этого сдѣлать и два старшихъ города вмѣстѣ. Рядомъ съ ними, въ 18-лѣтнее княженіе Андрея, образовалась новая сила, городъ Владиміръ, которую нельзя было игнорировать. И вотъ, оба старшіе города съ новымъ, Переяславлемъ, съѣзжаются у Владиміра. При

этихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, ростовцы не потерялись, однако, они съумѣли стать во главѣ общаго дѣла.

Ростовцы не ждутъ, когда другіе города заговорятъ объ избраніи князя и обратятся къ нимъ; они сами ѣдутъ ко Владиміру. Имъ принадлежитъ, по всей вѣроятности, починъ дѣла, имъ же и исполненіе. Они дѣлаютъ необходимыя распоряженія для пріема вновь избранныхъ князей. «По повелѣнію ростовцевъ», говоритъ лѣтописецъ, полторы тысячи владимірцевъ отправились для ихъ почетной встрѣчи. Преобладающая роль ростовцевъ ясно обнаруживается и изъ послѣдовавшихъ за избраніемъ событій.

Самое избраніе имѣетъ значеніе съ той точки зрѣнія, что избиратели не считали себя обязанными руководствоваться родственными отношеніями вновь призываемыхъ князей къ умершему. У князя Андрея остался сынъ. Объ немъ была рѣчь, но его не избрали: онъ показался слишкомъ молодъ. Не избрали также и братьевъ умершаго, хотя на нихъ и цѣловали крестъ отцу ихъ, Юрію. Избраніе состоялось подъ вліяніемъ желанія угодить Глѣбу, князю сосѣдней Рязанской волости, и отнять у него предлогъ къ нападенію на Ростовскую землю, воспользовавшись междукняженіемъ. Избрали Ростиславичей, внуковъ Юрія, братьевъ жены рязанскаго князя. Очевидно, Ростовская волость не составляла собственности, наслѣдственнаго владѣнія потомковъ Всеволода Ярославича, несмотря на то, что они княжатъ тамъ уже цѣлое столѣтіе.

Ростовцы, суздальцы, владимірцы и переяславцы выбрали не одного князя, а двухъ: Мстислава и Ярополка Ростиславичей, внуковъ Юрія, отецъ которыхъ умеръ прежде Долгорукаго и самъ никогда не былъ владѣтельнымъ княземъ. Въ этомъ избраніи двухъ князей не слѣдуетъ видѣть желаніе населенія раздѣлить обширную Ростовскую волость на двѣ самостоятельныхъ части, хотя нѣкоторые списки лѣтописей и говорятъ, что Ростисла-

вичи раздѣлили волость Ростовскую. Есть основаніе думать, что ростовцы хотѣли имѣть во Владимірѣ не самостоятельнаго князя, а своего посаженика, и такимъ образомъ господствовать во всей волости чрезъ избранныхъ ими князей. Даже сами владимірцы, у которыхъ былъ посаженъ князь Ярополкъ, не смотрѣли на себя какъ на отдѣльное цѣлое. Когда среди нихъ возникло недовольство управленіемъ Ярополка, они обращаются съ жалобой къ ростовцамъ и суздальцамъ, какъ къ высшей инстанціи. Призваніе двухъ князей въ этомъ случаѣ не было, слѣдовательно, раздѣленіемъ Ростовской волости на двѣ; подъ нимъ скрывалось господство во всей волости старыхъ центровъ, Ростова и Суздаля, а въ нихъ лучшихъ людей—бояръ.

Но Ростиславичи не одни пріѣхали княжить въ Ростовскую волость. Приглашеніе нашло ихъ въ гостяхъ у черниговскаго князя, Святослава. Тамъ же гостили съ ними и двое дядей ихъ, Михалко и Всеволодъ Юрьевичи. Переговоривши между собой, князья рѣшили, что въ Ростовской волости найдется мѣсто для всѣхъ четырехъ, и утвердились крѣстнымъ цѣлованіемъ на томъ, что ѣхать имъ всѣмъ четыремъ; на Михалку же возложили старѣйшинство. Впередъ поѣхали Михалко и Ярополкъ.

Непрошенные гости встрѣчены были въ ростовской землѣ съ очень различными чувствами. Ростовцамъ прибытіе ихъ не понравилось. Это понятно: чѣмъ больше князей, тѣмъ меньше прибыли сильнымъ людямъ. Они «негодовали» по поводу пріѣзда Юрьевичей; даже къ своему избраннику, Ярополку, отнеслись они крайне сурово. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить его съ честью и посадить на столѣ, они обратились къ нему съ грубымъ приказаніемъ ѣхать въ Переяславль. Эта встрѣча сильно смутила Ярополка, онъ даже забылъ о своемъ утвержденіи съ Михалкой, и украдкой, никому не сказавшись, уѣхалъ, куда его послали. Михалкѣ ростовцы велѣли подождать въ Москвѣ, не двигаясь далѣе въ предѣлы волости.

Но Михалко не былъ такъ кротокъ, какъ Ярополкъ. Онъ зналъ, по всей вѣроятности, внутреннія дѣла Ростовской волости и сейчасъ же сообразилъ, гдѣ можно найти сторонниковъ. Не засиживаясь въ Москвѣ, онъ поѣхалъ во Владиміръ. Остававшіеся въ городѣ владимірцы (1500 человѣкъ выѣхали для встрѣчи князей) впустили его въ крѣпость и затворились съ нимъ. 18 лѣтъ соперничества со старшими городами вполнѣ объясняютъ этотъ поступокъ: владимірцы рады были имѣть самостоятельнаго князя, а не посаженника ростовскаго.

Ростовцы, какъ мы уже знаемъ, далеки были отъ мысли допустить самостоятельность Владиміра: они направились на Михалку со всею силою ростовской земли и съ полками своихъ союзниковъ, муромцевъ и рязанцевъ. Много зла сдѣлали они владимірцамъ, но города не взяли, а только голодомъ принудили осажденныхъ отказаться отъ забѣжавшаго къ нимъ князя. Посовѣтовавъ Михалкѣ оставить городъ, владимірцы со крестами вышли къ осаждавшимъ князьямъ, Мстиславу и Ярополку, и утвердились съ ними крестнымъ цѣлованіемъ.

«Не противъ Ростиславичей они бились, поясняетъ лѣтописецъ, а не желая покориться ростовцамъ и суздальцамъ»...

Но сами призванные князья покорились ростовцамъ: противъ Михалки воевали оба Ростиславича, а они цѣловали крестъ быть съ нимъ заодно и признали даже его старѣйшинство. По удаленіи Михалки, владимірцы должны были посадить у себя Ярополка; Мстислава же ростовцы съ «радостью великою» посадили въ Ростовѣ. Ростовъ снова сдѣлался стольнымъ городомъ: Ярополкъ былъ только посадникомъ ростовцевъ во Владимірѣ.

Владимірцы покорились ростовцамъ и единство волости снова возстановлено.

Но Ростиславичи слушались во всемъ бояръ, бояре же учили ихъ «на многое имѣніе». Ярополкъ обобралъ золото

и серебро, принадлежавшія церкви св. Богородицы во Владимірѣ, и лишилъ ее тѣхъ доходовъ, которыми она богато была надѣлена кн. Андреемъ; посадники же его обременяли народъ безмѣрными продажами и вирами. Это вызвало сильное неудовольствіе среди владимірцевъ. Они стали собираться на сходки, на которыхъ слышались и такія рѣчи:

«Мы есмы волная князя пріяли къ себѣ, крестъ цѣловали на всемъ, а си акп не свою волость творита, яко не творячеся у насъ сѣдѣти, грабита не токмо волость всю, но и церкви; а промышляйте, братье»!

Но Владиміръ не составлялъ самостоятельной волости, онъ былъ пригородомъ Ростова и Суздаля и получилъ князя изъ рукъ ихъ. Согласно съ этимъ, владимірцы рѣшили обратиться въ Ростовъ и Суздаль съ жалобой на князей разорителей, «являюче имъ обиду свою». Но жители старшихъ городовъ только на словахъ раздѣляли неудовольствіе владимірцевъ, на дѣлѣ же ростовскіе и суздальскіе бояре крѣпко держались Ростиславичей, дѣйствовавшихъ въ ихъ интересахъ и по ихъ внушенію. Предоставленные самимъ себѣ владимірцы рѣшились на свой страхъ прогнать Ярополка и снова призвать къ себѣ Михалку:

«Либо Михалка князя себѣ налѣземъ, а либо головы свои положимъ за Святую Богородицу и за Михалка». Лавр.

Такъ возгорѣлась новая война между Ростовомъ и Владиміромъ, кончившаяся торжествомъ новаго города, Владиміра, подъ главенствомъ котораго снова соединилась вся древняя Ростовская волость, получившая съ этого времени наименованіе Володимірской.

Хотя призванный владимірцами Михалко былъ уже боленъ и не могъ сидѣть на конѣ (его несли на носилкахъ), но полкамъ его удалось одержать побѣду надъ противниками: Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ—въ Рязань. Михалко занялъ Владиміръ. Вслѣдъ за этимъ

онъ былъ призванъ и народною партіею въ Суздалѣ, которая вину сопротивленія складывала на бояръ, говоря:

«Мы на полку со Мстиславомъ не были, съ нимъ были бояре, на насъ сердца не держи».

За Суздалемъ покорился Ростовъ. Князь объѣхалъ всѣ главнѣйшіе города, вездѣ сотворилъ людямъ нарядъ и утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ. Самъ Михалко сѣлъ въ Володимірѣ, а брата Всеволода посадилъ въ Переяславлѣ. На этотъ разъ совершенно уже ясно, почему оба князя сѣли въ новыхъ городахъ, а не старыхъ, гдѣ преобладала противная имъ боярская партія.

Старые города, Ростовъ и Суздаль, потеряли свое главенство и стали управляться посадниками изъ Владиміра.

Былъ ли Всеволодъ посадникомъ Михалки въ Переяславлѣ или самостоятельнымъ княземъ отдѣльной волости, выдѣленной для него, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Да это вопросъ и не существенный, такъ какъ самое сидѣніе его тамъ продолжалось очень недолго. Въ іюнѣ слѣдующаго года (1177) Михалко скончался, а на его мѣсто владимірцы призвали Всеволода изъ Переяславля.

Ростовцы нашли этотъ моментъ удобнымъ для возстановленія своего преобладанія. Но для этого имъ былъ нуженъ свой князь, и вотъ, получивъ извѣстіе о смерти Михалки, они спѣшатъ снова отправить посольство къ Мстиславу Ростиславичу съ приглашеніемъ занять ростовскій столъ.

«Поиди вборзѣ,—говорили послы ихъ Ростиславичу.—Михалко преставился, а мы хотимъ тебе, а иного не хотимъ ни которого князя».

Пріѣхавъ въ Ростовъ, Мстиславъ немедленно выступилъ съ войскомъ къ Владиміру.

Весьма характерны переговоры, происходившіе между князьями-противниками передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій. Всеволодъ, безъ малаго 18 лѣтъ жившій по чу-

жимъ угламъ и ровно ничѣмъ не владѣвшій до приглашенія брата его на владимірскій столъ, не прочь былъ подѣлиться со Мстиславомъ Ростовской волостью. Желая отклонить войну, исходъ которой былъ въ рукѣ Божіей, онъ послалъ сказать избраннику ростовцевъ:

«Брате! аже привели тя старѣйшая дружина, то поиди къ Ростову, да оттолѣ міръ возмевѣ: Ростовъ буди тебѣ, привели бо тя къ себѣ ростовцы и бояре, а Володимеръ мнѣ, зане привели меня Владимерцы, а Суздаль буди намъ общь: кого восхотятъ, то имъ буди князь».

Иначе взглянули на дѣло ростовцы. Имъ дорого было единство Ростовской волости и они вовсе не хотѣли дѣлежа. Передовые изъ нихъ говорили Мстиславу:

«Аще ты міръ даси ему (т.-е. на предложенныхъ условіяхъ), но мы не дадимъ».

Лѣтопись сохранила и имена двухъ заправилъ ростовскихъ. Это были: Добрыня Долгій и Матеушъ Бутовичъ [1]).

Намъ не въ первый разъ приходится указывать на то, что единство Ростовской волости поддерживается боярами двухъ старыхъ городовъ. Мы вовсе не желаемъ навязывать Добрынѣ Долгому съ товарищами дальновидныхъ политическихъ плановъ. Они дѣйствовали прежде всего въ личномъ своемъ интересѣ, но съ этимъ личнымъ интересомъ легко вязались и важныя политическія послѣдствія: образованіе крупной недѣлимой волости. Личные же интересы князей того времени, наоборотъ, стояли гораздо далѣе отъ этой цѣли: взаимное соперничество и забота о дѣтяхъ наталкиваютъ ихъ постоянно на дробленіе. Будетъ однако односторонне объяснять стремленіе лучшихъ людей Ростовской волости къ единству одними ихъ эгоистическими побужденіями. Невыгоды многокняжія съ неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ — борьбою князей — были

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Воскр. лѣт. сохранила имена еще слѣдующихъ думцевъ Мстислава Ростиславича: Борисъ Жидиславичъ, Ольстынъ и Дѣдилецъ (1177, 94).

такъ очевидны, что лучшіе люди могли желать единства волости и для блага земли.

Мстиславъ послушался своихъ бояръ. Но въ послѣдовавшей затѣмъ битвѣ (1177) счастье оказалось на сторонѣ владимірцевъ. Ростовцы были разбиты, Добрыня Долгій убитъ; вмѣстѣ съ нимъ палъ и другой боярин, Иванка Стефановичъ; остальные были взяты въ плѣнъ. Села ростовскихъ бояръ были до такой степени разграблены, что въ нихъ, по выраженію лѣтописи, ничего не осталось. Послѣдующая участь плѣненныхъ бояръ намъ неизвѣстна; но ростовцы потерпѣли столь сильное пораженіе на Юрьевскомъ полѣ, что, во все княженіе Всеволода, они были уже не въ силахъ снова возбудить борьбу изъ-за своего преобладанія.

Въ борьбѣ старыхъ городовъ съ новымъ, Владиміръ не былъ предоставленъ только собственнымъ силамъ. Есть основаніе думать, что на его сторонѣ былъ и другой пригородъ, Переяславль.

Восторжествовавъ при помощи владимірцевъ, Всеволодъ и управлять долженъ былъ, прислушиваясь къ ихъ вкусамъ, подобно тому, какъ Ростиславичи управляли, слушаясь бояръ. Лѣтопись сохранила нѣсколько случаевъ вмѣшательства владимірцевъ въ управленіе князя. Ихъ немного, и всѣ они относятся къ моментамъ крайняго возбужденія народа. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснить то, что лѣтописецъ обратилъ на нихъ вниманіе и спасъ отъ забвенія. Въ такихъ крайнихъ случаяхъ владимірцы приходятъ на княжъ дворъ и съ шумомъ и крикомъ предъявляютъ князю свои требованія. Такъ случилось, напримѣръ, въ самый годъ побѣды на Юрьевскомъ полѣ. Разбитые Ростиславичи обратились за помощью къ шурину своему, рязанскому князю, Глѣбу. Онъ, дѣйствительно, оказалъ имъ содѣйствіе, вторгся въ Володимірскую волость, но былъ разбитъ и попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Ростиславичемъ и многими другими изъ дружины. Всеволодъ кротко обошелся съ

плѣнниками: онъ держалъ ихъ во Владимірѣ на свободѣ. Владимірцы нашли это опаснымъ, такъ какъ «лиходѣи» ихъ, ростовцы и суздальцы, были близко. Они потребовали, чтобы князь либо казнилъ плѣнниковъ, либо ослѣпилъ, либо имъ выдалъ. Всеволодъ, чтобы дать время успокоиться волненію, заключилъ плѣнниковъ въ тюрьму; но этимъ не достигъ цѣли. Чрезъ нѣсколько дней, «людіе» во множествѣ и съ оружіемъ собрались на княжъ дворъ, требуя ослѣпленія. Воскресенская лѣтопись разсказываетъ, что Ростиславичи были, дѣйствительно, ослѣплены, а Глѣбъ Рязанскій лишенъ жизни. Суздальскій лѣтописецъ, описывая тѣ же событія, въ числѣ людей, приходившихъ на княжъ дворъ, называетъ бояръ и вельможъ. Во Владимірѣ, куда бѣжалъ Андрей отъ ростовцевъ и суздальскихъ бояръ, успѣли уже развестись свои собственные бояре.

Въ 1177 году князь Всеволодъ осаждалъ Торжокъ, но онъ не хотѣлъ брать его на щитъ. Это не понравилось дружинѣ. Думаемъ, что она состояла изъ тѣхъ же владимірцевъ. «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали, грубо говорила дружина князю, они лгутъ тебѣ и Бгу», и съ этими словами бросились на Торжокъ. Городъ былъ взятъ и сожженъ, имущество гражданъ разграблено, люди уведены въ плѣнъ.

Во все время продолжительнаго (35-лѣтняго) княженія Всеволода, Владиміръ неизмѣнно былъ его стольнымъ городомъ. Это окончательно и надолго упрочило за нимъ преобладаніе надъ старшими городами. Въ княженіе Всеволода, Владимірская волость, въ старыхъ границахъ Ростовской, достигаетъ наибольшей силы и развитія. Великій князь Всеволодъ является руководителемъ политики южныхъ и рязанскихъ князей. Въ Предднѣпровьи онъ пріобрѣтаетъ 5 новыхъ городовъ, ставитъ на Востри городъ Городецъ, а въ старинной отчинѣ своего дома, Переяславлѣ южномъ, сажаетъ сына Ярослава. Великій Новгородъ получаетъ князя изъ его рукъ.

Всеволодъ былъ послѣдній князь нераздѣльной Ро-

стовской, при немъ Владимірской, волости. Передъ смертью онъ дѣлитъ ее между сыновьями и установляетъ многокняжіе со всѣми его гибельными послѣдствіями. Мы не знаемъ, совѣщался ли Всеволодъ, по примѣру своего отца, съ городами или нѣтъ, но произведенный имъ дѣлежъ навсегда раздробилъ Владимірскую волость на нѣсколько самостоятельныхъ частей. Этотъ фактъ дробленія легко объясняется единовременнымъ существованіемъ въ волости нѣсколькихъ сильныхъ городовъ, ихъ застарѣлымъ соперничествомъ и весьма понятнымъ, поэтому, стремленіемъ къ самостоятельному политическому бытію.

Если дѣлежъ Всеволода и не вызвалъ сопротивленія въ населеніи старшихъ городовъ, тѣмъ не менѣе онъ далъ поводъ еще разъ высказаться мысли о недѣлимости Ростовской волости и съ той же стороны, съ которой она не разъ побѣдоносно проводилась прежде, со стороны старѣйшаго города Ростова. Еще за годъ до смерти, Всеволодъ, желая устроить своихъ сыновей, послалъ за старшимъ, Константиномъ, который посадничалъ въ Ростовѣ, и объявилъ ему, что по своемъ животѣ, даетъ ему Владиміръ, а второму сыну, Юрію, Ростовъ. Константинъ не согласился на это: онъ хотѣлъ быть ростовскимъ княземъ и требовалъ Владиміра къ Ростову.

Дать Владиміръ къ Ростову, значитъ дать Владиміръ въ качествѣ пригорода Ростова. Это старыя, намъ извѣстныя уже притязанія ростовцевъ, которыми успѣлъ проникнуться князь Константинъ, посадничая въ Ростовѣ. Если бы Константинъ не поддался вліянію ростовцевъ, онъ долженъ бы былъ съ благодарностью принять предложеніе отца. Ему, какъ старшему, Всеволодъ давалъ лучшій и сильнѣйшій городъ, Владиміръ, и съ областью, значительно превышавшею участки другихъ братьевъ. Но Константинъ не смотритъ на владѣнія отца, какъ на частную собственность, которую хозяинъ можетъ дробить по усмотрѣнію: ему присуща мысль о недѣлимомъ политическомъ цѣломъ. Онъ стоитъ за нее наперекоръ сво-

имъ личнымъ интересамъ. Это послѣдняя услуга, оказанная сѣверной Руси ростовскими боярами, отъ которыхъ старые ростовскіе князья бѣжали, какъ отъ враговъ своихъ.»

Но и Всеволодъ не всѣхъ сыновьямъ своимъ далъ части въ своемъ княженіи. Послѣ него осталось шесть сыновей, участки же получили только четверо, двое же оставлены безъ всякаго надѣла. Очень можетъ быть, что это произошло не безъ нѣкоторой зависимости отъ числа существовавшихъ къ концу княженія Всеволода крупныхъ городовыхъ центровъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

При преемникахъ Всеволода произошли дальнѣйшія дѣленія нѣкогда единой Ростово-Суздальской волости. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ ея образовались сперва княженія: Владиміpское, Ростовское и Переяславское, а позднѣе: Суздальское, Тверское и Московское. Но и на этомъ не остановилось дробленіе; почти каждая изъ поименованныхъ волостей, въ свою очередь, раздѣлилась потомъ на нѣсколько болѣе мелкихъ.

Такой же процессъ дробленія происходитъ и въ другихъ волостяхъ: Кіевской, Черниговской, Смоленской, Полоцкой и т. д. Чѣмъ болѣе развѣтвляется родъ Рюриковичей, тѣмъ болѣе усиливается процессъ разложенія первоначальныхъ волостей. Но начался онъ ранѣе всякой достовѣрной исторіи, а потому и нѣтъ для историка возможности опредѣлить, какія именно волости суть первоначальныя, и какія образовались изъ пригородовъ этихъ первоначальныхъ волостей. Такъ же нѣтъ возможности составить и списокъ городовъ и пригородовъ. Это величины постоянно измѣняющіяся.

Кромѣ княженія и удѣла, волости назывались еще отчинами князей. Отчина въ этомъ смыслѣ не однозначаща съ современнымъ понятіемъ вотчины. Вотчина обозначаетъ теперь собственность; старшая же отчина-княженіе есть не что иное, какъ столъ отца, т.-е. столъ, который занималъ прежде отецъ извѣстнаго князя. На-

именованіе отчиной усвоется каждой волости по отношенію къ дѣтямъ княжившаго тамъ князя и совершенно независимо отъ того, удалось имъ добыть столъ отца по его смерти или нѣтъ. Какъ волость отца по отношенію ко всѣмъ его дѣтямъ называется ихъ отчиной, такъ и князья-сыновья по отношенію къ волости отца называются отчичами и опять независимо отъ того, удалось имъ занять отчій столъ или нѣтъ.

Въ этомъ смыслѣ Полоцкое княженіе называется отчиной Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Рогволода, хотя тамъ княжила не она, а ея мужъ, Владиміръ, по праву завоеванія.

Разсказавъ объ отказѣ Рогнѣды вступить въ бракъ съ Владиміромъ, о послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ, убійствѣ Рогволода, насильственномъ взятіи Рогнѣды Владиміромъ въ жены и, наконецъ, о покушеніи Рогнѣды на жизнь Владиміра, лѣтописецъ продолжаетъ:

«И созва (Владиміръ) бояры и повѣда имъ (о покушеніи Рогнѣды). Они же рекоша: уже не убіи ея дитяти (Изяслава, сына Владиміра, рожденнаго Рогнѣдой) дѣля сего, но воздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ». Лавр. 131.

Въ 1139 году Всеволодъ черниговскій ополчился противъ Андрея переяславскаго, сына Владиміра Мономаха, желая передать его княженіе брату своему, а Андрея посадить въ Курскѣ.

«И Андрей тако рѣче, едумавъ съ дружиною своею: лѣплѣе ми того смерть, а съ своею дружиною на своей вотчинѣ и на дѣдинѣ, нежели Курьское княженіе. Отецъ мой Курьскѣ не сидѣлъ, но въ Переяславли, и хочу на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, брате, всю землю Русскую держачи, а хочешь и сее волости, а убивъ мене, тобе то волость. А живъ не иду изъ своее волости! Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же. Святополкъ про волость же ци не уби Бориса и Глѣба? а самъ ци долго поживе?» Лавр.

Переяславль есть отчина и дѣдина Андрея, потому что тамъ сидѣли его отецъ и дѣдъ. Вотъ почему она ему дорога, и онъ не хочетъ перемѣны. Княжескія же права его въ Курскѣ, конечно, были совершенно тѣ же, какими онъ пользовался и въ Переяславлѣ.

Въ этомъ смыслѣ и Новгородъ Великій не составляетъ исключенія, онъ тоже княжеская отчина.

«Тое же осени придоша Новгородци, лѣпшіе мужи, Мирошькина чадь, къ великому князю Всеволоду съ поклономъ и съ мольбою всего Новагорода, рекуще: ты, господинъ, князь великій, Всеволодъ Гюргевичъ! Просимъ у тобе сына княжить Новугороду; за нѣ тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ». Лавр. Лавр. 1200.

Какъ Андрей Переяславскій желаетъ остаться на своей отчинѣ, такъ новгородцы желаютъ имѣть княземъ своего отчича. Но, называя себя отчиной Всеволода, они, конечно, очень далеки отъ мысли о томъ, что Новгородъ Великій есть его собственность.

«Того же лѣта князь Юрій Святославичъ да князь Олегъ Рязанскій пріидоша къ городу Смоленску (который занимали тогда поляки), а въ Смоленскѣ бысть въ то время мятежь и крамола: овіи хотяху Витовта, а друзіи отчича своего» (т.-е. Юрія Святославича, Сына Святослава Ивановича, занимавшаго Смоленскій столъ до 1387 года). Воскр. 1401.

Обѣ партіи домогались посадить въ Смоленскѣ угоднаго имъ князя, а не собственника.

Въ этомъ же, конечно, смыслѣ и московскіе князья называютъ своей отчиной Москву и великое княженіе Владимірское, а не въ смыслѣ своей частной собственности.

Указанная выше практика дробленія волостей должна была ослабить изначальную зависимость пригородовъ отъ городовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и самое слово пригородъ должно было выдти изъ употребленія и замѣниться словомъ городъ.

Эта перемѣна не во всѣхъ волостяхъ совершилась въ одно и то же время. По весьма понятной причинѣ старые порядки всего болѣе держатся въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Кіевской же волости еще въ началѣ XIII вѣка пригороды начинаютъ называться кіевскими городами.

«Слышавъ же вси князи, оже Владиміръ гна въ Галичь, возвратишася вспять, и приведшимъ имъ въ Кіевъ. Всеволодъ Чермный сѣде въ Кыевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадники по всѣмъ городомъ кіевскымъ». Лавр. 1206.

Но до-московская старина отличается большою живучестью. Въ Новгородѣ и Псковѣ пригороды перечисляются еще въ XVI вѣкѣ (Д. къ А. II, I стр. 383 и сл.). Даже для великаго княженія Московскаго встрѣчаемъ упоминаніе пригородовъ въ памятникахъ XVI вѣка. Въ таможенной грамотѣ 1571 года читаемъ:

«А кто поѣдетъ москвитинъ изо всѣхъ пригородовъ и изъ волостей Московскіе земли...». А. Э. I. № 282.

Отдаленный отголосокъ старины слышится еще въ XVII вѣкѣ. Въ первой половинѣ этого вѣка въ царствующемъ градѣ Москвѣ существовало два судныхъ приказа: владимірскій и московскій. Служба во владимірскомъ считалась честнѣе службы въ московскомъ (Валуевъ, 36). Это, конечно, потому, что Москва хотя и царствующій городъ, но по возникновенію своему молодшій передъ Владиміромъ; первоначально Москва могла имѣть только значеніе пригорода въ Ростовско-Владимірской волости.

Выше я обратилъ вниманіе на то, что къ городу тянетъ земля. Пригороды первоначально не только могли не быть центрами земельныхъ владѣній своихъ жителей, но могли даже и вовсе не имѣть постоянныхъ жителей. Они основывались для нужд города и первоначально могли служить только мѣстомъ убѣжища для рабочаго населенія принадлежащихъ горожанамъ главнаго города селъ и деревень. По мѣрѣ же развитія населенія приго-

родовъ, они тоже становились самостоятельными центрами тянувшей къ нимъ земли. Такъ, напримѣръ, новогородцы имѣли поземельную собственность въ уѣздѣ пригорода ихъ, Торжка, но въ Торжкѣ были и свои горожане, бояре и черные люди, которые также обладали недвижимостями въ уѣздѣ Торжка, какъ и новогородцы (Новогор. I. 1167 и Воскр. 1478).

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, всякіе города, какъ старшіе, такъ и младшіе, могли, при благопріятныхъ условіяхъ, стать центрами, къ которымъ тянули окружавшія ихъ села и деревни. Изъ выше приведеннаго случая основанія городка Шестакова видно, что города даже и строились иногда мѣстными землевладѣльцами для собственнаго ихъ «береженія». По состоянію нашихъ источниковъ нѣтъ возможности составить карту древнихъ волостей съ показаніемъ, сколько земли тянуло къ какому городу; но встарину это было всѣмъ хорошо извѣстно. Памятники XVI вѣка говорятъ еще о «вѣковыхъ рубежахъ городу съ городомъ» (А. Ю. № 32). Постоянные рубежи города съ городомъ предполагаетъ и Русская Правда, когда говоритъ:

«А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть» (Третья ред. 48).

«Въ чужю землю» значитъ здѣсь въ землю, тянувшую къ другому городу, какъ центру чужой волости: у всякаго города свои земли. Въ другомъ мѣстѣ Правды эта своя земля противополагается своему городу:

«Аже будетъ (сводъ) въ одиномъ городѣ (т.-е., только въ городѣ), то ити истьцю до конца того свода; будетъ ли сводъ по землямъ (внѣ города, но въ предѣлахъ волости), то ити ему до третьяго свода»... (44).

Волости-княженія, территоріальный составъ которыхъ мы старались выяснить, составляли самостоятельныя государства. Все, что находилось въ предѣлахъ территоріи каждаго такого государства, подлежало дѣйствію мѣст-

ной власти, она производила на своей территоріи судъ и управленіе, давала указы и пр.

Это положеніе доказывается текстами всѣхъ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотъ и договоровъ князей.

Въ духовныхъ грамотахъ волости — княженія даются наслѣдникамъ «со всѣми пошлинами», т.-е. и съ пошлинами отъ суда, а слѣдовательно, и съ правомъ суда.

Въ договорахъ читаемъ:

«А въ твой намъ удѣлъ данщиковъ своихъ не высылать, ни приставовъ давать, ни грамотъ не давать».

Подъ грамотами разумѣются, какъ льготныя, освобождающія отъ даней и подсудности княжескимъ судьямъ, такъ и опредѣляющія порядокъ суда и количества даней. Все это есть право мѣстнаго князя, а потому князья-союзники обязываются въ эти внутреннія дѣла не вмѣшиваться. Тотъ же смыслъ имѣетъ и обязательство не высылать въ предѣлы чужаго княженія сборщиковъ дани и приставовъ, т.-е. судебныхъ и всякихъ правительственныхъ органовъ.

Въ духовной серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, это положеніе выражено въ такой формѣ:

«А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ».

Въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими то же начало выражено нѣсколько иначе:

«А судомъ и данью потянуть по землѣ и во водѣ».

Та же независимость мѣстнаго суда предполагается и статьями договоровъ объ общемъ судѣ, имѣвшемъ мѣсто въ дѣлахъ порубежныхъ:

«А судьямъ нашимъ (общимъ, поровну назначеннымъ каждымъ княземъ) третіи вольный» (т.-е., если судьи «сопрутся», они могутъ избрать посредника по своему усмотрѣнію).

Въ общихъ дѣлахъ судьи назначаются со стороны

каждаго князя; въ дѣлахъ же, касающихся только территоріи отдѣльнаго князя,—онъ одинъ судья.

Всѣ договоры предполагаютъ у каждаго князя-волостеля и самостоятельную военную власть. Они говорятъ о «станѣ» князя-волостеля, о собственныхъ «его воеводахъ» и пр. Онъ собираетъ войско и предводительствуетъ имъ.

Но это еще не послѣднее слово политической обособленности каждой волости-княженія. Въ старину принимались мѣры къ тому, чтобы подданые одного княженія не дѣлались поземельными собственниками въ предѣлахъ другого.

Въ договорахъ Новгорода съ князьями читаемъ:

«А въ Бѣжичахъ тобѣ, княже, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей волости Новогородской». Рум. Соб. I. № 1. 1265.

Тоже и въ междукняжескихъ договорахъ:

«А тобѣ, брату моему, въ моемъ удѣлѣ селъ не купити, ни твоимъ бояромъ»...

Бояре и слуги, покупая недвижимости въ чужомъ удѣлѣ, тѣмъ самымъ выводили эти недвижимости изъ службы мѣстной власти, такъ какъ получаемые ими доходы съ купленныхъ недвижимостей они тратили на службѣ чужого князя. Въ этомъ непосредственная причина приведенныхъ запрещеній. Но, по первоначальному происхожденію своему, они могутъ стоять въ связи съ тѣмъ древнѣйшимъ порядкомъ вещей, когда волость состояла изъ совокупности землевладѣльцевъ, строившихъ городъ въ центрѣ своихъ владѣній, и когда землевладѣніемъ обусловливалась принадлежность лица къ волости.

Указанная политическая обособленность каждаго княженія предполагаетъ право мѣстнаго князя и его чиновниковъ ѣздить по уѣзду для отправленія суда и сбора даней. Вслѣдствіе этого княженіе называется уѣздомъ князя. Въ завѣщаніи Ивана Калиты читаемъ:

А тамгою подѣлятся сынове мои, тако же и мыты, которые въ которого уѣздѣ, то тому».

Приведенныя нами доказательства политической обособленности волостей взяты изъ княжескихъ завѣщаній и договоровъ, тексты которыхъ не старѣе XIV вѣка. Возникаетъ вопросъ, то-же ли было въ болѣе отдаленное время? Думаемъ, что да. Хотя болѣе древніе договоры и не дошли до насъ въ полномъ составѣ, но лѣтописи сохранили такія выраженія изъ взаимныхъ княжескихъ переговоровъ, которыя даютъ право сдѣлать такое заключеніе.

Въ случаѣ какого-либо враждебнаго столкновенія двухъ князей-волостелей, они нерѣдко обращаются другъ къ другу съ такимъ заявленіемъ: «миръ стоитъ до рати, а рать до мира: уладимся либо миромъ, либо войной». Если каждому князю волостелю принадлежитъ право войны и мира, то надо думать, ему принадлежало и право суда и управленія въ предѣлахъ своей волости.

На ту-же мысль наводитъ и сохранившееся въ лѣтописи извѣстіе о содержаніи послѣдней воли великаго князя Ярослава Владиміровича. Мы приводимъ его ниже (стр. 49).

Полная политическая обособленность волостей есть наша древность. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ правомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія. А отдѣльныя княженія существуютъ у насъ еще въ XVI вѣкѣ. Удѣльный князь Юрій Ивановичъ, братъ великаго князя московскаго, Василія Ивановича, пользуется такою же самостоятельностью управленія и суда въ предѣлахъ своего княженія, какъ и удѣльные князья XV, XIV и болѣе отдаленныхъ вѣковъ (Рум. Соб. I, №№ 133, 144 и 160).

Московскіе великіе князья начинаютъ вводить нѣкоторыя ограниченія власти владѣтельныхъ князей, своихъ сосѣдей; но ограниченія эти касаются внѣшнихъ сноше-

ній князей, а не внутренняго управленія ихъ княженіями. Изъ вопросовъ внутренняго управленія ограниченію подвергается только право дѣлать монету, но это ограниченіе возникаетъ лишь въ началѣ XVI вѣка и только въ примѣненіи къ удѣламъ сыновей великаго князя Ивана Васильевича.

Но князья Рюриковичи не только дѣлили волости, они и соединяли ихъ. Послѣдствія такихъ соединеній не были, однако, прочны и продолжительны, и до второй половины XIV вѣка у князей вовсе не замѣчается стремленія къ образованію большого нераздѣльнаго государства, которое выходило бы за предѣлы волостнаго устройства.

Рюрикъ съ братьями, занимавшій въ 862 году Новгородъ, Изборскъ и Бѣлоозеро, въ годъ смерти братьевъ владѣлъ, кромѣ того, Полоцкомъ, Ростовомъ и Муромомъ. Эти свои обширныя владѣнія онъ передалъ Олегу. Но Олегъ ушелъ на югъ изъ образованнаго тремя братьями государства. Послѣдствіемъ этого было образованіе новаго государства въ новыхъ границахъ и съ новымъ центромъ. Такимъ образомъ, созданіе первыхъ трехъ братьевъ замѣнилось новымъ политическимъ тѣломъ уже при первомъ ихъ преемникѣ.

На третій годъ по смерти Рюрика, Олегъ собралъ множество воиновъ изъ варягъ, чюди, славянъ, мери, веси и кривичей, все, конечно, охотниковъ до военной добычи, и предпринялъ съ ними походъ на югъ. Мѣстности къ югу отъ Новогородской и Полоцкой волостей имѣли уже города и, слѣдовательно, волостное устройство. Первый городъ, который встрѣтился этому сбродному ополченію, былъ Смоленскъ, затѣмъ слѣдовали Любечь и Кіевъ. Олегъ овладѣлъ всѣми тремя; въ первыхъ двухъ посадилъ онъ мужей своихъ, въ Кіевѣ сѣлъ самъ. Эти военные успѣхи, однако, не удовлетворили его. Изъ Кіева онъ сталъ предпринимать походы на окрестныя племена: древлянъ, сѣверянъ, радимичей, уличей и тиверцевъ. Первыя

три согласились платить Олегу дань; уличи же и тиверцы оказали сопротивленіе, а потому враждебныя столкновенія съ ними продолжались. Во главѣ такого же сбороднаго ополченія изъ людей разныхъ племенъ, въ числѣ которыхъ находимъ и новыхъ данниковъ и даже такія племена, о завоеваніи которыхъ лѣтописцу ничего не извѣстно, Олегъ предпринялъ свой первый походъ въ Грецію.

Изъ извѣстій о походахъ Олега въ Грецію можно вывести, что этотъ князь не былъ въ свое время единственнымъ княземъ въ Русской землѣ. Въ разсказѣ лѣтописца о первомъ походѣ его на грековъ упоминаются другіе князья «подъ Ольгомъ суще». Согласно съ этимъ договоръ 911 года заключенъ волею не одного только Олега, но и «похотѣньемъ нашихъ князь». Греки обязались хранить любовь не къ одному Олегу, а и «къ княземъ свѣтлымъ нашимъ русскимъ»

Какъ были велики собственныя владѣнія Олега, опредѣлить это не представляется возможнымъ. Есть, однако, основаніе думать, что и въ городахъ, весьма близкихъ къ Кіеву, сидѣли «князья подъ Ольгомъ суще», а не мужи его. Въ извѣстіи лѣтописца 907 года о договорѣ съ греками находимъ такое мѣсто:

И заповѣда Олегъ... даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще».

Эти князья «подъ Ольгомъ суще» могли сидѣть не только въ далекомъ Ростовѣ, но и въ близкихъ—Черниговѣ и Любечѣ.

Съ значительной степенью вѣроятности можно утверждать, что Новгородъ, въ приведенномъ перечисленіи не упомянутый, не только не входилъ въ составъ владѣній Олега, но и едва ли находился въ какой-либо опредѣленной степени зависимости отъ него. Участіе въ войскахъ Олега, громившихъ Грецію, славянъ, чюди и кривичей не

доказывать зависимости отъ него Новгорода. Войска эти состояли изъ свободной вольницы, которую привлекала къ походамъ жажда добычи, а не обязанность нести военную службу по приказу своего государя. Установленіе дани во 300 гривенъ, которую новогородцы должны были платить варягамъ «мира дѣля» (Ловр. 882), тоже не доказываетъ подчиненія Новгорода Олегу, послѣ его удаленія на югъ. Эту дань, по словамъ лѣтописца, новогородцы платили до смерти Ярослава, а уже при Святославѣ Игоревичѣ новогородцы шлютъ пословъ въ кіевъ и просятъ себѣ князя, изъ чего, конечно, слѣдуетъ, что они не состоятъ подъ властью кіевскаго князя. Дань варягамъ «мира дѣля», какъ бы долго новогородцы ни платили ее, вовсе не обусловлена подчиненіемъ ихъ кіевскому князю.

Свѣдѣнія, имѣющіяся о преемникѣ Олега, не позволяютъ думать, чтобы его владѣнія были очень обширны.

Въ договорѣ, заключенномъ Игоремъ съ греками, есть статья которою опредѣляется порядокъ торговли русскихъ гостей въ Константинополѣ и нѣкоторыя ихъ преимущества, какъ, напримѣръ, право получать «мѣсячное» отъ греческаго царя:

«И приходящимъ имъ (руси), да витаютъ у святого Мамы. Да пошлетъ царство наше (греческое), да испишетъ имена ваша, тогда возмутъ мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки изъ Чернигова и Переяславля».

И только, никакихъ другихъ городовъ не упоминается. Въ соотвѣтствующей статьѣ договора Олега прибавлено: «и прочіи городи». Хотя собственныя владѣнія Олега едвали простирались далѣе Кіева, Переяславля и Чернигова, но въ другихъ городахъ сидѣли князья, состоявшіе съ нимъ въ союзѣ, а потому и прибавлено: «и прочіи городи». При Игорѣ, надо думать, не удержалось никакой связи между его владѣніями другихъ князей. Договоръ, поэтому, упоминаетъ только три города, на которые про-

стиралась непосредственная власть этого князя: Кіевъ, Черниговъ и Переяславль.

Этотъ выводъ находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ Игоря къ древлянамъ и о положеніи его дружины.

Мы знаемъ уже, что Олегъ воевалъ древлянъ, побѣдилъ ихъ и обложилъ данью: той же участи подверглись сѣверяне и радимичи. Но обложить данью не значитъ присоединить къ составу своей волости. И греки давали Олегу дань. Дань есть только плата за прекращеніе враждебныхъ дѣйствій. Побѣжденныя племена-данники продолжали сохранять свою особность и управляться по старому собственными своими правителями. У древлянъ при Игорѣ былъ свой князь Малъ. Такимъ образомъ, даже эти ближайшіе сосѣди полянъ не входили въ сферу власти Игоря; они продолжали оставаться только данниками его, при томъ и не очень покорными. Узнавъ о смерти Олега, древляне не пустили къ себѣ Игоря за данью, и онъ долженъ былъ вновь побѣждать ихъ. Въ 945 году, когда сборъ дани превысилъ всякую мѣру и перешелъ въ грабежъ, древляне убили Игоря.

Лѣтопись сохранила чрезвычайно характерное обращеніе къ Игорю его дружины:

«Въ се же лѣто рѣкоша дружина Игореви: отроцы Свѣнельджи изодѣлися суть оружьемъ и порты; а мы нази! Поиди княже, съ нами въ дань да и ты добудеши и мы». Лавр. 945.

Вотъ гдѣ побужденіе къ военнымъ трудамъ и доблестямъ.

Дружина великаго князя русскаго не имѣетъ даже чѣмъ прикрыть наготу свою! И это послѣ двухъ походовъ на Грецію. Не мощь государственная, руководимая широкими политическими планами, вызвала эти походы. Они были нужны для удовлетворенія хищническихъ потребностей той вольницы, которую лѣтопись называетъ «воями» Олега и Игоря. Весьма трудно видѣть въ князѣ

правителя обширнаго государства, если ближайшіе друзья его могли существовать только грабежомъ чужаго имущества.

Скромныя задачи волостнаго управленія и суда мало соотвѣтствовали вкусамъ первыхъ князей, въ характерѣ которыхъ, дѣйствительно, есть черты, напоминающія норманскихъ викинговъ. Ихъ увлекаютъ рискованныя предпріятія за предѣлы волости, тогда какъ волость нуждается во внутреннемъ строеніи и береженіи отъ враговъ. Это различіе вкусовъ князя и мирныхъ жителей волости не ушло отъ вниманія современниковъ и занесено на страницы начальной лѣтописи. Сынъ Игоря. Святославъ, былъ одержимъ не меньшей любовью къ военнымъ подвигамъ, чѣмъ его предшественники. Онъ побѣдилъ вятичей, козаръ, ясы, косоговъ и предпринялъ походъ на дунайскихъ болгаръ. По разсказу лѣтописца. онъ взялъ 80 городовъ по Дунаю и сѣлъ княжить въ Переяславцѣ, «емля дань на грьцѣхъ». Когда князь находился на вершинѣ военной славы, стольный городъ его, Кіевъ, подвергся великой опасности. Безчисленное множество печенѣговъ обложило Кіевъ и люди изнемогали отъ голода и жажды. Вотъ въ этомъ-то крайнемъ положеніи кіевляне посылаютъ къ своему побѣдоносному князю посольство съ такими рѣчами:

«Ты, княже, чюжее земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ. Мало бо насъ не взяша печенѣзи, матерь твою и дѣти твои! Аще не поидеши. ни обранишн насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль отчины своея, ни матере, стары суща, и дѣтій своихъ?»

Этимъ и объясняется тотъ разладъ. который несомнѣнно существуетъ между жизнью волости и дѣятельностью первыхъ князей. и малая связь князей съ волостью. Олегъ уходитъ изъ Новгорода въ Кіевъ; сынъ Игоря. Святославъ. оставляетъ Кіевъ, чтобы водвориться въ Переяславцѣ на Дунаѣ.

Что же оставилъ предпріимчивый воитель, Святославъ, дѣтямъ своимъ въ Русской землѣ?

Очень немного. Уходя изъ Кіева въ Переяславль Дунайскій,

«Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ се-же время придоша людье новгородстіи, прослаще князя собѣ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече къ нимъ Святославъ: «абы пощелъ кто къ вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «просите Володимера». Лавр. 970 годъ.

У преемниковъ Святослава осталось всего двѣ волости, Кіевская и Древлянская, существовавшія еще прежде прихода варяжскихъ князей на югъ. Если надо было въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кіевской волостью, въ Деревѣхъ, посадить особаго князя, то трудно думать, чтобы власть котораго-либо изъ нихъ простиралась далѣе предѣловъ той волости, въ которую онъ былъ назначенъ.

Изъ словъ новгородцевъ ясно, что посадить въ Кіевѣ не значитъ еще посадить и въ Новгородѣ: въ Кіевѣ былъ князь, Ярополкъ, но Новгородъ ему не принадлежалъ. Такъ какъ князь есть потребность волости, то новгородцы и въ 970 г., какъ и сто лѣтъ тому назадъ, продолжаютъ искать себѣ правителя. Характеренъ отвѣтъ Святослава: «кабы кто пошелъ къ вамъ!» Очевидно, въ понятіяхъ князя не существуетъ ни какой необходимой связи между Кіевомъ и Новгородомъ. Это особыя государства, ему, впрочемъ, одинаково не нужныя. Не князья ищутъ волостей, а волости князей!

Изъ извѣстія лѣтописи, сообщаемаго подъ 980 годомъ, узнаемъ, что въ Полоцкѣ сидитъ Рогволодъ, пришедшій изъ заморья, а въ Туровѣ—Туръ.

Въ концѣ X вѣка лѣтописецъ, слѣдовательно, знаетъ пять отдѣльныхъ князей, которымъ соотвѣтствуютъ и пять отдѣльныхъ государствъ, весьма скоро вступившихъ въ войну между собой. Но кто поручится, что лѣтописецъ

исчерпалъ всѣхъ князей того времени и что не было особаго князя въ Смоленскѣ, Ростовѣ или Муромѣ?

Изъ пяти князей современниковъ счастье улыбнулось младшему сыну Святослава, Владиміру, котораго, по совѣту Добрыни, новогородцы взяли къ себѣ. Олега древлянскаго побѣдилъ Ярополкъ Кіевскій и присоединилъ его волость къ своей; Ярополка-же и Рогволода Полоцкаго побѣдилъ съ помощью неизбѣжныхъ въ началѣ нашей исторіи варяговъ, Владиміръ Новогородскій. Владиміръ сдѣлался, такимъ образомъ, княземъ сѣверныхъ и южныхъ волостей. Онъ самъ сѣлъ въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ посадилъ дядю своего со стороны матери, Добрыню. Владиміръ существенно отличается отъ своихъ предшественниковъ, ему дороги внутренніе интересы волостей, это первый князь градостроитель:

«И рече Володимеръ: се не добро, еже мало городовъ около Кіева. И нача ставити городы по Деснѣ и по Востри, и Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшіѣ: отъ словенъ, и отъ кривичь, и отъ чуди, и отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады, бѣ бо рать отъ печенѣгъ и бѣ воюя съ ними и одоляя имъ». Лавр. 988.

Владѣнія князя Владиміра обширностью своей далеко превосходили владѣнія каждаго изъ его предшественниковъ. Заботы его посвящены были внутреннему устройству городовъ и земель. Но для оцѣнки взглядовъ этого князя на территорію необходимо выяснить, какъ смотрѣлъ онъ на свои города и земли, составляли они въ его понятіи одно нераздѣльное цѣлое или это была совокупность самостоятельныхъ волостей, благодаря счастливой случайности соединившихся подъ его управленіемъ, а послѣ его смерти долженствующихъ снова разъединиться и вести самостоятельную жизнь? Лѣтопись не сохранила никакихъ извѣстій о послѣдней волѣ Владиміра; можетъ быть, онъ и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій о дальнѣйшей судьбѣ своихъ владѣній. Мы лишены, такимъ образомъ, лучшаго источника для отвѣта на по-

ставленный вопросъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь нѣсколько указаній на отношеніе къ этому вопросу, обнаруженное Владиміромъ еще при жизни.

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что бояре совѣтовали князю Владиміру дать Рогнѣдѣ и сыну ея, Изяславу, Полоцкую волость, на томъ основаніи, что она принадлежала отцу Рогнѣды. Владиміръ исполнилъ этотъ совѣтъ бояръ.

Итакъ, онъ ничего не имѣлъ противъ новаго разъединенія соединившихся въ его рукахъ волостей и отдѣлилъ Полоцкую волость сыну Изяславу съ матерью еще при жизни своей.

Подъ 988 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что и другіе сыновья Владиміра, хотя не всѣ, были посажены отцомъ по городамъ: Ярославъ въ Новгородѣ, Святополкъ въ Туровѣ, Борисъ въ Ростовѣ. Глѣбъ въ Муромѣ, Святославъ въ Деревѣхъ, Всеволодъ—Володимери, Мстиславъ—Тмутаракани.

Кромѣ Володиміра (Волынскаго) и Тмутаракани, это все уже извѣстныя намъ области, которыя и прежде имѣли своихъ князей. Съ какою-же цѣлью Владиміръ разсадилъ въ нихъ своихъ сыновей? Назначилъ онъ ихъ туда временно, въ качествѣ мѣстныхъ правителей, или съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ и послѣ его смерти, подобно тому, какъ Изяславъ былъ назначенъ въ Полоцкъ.

Утвердительный отвѣтъ въ смыслѣ послѣдняго предположенія вовсе не представляется невѣроятнымъ. Позднѣйшіе князья надѣляли-же волостями дѣтей своихъ еще при жизни своей. Могъ подготовлять такую мѣру и Владиміръ.

Что-же касается сыновей его, то-есть указанія, что они именно такъ смотрѣли на назначеніе ихъ въ города. Мстиславъ, посаженный въ Тмутаракани, сдѣлался по смерти отца самостоятельнымъ тмутараканскимъ княземъ. Ярославъ-же еще при жизни отца сталъ смотрѣть на

себя, какъ на самостоятельнаго князя Новгородской волости, и потому отказался платить отцу 2,000 гривенъ. Эта дань была, кажется, единственной нитью, связывавшей Новгородъ съ Кіевомъ; и она оборвалась еще при жизни Владиміра. Владиміръ сталъ готовиться къ войнѣ съ сыномъ, а Ярославъ, боясь отца, послалъ за море за неизбѣжными варягами, т.-е. поступилъ совершенно такъ, какъ 35 лѣтъ тому назадъ поступилъ отецъ его, готовясь къ войнѣ со старшимъ братомъ, Ярополкомъ. Смерть Владиміра положила конецъ приготовленіямъ къ войнѣ отца съ сыномъ.

Есть указаніе, что Святополкъ сталъ избивать братію, желая расширить свои владѣнія. Слѣдовательно, въ раздачѣ волостей братьямъ своимъ и онъ видѣлъ опытъ надѣленія ихъ отцомъ на случай смерти.

Приведенныя указанія заставляютъ думать, что Владиміръ едва ли имѣлъ въ виду образованіе изъ своихъ владѣній единаго государства.

Ярославъ, сынъ Владиміра, есть послѣдній крупный князь древней Руси. Въ теченіи послѣднихъ 12 лѣтъ своей жизни (съ 1036 г., когда умеръ Мстиславъ Черниговскій) онъ владѣлъ всѣми волостями, которыя принадлежали отцу его, за исключеніемъ Полоцкой. Но и у него не было мысли о постоянномъ соединеніи волостей. Начальный лѣтописецъ записалъ содержаніе его послѣдней воли, устно высказанной дѣтямъ. Вотъ она:

«Се азъ отхожу свѣта сего, сыновце мои. Имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братія единаго отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покоритъ вы противные подъ вы и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и котораюшеся, то погыбните сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, Изяславу, Кіевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ

мене мѣсто. А Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолиньскъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ, не преступати предѣла братня, ни сгонити. Рекъ Изяславу: «аще кто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помогай, его же обидять». И тако уряди сыны свои пребывати въ любви».

Оставляемъ въ сторонѣ поученіе о любви, мирѣ и послушаніи; мы возвратимся къ нему, когда будемъ говорить о взаимныхъ отношеніяхъ князей. Остановимся только на раздѣлѣ городовъ. Ярославъ дѣлитъ свои владѣнія между дѣтьми. Онъ даетъ «города», подразумѣется, конечно, «съ пригородами», т.-е. волости Раздавая волости, онъ имѣетъ въ виду полную ихъ политическую самостоятельность, а потому запрещаетъ сыновьямъ «переступать предѣлъ братній». Подъ этимъ запрещеніемъ надо одинаково понимать, какъ запрещеніе завладѣвать чужими удѣлами, такъ и всылать въ нихъ своихъ чиновниковъ для взиманія даней и проч. Все это было бы «переступленіе границъ». Старшему сыну, Изяславу, вмѣнено въ обязанность помогать тому изъ братьевъ, неприкосновенность владѣній котораго будетъ нарушена.

Въ завѣщаніи Ярослава ни слова не сказано о сѣверныхъ волостяхъ: Новгородѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и Муромѣ О Полоцкѣ и не могло быть сказано, такъ какъ волость эта не входила въ кругъ владѣній его; но почему не упомянулъ онъ объ остальныхъ? Потому ли, что само собой разумѣлось, что эти волости входятъ въ кругъ владѣній кіевскаго князя, или по какой другой причинѣ? Изъ предшествующаго мы знаемъ уже, что посадить князя въ Кіевѣ не значитъ посадить и въ Новгородѣ. Причина должна быть иная, о ней можно только догадываться. Сѣверныя волости были такъ удалены отъ южныхъ, что связь ихъ съ Кіевомъ, даже подъ управленіемъ одного князя, была весьма слабая. Это хорошо зналъ Ярославъ, считавшій себя самостоятельнымъ новгород-

скимъ княземъ еще при жизни отца, великаго князя Владиміра. Эта обособленность сѣвера и была, надо думать, причиной молчанія Ярослава. У него на югѣ, подъ руками, было много волостей, чтобы устроить всѣхъ сыновей; сѣверныя волости, могъ онъ думать, не останутся безъ князя, онѣ найдутъ его сами.

Кому же достались сѣверныя волости? Наиболѣе дѣятельному и энергическому. Такимъ изъ сыновей Ярослава оказался второй, Святославъ Черниговскій, изгнавшій и старшаго брата своего Изяслава изъ Кіева. О распространеніи власти его на сѣверныя волости заключаемъ изъ того, что въ 1070 г. дань на Бѣлоозерѣ собираетъ мужъ Святослава, Янъ Вышатичъ; а въ 1071 г. сидитъ въ Новгородѣ сынъ его, Глѣбъ. Это было еще въ княженіе Изяслава въ Кіевѣ. Послѣ смерти Святослава (1076), Глѣбъ былъ убитъ въ Заволочьи; его мѣсто въ Новгородѣ занялъ Святополкъ Изяславичъ, при Святославѣ же и Муромъ присоединенъ былъ къ Чернигову. Въ 1096 г. тамъ сидитъ сынъ Святослава, Олегъ. Въ переговорахъ съ Изяславомъ Владиміровичемъ онъ называетъ Муромъ волостью отца своего. Лавр. 98 и 107.

Такимъ образомъ, первые наши князья, Владиміръ и Ярославъ, которыхъ можно назвать князьями правителями, а не предводителями вольной дружины, не были основателями единаго Россійскаго государства. Представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что такая мысль была чужда князю Владиміру. Что же касается сына его, Ярослава, то завѣщаніе его не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ не смотрѣлъ на современную ему Россію, какъ на единое политическое тѣло.

Волостной порядокъ государственнаго устройства продолжается у насъ до возникновенія Московскаго государства.

Первая ясная мысль объ образованіи изъ нѣсколькихъ волостей недѣлимаго цѣлаго появляется только у московскихъ князей. Но и у нихъ не очень рано. Первый про-

блескъ этой мысли замѣчается лишь въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича Донскаго, а оно составлено въ концѣ XIV вѣка (Дмитрій Ивановичъ умеръ 19 мая 1389 г.). Дѣло, начатое Донскимъ, нашло искусныхъ продолжателей въ его преемникахъ, которые и завершили образованіе Московскаго государства.

Наши лѣтописи впервые упоминаютъ о городѣ Москвѣ въ половинѣ XII-го вѣка. Въ 1147 году ростовскій князь Юрій Долгорукій, пригласилъ «въ Московъ» на съѣздъ союзника своего новгородъ-сѣверскаго князя Святослава Ольговича. Святославъ съ сыномъ и небольшой дружиной пріѣхалъ въ Москву на Похвалу Богородицы, въ пятницу. На слѣдующій день Юрій устроилъ въ честь своихъ гостей «обѣдъ силенъ» и одарилъ ихъ многими дарами.

Въ это время Москва была незначительнымъ городомъ Ростовской волости, въ которыя князья наѣзжаютъ изрѣдка и случайно.

Въ извѣстіяхъ лѣтописи о борьбѣ пригорода Владиміра съ городомъ Ростовомъ и Суздалемъ упоминается и Москва, но она еще не играетъ сколько-нибудь замѣтной роли. Находясь у южной границы княжества, Москва есть мѣсто временной остановки пріѣзжающихъ въ Ростовскую волость князей и походный пунктъ при нападеніи ростовскихъ князей на своихъ южныхъ сосѣдей. Когда Михалко, избранный въ князья владимірцами и переяславцами, отправился изъ Москвы къ Владиміру, «Москвляне» собрались было сопровождать его, но узнавъ, что Ярополкъ съ войскомъ идетъ къ ихъ городу, «возвратишася вспять, блюдучи домовъ своихъ».

При назначеніи Всеволодомъ Большое Гнѣздо удѣловъ сыновьямъ, Москва вошла въ составъ Владимірскаго княженія, оставленнаго Юрію.

Образованіе особаго Московскаго удѣла относится ко времени сыновей Ярослава Всеволодовича. Первымъ московскимъ княземъ лѣтопись называетъ Михаила Ярославича, того самаго, который прогналъ дядю своего Свято-

слава изъ Владиміра и такимъ образомъ пошелъ противъ воли своего отца [1]. Но Михаилъ († 1248) всего двумя годами пережилъ своего отца и дѣтей не оставилъ, а потому отдѣльное бытіе Московскаго княженія едва ли могло продолжаться на этотъ разъ долѣе года. Послѣ смерти Михаила, мы не встрѣчаемъ указаній на особыхъ московскихъ князей до 1282 г., когда выступилъ Даніилъ Александровичъ, сынъ Невскаго, съ москвичами и въ союзѣ съ тверскимъ княземъ противъ старшаго брата своего, Дмитрія. Этотъ Даніилъ и есть основатель дома московскихъ князей. Съ какого именно года сдѣлался онъ княземъ особаго Московскаго удѣла остается неизвѣстнымъ; но окончательное выдѣленіе Москвы изъ Владимірскаго княженія не могло произойти ранѣе смерти Александра Невскаго (1263). Оно, по всему вѣроятію, произошло уже послѣ смерти Ярослава Ярославича, когда великое княженіе Владимірское сдѣлалось предметомъ спора двухъ старшихъ братьевъ Даніила, Дмитрія и Андрея. Въ этой борьбѣ Даніилъ выступилъ противникомъ Дмитрія и, весьма вѣроятно, по миру съ нимъ 1282 г. и выговорилъ себѣ особый удѣлъ, Москву. Подъ 1296 г. лѣтописецъ называетъ его уже московскимъ княземъ.

При Даніилѣ Александровичѣ Московскій удѣлъ значительно расширился. Даніилъ Александровичъ пріобрѣлъ, по завѣщанію племянника своего, Ивана Дмитріевича, Переяславль. Онъ же, можно думать, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Коломну (1301) послѣ побѣды, одер-

[1] Время сыновей Ярослава Всеволодовича есть время дальнѣйшаго дробленія древней Ростовской волости. При нихъ выдѣляется Суздальское княженіе, Тверское, Костромское, могло, конечно, выдѣлиться и Московское. Подъ 1280 г. Воскр. л. говоритъ о смерти Давыда, внука Ярослава, отъ сына его Константина, и называетъ его княземъ галицкимъ и дмитровскимъ. Это еще новое обособленіе, имѣвшее мѣсто также при сыновьяхъ Ярослава, изъ которыхъ, повидимому, каждый старается урвать отъ великаго княженія что только было можно.

жанной надъ рязанскимъ княземъ, Константиномъ, котораго онъ взялъ въ плѣнъ и держалъ въ Москвѣ до своей смерти.

Даніилъ умеръ (1303), не заявляя притязаній на великое княженіе Владимірское. Ему нерѣдко приходилось садиться на коня для защиты своей Москвы и Переяславля. Онъ велъ войны и съ своими старшими братьями, Дмитріемъ и Андреемъ, послѣдовательно занимавшими владимірскій столъ. Даніилъ нѣсколько разъ вступалъ въ союзъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ Переяславскимъ противъ великаго князя Андрея, который неоднократно пытался возвратить Переяславль къ великому княженію. Эти дружественныя услуги племяшшку и были, конечно, причиной, почему тотъ отказалъ ему свой удѣлъ.

По смерти Даніила, осталось пять сыновей; старшій изъ нихъ, Юрій, сидѣлъ въ Переяславлѣ. Сдѣлалъ ли какое-либо распоряженіе Даніилъ, на случай своей смерти, или нѣтъ, этого мы не знаемъ. Но вотъ каковы факты.

Переяславцы полюбили Юрія и не желали имѣть другого князя. Они не пустили его даже на погребеніе отца, опасаясь, какъ бы кто, въ его отсутствіе, не захватилъ города. Но мы знаемъ уже, что князья предпочитаютъ новые города старымъ. Предпочелъ и Юрій Переяславлю Москву, куда и перебрался въ томъ же году. Есть основаніе думать, что Юрій захватилъ всю волость своего отца, не подѣлившись съ братьями. Это былъ князь предпріимчивый и не склонный къ уступкамъ. Въ самый годъ водворенія своего въ Москвѣ, онъ напалъ съ братьями на сосѣднюю Смоленскую волость и взялъ Можайскъ. Въ слѣдующемъ году онъ вступилъ въ борьбу съ Михаиломъ Тверскимъ изъ-за великаго княженія и отправился въ орду Въ его отсутствіе, братъ его, Иванъ, занялъ переяславскій столъ. Трудно думать, что это было сдѣлано съ согласія Юрія. Если бы Иванъ былъ за-одно со старшимъ братомъ, ему слѣдовало или ѣхать съ нимъ въ Орду или защищать его интересы въ Москвѣ. Онъ не дѣлаетъ ни

того, ни другого, а завладѣваетъ Переяславлемъ. Если Юрій примирился съ этимъ фактомъ и терпѣлъ его во все свое княженіе, это объясняется тѣмъ, что онъ былъ занятъ борьбой изъ-за великаго княженія сперва съ Михаиломъ Тверскимъ, а потомъ съ сыномъ его, Дмитріемъ. Начать войну съ братомъ значило—усилить своихъ противниковъ. Во все тревожное княженіе Юрія лѣтопись ни разу не упоминаетъ имени Ивана Переяславскаго на сторонѣ Юрія. Это полное отчужденіе отъ старшаго брата было бы непонятно, если бы Иванъ былъ обязанъ ему своимъ Переяславскимъ княженіемъ [1]).

Остальные братья Юрія также едва ли были надѣлены имъ. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ, отъѣхали изъ Москвы въ Тверь въ 1306 г.: въ томъ же году Юрій приказалъ убить плѣненнаго отцомъ его рязанскаго князя, Константина. Бѣгство родныхъ братьевъ и послѣдовавшее за тѣмъ убійство Константина наводятъ на мысль, что противъ Юрія что-то замышлялось и что въ этихъ замыслахъ принимали участіе родные его братья и рязан-

[1]) Соловьевъ (II, 288) дѣлаетъ догадку, что Калита управлялъ Москвою при Юріи, когда послѣдній находился въ Ордѣ или въ Новгородѣ: «иначе онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ, ибо Юрій убитъ въ 1325, а Петръ умеръ въ 1326». Къ такой догадкѣ нѣтъ основанія: чтобы сблизиться съ митрополитомъ, конечно, не было необходимости управлять Москвой. Костомаровъ же утверждаетъ (Русск. Исторія I, 182), что Москва оставлена была въ полное управленіе Ивана, когда Юрій получилъ великое княженіе, но источниковъ не приводитъ. Это тоже только догадка. Изъ братьевъ Юрія всѣхъ ближе къ нему былъ Аѳанасій (Воскр. 1312, 1315, умеръ въ 1322); онъ, конечно, и замѣщалъ Юрія, гдѣ было нужно. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ лѣтописецъ дѣятельность Ивана по отъѣздѣ Юрія въ Орду: «А ки Иванъ Даниловичъ, послѣ брата своего Юрія, сѣдяше на Москвѣ; тожъ съ Москвы иде въ Переяславль и сѣде въ немъ на великомъ княженіи». Это свидѣтельство не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Иванъ Калита захватилъ подъ братомъ Переяславль. Переяславцы, отъ которыхъ ушелъ Юрій, конечно, рады были имѣть у себя особаго Москвы князя.

на-

скій плѣнникъ. Участіе братьевъ во враждебныхъ Юрію замыслахъ легко объясняется тѣмъ, что они не были надѣлены имъ изъ отцовскаго наслѣдія. Они были въ положеніи служилыхъ князей своего брата—не болѣе. Неизмѣнно при Юріи оставался только одинъ изъ братьевъ, Аѳанасій. Но нѣтъ повода думать, что между нимъ и Юріемъ было раздѣлено Московское княженіе. Юрій Даниловичъ одинъ былъ княземъ московскимъ, коломенскимъ и можайскимъ.

Въ 1319 году Юрію удалось добыть подъ Михаиломъ Тверскимъ и великое княженіе Владимірское, но онъ недолго княжилъ во Владимірѣ. Года черезъ четыре, Дмитрій, сынъ Михаила, убитаго въ Ордѣ по проискамъ Юрія, добылъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе, а въ 1325 г. Юрій палъ въ Ордѣ отъ руки тверского князя, который мстилъ ему за смерть отца.

Послѣ Юрія дѣтей не осталось; изъ братьевъ-же пережилъ его одинъ Иванъ Калита, который и поспѣшилъ перейти въ Москву, гдѣ въ 1326 г. онъ закладываетъ уже съ митрополитомъ Петромъ первую каменную церковь Успенія Богородицы.

Еще древніе наши грамотеи отмѣтили Ивана Калиту прозваніемъ собирателя Русской земли. Такъ называетъ его составитель Слова о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича. Позднѣйшіе историки пошли далѣе: они возвеличили имя Калиты и государственныя его заслуги поставили внѣ сравненія съ заслугами его предшественниковъ. Онъ является у нихъ творцомъ новыхъ формъ государственнаго быта, дотолѣ невѣдомыхъ. По Карамзину, онъ указалъ наслѣдникамъ путь къ единовластію и величію, а имя собирателя земли Русской «москвитяне дали ему единогласно». Соловьевъ, искусно соединивъ мысль Карамзина съ похвалой Слова о житіи, говоритъ, что Калита «далъ своимъ наслѣдникамъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ защитомъ перваго собирателя Русской земли». У Д. II.

Половайскаго Иванъ Калита оказывается уже одареннымъ всѣми тѣми качествами, которыми обыкновенно бываютъ одарены основатели могущественныхъ государствъ.

Что Иванъ Калита сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія къ Московскому удѣлу, это весьма возможно. Но то же дѣлали и оба его предшественника, а потому нѣтъ повода называть его первымъ собирателемъ. Еще менѣе поводовъ считать его основателемъ единовластія и государственнаго могущества Москвы Мы знаемъ уже, что выгоды единовластія сознавались чуть не за сто лѣтъ до Ивана ростовскими боярами и что оно настойчиво проводилось ими въ жизнь. Единымъ княземъ Московской волости былъ и ближайшій предшественникъ Ивана, родной его братъ, Юрій. Вновь открывать путь къ порядку извѣстному, а въ Москвѣ дѣйствовавшему до Ивана, не было надобности Ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія Калитѣ не пришлось быть поваторомъ

Гораздо болѣе есть основаній думать, что всякая мысль о государственномъ могуществѣ Москвы была совершенно чужда этому князю. Если его можно считать поваторомъ, то въ смыслѣ самомъ невыгодномъ для Московскаго княженія. Онъ первый примѣнилъ къ наслѣдованію этого вновь созданнаго княженія порядокъ частнаго наслѣдованія, раздѣливъ свой удѣлъ между всѣми своими наслѣдниками, въ числѣ которыхъ были и женщины. Въ этомъ дѣленіи—торжество чисто частной точки зрѣнія на княжество. Калита—самый рѣшительный проводникъ взгляда на княженіе, какъ на частную собственность князя со всѣми его противогосударственными послѣдствіями, а не основатель государственнаго могущества Москвы.

Этому отсутствію государственной точки зрѣнія соотвѣтствуютъ и отношенія его къ Ордѣ: онъ раболѣпный слуга хановъ, по ихъ приказанію воюющій противъ русскихъ городовъ: Твери, Пскова, Смоленска. Въ защиту Калиты говорятъ, что онъ жилъ въ такое время, когда и нельзя было оказывать сопротивленіе татарамъ съ на-

деждой на успѣхъ. Можетъ быть; но князь, до такой степени приспособившійся къ владычеству иноплеменниковъ, не могъ служить для своихъ потомковъ образцомъ въ предстоявшей имъ борьбѣ за независимость. Раздѣленіе же Московскаго княженія на части, конечно, нельзя разсматривать, какъ обстоятельство, способствовавшее сверженію татарскаго ига.

Самыя земельныя пріобрѣтенія, приписываемыя Ивану Калитѣ, подлежатъ сомнѣнію. Несомнѣнны только сдѣланныя имъ покупки селъ въ Новгородѣ, Владимірѣ, Ростовѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, о чемъ онъ упоминаетъ въ своемъ второмъ завѣщаніи. Покупка же Калитою Галича, Бѣлоозера и Углеча-Поля нуждается еще въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ и разъясненіяхъ. Ни въ одномъ изъ завѣщаній Калиты объ этихъ купляхъ не говорится, между тѣмъ тамъ упоминаются купленные люди (рабы), купленные бортники и даже «придобытое золото» не забыто. Въ духовныхъ грамотахъ сыновей Калиты также не упоминаются ни Галичъ, ни Бѣлоозеро, ни Угличе-Поле. Первое упоминаніе о нихъ встрѣчаемъ въ завѣщаніи Дмитрія Донского, написанномъ 49 лѣтъ послѣ смерти Ивана Калиты. Но и тамъ имя Калиты не упомянуто. Пріобрѣтенія эти Дмитрій Ивановичъ называетъ «куплями дѣда своего». Весьма естественно было увидать въ этомъ дѣдѣ родного дѣда Дмитрія, Ивану Калиту. Такъ и слѣлалъ Карамзинъ. Но и онъ чувствовалъ, что тутъ не все ладно. Если Калита купилъ Галичъ и пр., то почему же ни онъ, ни дѣти его не распоряжаются новыми пріобрѣтеніями? Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Карамзинъ сдѣлалъ предположеніе, что новыя волости куплены не къ Москвѣ, а ко Владиміру и, какъ входящія въ составъ великаго княженія, не подлежали завѣщательнымъ распоряженіямъ московскихъ князей. На это еще Соловьевъ замѣтилъ, что трудно допустить, чтобы Калита на свои деньги увеличивалъ великое княженіе, а не свои наслѣдственныя области. Соловьеву это дѣло представляется въ

такомъ видѣ: «Калита купилъ эти города, но оставилъ за продавцами еще нѣкоторыя права владѣтельныхъ князей, подчиненныхъ, однако, московскому князю; а при Дмитріѣ Донскомъ они были лишены и этихъ правъ» (III, пр. 417). Вещь возможная, что Калита оставилъ свои купли за князьями продавцами, обязавъ ихъ службой себѣ и дѣтямъ, подобно тому, какъ онъ далъ свою куплю, село Богородское въ Ростовѣ, Борисѣ Воркову на условіи службы. Но все-таки то, что онъ купилъ, пріобрѣтено имъ и въ завѣщаніи, въ которомъ не забытъ даже прикупленный кусокъ золота, надо было упомянуть о Галичѣ съ Бѣлоозеромъ и Угличемъ: упомянуто-же тамъ село Богородское, хотя оно и не находилось во владѣніи сыновей, а было отдано Борису Воркову. Итакъ, молчаніе завѣщаній Калиты и его дѣтей остается не объясненнымъ, а возбуждаемыя имъ сомнѣнія неустраненными [1]).

[1]) Объ духовныя Калиты безъ года. Нѣтъ основанія думать, что имъ написана третья, до насъ недошедшая, въ которой были бы упомянуты Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ: тогда эти волости были бы упомянуты и въ духовныхъ его сыновей Относительно Галича мы имѣемъ въ источникахъ свѣдѣнія, которыя представляютъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ переходъ этого города къ Дмитрію Ивановичу. Въ XIII и первой половинѣ XIV в. Галичъ и Дмитровъ составляютъ наслѣдственную территорію въ родѣ кн. Константина, сына Ярослава Всеволодовича. Подъ 1280 г. лѣт. Воскр и Ник. говорятъ о смерти галицкаго и дмитровскаго кн. Давыда Константиновича. Подъ 1362 г. Ник. лѣт. говоритъ, что Дмитрій Ивановичъ Московскій согналъ съ Галицкаго княженія Дмитрія Галицкаго. Это внукъ Давыда. Итакъ, Дмитрій Ивановичъ силою пріобрѣлъ Галичъ. Но онъ не оставилъ его за собой, а далъ въ удѣлъ двоюродному брату, Владиміру Андреевичу. Документъ, изъ котораго это слѣдуетъ, очень испорченъ, тамъ многихъ словъ недостаетъ, но принадлежность Галича и Дмитрова Владиміру Андреевичу, при жизни Дмитрія Донскаго, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Мы разумѣемъ договорную грамоту этихъ князей, напечатанную въ Р. С. I подъ № 29 и отнесенную издателями къ 1371 г. Въ началѣ Владиміръ Андреевичъ обязывается за себя и дѣтей своихъ не искать подъ вел. княземъ его вотчины и вел. княженія; а далѣе читаемъ: «такоже и тобѣ, князю великому (подо мною не искати, что ты мнѣ), господине, далъ въ удѣлъ Га-

Несомнѣнно только слѣдующее: Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ въ составъ московской территоріи вошли при Дмитріѣ Донскомъ. То же собственно говоритъ Карамзинъ и даже Соловьевъ, допускающій въ этихъ волостяхъ особыхъ владѣтельныхъ князей до времени внука Ивана Калиты.

Переходимъ къ завѣщанію Калиты.

Онъ назначаетъ [illegible]вами наслѣдниками трехъ сыновей и жену совокупно съ младшими дѣтьми (дочерями).

личъ, Дмитровъ съ волостями и съ селы (и со всѣми пошлинами) и твоимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми и до живота». Что напечатано въ скобкахъ, это наше чтеніе вмѣсто точекъ оригинала. Какъ затѣмъ Галичъ снова перешелъ къ Дмитрію Ивановичу, этого по памятникамъ невидно; но во всякомъ случаѣ не въ качествѣ купли Ивана Калиты Калита могъ купить Галичъ у потомковъ Константина, но у нихъ Дмитрій Ивановичъ силою отнялъ этотъ удѣлъ и передалъ его Владиміру Андреевичу: во второй же разъ онъ долженъ былъ пріобрѣсти его отъ этого послѣдняго князя, за которымъ самъ призналъ наслѣдственныя права на этотъ удѣлъ. Здѣсь также, можетъ быть, не обошлось безъ нѣкотораго насилія и, пожалуй, клятвопреступленія. Несоотвѣтствіе языка оффиціальныхъ актовъ съ дѣйствительными способами пріобрѣтенія можетъ объясняться желаніемъ замаскировать такія дѣйствія, которыя князья и сами не могли считать вполнѣ правыми. Неточность языка оффиціальныхъ актовъ встрѣчается и въ другихъ документахъ Дмитрія Ивановича. Въ послѣднемъ своемъ договорѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ онъ говоритъ, что отецъ благословилъ его двумя жеребьями въ городѣ Москвѣ. А въ дѣйствительности отецъ отказалъ свои два жеребья двумъ сыновьямъ пополамъ, и второй жеребій достался Дмитрію отъ брата, а не отъ отца. Въ томъ же году, когда былъ прогнанъ галицкій князь, Дмитрій Ивановичъ «взялъ [illegible] свою и надъ ростовскимъ княземъ Константиномъ» (Ник.). Къ этому времени, можетъ быть, и надо относить пріобрѣтеніе Бѣлоозера и Углича, входившихъ въ составъ Ростовской волости. Во второй половинѣ XIV в. почти совсѣмъ перестала существовать самостоятельная Ростовская волость. Изъ духовной Владиміра Андреевича узнаемъ, что ему принадлежитъ Ярославль, городъ Ростовской волости; но онъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ онъ ему достался. Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ, можетъ быть, подѣлили между собой наслѣдіе потомковъ Константина Всеволодовича, низведя ихъ въ положеніе служилыхъ князей.

Иванъ Даниловичъ распоряжается въ своемъ завѣщаніи не только частной своей собственностью, но и правами владѣтельнаго князя. Въ качествѣ частнаго собственника, онъ отказываетъ свои движимости (рабовъ, скотъ, драгоцѣнности и пр.) и недвижимости (села); въ качествѣ владѣтельнаго князя—города и волости, въ которыхъ ему принадлежитъ право суда и управленія. Границы частной земельной собственности князя и удѣла его не совпадаютъ: съ одной стороны, не всѣ московскія села въ собственности князя, а съ другой, онъ владѣлъ селами не только въ Московскомъ княжествѣ, но и въ великомъ княжествѣ Володимірскомъ, Новѣгородѣ, Ростовѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Мы не знаемъ размѣровъ городскихъ и волостныхъ округовъ, названія которыхъ встрѣчаются въ духовной Калиты, а потому и не можемъ съ точностью выяснить взаимное по величинѣ отношеніе отдѣльныхъ участковъ, на которые онъ раздѣлилъ свое княженіе. Но по нѣкоторымъ грубымъ признакамъ можно думать, что эти участки были далеко неодинаковы. Старшій сынъ получилъ всего болѣе, а затѣмъ, въ нисходящемъ порядкѣ, каждый изъ слѣдующихъ меньше предъидущаго. Но удѣлъ жены съ дочерями былъ больше удѣла младшаго сына Андрея. Дѣлаемъ это заключеніе на томъ основаніи, что Семенъ получилъ два города, Можайскъ и Коломну, со всѣми волостями, да еще поименно 16 волостей; Иванъ — 13 волостей, на первомъ мѣстѣ Звенигородъ, затѣмъ Кремичну, Рузу и т. д. (въ томъ числѣ 3 слободы); Андрей—11 волостей, на первомъ мѣстѣ Лопастну, на четвертомъ Серпуховъ; жена же съ дочерьми—14 волостей и въ томъ числѣ двѣ слободки [1]).

[1]) Иное начало примѣнено Калитой къ распредѣленію частной собственности. Въ распоряженіи его было 42 села въ Московскомъ удѣлѣ, да 12 купель въ другихъ княженіяхъ. Изъ этого числа Семену дано 11 селъ, Ивану—14, Андрею—12, женѣ съ дочерьми—16; одно село пожаловано Воркову. Здѣсь совсѣмъ незамѣтно предпочтенія въ пользу старшаго. Даже наоборотъ, младшіе получили большее число

Всѣ ли волости, которыми распоряжается Иванъ, уже принадлежали къ Москвѣ при братѣ его или нѣкоторыя изъ нихъ вновь пріобрѣтены имъ самимъ, это, по недостатку источниковъ, остается неяснымъ.

Давая старшему сыну больше, Иванъ слѣдуетъ и до него существовавшей (хотя и не безъ крупныхъ отступленій) практикѣ, въ силу которой князья, дѣлившіе свой удѣлъ между нѣсколькими сыновьями, старшему давали лучшій городъ. Но Иванъ не вполнѣ усвоилъ себѣ эту практику, онъ существенно видоизмѣнилъ ее и не къ добру. Свой лучшій городъ, Москву, онъ не далъ старшему, а предоставилъ его въ общее владѣніе всѣмъ тремъ сыновьямъ, выдѣливъ еще въ пользу жены право собирать «осьмничее» въ городѣ Москвѣ. Въ городѣ Москвѣ съ уѣздомъ былъ установленъ такимъ образомъ правительственный тріумвиратъ, за исключеніемъ осьмничнаго, сборъ котораго предоставленъ женѣ; четыре же удѣла, на которые распалось Московское княженіе, предоставлены отдѣльному управленію и суду трехъ сыновей и жены.

Въ небольшой территоріи Московскаго удѣла, со смертью Калиты, возникло, слѣдовательно, четыре отдѣльныхъ княженія, изъ которыхъ одно состояло подъ властью женщины, въ городѣ же Москвѣ съ уѣздомъ — общее владѣніе трехъ сыновей-наслѣдниковъ.

селъ. Но для предпочтенія младшихъ нѣтъ никакого основанія. Надо думать, что недвижимая собственность раздѣлена была поровну; большее же число селъ, назначенныхъ младшимъ, можетъ объясняться ихъ неравенствомъ. Стремленіе надѣлить сыновей поровну особенно ясно видно въ распредѣленіи драгоцѣнностей. Каждый изъ сыновей получилъ по 4 золотыхъ цѣпи, по 3 золотыхъ пояса, по 2 золотыхъ чаши (чара), по 2 чума золотыхъ (Семенъ и Андрей, а Иванъ—2 овкача золотыхъ) и наконецъ по 3 серебр. блюда; старшій сынъ Семенъ сверхъ братьевъ получилъ только одно блюдце золотое съ жемчугомъ и каменьемъ. Это наводитъ на мысль, что въ древней Россіи различали наслѣдованія княжескихъ правъ отъ наслѣдованія въ частной собственности князя. Частная собственность дѣлилась, обыкновенно, поровну между наслѣдниками; въ наслѣдованіи же княжескихъ правъ старшій сынъ имѣлъ преимущество.

Какъ представлялъ себѣ послѣдствія своего завѣщанія Иванъ Калита? Временная была эта мѣра или постоянная? Конечно, постоянная. Онъ передалъ своимъ наслѣдникамъ тѣ права, которыя самъ имѣлъ. Онъ раздѣлилъ эти права между дѣтьми, подразумѣвая, что дѣти его сдѣлаютъ то же и такъ далѣе въ безконечности. Такъ, дѣйствительно, и понимали свои права его дѣти. Въ годъ смерти отца (1341). младшіе сыновья его заключили договоръ со старшимъ, по которому послѣдній обязался, къ случаѣ смерти одного изъ младшихъ, не обидѣть его вдовы и дѣтей и не отнимать ничего изъ того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ по раздѣлу. Итакъ, послѣ смерти одного изъ сыновей, часть его переходитъ не только къ его дѣтямъ, но и ко вдовѣ. Безконечное дробленіе первоначальныхъ удѣловъ и безконечное число общихъ собственниковъ въ Москвѣ—таковы послѣдствія завѣщанія Калиты для созданнаго трудами его отца и брата Московскаго удѣла.

Калита есть основатель противогосударственнаго порядка, а не могущества и славы Москвы. Единое Московское государство образовалось наперекоръ видамъ Калиты. Преемникамъ его надо было начинать работу съизнова и въ духѣ совершенно противоположномъ тому, въ какомъ дѣйствовалъ онъ. Надо было разрушить созданный имъ порядокъ [1]).

Рабская угодливость передъ Ордой доставила Калитѣ (1328 г.) обладаніе великимъ княжествомъ, которое онъ и занималъ до своей смерти. Въ завѣщаніи онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о судьбѣ великаго княженія по смерти своей. Это совершенно согласно съ его раболѣпнымъ отношеніемъ къ Ордѣ: великимъ княженіемъ распоряжаются ордынскіе цари: Иванъ Даниловичъ, ихъ покор-

[1]) Д. И. Иловайскій, самый послѣдовательный сторонникъ Калиты, дѣленіе Москвы на три части называетъ умнымъ распоряженіемъ (II, 36).

ный слуга, это знаетъ и въ права владыкъ своихъ не вмѣшивается [1]).

Думаемъ, что это послужило только ко благу Московскаго государства: если бы Калита могъ распоряжаться великимъ княженіемъ, онъ и его раздѣлилъ бы. Не говорится въ завѣщаніи и о Переяславлѣ. Это значитъ, что Переяславль, гдѣ послѣдовательно сидѣли три князя московскихъ, при Иванѣ пересталъ принадлежать къ Москвѣ, а перешелъ въ составъ великаго княженія, гдѣ позднѣе мы его, дѣйствительно, и находимъ. Какъ это случилось, не знаемъ: но это крупное увеличеніе великаго княженія Владимірскаго насчетъ Москвы произошло при Иванѣ, который, значитъ, не только пріобрѣталъ, но и очень много терялъ. Въ чьихъ было это интересахъ? У Ивана не было соперника, который могъ-бы отвоевать у него Переяславль ко Владиміру. Думаемъ, этого хотѣли татары. Ставили же они, въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, великаго князя владимірскаго надъ другими князьями. Можно допустить, что они и потребовали возсоединить Переяславль съ Владиміромъ: Иванъ Даниловичъ подчинился [2]).

---

[1]) Завѣщаніе Ивана Калиты написано съ согласія и утвержденія Орды. На это указываетъ татарская печать, къ нему привѣшенная.

[2]) Иначе у Соловьева: «Старшему-же (т.-е. сыну Ивана, Семену), читаемъ на 305 стр III т., должно было получить и великокняжескую область Владимірскую съ Переяславлемъ». Совершенно то-же, но еще опредѣленнѣе говоритъ и Д. И. Иловайскій: «Къ старшему должна была перейти вся область Переяславля-Залѣсскаго и всѣ дальнія пріобрѣтенія Поволожья; ему же предоставлялось добыть себѣ отъ хана ярлыкъ на вел. кн. Владимірское» (Истор. II, 31). Подъ дальними пріобрѣтеніями Поволожья, вѣроятно, разумѣется и Кострома (25). Соловьевъ не приводитъ источниковъ: Д. И. Иловайскій ссылается вообще на лѣтописи и на духовныя грамоты Калиты. Мы не нашли въ этихъ памятникахъ подтвержденія его мнѣнію. То, что мы утверждаемъ въ текстѣ, было давно извѣстно, но позабыто. Карамзинъ совершенно правильно говоритъ, что Иванъ, располагая только своею отчиною, не могъ отказать сыновьямъ Владиміра, Переяславли и

Лишенный качествъ государя и политика, Иванъ обладалъ свойствами добраго семьянина. Онъ любилъ свою жену и дѣтей и думалъ не о величіи Московскаго государства, а о безбѣдномъ устройствѣ этихъ дорогихъ его сердцу людей. Онъ надѣлилъ ихъ всѣхъ, никого не обидѣлъ, и принялъ мѣры, чтобы оградить ихъ и въ будущемъ отъ возможныхъ случайностей. Дѣйствительно, татары могли заявить притязаніе на ту или другую волость, данную сыну или женѣ, и отобрать ее къ великому княженію или другому сосѣднему княжеству. Если бы такой случай произошелъ, Иванъ приказываетъ наслѣдникамъ вознаградить того, чей удѣлъ будетъ уменьшенъ. На старшаго сына, который всѣхъ богаче, а потому и сильнѣй, онъ возложилъ обязанность печаловаться о младшихъ, т.-е., заботиться о нихъ и покровительствовать имъ. Иванъ Калита—добрый и зажиточный семьянинъ, которому очень хорошо жилось подъ властію ордынскихъ царей. Ничего лучшаго онъ и для дѣтей своихъ не желалъ.

Освобожденіе московской территоріи отъ тѣхъ путъ, которыми она была связана завѣщаніемъ Калиты, есть процессъ медленный и тяжелый. Невыгодный съ государственной точки зрѣнія порядокъ, установленный этимъ княземъ, былъ выгоденъ для его младшихъ сыновей, которые всѣ, наравнѣ со старшимъ, возведены въ достоинство владѣтельныхъ князей, а въ городѣ Москвѣ сдѣланы соправителями. Онъ нашелъ въ нихъ самыхъ горячихъ защитниковъ, поддерживавшихъ его изъ своихъ личныхъ интересовъ. Кромѣ того, для нихъ, какъ и для старшаго сына, порядокъ, установленный отцомъ, долженъ былъ имѣть значеніе священнаго завѣта. При весьма натуральной духовной зависимости дѣтей отъ родителей, начала, которыми руководствуются отцы, переходятъ къ дѣтямъ и вызываютъ подражаніе въ потомствѣ. Чтобы освобо-

Кострому, ибо назначеніе преемника ему въ вел. княженіи зависѣло отъ хана (IV, 151).

диться отъ нихъ, нужна изъ ряда вонъ выходящая свобода мысли и способность отрѣшаться отъ семейныхъ преданій, обыкновенно, дорогихъ человѣку и незамѣтно для него самого опредѣляющихъ его волю.

Сыновья Ивана не были одарены этими качествами, они не принадлежали къ людямъ борьбы. Существующій порядокъ они считали нормальнымъ. Ихъ первомъ дѣломъ было утвердить особымъ договоромъ произведенный Калитою раздѣлъ. Они признали наслѣдственность участковъ и поклялись у гроба отца не нарушать правъ другъ друга. Распредѣленіе городовъ и волостей осталось прежнее. Младшіе предоставили только Семену «на старѣйшинство» преимущество въ нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ.

Семенъ Ивановичъ отказалъ весь свой удѣлъ, полученный отъ отца, съ присоединеніемъ селъ, купленныхъ имъ въ Переяславлѣ, Юрьевѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Дмитровѣ, женѣ своей, Маріи, урожденной княжнѣ тверской. У князя былъ сынъ, но онъ не его сдѣлалъ наслѣдникомъ, а жену. Онъ передалъ ей свои владѣнія безъ всякой оговорки. Онъ не говоритъ, что даетъ свой удѣлъ на время малолѣтства сына или по ея животъ. Онъ переноситъ на нее безусловно всѣ тѣ права, которыя имѣлъ самъ, предполагая, думаемъ, что она, современемъ, передастъ эти права также по духовной грамотѣ его сыну. А умретъ сынъ раньше матери? Завѣщаніе не предусматриваетъ этого случая. Надо думать, что княгиня сохраняла за собой въ этомъ случаѣ право пожизненнаго владѣнія. Такимъ образомъ, Семенъ передалъ самый большой удѣлъ Московскаго княжества Маріи Александровнѣ тверской, княжнѣ дома изстари враждебнаго дому московскому. Далѣе этого едвали можетъ идти пренебреженіе интересами династіи Даниловичей и разложеніе московской территоріи. Завѣщаніе Семена Гордаго есть крайній пунктъ, котораго достигаетъ послѣдовательное развитіе началъ, высказанныхъ Калитою. Въ Московскомъ княженіи исчезла всякая государственная идея. Князь не есть пред-

ставитель государственнаго цѣлаго. Онъ частный собственникъ и заботится только о благѣ семьи своей. Надъ русскими князьями стояли ордынскіе цари, но въ нихъ нельзя же видѣть воплощеніе русской государственной идеи. Они эксплуатировали Русскую землю въ собственномъ своемъ интересѣ и — только. Русскіе князья были орудіями ихъ власти. Вел. князь владимірской только исполнитель ханской воли.

Въ качествѣ ханскаго подручника и Семенъ Ивановичъ сидѣлъ на вел. княженіи. Но и онъ, какъ и отецъ его, не считалъ себя въ правѣ сдѣлать о немъ какое-либо распоряженіе. Его заботитъ жена, онъ отказываетъ ей все, что имѣетъ; выше этого не поднимаются его взгляды.

Завѣщаніе Семена Ивановича, если и было приведено въ исполненіе, то очень ненадолго. Второй сынъ Калиты, Иванъ, захватилъ удѣлъ старшаго брата еще при жизни его жены, что, конечно, было не согласно съ клятвеннымъ обѣщаніемъ 1341 г. [1]).

Московскому княженію предстояло или исчезнуть съ лица земли въ постоянномъ дробленіи или снова соединиться, но съ нарушеніемъ существующихъ уже правъ его

[1]) У Соловьева (III, 327) читаемъ: «Симеонъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Семенову, в. кн. Ивану». Того же взгляда держится и Д. И. Иловайскій (Истор. II, 40): «Иванъ получилъ волость старшаго брата по кончинѣ его супруги», говоритъ онъ. Источники же говорятъ прямо противное. Въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ: «А се даю сыну своему князю Дмитрію: Можайскъ со всѣми волостьми.., Коломну со всѣми волостьми... (т.-е. удѣлъ брата Семена, отказанный имъ женѣ, Маріи). А что изъ тыхъ волостей за княгинею за Марьею, тѣ волости до ее живота и села: а по ее животѣ тѣ волости и села сыну моему князю Дмитрію»... Вдова Семена, княгиня Марья, слѣдовательно, была жива еще: въ моментъ написанія духовной за ней состоятъ нѣкоторыя волости изъ удѣла мужа, весь же удѣлъ принадлежитъ Ивану, который, конечно, отнялъ его у вдовы брата, вопреки своему клятвенному обѣщанію. Карамзинъ тоже не считаетъ вдову Семена умершей во время написанія Иваномъ духовной.

мелкихъ владѣльцевъ. Иванъ Ивановичъ открываетъ путь этихъ нарушеній.

Но соединеніе двухъ большихъ частей подъ его властью не повело къ существенному измѣненію порядка, установленнаго Калитою. Его второй сынъ, Иванъ, недалеко ушелъ отъ воззрѣній отца. Этотъ князь имѣлъ двухъ сыновей, Дмитрія и Ивана, и возстановилъ для нихъ сдѣланное Калитою дѣленіе. Старшему сыну, Дмитрію, онъ отказалъ удѣлъ брата, Семена, отнятый имъ у его жены, а свой собственный — второму, Ивану. Удѣлъ третьяго брата, Андрея, перешелъ къ его сыну, Владиміру. Иванъ въ своемъ завѣщаніи подтверждаетъ за племянникомъ отцовское наслѣдіе. Это все порядки, установленные Калитой.

Иванъ Ивановичъ былъ также великимъ княземъ владимірскимъ; но, какъ и отецъ его и братъ, въ своемъ завѣщаніи великимъ княженіемъ не распоряжается. Причины—тѣ же.

Въ годъ смерти Ивана, положеніе Московскаго княженія было весьма стѣсненное. Москву окружали сильные сосѣди, владѣнія которыхъ далеко превосходили удѣлы московскихъ князей. Суздальское княженіе (въ составѣ Суздаля, Нижняго и Городца) находилось въ рукахъ Андрея Константиновича, который могъ направлять всѣ свои силы для пріобрѣтенія своему дому великаго княженія. Въ Твери московскимъ князьямъ приходилось имѣть дѣло съ энергическимъ Михаиломъ Александровичемъ, который соединилъ уже въ своихъ рукахъ Микулинъ, Дорогобужъ, Тверь и Кашинъ и выступилъ соперникомъ Дмитрія Ивановича на великое княженіе. Въ своихъ войнахъ съ Москвой тверской князь не разъ пользовался содѣйствіемъ Ольгерда Литовскаго. Наибольшая часть Рязанскаго княженія была объединена подъ властью Олега Ивановича. Рядомъ съ этимъ большимъ и сильнымъ княженіемъ въ Рязани существовалъ только одинъ удѣлъ, Пронскій, который занималъ племянникъ Олега, Влади-

міръ Дмитріевичъ. Что̀ могла противопоставить такимъ сильнымъ сосѣдямъ разъединенная Москва, гдѣ собственно и князей-то не было, такъ какъ старшему сыну Ивана, Дмитрію, было всего 9 лѣтъ, а двоюродному брату его, Владиміру Андреевичу, и того меньше (6 лѣтъ)? Но въ этомъ обстоятельствѣ и заключалось чрезвычайно благопріятное условіе для успѣшнаго развитія московской территоріи. Въ малолѣтство князей управленіе находилось въ рукахъ бояръ. Среди этихъ бояръ большинство должно было состоять изъ бояръ великаго княженія Владимірскаго. Они находились въ близкихъ отношеніяхъ къ московскимъ князьямъ, которые, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, непрерывно, хотя и въ качествѣ ханскихъ посажениковъ, занимали великокняжескій столъ. Эти бояре, конечно, не оставались безъ вліянія на ходъ дѣлъ, особенно когда рѣчь заходила о великомъ княжествѣ Владимірскомъ. Лѣтопись сохранила извѣстіе о томъ, что и заурядные жители города Владиміра не были равнодушны къ тому, кто занималъ владимірскій столъ. Когда, въ 1317 году, Михаилъ Тверской добылъ въ Ордѣ подъ Дмитріемъ Московскимъ ярлыкъ на великое княженіе и подступилъ къ Владиміру, чтобы «сѣсти тамо на великое княженіе», владимірцы не пустили его. Тѣмъ менѣе можно думать, что судьбы великаго княженія рѣшались безъ участія бояръ этого княженія.

Эти-то бояре и были наставниками Дмитрія Ивановича. Съ направленіемъ боярской политики съ давнихъ временъ мы уже знакомы. Она не могла измѣниться, ибо условія остались тѣ же. Боярамъ нужны богатыя кормленія. Чѣмъ меньше князей, тѣмъ этихъ кормленій больше. Бояре — естественные сторонники объединительной политики. Эту политику внушили они и Дмитрію Ивановичу, котораго еще младенцевъ возвели на великокняжескій столъ. Подъ 1362 годомъ лѣтописецъ повѣствуетъ о томъ, что великій князь Дмитрій Ивановичъ согналъ съ Галицкаго к[illegible] нія князя Дмитрія и взялъ свою волю надъ кня[illegible]

влежу

кромѣ

ростовскими и суздальскими. Кто это сдѣлалъ? Дмитрію Ивановичу было тогда всего 12 лѣтъ. Это сдѣлали его бояре. Очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-владимірской волости, и вотъ они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости, то прогоняя наслѣдственныхъ князей, то приводя ихъ въ зависимость великаго князя, а при его малолѣтствѣ — въ свою собственную.

При такихъ-то условіяхъ, Дмитрій Ивановичъ является основателемъ новаго порядка вещей. Онъ установляетъ въ великомъ княженіи единонаслѣдіе. Этого начала Дмитрій Ивановичъ не могъ заимствовать изъ практики княжеской. Всеволодъ Большое-гнѣздо раздѣлилъ Владимірское княженіе. Иванъ Калита и его сыновья дѣлятъ все, что только попадаетъ въ ихъ руки. Начало недѣлимости живетъ изстари среди бояръ и отъ нихъ перешло оно къ великому князю Дмитрію.

Новаторомъ Дмитрій Ивановичъ является, однако, только въ области великаго княженія. Въ старыхъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ и въ тѣхъ пріобрѣтеніяхъ къ нимъ, которыя онъ дѣлаетъ изъ сосѣднихъ наслѣственныхъ территорій, онъ слѣдуетъ практикѣ отца и дѣда. Такимъ образомъ, онъ въ одно и то же время продолжаетъ старое и кладетъ твердое основаніе новому.

Все великое княженіе Дмитрій Ивановичъ отказываетъ безъ раздѣла одному старшему сыну, Василію. Изъ Московскаго удѣла онъ дастъ ему Коломну и половину своей доли въ городѣ Москвѣ.

Другія свои владѣнія онъ распредѣляетъ между остальными сыновьями. Княгиня его также получаетъ надѣлъ.

Давая удѣлы младшимъ сыновьямъ своимъ, Дмитрій Ивановичъ, конечно, надѣлялъ ихъ съ имѣющимъ возникнуть отъ нихъ потомствомъ. Такой порядокъ, какъ мы видѣли, установился уже при его дѣдѣ и продолжался
женіе.
ядѣ и отцѣ. Онъ составляетъ семейное преданіе. По
Пронск
ій Ивановичъ умеръ въ молодыхъ еще лѣтахъ;

авторъ Слова насчитываетъ ему всего 38 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Старшему сыну его было въ это время только 18 лѣтъ, и онъ не былъ еще женатъ; Андрею—8, Петру всего—5. Неудивительно, что отецъ допускалъ возможность бездѣтной ихъ смерти и сдѣлалъ на этотъ случай особое распоряженіе. «А по грѣхамъ, читаемъ въ его завѣщаніи,— котораго сына моего Богъ отъиметъ, и княгиня моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ».. Это мѣсто надо читать, конечно, такъ: а котораго сына моего Богъ отыметъ, а не будетъ у него дѣтей, и княгиня моя подѣлитъ и т. д. Иначе оказалось бы, что внуки князя лишаются своихъ отчинъ.

На случай же бездѣтной смерти старшаго сына, Василія, Дмитрій Ивановичъ дѣлаетъ распоряженіе о великомъ княженіи Владимірскомъ съ Коломной, но совершенно въ иномъ смыслѣ. Этотъ удѣлъ не дѣлится, онъ цѣликомъ переходитъ къ слѣдующему брату, удѣлъ котораго дѣлится между остальными. Изъ этого распоряженія можно заключить, что Дмитрію Ивановичу была присуща мысль о недѣлимости великаго княженія. Это первый князь московскаго дома, одаренный государственнымъ умомъ, но дѣйствующій еще подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ противогосударственныхъ началъ, которыми были проникнуты его отецъ, дядя и дѣдъ. Великое княженіе не дѣлится въ томъ случаѣ, если великій князь умретъ, не оставивъ сыновей; оно переходитъ цѣликомъ къ слѣдующему брату. Но что дѣлать, если великій князь оставитъ сыновей? Самъ Дмитрій Ивановичъ надѣлилъ всѣхъ своихъ сыновей. Въ этомъ случаѣ онъ строго слѣдовалъ примѣру отца, дяди и дѣда. Какъ же слѣдовало поступить его старшему сыну въ томъ же случаѣ? Конечно, по примѣру предковъ. А если бы у него не было другихъ владѣній, кромѣ великаго княженія? Мысль Дмитрія Ивановича такъ далеко не идетъ. Сдѣланный имъ починъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ бы повести къ дѣлежу и великаго княженія. Вновь созданному порядку, кромѣ

мудрой предусмотрительности преемниковъ Дмитрія Ивановича и ихъ бояръ, помогъ и счастливый случай. Случай играетъ въ исторіи великую роль.

Василій Дмитріевичъ, по завѣщанію отца, великій князь владимірскій, обнаружилъ съ перваго года княженія большую энергію и не только укрѣпилъ за собой наслѣдованныя отъ отца владѣнія, но и значительно расширилъ ихъ.

Въ договорѣ съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, заключенномъ никакъ не позднѣе 1390 года, онъ высказываетъ уже намѣреніе добыть себѣ Торусу и Муромъ. Послѣдній городъ съ волостями онъ, дѣйствительно, и добылъ. Въ томъ же году овладѣлъ онъ всѣмъ Суздальскимъ княженіемъ подъ дѣтьми сперва соперника, а потомъ союзника отца своего, Дмитрія Константиновича, въ составѣ Суздаля, Нижняго Городца и Вятки.

Какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло это крупное пріобрѣтеніе? Источники, по обыкновенію, очень скупы. Они выражаются до крайности кратко: «Князь великій, Василій Дмитріевичъ, взя Новгородъ Нижній, князей и съ княгинями сведе», говоритъ Воскр. лѣт., какъ будто дѣло идетъ о самомъ обыкновенномъ происшествіи. А происшествіе это далеко не обыкновенное. Князья, которыхъ Василій Дмитріевичъ такъ просто свелъ съ Нижняго, родные братья матери его; а самому Василію въ это время не было еще полныхъ 20-ти лѣтъ. Не болѣе какъ два года тому назадъ, Дмитрій Донской, умирая, приказалъ сыновьямъ своимъ во всемъ слушаться матери. Неужели это она возбудила сына противъ своихъ родныхъ братьевъ? Это такъ-же трудно думать, какъ и допустить, что юный Василій Дмитріевичъ самъ возсталъ противъ столь близкихъ ему родственниковъ, отецъ которыхъ долгое время былъ вѣрнымъ союзникомъ его отца. Кто же возбудилъ его къ нарушенію старинныхъ правъ его родныхъ дядей, которые признавались и его отцомъ безспорными? Были, значитъ, около него совѣт-

ники, которые интересы великаго княженія ставили выше частныхъ семейныхъ привязанностей. Это, конечно, бояре. Въ объединительной политикѣ они идутъ далѣе князей: юный Василій Дмитріевичъ дѣлаетъ то, чего не рѣшился сдѣлать отецъ его, побѣдитель татаръ. Дмитрій Ивановичъ терпѣлъ въ Нижнемъ сыновей своего союзника до самой смерти своей; сынъ его не могъ стерпѣть ихъ сосѣдства и одного года.

Василія Дмитріевича пережилъ только одинъ сынъ: чувствамъ отца не приходилось въ немъ бороться съ обязанностями государя. Это совершенно случайное обстоятельство очень много способствовало къ упроченію вновь возникавшей государственной территоріи. Это уже второй разъ, что случай является на помощь возникающему государству и поправляетъ ошибки его князей. Положеніе самого Дмитрія Ивановича и его потомства было бы, конечно, хуже, если бы не умеръ своевременно второй братъ его, Иванъ. Потомкамъ Донскаго пришлось бы сокрушить еще одну линіюю династію. Все свое княженіе Василій Дмитріевичъ отказалъ сыну, Василію, надѣливъ жену по животъ, согласно съ выработавшеюся уже практикой московскаго дома.

Вредныя для спокойнаго развитія территоріи новаго государства послѣдствія установленнаго Калитой порядка съ особенною силою обнаружились при преемникѣ Василія. Галицкій князь, Юрій Дмитріевичъ, желая воспользоваться малолѣтствомъ племянника, вел. князя Василія Васильевича (ему было всего 10 лѣтъ), вступилъ съ нимъ въ борьбу изъ за обладанія великимъ княженіемъ [1]). По

[1]) Намѣреніе Юрія Дмитріевича завладѣть великимъ княженіемъ обнаружилось еще при жизни его старшаго брата, въ завѣщаніи котораго онъ не принялъ участія въ качествѣ попечителя. По его смерти, оно немедленно перешло въ дѣло; но, надо думать, Юрій не нашелъ себя тогда достаточно сильнымъ, чтобы достигнуть цѣли вооруженною рукою, а потому въ 1428 г. онъ заключилъ съ племянникомъ миръ, по которому призналъ за нимъ всѣ отказанныя ему отцомъ

смерти Юрія († 1434), притязанія эти перешли къ его сыновьямъ, на сторонѣ которыхъ оказался и старшій сынъ второго дяди велик. князя, Андрея († 1432), Иванъ Можайскій, которому очень хотѣлось сдѣлаться княземъ всего Суздальскаго княженія.

Великое княженіе испытало тяжелыя потрясенія, но вышло изъ борьбы окрѣпшимъ и снова значительно увеличившимся.

владѣнія. Партія великаго князя (ему самому не было тогда еще полныхъ 14 лѣтъ) настолько считала себя сильной, что не нашла нужнымъ сдѣлать Юрію какія-либо территоріальныя уступки. Но въ 1431 году Юрій разорвалъ этотъ миръ. Въ томъ же году племянникъ и дядя вознамѣрились отправиться въ Орду для рѣшенія спора о великомъ княженіи. «Царь же (ордынскій ханъ), говоритъ лѣтописецъ, повелѣлъ своимъ княземъ судити князей русскихъ». И дѣйствительно, передъ этими судьями въ присутствіи хана происходило судогонореніе по всей формѣ. Истецъ и отвѣтчикъ доказывали свои права съ документами въ рукахъ (лѣтописями, грамотами), ссылаясь на прецеденты и княжескія завѣщанія. Юрій Дмитріевичъ оказался великимъ крючкотворцемъ, онъ ухватился за букву духовной своего отца и подкрѣплялъ ее ссылками на случаи болѣе древнихъ переходовъ вел. княженія отъ брата къ брату. Мы уже знаемъ, что духовная только по буквѣ, а не по духу и практикѣ московской была въ его пользу (стр. 71). Несмотря на это, Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, представитель правъ великаго князя, усомнился, кажется, въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ бросилъ всякую аргументацію и обратился просто къ милости хана: «Государь вольный царь, сказалъ онъ, освободи молвить слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь, вел. кн. Василій, ищетъ стола своего, вел. княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью, по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а твое жалованье предъ тобою. А господинъ нашъ кн. Юрій Дмитріевичъ хочетъ взять вел. княженіе по мертвой (!) грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, вольнаго царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого восхощешь жаловати, по твоей волѣ»... Судъ перешолъ, такимъ образомъ, въ выпрашиваніе великаго княженія. Царь рѣшилъ споръ въ пользу вел. кн. Василія и приказалъ даже Юрію вести подъ нимъ коня. Мы, конечно, не въ состояніи теперь сказать, почему выигралъ дѣло в. князь: потому ли, что онъ, дѣйствительно, былъ правъ, что признавалъ и самъ Юрій три года тому назадъ, или потому, что царя плѣнилъ льстивый языкъ Всеволожскаго. Наши государственные люди XV в., кажется, признавали уже правило: цѣль оправдываетъ средства.

Первый ударъ обрушился на голову Василія Ярославича Серпуховскаго, внука Владиміра Андреевича и единственнаго обладателя его обширнаго удѣла. Присоединеніе Серпуховскаго княженія къ Москвѣ—дѣло столь же несправедливое, какъ и присоединеніе Суздальскаго княженія. Но Московское государство и не могло образоваться безъ нарушенія существующихъ правъ.

Еще въ 1428 г. Василій Васильевичъ признавалъ права внуковъ Владиміра Андреевича на ихъ отчину. Въ договорѣ, заключенномъ въ этомъ году съ дядей, Юріемъ, онъ обязываетъ его блюсти отчину внучатъ князя Владиміра, не обидѣть, не вступаться. Но изъ договора его съ самимъ Василіемъ Ярославичемъ узнаемъ, что вел. князь не «додалъ» ему его дѣдины: Углича, Городца на Волгѣ, Козельска, Гоголя, Алексина, Пересвѣтова и Лисина. Что значитъ—не додалъ? Волости эти были отказаны Владиміромъ Андреевичемъ не отцу Василія, а дядьямъ его. Надо думать, что, по смерти этихъ князей, Василій Васильевичъ и захватилъ ихъ. Это и значитъ—не додалъ, т.-е. взялъ себѣ чужую отчину. Послѣдній дядя Василія умеръ 1427 году; около этого времени (или годомъ позднѣе, послѣ договора съ Юріемъ) и произошла, значитъ, недодача. Василію Ярославичу было тогда около 17 лѣтъ, а самому Василію Васильевичу не болѣе 14-ти. И тутъ опять за именемъ малолѣтняго велик. князя скрывается боярская рука, созидающая камень за камнемъ Московское государство.

Василій Ярославичъ, несмотря на умаленіе своей вотчины, оставался вѣрнымъ союзникомъ великаго князя. Въ 1446 году, когда тотъ былъ измѣнически схваченъ Дмитріемъ Шемякой, лишенъ свободы и ослѣпленъ, Василій Ярославичъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ сдѣлался центромъ, около котораго и собрались сторонники великаго князя. Эта услуга смягчила Василія Васильевича; онъ созналъ, что находится въ долгу у серпуховскаго князя, и вмѣсто недоданныхъ волостей далъ ему Дмитровъ и Вышгородъ.

Но вѣрность князя не спасла Серпуховскій удѣлъ. Политика пріобрѣтеній шла своимъ чередомъ. Несмотря на нѣсколько новыхъ договоровъ, которыми подтверждались права Василія Ярославича, онъ былъ схваченъ въ 1456 году, закованъ въ желѣза и сосланъ въ заключеніе въ Угличъ. Сынъ его бѣжалъ въ Литву. Такимъ образомъ сходитъ со сцены линія третьяго сына Калиты. Правнукъ этого чадолюбиваго князя скончался (1483 г.) въ неволѣ и тяжкихъ оковахъ. За двадцати-лѣтнее властвованіе, въ качествѣ удѣльнаго князя и третчика въ Москвѣ, онъ заплатилъ двадцати-трехъ-лѣтнимъ тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ. Такъ поплатился совершенно невинный потомокъ за политическую близорукость предка. Вся вина Василія Ярославича заключалась въ его наслѣдственныхъ правахъ, въ томъ, что онъ былъ сынъ своего отца.

Любовь къ дѣтямъ составляетъ семейную добродѣтель потомковъ Калиты; она постоянно вынуждаетъ ихъ нарушать требованія разумной политики. Всѣ они, если только въ минуту смерти у нихъ оказывалось нѣсколько сыновей, даютъ удѣлы и младшимъ. При жизни они сами испытываютъ неудобства этого порядка, борятся съ нимъ, всѣми правдами и неправдами отбираютъ удѣлы дядей, братьевъ и племянниковъ; а въ минуту смерти создаютъ совершенно такія же затрудненія для своихъ преемниковъ.

Надѣлилъ всѣхъ своихъ сыновей и Василій Васильевичъ, такъ много терпѣвшій отъ дяди и двоюродныхъ братьевъ. На его завѣщаніи лежитъ еще замѣтный слѣдъ установленнаго Калитою порядка. Старшему сыну, Ивану, даетъ онъ все великое княженіе и значительную часть пріобрѣтеній дѣда, отца и своихъ собственныхъ; въ Москвѣ же съ уѣздомъ назначаетъ ему только свою наслѣдственную треть. Трети Калиты еще живы!

Въ противоположность отцу, дѣду и прадѣду, Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ совершеннолѣтнимъ,

въ возрастѣ 22-хъ лѣтъ. Съ ранней юности онъ былъ свидѣтелемъ борьбы отца своего съ двоюродными братьями. Шестилѣтнимъ мальчикомъ онъ сопровождалъ великаго князя (1446 г.) въ Сергіевъ монастырь и былъ очевидцемъ измѣнническої (на крестномъ цѣлованіи) его поимки и лишенія свободы. Только по крайней небрежности враговъ великаго князя, юный Иванъ Васпльевичъ не раздѣлилъ участи отца. Послѣдовавшее за тѣмъ истребленіе удѣльныхъ князей должно было представляться ему дѣломъ разумної политики. Къ вѣковой практикѣ великокняжескихъ бояръ и собственныхъ предковъ, которая должна была стать въ старшей линіи Дмитрія Донского семейнымъ преданіемъ, онъ присоединилъ и свої личный опытъ. Въ его лицѣ великое княженіе получило искуснаго продолжателя дѣла, начатаго Донскимъ. Въ своихъ пріобрѣтеніяхъ онъ далеко вышелъ за старыя границы древней Ростовскої волости. Дѣло его, конечно, было гораздо легче, чѣмъ дѣло первыхъ начинателей: онъ имѣлъ за собою столѣтній опытъ и столѣтнія преданія; но онъ внесъ въ него новые пріемы. Безъ насилія не образовалось ни одно великое государство; не обошолся безъ него и великій князь Иванъ. Но онъ не любилъ насилія. Онъ обращался къ нему лишь въ послѣдній часъ, когда всѣ мирныя средства были уже истощены. Иванъ Васильевичъ любилъ, чтобы сосѣдніе владѣльцы добровольно уступали ему свои владѣнія. И онъ умѣлъ доводить ихъ до этого. Если сосѣди упоретвовали, онъ ставилъ ихъ въ такое положеніе, что они волей-неволей оказывались виноватыми передъ нимъ. Только тогда брался онъ за оружіе и наказывалъ виновныхъ отнятіемъ ихъ владѣній. Иванъ Васильевичъ былъ всегда правъ, виноваты были его сосѣди.

Первый опытъ своего искусства онъ показалъ на верейскомъ князѣ, владѣльцѣ послѣдняго удѣла, оставшагося отъ дѣлежа произведеннаго Дмитріемъ Донскимъ. Великій князь такъ хорошо обставилъ свои отношенія къ Михаилу Верейскому, что тотъ сталъ добровольно и безъ

всякаго вознагражденія уступать ему одинъ за другимъ города и волости въ своей отчинѣ. По первой уступкѣ онъ передалъ въ руки великаго князя: Звенигородъ, Плѣсь, Сохну и нѣкоторыя другія волости. Это было нѣчто необычайное. Верейскій князь имѣлъ сына; переходъ удѣла отъ отца къ сыну не только разумѣлся съ давнихъ временъ самъ собой и всегда происходилъ, но въ данномъ случаѣ онъ былъ признанъ и самимъ Иваномъ Васильевичемъ. Нѣсколько позднѣе, Михаилъ Андреевичъ уступилъ великому князю, на случай смерти своей, Бѣлоозеро со всѣми волостями. Положеніе сына и законнаго наслѣдника верейскаго князя, Василія, становилось критическимъ. Наслѣдственныя права его, неоднократно подтвержденныя великимъ княземъ, таяли какъ воскъ. Онъ небезосновательно можетъ опасаться, что изъ отчины и дѣдины ему ровно ничего не останется. Очень естественно, что онъ недоволенъ. Чтобы сохранить за нимъ хоть что-нибудь, отецъ при жизни даетъ ему Верею,—знакъ, что онъ ничего не имѣлъ противъ сына. Можно ли удивляться, что новый верейскій князь, кругомъ обобранный, но съ соблюденіемъ не только всякихъ приличій, но и всякихъ правъ (добровольно отказываться отъ своихъ владѣній всякій, конечно, можетъ).—оказался виноватъ передъ великимъ княземъ? Мы не знаемъ, какую вину совершилъ онъ, но думаемъ, что въ его положеніи и нельзя было не провиниться. За эту вину великій князь отобралъ у него Верейскій удѣлъ и великодушно возвратилъ отцу его. Отецъ, тронутый этою милостью, отказалъ все, что у него еще оставалось, великому князю и обязался не только не принимать къ себѣ своего сына, но и не входить съ нимъ ни въ какія сношенія.

Верейское княженіе поступило въ составъ великаго, а сынъ и законный наслѣдникъ верейскаго князя прогнанъ отцомъ изъ родительскаго дома и не только лишенъ владѣтельныхъ правъ, но не получилъ въ своей отчинѣ и единаго двора, съ котораго могъ бы кормиться.

Въ 1472 г. скончался второй сынъ Василія Темнаго, Юрій, обладатель наибольшаго удѣла послѣ великаго княженія. Юрій не оставилъ дѣтей. Мы уже знаемъ, что духовная Дмитрія Донского предписываетъ въ этихъ случаяхъ дѣлежъ удѣла между пережившими братьями; завѣщаніе же Василія Васильевича этого вопроса не касается. Юрій могъ, поэтому, считать себя въ правѣ, если не распорядиться своимъ удѣломъ по усмотрѣнію, то назначить части всѣмъ братьямъ. Онъ не сдѣлалъ этого, но завѣщаніе написалъ и притомъ весьма знаменательное. Онъ распоряжается въ немъ только частной своей собственностью: селами и движимостями, о городахъ же и волостяхъ не говоритъ ни слова. Села свои Юрій распредѣляетъ между всѣми братьями. Можно думать, что тоже хотѣлъ онъ сдѣлать и съ волостями, но не сдѣлалъ. Почему? Это было, конечно, неугодно великому князю. Но Юрій могъ назначить великаго князя единственнымъ своимъ наслѣдникомъ: такое распоряженіе не встрѣтило бы сопротивленія со стороны Ивана Васильевича; но Юрій и этого не сдѣлалъ. Почему? Это было, конечно, неугодно самому Юрію. При такихъ-то обстоятельствахъ, надо думать, было написано это завѣщаніе владѣтельнаго князя, въ которомъ ни слова не говорится о его владѣніяхъ. Чего не хотѣлъ сдѣлать Юрій, то сдѣлалъ самъ великій князь: онъ присоединилъ весь его удѣлъ къ своимъ владѣніямъ.

Младшій братъ Ивана Васильевича, Андрей, оказался сговорчивѣе Юрія. Онъ добровольно отказалъ ему свой удѣлъ, за исключеніемъ одной только волости подъ Москвой, Раменейцѣ, назначенной Андрею Старшему. Столь же сговорчивъ былъ и племянникъ великаго князя, Иванъ Борисовичъ, завѣщавшій ему всю свою вотчину, хотя у него былъ живъ ближайшій родственникъ, родной братъ и притомъ старшій, Ѳедоръ.

Такимъ же мирнымъ способомъ Иванъ Васильевичъ распространилъ свои владѣнія до самаго сердца Рязан-

скаго княжества. Ѳедоръ Васильевичъ Рязанскій отказалъ ему свою отчину на Рязани, въ городѣ и на посадѣ, и старую Рязань, и Перевитескъ съ волостями. А у Ѳедора Васильевича былъ живъ родной племянникъ, великій князь рязанскій, Иванъ. Эту уступку Ѳедоръ Васильевичъ сдѣлалъ не смотря на то, что въ договорѣ съ покойнымъ братомъ, отцомъ рязанскаго князя, Ивана, обязался, въ случаѣ бездѣтной смерти своей, никому не отказывать удѣла помимо этого старшаго брата. О сынѣ въ договорѣ не упомянуто, но что сынъ входитъ въ права отца—это разумѣлось само собой, такъ какъ договоръ имѣлъ въ виду сохраненіе отчины рязанскихъ князей въ ихъ домѣ.

Воевать приходилось только съ тѣми, кто сопротивлялся. Великій Новгородъ назвалъ Ивана Васильевича своимъ государемъ, а потомъ отказался. Вѣсть объ этой измѣнѣ до крайности разстроила великаго князя: онъ не могъ удержать слезъ и заплакалъ. И немудрено: дѣло, которое устраивалось такъ мирно и по собственной иниціативѣ новгородцевъ, ускользнуло изъ рукъ, по винѣ литовской партіи, и теперь надо было прибѣгать къ силѣ. «Я не хотѣлъ у нихъ государства, — говорилъ Иванъ Васильевичъ митрополиту Геронтію, — они сами мнѣ его предложили, а теперь запираются и возлагаютъ на меня ложь». За это преступленіе Новгородская волость была разграблена, лишена вольностей и присоединена къ великому княженію.

При этомъ произошло одно обстоятельство, на которое должно обратить особенное вниманіе. Иванъ Васильевичъ вступилъ съ побѣжденными въ переговоры и потребовалъ, чтобы они дали ему волости и села (въ собственность). Новгородцы ударили ему челомъ десятью волостями. Великій князь не взялъ, десяти волостей ему было мало. Онъ потребовалъ себѣ половину всѣхъ волостей, чьи бы онѣ ни были. Новгородцы дали. Если надо было требовать уступки волостей, то, значитъ, побѣда не дѣлала еще великаго князя собственникомъ покоренной

земли, и это — его собственная точка зрѣнія. Быть государемъ не значитъ еще быть собственникомъ всей государственной территоріи. Таковъ взглядъ московскаго государя второй половины XV вѣка. Но съ возрастаніемъ Московскаго государства, самовластіе дѣлаетъ чрезвычайно быстрые успѣхи. Въ 1478 году великій князь не рѣшается самъ взять у новгородцевъ столько селъ, сколько ему нужно; а въ 1484 году онъ уже не находитъ никакого затрудненія произвольно отбирать у новгородскихъ бояръ и боярынь села и казну ихъ, а ихъ самихъ переселять изъ Новгорода въ Москву.

Въ 1486 году дошла очередь и до Твери. Съ послѣдними расширеніями великаго княженія, а особенно съ пріобрѣтеніемъ Новгорода, самобытное существованіе Твери, съ трехъ сторонъ опоясанной владѣніями московскаго князя, сдѣлалось невозможнымъ. Князья московскій и тверской поддерживали, однако, дружественныя отношенія, установившіяся еще при ихъ отцахъ и скрѣпленныя бракомъ Ивана Московскаго съ дочерью тверского князя, Бориса. Новый тверской князь, Михаилъ Борисовичъ, близкій свойственникъ московскаго, не разъ оказывалъ ему, на свою бѣду, дѣятельную военную помощь и противъ Новгорода и противъ татаръ. Но эти обоюдныя дружественныя отношенія не могли быть искренними и прочными. Натянутость положенія и грядущее торжество Москвы носились въ воздухѣ и чувствовались всѣми. Спасаясь отъ крушенія, изъ Твери въ Москву стали отъѣзжать не только бояре, но и удѣльные князья. Великій князь принималъ ихъ радушно и надѣлялъ, чѣмъ могъ, а надѣлить ему было чѣмъ. Этимъ создалось для великаго князя тверского совершенно невыносимое положеніе. Отчины отъѣхавшихъ бояръ находятся въ предѣлахъ его владѣній, а бояре служатъ съ этихъ отчинъ не ему, а великому князю московскому. Московскій князь болѣе хозяинъ въ Тверскомъ княженіи, чѣмъ самъ тверской. Эту мертвую петлю, наброшен-

ную на Тверское княженіе всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ событій, Иванъ Васильевичъ понемногу затягиваетъ. Лѣтописецъ разсказываетъ: если въ порубежныхъ спорахъ москвичъ былъ виноватъ, въ Москвѣ его всегда оправдывали; если же тверичъ, Иванъ Васильевичъ съ поношеніемъ и угрозами слалъ къ тверскому князю, отвѣтамъ же его не вѣрилъ и суда не давалъ. Слѣдствіемъ такой беззащитности тверичей было то, что всѣ бояре тверскіе,—говоритъ лѣтописецъ,—поѣхали служить къ великому князю на Москву, не стерпя обидъ его.

Что было дѣлать въ этомъ положеніи великому князю тверскому? Перестать быть княземъ и все отдать своему счастливому сосѣду. Но Михаилъ Борисовичъ не умѣлъ понять своего положенія: прирожденному князю и не легко было стать на такую точку зрѣнія. Онъ захотѣлъ испытать крайнее средство, иноземную помощь, и сталъ ссылаться съ великимъ княземъ литовскимъ, подымая его на великаго князя Ивана. За эту вину Иванъ Васильевичъ осадилъ Тверь. О сопротивленіи, конечно, не могло быть и рѣчи. Тверской князь бѣжалъ въ Литву, а княженіе его присоединили къ Москвѣ.

Иванъ Васильевичъ хорошо понималъ неудобство удѣловъ. Онъ даже прямо и рѣшительно высказался противъ нихъ. Это было въ 1496 г. Узнавъ о намѣреніи великаго князя литовскаго, Александра, надѣлить брата, Сигизмунда, Кіевомъ, онъ убѣждалъ дочь свою, Елену, жену литовскаго князя, предостеречь мужа отъ этого поступка. По этому поводу онъ говорилъ ей: «нестроеніе было въ Литвѣ, коли было государей много; тоже и въ нашей землѣ при моемъ отцѣ, да и мнѣ съ братіею были дѣла».

Но порядокъ этотъ такъ давно сложился въ Москвѣ, такъ неизмѣнно соблюдался всѣми предшественниками Ивана Васильевича, что и онъ не нашелъ возможнымъ отступить отъ него. Благословивъ старшаго сына Василія своею отчиною, великими княжествами, чѣмъ его самого благословилъ отецъ и что ему Богъ далъ, со множествомъ

городовъ и волостей, онъ назначаетъ удѣлы и всѣмъ младшимъ: Юрію, Дмитрію, Семену и Андрею.

Соединивъ всю Москву съ уѣздомъ въ своихъ рукахъ, Иванъ Васильевичъ не возстановляетъ уже третей Калиты, но и не отдаетъ всей Москвы Василію. Такъ трудно было освободиться отъ существующаго порядка даже и Ивану Васильевичу! Онъ даетъ всѣмъ младшимъ сыновьямъ равное съ Василіемъ участіе въ тѣхъ двухъ «годахъ на Москвѣ», которые были даны братьямъ его, Юрію и Андрею Меньшому, да въ годѣ Михаила Андреевича.

Но въ завѣщаніи Ивана Васильевича находимъ и важное нововведеніе.

«А котораго моего сына не станетъ, читаемъ въ его духовной грамотѣ, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему, Василью; а братья его у него въ тотъ удѣлъ не вступаются. А останутся у него дочери, и сынъ мой, Василей, тѣ его дочери падѣливъ, подаетъ замужъ. А что дастъ своей княжнѣ волостей, и селъ, и казны, и въ то во все сынъ мой, Василей, у нея не въступается ни во что до ея живота».

Этимъ распоряженіемъ установлена неотчуждаемость удѣловъ. Они могли перейти только къ сыновьямъ владѣльца; если же сыновей у него не было, удѣлъ присоединялся къ великому княженію. Владѣлецъ удѣла могъ надѣлить свою жену, но только пожизненно; въ случаѣ ея смерти владѣнія ея также присоединялись къ великому княженію. Соотвѣтствующія распоряженія духовной Дмитрія Донского не могутъ болѣе примѣняться, и объединеніе Московскаго государства дѣлаетъ новый существенный шагъ впередъ.

При погребеніи великаго князя Ивана Васильевича присутствовалъ только одинъ удѣльный князь, Ѳедоръ Борисовичъ Волоцкой. Другихъ не было, да и этотъ владѣлъ всего однимъ Волокомъ да половиной Ржевы. Но-

ваго же великаго князя, Василія Ивановича, привѣтствовали на великомъ княженіи пять удѣльныхъ князей: старый, Ѳедоръ Волоцкой, и четыре новыхъ, родные братья великаго князя. Подобную же картину можно было наблюдать и при вступленіи на престолъ отца Василія, Ивана Васильевича. Удѣлы возрождаются съ каждымъ новымъ царствованіемъ. Но это возрожденіе потеряло съ Донского свой опасный характеръ. Великое княженіе такъ неизмѣримо превосходитъ область удѣловъ, историческія основы его, восходя къ той сѣдой древности, когда и помину еще не было о московскихъ удѣлахъ, такъ прочны, что объ опасности удѣловъ для цѣлости Московскаго государства и рѣчи быть уже не можетъ. Духовная Ивана Васильевича обезвредила ихъ окончательно. Удѣльные князья не могутъ болѣе распоряжаться своими удѣлами ни при жизни, ни на случай смерти. Есть у нихъ сыновья,—удѣлъ дѣлится между сыновьями; нѣтъ сыновей,—удѣлъ идетъ къ великому князю. Въ силу этого удѣлы не могутъ соединиться. Судьба ихъ—постоянное дробленіе и ничтожество въ перспективѣ.

Удѣлы неопасны для цѣлости великаго княженія; но удѣльные князья опасны для царствующей династіи. Они всегда представляютъ нѣкоторый запасъ кандидатовъ, готовыхъ замѣнить царствующаго государя. Уничтоженіе ихъ есть все-таки необходимое требованіе политики. Кто же ихъ уничтожилъ? Наша исторія не знаетъ государя, который бы отмѣнилъ удѣльныхъ князей и высказалъ принципъ недѣлимости Русской земли.

Василій Ивановичъ, какъ и его предшественники, надѣлилъ обоихъ своихъ сыновей, Ивана и Юрія. Князь Юрій умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, и, только благодаря этому счастливому случаю, удѣлъ его соединился съ съ великимъ княженіемъ. Иванъ Грозный обнаружилъ намѣреніе выдѣлить още болѣе крупный удѣлъ своему второму сыну, Ѳедору. Онъ назначалъ ему: Суздаль, Шую, Кострому, Любимъ, Судиславль, Перехту, Ярославль, Ко-

зельскъ, Серпейскъ, Мценскъ и Волокъ-Ламскій. Относительно этого обширнаго удѣла онъ дѣлаетъ такую оговорку въ своемъ завѣщаніи: «А удѣлъ сына моего Ѳедора, ему-жъ (старшему сыну моему, Ивану (къ великому государству». Эта оговорка по существу своему не совсѣмъ ясна, и новое образованіе столь обширнаго удѣла могло повести къ нѣкоторымъ осложненіямъ. Но и здѣсь возникающему Московскому государству опять помогъ случай. Изъ трехъ сыновей великаго князя—княжить удалось только одному.

По ходу развитія великокняжеской, а потомъ царской власти, у насъ и ожидать было нельзя, чтобы кто-либо изъ московскихъ государей издалъ указъ о недѣлимости государства и воспретилъ назначеніе удѣловъ. Это значило бы ограничить самого себя. Стремленія же къ такому ограниченію незамѣтно въ московскихъ государяхъ.

Древность продолжаетъ жить и въ Москвѣ. Московскіе государи распространяютъ свои владѣнія самыми разнообразными способами. Но и въ этой новой творческой дѣятельности можно еще замѣтить слѣды стараго порядка вещей. Когда имъ приходилось пріобрѣтать не части только чужихъ владѣній, а цѣлыя княженія, то они не съ разу сливали ихъ со своими старыми владѣніями, а назначали во вновь пріобрѣтенныя княжества сыновей своихъ съ титуломъ великаго князя, т.-е., какъ бы сохраняли политическую особность пріобрѣтаемыхъ княженій.

Такъ поступилъ Василій Дмитріевичъ съ великимъ княженіемъ Суздальскимъ. Отнявъ Нижній-Новгородъ у родныхъ братьевъ своей матери, онъ назначилъ старшаго сына, Ивана Васильевича, великимъ княземъ Нижняго-Новгорода [1]). Такъ поступилъ и великій князь Иванъ Ва-

[1]) Утверждаемъ это на томъ основаніи, что въ лѣтописи подъ 1417 г. написано:

«Преставися нареченный князь велики Нижнего-Новагорода, Иванъ Васильевичъ, сынъ великаго князя, Василія Дмитреевича, на Москвѣ;

сильевичъ. По завоеваніи великаго княженія Тверскаго, онъ назначилъ въ Тверь особаго великаго князя также въ лицѣ старшаго сына своего, Ивана. Новый великій князь тверской былъ не намѣстникомъ отца своего, а какъ бы настоящимъ великимъ княземъ тверскимъ. Въ его княженіе судъ и грамоты давались его именемъ, а не именемъ его отца. Но въ завѣщаніи Ивана Васильевича великое княженіе Тверское слито уже съ Московскимъ государствомъ.

Живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное государство очень долго, безъ малаго въ теченіе 200 лѣтъ, не имѣло своего собственнаго имени, а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ. Какъ старые великіе князья, Владиміръ святой и сынъ его Ярославъ, не имѣли никакого общаго наименованія для обозначенія всей совокупности своихъ владѣній, такъ не имѣетъ его и Дмитрій Донской, его сынъ, внукъ и правнукъ. Ярославъ раздаетъ дѣтямъ города-волости, Дмитрій Ивановичъ назначаетъ старшему сыну: часть въ Москвѣ, Коломну и великое княженіе, остатокъ Володимірской волости, выдѣлившійся изъ старой Ростовской. Василій Дмитріевичъ благословляетъ старшаго сына своего тѣмъ, чѣмъ благословилъ его отецъ: третью Москвы, Коломной и пр. и своими примыслами, Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ. Въ завѣщаніи Василія Васильевича читаемъ:

положиша й въ церкви архангела Михаила, идѣже вси князи рустіи лежать». Воскр.

Издатели въ примѣчаніи къ этому мѣсту говорятъ, что всѣ списки лѣтописи смѣшиваютъ смерть нижегородскаго князя Ивана Васильевича со смертью современника его, сына великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича. Въ такомъ примѣчаніи нѣтъ ни малѣйшей надобности. Мѣсто надо понимать, какъ оно написано. Великій князь московскій нарекъ сына своего на нижегородское княженіе. Ивана же Васильевича линіи нижегородскихъ князей и нарекать-то было некому. Отецъ его умеръ въ 1403 г., родные дяди еще раньше. Въ живыхъ были двоюродные дяди, которые не прочь были завладѣть Нижнимъ на себя. Одному изъ нихъ, Даніилу Борисовичу, даже удалось получить отъ царя Махмета ярлыкъ на свою отчину (А. Э. I. № 18).

«А сына своего старѣйшаго, Ивана, благословляю своею отчиною, великимъ княженіемъ, а даю ему треть въ Москвѣ и съ путьми, съ моими жеребьи, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой..: Володимеремъ, Переяславлемъ» и т. д, слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ назначенныхъ городовъ.

Подъ «великимъ княженіемъ» Василій Васильевичъ, конечно, разумѣлъ Владимірское великое княженіе, а не то новое цѣлое, которое далъ старшему сыну.

Сынъ его, Иванъ Васильевичъ, благословляетъ старшаго своего сына, Василія, не однимъ великимъ княженіемъ, а «великими княжествами» и затѣмъ перечисляетъ отдѣльные города и княженія. Это, конечно, точнѣе. Съ этого времени памятники постоянно говорятъ не объ одномъ, а о многихъ великихъ государствахъ, соединенныхъ подъ властью великаго князя.

Иванъ Грозный первый даетъ новорожденному младенцу имя. Онъ отказываетъ своему старшему сыну:

«Царство Русское, чѣмъ его благословилъ отецъ его, князь великій Василей, и что ему далъ Богъ» (Доп. къ А. И., I, № 222, 1572—8).

Откуда пошло наименованіе вновь возникшаго государства—русскимъ?

Вопросъ о томъ, «откуда есть пошла русская земля», былъ поставленъ еще нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ. Надо думать, что и въ его время, т.-е. болѣе 700 лѣтъ тому назадъ, онъ возбуждалъ уже споры.

Въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку читаемъ:

«Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша угри, и морави, чеси, и ляхове, и поляне, иже нынѣ зовомая русь». 898.

Итакъ, русью нынѣ, т.-е. въ самомъ началѣ XII вѣка, называютъ полянъ, которые говорятъ однимъ языкомъ со славянами южными.

Но что значитъ это «нынѣ»? Поляне зовутся русью на глазахъ составителя лѣтописи, но, конечно, не

вчерашняго же дня. Они, надо полагать, называются такъ цѣлыя столѣтія. Выраженіе «нынѣ» указываетъ, что въ началѣ XII вѣка былъ поставленъ вопросъ о происхожденіи этого названія и возбуждалъ споры.

Оставимъ, что было спорно для людей начала XII вѣка. Возьмемъ одно то, въ чемъ они не сомнѣвались. Для начальнаго лѣтописца несомнѣнно, что въ его время поляне, а не другіе племена, называются русью.

Но не ошибается ли онъ или мы, слишкомъ тѣсно толкуя его слова? Это легко провѣрить. Для этого надо только просмотрѣть лѣтописныя сказанія иныхъ составителей за тотъ же XII вѣкъ.

Вотъ какъ описано подъ 1149 годомъ посѣщеніе кіевскимъ княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, брата своего, Ростислава, князя смоленскаго.

«И приде Изяславъ къ брату Ростиславу, и похвалиста Бога и святую Богородицю и силу животворящаго креста, видившеся братья въ здоровьи, и пребыста у велицѣ любви и веселіи съ мужи своими и смолняны; и ту дариста ся даръми многыми: Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земль, а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верьхнихъ земль и отъ варягъ, и тако угадаста о пути своемъ». Ипат.

Кіевскій князь, натурально, даритъ произведенія своей земли и тѣ иностранныя привозныя, которые идутъ чрезъ Кіевъ (греческія). Первыя названы дарами Русской земли, вторыя — царской. То же дѣлаетъ и Ростиславъ смоленскій: но идущіе чрезъ Смоленскъ иностранные товары будутъ варяжскіе; мѣстныя же произведенія названы верховыми.

Здѣсь поляне-русь отличены отъ кривичей смоленскихъ.

Только что описанная встрѣча князей состоялась передъ совокупнымъ ихъ походомъ въ помощь Новугороду Великому, который терпѣлъ обиды отъ ростовскаго князя, Юрія. Изяславъ прибылъ въ Смоленскъ съ малымъ числомъ дружины, также налегкѣ поспѣшилъ онъ и въ Новгородъ, наказавъ брату привести полки его къ Волгѣ.

получил.

«И прпде Изяславъ на Волгу съ Новъгородци, на усть Медвѣдицѣ, а ту жда брата своего, Ростислава, четыре дни. И приде ему Ростиславъ и съ всими рускими полкы и съ смоленьскими, и ту съвкупишася и пойдоста внизъ по Волгѣ».

Новое противоположеніе русскихъ полковъ Изяслава смоленскимъ Ростислава.

Когда пришло время нападенія, князья

«Пустиста новогородци и русь воевать къ Ярославлю».

Новгородцы, слѣдовательно, не русь. Такое же противоположеніе Новагорода Руси находимъ и подъ 1165 годомъ.

Новгородцы, отправившіеся въ Кіевъ, такъ выражаются объ этомъ:

«Ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ Русь». П. С. Л. Ш. 13.

Ростовско-суздальская волость тоже не Русь.

Ростиславъ, сынъ Юрія, ростовскаго князя, съ позоромъ изгнанный Изяславомъ изъ Кіева, пришелъ къ отцу въ Суздаль, ударилъ ему челомъ и сказалъ:

«Слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобуки, и тако молвятъ: «и насъ есть обезчествовалъ (Изяславъ), а пойди на нь». Гюрги же, въ соромѣ сына своего сжалився себѣ, рече: «тако ли мнѣ части нѣту въ Рускоіи землѣ и моимъ дѣтемъ». Ипат. 1149.

Ростовская волость, гдѣ сидѣлъ Юріи, не находится, значитъ, въ Русской землѣ.

Подъ 1154 годомъ читаемъ:

«Томъ же лѣте поиде Дюрги съ ростовцы и съ суздальцы и съ всѣми дѣтьми въ Русь. Ипат.

И подъ 1180.

«Вышедше же ему (Святославу Черниговскому) изъ Суздальскоіи землѣ, и пусти брата своего, Всеволода, и Олга, сына своего, и Ярополка въ Русь, а самъ съ сыномъ съ Володимеромъ поиде Новгороду Великому». Ипат.

Владиміръ на Клязьмѣ тоже не Русь:

«Володимирцы же, нетръпяще голода, рѣша Михалку (своему князю): «мирися (съ осаждавшими городъ ростовцами), любо промышляй о собѣ». Онъ же отвѣщавъ рече: «прави есте, ни хощете мене дѣля погиноути». И поеха въ Русь». Лѣт. Пер. Суздал.

Даже самая близкая къ Полянамъ Черниговская волость и та не входитъ въ составъ Руси. Въ 1151 году послы кіевскихъ князей, Вячеслава и Изяслава, находившихся въ войнѣ съ ростовскимъ княземъ Юріемъ, и черниговскими, Давыдовичами и Ольговичами, такъ говорили венгерскому королю:

«Ты нама еси тако учинилъ, яко же можетъ такъ братъ роженый брату своему или сынъ отцю яко же ты нама помоглъ. Вѣ же, паки, брате, себѣ молвивѣ: нама дай Богъ нераздѣлно съ тобою быти ни чимъ же, но аче твоя обида кдѣ, а нама, дай Богъ, ту самѣмъ быти за твою обиду, или паки братьею своею или съ сынъми своими и полкы своими. А нама ся тобѣ не чимъ откупити сему, толико главою своею, яко же ты нама еси створилъ. Нынѣ такоже свое дѣло сверши добро. Самого тебе не зовемъ, занеже царь ти ратенъ; но пусти намъ помочь, любо таку же, паки а силнѣйшю того, пусти намъ съ братомъ своимъ, Мстиславомъ, а съ наю сыномъ (онъ и правилъ посольство), за не же Гюргій есть силенъ, а Давыдовичи и Ольговичи (черниговскіе) съ нимъ суть, а чи и половцы дикѣи съ нимъ, а и тыи золотомъ узводить. Нынѣ же, брате, сѣ весны, помози намъ. Дажь будевѣ сѣ весны вѣ порозни, а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь; паки ли ся ты отъ царя управиши, а ты буди намъ помощникъ. А все ти скажутъ твои мужи и братъ твой, Мстиславъ, како ны Богъ помоглъ, и паки како ся по насъ яла Руская земля вся и Черніи Клобуци». Ипат.

Итакъ, въ войнѣ съ черниговскими князьями вся Русская земля стоитъ за Вячеслава съ Изяславомъ. Ясно, что Черниговская волость не составляетъ части Русской земли.

Что же такое Русская земля? Гдѣ ея центръ и границы?

Центръ Русской земли есть Кіевъ. Занять Русскую землю значитъ сѣсть въ Кіевѣ; въѣхать въ Русскую землю значитъ въѣхать въ Кіевъ. Вячеславъ говоритъ Ростиславу:

«Се, брате, Богъ скупилъ насъ по мѣсту съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ, Изяславомъ. А се, пакы добывъ Русской земли, и на мнѣ честь положилъ и посади мя въ Кіевѣ». Ипат. 1151.

Въ той же лѣтописи подъ 1152 годомъ читаемъ:

«Изяславъ же пришедъ къ Кіеву, и посла къ брату своему, Ростиславу Смоленскому, и повѣда ему, како ся съ королемъ видилъ въ здоровьи и како Богъ пособилъ имъ побѣдити Володимира Галичского и въ здоровьи Богъ приведъ опять въ Рускую землю».

Русская земля есть земля полянъ; она совпадаетъ съ Кіевской волостью. По границы Кіевской волости не оставались неизмѣнными Кіевскіе князья завладѣвали и другими волостями. Это вело къ переносу названія Русская земля и на территорію другихъ племенъ, присоединяемую къ Кіеву. Такъ кіевскій князь, Изяславъ, владѣлъ еще Владимірской волостью на Волыни. Города этой волости Бужескъ, Шумскъ и другіе онъ тоже называетъ русскими (Ипат. 1152, стр. 69 и 71). Такимъ образомъ, названіе Руси въ XII уже вѣкѣ оказываетъ стремленіе переіти изъ племеннаго въ территоріально-государственное,

Приведенныя мѣста источниковъ даютъ, кажется, право сказать, что начальный лѣтописецъ не сдѣлалъ ошибки. Въ XII вѣкѣ полянъ дѣйствительно зовутъ русью и имъ противополагаютъ владимірцевъ на Клязьмѣ, суздальцевъ, ростовцевъ, новгородцевъ, смолянъ, даже черниговцевъ.

Это твердо установившаяся терминологія, идущая, надо полагать, изъ весьма глубокой древности.

Съ ея точки зрѣнія и надо объяснять всѣ случаи, въ которыхъ начальный лѣтописецъ говоритъ о руси или

Русской землѣ. Онъ дѣлаетъ такой заголовокъ своему труду.

«Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть».

Это значитъ, что онъ хочетъ написать исторію Кіевской волости, т.-е. исторію полянъ. Что онъ занятъ дѣйствительно исторіею полянъ и только по связи съ ними приводитъ извѣстія, касающіяся другихъ племенъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ первыхъ страницъ его лѣтописи. Ограничимся указаніемъ на дѣлаемое имъ подъ 852 годомъ перечисленіе «русскихъ князей». Онъ начинаетъ это перечисленіе съ Олега, а о Рюрикѣ не упоминаетъ. Очень понятно почему: Рюрикъ, княжилъ въ Новгородѣ, а не въ Русской землѣ.

Выше мы замѣтили, что въ XII вѣкѣ былъ уже поднятъ вопросъ о происхожденіи этого названія Руси. Начальный лѣтописецъ даетъ на него подъ 862 годомъ такой отвѣтъ. Разсказавъ объ изгнаніи новогородцами варяговъ и о новомъ призваніи ихъ въ лицѣ Рюрика съ братьями, которые привели съ собою всю русь, онъ говоритъ:

«Отъ тѣхъ прозвася Руская земля».

Итакъ, названіе Руси, по мнѣнію начальнаго лѣтописца, пошло отъ варяговъ-руси. Этимъ объясняется выше приведенное выраженіе «нынѣ». До призванія варяговъ, поляне назывались славянами, а «нынѣ», послѣ призванія, они зовутся русью.

Приведенный отвѣтъ есть только догадка нашего перваго лѣтописца-историка, которая нуждается въ доказательствахъ. Никакихъ доказательствъ онъ, конечно, не приводитъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи есть еще мѣсто, относящееся къ этому мудреному вопросу. Къ сожалѣнію, оно

не сохранилось въ Лаврентьевской рукописи и приводится издателями по Радзивиловской. Вотъ оно:

«А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ, отъ варягъ бо прозвашеся русью, а первѣе быша словѣне; аще и поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ; поляне же произвашася занеже въ полѣ сѣдяху; языкъ словенскій бѣ имъ единъ».

Здѣсь повторяется уже высказанное въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи объясненіе слова «русь»: оно отъ варягъ. Но тутъ же встрѣчаемъ и поразительное противорѣчіе. Славянскій языкъ и русскій — одинъ, а названіе русь не отъ этого языка, а отъ варяговъ! Какъ это могло случиться? Вѣдь у варяговъ былъ свой языкъ. Производить имя руси отъ варяговъ не возможно, а лѣтописецъ это дѣлаетъ.

Разсказъ лѣтописи о призваніи новгородцами варяговъ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Новгородцы давно уже находились въ близкой связи съ варягами. Еще до Рюрика варяги сидѣли въ Новгородѣ, управляли и судили въ Новгородской землѣ и за это получали дань. Въ 862 году новгородцы прогнали этихъ варяговъ и «почаша сами въ собѣ володѣти». Но попытка эта не удалась; начались усобицы, которыя привели къ новому призванію варяговъ. Въ годъ новаго призванія не произошло никакой существенной перемѣны въ бытѣ Новгорода: одни варяги правители были замѣнены другими — и только. Нѣтъ ни малѣйшаго повода связывать съ этимъ фактомъ основаніе Россійскаго государства.

Этихъ варяговъ лѣтописецъ называетъ русью. Провѣрить его въ этомъ пунктѣ до сихъ поръ не удалось еще нашимъ ученымъ. Что были варяги за моремъ, это несомнѣнно; но варяги-русь могли явиться плодомъ догадки, къ которой прибѣгли для объясненія названія полянъ русью.

Поляне вовсе не были въ такихъ близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ варягами, какъ новго-

родцы и полочане. Новгородцы сносились съ варягами и до и послѣ призванія; черезъ Новгородъ шли и варяжскіе товары, и варяжскія дружины; въ Новгородѣ была улица Варяжская (Бѣляевъ, II, 6); о новогородцахъ начальный лѣтописецъ говоритъ:

«Новугородьци ти суть людье ноугородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни». 862.

Въ Полоцкѣ варяги-русь водворились ранѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Они упоминаются тамъ на третій годъ по призваніи Рюрика. Лѣтъ сто спустя, а можетъ быть и ранѣе, въ Полоцкъ былъ новый приливъ варяговъ съ княземъ Роговолодомъ, отъ дочери котораго пошла линія полоцкихъ князей. Въ Кіевъ же варяги пришли изъ Новгорода и не въ чистомъ видѣ, а въ смѣшеніи съ чудью, славянами, мерею, весью, кривичами. И при всемъ томъ варяги-русь сообщили свое имя не Новгороду или Полоцку, а только Кіевской Руси, фактъ, къ которому трудно относиться съ полнымъ довѣріемъ.

О варягахъ-руси рѣчь идетъ подъ 862 годомъ, гдѣ лѣтописецъ объясняетъ происхожденіе наименованія русь. Но призваніе варяговъ въ 862 году не было послѣднимъ. Новогородскіе князья призывали ихъ нѣсколько разъ и послѣ того. Это сдѣлалъ Владиміръ Святославичъ. Въ 977 году, узнавъ объ убіеніи Олега Древлянскаго Ярополкомъ Кіевскимъ, Владиміръ, княжившій тогда въ Новгородѣ, бѣжалъ за море; а въ 980 году вернулся изъ-за моря съ варягами. Владиміръ прожилъ за моремъ цѣлыхъ три года. Въ 1015 году сынъ его, Ярославъ, готовясь къ войнѣ съ отцомъ, снова призываетъ варяговъ изъ-за моря.

Эти варяги, съ которыми новгородскіе князья находились въ такихъ тѣсныхъ связяхъ, что гостили у нихъ цѣлые годы, были тожественны, надо полагать, съ тѣми, которыхъ новгородцы знали до 862 года и къ которымъ они ѣздили въ 862 году. Нельзя же думать, что въ этомъ году они призвали какихъ-то новыхъ, до того имъ со-

вершенно неизвѣстныхъ варяговъ. Несмотря на необходимо предполагаемое тожество варяговъ 862 года съ варягами, упоминаемыми до и послѣ этого года, эти послѣдніе, однако, не называются русью. Можно подумать, что варяги-русь понадобились лѣтописцу только въ томъ разсказѣ о призваніи, въ которомъ онъ объясняетъ происхожденіе наименованія руси.

Вопросъ о варягахъ-руси вызвалъ обширную литературу, представляющую много поучительнаго. Но для юридическихъ древностей она имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе.

Изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописца, въ которыхъ встрѣчается слово русь, можно сдѣлать два слѣдующихъ вывода. 1) Въ XII вѣкѣ Русью называется Кіевская волость, но такъ какъ для образованія и всеобщаго распространенія мѣстныхъ наименованій требуется значительный промежутокъ времени, то можно допустить, что поляне именовались русью не только въ XI, но и въ X вѣкѣ и ранѣе. 2) Происхожденіе этого наименованія отъ имени варяговъ-руси есть догадка грамотеевъ XII вѣка, справедливость которой и до нашихъ дней ничѣмъ не подтвердилась. Возникновеніе такой догадки, однако, очень понятно. Кіевская волость называется Русской, князья тамъ княжившіе, тоже русскіе (по волости). Это наименованіе сообщилось и варяжскимъ князьямъ, овладѣвшимъ Кіевомъ. Отсюда легко возникаетъ представленіе о варягахъ-руси. Откуда же пошло наименованіе славянъ—варяжской русью? Это догадка людей XII вѣка, желавшихъ объяснить происхожденіе слова русь.

Изъ Кіева наименованіе русью стало распространяться и на другія славянскія племена. Договоръ Новгорода съ нѣмцами, заключенный въ самомъ концѣ XII вѣка, говоритъ о «новгородцѣ» и «русинѣ» и подъ русиномъ разумѣетъ, кажется, не только пріѣзжавшую съ юга русь, но и жителей Новгорода. (Рус. лив. акты, № 1). Въ XIII в. русской землей начинаетъ называться Галичъ и Черниговъ (см. стр. 9), Смоленскъ (см. договоръ Мстислава съ нѣмцами) и Новгородъ (см. Лавр. 1206).

Причина этого распространенія заключается въ единствѣ языка и вѣры.

Поляне прежде другихъ племенъ назвали себя русскими и языкъ свой русскимъ. У нихъ у первыхъ зародилось книжное просвѣщеніе и возникла литература. Въ сочиненіяхъ своихъ они утверждаютъ единство своего русскаго языка со славянскимъ, на которомъ говорятъ всѣ остальныя племена [1]). Эти остальныя племена, знакомясь съ содержаніемъ кіевской литературы, не могли не усмотрѣть своего племеннаго единства съ кіевскою русью и тоже стали причислять себя къ руси. Распространеніе имени руси на всѣ славянскія племена, поселившіяся по Днѣпру, Западной Двинѣ, Волхову, Окѣ и Волгѣ, должно было идти вслѣдъ за распространеніемъ книжнаго просвѣщенія.

Но такимъ образомъ имя руси распространяется только какъ народное наименованіе, значенія термина государственнаго оно еще не имѣетъ. Къ наименованію царства Русскаго примѣнено оно лишь московскими великими

[1]) Начальный лѣтописецъ, перечисливъ разныя племена, населявшія широкую равнину, простирающуюся отъ Днѣпра чрезъ Оку до Волги, говоритъ:

«Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, деревляне, новгородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне».

Это уже случай объединенія нѣсколькихъ славянскихъ племенъ въ одномъ наименованіи руси, на которое лѣтописецъ наведенъ единствомъ языка этихъ племенъ.

Древнѣйшій случай наименованія русскими городовъ не кіевскихъ находимъ на договорѣ Олега съ греками 907 года. Олегъ — русскій князь, а потому и всѣ города, въ пользу которыхъ онъ выговорилъ особые уклады, названы русскими, хотя въ этихъ городахъ сидѣли свои особые князья, состоявшіе только въ нѣкоторой зависимости отъ него. Называть эти волости ихъ особыми именами въ договорѣ было не умѣстно потому, что греки имѣли дѣло съ однимъ Олегомъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ перспективнымъ объединеніемъ русской земли въ одномъ терминѣ, а не съ дѣйствительнымъ ея единствомъ въ смыслѣ единаго государства, которое бы называлось уже тогда русскимъ.

князьями и, думается намъ, не безъ вліянія церковнаго единства Русской земли, которое на много вѣковъ опередило наше государственное единство.

Во главѣ русской церкви съ первыхъ дней принятія христіанской вѣры стоялъ митрополитъ кіевскій. Какъ кіевскій онъ назывался русскимъ митрополитомъ.

Это мѣстное наименованіе, въ силу единства церковнаго управленія, получаетъ общее значеніе. Русскій митрополитъ не кіевскій только владыка, но владыка всѣхъ княженій, ибо русская церковь, русская вѣра одна во всей землѣ, какъ и русскій языкъ. Переселившись на сѣверъ, кіевскіе митрополиты и тамъ продолжаютъ называться русскими. Одни изъ нихъ именуютъ себя митрополитами всея Руси, другіе—кіевскими и всея Руси (Рум. Собр. I. договоры князей). Въ этомъ титулѣ слышится такая необъятная ширь, передъ которой блѣднѣетъ титулъ великаго князя владимірскаго.

Чтобы не казаться ниже митрополитовъ, великіе князья московскіе начинаютъ тоже усвоять себѣ титулъ великаго князя всея Руси. Такъ называетъ себя Иванъ Даниловичъ Калита, сынъ его, Семенъ, въ единственномъ договорѣ, сохранившемся отъ этого князя, и Дмитрій Донской въ одномъ договорѣ съ Новгородомъ [1]). Въ остальныхъ договорахъ Дмитрія Ивановича и во всѣхъ договорахъ его сына и внука этотъ титулъ не встрѣчается [2]). Только со второй половины царствованія великаго князя Ивана Васильевича онъ дѣлается постояннымъ титуломъ московскихъ государей. Но они не ограничиваются титуломъ «государя всея Руси», а прибавляютъ къ нему ста-

[1]) А. Э. I. № 3 и 4, 1328—40; Рум. Собр. I. № 23, 1341; А. Э. I. № 8, 1372. У Дмитрія Ивановича и печать была вырѣзана съ титуломъ «князя великаго всея Руси», но онъ не всегда употреблялъ ее. Рум. собр. I. № 34 и 30.

[2]) Но въ сношеніяхъ съ константинопольскимъ патріархомъ Василій Васильевичъ именуетъ себя «великимъ княземъ московскимъ и всея Руси». Рус ист. Библіот. VI. № 62.

рый титулъ «великаго князя Володимирскаго, Московскаго, Новгородскаго и проч.». Это понятно. Для московскихъ митрополитовъ титулъ «всея Руси» совершенно соотвѣтствовалъ дѣйствительности. До раздѣленія митрополіи они были на самомъ дѣлѣ церковной главой всѣхъ русскихъ людей. Въ другомъ положеніи находились великіе князья московскіе. Они ничѣмъ не владѣли въ Руси Придиѣпровской и далеко не были князьями всѣхъ русскихъ людей. Между титуломъ и областью распространенія власти ихъ не было не малѣйшаго соотвѣтствія. Это не территоріальный титулъ, а народный. Но такъ какъ не весь русскій народъ былъ тогда подъ властью московскихъ князей, то для нихъ это будетъ только идейный титулъ. Даже въ Уставѣ Ивана Васильевича титулъ «всея Руси» указываетъ лишь на стремленіе князей московскаго дома расширять свои владѣнія до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ исповѣдуется русская вѣра и слышится русская рѣчь, а не на дѣйствительное обладаніе всею Русью. Поэтому-то въ его завѣщаніи мы вовсе не находимъ этой несуществующей въ дѣйствительности, а только идейной Руси. Онъ дѣлаетъ распоряженіе не о Руси, которая ему не принадлежитъ, а о своей отчинѣ, великихъ княжествахъ, о городѣ Москвѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ и т. д. Сынъ его, Василій Ивановичъ, называетъ себя:

«Божіею милостью государемъ, всея Руси и великимъ княземъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородцкимъ, Псковскимъ, Смоленскимъ, Тферскимъ, Югорскимъ, Пермьскимъ, Болгарскимъ и иныхъ»... Сбор. Им. рус. истор. общ. XXXV, 678; А. Э. I. № 160.

Слово, раздававшееся въ теченіе двухъ вѣковъ, не могло однако, не оказать своего дѣйствія. Стали, наконецъ, думать, что Москва, Коломна, Серпуховъ и т. д. въ самомъ дѣлѣ составляютъ Русь. Царь Иванъ Васильевичъ, отказывая своему сыну городъ Москву съ волостями и станами, городъ Володимеръ, городъ Коломну и т. д.,

говоритъ, что онъ благославляетъ сына своего «царствомъ Русскимъ».

Въ той же духовной встрѣчаемъ и терминъ государство. Старшему сыну, Ивану, царь отказываетъ «государство», младшему же Ѳедору—удѣлъ.

Въ царствованіе дѣда Грознаго терминъ государство былъ уже въ употребленіи. Въ его переговорахъ съ Новымъ городомъ читаемъ:

«И князь великій выслалъ къ нимъ (къ новогородцамъ) тѣхъ же своихъ бояръ съ отвѣтомъ, а велѣлъ имъ сице отвѣчати: «били есте челомъ мнѣ, великому князю, ты, нашъ богомолецъ, и наша отчина, Великій Новъгородъ, зовучи насъ себѣ государи, да чтобы есмы пожаловали указали своей отчинѣ, какову нашему государству быти въ нашей отчинѣ; и азъ, князь великій, то вамъ сказалъ, что хотимъ государьства на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, такова, какъ наше государьство въ Низовской земли на Москвѣ. И вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти; ино то которое мое государство?» Воскр. 1478.

Но здѣсь слово государство служитъ не столько для обозначенія территоріи владѣній московскаго великаго князя, сколько характера его власти. Это порядокъ государствованія великаго князя Ивана Васильевича.

Въ памятникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаемъ и терминъ «московское государство» въ смыслѣ всего россійскаго царствія.

Въ соборной грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳедорыча на царство читаемъ:

«И совокупившіеся всего Россійскаго царствія всякіе люди вмѣстѣ межъ себя богосоюзный совѣтъ учинили и крестнымъ цѣлованіемъ укрѣпился въ томъ, что всѣмъ православнымъ крестьяномъ всего Россійскаго царствія, отъ мала и до велика, за королевскую многую ко всему Московскому государству не правду, и за нашу истинную православную вѣру греческаго закона, и за святыя Божіи церкви, и за разореніе Московскаго государства стояти всѣмъ единомышленно и сына его, Владислава

королевича, на Московское государство государемъ ни какъ не хотѣти»...

Но и царство Русское и государство Московское все еще продолжаетъ состоять изъ разныхъ государствъ. Въ томъ же документѣ написано:

«И всѣ православные крестьяне всего Московскаго государства, отъ мала и до велика и до сущихъ младенцевъ, яко едиными усты, вопіяху и взываху, глаголюще: что быти на Володимірскомъ, и на Московскомъ, и на Новгородскомъ государствахъ, и на царствахъ Казанскомъ, и на Астраханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ, всея Руси самодержцемъ, Михаилу Ѳедоровичу Романову-Юрьеву».

Волостная старина потеряла уже всякій живой смыслъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка, а въ языкѣ продолжаетъ еще жить.

КНИГА ВТОРАЯ

Населеніе

Древняя исторія каждаго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права. Все населеніе некогда распадалось у насъ на свободныхъ и холоповъ.

Въ древнѣйшей редакціи Русской Правды читаемъ:

«Или холопъ ударитъ свободна мужа»... 22.

Въ Смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами начала XIII вѣка:

«Аже боудѣть свободѣный человкъ убитъ, 10 гривенъ серебра за голъвоу».

«Аже боудѣте холъпъ оубитъ, 1 гривна серьбра заплатити» (Рус.-лив. ак. стр. 422).

Въ московскихъ памятникахъ слово «свободный» замѣняется словомъ «вольный».

Въ царскомъ Судебникѣ читаемъ:

«А которые люди вольные учнутъ бити челомъ князем, и боярам, и дѣтем боярскимъ, и всякимъ лю-

демъ (въ холопы); а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити»... 78.

Въ докладной грамотѣ на холопство 1553 г. сказано:

«Мы, господине люди вольные... взяли есмя у Александра, у Степанова сына, Зубатаго три рубли денегъ, а даемся въ тѣхъ деньгахъ... ему въ холопи» (А. Э. I. № 237).

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ употребительны оба выраженія. Освобождая рабовъ, одни завѣщатели говорятъ:

«Далъ есмь волю», другіе: «далъ есмь свободу».

Начнемъ съ несвободныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Несвободные

Несвободные встрѣчаются въ нашихъ древнихъ памятникахъ подъ разными именами. Ихъ называютъ: челядью, холопами, слугами, позднѣе просто «людьми», но всегда съ указаніемъ на принадлежность ихъ кому-либо, боярскіе люди и пр.; наконецъ, «дѣловыми людьми», страдниками и пр. Съ XVI в. появляются «кабальные холопы».

Челядь одного корня съ чадью и чадомъ и означаетъ домочадцевъ.

Словомъ «холопъ» древніе памятники называютъ только несвободныхъ мужчинъ; холопъ, хлопъ, хлопецъ и теперь употребляется русскимъ народомъ въ смыслѣ мальчика, парня, слуги. Тотъ же смыслъ слово это имѣетъ и у сербовъ.

Слово «роба» въ древности употреблялось только для обозначенія несвободныхъ женщинъ (Рус. Пр.). Оно одного корня съ теперь употребляемымъ «робить» (робить по сѣвер. произношенію, робить по южному. Даль) въ зна-

ченіи работать. Русская Правда знаетъ слова: «робить» и «роботить» въ смыслѣ обращать въ рабство (III-я ред. 143, 145).

Оба термина обозначаютъ, такимъ образомъ, людей, кому-либо служащихъ, или, что то-же, на кого-либо работающихъ.

Въ этомъ смыслѣ московскіе памятники называютъ несвободныхъ просто «слугами», «служилыми» и «дѣловыми людьми», а по роду работы — «страдными». Но послѣднее наименованіе можетъ и, дѣйствительно, усвоиться и свободнымъ работникамъ, и крестьянамъ.

Что «дѣловые люди» суть несвободные, это слѣдуетъ изъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ «дѣловымъ людямъ» дается свобода. Тамъ же освобождаются иногда и страдники [1]).

Но Русская Правда не просто говоритъ о холопахъ, она различаетъ еще «обельное холопство» (III 142); а иногда вмѣсто того, чтобы сказать холопъ, она говоритъ: «обель (III 71, 80). Слово обель, обельный, облый, и теперь употребляется въ смыслѣ круглый, толстый, полный (Даль). Обельный холопъ будетъ, слѣдовательно, «круглый холопъ» или «полный», т.-е. совершенный. Въ московскихъ памятникахъ «обельный», дѣйствительно, замѣняется терминомъ «полный».

Въ духовной грамотѣ Ивана Ивановича читаемъ:

«Такъ же хто будетъ моихъ людей полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу».

Завѣщатель даже не находитъ нужнымъ употребить слово «холопъ». «Полные люди» это суть совершенные холопы. Точно такъ же и Русская Правда довольствуется однимъ словомъ «обель».

«Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель». III 71.

[1]) Рум. Собр. I № 24, 83, 121. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ II, 497, говоритъ, что дѣловые люди суть вольнонаемные рабочіе Доказательствъ не приводитъ.

Были, значитъ, холопы совершенные и несовершенные. Что же такое несовершенный холопъ?

Холопъ и роба, какъ мы видѣли, означаютъ слугу и работницу. Но слугой и работницей могутъ быть и вольные люди. Вольная работница, слѣдовательно, можетъ быть тоже названа робой, а вольный слуга — холопомъ. Именно съ такимъ словоупотребленіемъ встрѣчаемся въ указѣ 1597 г.:

«А кто скажетъ, послужилъ у кого добровольно съ полгода и болши, а кабалы на себя дати не похочетъ, а сыщутъ, что тотъ добровольной холопъ у того человѣка служилъ съ полгода, и на тѣхъ вольныхъ холопей служилые кабалы давати и челобитья ихъ въ томъ не слушати, потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ»... А. И. I, № 221, стр. 420.

Знаетъ такихъ добровольныхъ холоповъ и Уложеніе:

«А будетъ такіе вольные люди, у кого живучи въ холопствѣ добровольно безъ крѣпости, пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ или безъ отказу; и тѣ люди, отъ которыхъ они пойдутъ, учнутъ на нихъ искати сносовъ, хотя ихъ тѣмъ у себя удержати, и имъ на тѣхъ людей, которые отъ нихъ отойдутъ, въ сносѣ суда не давати для того, на что онъ холопу (т.-е. слугѣ) вѣрилъ и у себя держалъ безъ крѣпости» (XX, 17).

Итакъ, вольный холопъ служитъ кому-либо добровольно, не выдавая на себя акта укрѣпленія. Въ этомъ же смыслѣ и въ Русской Правдѣ «обелю» противополагается «закупъ», тоже слуга, но вольный, служащій по найму, а не въ силу утраты имъ свободы.

Только «обельные холопы» или «полные» суть несвободные люди или рабы въ настоящемъ смыслѣ этого слова; о нихъ только и будетъ идти рѣчь.

Изъ того, что термины холопъ и раба пріурочились къ несвободнымъ слугамъ, надо, кажется, заключить, что служба и работа домашняя, обыкновенно, отправлялись несвободными людьми. Слуги свободные составляли въ

древности исключеніе, а потому термины холопъ и раба пріурочились къ наименованію несвободныхъ слугъ.

Различіе несвободныхъ и свободныхъ совпадаетъ, слѣдовательно съ различіемъ людей, работающихъ на другихъ, и людей, работающихъ на себя или и вовсе не работающихъ.

I. Полные холопы.

Какія права принадлежатъ господину по отношенію къ его обельному или полному холопу? Памятники, съ Русской Правды начиная, нерѣдко говорятъ о холопахъ, но ни одинъ изъ нихъ не беретъ на себя задачи опредѣлить права господина. Эти права несомнѣнно существуютъ и постоянно предполагаются, но нигдѣ не опредѣляются. Ясный знакъ, что права эти родились не изъ указовъ княжескихъ. Проистекая изъ обычаевъ, они древнѣе всякихъ указовъ. Древнѣйшіе княжескіе указы не права господина опредѣляетъ, а отправляясь отъ существующихъ уже правъ, опредѣляютъ что дѣлать князю и его органамъ на судѣ, въ случаѣ столкновенія интересовъ тяжущихся.

Нѣкоторый и притомъ довольно значительный рядъ такихъ опредѣленій о рабахъ мы имѣемъ уже въ древнѣйшемъ нашемъ памятникѣ, Русской Правдѣ.

Всѣ эти опредѣленія проникнуты одной общей мыслью о томъ, что рабъ—человѣкъ не свободный, что онъ принадлежитъ не себѣ, а господину, что онъ не субъектъ, а объектъ правъ. Но исходя изъ мысли, что рабъ есть собственность, предки наши не могли же не замѣчать, что есть разница между собственностью-человѣкомъ и всякой другой собственностью. Такое различіе могло быть доступно и славянамъ язычникамъ. Не даромъ же современники говорятъ объ ихъ кротости по отношенію къ рабамъ. Съ принятіемъ же христіанства идея общности между рабомъ и господиномъ должна была сдѣлать даль-

нѣйшіе успѣхи. Вотъ почему взглядъ на раба, какъ на собственность, не проводится въ нашихъ древнихъ памятникахъ со всѣми его послѣдствіями. Рабъ есть собственность, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ этого начала въ частностяхъ. А вслѣдъ за распространеніемъ христіанскихъ идей начинаемъ замѣчать и положительныя ограниченія господской власти.

Русская Правда (III 38), исходя изъ мысли о правѣ собственности господина на раба, предоставляетъ господину право искать пропавшаго раба:

«А челядинъ скрыется, а закличють и на торгу, а за 3 дня не выведуть его, а познаеть и третіи день, то своі челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи».

Изъ этой статьи слѣдуетъ: 1) господинъ бѣжавшаго раба, сдѣлавшій заявку о его бѣгствѣ, можетъ взять своего раба у кого бы онъ ни оказался, если держатель раба самъ не предъявитъ его въ теченіе 3-хъ дней по заявкѣ; 2) непредъявленіе раба въ теченіе 3-хъ дней по заявкѣ разематривается, какъ укрывательство его, и ведетъ къ штрафу.

Право иска украденнаго раба предоставляется противъ всякаго владѣльца раба, хотя бы онъ пріобрѣлъ его совершенно правильно.

«Аще познаетъ кто челядинъ свої оукраденъ, а поиметь и, то оному (у кого найденъ челядинъ) вести и по купамъ до 3-го свода. Понти же челядина (у третьяго владѣльца) въ челядинъ мѣсто, а оному (третьему) дати лице (украденнаго челядина), ать ідеть до конечнаго свода, а то есть не скотъ, нѣ лзѣ рчи: не вѣдаю, оу кого семь купилъ; но по языку ити до конця. А кдѣ будеть конечнїй тать, то опять воротять челядина (взятого у третьяго владѣльца), а свої (челядинъ) поіметь (господинъ), и проторъ тому же (конечному татю) платити». III 47 [1]).

---

[1]) То-же выражено и въ древнѣйшей редакціи:

«Аще кто челядинъ поняти хощетъ, познавъ свої, то къ оному вести, оу кого то боудетъ коупилъ, а тої ся ведетъ ко другомоу,

Описанный въ этой статьѣ порядокъ возстановленія нарушенныхъ правъ собственности на раба составляетъ особое процессуальное дѣйствіе, которое носитъ наименованіе «свода». Въ цѣпь лицъ, которыя составляютъ сводъ, могутъ иногда войти находящіяся въ иныхъ княженіяхъ, а потому и не подсудныя той власти, къ которой обратился истецъ. На этотъ случай въ Правдѣ (III 48) находимъ такое опредѣленіе:

«А изъ своего города въ чюжю землю (въ иное княженіе) свода нѣтуть; но такоже вывести ему (отвѣтчику) послухи любо мытника, передъ кимь же купивше; то истьцю лице (найденаго холопа) взяти, а прока (унесеннаго имущества) ему желѣти, что съ нимъ погибло; а оному (отвѣтчику) своихъ купь (заплоченныхъ за холопа денегъ) желѣти».

Сводъ, слѣдовательно, не идетъ въ чужое княженіе. Человѣкъ, у котораго найденъ украденный челядинъ, долженъ, въ такомъ случаѣ, очистить себя отъ подозрѣнія въ кражѣ чрезъ свидѣтелей или мытника, присутствовавшаго при покупкѣ холопа. Отвѣтчикъ, представившій доказательства законнаго пріобрѣтенія холопа, не подлежалъ платежу штрафа за кражу, но раба все-таки долженъ былъ возвратить его господину.

Кто облегчитъ бѣгство холопа, укроетъ его или дастъ хлѣба, тотъ платитъ господину полную его цѣну:

«Аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба іли оукажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ». III 144.

Иски о возвращеніи рабовъ не погашаются никакой давностью: они вѣчны. Въ договорахъ литовскихъ князей съ тверскими читаемъ:

даже дойдетъ до третьего. То рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота (заплоченныхъ денегъ) ищи при видоцѣ» 21.

Мы не останавливаемся на уголовныхъ и процессуальныхъ особенностяхъ приводимыхъ статей. Объ нихъ рѣчь будетъ идти въ другомъ мѣстѣ.

«А холопу, робѣ, данному, положенному, заемному, поручному, земли и водѣ—отъ вѣка судъ» [1]).

Мы указали на то, что сводъ не переходитъ границъ волости. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что судебная власть одного княжества не можетъ дѣйствовать въ предѣлахъ другого. Но для огражденія правъ частныхъ лицъ въ между-княжескіе договоры включаются статьи о выдачѣ бѣглыхъ рабовъ, должниковъ и преступниковъ «по исправѣ».

«По исправѣ»—терминъ не очень для насъ ясный. Но понять его въ примѣненіи къ рабу можно только въ такомъ смыслѣ: рабъ выдается по рѣшенію мѣстнаго суда. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ искѣ правъ собственности на раба, то мѣстный судъ и долженъ разрѣшить этотъ искъ и присудить раба истцу или отвѣтчику. Въ договорѣ московскихъ князей съ рязанскими читаемъ:

«Холопа, робу, должника, поручьника, татя, разбойника и пр. выдати по исправѣ отъ вѣка». Рум. Соб. I № 36.

Господинъ бѣжавшаго раба на основаніи такой статьи

---

[1]) Рум. Собр. I. № 76. Само собой разумѣется, что лицо, противъ котораго предъявленъ искъ о его холопствѣ, можетъ доказывать, что оно свободно. Но если у отвѣтчика не было никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ присяги, то онъ допускался къ предъявленію такого доказательства только въ томъ случаѣ, если могъ представить за себя поручителя. Въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими читаемъ:

«А кто холопъ или роба имется тягати съ осподаремъ, и пошлется на правду, а не будетъ по нихъ поруки, ино ихъ обвинити». А. Э. I. № 14, 1398, и № 88.

Подъ «правдой» здѣсь, кажется, надо разумѣть присягу. Кромѣ присяги это слово означаетъ и свидѣтелей, конечно, потому только, что они показываютъ подъ присягой.

Соотвѣтственное мѣсто договора 1368 года:

«А иметъ съ кимъ холопъ его тягатися, а не будетъ по немъ поруки, ино холопа обвинити, да выдати осподарю» (Рум. Собр. I. № 28), очевидно напечатано неправильно. Вмѣсто «съ кимъ» надо читать «съ нимъ», т.-е. съ господиномъ.

можетъ предъявить искъ властямъ княжества, гдѣ окажется бѣжавшій. Они должны выдать его «по исправѣ» и «отъ вѣка».

Хотя Русская Правда ничего не говоритъ ни о выдачѣ рабовъ, бѣжавшихъ изъ одного княженія въ другое, ни о вѣчности иска о бѣглыхъ, но нѣтъ основаній думать, что приведенныя постановленія договоровъ составляютъ новость. Это, конечно, исконный порядокъ вещей.

Такъ какъ рабъ не лицо, а собственность другого человѣка, то Русская Правда не смотритъ на убійство раба, какъ на преступленіе, равное убійству свободнаго человѣка.

А въ холопѣ и робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ». III 116.

За убійство свободнаго человѣка виновный платитъ виру: за убійство раба это наказаніе не полагается. Но рабъ составляетъ собственность частнаго человѣка и убійство его причиняетъ господину несомнѣнный убытокъ. Поэтому, если рабъ былъ убитъ безъ всякой вины съ его стороны, виновный въ убійствѣ долженъ вознаградить господина за имущественный ущербъ и, кромѣ того, наказывается еще денежнымъ штрафомъ въ пользу князя, продажей, которая обыкновенно взыскивается за имущественныя правонарушенія.

Русская Правда приводитъ и оцѣнку рабовъ. Съ точки зрѣнія хозяйственной пользы не всѣ рабы равны. Головы людей, пользующихся особымъ довѣріемъ своихъ господъ, оцѣниваются наравнѣ съ головами свободныхъ мужей. За убійство тіуновъ взимается 40 гривенъ, ровно столько же, сколько и за убійство свободнаго человѣка III 3. За тіунами идутъ сельскіе старосты, ремесленники, дядьки и кормилицы. Ихъ головы оцѣнены въ 12 гривенъ. Послѣднее мѣсто занимаютъ простые рабы, рядовые, за нихъ взимается за холопа пять гривенъ, за рабу шесть [1]).

[1]) Близокъ къ этому и Мстиславовъ договоръ съ нѣмцами: за

Но такое вознагражденіе присуждается господину только въ томъ случаѣ, если рабъ будетъ убитъ безъ всякой вины съ его стороны. Если же онъ провинился передъ третьимъ лицомъ, напримѣръ, ударилъ его, то убійство раба-обидчика не ведетъ къ возмѣщенію убытковъ. Это будетъ убійство въ отмщеніе, на которое всякій имѣлъ право.

убійство холопа онъ опредѣляетъ 1 гр. серебромъ, что составитъ около 4 грив. кунами.

Иное мнѣніе о «рядовичѣ» высказываетъ проф. Мрочекъ-Дроздовскій. Изслѣд. о Русск. Правдѣ, Чтенія 1886, кн. I. Рядовичъ, думаетъ онъ, есть низшій служитель князя или иного господина, а именно: «приставникъ, прикащикъ» (199). Къ этому выводу авторъ приходитъ слѣдующимъ образомъ. Онъ разсматриваетъ, въ какомъ смыслѣ лѣтописи и Русск. Правда употребляютъ слово рядъ, и находитъ, что они употребляютъ его въ смыслѣ «приказа» и въ смыслѣ «договора», но съ преобладаніемъ перваго, и въ этомъ «Правда сходится съ Лаврентьевской лѣтописью» (196), а затѣмъ продолжаетъ: «Если-же это такъ, то слову рядъ (и словамъ производнымъ отъ него) въ Правдѣ долженъ быть придаваемъ смыслъ «приказный» по преимуществу: въ этомъ смыслѣ и должно толковать разсматриваемыя слова во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ Правды, которыя требуютъ толкованія». 197.

На этомъ основаніи «рядовичь» не человѣкъ, заключившій договоръ (рядъ) съ своимъ господиномъ, а человѣкъ, получившій отъ него приказъ, прикащикъ (199).

Мы привели подробно мнѣніе проф. Мрочекъ-Дроздовскаго съ тѣмъ, чтобъ остановиться на любопытныхъ пріемахъ автора. Онъ сосчитываетъ сколько разъ и въ какомъ смыслѣ древніе памятники употребляютъ слово рядъ. Затѣмъ «отъ большинства случаевъ» заключаетъ «къ преимущественному» смыслу и къ тому, какъ надо объяснить слова производныя отъ рядъ, но требующія толкованія. Эти слова должны быть объясняемы въ смыслѣ «преимущественномъ». Г. Мрочекъ къ рѣшенію историческихъ вопросовъ примѣняетъ ариѳметическій пріемъ. Мы сомнѣваемся въ вѣрности такого примѣненія. Число разъ, въ которомъ Русская Правда употребляетъ то или другое выраженіе, совершенно случайное, а потому отъ такого числа, кажется, нельзя дѣлать никакихъ заключеній. Затѣмъ г. Мрочекъ едва ли совершенно точно сосчиталъ. Онъ находитъ (196) только одинъ случай употребленія слова рядъ въ смыслѣ договора, это женитьба безъ ряду, ст. 103 Тр. сп. Мы приведемъ еще два: 104-я «тивуньство безъ ряду» и 46-я договоръ займа. Въ смыслѣ же приказа

Итакъ, рабъ могъ быть убитъ безнаказанно за всякую вину. Это суровое право мести въ значительной степени смягчается при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ и особенно при его сыновьяхъ. Съ Ярослава, какъ увидимъ, возникаетъ судебное разсмотрѣніе дѣла объ обидахъ, наносимыхъ рабами свободнымъ лицамъ.

Ставимъ теперь вопросъ о томъ, кто отвѣчаетъ по суду за убытки, причиненные рабомъ, лично рабъ или его господинъ? Русская Правда посвящаетъ этому вопросу пять статей, и не смотря на это обиліе, отвѣчать на него очень трудно. Статьи Правды свидѣтельствуютъ о разнообразной практикѣ и не могутъ быть подведены подъ одно общее начало. Три изъ пяти статей говорятъ о безусловной отвѣтственности господина за убытки, причиняемые дѣйствіями раба; двѣ—предоставляютъ ему на выборъ: уплатить убытки или выдать раба.

Остановимся прежде на статьѣ общаго характера, которая говоритъ о пріобрѣтеніяхъ раба вообще, а не изъ преступленія:

«Оже холопъ бѣгая добоудетъ товару, то господину холопъ и долги, господину же и товаръ». III редакц. 152.

слово «рядъ» употребляется всего одинъ разъ въ ст. 87; въ смыслѣ правила—тоже разъ въ ст. 94. Аріометика, слѣдовательно, не совершенно на сторонѣ г. Дроздовскаго. Но мы этому не придаемъ никакого значенія. Въ Русск. Правдѣ есть статья, которая еще разъ говоритъ о рядѣ, хотя этого слова и не употребляетъ На ея-то основаніи мы и видимъ въ рядовичѣ Русской Правды просто раба. Это ст. 102 Тр. сп. Она говоритъ, что холопство возникаетъ изъ купли-продажи. Купля-продажа есть, конечно, рядъ, договоръ. Продавшіе себя въ рабство, но неотличающіеся никакими особыми качествами, и будутъ просто рядовичи, которыхъ Правда противополагаетъ старостамъ, ремесленникамъ, тіунамъ. Но рядовичъ не непремѣнно рабъ Рядовичъ—всякій по ряду (договору) у кого-либо живущій. Статьи же 22 Ак. и 11 Тр. разумѣютъ подъ рядовичемъ раба потому; что цѣнятъ его въ 5 гривенъ, а это цѣна обыкновеннаго раба, см. ст. 13, 106 и 107.

Троицкій списокъ даетъ такой варіантъ:

...«господину же и товаръ, а не линатися его». 152.

Рабъ не совершилъ преступленія, онъ не укралъ, а добылъ нѣчто, вступивъ въ сдѣлку, при чемъ могъ даже войти въ долгъ. На господина переходятъ какъ всѣ пріобрѣтенія раба, такъ и его потери. Онъ отвѣчаетъ за долгъ своего раба, а не рабъ. Прибавка Тр. сп. особенно подчеркиваетъ обязанность господина отвѣчать за раба: онъ долженъ платить и не можетъ линиться раба, т.-е. выдать его потерпѣвшему. Изъ 50 списковъ, бывшихъ въ рукахъ Колачова, такая прибавка находится въ 47-ми и отсутствуетъ въ 3-хъ. Эту прибавку, совершенно согласную съ содержаніемъ статьи, считаю правильной.

Перехожу къ статьямъ, которыя говорятъ объ убыткахъ, причиненныхъ преступными дѣйствіями рабовъ.

«Аже будутъ холопи татие..., іхъ же князь продажею не казнитъ, за не суть не свободни, то двоиче платитъ ко истьцю за обидоу». III 57.

Эта статья повторяется во многихъ спискахъ безъ существенныхъ варіантовъ.

Князь не казнитъ рабовъ продажею, такъ какъ они не свободны. Это значитъ, что рабы не отвѣчаютъ передъ княземъ за совершеніе кражи; ихъ кража ведетъ только къ уплатѣ частнаго вознагражденія пострадавшему и въ двойной цѣнѣ. Кто платитъ это вознагражденіе? Господинъ, ибо все, принадлежащее рабу, принадлежитъ господину. Что платитъ именно господинъ, а не рабъ, это прямо сказано въ другой статьѣ:

«Аже кто бѣжа, а поиметъ сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань оурокъ, что будетъ взялъ». III 157.

Взять, въ данномъ случаѣ, тоже означаетъ кражу. Господинъ платитъ цѣну (урокъ) украденнаго.

Но есть двѣ статьи, которыя говорятъ о кражахъ же и обманахъ рабовъ, но предоставляютъ господину на выборъ—или «выкупить» раба или выдать его.

«Аже холопъ крадетъ кого-либо, то господину выкупати и̑ любо выдати»... III 154.

«Аче же холопъ кдѣ купы выляжетъ (такъ по Кар., т.-е. добудетъ обманомъ, вмѣсто «вложитъ» по Тр.), а онъ (кредиторъ) будетъ не вѣдая (что имѣлъ дѣло съ холопомъ) вдалъ, то господину выкупать али лишитися его. Вѣдая ли (что имѣетъ дѣло съ холопомъ) вдалъ, а купъ ему лишитися». III 149.

По этимъ статьямъ у господина выборъ. Примирить ихъ съ первыми не видимъ возможности. Надо думать, что практика была разная. Русская Правда не Сводъ Законовъ, а и въ немъ есть противорѣчія, тѣмъ болѣе въ Правдѣ, куда заносились обычаи и практика, часто спорная. Что практика по разсматриваемому вопросу была спорная, это видно изъ приведенной прибавки: «а не лишитись его». Прибавка эта, конечно, была вызвана желаніемъ господъ выдачей виновнаго раба освободиться отъ дальнѣйшаго взысканія и соотвѣтственной тому практикой. Поэтому статья и входитъ въ полемику и говоритъ: этого нельзя. Разнообразіе практики отразилось и въ другомъ пунктѣ. Приведенная 57-я ст. говоритъ о взысканіи двойной цѣны украденнаго; а по ст. 83 кража рабомъ лошади оплачивается обыкновенной ея цѣной.

Въ московскихъ памятникахъ встрѣчаемъ такъ же безусловную отвѣтственность господина за убытки, причиненные его рабомъ.

Въ наказѣ бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ читаемъ:

«А которые люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнити смертною казнію, а животы ихъ истцомъ въ выть въ полы истцовыхъ исковъ; а будетъ боярскіе люди, и старостамъ за тѣхъ людей имати выти въ полы истцовыхъ исковъ на государѣхъ ихъ, чьи тѣ люди» (А. Э. I. № 281, 1571).

То же и въ Уложеніи:

«А которые языки говорятъ на чьихъ нибудь людей, и доведется на нихъ взяти выти, и за тѣхъ людей класти выти на тѣхъ людей, кому кто служитъ» (XXI, 66).

По наказу бѣлозерскимъ старостамъ господинъ платитъ убытки, причиненные его рабомъ, въ половину противъ того, что̀ показываетъ истецъ; по Уложенію—безъ всякаго ограниченія.

По 69 ст. Уложенія (XXI) боярскій человѣкъ, убившій чужого боярскаго человѣка, но безъ умысла, по наказаніи кнутомъ, долженъ быть выданъ тому господину, человѣка котораго онъ убилъ. Здѣсь убійца отвѣчаетъ лично: онъ выдается въ возмѣщеніе убытковъ. Но понесшій убытокъ можетъ не принять убійцу: выдача, въ этомъ случаѣ, замѣняется взысканіемъ съ господина убійцы 50 рублей (70). Возмѣщеніе убытка переходитъ опять на господина.

Всякія преступленія раба, нанесеніе ранъ, побо́евъ, оскорбленій дѣйствіемъ и словомъ и пр. разсматривались, какъ вина раба передъ свободнымъ мужемъ, и могли вести къ безнаказанному его убійству, согласно 116 ст. III ред., пока разсмотрѣніе этихъ дѣлъ не перешло къ судьямъ. Въ дѣйствительности, надо думать, не всегда находились охотники проливать кровь раба за всякую его вину. Обиженные, которые не хотѣли убивать раба, входили въ соглашеніе съ его господиномъ и довольствовались денежнымъ вознагражденіемъ за обиду.

Къ вопросу о послѣдствіяхъ преступленій, совершенныхъ рабомъ, относится статья 87 третьей редакціи, сохранившая слѣдъ очень глубокой древности. Она читается такъ:

«А се, аже холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господину 12 гривенъ» [1]).

---

[1]) Въ спискахъ Правды эта и слѣдующая статья предшествуютъ выше разобранной 116-й: «А въ холопѣ и робѣ виры нѣтуть...» и пр. Но отсюда не слѣдуетъ, что правило, въ ней выраженное, древнѣе того, которое содержится въ 116. Сколько-нибудь точную хронологію имѣютъ только тѣ статьи Правды, которыя прямо приписываются извѣ-

II по этой статьѣ за раба отвѣчаетъ господинъ. Но въ ней есть и своя особенность: обиженный не можетъ войти въ домъ господина и распорядиться съ обидчикомъ по своему усмотрѣнію; онъ долженъ удовольствоваться установленной платой. Въ правѣ господина не выдавать раба надо видѣть указаніе на неприкосновенность жилищъ. Домъ господина есть мѣсто убѣжища для раба. Его можно убить за обиду внѣ дома его господина, а не въ самомъ домѣ. Тамъ онъ неприкосновененъ. Это единственное, а потому и драгоцѣнное указаніе на неприкосновенность жилищъ въ нашей глубокой древности. Тоже начало извѣстно и германскому праву. Но тамъ оно сохранилось очень долго. Еще отъ начала XVII вѣка есть свидѣтельства, что преступникъ, скрывшійся въ своемъ домѣ, не могъ быть схваченъ и приведенъ въ судъ. Судъ самъ приходилъ къ его дому, и обвиняемый отвѣчалъ на вопросы суда изъ окна, и то, если хотѣлъ (Frauenstädt, Blutrache und Todtschlagsühne im deutschen Mittelalter, 1881, стр. 63).

Слѣдующая за этой статья (88) дала поводъ къ толкованіямъ, которыя очень трудно принять.

«А за тѣмъ, аче и кдѣ налѣзеть ударенный тъ (тъи, той) своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и; но сынове его, по отци, уставиша на куны: любо бити и развязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ».

Б. Н. Чичеринъ видитъ въ этой статьѣ указаніе на

стному князю. Многія статьи, не пріурочиваемыя ни къ какому имени, составляютъ исконные обычаи; поэтому онѣ и не связываются съ именемъ князя. Но въ списокъ Правды они могли быть занесены позднѣе тѣхъ, которыя приписываются извѣстному князю и, слѣдовательно, могутъ казаться моложе ихъ. Хронологія возникновенія нормъ права и хронологія занесенія статей въ списки Правды, конечно, не совпадаютъ. Есть, однако, изслѣдователи, которые въ послѣдовательности расположенія статей въ спискахъ Правды видятъ хронологію самаго возникновенія содержащихся въ нихъ нормъ. Отсюда возникаетъ много чрезвычайно существенныхъ разногласій въ объясненіи содержанія Правды.

единственное «преступленіе, которое имѣло послѣдствіе и для самого холопа». Послѣдствіе это состояло въ томъ, что «обиженный могъ убить холопа, гдѣ бы его не встрѣтилъ» (Опыты, 150).

Что ударъ свободнаго мужа есть единственное преступленіе, имѣвшее послѣдствіе для самого раба, въ этомъ можно очень сомнѣваться. Рабъ могъ быть безнаказанно убитъ за всякую вину. Всякая вина его, слѣдовательно, могла имѣть лично для него послѣдствія.

Возникаетъ далѣе вопросъ о томъ, что означаютъ слова статьи: «А за тѣмъ»? Понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что обиженный, получивъ плату за ударъ, могъ потомъ, при встрѣчѣ съ рабомъ, убить его, нѣтъ никакой возможности. Это значило бы, что одно и то же преступное дѣяніе наказывается два раза. Господинъ платилъ 12 гривенъ, сумму, превышающію обыкновенную цѣну раба, которая равнялась 5 гривнамъ, а за тѣмъ терялъ и самаго раба [1]). Выраженіе «а за тѣмъ», конечно, относится къ нововведеніямъ Ярослава и его сыновей, которыя измѣнили старые порядки.

Статью надо читать такъ:

«А за тѣмъ Ярославъ уставилъ, если гдѣ ударенный найдетъ своего обидчика, то убить его, но сыновья его, по смерти отца, уставили на куны» и т. д. Тутъ цѣлая исторія законодательства, а не разсказъ о нанесеніи рабомъ удара свободному человѣку, о бѣгствѣ раба въ домъ господина, о невыдачѣ его господиномъ и встрѣчѣ съ обидчикомъ послѣ полученія штрафа за обиду и т. д. Какъ же надо понимать нововведеніе Ярослава?

Б. Н. Чичеринъ и многіе другіе изслѣдователи поня-

[1]) 12 гривенъ продажи взимались за убійства раба безъ всякой съ его стороны вины (III, 116). Здѣсь брались тѣ же 12 гривенъ. Но въ данномъ случаѣ, это не продажа, а вознагражденіе пострадавшему. Оно равнялось, слѣдовательно, не продажной цѣнѣ раба, а цѣнѣ его жизни. Обиженный могъ убить его, и господинъ, платя 12 гривенъ, выкупалъ жизнь виновнаго раба.

маютъ эту статью въ томъ смыслѣ, что она предоставляетъ обиженному убить раба [1]).

Трудно думать, чтобы именно такой уставъ сдѣлалъ христіанскій князь Ярославъ, покровитель книжнаго просвѣщенія, строитель монастырей, «до излиха» любившій мирную жизнь монаховъ, число которыхъ при немъ очень увеличилось.

Тѣмъ не менѣе онъ «уставилъ убить раба». Этого свидѣтельства нельзя отвергнуть; что же оно значитъ?

Ярославъ не имѣлъ надобности повторять въ своемъ уставѣ нѣчто изъ того, что всегда допускали обычаи, а по народнымъ обычаямъ обиженный, конечно, всегда имѣлъ право убить обидчика. Онъ, надо думать, установилъ новое: смертную казнь рабамъ за ударъ свободному мужу. Съ этой точки зрѣнія формула: «уставилъ убити» получаетъ полный смыслъ. По опредѣленію суда можно предписать казнить раба; но какъ предписать это обиженному, который можетъ не желать пролитія крови?

Таковъ смыслъ, кажется мнѣ, новаго устава Ярослава.

Я уже имѣлъ случай (Лекціи и Изслѣд. 447) высказаться въ пользу необходимости допустить, что при Ярославѣ у насъ была сдѣлана вторая попытка ввести смертную казнь за убійство. Разобранная статья вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе. Ярославъ Мудрый, любитель книжнаго просвѣщенія, интересовался, конечно, не одними только памятниками церковнаго законодательства, но и тѣми сборниками свѣтскихъ законовъ, которые пришли къ намъ вмѣстѣ съ Номоканономъ. Тамъ нашолъ онъ смертную казнь не въ смыслѣ мести, какъ она практиковалась у насъ до него, а въ смыслѣ наказанія по суду. Въ примѣненіи этого наказанія и къ рабамъ заключается лучшая сторона его реформы. По народнымъ обычаямъ всякій могъ убить своего обидчика и не только

[1]) Такъ проф. Владимірскій-Будановъ, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, говоритъ: «во времена Ярослава обиженный могъ убить холопа». Христ. I. 61.

раба, но и свободнаго, Ярославъ вводитъ казнь по суду, это значитъ, что судья можетъ и не приговорить обидчика раба къ смертной казни. Я не хочу этимъ сказать, что съ Ярослава частная месть замѣнилась судебнымъ приговоромъ. Это дѣлается не такъ легко и не такъ скоро. Но великое слово было сказано. Въ этомъ заслуга Ярослава; древность не напрасно отмѣтила его наименованіемъ мудраго.

Нововведеніе Ярослава могло повести и къ отмѣнѣ неприкосновенности жилища въ данномъ случаѣ. Если рабъ отвѣчаетъ за ударъ свободному передъ судомъ, то судья могъ требовать отъ господина представить обвиняемаго къ суду.

Составитель Русской Правды не ограничивается нововведеніями Ярослава. Онъ приводитъ и нововведенія его сыновей. Разсматриваемая статья (88) настоящій историческій очеркъ. Въ концѣ ея читаемъ:

«Но сынове его, по отци, оуставиша на куны: любо бити и розвязавше любо ли взяти гривна кунъ за соромъ».

Редакція очень неточная. Впереди идетъ общее положеніе: сыновья Ярослава замѣнили смертную казнь денежнымъ штрафомъ, А изъ послѣдующаго видно, что виновный рабъ наказывался альтернативно: штрафомъ или тѣлесно Но не это существенно и важно. Важно и существенно то, что сыновья Ярослава пошли дальше своего отца: смерную казнь раба они замѣнили штрафомъ или тѣлеснымъ наказаніемъ. Кто же выбираетъ между штрафомъ и тѣлеснымъ наказаніемъ? Конечно, судъ. Итакъ, сыновья Ярослава стоятъ на точкѣ зрѣнія отца: обиды рабовъ разсматриваются судомъ, но рѣшаются мягче, чѣмъ при Ярославѣ. Статья предполагаетъ цѣлый рядъ произведенныхъ реформъ.

Но что значитъ «бити и розвязавше»? «Розвязавше» указываетъ на нѣкоторый опредѣленный порядокъ нака-

занія. Одно мѣсто въ словѣ Даніила Заточенника даетъ, кажется, возможность выяснить этотъ порядокъ. О наказаніи безумнаго тамъ сказано:

«А безумнаго аще и кнутомъ бьеши, развязавъ на санехъ, не отъимети безумія его» (Рус Бес. 1856. II 13).

Подлежащаго тѣлесному наказанію привязывали, слѣдовательно, къ санямъ. Это и значитъ «бить развязавше».

Рабы вызываются къ суду, какъ обвиняемые, еще въ XI вѣкѣ! Объясненія ихъ выслушиваются, и судъ можетъ признать раба не виновнымъ въ ударѣ, онъ можетъ найти, что рабъ былъ вызванъ нанести ударъ, защищаясь, напримѣръ. Въ случаѣ виновности раба, судъ могъ приговорить его или къ тѣлесному наказанію или къ платежу штрафа.

Списки древнѣйшей редакціи Правды также сохранили слѣды нововведеній Ярослава, но безъ ссылки на него. О нововведеніяхъ сыновей его имъ ничего не извѣстно. Одна изъ редакцій имѣетъ такой варіантъ: если господинъ не выдастъ холопа, — «то холопа пояти да платитъ за него господинъ 12 гривенъ». Это, конечно, описка. У господина берутъ и холопа и деньги! Можно думать, что переписчикъ другаго списка замѣтилъ и понялъ эту описку, а потому и поправилъ ее прибавкой словъ: «то холопа не яти» (мое изданіе Правды 3). Ни описка, ни поправка въ третью редакцію Правды не вошли. У составителей, надо думать, былъ другой источникъ, а не намъ извѣстные краткіе списки Правды.

Но всякое обвиненіе раба поражаетъ и его господина. Господа не могутъ оставаться равнодушными къ дѣйствіямъ суда по отношенію къ ихъ рабамъ. Въ договорахъ Новгорода съ князьями встрѣчаемъ, поэтому, такую статью:

«Ни холопа, ни робы безъ господаря твоимъ судьямъ не судити».

Господа должны быть вызываемы въ судъ при слушаніи дѣлъ о ихъ рабахъ для огражденія своихъ интересовъ. Въ Новгородѣ это право за господами формально признано. Въ другихъ мѣстахъ оно, можетъ быть, только практиковалось.

Такимъ образомъ, уже съ Ярослава, т.-е. съ первой половины XI вѣка, рабы при столкновеніи ихъ съ третьими лицами, не были предоставлены полному ихъ произволу. Вопросъ о винѣ ихъ рѣшался судомъ. Ярославъ Владиміровичъ, установивъ смертную казнь по опредѣленію суда, не ухудшилъ положеніе раба, а улучшилъ его, давъ рабу судебную защиту.

По и ранѣе этого князя, убійство раба за вину не было актомъ полнаго произвола обиженнаго. Статья 116 III ред. говоритъ, что если рабъ былъ убитъ безъ вины, то убійца платилъ урокъ господину и продажу князю. Отсюда слѣдуетъ, что послѣ убійства раба господинъ его могъ начать дѣло предъ судомъ и доказывать, что рабъ не былъ виноватъ предъ убійцей и убитъ имъ невинно. Этотъ порядокъ, можно думать, современенъ реформамъ Ярослава.

Новогородская судная грамота прямо предписываетъ привести раба, обвиняемаго въ преступленіи, въ судъ:

«А кому будетъ дѣло до владычня человѣка, или до боярскаго, или до житейского, или до купетцкого, или до монастырского, или до кончанского, или до улитцкого—въ волости о татьбѣ, и о разбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово, рука дать по крестному цѣлованію, что той человѣкъ тать и разбойникъ, или грабетщикъ, или пожещикъ, или душегубецъ, или холопъ (т.-е. бѣглый). Ино въ коей волости будетъ отъ владыки волостель или посельникъ, ино имъ поставить того человѣка у суда; а боярину, и житьему, и купцу, и монастырскому заказщику, и посельнику, и кончанскому, и улитцьскому также своихъ людей ставитъ у суда. А срокъ взять на сто верстъ три недѣли, а больше и далѣ по числу. А до суда надъ

нимъ силы не дѣять. А кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обвинить» (36).

Этотъ порядокъ вещей переходитъ и въ Уложеніе, о чемъ ниже.

Рабы, какъ зависимые люди, не допускаются къ свидѣтельству на судѣ, за исключеніемъ, однако, самыхъ довѣренныхъ слугъ, тіуновъ; но и свидѣтельство тіуновъ принимается только при отсутствіи свободныхъ свидѣтелей.

«А послушьства на холопа не складаютъ. Но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати» (III 89, 90, ср. 110, 111).

Большинство разобранныхъ нами статей имѣетъ въ виду случаи столкновенія рабовъ съ третьими лицами, а не съ ихъ господами. Къ послѣднему случаю относятся лишь статьи, говорящія о правѣ господъ отыскивать бѣглыхъ рабовъ. За исключеніемъ этихъ статей, въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ постановленій, опредѣляющихъ существо господскихъ правъ.

Въ чемъ же состояли эти права? Могъ ли господинъ распоряжаться своимъ холопомъ, наказывать его? Подлежали-ли права господина на холопа какимъ-либо ограниченіямъ, или онъ могъ безнаказано причинять ему всякаго рода обиды, насилія и даже смерть?

Русская Правда ни однимъ словомъ не отвѣчаетъ на эти вопросы. Надо думать, что первоначально права господина не подлежали никакимъ ограниченіямъ. Но ограниченія появляются довольно рано. Они существуютъ уже въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, въ эпоху Русской Правды, которая о нихъ ничего не знаетъ. Но наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ чрезвычайно отрывочны и скудны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что улучшеніе быта рабовъ происходитъ у насъ подъ вліяніемъ церкви. Такъ это было и въ западной Европѣ. Въ древнемъ Римѣ это произошло еще при полномъ господствѣ язычества, въ концѣ

республики, благодаря гуманнымъ идеямъ римской письменности (S. Boissier, Ciceron et ses amis, 1905). Сматря на бракъ, какъ на таинство, западная церковь начинаетъ примѣнять этотъ взглядъ и къ половымъ отношеніямъ рабовъ и добивается, наконецъ, признанія ихъ браковъ. Это уже ограниченіе господской власти. Церковь заботится и о смягченіи властныхъ отношеній господъ по отношенію къ ихъ рабамъ и достигаетъ запрещенія произвольнаго убіенія рабовъ господами. Христіанскія правительства должны были присоединиться къ этимъ усиліямъ церкви. Благодаря соединенному дѣйствію этихъ двухъ факторовъ, за рабами начинаютъ признавать право на пріобрѣтенное ими имущество и право наслѣдованія дѣтей послѣ родителей.

Такая же работа церкви и христіанскихъ князей происходила и насъ.

Въ древнѣйшихъ поученіяхъ духовенства находимъ слѣды заботливости его о рабахъ. Кириллъ Туровскій, знаменитый проповѣдникъ XII в., внушаетъ господамъ не угнетать рабовъ своихъ. Описывая мытарства, которыя должна испытывать душа умершаго, онъ относитъ къ нимъ и «ярость съ гнѣвомъ или на чада, или на рабы, на всякаго человѣка» (Пам. рос. слов. XII в., изд. Калайдовичемъ, XII слово).

Въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ кормчихъ конца XIII вѣка находится поученіе епископа новопоставляемому священнику. Въ немъ воспрещается принимать какія бы то ни было приношенія въ церковь отъ жестокихъ господъ:

«Въ церкви не дай повѣстити, и не прими приноса въ божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блоудникъ, ни прелюбодѣй, ни отъ татій и разбойникъ и грабитель, и властель немилосердъ, ни отъ корчемника и рѣзоимьца ротника и клеветника, поклепника и лжи послуха, вълхва и потворника, игрьца и злобника, или томя челядь свою гладъмь и рапами: кто будетъ отъ таковыхъ, а не покаются, не емли у нихъ приноса» (Рус. истор. библ. VI. 107).

Жестокіе господа поставлены здѣсь рядомъ съ невѣрными, еретиками и разбойниками.

Въ тѣхъ же кормчихъ находимъ поученіе духовника исповѣдующимся, которое, по мнѣнію проф. Павлова, «принадлежитъ къ глубокой древности и носитъ на себѣ явные слѣды русскаго происхожденія». Въ этомъ поученіи читаемъ:

«Челядь же свою также милуй, дажь имъ потребная; наказай же я на добро не яростію, но яко дѣти своя». Тамъ же 124.

Слова кротости и милосердія, раздававшіяся и съ церковной каѳедры, и въ поученіяхъ священниковъ, и на исповѣди, не могли не оказывать вліянія на отношенія господъ къ рабамъ и не могли не оставить слѣдовъ своихъ въ юридическихъ памятникахъ.

Древнѣйшее постановленіе, ограждающее рабынь отъ насилія со стороны господъ, находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII вѣка, гдѣ читаемъ:

«Оже кто робу повержеть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривну; паки ли соромить собѣ свободна».

Буквальный смыслъ статьи не возбуждаетъ недоразумѣній: «собѣ свободна» значитъ, конечно, становится свободной. Но какъ объяснить правило, по которому раба, потерпѣвшая насиліе, пріобрѣтала свободу? Если это раба третьяго лица, а не того, кто виновенъ въ насиліи, то статья невозможная. При ея дѣйствіи не могло бы удержаться рабство на женщинъ. Надо думать, что статья имѣетъ въ виду насиліе собственной рабѣ.

По почему о такомъ насиліи можетъ идти рѣчь въ договорѣ новогородцевъ съ нѣмцами? Договоръ имѣетъ въ виду не отношенія русскихъ къ русскимъ и нѣмцевъ къ нѣмцамъ, а только русскихъ къ нѣмцамъ. Надо думать, что нѣмцы имѣли рабынь русскихъ, а русскіе—нѣмокъ. Для огражденія ихъ и постановлено приведенное правило.

По чьей иниціативѣ введено это правило въ договоръ,

по русской или нѣмецкой, этого мы не знаемъ. Также не знаемъ, примѣнялось ли оно къ насиліямъ, совершаемымъ русскими господами по отношенію къ ихъ русскимъ рабынямъ. Но допустить это возможно. Статья Уложенія (XX. 80), о которой рѣчь будетъ ниже, можетъ имѣть очень древніе корни.

Отъ конца XV вѣка до насъ дошли посланія Іосифа Санина, основателя Волоколамскаго монастыря. Въ одномъ изъ нихъ онъ поучаетъ нѣкоего господина:

«Отъ божественныхъ писаній, како повелѣваютъ не яко раби имѣти, но яко братію миловати, и питати, и одѣвати довольно и душами ихъ пещися, еже о спасеніи, и наказывати ихъ всегда на благая дѣлеса..., яко вси есми созданіе господне, вси плоть едина, и вси миромъ единѣмъ помазани, и вси въ руцѣ Господни, его же хощетъ обнищеваетъ, и всѣмъ стати предъ единѣмъ Царемъ страшнымъ...».

Въ заключеніе Іосифъ говоритъ:

«И се, господине, Богъ на тебѣ свою милость показалъ, и государь тебя князь великій пожаловалъ: ино и тебѣ, господине, подобаетъ своя клевреты пожаловати и милость къ нимъ показати, и пищею и одеждою удоволить, и инѣми всякими нужными потребами упокоити...». (Д. къ А. И. I. № 213).

Въ другомъ посланіи онъ совѣтуетъ:

«Когда отроку 15 лѣтъ, а отроковицѣ 12, ино ихъ пытати государю, и аще восхотятъ постришися, ино ихъ отпустити; аще же не захотятъ, ино отрока женити, а отроковицю замужъ дати».

Что христіанская идея равенства людей передъ Богомъ приносила свои плоды въ практической жизни, видно изъ примѣра извѣстнаго Башкина. Онъ говорилъ на духу:

«Написано...: возлюби искренняго твоего, какъ самъ себя... Христосъ называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы парядныя, на иныхъ полныя... Благодарю Бога моего: у меня были кабалы полныя, всѣ изодралъ, держу людей добровольно».

Это человѣкъ XVI вѣка. Его современникъ, попъ Сильвестръ, также пользовался услугами только свободныхъ людей.

Отъ самаго начала XVII вѣка имѣемъ и два указа, изданные въ интересахъ рабовъ. Первый принадлежитъ царю Борису. Онъ вмѣняетъ господамъ въ обязанность кормить рабовъ даже въ голодные годы, а не ссылать ихъ со двора для прокормленія именемъ Божіимъ. Всѣ холопы, которымъ господинъ откажетъ въ прокормленіи, могутъ получить вольную. Въ указѣ читаемъ:

Будетъ которые холопи отъ нихъ (господъ своихъ) не бѣгаютъ, а они тѣхъ холопей съ двора сослали, а отпускныхъ имъ не дали и крѣпостей имъ не выдали, и они бы имъ давали отпускные и крѣпости имъ выдавали. А которымъ холопемъ отпускныхъ не дадутъ и крѣпостей не выдадутъ, а велятъ имъ кормиться собою, а хотятъ за нихъ впредь въ холопствѣ иматься, и Государь Царь и Великій Князь, Борисъ Ѳедоровичъ, всея Русіи, и его Царскаго Величества сынъ, Государь Царевичъ Князь, Ѳедоръ Борисовичъ, всея Русіи, велѣли: тѣмъ холопемъ давати отпускные въ Приказѣ Холопья суда Ивану Ласкиреву да дьяку Михайлу Уиковскому». А. И. I № 44. 1603.

Второй изданъ царемъ Шуйскимъ. Онъ написанъ какъ бы подъ диктовку Іосифа Санина.

«А которые люди, читаемъ въ указѣ, держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову послѣ мужа болѣе 2 лѣтъ, а парня холостаго за 20 лѣтъ, а не женятъ и воли имъ не даютъ,—и той вдовѣ или дѣвкѣ или парню идти къ казначею, а казначею опытавъ о томъ... тѣмъ дати отпускныя ..». Суд. Татищева.

Господамъ предоставлено на выборъ: или женить холопа, или дать ему волю! Если господинъ не дѣлалъ ни того, ни другого, у раба право жалобы и искъ о вольности.

Но указъ этимъ не ограничивается. Онъ предусматриваетъ возможность сопротивленія господъ и принимаетъ соотвѣтствующія мѣры.

Для противодѣйствія искамъ о вольности неженатыхъ рабовъ, господа, съ своей стороны, могли подать встрѣчный искъ о кражѣ. Шуйскій приказываетъ отказывать въ такихъ искахъ:

«Не держи неженатыхъ подъ законъ Божій и правила святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людяхъ».

Указъ Шуйскаго уже предполагаетъ, что рабы живутъ въ христіанскомъ бракѣ. Онъ идетъ дальше, онъ обязываетъ господъ дать женъ холопамъ и мужей рабынямъ. Уложеніе не повторяетъ этого правила. Но и въ немъ есть статья, свидѣтельствующая о признаніи браковъ рабовъ. Уложеніе предусматриваетъ такой случай. Нѣкто далъ въ приданое за дочерью или сестрой своего холопа или рабу. Дочь или сестра умерла, не оставивъ дѣтей. Холопъ и раба, въ этомъ случаѣ, возвращаются къ прежнему господину съ женою и мужемъ, если они тѣмъ временемъ вступили въ бракъ, на томъ основаніи, что

«По правилу святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ жены съ мужемъ разводити не велѣно: гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, тому и мужъ». (XX, 62).

Это значитъ, что мужа нельзя продавать отдѣльно отъ жены.

Когда же были примѣнены къ рабамъ каноническія правила о бракѣ? Источники ничего объ этомъ не знаютъ. Но, надо думать, они начали примѣняться къ нимъ съ принятія христіанства.

Какъ это на нашъ взглядъ ни странно, но есть въ памятникѣ первой половины XIII вѣка статья, которая предполагаетъ у рабовъ собственное имущество и наслѣдниковъ этого имущества. Это 7 я статья Смолепскаго договора съ нѣмцами:

«Аже латинянинъ дасть княжю хълопоу въ заемъ или инъмоу доброу члвку (вар.: или боярьскоу), а оумрете не заплативъ, а кто зимлть его остатъкъ, томоу платити немчиноу».

Исторія составленія этого договора намъ такъ же мало извѣстна, какъ и исторія составленія вышеуказаннаго новогородскаго договора конца XII вѣка, а потому мы и не можемъ сказать, какіе порядки вліяли на приведенныя изъ нихъ статьи: русскіе или нѣмецкіе. Можемъ утверждать только, что свидѣтельство Смоленскаго договора на собственность у рабовъ не есть единственное. Мы приведемъ ниже нѣсколько такихъ указаній изъ памятниковъ, которые стоятъ внѣ всякой возможности нѣмецкаго вліянія.

Но приведенная статья предполагаетъ у рабовъ собственность, а не узаконяетъ собственности рабовъ. Это большая разница. Статья собственно ничего не вводитъ новаго, а отправляется лишь отъ существующаго: есть рабы, которые имѣютъ собственность, а потому они и вступаютъ въ сдѣлки отъ своего имени и передаютъ имѣніе свое наслѣдникамъ. Статья предполагаетъ эту практику и говоритъ: по обязательствамъ, заключеннымъ умершими рабами, отвѣчаютъ ихъ наслѣдники.

Съ какого времени существуетъ такая практика? Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что Смоленскій договоръ постановляетъ нѣчто новое, и что это новое находится въ противорѣчіи съ правомъ, дѣйствовавшимъ во время Русской Правды [1]).

Въ подтвержденіе этого вывода ссылаются на статьи Русской Правды: III 149, 152.

Статья 152-я опредѣляетъ послѣдствія возвращенія бѣглаго раба къ господину. Во время бѣгства рабъ могъ вступить въ сдѣлку, пріобрѣсти что-нибудь или войти въ долги. Съ возвращенія его къ господину, на послѣдняго переходятъ и всѣ сдѣлки, совершенныя рабомъ во время бѣгства. Это совершенно натурально. Рабъ собственность господина, а потому его пріобрѣтенія и потери – суть

[1]) См. Чичеринъ, Опыты, 149; Владимірскій-Будановъ, Христоматія I, 98.

пріобрѣтенія и потери господина. Статья 149-я говоритъ о послѣдствіяхъ для господина обманной сдѣлки, совершенной холопомъ. Если холопъ получилъ обманомъ отъ 3-го лица деньги, и это 3-е лицо не знало, что имѣло дѣло съ холопомъ, въ этомъ случаѣ отвѣтственность падала на господина: онъ платилъ убытки по общему правилу ст. 152-й. Если же 3-е лицо знало, что вступило въ сдѣлку съ холопомъ, дѣйствовавшимъ отъ себя, а не по порученію господина, то господинъ не отвѣчалъ. Вѣдая ли будетъ вдалъ, а купъ ему литится», говоритъ статья. Это значитъ, что у кредитора, который завѣдомо вступилъ въ сдѣлку съ рабомъ, нѣтъ иска противъ господина; но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что за рабомъ признается право не платить долги. Если онъ имѣлъ свое имущество, то, конечно, долженъ былъ платить свои долги. Этой возможностью получить долгъ съ раба и обусловливается случай, предусматриваемый статьею: нѣкто завѣдомо вступилъ въ сдѣлку съ рабомъ, какъ рабомъ, а не представителемъ своего господина. Въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ запрещеній для раба имѣть собственность и вступать въ сдѣлки, не нарушая правъ господина [1]). Что не запрещалось никакими указами, то могло происходить по простому допущенію со стороны господъ. Думаемъ, что порядокъ вещей, предполагаемый Смоленскимъ договоромъ, исконный; это наша старина.

Для выясненія этой старины обратимся къ роли, какую играли рабы въ домахъ своихъ господъ.

Положеніе рабовъ въ домахъ господъ было очень различное. Различіе это обусловливалось различной годностью рабовъ. Я уже выше имѣлъ случай замѣтить, что внизу лѣстницы несвободныхъ людей стоятъ простые рабы (рядовичи), выше ихъ стояли ремесленники, еще выше лица, пользовавшіяся особымъ довѣріемъ своихъ

[1]) Сторонники оспариваемаго мнѣнія указываютъ еще на III 150 ст.; о ней рѣчь ниже.

господъ, которымъ повѣрялись ключи дома, и которые поэтому носили наименованіе тіуновъ или ключниковъ. Все домашнее хозяйство было дѣломъ рабовъ. Рус. Правда упоминаетъ огнищнаго, конюшеннаго и сельскаго тіуна. III, 13. За двухъ первыхъ назначалась высокая плата въ 80 гривенъ потому, что это тіуны княжескіе. Огнищный, по всей вѣроятности, вѣдалъ княжескій домъ (огнище); конюшій—княжескія конюшни. За тіуновъ бояръ взыскивалось менѣе, 40 гривенъ. Но и это очень высокая плата, это плата за свободнаго человѣка. Этимъ тіунамъ довѣрялось, надо думать, все боярское хозяйство. Сельскій тіунъ, по всей вѣроятности, смотритель сельскихъ работъ, за него бралось 12 гривенъ. Это въ два раза съ половиною выше платы за рядовича. Рабамъ же поручаютъ господа и совершеніе отъ своего имени всякихъ сдѣлокъ, договоровъ купли-продажи и пр. Въ Русской Правдѣ читаемъ:

«Аже пустить (господинъ) холопъ въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитись его». III 150.

Въ данномъ случаѣ холопъ дѣйствуетъ не на свой страхъ, а по порученію господина, онъ его повѣренный; и потому господинъ отвѣчаетъ за него безусловно.

Для опредѣленія общественнаго состоянія тивуновъ мы имѣемъ выше приведенный текстъ Ст. III 89. Она говоритъ: рабъ не можетъ быть свидѣтелемъ; но если не будетъ свободнаго человѣка, то по нуждѣ можно выслушать боярскаго тіуна Отсюда слѣдуетъ, что тіунъ, обыкновенно, холопъ. Къ тому же приводитъ и ст III 142.

А се третьее холопьство: тивуньство безъ ряду или привяжетъ ключь къ собѣ безъ ряду. Съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоить».

Изъ этой статьи слѣдуетъ: 1) что тивунъ и ключникъ одно и то же; 2) что взять на себя тивуньство, не оговоривъ своей свободы, равносильно поступленію въ рабство.

Тивунъ—свободный человѣкъ, конечно, дѣло возможное, но это исключеніе; обыкновенно же тивунъ—рабъ.

Какая же дѣятельность тіуна-ключника? Это первый человѣкъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Владиміръ Мономахъ, поучая дѣтей своихъ за всѣмъ приматривать самимъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ тіуна:

«Не зрите, говоритъ онъ, на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему».

Управленіе и судъ составляли въ древнее время доходную статью правителей. Это было право князей, которымъ они дѣлились съ своими вольными слугами. Но князья и ихъ вольные слуги судили и управляли не всегда лично сами, а дѣйствовали при помощи особо назначаемыхъ ими къ тому лицъ. Въ качествѣ такихъ второстепенныхъ правителей и судей опять встрѣчаемъ тивуновъ.

Вотъ жалоба кіевлянъ на своихъ правителей князьямъ, Всеволоду и Игорю:

«И начаша кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратшну, и на другого тивуна на Вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, Тудоръ—Вышегородъ: а нынѣ, княже Святославе (черезъ него велись переговоры), цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ (Игоремъ): аще кому насъ будетъ обида, то ты прави».

Святославъ на это отвѣчалъ:

«Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ (Игоремъ), яко не будетъ вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тивунъ, а по вашей волѣ». Ипат. 1146.

Итакъ, тивуны Всеволода были судьи въ Кіевѣ и Вышгородѣ и творили неправду; народъ требуетъ, чтобы впередъ князь самъ судилъ. Эти судьи, государственные чиновники, не имѣютъ, однако, названія, соотвѣтствующаго ихъ публичной должности. Они называются по ихъ частной должности у князя, по тивунству.

Что же удивительнаго, что эти довѣренныя и властныя лица имѣли собственность?

У Ратши былъ свой дворъ въ Кіевѣ. Кіевляне, послѣ выдачи имъ Ратши, бросились грабить этотъ дворъ и князь Святославъ «едва утиши ихъ».

Тѣ же порядки встрѣчаемъ и въ Москвѣ.

«По тіунъству и по ключу, по сельскому, читаемъ въ Судебникѣ 1497 г., холопъ съ докладомъ и безъ докладу и съ женою и съ дѣтьми», ст. 66.

Тивунъ и ключникъ и въ концѣ XV вѣка одно и то же. Дѣлается онъ холопомъ тоже въ силу одного факта принятія сельскаго ключа. Московскіе памятники сохранили нѣкоторыя ближайшія указанія на дѣятельность этихъ сельскихъ тивуновъ-ключниковъ. Подъ ихъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ состоятъ всѣ остальные холопы. Ключники цѣлуютъ за нихъ крестъ [1]). Ключники же собираютъ господскіе доходы и заботятся о ихъ приращеніи: съ этою цѣлью они раздаютъ господское серебро въ ростъ крестьянамъ и получаютъ съ нихъ проценты, а по наступленіи сроковъ взыскиваютъ капиталъ. Они вступаютъ въ сдѣлки именемъ своего господина и пріобрѣтаютъ для него недвижимости и рабовъ. Эти покупки тивуны дѣлаютъ «за ключемъ ихъ господина» или «на его ключъ».

«А что будутъ мои ключники..., читаемъ въ духовной Владиміра Андреевича Серпуховскаго, а покупили деревни за моимъ ключемъ..., а деревни дѣтемъ моимъ, въ чьемъ будутъ удѣлѣ».

---

[1]) Въ договорахъ читаемъ:

«На холопахъ дани не имати, на которыхъ ключники цѣлуютъ». Рум. Собр. I № 28, 76; 1368–1451. Что это за цѣлованіе? Можетъ быть, цѣлованіе на вѣрность князю?

Въ селахъ Прилуцкаго монастыря встрѣчаемъ дѣленіе деревень на ключи, напр., «се язъ, Евстигней, прозвище Меншикъ, Савельевъ сынъ, Оларевскаго ключа, деревни Токарева». А. Ю. № 300, ср. № 250.

«Ключъ» здѣсь символъ власти. Покупаемые люди «даются на ключъ». Господинъ, если покупаетъ рабовъ самъ, соблюдаетъ тѣ же формальности. Онъ беретъ людей «на ключъ», а «по ключу» они становятся его холопами.

Московскіе князья отпускаютъ на волю: тивуновъ своихъ, ключниковъ, казначеевъ, дьяковъ и приказныхъ людей, вѣдавшихъ княжескіе приказы (Рум. Собр. I № 21, 25, 30, 39, 96, 121 и др.).

Это все рабы. А вѣдаютъ они не только управленіе частными дѣлами князя, но и дѣлали его, какъ государя. Казначеи, конечно, вѣдали всякую казну, а дьяки вели всякую переписку, безъ различія частной княжеской отъ государственной. Эти казначеи, дьяки, тивуны суть «приказные» люди, такъ какъ они, по приказу князя, вѣдаютъ «его прибытки». Древнѣйшіе приказы состояли, такимъ образомъ, изъ рабовъ [1]).

Намѣстники и волостели, разсылаемые московскими государями во всѣ города и волости, отправляютъ свои должности чрезъ посредство своихъ тіуновъ (А. Э. I № 28, 21, 23, 37 и др.). Въ судебникѣ 1497 г. читаемъ:

«А тіунъ дастъ грамоту правую, и онъ емлетъ отъ печати съ рубля по полутретья алтына на государя своего (т.-е. на своего господина) и на себя, а дьякъ его емлетъ съ рубля по 3 деньги», 40.

У тіуновъ-рабовъ свой доходъ съ государственной служ-

---

[1]) Рук. Соб. I. № 25, 130, 40; 1356 — 1498. Арх. истор. юрид. свѣд., 1855, кн. II. полов. 1-я, стр. 31. Ключники серпуховскаго князя названы «некупленными». Это еще не значитъ, что они были свободные люди, хотя встрѣчаются и такіе. «Купленымъ» противополагаются «старинные холопы», а не свободные слуги. Объ этихъ некупленыхъ ключникахъ князь говоритъ, что они «дѣтямъ его ненужны», т.-е, что они къ нимъ не переходятъ, а получаютъ свободу. Если бы «некупленые» значило здѣсь вольные, не было бы надобности отпускать ихъ на свободу.

бы. Они имѣютъ своихъ дьяковъ, которые тоже получаютъ доходъ со службы.

Рабы, выступавшіе въ роляхъ дьяковъ и судей, были, конечно, знатоками древнимъ судебнаго порядка. Изъ ихъ среды, поэтому, появляются наши первые присяжные повѣренные. Веденіе исковъ по своимъ дѣламъ господа поручаютъ рабамъ своимъ. Тѣ же рабы-адвокаты занимаются и вольной практикой по найму. Въ мотивахъ къ указу 1582 года читаемъ:

«Многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей и наймуются въ судѣхъ у иныхъ, а ябедами и кромолами люди проторятъ, въ жалобницахъ пишутъ иски велики и, что не довелося въ судѣхъ, лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягая судъ, что-бъ на долго не вершити, или составляютъ кромолы, помнная иные прежніе дѣла и лаю. А тѣ, которыя наймуются у ищеи или отвѣтчика стояти въ судѣ за него, и ставъ, а стакався съ противникомъ, продаютъ своего наимщика». А. И. I. № 134. XX.

За эти безчестныя дѣйствія указъ угрожаетъ нашимъ повѣреннымъ XVI вѣка великими карами, но не запрещаетъ рабамъ заниматься адвокатурой.

Итакъ, старые холопы не совсѣмъ то, что мы привыкли понимать подъ безгласной собственностью, подъ вещью. Но, конечно, не всѣ холопы пользовались одинакимъ положеніемъ. Среди нихъ различаются большіе и меньшіе люди. Въ духовной великой княгини Софіи Витовтовны читаемъ:

«А что у меня людей моихъ ни есть, и большихъ и меньшихъ, и язъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила семь ихъ всѣхъ, по моемъ животѣ пси слободни».

Въ виду указаннаго значенія лучшихъ рабовъ, нельзя удивляться, что Русская Правда говоритъ о 40-гривенной платѣ за убійство боярскаго тіуна, который могъ быть судьей и правителемъ. Также ничего нѣтъ удивительнаго, что за княжескаго тивуна полагается высшая мѣра нака-

занія 80 гривенъ, а за отрока, конюха и повара—40 гривенъ. За убійство нужныхъ имъ людей князья могли карать, какъ хотѣли. Встрѣчаемъ даже указаніе на то, что за убійство стараго пастуха, находившагося при стадѣ, конечно раба и изъ послѣднихъ, кіевскій князь Изяславъ взыскалъ 80 гривенъ.

«А конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилъ Дорогобоудьци». II 5.

Эта высокая плата за лучшихъ холоповъ перешла и въ Московское государство и отразилась на платѣ за безчестіе.

У рабовъ признается честь и притомъ высшая, чѣмъ у крестьянъ. По Судебнику 1550 г. честь лучшихъ боярскихъ холоповъ (добрыхъ) оцѣнивалась въ пять разъ выше чести свободнаго крестьянина. Если же это были холопы, занимавшіе, по порученію своихъ господъ, публичныя должности тіуновъ, доводчиковъ и праветчиковъ, — честь ихъ оцѣнивалась размѣромъ получаемаго съ должности дохода, какъ и честь царскихъ служилыхъ людей. Только честь «молодшихъ» рабовъ равнялась чести свободнаго крестьянина (26).

Не всякій рабъ имѣлъ свое имущество, но у тѣхъ, у которыхъ оно было, оно принадлежало имъ по пущеніемъ ихъ господъ. Въ силу того же попущенія, рабы распоряжались этимъ имуществомъ: деньги давали въ займы, недвижимости дарили и пр.

Мы уже знаемъ, что у тивуна князя Всеволода былъ свой домъ.

У жены великаго князя московскаго, Василія Васильевича, были холопы, владѣвшіе куплями и вотчинами. Нѣкоторыхъ изъ нихъ великій князь самъ надѣлилъ своими селами. Въ его духовной читаемъ:

«А которые дѣти боярскіе служатъ моей княгинѣ и слуги ее, и вси ее люди, холопи еѣ, и кому буду язъ,

князь великій, тѣмъ давалъ свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина, или купля, а въ тѣхъ своихъ людехъ во всѣхъ вольна моя княгиня и въ тѣхъ селѣхъ; а дѣти мои въ то не вступаются».

Отъ того же времени къ намъ дошла слѣдующая дарственная запись Хари Лагиря, холопа князя Юрія:

«Се азъ, Харя Лагирь, далъ есмь въ домъ пречистой да и своему господину Іонѣ, митрополиту кіевскому и всея Руси, свою пустошь Бортневскую, что есмь себѣ купилъ у Микулы у Мишиѓда у Жеребила у Иванова человѣка Владиміровича, и съ лѣсомъ, и съ пожнями, и съ всѣмъ тѣмъ, что къ ней потянуло. А на то послуси: Сераніонъ старецъ, да попъ Данило Николской. А грамоту писалъ Григорей Карловъ (не Карповъ ли?), а подписалъ Иванъ Котовъ». (А. до Ю. Б. I. № 103, I; 1462–4).

Одинъ изъ продавцовъ земли Лагирю былъ тоже рабъ, человѣкъ Ивана Владиміровича.

Въ духовной вересйскаго князя, Михаила Андреевича, читаемъ:

«А что мои люди, кого буду чѣмъ пожаловалъ, жалованьемъ и деревнями, и государь бы мой, князь великій, послѣ моего живота моего жалованья не порушилъ, что бы мои люди послѣ моего живота не заплакали...»

Отъ того же XV вѣка дошла до насъ духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Онъ отпускаетъ на волю людей своихъ и съ землей, которая имъ принадлежала въ рабствѣ:

«А людей своихъ отпущаю на слободу: Зелепю съ женою и съ дѣтьми и съ землею, да Алексѣйка Рахманова съ женою и съ дѣтьми и съ землею, да Остапа Некраса Андрѣйкова сына Молапьина и съ дѣтьми, и съ землею...».

Княгиня Александра Васильевна Беззубцева заняла у холопа князя Дмитрія Ивановича. Псуна, — денегъ полъ четверти рубля. Она вспомнила объ этомъ долгѣ въ духовной (1546 г.) и приказала заплатить его вмѣстѣ съ разными другими долгами (А. Ю. № 419).

Весьма любопытна грамота Ивана Григорьевича Нагова его человѣку, Богдану Сидорову, на пожалованную ему Нагим старинную вотчину. Нагой, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, подвергся опалѣ и былъ заключенъ въ тюрьму. Въ это тяжелое для него время Богданъ Сидоровъ явился единственнымъ за него ходатаемъ. Онъ билъ челомъ Ѳедору Ивановичу объ освобожденіи своего господина, и за усердіе свое самъ попалъ за пристава. Просидѣвъ полгода въ неволѣ, онъ былъ освобожденъ при царѣ Борисѣ и снова принялся хлопотать. Труды его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: Нагой былъ освобожденъ. За эту-то «великую работу и терпѣніе», онъ и награжденъ старой вотчиной съ правомъ: продать ее, заложить и по душѣ отдать. Но воли ему Нагой не далъ. Наоборотъ, онъ разематриваетъ Богдана, какъ долженствующаго служить за этотъ даръ и по смерти его — женѣ его и дѣтямъ. «А послѣ моей смерти,—читаемъ въ грамотѣ,— ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и дѣтей не покинуть и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю. И дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамотѣ научить и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подыметъ». Солов. VIII 23.

Въ духовной Дмитрія Ивановича Плещеева читаемъ:

«А что моего платья и доспѣховъ и лошадей... то все сыну моему, Ивану. Да изъ тѣхъ же лошадей прикащикомъ моимъ дати людемъ моимъ по лошади, у которыхъ собинныхъ лошадей не было. А которыхъ моихъ людей на имяна лошади, тѣ тѣмъ и есть..... А у которыхъ моихъ (людей), и у конюховъ, и у дѣловыхъ людей коровы и всякая животина, и въ то у нихъ не вступатца ни во что-жъ». (Ѳед. Чех. № 94, стр. 276, 1562 г.).

Въ одной закладной грамотѣ 1529 года встрѣчаемъ любопытный фактъ общаго займа господина съ его рабами.

«Се азъ Власъ, Никитинъ сынъ, Фрязиновъ да съ своими людми, съ Ивашкомъ, съ Ивановымъ сыномъ, да съ Опифоромъ съ Щигою, съ Ивановымъ сыномъ, заняли есмя у Дементіа, у Иванова сына, у Кириловского слуги.

четыре рубли .. А въ тѣхъ семи деньгахъ заложилъ на озерѣ свой закосъ... А въ деньгахъ семи съ своими людми единъ человѣкъ, кой насъ въ лицѣхъ, на томъ деньги». А. Ю. № 237.

Этою грамотою господинъ признаетъ за своими рабами и право отвѣчать на судѣ.

Итакъ, въ виду приведенныхъ фактовъ надо допустить, что собственность старинныхъ рабовъ есть явленіе довольно обыкновенное. Она могла существовать и у рабовъ эпохи Русской Правды. Никакой уставъ этого не воспрещаетъ.

Возможность появленія собственности у рабовъ обусловливается, конечно, доброю волею ихъ господъ. Они допускаютъ рабовъ своихъ имѣть собственное (собинное) имущество; но они же могутъ и отобрать это имущество. Поэтому то Василій Васильевичъ и говоритъ въ своей духовной, что жена его вольна въ своихъ людяхъ и въ ихъ селахъ.

Право собственности рабовъ не было ограждено отъ захвата со стороны ихъ господъ. За рабами не признавалось право иска противъ господъ.

Въ новогородскихъ договорахъ съ князьми читаемъ:

«А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры неяти». (Рум. Собр. I. № 3, 1270 г.).

Это правило встрѣчаемъ и въ Уложеніи, но съ ограниченіемъ. Рабы могутъ подавать извѣты на господъ своихъ въ случаѣ злоумышленія ихъ на государское здоровье или какое иное измѣнное дѣло (II, 13).

Уложеніе допускаетъ и еще одинъ родъ жалобъ, но только рабынь на господъ.

А кто учнетъ у себя въ дому дѣлать беззаконіе съ рабою, съ женою или съ дѣвкой, и приживетъ съ нею дѣтей и въ томъ на него та раба учнетъ государю бити челомъ, и такихъ женокъ и дѣвокъ и на кого учнутъ государю бити челомъ отсылати на Москвѣ на Патріаршъ дворъ...» (XX, 80)

Это собственно единственная жалоба, возникающая изъ

частныхъ отношеній господъ и рабовъ, а не государевыхъ дѣлъ, которая принимается къ разсмотрѣнію.

Холопъ не имѣетъ иска противъ господина, но это не значитъ, чтобы нашей древности была чужда всякая идея о нѣкоторыхъ предѣлахъ господской власти. Господинъ можетъ требовать отъ него всякой работы и наказывать за неисправность; но можетъ ли онъ его убивать? Русская Правда предусматриваетъ только случаи убійства холопа третьимъ лицомъ, а не его господиномъ. Въ убійствѣ раба третьимъ лицомъ Правда видитъ только имущественный ущербъ господина, а не убійство человѣка. Отсюда можно заключить: такъ какъ самъ господинъ воленъ былъ умалять цѣнность своего имущества, никому за то не отвѣчая, то онъ могъ и убивать своего раба.

Но такъ было только въ самой глубокой древности. Съ учрежденіемъ постоянныхъ судовъ и съ принятіемъ христіанства, точка зрѣнія начинаетъ измѣняться. Судьи получаютъ доходъ съ убійствъ, въ ихъ выгодахъ расширять понятіе убійства и примѣнять его даже къ убійствамъ рабовъ ихъ господами. Статья Двинской грамоты (1397 г.) наводитъ на мысль, что они дѣйствительно это дѣлали, а потому и потребовалось ограничить ихъ вторженіе въ сферу частныхъ отношеній господъ къ рабамъ. Въ грамотѣ читаемъ:

«А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не емлютъ» (11).

Эта статья ограничиваетъ намѣстниковъ. Она запрещаетъ имъ брать «вину» за случаи ненамѣреннаго убійства рабовъ господами. Господинъ не увѣчилъ раба, не билъ его съ тѣмъ, чтобы убить, а только ударилъ и послѣдствіемъ была смерть. Намѣстники прежде, надо думать, и за это брали вину. Двинская грамота рѣшаетъ вопросъ въ пользу господской власти. Господа могутъ бить своихъ рабовъ и не отвѣчаютъ за неосторожное ихъ убійство.

Это различеніе неосторожнаго и умышленнаго убійства рабовъ произошло, надо думать, не безъ вліянія памятниковъ византійскаго права, а слѣдовательно и духовенства, которое всегда имѣло ихъ подъ руками.

Въ Градскихъ законахъ читаемъ:

«Аще кто своего раба ременемъ или палицами біетъ, и отъ сего приключится емоу оумрети, не осудится господинъ его, яко убійца. Аще же безмѣры моучилъ его боудетъ, или отравленіемъ оубилъ, или прежегъ, яко разбой сотворивый моучится». XXXIX, 85.

Двинская грамота передаетъ мысль, выраженную въ первой половинѣ этой статьи. Она объявляетъ ненаказуемымъ неосторожное убійство раба. А если рабъ убитъ намѣренно? Двинская грамота останавливается какъ бы въ нерѣшительности передъ этимъ случаемъ и не договариваетъ мысли своего византійскаго источника. Но такъ какъ она освобождаетъ отъ наказанія только неосторожныхъ убійцъ, то нѣтъ основанія думать, что убійцы намѣренные не наказывались. Скорѣе надо заключать къ обратному.

Уложеніе царя Алексѣя стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія. Мы находимъ въ немъ спеціальное ограниченіе власти господъ по отношенію къ возвращеннымъ изъ бѣговъ холопамъ. Бѣглый холопъ прямо и рѣшительно отвергаетъ власть своего господина. По возвращеніи бѣглеца, послѣдній имѣетъ достаточныя основанія преслѣдовать его. Уложеніе кладетъ границу этому мстительному преслѣдованію:

«А кому бѣглый человѣкъ изъ приказу отданъ будетъ въ холопство по прежнему, и тому... приказати на крѣпко, чтобы онъ того своего бѣглаго человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ» (XX, 92).

Приведенная статья не назначаетъ, однако, наказанія господину за ослушаніе. Это несовершенный законъ, свидѣтельствующій о томъ, что и въ XVII вѣкѣ у насъ многое не договаривалось, когда рѣчь заходила о господскихъ

правахъ. Во всякомъ случаѣ, она доказываетъ, что нашей древности не была совершенно чужда мысль о нѣкоторыхъ границахъ господской власти.

Только противъ господина своего холопъ не имѣлъ ни жалобы, ни иска; противъ же третьихъ лицъ онъ вовсе не былъ беззащитнымъ.

Выше мы указали уже, что и въ эпоху Русской Правды и новогородской Судной грамоты, преступленія, совершаемыя рабами, разсматривались судомъ. Эта старина дѣйствуетъ, само собой разумѣется, и въ XVII вѣкѣ. Въ Уложеніи читаемъ:

«А будетъ учнетъ языкъ говорити въ разбоѣ или въ татьбѣ на чьихъ нибуди людей... а тѣ люди, на чьихъ людей... языкъ говоритъ, такихъ людей... у себя скажутъ, а ихъ не поставитъ, и на нихъ за тѣхъ людей... имати выти и давати ихъ на крѣпкія поруки..., что имъ тѣхъ своихъ людей... поставити къ языкомъ на очную ставку...» (XXI, 45).

Уложеніе идетъ и далѣе: оно не оставляетъ безпаказаннымъ укрывательства виновныхъ рабовъ господами. Господа, которые не выдадутъ виновныхъ холоповъ къ суду, хотя бы и наказали ихъ домашнимъ порядкомъ, подвергались отвѣтственности:

«А будетъ который помѣщикъ, сыскавъ у себя разбойниковъ своихъ людей... побьетъ, не хотя ихъ къ сыску отдати въ губу, укрывая за собою воровъ, а сыщется про то доприма: и у такого помѣщика за такое воровство отняти помѣстье...» (XXI, 79).

Владѣя имуществомъ и совершая всякаго рода сдѣлки на свое имя, рабы сами отвѣчаютъ за себя на судѣ и допускаются ко всякимъ судимымъ дѣйствіямъ: крестному цѣлованію, полю и пр., и приговариваются къ уплатѣ штрафовъ и убытковъ. Въ 1521 г. митрополичьи крестьяне искали на Павлинѣ, на Чудиновѣ сынѣ Окинфова, да на его человѣкѣ, на Сухомъ. Павлинъ Чудиновъ отвѣчалъ за себя «и въ человѣка своего мѣсто». Митрополичьи

крестьяне просили поля. «Павлинъ Чудиновъ и въ товарищевъ своихъ мѣсто за поле поймалъ же ся». Судъ истцовъ оправилъ, а отвѣтчиковъ, Павлиновыхъ людей Чудинова, Сухова да Якуша, обвинилъ и велѣлъ на нихъ истцамъ доправить за ихъ грабежъ 15 рублей. Недѣльщикъ на нихъ тѣ деньги доправилъ и отдалъ истцамъ. Въ 1525 г. тѣ же крестьяне искали на тѣхъ же людяхъ Чудинова. На этотъ разъ отвѣтъ держали сами рабы. Изъ того же процесса видно, что холопу Окинфа Чудинова, Якушу, бояре приговорили поле съ дѣтьми боярскими, съ Игнатомъ Авдеевымъ и съ Иваномъ Внуковымъ (А. Ю. № 17).

Приговоромъ суда бояръ холопъ поставленъ рядомъ съ свободнымъ человѣкомъ и не простымъ, а сыномъ боярскимъ.

Эта практика признана и царскими указами. Въ приговорѣ государя, царя и великаго князя Іоанна Васильевича со всѣми боярами отъ 12 марта 1582 года читаемъ:

«Холопей боярскихъ и иныхъ чиновъ людей, которые будутъ въ судѣ за себя, или за своего государя, или за кого иного стояти...». А. И. I. № 134, XX.

Ѳ. М. Дмитріевъ, на основаніи этой статьи, высказалъ уже въ своемъ изслѣдованіи «О судебныхъ инстанціяхъ» предположеніе, что рабы допускались судами искать за себя [1]).

Приведенная практика и указъ объясняютъ статью Уложенія, которою рабы допускаются къ свидѣтельству безъ всякаго исключенія:

«А будетъ гдѣ доведется въ обыску или въ допросѣ спрашивати боярскихъ людей ... и ихъ во всякихъ дѣлѣхъ допрашивати по государеву крестному цѣлованію...» (X, 173).

---

[1]) Съ этимъ предположеніемъ затрудняется согласиться проф. Будановъ. Онъ находитъ, что «слова закона не ясны: холопей боярскихъ и иныхъ чиновъ людей...». Христом., III, 39. Здѣсь рѣчь идетъ о холопахъ бояръ и людей иныхъ чиновъ, а не о холопахъ и людяхъ иныхъ чиновъ.

Постановленія Русской Правды о свидѣтеляхъ, составленныя подъ вліяніемъ византійскаго права, уступили русской дѣйствительности. Это измѣненіе, надо полагать, произошло задолго до Уложенія. Ни псковская Судная грамота, ни московскіе Судебники не повторяютъ ограниченій Русской Правды. Говоря о свидѣтеляхъ, они опредѣляютъ ихъ признакомъ «добрые люди». Но что такое добрые люди? Это понятіе весьма широкое. Царскій судебникъ знаетъ «боярскихъ добрыхъ людей», т.-е. холоповъ.

Мы привели выше (стр. 126) статью смоленскаго договора по готландской редакціи. Въ рижскихъ спискахъ вмѣсто «иного добраго человѣка» поставленъ «боярской холопъ». Эти понятія, значитъ, и въ XIII вѣкѣ могли замѣнять одно другое.

Перехожу къ вопросу о способахъ установленія обельнаго или полнаго холопства. Древность знаетъ очень много такихъ способовъ. Холопство установляется плѣномъ, покупкой свободнаго человѣка, его тивунствомъ, бракомъ съ несвободнымъ, рожденіемъ отъ несвободныхъ родителей и, наконецъ, несостоятельностью.

Плѣнъ есть, конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ установленія рабства. О плѣнникахъ (полоняникъ) говорятъ еще договоры съ греками. Изъ этихъ памятниковъ видно, что плѣнники составляютъ предметъ гражданскаго оборота и продаются изъ рукъ въ руки (дог. 911 г., ст. 9 и 11, дог. 945 г., ст. 7).

Начальная лѣтопись, разсказывая о войнѣ великой княгини Ольги съ древлянами и о взятіи города ихъ, Искоростѣня, говоритъ, что она городъ

«Сожгла, старѣйшины изъимма и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань».

Войны обыкновенно сопровождались уводомъ плѣнниковъ.

Въ описаніи похода Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, читаемъ:

«И пришедше только въ землю ихъ (Новогородскую), много зла створиша (воины Андрея): села взяша и пожгоша и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша». Ипат. 1173.

Война великаго князя Ивана Васильевича съ Новымгородомъ описана такъ:

«Братія же великаго князя всѣ съ многими людьми, кійждо изъ своея отчины, поидоша разными дорогами къ Новугороду, плѣняюще и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще. Также и князи великаго воеводы тоже творяху, кійждо на свое мѣсто послапъ». 1471.

А едва-ли проходилъ годъ, чтобы въ томъ и въ другомъ мѣстѣ Россіи не было войны. Понятно, какое громадное перемѣщеніе изъ свободнаго состоянія въ несвободное происходило въ нашей древности Это великое бѣдствіе. Оно должно было живо чувствоваться и народомъ, и князьями. Этимъ и надо объяснять тѣ статьи княжескихъ мирныхъ договоровъ, которыми обѣ стороны обязываются отпустить плѣнныхъ (пятцевъ). Но и княжескими договорами предполагается за взявшимъ плѣнника—право продать его. А потому въ нѣкоторыхъ договорахъ есть статьи, возлагающія на князей обязанность выкупить проданныхъ.

Въ договорѣ Юрія Шемяки съ можайскими князьями читаемъ:

«А что еси въ наше розмирье воевалъ мою отчину, Галичь и Галичьскые волости, также и Звенигородъскые волости, и что будетъ у тебе того моего полону или у твоихъ бояръ и у дѣтей боярскихъ, и тебѣ тотъ мой полонъ весь отдати по сему цѣлованью. А кто будетъ того полону запродалъ за рубежъ или пидѣ гдѣ, и тебѣ тотъ полонъ выкупити весь безхитростно да отдати мнѣ великому князю». Рум. Собр. I. № 47, 13, 18, 54. 65: 1128– 1447.

Если такихъ условій не было заключено, плѣнникъ оставался законно пріобрѣтенной добычей.

Въ половинѣ XVI вѣка въ установленіи холопства плѣномъ произошло существенное измѣненіе. 21-го августа 1556 года государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ со всѣми бояры:

«А кто ищетъ полоняника въ холопи, котораго полону ни буди, и утяжетъ его многими свидѣтели, и тотъ полоняникъ ему холопъ до его живота, а дѣтемъ его не холопъ». А. И. I. № 154.

Въ силу этого приговора плѣнъ пересталъ быть источникомъ полнаго холопства. Изъ него возникаетъ только временная зависимость, пока живъ плѣнитель. Но этому нововведенію не суждено было удержаться въ нашемъ законодательствѣ и развить всѣ свои послѣдствія. Въ Уложеніи отъ этого указа не осталось ни малѣйшаго слѣда. Оно возвращается къ старинѣ и признаетъ за господами право отказывать плѣнниковъ по духовнымъ завѣщаніямъ, дарить ихъ и давать въ приданое.

«И кому такіе люди, говоритъ Уложеніе и о плѣнникахъ, будутъ въ приданые или въ надѣлъ даны, и тѣмъ людемъ такіе люди крѣпки, и женамъ ихъ, и дѣтемъ, и внучатомъ, и правнучатомъ». XX. 61.

Древнему времени была чужда всякая забота объ огражденіи свободнаго состоянія человѣка. Всякій свободный могъ невозбранно распоряжаться своей личностью и, если находилъ это для себя выгоднымъ, могъ продать себя въ рабство. Эту, конечно, куплю продажу разумѣетъ Русская Правда въ ст. 142 III.

Древность заботилась только о томъ, чтобы фактъ добровольной продажи себя былъ точно удостовѣренъ. Русская Правда требуетъ для этого, чтобы продажа происходила въ присутствіи свидѣтелей и княжескаго чиновника, которому должна быть внесена пошлина съ продажи. Пошлина эта должна быть уплачена въ присутствіи самого продающагося въ рабство.

«Холопьство обельное трое: оже кто хотя купить до

полугривны, а послухи поставить, а погату дасть передъ самѣмъ холопомъ». III 142,

Статья не говоритъ о чиновникѣ, но онъ необходимо предполагается уплатой погаты. Это мытникъ.

Позднѣе, вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности, стало входить въ обычай писать грамоты на память о совершившейся продажѣ. Вслѣдствіе этого въ памятникахъ московскаго времени купленные рабы называются «грамотными» (Рум. Собр. I. № 25).

Грамоты содержатъ въ себѣ точное указаніе на совершившуюся сдѣлку и служатъ постояннымъ актомъ укрѣпленія раба. Онѣ называются поэтому «крѣпостями», а рабы — «крѣпостными людьми». А. И. I. № 221, II.

При совершеніи акта продажи въ письменной формѣ, требуется, какъ и въ старину, присутствіе свидѣтелей, чиновника и взносъ пошлины.

На основаніи такой крѣпости установлялось полное холопство, а потому въ грамотѣ говорилось, что такой-то продалъ себя «въ полницу», а самая грамота называлась полною. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного оригинала полной грамоты. До насъ дошло только извлеченіе изъ полной, записанное въ новогородскую кабальную книгу. Вотъ оно:

«Купилъ Сенка, Васильевъ сынъ, Всеславинъ Остка, Ѳеоносова сына, новогородца, въ полницу себѣ и своимъ дѣтямъ, а далъ на немъ два рубля денегъ новогородскихъ. Отъ Юрія Захарьевича, отъ намѣстника, приходилъ приставъ Васюкъ Бородатъ. Отъ великаго князя, Ивана Васильевича, всея Руси, тамгу и осминчее таможницы взялъ. Полную писалъ черницъ Гавриловъ, сынъ Паюсова. Лѣта 7097. У полной печать писана въ кругу тамга Великого Новагорода. Арх. ист. юрид. свѣд. 1855. Кн. II, полов. I, отд. II. стр. 32 сл.

Въ XVI в. этотъ старый порядокъ получилъ нѣкоторое дальнѣйшее развитіе, заключавшееся въ установленіи

строгаго правительственнаго надзора за сдѣлками объ отчужденіи личной свободы. Актъ продажи себя въ рабство долженъ былъ совершаться предъ лицомъ правительственнаго агента, который подвергалъ продающагося допросу о томъ, дѣйствительно ли онъ продаетъ себя въ рабство такому-то лицу и за такую то цѣну. Этотъ актъ носитъ наименованіе доклада, а грамота докладной, На докладѣ по старинѣ, присутствуютъ свидѣтели. Къ докладной грамотѣ чиновникъ прикладываетъ свою печать, а отъ печати получаетъ пошлину. По Судебнику 1550 г. она опредѣлена съ головы по полъ третьяго алтына, да дьяку отъ письма три деньги (65).

Приводимъ цѣликомъ одну такую докладную.

Се азъ Александръ, Степановъ сынъ, Зубатаго, поставя (передъ намѣстникомъ, Григоріемъ Оедоровичемъ Голохвастовымъ) Никона, Поздѣева сына, Новикова, да его сына Ѳедка, тако рекъ; то, господине, люди вольные царя и вел. князя емлютъ, господине, у меня три рубли денегъ и въ тѣхъ, господине, деньгахъ даются мнѣ на ключь въ мое село Демидово, а по ключу, господине, даются мнѣ и въ холопи. И Григорій Ѳедоровичъ Голохвастовъ вопросилъ Никона, Поздѣева сына, Новикова да сына его Ѳедка: емлете ли вы у Александра, у Степанова сына, Зубатаго три рубли денегъ и даетесь ли въ тѣхъ деньгахъ Александру на ключь въ его село Демидово, а по ключу даете ли ся ему въ холопи? И Никонъ, Поздѣевъ сынъ, Новикова да его сынъ Ѳедко тако рекли: мы, господине, люди вольные государя царя и вел. князя взяли есмя, господине, у Александра, у Степанова сына, Зубатого три рубли денегъ, а даемся, господине, въ тѣхъ деньгахъ Александру на ключь въ его село въ Демидово, а по ключу, господине, даемся и въ холопи.—А на докладѣ были Павелъ, Истоминъ сынъ, Дементьевъ да Иванъ, Олександровъ сынъ, Истомина Ратынинского, тотъ на нихъ и знахорь, что продался отецъ съ сыномъ. А у Никона отца и матери нѣтъ, а иному онъ и съ сыномъ не холопилъ никому. А докладную писалъ Ямской Истеля. Нерасовъ сынъ. А намѣстникъ трети Московской Григорей Ѳедоровичъ къ сей докладной грамотѣ печать свою при-

ложилъ. Лѣта 7062 (1553) декабря въ 8 день. Ямской Дмитріи, Онаньинъ сынъ, Шугина руку приложилъ [1]).

Московское правительство съ теченіемъ времени вводитъ все бо́льшую и бо́льшую опредѣленность въ порядокъ совершенія актовъ на поступленіе въ рабство. Побужденіемъ къ этому служатъ нерѣдкіе случаи бѣгства рабовъ, вторичная продажа себя бѣглыми въ рабство и возникавшіе изъ того споры о правѣ собственности на холоповъ.

Въ эпоху Русской Правды актъ продажи въ рабство совершался, кажется, передъ таможеннымъ чиновникомъ, передъ «мытникомъ». На это наводятъ статьи III 15 и 18, изъ которыхъ видно, что «мытникъ» присутство-

[1]) А. Э. I. № 237. Еще нѣсколько докладныхъ напечатано въ чтеніяхъ Мос. Об. Ист. и Древн. за 1898 г. въ августов. кн.

Иначе смотритъ на докладного холопа проф. Ключевскій. Онъ полагаетъ, что докладной холопъ есть сельскій ключникъ, купленный съ доклада намѣстнику именно на эту должность. Рус. Мысль, 1885, № 8, стр. 19. сл. Надо думать, что авторъ наведенъ на такое заключеніе выраженіемъ докладныхъ грамотъ «даются мнѣ на ключъ, а по ключу и въ холопи». Выше мы имѣли уже случай объяснить значеніе термина «купить на ключъ» (стр. 131). «На ключъ» покупаются цѣлыя деревни; въ приведенной въ текстѣ докладной, Зубатый купилъ Никона Поздѣева съ сыномъ его, Ѳедькой. Кто же изъ нихъ ключникъ? Оба? А если Ѳедька малолѣтенъ? Независимо отъ этихъ частныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ предлагаемаго г. Ключевскимъ объясненія, необходимо поставить и общій. Что значитъ купить кого-либо «именно на должность ключника?» Допустимъ, что «купленный именно на должность ключника» оказался къ этой должности неспособенъ, или обокралъ своего господина, или просто ему не понравился въ должности ключника. Обязательно ли для покупщика держать его ключникомъ? Конечно, нѣтъ. Такимъ образомъ, купленный сегодня на должность ключника завтра же можемъ сдѣлаться пастухомъ. Выраженіе «купленъ именно на должность ключника» не имѣетъ никакого юридическаго смысла, ибо для господина не существуетъ обязанности держать купленаго холопа непремѣнно на должности ключника, какъ не существуетъ обязанности купленную верховую лошадь употреблять только подъ верхъ. Опредѣленный юридическій смыслъ имѣетъ только выраженіе: «даюсь въ холопи». Все остальное—символъ.

валъ при совершеніи всякихъ продажъ. Въ XVI вѣкѣ право выдавать полныя и докладныя грамоты предоставляется только высшимъ чиновникамъ. Оно принадлежитъ даже не всѣмъ намѣстникамъ и волостелямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которымъ кормленія давались съ правомъ боярскаго суда. Въ царскомъ Судебникѣ читаемъ:

«А судъ боярскій то: которому намѣстнику дано съ судомъ боярскимъ, и ему давати полныя и докладныя» (63).

«А намѣстникамъ и волостелемъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, полныхъ и докладныхъ не давати» (66).

Вмѣстѣ съ этимъ учреждаются записныя книги, куда должны быть вносимы всякія крѣпости на людей Годъ учрежденія такихъ книгъ съ точностью неизвѣстенъ. Древнѣйшее указаніе на нихъ относится къ 1558 году.

Въ указѣ этого года о новокрещенахъ читаемъ:

А похотятъ кому въ службу бити челомъ и полную, или докладную, или кабалу, или какую крѣпость они буди похотятъ на себя дати, и кто новокрещена учнетъ къ себѣ въ службу пріимати, и того новокрещена къ себѣ приняти и крѣпость на него взяти съ казначеева вѣдома, да того новокрещена и крѣпость своя въ книги у казначеевъ написати». А. И. I. № 154. XIII.

Но нѣтъ повода думать, что эта мѣра была тогда же распространена на всякія крѣпости. Общею сдѣлалась она, кажется, не ранѣе конца XVI вѣка. Въ указѣ 1597 года встрѣчаемъ такое предписаніе:

Московскаго государства всякимъ людямъ холопьи имена и на нихъ крѣпости всякія записывати съ нынѣшняго уложенія безсрочно въ книги Холопья приказа». А. И. I. № 221. II.

По имени акта укрѣпленія (докладная) и самые рабы получили наименованіе докладныхъ. «Докладные» не составляютъ какого-либо особаго вида рабовъ. Это тѣ же полные или обельные. Въ старыхъ памятникахъ мы постоянно встрѣчаемся съ разнообразными наименованіями

рабовъ, по разлучію актовъ укрѣпленія ихъ. Иногда они обозначаются только актомъ укрѣпленія:

«И которые люди служатъ въ холопствѣ... по полнымъ, и по кунчимъ, и по рядныимъ.» А. И. I. № 221. II.

Это все полные холопы. но одни сами продались (полная), другіе куплены у старыхъ господъ (кунчая), третьи — даны въ приданое (рядная).

Что по отношенію къ «докладнымъ» господину принадлежало такое же право распоряженія, какъ и по отношенію къ «полнымъ», это видно изъ Уложенія:

«А въ приданые давати. и женамъ, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ надѣлъ, въ духовныхъ, и въ данныхъ, и въ рядныхъ писати полныхъ, и докладныхъ, и купленыхъ, и полоненниковъ иныхъ земель. И кому такіе люди будутъ въ приданые или въ надѣлъ даны, и тѣмъ людемъ такіе люди крѣпки, и женамъ ихъ. и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ» [1]).

Древняя юридическая мысль имѣла дѣло не съ общими понятіями, а съ конкретными явленіями, отсюда эти безконечныя перечисленія. которыми древніе юристы думали исчерпать свой предметъ [2]).

[1]) XX 61. Въ XVII в встрѣчаемъ одно исключеніе изъ этого правила. Уложеніе запрещаетъ продавать татаръ новокрещеновъ потому. что «по государеву указу крещеныхъ людей никому продавать не велѣно» (XX. 97). Государевъ указъ на русскихъ крещеныхъ людей не распространялся. однако. Подарить новокрещенныхъ татаръ было можно (XX, 98).

[2]) Языкъ Уложенія не отличается большою опредѣленностью. Конкретные случаи, отъ которыхъ отправляются иногда составители статей Уложенія, весьма затрудняютъ пониманіе основныхъ началъ этого памятника. Въ XX гл. 101 ст. читаемъ:

«А которые люди учнутъ на комъ искати холопства по полной дѣлы своего, а въ полной дѣда его будетъ написано, что дѣдъ его того холопа купилъ себѣ и дѣтямъ своимъ, а про внучатъ и про правнучатъ въ той полной ничего будетъ не написано; а отвѣтчикъ на того же холопа положитъ въ судѣ кабалу новую, и по той кабалѣ тому холопу и впредь велѣти быти въ холопствѣ у отвѣтчика, а истцу въ томъ холопѣ отказати по тому, что онъ о томъ

Поступленіе въ полные холопы допускалось у насъ и въ XVII вѣкѣ, но только до Уложенія. Уложеніе же разрѣшаетъ желающимъ поступить въ рабство записываться

холопѣ бьетъ челомъ по полной дѣда своего, а въ полной дѣда его того холопа ему не написано».

Истцу должно отказать потому, что «въ полной дѣда его того холопа ему не написано». Но слѣдуетъ ли отсюда, что внукъ выигралъ бы искъ, если бы въ полной дѣда было написано, что холопъ купленъ и внуку? Конечно, нѣтъ, ибо дѣдъ, купивъ холопа въ полницу, могъ его потомъ перепродать, подарить, отпустить на волю и пр. Другой вопросъ. Внукъ проигралъ искъ потому, что въ полной дѣда холопъ ему не написанъ. Значитъ ли это, что внукъ не имѣетъ правъ на холоповъ дѣда, если въ полной про внука не упомянуто? Тожъ нѣтъ. Если внукъ есть единственный законный наслѣдникъ дѣда, то всѣ наличные, въ моментъ смерти дѣда, холопы его переходятъ къ внуку, хотя бы въ полныхъ о внукѣ и не было упомянуто. Это совершенно ясно изъ свойствъ полнаго холопства, а кромѣ того подтверждается выраженіями непосредственно предшествующей сей статьи, въ которой читаемъ:

«... А тѣ купленые люди учнутъ быти челомъ государю о нихъ о свободѣ (т.-е будутъ искать свободы отъ наслѣдниковъ покупщика) потому, что они имъ въ духовныхъ и въ купчихъ не написаны; и тѣмъ купленымъ людемъ по смерти тѣхъ людей, кто ихъ купитъ, быти у женъ ихъ и у дѣтей потому, что многіе люди такихъ людей покупаютъ до женитьбы своей, а которые люди такихъ людей покупаютъ и женятся, и они тѣхъ своихъ купленыхъ людей въ купчихъ пишутъ себѣ, а того не повелося, что такихъ купленыхъ людей въ купчихъ писати себѣ и женѣ своей и дѣтямъ».

Что же значитъ приведенная статья? Это—казусъ. Нѣкто подалъ искъ о холопѣ и въ доказательство предъявилъ полную дѣда. Вызвали отвѣтчика. Онъ предъявилъ кабалу новую, написашую съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. По разсмотрѣніи предъявленныхъ доказательствъ, судъ находитъ, что полная, на которую ссылается истецъ, не подтверждаетъ его ссылки и отказываетъ по недоказанности иска и только. Это ближайшій поводъ отказать истцу, дѣлающій совершенно ненужнымъ дальнѣйшее разсмотрѣніе дѣла. Иначе поступилъ бы судъ, если бы истецъ заявилъ, что холопъ дѣда бѣжалъ и выдалъ на себя незаконную кабалу. Онъ приступилъ бы къ повѣркѣ этихъ фактовъ. Но такихъ заявленій не сдѣлано, а потому для суда нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ холопъ дѣда выдалъ на себя новую кабалу. На казусти-

только въ кабальные холопы, а не въ обельные. XX, 7. Съ Уложенія полное холопство для свободныхъ людей не возникаетъ.

Къ обельному же холопству Русская Правда относитъ холопство по женѣ и холопство по ключу.

«А второе холопьство: поіметъ робу безъ ряду; попметъ ли съ рядомъ. то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ» III 142.

«А се третье холопьство: тивуньство безъ ряду или приняжетъ ключь къ собѣ безъ ряду: съ рядомъ ли. то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ» III 142.

Правила статьи 142-й дѣйствуетъ и въ XVII вѣкѣ. Но въ московскихъ памятникахъ оно выражается полнѣе. Въ Судебникахъ читаемъ:

«По робѣ холопъ, по холопе роба». Суд. 1497 ст. 66, Суд. 1550 ст. 76.

Также и въ Уложеніи. XX. 31. Упоминанія о рядѣ въ московскихъ памятникахъ не встрѣчаемъ; но само собой разумѣется, что и въ Москвѣ соглашеніе господина и лица. желавшаго вступить въ бракъ съ его холопомъ или рабою. могло устранить невыгодныя для свободной стороны послѣдствія брака съ несвободнымъ лицомъ.

Холопство по ключу существуетъ у насъ еще въ XV в., но съ нѣкоторыми измѣненіями. Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича различаетъ ключъ сельскій и ключъ городской. Только принятіе сельскаго ключа дѣлаетъ рабомъ: городской же ключъ не ведетъ къ рабству (66). Второй Судебникъ идетъ еще далѣе. Никакой

ческій характеръ статей Уложенія ,давно было уже указано, мы приводимъ только отдѣльный случай.

Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ разобранную статью Уложенія буквально и думаютъ, если въ полной грамотѣ не было сказано, что холопъ покупается и внукамъ, то внуки, послѣ смерти своего отца, не имѣли уже права на такого холопа (Рус. Мысль 1885, № 8, стр. 18). Этотъ взглядъ трудно согласить съ идеей полнаго холопства и съ приведенной 100 ст. Уложенія.

ключъ не ведетъ къ рабству. Это измѣненіе совпадаетъ по времени съ обозначеннымъ уже выше стремленіемъ московскаго правительства ввести болѣе опредѣленности въ способы установленія рабства. Этимъ стремленіемъ и надо объяснять измѣненіе старины, которая, дѣйствительно, не отличалась достаточною опредѣленностью въ этомъ пунктѣ. Ключъ велъ къ рабству, но если не было соглашенія о противномъ Состоялось или нѣтъ такое соглашеніе, это могло быть предметомъ спора, тѣмъ болѣе, что самая форма соглашенія не была опредѣлена. Для прекращенія этой неопредѣленности московское правительство и признало удобнымъ объявить, что ключъ самъ по себѣ не ведетъ къ рабству; но кто хочетъ, чтобы лицо, принимаемое имъ въ ключники, было рабомъ, тотъ долженъ представить на него полную или докладную (76).

Составитель послѣдняго отдѣла Русской Правды, въ которомъ рѣчь идетъ «о холопствѣ», есть нашъ первый юристъ систематикъ. Онъ различилъ два вида холопства, обельное и не полное, и въ статьѣ 142 дѣлаетъ попытку перечислить виды обельнаго холопства по способамъ его установленія. Онъ замѣтилъ три такихъ вида: 1) кто себя продастъ, 2) кто женится на рабѣ безъ ряду и 3) кто привяжетъ ключъ безъ ряду. Это уже значительная побѣда обобщающей мысли надъ юридическимъ матеріаломъ. Но нашъ первый юристъ-систематикъ просмотрѣлъ, что есть и другіе виды обельнаго холопства: плѣнъ и еще три, на которые можно найти указанія даже въ текстѣ Правды: 1) бѣгство закупа: 2) рожденіе отъ несвободныхъ родителей и 3) несостоятельность.

О закупѣ рѣчь будетъ ниже, а о двухъ другихъ способахъ необходимо сказать теперь.

Что дѣти, рожденныя отъ рабовъ, суть рабы—это есть естественное послѣдствіе несвободы родителей. Принадлежность къ несвободному состоянію дѣтей, прижитыхъ рабами, само собой разумѣется, какъ и то, что приплодъ отъ скота составляетъ собственность хозяина

скота. Поэтому, ни одинъ древній памятникъ не узаконяетъ принадлежности дѣтей холоповъ ихъ господамъ. Но есть статьи въ Русской Правдѣ и позднѣйшихъ памятникахъ, которыя, отправляясь отъ того положенія, что дѣти рабовъ принадлежатъ ихъ господамъ, разъясняютъ примѣненіе этого правила въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Русская Правда, въ статьѣ о вознагражденіи опекуна, говоритъ, что опекунъ, въ вознагражденіе за свой трудъ и издержки по прокормленію малолѣтняго, получаетъ все то, что «прігоститъ» или добудетъ въ видѣ процентовъ на его капиталъ; самый же капиталъ онъ долженъ возвратить а также долженъ возвратить и «плодъ отъ челяди и отъ скота». III 129.

Отъ такого же предположенія о принадлежности дѣтей раба его господину отправляется и Уложеніе:

А который старинный холопъ, отъ кого збѣжавъ, женится въ бѣгахъ на вольной дѣвкѣ или на женкѣ и приживетъ съ тою женою своею дѣти, и того холопа прежнему его боярину отдати въ холопство съ женою и съ дѣтьми» (XX, 87).

Иное дѣло несостоятельность должника. Ея послѣдствія сами собой не мыслятся, а потому и нуждаются въ опредѣленіи на случай спора. Уже Русская Правда различаетъ, во-первыхъ, несчастную несостоятельность, возникшую вслѣдствіе пожара, наводненія и другихъ независящихъ отъ воли человѣка причинъ, и во-вторыхъ, несостоятельность по его винѣ Въ первомъ случаѣ должнику дается разсрочка; во-второмъ, онъ выдается въ распоряженіе кредитора, которому предоставляется право или продать должника или оказать ему снисхожденіе и дать отсрочку.

«Аже который купець, гдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не наслити ему, ни продати его; но како начнеть отъ лѣта платити, такоже платить, занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть III 66. Аже ли пропиеться или пробиеться, а въ безумьи чюжь товаръ испортить, то како

любо тѣмъ, чии тотъ товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля» III 67.

Подъ «продадять ли» разумѣемъ право кредитора продать несостоятельнаго должника въ рабство. Продажа эта происходила «на торгу» III 68.

По Русская Правда, очевидно, не договариваетъ. Неоплатнымъ должникомъ можетъ оказаться, не только купецъ, занявшій деньги или товаръ, но и всякое лицо, на которое падаетъ взысканіе въ силу причиненныхъ его дѣйствіями (обидами) убытковъ. Надо думать, что лица, виновныя въ убыткахъ, не пользовались льготами, предоставленными несчастнымъ несостоятельнымъ. Они подлежали во всякомъ случаѣ продажѣ въ рабство.

Этотъ порядокъ остается у насъ въ силѣ еще въ XV вѣкѣ. Статья Русской Правды, съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, повторяется въ Судебникѣ 1497 г. Несчастная несостоятельность названа тамъ безхитростной». Такому несостоятельному выдается полѣтная грамота». Онъ платитъ по ней капиталъ безъ процентовъ. Пропившійся же или инымъ безуміемъ погубившій товаръ свой «безъ напрасьства» (обстоятельства отъ воли не зависящія) выдается истцу головою на продажу, по старинѣ.

Судебникъ 1497 года дополняетъ Правду и въ томъ отношеніи, что распространяетъ тотъ же порядокъ и на несостоятельныхъ преступниковъ.

«О татехъ. А котораго татя поймаютъ съ какою татбою ни буди.., а не будетъ оу того татя статка, чѣмъ исцево заплатитъ, ино его бивъ кнутьемъ, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажю... (10).

Подъ выдачей головою на продажу надо разумѣть предоставленіе должника въ волю кредитора. Кредиторъ могъ или взять его къ себѣ во дворъ въ качествѣ раба или продать его. Въ случаѣ наличности многихъ кредиторовъ, если ни одинъ изъ нихъ не бралъ себѣ неоплат-

наго должника на условіи удовлетворенія остальныхъ должникъ продавался на торгу, а кредиторы удовлетворялись изъ вырученной суммы. Уже Русская Правда опредѣляетъ порядокъ такого удовлетворенія. Процентная разверстка вырученной изъ продажи суммы неизвѣстна нашей древности. Она знала привилегированныхъ кредиторовъ, которые удовлетворялись первыми и въ полной суммѣ. На первомъ мѣстѣ стоялъ князь, за нимъ шли гости-чужеземцы, остатокъ распредѣлялся между мѣстными кредиторами III 68, 69.

Московскій великій князь Семенъ Ивановичъ отпускаетъ, между прочимъ, на волю «людей, кто ми ся будетъ въ винѣ досталъ». Подъ этими, доставшимися за вину, надо разумѣть неоплатныхъ должниковъ, заемщиковъ, татей и пр.

Въ XVI вѣкѣ эта старина начинаетъ измѣняться. Государство приходитъ на помощь неоплатнымъ должникамъ. Еще до изданія второго Судебника судьи приговариваютъ неоплатныхъ должниковъ къ выдачѣ головою не на продажу, а только «до искупа», т.-е. до покрытія долга (А. Ю. № 10. 1503 г. и № 22. 1547 г.).

Въ царскомъ Судебникѣ это уже общее правило для всякихъ должниковъ, татей и несостоятельныхъ кредиторовъ (ст. 55, 90).

Правила о выдачѣ должниковъ до искупа переходятъ и въ Уложеніе (X, 204, 266 и XX. 39), которое точно опредѣляетъ, во сколько времени можно отработать извѣстный долгъ. Мужчина за 5 рублей долженъ работать годъ, женщина въ годъ покрываетъ только 2 р. съ полови ною. Съ кредиторовъ берется порука съ записью въ томъ, что они должниковъ своихъ не убьютъ и не изувѣчатъ (X, 266).

Но возможность для должника сдѣлаться рабомъ существуетъ и въ XVII вѣкѣ. Выдачѣ головою до искупа предшествовалъ правежъ. Людей, стоявшихъ на правежѣ, предоставлялось желающимъ выкупить, т.-е. заплатить

за нихъ долгъ, а ихъ себѣ взять. На какомъ правѣ поступали такіе должники во дворъ лица, уплатившаго ихъ долгъ? Ни одинъ памятникъ не опредѣляетъ этого права. Условія перехода должника къ третьему лицу предоставляется опредѣлять по взаимному соглашенію. Это соглашеніе заносится въ «запись», которая и служитъ основаніемъ для рѣшенія споровъ, могущихъ возникнуть между неоплатнымъ должникомъ и тѣмъ, кто выкупилъ его съ правежа. Если въ записи ничего не говорилось о срокѣ, въ теченіе котораго выкупленный долженъ былъ служить во дворѣ лица, заплатившаго за него долгъ, въ такомъ случаѣ судьи, если возникалъ споръ, должны были присуждать должника вѣчно оставаться въ работѣ.

«А которые люди учнутъ искати на комъ по записямъ, а въ тѣхъ записяхъ написано, что они тѣхъ людей скупили въ долгѣхъ съ правежу, и тѣмъ людемъ жити у нихъ и у дѣтей ихъ во дворѣ, служити и женитися, и женясь потому же служити во дворѣ, а сколько лѣтъ служити, того будетъ въ записи не написано, и тѣхъ людей по такимъ записямъ отдавати во дворъ тѣмъ людямъ, кому они на себя такіе жилые записи дали, потому что онъ тое запись далъ на себя изъ воли» (XX, 46).

Такимъ образомъ, еще въ XVII вѣкѣ неоплатный долгъ велъ къ рабству, но не должника, а третьяго лица, уплатившаго долгъ и взявшаго безсрочную запись на службу должника. Но это будетъ рабство не за долгъ, а по новому основанію, по безсрочной жилой записи. И по существу рабство это будетъ отличаться отъ полнаго. Выкупившій должника едва-ли могъ отчуждать его.

Наконецъ, смоленскій договоръ съ нѣмцами указываетъ и еще на одинъ способъ установленія рабства, это—приговоръ князя за вину. Въ готландской редакціи читаемъ:

«Аже розгнѣвается князѣ на своего чловка, и боудѣте винъватъ немъчицю роусинъ, а отимьтъ князѣ все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвое платити емоу латишину, а потомь князю какъ любо съ своимь чловкмь».

Въ рижской находимъ такой варіантъ.

«Аще князь възвержеть гнѣвъ на роусина, повелить его разграбити съ жоною, съ дѣтми, а роусинъ должонъ боудеть, немчичю напередѣ взяти, а потомь како Бви любо и князю». Рус. лив. акты. Стр. 424.

Текстъ смоленскаго договора даетъ возможность пополнить наши представленія о практикѣ временъ Русской Правды. Преступники не всегда изгонялись, а иногда обращались въ холопей князя. Это спеціальный способъ установленія княжескаго холопства [1]).

Способы прекращенія рабства сводятся къ очень немногимъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ отпущеніе на волю. Относительно самаго порядка освобожденія рабовъ мы знаемъ очень немного. Рабы освобождались при жизни господъ и на случай ихъ смерти. Въ московское время желавшій еще при жизни своей отпустить на волю раба долженъ былъ дать ему отпускную грамоту; при выдачѣ отпускной, было въ обычаѣ выдавать освобождаемому и старыя на него крѣпости [2]). Согласно съ

[1]) Кромѣ приведенныхъ способовъ установленія рабства, проф. Владимірскій-Будановъ допускаетъ еще одинъ: духовное завѣщаніе. Онъ думаетъ, что въ силу 76 ст. цар. Судеб. и 66-й перваго изъ духовной могло возникнуть рабское состояніе для лица свободнаго (Христ. II, 163). Это очевидное недоразумѣніе. Въ статьѣ 76-й написано:

«По робѣ холопъ, по холопѣ раба. по духовной холопъ, по приданой робѣ холопъ, а по холопѣ раба».

Читать, конечно, надо такъ: «по рабѣ холопъ, по холопѣ раба; по духовной рабѣ холопъ, по приданой рабѣ холопъ, а по холопѣ раба». Перваго положенія «по рабѣ холопъ, по холопѣ раба» уже совершенно достаточно для выраженія мысли, которую Судебникъ желаетъ высказать. Но наши старые юристы не умѣли довольствоваться общими понятіями. Высказавъ общую мысль, составители судебника не замѣтили, что она разрѣшаетъ всѣ частные вопросы, а потому стали перечислять отдѣльные случаи: рабу, отказанную въ духовной грамотѣ, и рабу, полученную въ силу рядной записи.

[2]) А. И. II. № 44, 1603. Господинъ, конечно, могъ отпустить на волю и отдѣльныхъ членовъ семьи, дѣтей, оставивъ въ холопствѣ родителей, даже жену, удержавъ мужа. А. Ю. 410.

обозначеннымъ выше стремленіемъ московскаго правительства установить строгій контроль за актами поступленія въ рабство, и порядокъ выдачи освободительныхъ грамотъ все болѣе и болѣе получаетъ офиціальный характеръ. Въ XV вѣкѣ освободительная грамота имѣла силу, если была вся написана рукою господина (пер. Суд. 18). Въ противномъ случаѣ требовалось, чтобы она прошла чрезъ руки офиціальныхъ лицъ, которыя всѣ получали и особыя пошлины за свой трудъ. Писалась она подьячимъ или дьякомъ, подписывалась дьякомъ и, наконецъ, скрѣплялась приложеніемъ печати намѣстника или волостеля, которые имѣли кормленіе съ судомъ боярскимъ (Суд. 1497 г., ст. 17, 20 42). Такъ въ XV-мъ и первой половинѣ XVI вѣка. Съ половины же XVI всякая отпускная должна быть непремѣнно скрѣплена рукою дьяка и печатью намѣстника. Право же скрѣплять отпускныя было предоставлено только намѣстникамъ и дьякамъ московскимъ, новогородскимъ и псковскимъ (Суд. цар. 77). Эта крайняя централизація не могла не оказать вреднаго вліянія на московскую практику.

Кромѣ освобожденія чрезъ посредство отпускныхъ грамотъ, встрѣчаемся еще съ освобожденіемъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Освобожденія въ духовныхъ грамотахъ дѣлаются массами. Умирающіе отпускаютъ или всѣхъ своихъ рабовъ или только должностныхъ: тіуновъ, ключниковъ, дьяковъ и пр. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ рабы не перечисляются отдѣльно, по именамъ. Такъ въ духовныхъ грамотахъ князей и частныхъ лицъ. Освобожденіе рабовъ актомъ послѣдней воли возникло у насъ, конечно, подъ вліяніемъ духовенства и дѣлалось съ цѣлью имѣть молельщиковъ о душѣ. Какъ приводились такія распоряженія въ исполненіе, на это мы не встрѣтили прямыхъ указаній. Можно думать, что въ этихъ случаяхъ душеприкащики и наслѣдники завѣщателя давали рабамъ отпускныя грамоты отъ своего имени. На это наводятъ вы-

раженія указа 1597 г. апрѣля 25-го. (А. И. I. № 221. II) и 10 и 65 статьи Уложенія главы XX.

Въ нашихъ памятникахъ нѣтъ указанія на то, что вольноотпущенные находились въ какихъ либо отношеніяхъ зависимости къ своимъ прежнимъ господамъ. Съ момента отпуска на волю они пріобрѣтали всѣ права свободныхъ людей.

Въ памятникахъ, съ XV вѣка начиная, рабы, бѣжавшіе изъ плѣна, признаются свободными.

«А холопа полонитъ рать татарская, а выбежитъ изъ полону, и онъ слободенъ, а старому гедрю не холопъ» (Суд. 1497, 56).

Царскій Судебникъ говоритъ уже не о татарской рати, а о полонѣ вообще (80). Эти постановленія перешли и въ Уложеніе, въ которомъ находимъ и разрѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, XX, 34, 66.

Выше было указано уже (стр. 125) на освобожденіе правительствомъ рабовъ, которыхъ господа или не кормили въ голодные годы или не женили, по достиженіи ими опредѣленнаго возраста. Освобожденіе въ этихъ случаяхъ имѣло мѣсто по особому заявленію раба казначею.

Къ этимъ способамъ Уложеніе прибавляетъ два новыхъ. 1) Рабамъ измѣнника, отъѣхавшаго изъ Московскаго государства, можетъ быть дана воля; но для этого необходимъ особый государевъ указъ и боярскій приговоръ (XX, 33). 2) Принятіе православной вѣры рабами не крещеныхъ иноземцевъ. Господамъ давался за нихъ выкупъ въ размѣрѣ 15 рублей за человѣка (XX, 71).

II. Кабальные холопы

Въ московскихъ памятникахъ XVI вѣка встрѣчаемся съ новымъ видомъ холопства. Этому новому виду усвояется имя «кабальныхъ холоповъ». Сравнительно съ старинными холопами кабальные представляютъ новость. Но для насъ

и эта новость есть старина, отъ которой не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ въ современной жизни.

Кабальные холопы, какъ и старинные, не созданы княжескими указами. Они возникли въ силу житейской практики. Московскіе государи нашли ихъ уже существующими. Когда они впервые возникли, этого мы не знаемъ. По XVI вѣкъ есть время регулированія способовъ установленія рабства. Въ этомъ вѣкѣ было регулировано и кабальное холопство.

Кабала слово арабское; означаетъ оно договоръ купли-продажи (сообщилъ баронъ В. Р. Розенъ). У насъ слово это сдѣлалось извѣстно чрезъ посредство татаръ. Въ татарскихъ оффиціальныхъ документахъ оно употребляется въ смыслѣ заемной росписки (сообщилъ профес. В. Д. Смирновъ). Въ нашихъ памятникахъ слово это также имѣетъ значеніе заемной росписки. Изъ договора займа (кабала) и возникло кабальное холопство. Появленіе въ нашей практикѣ заемныхъ росписокъ кабалъ никакъ не можетъ быть старѣе конца XIII вѣка.

Проценты въ старыхъ договорахъ займа опредѣлялись деньгами и натурой. Въ качествѣ процентовъ натурою являлась весьма обыкновенно служба должника. Онъ обязывался за ростъ служить во дворѣ кредитора. Кабала этого рода носила наименованіе «служилой кабалы». Это былъ заемъ на условіяхъ очень тяжкихъ.

Служилой кабалой достигалось почти полное фактическое закрѣпленіе должника вѣрителю. Обязываясь служить за ростъ, должникъ отдавалъ въ распоряженіе кредитора всѣ свои производительныя силы. Эта обязательная работа могла быть прекращена только уплатой капитала: но гдѣ взять капиталъ, если проценты платились личной работой? Для уплаты капитала было одно средство—новый заемъ. Но онъ едва ли могъ быть заключенъ на лучшихъ условіяхъ. Новый же заемъ на тѣхъ же условіяхъ есть только перемѣна господина.

Юридически такая зависимость легко уничтожается. Для

этого надо только уплатить долгъ. Но фактически она ведетъ къ полной утратѣ свободы, такъ какъ нѣтъ средствъ къ уплатѣ долга.

До половины XVI вѣка кредиторы выговаривали иногда въ свою пользу оба вида вознагражденія по одному и тому же долгу. Они обязывали должниковъ своихъ служить имъ и, кромѣ того, платить рость деньгами (Цар. суд. 82). Положеніе такихъ должниковъ было еще болѣе тяжкое.

Судебникъ 1497 г. еще ничего не говоритъ о кабальныхъ, но они уже существуютъ. Первое упоминаніе о нихъ относится къ 1481 г. Меньшой братъ великаго князя Ивана Васильевича, Андрей Васильевичъ, отпустилъ въ этомъ году на волю «приказныхъ своихъ людей, полныхъ холоповъ и кабальныхъ». Въ 1509 г. тоже дѣлаетъ внукъ вел. князя, Дмитрій Ивановичъ, а въ 1523 г. волоцкій князь, Ѳедоръ Борисовичъ.

Кабальные въ это время не холопы. Они люди свободные. Только фактически они не свободны. Что же значитъ отпускъ на волю кабальныхъ въ трехъ приведенныхъ случаяхъ? Если кабальные не уплачивали долга кредитору, то, по его смерти, они на томъ же основаніи переходили къ его наслѣдникамъ и должны были служить имъ. Три вышеприведенныхъ князя простили долги своимъ кабальнымъ должникамъ и, такимъ образомъ, освободили ихъ отъ дальнѣйшей службы наслѣдникамъ за рость. «Дать волю кабальнымъ» не точное выраженіе, краснорѣчиво, впрочемъ, свидѣтельствующее о томъ, что безвыходное положеніе кабальныхъ хорошо сознавалось ихъ кредиторами.

Первыя опредѣленія о кабальныхъ встрѣчаемъ въ Судебникѣ 1550 года. Онъ признаетъ то, что практика уже выработала, но регулируетъ порядокъ составленія служилыхъ кабалъ и принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ огражденію интересовъ фиска.

Судебникъ дозволяетъ давать на себя служилыя кабалы только вольнымъ людямъ; вольнымъ людямъ противо-

полагаются здѣсь не рабы, а тяглые люди. Занявшій деньги по служилой кабалѣ долженъ жить въ домѣ кредитора и служить ему, а это несовмѣстимо съ тягломъ. По ростовой же кабалѣ можетъ занимать деньги всякій, и тяглый. Такой должникъ сохраняетъ свое прежнее положеніе, и если онъ тяглый, продолжаетъ тянуть свое тягло. Неключать рабовъ не было никакой надобности: что рабъ не могъ поступить на службу другаго господина, это было всѣмъ хорошо извѣстно. — Тяглые крестьяне могли продаваться въ полные холопы, но не обязываться служилыми кабалами. Это запрещеніе стоитъ въ связи съ особенностями древняго закладничества, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Судебникъ установляетъ максимумъ (15 руб.), выше котораго не долженъ идти долгъ по служилой кабалѣ. Это, конечно, сдѣлано въ видахъ противодѣйствія составленію безденежныхъ кабалъ на большія суммы съ цѣлью обхода правительственныхъ распоряженій о непріемѣ въ закладники тяглыхъ людей. Затѣмъ опредѣленъ порядокъ писанія кабалъ.

«А которые люди вольные почнутъ бити челомъ княземъ, и бояромъ и дѣтемъ боярскымъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити, и болѣ пятинатцати рублевъ на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на вольныхъ людей болши пятинатцати рублевъ, до сего Уложенья, а за ростъ въ тѣхъ деньгахъ у нихъ служити, и тѣмъ людемъ тѣ кабали приносити бояромъ, и бояромъ къ тѣмъ кабаламъ печати свои прикладывати, а дьякомъ подписывати...» (78).

Наконецъ, Судебникъ принимаетъ мѣры и противъ соединенія двоякаго вознагражденія за кредитъ, службой и ростомъ, и тѣмъ ограждаетъ заемщиковъ отъ алчности кредиторовъ.

«А хто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ, а на деньги имъ ростъ давати. А хто дастъ денегъ въ

заемъ въ ростъ да того человѣка станетъ держати у собя, и збѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ покрадши, і что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ» (82).

Судебникъ проводитъ этой статьей впервые опредѣленную границу между служилыми кабалами и ростовыми.

Занявшій деньги по ростовой кабалѣ платитъ проценты деньгами и не стоитъ ни въ какой личной зависимости отъ своего кредитора. Занявшій деньги по служилой кабалѣ живетъ во дворѣ вѣрителя [1]) и обязанъ служить ему до погашенія долга. Но и по Судебнику кабальный слуга еще не холопъ, а свободный человѣкъ, временно обязанный служить. За нимъ остается право уплатою долга прекратить свое зависимое положеніе.

Въ 1559 г. опредѣленъ возрастъ, по достиженіи котораго можно было давать на себя служилую кабалу. Для этого требовалось имѣть исполнившіяся 15 лѣтъ (А. И. I. № 154, XII). Это правило перешло и въ Уложеніе (XX. 20).

Слѣдующій по времени указъ о кабальныхъ людяхъ былъ изданъ 1-го іюня 1586 г. Онъ не дошелъ до насъ. Нѣкоторое указаніе на его содержаніе находимъ въ указѣ 25-го апрѣля 1597 г. Сколько можно судить по этому позднѣйшему указу, въ 1586 были установлены новыя правила для писанія служилыхъ кабалъ. Въ Москвѣ онѣ должны писаться съ доклада приказу Холопьяго суда, а по городамъ съ вѣдома (т.-е. тоже съ доклада) приказныхъ людей; кромѣ того, всѣ кабалы должны были записываться въ кабальныя книги. Съ 1586 г. возникъ

[1]) Это видно изъ текста служилыхъ кабалъ, по которымъ кабальный обязывается служить во дворѣ вѣрителя, А. Ю. № 252. Въ этомъ же смыслѣ составлена и приведенная въ текстѣ 82 ст. Суд. Вмѣсто того, чтобы сказать: а кто, давъ деньги въ ростъ, потребуетъ еще службы, она говоритъ: «а кто дастъ денегъ въ ростъ да того человѣка станетъ держать у себя», т.-е. у себя во дворѣ для услуги. Такому взгляду на обязанность должника жить во дворѣ кредитора соотвѣтствуетъ и упоминаніе о кражѣ и бѣгствѣ должника, о чемъ и говорить не было бы повода, если бы не предполагалось, что обязанный службою живетъ во дворѣ и на хлѣбахъ кредитора.

такимъ образомъ, новый видъ служилыхъ кабалъ, которыя стали называться «докладными», потому что писались съ доклада Холопью суду. Есть основаніе думать, что тогда же произведено было и важное измѣненіе въ юридическомъ положеніи «докладныхъ» кабальныхъ людей: они были объявлены крѣпкими своимъ кредиторамъ до ихъ (кредиторовъ) смерти и лишены, такимъ образомъ, права прекращать свое зависимое состояніе уплатой долга, на что кабальные по старымъ кабаламъ имѣли еще право.

Переходя къ оцѣнкѣ нововведеній указа 1586 г. іюня 1-го числа, надо сказать, что они только на первый взглядъ представляются содержащими въ себѣ стѣсненіе правъ кабадьныхъ. Докладной кабальный лишонъ права освободиться отъ службы уплатой долга. Но если кабальные до указа 1586 г. уплачивали свой долгъ, то въ очень рѣдкихъ случаяхъ; большинство же ихъ переходило въ кабальную зависимость къ наслѣдникамъ кредитора и по свою смерть оставалось въ кабалѣ. Указъ 1586 г., ограничивая кабальную зависимость временемъ жизни кредитора, приходитъ на помощь большинству докладныхъ кабальныхъ.

Тѣмъ не менѣе, указъ этотъ дѣлаетъ по закону несвободными должниковъ, которые до того были не свободны только фактически. Только съ этого указа кабальные люди становятся холопами, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось это слово по отношенію къ старымъ холопамъ. Этимъ приближеніемъ кабальныхъ къ старымъ холопамъ и объясняется то обстоятельство, что новыя служилыя кабалы, по которымъ уплата долга не допускалась, выдавались съ доклада.

Въ 1597 г., когда былъ изданъ слѣдующій указъ о кабальныхъ, были налицо старыя кабалы, написанныя до 1586 года и безъ доклада, и новыя, докладныя. Царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ нашолъ нужнымъ распространить въ этомъ году правила, изданныя раньше для докладныхъ кабальныхъ, на всѣхъ кабальныхъ и на

тѣхъ, которые дали на себя служилыя кабалы еще до 1586 г.

Вотъ относящееся до кабальныхъ мѣсто указа 1597 г. апрѣля 25-го:

а) «А которые люди до государева, царева и великого князя Ѳедора Ивановича всея Русіи уложенія, въ прошлѣхъ годѣхъ, до лѣта 7094 (1586) году іюня до 1-го числа били челомъ въ службу бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людемъ, и гостемъ, и всякимъ торговымъ людемъ и кабалы служилыя на себя давали, а въ книги тогда въ приказѣ Холопья суда тѣ служилыя кабалы не писаны;

б) и которые люди съ государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всея Русіи уложенія лѣта 7094 іюня съ 1-го числа били челомъ въ службу бояромъ (и т. д.)... и кабалы служилыя на себя давали на Москвѣ съ докладу Холопья суда (значитъ, въ уложеніи 1585 года установленъ уже докладъ, на что мы выше и указали) и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ московскихъ въ кабальныхъ книгахъ и въ городѣхъ тѣ служилыя кабалы записаны до нынѣшняго государева новаго уложенья 105 (1597) году февраля по 1-ое число;

с) и которые люди впредь, съ лѣта 7105 (1597) февраля 1-го числа, били челомъ въ службу и впредь учнутъ бити челомъ въ службу бояромъ (и т. д.)... съ докладу Холопья суда и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ московскихъ въ записныхъ въ кабальныхъ книгахъ и въ городѣхъ у приказныхъ людей тѣ служилыя кабалы будутъ записаны,

д) и тѣмъ всѣмъ людемъ, и женамъ и дѣтямъ, которыя жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ, а отъ государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ, а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти» (А. И. I. № 221. II).

Итакъ, на кабальныхъ людей по старымъ кабаламъ, писаннымъ до 1586 года, и по новымъ, писаннымъ съ 1597 года февраля съ 1-го числа, распространены тѣ правила, которыя были установлены въ 1586 году для кабальныхъ докладныхъ. Съ 1597 года всѣ кабальные, и новые и старые, обращаются во временныхъ холоповъ и лишаются права прекращать свое зависимое состояніе уплатою долга, но зато въ моментъ смерти кредитора всѣ они получаютъ свободу, не платя по кабалѣ.

Вотъ образчикъ служилой кабалы.

Се азъ, Осипъ Юрьевъ сынъ Васильева, съ своими дѣтми, съ сыномъ Леонтьемъ, да съ Васильемъ, да съ Юрьемъ, да съ дочерью, съ Полагеею, заняли есмя у Васильева человѣка Васильевича Ржевскаго, у Григорья у Шаблыкина, государя его серебро восемь рублевъ денегъ, московскихъ ходячихъ, октября ото втораго числа до по тогожъ дни на годъ. А за ростъ намъ у государя его, у Василья у Васильевича, служити во дворѣ по вся дни. А полягутъ деньги по сроцѣ, и намъ у государя его, у Василья Васильевича, за ростъ служити по тому жъ, по вся дни во дворѣ. А кой насъ заемщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба. А на то послуси, Безсонъ, Ивановъ сынъ, Козинъ. А кабалу писалъ Гришка, Федоровъ сынъ, Алабышевъ, лѣта 7105».

На оборотѣ сдѣлана помѣта о докладѣ и о записке въ книгу:

«105 октября во 2-й день передъ діакомъ, передъ Пятымъ Кокошкинымъ, заемщики сказали: деньги взяли и такову служилую кабалу на себя дали.—И въ книги записана. Діакъ Пятой Кокошкинъ» (А. Ю. № 252; нѣсколько служилыхъ кабалъ напечатано въ А. до Ю. Б. № 127).

При докладѣ присутствовалъ тотъ же послухъ. Безсонъ, который и на оборотѣ руку приложилъ.

Изъ приведенной подписи на оборотѣ видно, что докладъ о кабальныхъ происходилъ въ той же формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, какъ и докладъ о полныхъ холопахъ [1]).

[1]) Къ служилымъ кабаламъ въ концѣ XVI вѣка такъ же была

Форма доклада одна и та же, но существо устанавливаемыхъ на докладѣ отношеній совершенно различное: въ первомъ случаѣ получается кабальное холопство, во второмъ—полное. Но то и другое одинаково называется докладнымъ отъ формы доклада.

У насъ было только два вида рабства: полное и кабальное. Но въ памятникахъ холопы называются терминами, выражающими не только существо рабства, но и способы его установленія. Вел. князь Иванъ Ивановичъ въ своемъ завѣщаніи отпускаетъ на волю своихъ людей: полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ. Полные, купленые, грамотные -это все одно и то же. Но полные—терминъ, обозначающій существо рабства, это полный холопъ, обельный, а не добровольный; купленый и грамотный—обозначаютъ способъ пріобрѣтенія полнаго же холопа, и опять эти слова значатъ одно и то же, ибо покупаютъ по полной грамотѣ. Это плеоназмъ. Съ установленія доклада для кабальныхъ, докладнымъ стали называть и полнаго и кабальнаго. Та-

примѣнена и извѣстная уже намъ записка актовъ въ книги. Вотъ образчикъ такой записки.

«И въ приказѣ Холопья суда въ кашинской записной кабальной книгѣ прошлого 161 году іюня въ 17 день написано: Сталъ передъ губнымъ старостою, передъ Ѳедоромъ Сосновскимъ, заемщикъ, Полуехтъ, Ермолаевъ сынъ, Дороѳеева, ростомъ высоковатъ, лицомъ плосколикъ, на бороду немного сколковатъ, носъ на лѣвую сторону маленько кривоватъ (и т. д. примѣты). А сказался, бывалъ старинной послужникъ Иванъ, Нарѳеньева сына, Суворова Меншева, и какъ де Ивана не стало, и послѣ себя женѣ своей, Дарьѣ, приказалъ отпустить на волю и своей кабалы отпускную положилъ за руку отца его духовнаго, села Белеутова Акиманского попа, Кондратья Евсегнѣва. А нынѣ сказалъ, билъ челомъ въ службу сыну его, Андреяну, Иванову сыну, Суворову Меншево, и далъ на себя и на жену свою, Василису, Иванову дочь, служилую кабалу въ шти рубляхъ іюня отъ седмаго на десять числа да по іюнь же по седмое на десять число на годъ; а за ростъ имъ на тѣ деньги у государя своего, у Андреяна Ивановича, служить во дворѣ по вся дни и всякое дѣло дѣлать. А полягутъ деньги по срокѣ, и имъ у государя своего, у Андреяна, служить во дворѣ по тому жъ по вся дни. А послуси къ кабалѣ Трофимъ, Ивановъ сынъ, Вешняковъ. А кабалу писалъ Ѳомка, Баженовъ сынъ, Вишняковъ. Лѣта 7164. Пошлины шесть алтынъ взяты». А. до Ю. Б. № 9. Другія подобныя записи см. подъ № 131.

кая свободная терминологія приводитъ иногда нашихъ изслѣдователей къ недоразумѣніямъ [1]).

Установленное указами 1586 и 1597 года кабальное холопство существенно отличается отъ выше разсмотрѣннаго обельнаго или полнаго.

Кабальное холопство есть временное, оно прекращается смертью кредитора господина. Отсюда господинъ не можетъ распоряжаться своимъ кабальнымъ холопомъ, не можетъ продавать его, дарить, завѣщать и пр.

Это само собой разумѣется; но въ нѣкоторыхъ указахъ встрѣчаемъ и прямыя постановленія въ этомъ смыслѣ. Въ вышеприведенномъ указѣ 1597 года читаемъ:

«А женамъ послѣ мужей своихъ и дѣтямъ послѣ отцовъ своихъ до тѣхъ кабальныхъ записныхъ людей и до ихъ дѣтей, которыя дѣти въ кабалахъ будутъ писаны и которыя дѣти въ томъ кабальномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ и денегъ по тѣмъ отцовскимъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ не указывати».

То же выражено и въ Уложеніи, глава XX, ст. 9, 52, 61, 63.

И такъ, кабальный холопъ остается въ зависимости отъ своего кредитора до его смерти. Онъ не можетъ прекратить эту зависимость уплатой долга. Въ моментъ смерти кредитора онъ дѣлается свободенъ, и наслѣдники умершаго не могутъ искать съ него по служилой кабалѣ. А самъ кредиторъ могъ искать съ него займа? Могъ. Отно-

[1]) Нѣкоторые соединяютъ эти два вида докладныхъ въ одинъ и свойства кабальныхъ докладныхъ приписываютъ холопамъ полнымъ, продавшимъ себя по докладной. Такое соединеніе встрѣчается у проф. Ключевскаго въ статьѣ «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи». Русск. Мысль, 1885, августъ, стр. 20. Авторомъ едва ли обращено вниманіе на то, что о «докладныхъ» говоритъ первый Судебникъ, ничего незнающій не только о кабальныхъ холопахъ, но и о кабальныхъ людяхъ, и говоритъ въ статьѣ, въ которой рѣчь идетъ о полномъ холопствѣ; докладъ же служилыхъ кабалъ не можетъ быть старѣе указа 1586 года. У нѣкоторыхъ писателей рѣчь идетъ о «дворныхъ холопахъ», какъ особомъ видѣ холопства. Такихъ не было.

сительно этого вопроса въ XVII вѣкѣ сохранялъ свою силу приказъ казначеямъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, данный 15-го октября 1560 года:

«Кто на комъ ищетъ по кабаламъ заемныхъ денегъ, или (по записямъ) за ростъ служити, да сносовъ; и которые заемщики учнутъ въ исцовыхъ искѣхъ по кабаламъ и въ сносѣхъ виниться, или которыхъ заимщиковъ въ исковыхъ искѣхъ судомъ обвинятъ, и доправити на нихъ будетъ исцовыхъ исковъ не мочно, и поруки и переводу на нихъ въ исцовыхъ искѣхъ не будетъ; и тѣхъ ответчиковъ велѣлъ Государь истцомъ выдавати въ искѣхъ до искупа» (А. И. I. № 154, XVI).

Этотъ указъ буквально перешелъ въ Уложеніе XX, 39. Но едва-ли онъ могъ имѣть какое-либо практическое значеніе, такъ какъ предъявленіе служилой кабалы ко взысканію превращало службу съ неопредѣленнымъ срокомъ (по смерть господина) въ срочную, по разсчету года службы за 5 руб. долга.

Кабальное холопство установляется добровольной выдачей на себя служилой кабалы. Уложеніе запрещаетъ брать служилыя кабалы на собственныхъ крестьянъ, XX. 113.

Въ 1597 году къ этому способу присоединился новый— добровольное холопство, т.-е. добровольная служба кому-либо, безъ выдачи на себя кабалы. Если такіе добровольные холопы служили не менѣе полугода, на нихъ приказано выдавать служилыя кабалы и противъ ихъ воли (изъ неволи). Въ 1607 году этотъ указъ былъ отмѣненъ, но вскорѣ затѣмъ опять возстановленъ (А. И. II. № 85). Уложеніе сократило срокъ добровольнаго холопства почти на половину. Оно предписываетъ давать служилыя кабалы изъ неволи на тѣхъ людей, которые у кого жили болѣе трехъ мѣсяцевъ (XX, 16, 17).

Кабальное холопство сообщается по мужу женѣ и обратно, и по отцу дѣтямъ, родившимся въ кабалѣ (Улож. XX. 83, 85, 86). Если дѣти, родившіяся въ кабалѣ, не

дадутъ на себя добровольно служилыхъ кабалъ, кабалы выдаются на нихъ тоже изъ неволи (Улож. XX, 30).

Кабальное холопство можетъ быть прекращено при жизни господина выдачей кабальному отпускной грамоты (Улож. XX, 9). Смерть господина прекращаетъ несвободное состояніе кабальнаго безъ всякой отпускной (Улож. XX, 12, 15, 52).

Въ первые годы возникновенія кабальнаго холопства рядомъ съ нимъ не только продолжаетъ существовать старинное обельное, но и возникаетъ вновь для желающихъ. Въ 1597 году можно было давать на себя не только служилыя кабалы, но грамоты полныя и докладныя (А. И. I. № 221, стр. 419 и сл.).

По Уложенію же можно вновь сдѣлаться только кабальнымъ холопомъ, а не полнымъ.

А будетъ къ кому придутъ какіе люди и учнутъ бити челомъ въ холопство, а скажутся, что они вольные люди, и тѣмъ людемъ (по распросѣ)... велѣти на нихъ давать служилыя кабалы...» (XX, 7).

То же самое, если придутъ бить челомъ въ холопство вольноотпущенные люди (XX, 8).

Такимъ образомъ, съ половины XVII вѣка (а можетъ быть и раньше) у насъ болѣе не возникаетъ вновь полныхъ холоповъ, а только кабальные. Полное холопство поддерживается одними рожденіемъ отъ старыхъ холоповъ. Это движеніе Уложенія къ свободѣ не могло, впрочемъ, имѣть сколько-нибудь замѣтныхъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ въ это самое время все свободное сельское населеніе, сидѣвшее на владѣльческихъ земляхъ, утрачивало свою волю и переходило въ состояніе людей несвободныхъ.

Уложеніе предписываетъ на челобитья въ холопство выдавать служилыя кабалы. Но челобитье въ холопство ничего, конечно, не говоритъ о займѣ. Поэтому, и выдаваемая на такое челобитье служилая кабала тоже не можетъ говорить о займѣ. Этимъ и объясняется появленіе

въ нашей практикѣ служилыхъ кабалъ безъ займа [1]). Отсюда видно, на сколько кабальное холопство XVII вѣка удалилось отъ своего первообраза—кабальнаго займа. Даже въ самомъ актѣ установленія кабальной зависимости не осталось ничего общаго съ заемной кабалой [2]).

Черезъ 5 лѣтъ, по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія этой книги, г. Павловъ-Сильванскій напечаталъ въ Жур. Мин. Народ. Просвѣщенія (1895 г. № 1) статью подъ заглавіемъ: «Люди кабальные и докладные». Въ этой статьѣ почтенный авторъ оказалъ мнѣ большое вниманіе: онъ

[1]) Вотъ образчикъ такой служилой кабалы безъ займа:

«Се азъ, Аѳонасей Васильевъ, билъ челомъ въ холопство князю Борису Андреевичу Козловскому, и служилую кабалу на себя даю волею своею, и служить мнѣ, Аѳонасью, у государя своего князя Бориса Андреевича, во дворѣ по его животъ. А на то послухъ, Иванъ Пушкаревъ. А служилую кабалу писалъ Ивановскіе площеди подьячей, Сенка Козминъ, лѣта 7192 году декабря въ 17 день».

Далѣе прописаны примѣты Аѳонасія; а на оборотѣ написанъ докладъ кабалы:

«192 декабря въ 17 день въ приказѣ Холопья суда передъ столпникомъ, княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Засѣкинымъ, съ товарыщи Аѳонка сказалъ: въ холопство билъ челомъ и кабалу на себя такову далъ, и пошлины по указу взяты и въ книгу записана.—Дьякъ Герасей Столѣтовъ. Справилъ Панфилко Ларіоновъ». А. до Ю. В. № 127. XII—XIV, XVI—XVIII.

Но и послѣ Уложенія служилыя кабалы писались и по старинѣ, въ формѣ займа, тамъ-же, X, XI, XIX.

[2]) Это измѣненіе есть только необходимое слѣдствіе вышеприведенныхъ указовъ 1586 и 1597 года. Съ изданія этихъ указовъ писаніе служилыхъ кабалъ въ прежней формѣ перестало соотвѣтствовать дѣйствительному положенію кабальнаго холопа. Поэтому еще въ самомъ началѣ XVII вѣка разные люди стали приносить въ Холопій приказъ для выписки «записи на вольныхъ людей», которыми эти вольные люди обязывались служить у нихъ до ихъ живота. Наша практика не замедлила, слѣдовательно, выработать новую форму установленія кабальнаго холопства, которая совершенно соотвѣтствовала существу дѣла. Но царь и великій князь Василій Ивановичъ нашелъ, что эта форма не предусмотрѣна Судебникомъ, а потому и не дозволилъ принимать такія записи къ запискѣ А. П. П. № 85. Ш. 1608.

нѣсколько разъ приводитъ мои мнѣнія, то соглашаясь съ ними, то возражая на нихъ. Я глубоко благодаренъ ему, но не могу ограничиться одной благодарностью. Считаю долгомъ предложить нѣсколько поправокъ къ этому новому опыту обработки вопроса о кабальныхъ людяхъ.

Авторъ совершенно правильно говоритъ, что указъ 1597 года произвелъ существенную перемѣну въ положеніи кабальныхъ (11). По положеніе кабальныхъ до этого года онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Кромѣ права владѣнія и пользованія кабальнымъ человѣкомъ, господинъ до 1597 г. имѣлъ и право распоряженія имъ. Это положеніе можно вывести и a priori изъ положенія о кабальныхъ, какъ неоплатныхъ должникахъ, какъ сдѣлалъ проф. Сергѣевичъ, но можно доказать съ документами въ рукахъ». За этимъ авторъ приводитъ нѣсколько извѣстій о томъ, что кабальные переходятъ къ наслѣдникамъ и въ приданое.

Авторъ соглашается здѣсь со мной и онъ думаетъ, что я изъ тяжелаго положенія кабальныхъ должниковъ вывожу правило о правѣ кредитора распоряжаться ими, т.-е. отчуждать ихъ. Такого правила я не вывожу, и такой выводъ нахожу совершенно неправильнымъ. Кабальный должникъ—свободный человѣкъ, какъ же можетъ кредиторъ распоряжаться имъ? Свободнаго нельзя ни продавать, ни дарить, ни завѣщать и т. д. Но я прочелъ въ документахъ, что кабальныхъ должниковъ отпускаютъ на волю въ духовныхъ грамотахъ, и поставилъ вопросъ, что̀ это значитъ? Кабальные свободны, а имъ даютъ вольную! На стр. 161-й я объясняю этотъ странный фактъ. Это не точное выраженіе; нашъ древній юридическій языкъ полонъ неточностей. Да вѣдь и въ наше время не всѣ говорятъ точно, даже ученые. Право распоряженія неисправными должниками кредитору не принадлежало. У него былъ къ нему искъ, и судъ приговаривалъ такого должника отработать долгъ. Вотъ и все.

Почтенный авторъ нашелъ въ документахъ извѣстія

объ отказѣ кабальныхъ должниковъ по духовной и о дачѣ ихъ въ приданое. Вотъ тѣ документы, на основаніи которыхъ онъ приписываетъ кредитору право распоряженія должникомъ. Правильно это? Не думаю. Въ духовной князя Н. А. Ростовскаго, на которую онъ ссылается, дѣйствительно говорится: «Пожаловалъ есми жену свою, княгиню Овдотью, своими людьми кабальными... и тѣмъ людемъ жити у княгини послѣ княжого живота пять лѣтъ, а отживутъ пять лѣтъ, и княгиня ихъ отпуститъ на свободу, по княжой души, безденежно». А. Ю. № 420, 1548. Это опять неточное выраженіе и ничего болѣе. Настоящій смыслъ сего распоряженія слѣдующій. Князь передаетъ женѣ долговыя обязательства своихъ кабальныхъ людей. Но такъ какъ они заплатить долга не могутъ, то они дѣлаются должниками жены и должны ей служить. Князь распоряжается не кабальными людьми, а своимъ вексельнымъ портфелемъ. И онъ распоряжается имъ, можетъ быть, даже весьма милостиво для своихъ должниковъ. Они должны служить его женѣ только 5 лѣтъ, а затѣмъ дѣлаются свободными, не платя занятыхъ денегъ. Этого мало, въ концѣ завѣщанія князь говоритъ: «А что есми далъ женѣ своей кабальныхъ людей, а велѣлъ есми имъ жити у княгини 5 лѣтъ, и пойдетъ княгиня замужъ напередъ того, и она тѣ люди отпуститъ безденежно».—Кабала «за ростъ служити», есть дѣло въ высокой степени личное, здѣсь все основано на довѣріи. Князь свою жену знаетъ, а потому и передаетъ ей свои права на 5 лѣтъ Но будущаго мужа ея онъ не знаетъ и довѣрять ему основанія не имѣетъ, а потому и прощаетъ долги кабальнымъ, какъ только появится этотъ неизвѣстный и, можетъ быть, даже безъ всякой вины непріятный ему человѣкъ. Кн. Н. А. Ростовскій не умѣлъ выражаться точно юридически и ввелъ въ заблужденіе почтеннаго изслѣдователя; но онъ очень хорошо понималъ житейскія отношенія и имѣлъ хорошее сердце, а потому и принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы довѣрившіе ему себя

люди, послѣ его смерти, не пострадали отъ излишней требовательности новаго кредитора.

На стр. 11 читаемъ: «Проф. Сергѣевичъ, обыкновенно, строго держащійся прямого смысла актовъ, не отличаетъ докладныхъ холоповъ отъ кабальныхъ». Въ придаточномъ предложеніи усматриваю себѣ похвалу и очень за нее признателенъ, а главнаго — не понимаю. Кто читалъ мою книгу, тотъ не можетъ не знать, что я весьма различаю кабальныхъ и докладныхъ. Названіе кабальный—выражаетъ существо института рабства, это одинъ изъ его видовъ;—докладной не видъ рабства, а только способъ установленія сего института. Докладомъ можетъ быть установлено и полное и кабальное холопство. Все это у меня различено и мнѣ непонятно, что хотѣлъ сказать авторъ. Но это не важно; я, можетъ быть, и самъ тутъ виноватъ, не достаточно ясно выразивъ свою мысль. Гораздо важнѣе то, что авторъ самъ говоритъ о докладныхъ холопахъ и докладѣ. Онъ не хочетъ согласиться со мною въ томъ, что докладъ есть способъ установленія рабства вообще, сперва полнаго, а потомъ и кабальнаго. Онъ думаетъ, что докладъ есть способъ установленія одного только вида полныхъ рабовъ, именно тѣхъ, которые отъ другихъ полныхъ отличались не характеромъ зависимости, а по источнику рабства: «продажѣ на ключъ, укрѣплявшейся въ XVI вѣкѣ особой докладной грамотой» 24.

Былъ, значитъ, особый видъ полныхъ рабовъ, которые продавались на ключъ и о которыхъ писалась докладная грамота; а не всѣ полные рабы продавались по этой формѣ. Что же это за особый видъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ на стр. 24—25, гдѣ напечатано извлеченіе изъ статьи 76-й царскаго Судебника, а затѣмъ такое заключеніе: «А такъ какъ холопы назывались обыкновенно по источнику рабства, и такъ какъ, при продажѣ на ключъ, раньше обыкновенно былъ докладъ намѣстнику, а теперь начали писать докладныя, то сельскіе ключники—

рабы и получили спеціальное названіе докладныхъ людей».

«Докладные люди (рабы)», значитъ, сельскіе ключники. Это маленькое видоизмѣненіе мнѣнія, давно высказаннаго проф. Ключевскимъ. Не входя въ новую полемику по этому вопросу, на нашъ взглядъ, давно и достаточно разъясненному (авторъ говоритъ, что и самъ г. Ключевскій, кажется, отказался отъ своего первоначальнаго взгляда), я обращу вниманіе г. Павлова-Сильванскаго только на слѣдующее: 1) на ключъ покупаются цѣлыя деревни, а не отдѣльныя только лица; 2) въ извѣстной ему докладной 1553 года на ключъ куплены Никонъ Повиковъ да сынъ его, Ѳедька. Сыну можетъ быть и 20 лѣтъ, и 12, и 3 года, и 1, и меньше. Не было запрещено продаваться и съ малолѣтними. Этотъ малолѣтній Ѳедька будетъ докладной, но не ключникъ, я думаю. А при покупкѣ цѣлой деревни, кто ключникъ?

Еще одно соображеніе о докладныхъ и кабальныхъ. Авторъ и соглашается со мною, что для кабальныхъ тоже былъ установленъ докладъ, и не соглашается. На стр. 30 читаемъ: Дѣйствительно, указами 1586—1597 гг. и для служилыхъ кабалъ установленъ былъ докладъ, но этотъ докладъ назывался иначе запискою кабалы въ книги приказа Холопьяго суда». И въ концѣ: «Въ докладныхъ людяхъ, такимъ образомъ, нельзя видѣть ни людей, продавшихся въ полницу, ни записныхъ кабальныхъ, а только продавшихся на ключъ, а по ключу и въ холопы».

Итакъ, докладъ былъ установленъ и для кабальныхъ, но ихъ по акту укрѣпленія нельзя называть докладными. Почему же? вѣдь и самъ авторъ признаетъ, что холопы назывались по источнику рабства, т.-е. по способу установленія. А потому, отвѣчаетъ онъ, что докладъ иначе назывался запискою. Это опять маленькое недоразумѣніе! Съ половины XVI вѣка, а можетъ быть и раньше, у насъ уже практиковалась записка въ книги всякихъ актовъ укрѣпленія на холоповъ: крѣпостей полныхъ, до-

кладныхъ и иныхъ. Итакъ, докладъ—это одно дѣло, а записка въ книги—другое. А потому записка соединяется со всякимъ актомъ установленія холопства, а не съ одной только докладной на кабальнаго. Указъ объ этой запискѣ у меня приведенъ выше, на стр. 148; въ только что разобранномъ нами указѣ 1597 г. говорится и о докладѣ служилыхъ кабалъ и о запискѣ ихъ въ книги. Въ виду этого, думаю, почтенный авторъ найдетъ возможнымъ просто согласиться съ моимъ мнѣніемъ.

III. Заключеніе

Въ заключеніе нѣчто изъ Уложенія 1649 года. Мы и выше не разъ приводили статьи Уложенія, но, главнымъ образомъ, такія, изъ которыхъ видно, что въ Уложеніи жива еще древность. Теперь укажемъ на статьи, въ которыхъ эта древность прямо отрицается Уложеніемъ.

Эти отрицающія древность статьи важны для насъ не по новости своей, а потому, что, отрицая древность, они тѣмъ самымъ подтверждаютъ сдѣланные нами о ней выводы.

Уложеніе запрещаетъ холопамъ: 1) покупать и держать за собою въ закладѣ вотчины (XVII, 41), 2) покупать по городамъ тяглые дворы, лавки, погреба, анбары и соляныя варницы (XIX, 15).

Все это до Уложенія запрещено не было и холопы все это дѣлали, они покупали и держали за собой и вотчины и городскія недвижимости. Только Уложеніе запрещаетъ имъ владѣть недвижимостями. Если они впредь купятъ отчину, лавку и пр., недвижимости эти отбираются у нихъ на государя безденежно. За пріобрѣтеніе же городскихъ недвижимостей Уложеніе угрожаетъ холопамъ еще великой опалой и торговой казнью.

Но что рабы владѣютъ движимостями и совершаютъ сдѣлки на свое имя, это признаетъ и Уложеніе и оставляетъ попрежнему въ силѣ:

«А будетъ кто торговые и посадскіе люди тяглые свои дворы или лавки, и анбары, и погребы, и варницы напишутъ чьимъ нибудь людямъ... въ долгу въ закладѣ до сроку, и тѣ свои тяглые дворы . . . . . просрочатъ, тѣмъ людемъ, кому тяглые дворы . . . . . будутъ просрочены, послѣ сроку продати государевымъ тяглымъ же людемъ; а самимъ имъ въ тѣхъ тяглыхъ дворѣхъ не жити...» (XIX, 16).

По этой статьѣ рабы и послѣ Уложеніе могутъ совершать сдѣлки, давать въ займы, принимать залоги и т. д., какъ они дѣлали раньше.

Но допускаемое Уложеніемъ движимое имущество рабовъ также остается не огражденнымъ отъ притязаній ихъ господъ, какъ было и въ старину. Уложеніе прямо узаконяетъ то, что прежде только подразумѣвалось.

По Уложенію за господъ, если они сами не въ состояніи уплатить падающихъ на нихъ взысканій казенныхъ и частныхъ, отвѣчаютъ ихъ люди и крестьяне. Имущество рабовъ, слѣдовательно, идетъ на уплату долговъ ихъ владѣльцевъ. X, 122, 262.

Уложеніе запрещаетъ вольноотпущеннымъ по духовнымъ искать невыданнаго имъ движимаго имущества съ наслѣдниковъ ихъ умершаго господина:

«А которые холопы, послѣ умершихъ своихъ бояръ, будутъ отпущены на волю и съ воли учнутъ приставливати умершихъ своихъ бояръ къ женамъ и къ дѣтемъ въ животахъ, въ грабежахъ, для того, что они отпущены безъ животовъ, и тѣмъ холопемъ въ томъ суда не давати» (XX, 65).

Наслѣдники умершаго рабовладѣльца могутъ, слѣдовательно, отпуская на свободу холоповъ умершаго, удержать ихъ имущество. У рабовъ нѣтъ противъ нихъ иска.

Уложеніе проводитъ болѣе рѣзкую границу между свободой и неволей, чѣмъ та, которую выработала наша древняя практика.

Мы выше указали уже на то, что составители его забыли указъ Шуйскаго отъ 1607 года. Слѣдъ другого

благопріятнаго рабамъ указа отъ 1603 года встрѣчается въ Уложеніи, но въ такой формѣ, которая парализуетъ все его значеніе. Вольныя грамоты холопамъ, отпущеннымъ со двора для прокормленія, выдаются въ томъ только случаѣ, если господа сами признаютъ справедливость челобитья своихъ рабовъ. Но стоитъ господамъ заявить, что они лгутъ, и холопы присуждаются оставаться подъ ихъ властью попрежнему. Въ Уложеніи, въ главѣ XX ст. 41 и 42, читаемъ:

«А которые всякихъ чиновъ люди въ голодное или въ иное въ какое время, не хотя холопей своихъ кормити, сошлютъ ихъ съ двора, а отпускныхъ имъ не дадутъ и крѣпостей не выдадутъ, а велятъ имъ кормитися собою, проча ихъ впредь себѣ... , и въ томъ на нихъ отъ тѣхъ ихъ холопей челобитье будетъ, и по тому холопью челобитью изъ приказу Холопья суда судьямъ посылати по тѣхъ ихъ бояръ, которые ихъ съ двора сошлютъ, и тѣхъ ихъ бояръ распрашивати, прямо ли они ихъ съ дворовъ отъ себя сослали.

«А не распрашивая про такихъ холопей тѣхъ людей, на кого тѣ холопи учнутъ бити челомъ, воли имъ не давати.

А будетъ про тѣхъ холопей бояре ихъ, на которыхъ учнутъ бити челомъ, скажутъ, что на нихъ тѣ холопи бьютъ челомъ ложно, а они ихъ со двора отъ себя не ссылали, и тѣхъ холопей отсылати тѣмъ ихъ бояромъ...

Уложеніе несомнѣнно возвышаетъ господскую власть.

По Уложенію рабы за нѣкоторыя преступленія наказываются строже, чѣмъ свободные люди. За первое уже корчемство они подвергаются торговой казни, а свободные люди только за второе (XXV, 1, 6).

Въ древности бѣглый рабъ отыскивался, какъ и всякая другая пропавшая вещь: виновный въ его укрывательствѣ платилъ хозяину убытки; но бѣгство раба не составляло преступленія, за которое его можно было бы приговорить къ публичному наказанію. Въ XVII вѣкѣ бѣгство раба есть уже преступленіе. Уложеніе предписываетъ бѣглаго холопа, бившаго челомъ въ холопство иному господину,

бить передъ Холопьимъ приказомъ кнутомъ на козлѣ нещадно (XX, 22).

Распространеніе несвободнаго состоянія и на свободныхъ прежде крестьянъ значительно понизило къ половинѣ XVII вѣка цѣну кабальнаго холопства. По Судебнику максимумъ займа по служилой кабалѣ былъ назначенъ въ 15 руб. Уложеніе понижаетъ его до 3-хъ и предписываетъ писать кабалы не ниже и не выше этой суммы (XX, 19).

IV. Рабство у другихъ народовъ

Рабство можно считать общераспространеннымъ явленіемъ въ исторіи человѣчества. Всѣ историческіе народы прошли чрезъ эту ступень государственнаго развитія.

Что привело людей къ рабству?

На этотъ вопросъ имѣемъ разные отвѣты. Аристотель думалъ, что сама природа предназначала однихъ людей къ подчиненію, другихъ къ господству. Въ психикѣ человѣка, говоритъ онъ, разумъ господствуетъ надъ чувствами. Но есть люди, которые отъ природы лишены этой господствующей силы. Они способны только къ физической работѣ, а не къ политической жизни. Поэтому они должны играть роль орудія въ рукахъ болѣе одаренныхъ. Это прирожденные рабы. Таковыми Аристотель считалъ всѣхъ варваровъ. Съ нимъ, однако, не всѣ соглашались. Софисты, наоборотъ, думали, что рабство противно природѣ. Они выводили его изъ насилія сильныхъ надъ слабыми. Римляне видѣли въ рабствѣ послѣдствіе войны. Побѣдитель можетъ убить побѣжденнаго, а если не желаетъ убивать, онъ можетъ заставить его работать на себя. Это и будетъ рабъ.

Эти объясненія на первый взглядъ представляются очень несходными; въ дѣйствительности же они весьма близки одно къ другому. Рабство, какъ и всѣ человѣческія учрежденія, конечно, надо выводить изъ природы

человѣка, изъ его свойствъ, а свойства эти очень различны. Одни люди одарены энергіей, находчивостью, предпріимчивостью. Заботы ихъ устремлены на созданіе собственнаго благополучія, и они умѣютъ этого достигнуть. Имъ удается обратить въ свою пользу и землю, и животныхъ, и людей. Другіе — не имѣютъ этихъ способностей и, кромѣ того, беззаботны: живутъ изо дня въ день, не думая о будущемъ, сегодня сыты, завтра голодны. Первые—подчиняютъ себѣ все окружающее, и природу и людей, проявленіемъ своей силы, духовной и тѣлесной; тутъ и война, и всѣ другіе виды насилія. Люди слабые подчиняются имъ не изъ одного только преклоненія передъ силой, но нерѣдко и изъ сознанія своей безпомощности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они сами обращаются къ помощи сильныхъ и добровольно признаютъ ихъ господство. Не можетъ быть, конечно, никакой рѣчи о предназначеніи какихъ-либо народовъ къ рабству. Рабами бывали не одни варвары, но и греки. Такъ возникло сперва обычное, а потомъ и законное рабство. Только новая философія, признавъ абсолютное значеніе человѣческой личности, отвергла въ принципѣ рабство. За ней послѣдовало и законодательство, не допускающее продажи человѣка человѣку. Но вѣдь тѣ особенности человѣческой природы, которыя вызвали рабство, и теперь налицо? Да, и рабство тоже и теперь налицо и навсегда останется налицо, такъ какъ нѣтъ еще указаній на то, что природа человѣка существенно мѣняется. Формы рабства многоразличны: есть и тѣлесное, есть и духовное. Только оно теперь не освящается закономъ.

Въ разныхъ государствахъ рабство принимало разные оттѣнки. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Начну съ самаго древняго законодательства, какое мы только имѣемъ. Я разумѣю законы вавилонскаго царя Хаммураби, изданные около 4000 лѣтъ тому назадъ. Этотъ памятникъ не такъ давно открытъ М. Морганомъ (M. de Morgan), членомъ французской экспедиціи раско-

покъ въ Сузѣ, и изданъ, переведенъ и объясненъ В. Шейлемъ (V. Scheil), членомъ той же экспедиціи.

Хаммураби—могущественный государь большаго государства, сложившагося изъ очень разнообразныхъ элементовъ и имѣвшаго уже свою многовѣковую исторію. Богатство письменныхъ памятниковъ, открываемыхъ въ различныхъ городахъ этого исчезнувшаго царства, великолѣпіе его построекъ и украшавшихъ ихъ монументовъ вызываютъ удивленіе знатоковъ дѣла. Статьи закона были начертаны на большомъ камнѣ (вышиной въ 2,25 метр.), на лицевой сторонѣ котораго изображенъ сидящій на тронѣ богъ солнца, а передъ нимъ въ молитвенной позѣ царь Хаммураби. Къ сожалѣнію часть текста была потомъ выскоблена для новой надписи, какъ думаютъ: но эта надпись не была сдѣлана. Такимъ образомъ, къ намъ не дошло 35 статей изъ 282. Это очень затрудняетъ толкованіе памятника. Въ недошедшихъ статьяхъ могло быть что-нибудь дополняющее и существенно видоизмѣняющее содержаніе сохранившихся статей. Поэтому, въ выводахъ необходима особая осторожность.

Законы Хаммураби признаютъ рабство. Господинъ есть собственникъ раба. Это прямо не высказано, но, какъ и по Русской Правдѣ, это видно изъ того, что у него право отыскивать бѣжавшаго раба (16, 17, 20). Согласно этому рабы имѣютъ цѣну, которая и присуждается господину въ случаѣ убійства раба (116, 252). Эта цѣна равняется трети мины серебра. Иногда виновный присуждается къ выдачѣ своего раба потерпѣвшему убытокъ. Это, напримѣръ, долженъ сдѣлать архитекторъ, выстроившій домъ, который развалился и убилъ раба (231). Эта статья свидѣтельствуетъ о такомъ же, по крайней мѣрѣ, развитіи строительнаго искусства 4000 лѣтъ тому назадъ, которое наблюдается въ настоящее время и у насъ въ Петербургѣ.

Рабы, составляя собственность, продаются и покупаются (278—282).

Это все, какъ и у насъ. Встрѣчаются статьи, воспроизводящія даже мелкія подробности правилъ Русской Правды.

И Русская Правда, и законы Хаммураби одинаково предусматриваютъ случаи, когда кто-нибудь далъ пристанище бѣглому рабу и накормилъ его: но послѣдствія разныя. По Русской Правдѣ (III, 114), онъ платилъ за это цѣну раба, 5 гривенъ, по законамъ Хаммураби (16)—подлежалъ смерти. Оба памятника говорятъ и о случаѣ, когда кто-либо задерживалъ чужаго раба и увѣдомлялъ объ этомъ господина: онъ получалъ награду: по Русской Правдѣ — гривну (III, 145), у Хаммураби — два сикля серебра (17), и еще случай, Русская Правда III 148, Хаммураби 20.

Но вавилонскіе законы представляютъ и крупныя особенности, не имѣющія ничего общаго съ нашей древностью.

Въ Вавилонѣ было два вида рабовъ: вѣчные и временные. Отецъ семейства, обремененный долгами, могъ «продать или отдать въ рабство свою жену, сына и дочь», но это будетъ временное рабство; оно можетъ продолжаться только три года: по истеченіи трехъ лѣтъ покупщикъ обязанъ дать имъ свободу (117).

Этотъ видъ рабства есть очень далекая разновидность нашихъ кабальныхъ.

Суть сдѣлки въ Вавилонѣ совсѣмъ другая. У насъ кабальное холопство погашаетъ только проценты займа, а не самый заемъ, въ Вавилонѣ — самый заемъ, т.-е. капиталъ.

Само по себѣ раздѣленіе рабовъ на временныхъ и вѣчныхъ не возбуждаетъ сомнѣній. Было же оно у насъ, могло быть и въ Вавилонѣ за 1000 лѣтъ тому назадъ.

Нашъ кабальный, получивъ по смерти господина свободу, могъ опять поступить въ кабалу. Тоже и въ Вавилонѣ. Жена, сынъ и дочь, отработавъ одинъ долгъ, могли быть вновь отданы въ рабство для уплаты новаго долга

и т. д. Но они не могли быть продаваемы кредиторамъ; такъ и у насъ.

Приведенная статья говоритъ о продажѣ зависимыхъ членовъ семьи: жены и дѣтей. Отсюда возникаетъ вопросъ, а независимый отъ главы семьи человѣкъ можетъ себя продать? Прямой статьи, отвѣчающей на этотъ вопросъ, нѣтъ. Но имѣемъ цѣлый рядъ статей, говорящихъ о покупкѣ и продажѣ рабовъ (278—282). Всѣ онѣ говорятъ о покупкѣ и продажѣ существующихъ уже рабовъ; а не о продажѣ свободныхъ людей въ рабство, о чемъ говорятъ наши памятники, за исключеніемъ Уложенія, которое допускаетъ только поступленіе свободныхъ людей въ кабальное холопство, а не въ полное. Такъ какъ статьи 278—282 суть послѣднія, которыми памятникъ оканчивается, то нѣтъ повода думать, что и въ статьяхъ выскобленныхъ говорилось о покупкѣ рабовъ. Выскоблены статьи отъ 65 до 100, тамъ рѣчь шла о другихъ предметахъ, а не о томъ, что помѣщено въ концѣ памятника, такъ какъ въ распредѣленіи статей наблюдается своего рода порядокъ.

Да и по существу дѣла нѣтъ ни малѣйшаго основанія допускать, что только зависимые члены семьи не продавались въ полное холопство, а независимые продавались. Нельзя подыскать никакого основанія для такого различія. Сынъ не продается въ вѣчное рабство, отчего бы могъ продаваться отецъ? Статья, можно думать, ограничиваетъ власть отца и только.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о рабствѣ въ связи съ задолженностью, которая у всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ вела къ вѣчному рабству, то надо думать, что кредитныя операціи въ Вавилоніи были организованы какъ-то иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, дошедшія до насъ статьи такъ мало касаются займовъ, что не даютъ основаній для какихъ-либо заключеній.

Итакъ, надо думать, что по законамъ Хаммураби

уже 1000 лѣтъ тому назадъ свободный человѣкъ не продавался въ вѣчное рабство, оно пополнялось только путемъ рожденія. Это очень крупная особенность. То же наблюдаемъ и у насъ, но въ половинѣ XVII вѣка. Это не помѣшало, однако, у насъ установленію крѣпостного права, которое породило новое вѣчное рабство для людей свободныхъ. А что было въ Вавилоніи послѣ Хаммураби? Этого, кажется, никто еще не знаетъ.

Собщеніе рабства отъ отца дѣтямъ на Востокѣ допускалось въ болѣе тѣсныхъ границахъ, чѣмъ на Западѣ. По Русской Правдѣ и германскимъ законодательствамъ мужъ-рабъ дѣлалъ и жену свою, дочь свободнаго человѣка, рабою: дѣти ихъ тоже были рабы. Иначе рѣшался этотъ вопросъ у Хаммураби: дочь свободнаго человѣка сохраняла свою свободу и въ бракѣ съ рабомъ: дѣти, родившіяся въ этомъ бракѣ, тоже были свободныя. «Господинъ раба, женатаго на свободной, не долженъ предъявлять къ дочери свободнаго человѣка требованія о рабствѣ (175). А мать этихъ дѣтей могла и въ бракѣ продолжать жить въ домѣ своего отца: она переселялась въ домъ мужа только, если того сама хотѣла (176).

По вопросу о бракахъ несвободныхъ со свободными на Востокѣ, 1000 лѣтъ тому назадъ, права свободы пользовались бо́льшимъ признаніемъ, чѣмъ на Западѣ какихъ-нибудь 100 лѣтъ тому назадъ. И въ Московскомъ государствѣ, и въ государствахъ, образовавшихся послѣ раздѣленія Римской имперіи германской націи, преимущество отдавалось не свободѣ: въ бракѣ лицъ свободныхъ съ рабами и супруги, и дѣти были не свободны; это правило имѣло силу и въ болѣе близкое намъ время, чѣмъ XV-ii вѣкъ.

Но свободный человѣкъ могъ, если не жениться на собственной рабынѣ, въ чемъ, конечно, не было надобности, то жить съ нею, какъ съ женой, и прижить дѣтей. Эти факты встрѣчаются въ жизни каждаго народа, знающаго рабство. Возникаетъ вопросъ, какова была судьба этихъ

рабынь и ихъ дѣтей по смерти отца, если дѣти не были усыновлены имъ при жизни? Законы Хаммураби даютъ на это отвѣтъ, совершенно согласный съ правилами Русск. Правды. У него написано: Дѣти рабыни не участвуютъ въ наслѣдствѣ съ дѣтьми жены: но рабыня и ея дѣти получаютъ свободу. 171.

Другіе переводчики прибавляютъ: если такъ распорядится умершій.

Въ Русск. Правдѣ читаемъ: Если будутъ у мужа дѣти отъ рабыни. то наслѣдства имъ не брать, а получаютъ свободу съ матерью. III, 128.

Прибавка нѣкоторыхъ переводчиковъ ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла: правило Русск. Правды образовалось, конечно, не противъ воли умирающихъ, а согласно съ нею.

Приведенные примѣры сходства доказываютъ уже давно высказанную мысль: отъ сходства, даже столь близкаго, какъ послѣднее, не всегда можно заключать къ заимствованію или къ племенному родству народовъ, имѣющихъ похожіе институты права. Очень часто сходства объясняются только дѣйствіемъ одинакихъ причинъ.

Къ вопросу объ обращеніи въ рабство свободныхъ относится еще ст 31-я. Она говоритъ о вавилонскихъ воинахъ, взятыхъ чужеземцами въ плѣнъ. Они, конечно, дѣлались рабами побѣдителей. Но такой воинъ могъ быть кѣмъ-либо изъ соплеменниковъ выкупленъ и приведенъ въ отечество. Какія послѣдствія? Онъ не оставался рабомъ, а непремѣнно подлежалъ выкупу на свободу. Если бы у него не оказывалось въ домѣ денегъ (у каждаго воина предполагается въ отечествѣ поле, садъ и домъ, но эти имущества не подлежали продажѣ для выкупа), онъ долженъ быть выкупленъ на деньги храма и, наконецъ, на казенныя.

Эта статья спеціальная, относящаяся къ воинамъ, которые проливали свою кровь за отечество; а потому я и

не привожу ее, какъ новое доказательство, въ пользу непродажи самостоятельныхъ людей въ вѣчное рабство.

Вѣчные рабы продавались, какъ всякое другое имущество. Покупщикъ могъ перепродать такого раба, кому хотѣлъ. Но и тутъ было одно исключеніе. Господинъ могъ продать и ту рабыню, съ которой онъ прижилъ дѣтей, но имѣлъ право ее выкупить, возвративъ покупщику полученныя съ него за рабыню деньги (119).

Временные рабы не могли быть отчуждаемы, но они также, какъ и вѣчные, состояли во власти господина. Власть эта была очень велика. Господинъ былъ хозяинъ ихъ труда и могъ ихъ наказывать. Онъ подлежалъ отвѣтственности за жестокость только въ томъ случаѣ, если рабъ умиралъ въ его домѣ отъ побоевъ и лишеній. 116. Близка и очень къ этому статья нашего Уложенія. Она предписываетъ, чтобы господинъ своего бѣглаго холопа до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ (XX, 92). Это совершенно одно и тоже.

Наши рабы, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, имѣли собственность, но это было по допущенію господина; законодательство Хаммураби идетъ далѣе, собственность рабовъ признана самимъ закономъ, при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ. Чтобы выяснить это, я долженъ остановиться на значеніи слова мушкину (mouchkinou). Слово это очень затрудняетъ переводчиковъ. Оно означаетъ нѣкоторый классъ людей, въ этомъ всѣ согласны; но какой именно, это спорно. Рабовъ могутъ имѣть: царь (дворецъ), всѣ свободные, мужчины и женщины, и еще эти мушкину. Кто же это?

Шейль вовсе не переводитъ этого слова, а такъ и пишетъ mouchkinou (изд. 1904 года). Другіе передаютъ его словами: вольноотпущенный, министеріалъ, бѣдный человѣкъ. Мнѣ кажется, человѣкъ, не знающій языка, на которомъ говорили въ Вавилонѣ, для рѣшенія вопроса долженъ выяснить себѣ, въ какомъ смыслѣ это слово употребляется въ самомъ памятникѣ.

Во многихъ статьяхъ мушкину противополагаются свободнымъ людямъ (196, 211 и 209, 219 и 218, 222 и 221). Это, слѣдовательно, не свободные люди, а состоящіе отъ кого-то въ нѣкоторой зависимости. Но они и не рабы. Для наименованія рабовъ есть другое слово.

Другой ихъ признакъ состоитъ въ томъ, что они вообще малоцѣннѣе свободныхъ и бѣднѣе ихъ. Напримѣръ, если свободный за нѣкоторую обиду получаетъ 10 сиклей серебра, мушкину получаетъ только 5, если свободный присуждается уплатить 5 сиклей серебра, мушкину платитъ за то же только три. Итакъ, это по состоянію люди не крупные.

Въ виду этихъ двухъ признаковъ, подъ мушкину можно разумѣть всѣ разновидности, указанныя знатоками дѣла. Прежде всего это вольноотпущенные, ибо освобожденные на волю въ нѣкоторыхъ законодательствахъ сохраняютъ нѣкоторые черты зависимости. Министеріалы въ средневѣковой германской Европѣ означали мелкихъ придворныхъ слугъ королей, въ число которыхъ возводились даже рабы. Служба при дворѣ связывала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ министеріаловъ; они тоже не были совершенно свободны. Наконецъ, люди бѣдные могли вступать въ нѣкоторыя зависимыя отношенія къ богатымъ. Итакъ, подъ мушкину никакъ нельзя разумѣть однихъ министеріаловъ; это слово, по всей вѣроятности, означаетъ всѣ виды зависимыхъ людей.

Принявъ, согласно существующимъ чтеніямъ, такой широкій смыслъ слова мушкину, я перехожу къ вопросу о собственности рабовъ.

Статьи 175 и 176 говорятъ о послѣдствіяхъ брака рабовъ дворца, т.-е. царскихъ и рабовъ мушкину. При только что принятомъ чтеніи слова мушкину, въ этихъ статьяхъ рѣчь будетъ идти о всякихъ рабахъ, начиная съ царскихъ и кончая послѣдней бѣднотою. Что же говорятъ статьи 175 и 176? По этимъ статьямъ рабъ, женившійся на дочери свободнаго человѣка, живетъ въ соб-

ственномъ домѣ и собственнымъ хозяйствомъ и пріобрѣтаетъ имущество на себя, а не на господина. По его смерти, все пріобрѣтенное во время брака имъ и женою имущество дѣлится на двѣ части (пополамъ), одну часть беретъ господинъ, другая идетъ ко вдовѣ для дѣтей отъ брака съ умершимъ.

Итакъ, пока рабъ живъ, онъ собственникъ всего, что пріобрѣталъ; послѣ его смерти половина идетъ господину, въ остальномъ наслѣдуютъ его дѣти.

Объ имущественныхъ правахъ холостыхъ рабовъ и женатыхъ на рабыняхъ законъ не говоритъ. О томъ, нужно ли разрѣшеніе господина на бракъ со свободной, также не говоритъ, не смотря на то, что число статей, относящихся къ браку, весьма значительно (ихъ болѣе 20) и какъ будто бы исчерпываетъ вопросъ. Изъ этого молчанія нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, и не только потому, что въ памятникѣ не достаетъ 45 статей; но и потому, что и вполнѣ сохранившіеся памятники далеко не всегда исчерпываютъ дѣйствующее въ ихъ время право. Народы, вошедшіе въ составъ государства Хаммураби, имѣли долгую предшествующую исторію: его законы, конечно, не первые и не все въ нихъ новое. Многое, конечно, было выработано народными обычаями, и многое изъ этихъ обычаевъ такъ прочно входило въ жизнь и такъ хорошо было всѣмъ извѣстно, что и не было надобности это многое вносить въ законы.

Хотя вновь открытый памятникъ и не даетъ полной картины вавилонскаго рабства, но нѣкоторыя характерныя черты его, неизвѣстныя другимъ народамъ, совершенно ясны.

Царство Хаммураби существовало много столѣтій и послѣ его смерти. Вавилонская культура, достигнувъ высокой степени развитія еще до него, по мнѣнію знатоковъ вновь открываемой письменности на глиняныхъ таблицахъ, оказывала могущественное вліяніе на древній міръ въ теченіе, можетъ быть, двадцати вѣковъ. Вави-

лонъ въ это время былъ политическимъ и религіознымъ центромъ Востока. На его языкѣ говорили отъ Сузы до Средиземнаго моря и глубины Египта. Жители городовъ Ханаана, Тира, Сидона, Аскалона, переписывались съ жителями Египта по вавилонски на глиняныхъ таблицахъ. Вавилонъ въ теченіе многихъ столѣтій игралъ болѣе видную роль, чѣмъ Римъ въ древней исторіи и Парижъ въ новой.

Хаммураби упоминается въ Библіи, онъ носитъ тамъ имя Амрафела, царя Сеннаарскаго. При немъ Авраамъ вышелъ изъ Ури халдейскаго въ Палестину. Евреи были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вавилономъ. Ветхозавѣтные пророки говорятъ о всепокоряющей силѣ Навуходоносора. Несомнѣнно, Вавилонъ имѣлъ вліяніе на еврейскую культуру и письменность. Это вопросъ большой важности. Для разъясненія его многое уже сдѣлано. Въ книгахъ Ветхаго завѣта не мало постановленій о рабахъ. Сравненіе ихъ съ законами Хаммураби представляетъ особый интересъ.

Начну съ общаго замѣчанія. Библейское законодательство отличается болѣе первобытнымъ характеромъ, чѣмъ законодательство Хаммураби. Оно, напримѣръ, допускаетъ еще месть, тогда какъ у Хаммураби всѣ наказанія имѣютъ публичный характеръ. Въ Вавилонскихъ законахъ рѣчь идетъ о владѣніяхъ, напоминающихъ наши помѣстья, объ архитекторахъ, ихъ постройкахъ и отвѣтственности, о врачахъ, о платѣ имъ, о наказаніяхъ за неудачное лѣченіе, о кораблестроительствѣ и о многомъ, что свидѣтельствуетъ о такомъ развитіи потребностей жизни, до котораго евреямъ было еще очень далеко. Это и понятно. Въ царствованіе Хаммураби Авраамъ пасъ еще стада.

Библейскіе законы имѣютъ свои оригинальныя черты. Особенность ихъ составляетъ крайній національизмъ, черта вовсе неизвѣстная вавилонскимъ законамъ. Царство Хаммураби сложилось путемъ продолжительной борьбы и было многоплеменное; несмотря на это, онъ издалъ для всего

населенія своей обширной имперіи одни законы, для своихъ и чужихъ одинакіе. Иначе у евреевъ.

Библія знаетъ также два вида рабства—временное и вѣчное; но это различіе обуславливается тамъ различіемъ національности: съ одной стороны - евреи, съ другой, всѣ иноплеменники, жившіе вмѣстѣ съ ними.

Всѣ не евреи могутъ быть только вѣчными рабами. Въ законахъ объ этомъ видѣ рабства такъ прямо и говорится, что рабы эти составляютъ собственность своего господина. Эта собственность пріобрѣтается у народовъ, которые живутъ вокругъ евреевъ и которые поселились среди нихъ: «вѣчно владѣйте ими, какъ рабами»: читаемъ въ Библіи, «можете передавать ихъ въ наслѣдство и сынамъ вашимъ, какъ имѣніе». Лев. XXV. 44—46. Суть рабства выражена здѣсь совершенно ясно и согласно съ существомъ дѣла. А по законамъ Хаммураби и другимъ объ этомъ надо догадываться.

Евреи дѣлается вѣчнымъ рабомъ только въ томъ случаѣ, если скажетъ: «Люблю господина моего, жену мою и дѣтей моихъ, не пойду на волю». Исх. XXI. 5. Выслушавъ такое заявленіе, господинъ въ присутствіи судей ставитъ этого раба къ косяку двери и прокалываетъ ему ухо шиломъ. Съ этого момента онъ—вѣчный рабъ. 6.

Для объясненія этой особенности, надо указать на причины такого явленія. Еврей, временный рабъ, въ теченіе своего временнаго рабства могъ получить отъ своего господина жену и прижить съ ней дѣтей. Жена, данная господиномъ, его вѣчная рабыня. Когда приходило время свободы для временнаго раба, онъ освобождался одинъ безъ жены и дѣтей. 4. Чтобы сохранить семью, онъ отказывается отъ свободы и дѣлается вѣчнымъ работъ.

Временнымъ рабомъ можетъ сдѣлаться каждый еврей путемъ продажи себя другому еврею и даже иноплеменнику. Тутъ надо разумѣть и продажу за долги. Въ Библіи сказано: «Когда обѣднѣетъ у тебя братъ твой и

продань будетъ тебѣ»... Лев. XXV, 39. Бѣдный продается, конечно, за долги по рѣшенію суда, это, какъ и по нашему древнему праву, и по германскому, и по многимъ другимъ. Но для еврея всякая продажа въ рабство, добровольная и за долги, ведетъ только ко временному рабству. «Если продается тебѣ братъ твой, то шесть лѣтъ долженъ быть рабомъ тебѣ, а въ седьмой годъ отпусти его отъ себя на свободу». Втор. XV, 12. Это долженъ дать и иноплеменникъ, купивший еврея. Лев. XXV, 18, 50 сл.

Но евреи, купленные иноплеменниками, имѣли нѣкоторое преимущество передъ тѣми, которые были куплены евреями же. Они могли быть выкуплены и до юбилейнаго года. Право выкупа принадлежало ихъ родственникамъ. Лев. XXV, 48 сл. Выкупленный долженъ былъ уплатить родственникамъ все, что они внесли за него, по расчету времени до юбилейнаго года. 50

Къ рабамъ евреямъ законодательство относится гораздо мягче, чѣмъ къ не евреямъ. «Вѣчно владѣйте ими, какъ рабами», говоритъ Библія о рабахъ не евреяхъ, и продолжаетъ: «А надъ братьями вашими, сынами израилевыми, другъ надъ другомъ, не господствуйте съ жестокостью. 46. И въ другомъ мѣстѣ: «Когда продань будетъ тебѣ братъ твой, не налагай на него работы рабской, онъ долженъ быть у тебя, какъ наемникъ». 39, 40.

Отпуская на волю по истеченіи 6 лѣтъ раба еврея, господинъ долженъ былъ одарить его: «Не отпусти его съ пустыми руками, но снабди его отъ стадъ твоихъ, отъ гумна твоего и отъ точила твоего». Втор. XV, 13, 14.

Рабы евреи и рабы иноплеменники, такимъ образомъ, мало имѣютъ между собою общаго. Евреи — это наемники на опредѣленный срокъ, которые, если только женятся не на рабѣ господина, отходятъ на волю, въ силу закона, съ женой и дѣтьми; иноплеменники — вѣчные рабы, т.-е. законъ не предполагаетъ возможности отпуска ихъ на волю! Онъ такъ и говоритъ: вѣчные рабы! Вотъ почему тотъ же законъ рекомендуетъ покупать въ рабы не евре-

евъ, а иноплеменниковъ: «А чтобы рабъ твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себѣ раба или рабыню у народовъ, которые вокругъ васъ». Лев. XXV, 44.

Я не замѣтилъ, чтобы предписаніе «не господствуйте съ жестокостью» гдѣ-нибудь относилось къ рабамъ не евреямъ Ихъ положеніе въ домѣ господина, надо думать, было хуже положенія рабовъ евреевъ. Ихъ можно было наказывать съ большею суровостью. Господинъ вѣчнаго раба за его убійство отвѣчалъ только въ томъ случаѣ, если наказуемый умиралъ подъ ударами. Но если избитый переживалъ день или два, убійца не наказывался.— «ибо это его серебро». Исх. XXI, 20, 21. На основаніи этого мотива я и отношу приведенныя статьи только къ вѣчнымъ рабамъ; «они серебро своего господина», такъ какъ они его собственность; временные рабы не называются собственностью.

Неоплатные должники, какъ было сказано, продаются въ рабство. Это правило относится и къ евреямъ! Національно-религіозный еврейскій законъ, мало склонный къ закабаленію евреевъ, не могъ отнестись равнодушно къ ихъ займамъ. Онъ даетъ имъ рядъ полезныхъ совѣтовъ. «Если братъ твой обѣднѣетъ, поддержи его, серебра твоего не отдавай ему въ ростъ и хлѣба твоего не отдавай ему для полученія прибыли.» Лев. XXV, 35 сл. «Съ иноземца взыскивай, а что будетъ твое у брата твоего, прости». И далѣе «Ты будешь давать въ займы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать въ займы; и господствовать будешь надъ многими народами, а они надъ тобою не будутъ господствовать». Втор. XV, 3, 6. Это совершенно послѣдовательно и направлено къ устраненію и временнаго для евреевъ рабства изъ задолженности. Можно думать, что еврей рабъ — въ дѣйствительности рѣдкое исключеніе.

Въ законахъ Хаммураби, какъ было указано, есть особыя правила о продажѣ въ рабство зависимыхъ членовъ семьи: жены, сына и дочери. Установляютъ особыя

правила и еврейскіе законы, но только для продажи дочери. «Если кто продастъ дочь свою въ рабыни, читаемъ въ Библіи, то она не можетъ выйти, какъ выходятъ рабы». Исх. XXI, 7. Т.-е. шестилѣтній срокъ на дочерей евреевъ не распространяется. Въ какомъ же онѣ положеніи?

Тутъ опять цѣлый рядъ особенностей, неизвѣстныхъ никакому законодательству помимо еврейскаго.

Первый случай. Предполагается, что дочь еврея куплена для того, что бы покупщику вступить съ нею въ бракъ. Но онъ не беретъ ее въ жены. Что тогда? Тогда желающій изъ евреевъ можетъ ее выкупить; но «чужому народу» продать ее нельзя. 8. А если покупщика не окажется?

Второй случай. Покупщикъ обручилъ ее сыну. Въ этомъ случаѣ, на нее распространяется право дочерей. X 9.

Третій случай. Отецъ взялъ въ жены сыну другую дѣвицу. Обрученная не лишается пищи, одежды и супружескаго сожитія. 10. Что это за положеніе? Она не жена, а рабыня, съ которою живетъ сынъ господина?

Перечисленіе приведенныхъ случаевъ заканчивается такой статьей: «А если онъ сихъ трехъ вещей не сдѣлаетъ, пусть она отойдетъ даромъ, безъ выкупа. 11. На этомъ основаніи надо думать, что она получаетъ свободу: въ первомъ случаѣ, если не найдется на нее покупщика; во второмъ, если не будетъ пользоваться правами дочери; въ третьемъ, если съ нею не будутъ обращаться, какъ указано.

Итакъ, дочери евреевъ продаются въ рабыни только подъ условіемъ стать женою покупателя или его сына, или конкубиной послѣдняго. Если это условіе не выполнено, онѣ пріобрѣтаютъ свободу безъ выкупа.

Все изложенное совершенно самобытно и не имѣетъ ничего общаго съ законами Хаммурапи.

Въ заключеніе приведу статьи, которыя относятся къ обоимъ видамъ рабовъ, къ вѣчнымъ и временнымъ; по крайней мѣрѣ, я не нашелъ никакихъ основаній отно-

сить ихъ къ какому-нибудь одному изъ этихъ двухъ видовъ.

И тѣ, и другіе рабы работаютъ на господина, и онъ, конечно, можетъ взыскивать съ нихъ за дурную работу и наказывать ихъ. Но это право наказывать имѣетъ границу, оно не должно причинять увѣчій. Если кто повредитъ глазъ или выбьетъ зубъ рабу, потерпѣвшій получаетъ свободу. Исх. XXI 26, 27.

Вѣчные рабы составляютъ собственность господина, но и временные должны ему служить въ теченіи шести лѣтъ. Поэтому, у еврея господина должно быть право иска бѣжавшихъ, какъ это право существуетъ у всѣхъ народовъ, признающихъ рабство. И не только не замѣтилъ въ Библіи указанія на такой искъ, но совершенно наоборотъ, тамъ есть постановленіе, разрѣшающее укрывательство бѣжавшихъ. «Не выдавай раба господину его, когда онъ прибѣжитъ къ тебѣ отъ господина своего. Пусть онъ у тебя живетъ на мѣстѣ, которое онъ изберетъ въ какомъ-нибудь изъ жилищъ твоихъ, гдѣ ему понравится. Не притѣсняй его». Втор. XXIII, 15, 16.

Все это самобытно и не имѣетъ ничего общаго ни съ законами Хаммураби, ни съ какими-либо другими, насколько я знаю.

Рабство признается и евреями, но не для евреевъ.

Итакъ, просмотрѣнный мною небольшой уголокъ законовъ Хаммураби не имѣетъ ни малѣйшаго отзвука въ Библіи. Онъ имѣетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ нашими старыми порядками, чѣмъ съ еврейскими.

Въ нѣкоторыхъ характерныхъ своихъ пунктахъ постановленія Хаммураби совпадаютъ съ законами магометанскихъ народовъ. Свободный человѣкъ и тамъ, какъ въ Вавилонскомъ царствѣ, не можетъ продать себя въ вѣчное рабство. Неоплатные должники поступаютъ въ работу къ кредитору, но не навсегда, а только на извѣстное время.

Дѣти, прижитыя въ бракѣ раба со свободной, свободны.

Рабыня, мать дѣтей, прижитыхъ съ господиномъ, получаетъ свободу послѣ его смерти.

Все это по-вавилонски.

Кромѣ этихъ сходствъ, есть и особенность, отсутствующая въ законахъ Хаммураби, можетъ быть, только по ихъ неполнотѣ. Вольноотпущенный остается подъ патронатомъ своего господина. У патрона право, въ извѣстныхъ случаяхъ, наслѣдовать своему либертину (D-r. L. Kohler, Rechtsvergleichende Studien).

Древнее русское право, сходное кое въ чемъ съ законами Хаммураби, всего болѣе общаго имѣетъ съ законами древнихъ германцевъ. У нихъ и у насъ первоначальное рабство поставлено совершенно одинаково. И русскіе, и германцы знаютъ только одинъ видъ рабства—полное, у насъ обельное.

Свободные люди и у германцевъ не застрахованы отъ перехода въ рабство. Они дѣлаются рабами по добровольной продажѣ себя въ неволю, по принудительной за долги и по другимъ способамъ, извѣстнымъ и нашему праву. Въ бракахъ свободныхъ съ несвободными перевѣсъ и у нихъ имѣла не свобода, что выражалось и въ поговоркѣ: Trittst du mein Huhn, so bist du mein Hahn. Дѣти отъ такого брака тоже были не свободны.

Германское право не знало нашего рабства по ключу. Но у него было свое, обнимавшее гораздо большій кругъ лицъ, чѣмъ наше по ключу. У него дѣлался рабомъ всякій свободный, который въ теченіе года со днемъ жилъ на господской землѣ, т.-е. дышалъ господскимъ воздухомъ.

По существу германскіе рабы въ древнѣйшее время «состояли въ положеніи домашнихъ животныхъ», какъ выражается Зибель. Господинъ могъ требовать отъ нихъ всякой работы и имѣлъ по отношенію къ нимъ право жизни и смерти. Кой-какіе отголоски этого порядка вещей, говоритъ тотъ же историкъ, слышатся и позднѣе.

Рабы у германцевъ, какъ и у насъ, различались по той роли, какую играли въ домѣ своихъ господъ. Высшими были министеріалы, за убійство которыхъ взыскивалось и бо́льшое вознагражденіе. Въ крупныхъ хозяйствахъ различали четыре министеріальныхъ должности: для завѣдыванія погребомъ, казной, конюшней и столомъ. Это наши тіуны, они тоже были разныхъ вѣдомствъ; Русская Правда различаетъ тивуновъ: огнищныхъ, они вѣдали домъ,—конюшихъ, они вѣдали конюшню,—сельскихъ, они вѣдали—сельское хозяйство. За нихъ взыскивался тоже бо́льшій штрафъ, чѣмъ за простыхъ рабовъ.

Высшую роль играли на Западѣ министеріалы короля. Они назначались исполнять должность графа, т.-е. судьи. Тоже было и у насъ. Но у насъ роль судей играли не только княжескіе тіуны, но и боярскіе.

Заурядные, а при надобности и всякіе другіе рабы входили въ составъ войска. Тоже и у насъ.

Нѣмецкіе историки указываютъ на значительное возрастаніе числа несвободныхъ, благодаря многочисленнымъ войнамъ въ періодъ распространенія господства салическихъ франковъ. При каролингахъ число ихъ еще болѣе увеличилось путемъ массовой продажи себя въ рабство неоплатныхъ должниковъ и другими добровольными способами закабаленія себя въ неволю людьми, находившимися въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Въ нашей исторіи такого факта не наблюдается. Число рабовъ не достигало у насъ большого развитія. Оно рѣдко превышало количество необходимыхъ домовыхъ слугъ. Сельскіе работы, обыкновенно, были въ рукахъ свободныхъ крестьянъ, которые арендовали господскія земли.

Это крупное различіе сказалось и на послѣдующей судьбѣ германскаго рабства. Западные рабы далеко превышали потребности домоваго хозяйства. Ихъ приходилось, поэтому, сажать на землю. Появились, такимъ образомъ, servi casati, рабы-хуторяне. Господа отводили имъ участки земли, которые они должны были обрабатывать

за опредѣленную плату. Эти хуторяне назначались изъ лучшихъ рабовъ; въ помощь имъ, въ качествѣ работниковъ, давались рабы низшихъ разрядовъ, которые должны были имъ подчиняться. Мало по малу возникло правило, что земля не продается безъ сидящихъ на ней хуторянъ, и хуторяне не продаются безъ земли. У хуторянъ возникло какъ бы право постояннаго пользованія землей. Германскіе историки подводятъ это явленіе подъ римское понятіе peculium'a. Благодаря этому, servi casati со второй половины VIII вѣка стали причисляться къ недвижимостямъ; остальные рабы по прежнему считались движимымъ имуществомъ [1]).

Наши рабы такого момента не пережили. Нѣчто подобное можно, однако, наблюдать и у насъ въ исторіи крѣпостного права, но въ самомъ его началѣ и въ теченіи очень непродолжительнаго времени. Но уже въ концѣ второй половины XVII вѣка нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ отъ полныхъ рабовъ и отличить было трудно. Исторія несвободы у насъ и на Западѣ шла совершенно разными путями.

Тамъ рабы становятся сперва зависимыми крестьянами, а потомъ, очень, впрочемъ, нескоро и въ разныхъ мѣстахъ въ разное время,—свободными; а у насъ свободные крестьяне становятся сперва зависимыми, а потомъ, и очень скоро, полными рабами. На Западѣ часть свободнаго сельскаго населенія развилась изъ рабовъ; у насъ большинство этого свободнаго сельскаго населенія обратилось въ рабовъ.

---

[1]) Dr Heinrich Siegel. Deutsche Rechsgeschichte; Heinrich Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Свободное населеніе

Древняя Русь не знала сословій. Они народились только въ московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши. До образованія единаго Московскаго государства все населеніе русскихъ княженій, съ точки зрѣнія права, представляло однообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ извѣстнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, чиновникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами и т. д. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «меньшаго» человѣка. Такимъ образомъ возникла цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того же рода свободныхъ людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимался на слѣдующую ступень и на-

оборотъ. Но возвышеніе «меньшихъ» не было дѣломъ легкимъ. Экономическія условія большинства «меньшихъ людей» были такъ тяжелы, что маленькому человѣку не легко удавалось подняться въ средній или высшій слой, а многіе изъ этого большинства, чрезъ посредствующую ступень наймитовъ, спускались въ разрядъ рабовъ.

Наши древніе памятники обозначаютъ однимъ словомъ все свободное населеніе со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: **людіе** и **мужи**.

Въ самомъ широкомъ смыслѣ первое слово употреблено въ договорѣ Игоря съ греками. Во введеніи къ договору читаемъ:

«Мы отъ рода русскаго, сьли и гостье (слѣдуетъ перечисленіе пословъ), посланіи отъ Игоря, великого князя рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ **людій** Рускія земли».

Здѣсь людьми названо все населеніе Русской земли за единственнымъ неключеніемъ лицъ княжескаго рода.

Въ столь же широкомъ смыслѣ употребляетъ это слово и Русская Правда. Она обозначаетъ просто людьми все населеніе судного округа.

«Аще оубьютъ огнищанина въ обидоу, то платити зань 80 гривенъ оубійци, а **людемъ** не надобѣ...». II 1.

«Будетъ ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника **люди** не платять...». II 7.

Этотъ всеобъемлющій терминъ служитъ составителямъ Русской Правды и для обозначенія свидѣтеля вообще, къ какому бы классу населенія онъ ни принадлежалъ:

...Оже ли оубьютъ (тати), а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ». II 19, III 51.

Съ такимъ же словоупотребленіемъ встрѣчаемся и въ лѣтописяхъ.

Начальный лѣтописецъ, описывая подъ 968 г. обложеніе Кіева печенѣгами, такъ выражается о кіевлянахъ:

«Изнемогаху же **людіе** гладомъ и водою».

Въ 1154 году умеръ кіевскій князь, Вячеславъ. Соправитель его, Ростиславъ, находился въ это время внѣ города; онъ шелъ съ войскомъ противъ черниговскихъ князей.

«Мужи же бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: се Богъ поялъ строя твоего Вячеслава, а ты ея еси еще съ людми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпше въ Кіевъ, съ людми утвердися». Ипат.

Черниговцы, обратившіеся въ 1138 г. къ князю Всеволоду съ требованіемъ о заключеніи мира, названы просто: «людіе черниговцы». Лавр. Подобно этому и вся совокупность жителей другихъ волостей, Суздальской, Володимірской, Псковской, Новгородской и пр., разумѣется подъ словомъ «людіе» [1].

Изъ этого первоначальнаго безразличія свободныхъ людей прежде всего начинаютъ выдѣляться люди, поступавшіе на службу князя. Подъ именемъ «дружины» или «княжихъ мужей» они начинаютъ противополагаться «людямъ» вообще. Благодаря этому, въ однихъ и тѣхъ-же памятникахъ встрѣчаемся и съ широкимъ и съ болѣе тѣснымъ употребленіемъ слова людіе. Образчикъ послѣдняго даетъ статья пространной Русской Правды:

«Аже кто убіеть княжа мужа въ разбои,.... то вирувную платити въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ: пакыль людинъ, то 40 гривенъ». Ш 5.

Княжіе мужи противополагаются здѣсь простолюдинамъ, неслужилымъ людямъ.

Ко времени, когда сложилась редакція списковъ пространной Русской Правды, это различіе служилыхъ и неслужилыхъ людей на столько рѣзко обозначилось, что повліяло на установленіе высшаго штрафа за убійство первыхъ. Княжіе мужи начинаютъ, такимъ образомъ, усвоивать нѣкоторыя черты привилегированнаго положенія по отношенію къ людямъ вообще.

---

[1]) Ипат. 1154, 1178, 1183; Суад, 1164; Новогор. I. 1259, 1273.

Въ московское время все населеніе распалось на отдѣльные чины съ особыми правами и обязанностями, и каждый чинъ получилъ свое особое наименованіе. Несмотря на это, терминъ «людіе» продолжаетъ употребляться для обозначенія всего населенія.

«Лѣта 7090 (1582) марта въ 12 день Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ со всѣми боляры: ябедниковъ, кромолниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадити; холопей боярскихъ и иныхъ чиновъ людей, которые будутъ въ судѣ за себя или за своего государя или за кого иного стояти...», А. И. I. № 154, XX.

Уложеніе запрещаетъ патріарху, митрополитамъ, епископамъ, боярамъ, окольничимъ, думнымъ, ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ держать закладниковъ и говоритъ:

«Да и тѣмъ людемъ (т.-е. патріарху, митрополитамъ и т. д.), которые ихъ (тяглыхъ людей) учнутъ впредь за себя пріимати въ закладчики, по тому же быти отъ государя въ великой опалѣ...» (XIX, 13).

Столь же широкое значеніе, какъ слово «людіе», имѣло въ древности и слово «мужъ», сохранившееся и по наши дни для обозначенія всего крестьянскаго населенія въ уменьшительной формѣ «мужикъ». Съ эпитетомъ «свободный» оно обозначаетъ, по Русской Правдѣ, все свободное населеніе со включеніемъ даже княжихъ мужей:

«А се аже холопъ оударить свободна мужа... то платити зань господину 12 гривенъ...». I 22, III 87.

Свободному мужу противополагаются по этой статьѣ только рабы. Суздальская лѣтопись называетъ всѣхъ жителей Торжка «мужами» (1178). Подобно этому договорная грамота между Полоцкомъ и Ригою начинается такъ:

«Мы, мужи полочане...» (А. Э. I. № 16).

Эти же слова, употреблявшіяся для обозначенія всего населенія въ его совокупности, служили и для обозначенія разныхъ его слоевъ. Для этой цѣли къ нимъ при-

соединялось указаніе на большую или меньшую степень достоинства, присущую тому или другому человѣку. Для обозначенія людей высшаго слоя служили прилагательныя: лучшій, вячшій, большій, старшій, нарочитый; низшаго: мелкій, меньшій, простой, черный [1]).

Весьма характерное въ этомъ отношеніи мѣсто находимъ въ I Новгородской лѣтописи. Въ 1259 г., когда татары пріѣхали въ Новгородъ съ требованіемъ дани, чернь не хотѣла исполнить волю татарскую.

«И раздвоишася людіе, говоритъ лѣтописецъ: большіи веляху меньшимъ ятися по числу, а они не хотяху».

Итакъ, изъ «людей», населенія Новагорода вообще, выдѣлились два слоя: большіе люди и меньшіе или чернь, иначе черные люди.

Отличительный признакъ меньшихъ людей составляетъ ихъ меньшая сравнительно съ лучшими людьми экономическая обезпеченность. Они или вовсе ничего не имѣютъ, кромѣ посильнаго платья, и въ такомъ случаѣ поступаютъ въ чужіе дворы въ качествѣ наймитовъ; или имѣютъ свой хозяйственный сельскій инвентарь и въ такомъ случаѣ ведутъ свое самостоятельное хозяйство, поселяясь на никѣмъ незанятыхъ земляхъ или на земляхъ владѣльческихъ.

Отдѣльные разряды меньшихъ людей носятъ разныя наименованія, смотря по мѣстностямъ и времени.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаемъ: смердовъ, закуповъ, изгоевъ; въ псковской Судной грамотѣ: изорниковъ, огородниковъ, кочетниковъ; въ московскихъ грамотахъ: сиротъ, серебренниковъ, крестьянъ. Послѣднее слово претерпѣло измѣненіе, подобное тому, которое произошло со словомъ «мужъ». Изъ общаго наименованія всѣхъ крещеныхъ людей древности оно пріурочивается въ московскую эпоху спеціально для обозначенія мелкаго сельскаго населенія.

[1]) Для примѣра см.: Лавр. 1093, 1230; Ипат. 1146, 1161, 1178, 1185; Воскр. 987, 1186; Нов. I. 1135, 1228, 1230.

Выше смердовъ и крестьянъ стоятъ купцы, а еще выше—вольные слуги и бояре.

Перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ слоевъ свободнаго населенія. Я буду отправляться отъ тѣхъ наименованій, которыя встрѣчаются въ источникахъ.

I. Смерды

Наша древняя терминологія не отличается большой опредѣлительностью; одно и то же слово нерѣдко употреблялось у насъ въ разныхъ смыслахъ. Это случилось и со словомъ смердъ. Оно употребляется то въ очень тѣсномъ, то въ весьма широкомъ смыслѣ.

Въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ пахаря, сельскаго работника.

«И рече Володимеръ (Мономахъ): дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же оретъ, а сего не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ и стрѣлою». А лошадь его поиметъ. А въ село его ѣхавъ имѣть жену его и дѣти его и все его имѣніе. Лавр. 1103.

Въ широкомъ оно употребляется для обозначенія всего населенія за исключеніемъ однихъ князей. Въ такомъ смыслѣ оно употреблено въ Русской Правдѣ:

«А за княжь конь 3 гривнѣ; а за смердѣй 2 гривны». II 9.

Статья устанавливаетъ штрафъ за кражу коня, но упоминаетъ только коней, принадлежащихъ князю да смерду, умалчивая обо всѣхъ другихъ. Это молчаніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что подъ смердами, въ противоположность князю, разумѣется все населеніе.

Такое толкованіе подтверждается и текстомъ позднѣйшихъ списковъ Правды, въ которыхъ слово «смердъ» замѣнено словомъ «иной», т.-е. всякій другой человѣкъ кромѣ князя.

«...А будетъ былъ (украденъ) княжь конь, то платити зань 3 гривны; а за инѣхъ по 2 гривны» III 55.

Въ такомъ же широкомъ смыслѣ употребилъ это слово Олегъ, черниговскій князь. Въ 1096 г. Святополкъ кіевскій и Владиміръ переяславскій послали къ Олегу такое предложеніе:

«Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ. Олегъ же въспрiимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ.. Лавр.

Здѣсь князь называетъ смердами не только кіевскихъ горожанъ, но и служилыхъ людей прежнихъ князей. Все смерды, за исключеніемъ князей, епископовъ и игуменовъ.

Не беремъ на себя рѣшеніе вопроса о томъ, какой изъ этихъ смысловъ былъ первоначальный. Самые древніе наши памятники знаютъ уже и тотъ и другой. Позволяемъ себѣ лишь догадку. Слово мужъ, первоначально имѣвшее общее значеніе, съ теченіемъ времени, въ уменьшительной формѣ стало обозначать одинъ извѣстный классъ населенія. То же случилось съ словомъ христіанинъ, которое спеціализовалось въ крестьянина. Подобно этому и слово смердъ первоначально могло употребляться въ широкомъ смыслѣ, а позднѣе, съ выдѣленіемъ изъ общей массы населенія отдѣльныхъ классовъ, стало пріурочиваться къ одному сельскому населенію, занимавшемуся воздѣлываніемъ земли

Тѣсное значеніе слова смердъ живетъ еще въ нашихъ памятникахъ конца XV вѣка.

Псковскія лѣтописи подъ 1485 годомъ упоминаютъ о столкновеніи между великимъ княземъ московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, и псковичами. Извѣстіе лѣтописи отличается нѣкоторой излишней краткостью. Но изъ него можно вывести, что столкновеніе возникло изъ-за смер-

довъ. Землевладѣльцы захотѣли установить барщину и ввести закономъ опредѣленные «урочные» работы смердовъ. Смерды этому воспротивились. Отсюда и возникло столкновеніе. Псковичи одного смерда казнили, а трехъ заключили въ тюрьму, имущество ихъ опечатали (Псков. I 266; II 43 и слѣд.). Великій князь принялъ сторону смердовъ, онъ «вполѣлся» на псковичей и велѣлъ смердовъ отпустить. Это требованіе произвело раздвоеніе въ самомъ Псковѣ:

«И оттолѣ начатъ быти брань и мятежь великъ межю посадники, и бояры, и житьими людми: понеже сіи вси въсхотѣша правити слово князя великого, смердовъ отпустити...; а черніи люди, молодіи, всего того не восхотѣша, рекуще: мы о всемъ томъ прави и не погубитъ насъ о томъ князь великій...».

Изъ приведеннаго мѣста видно, что смерды не суть низшій слой городскаго населенія. Это послѣднее, подъ именемъ черныхъ людей, принимаетъ участіе въ обсужденіи вопроса о смердахъ и высказывается въ пользу наказанія виновныхъ.

На этотъ разъ столкновеніе разрѣшилось согласно волѣ великаго князя. Въ Москву было отправлено посольство съ повинной.

Но въ чемъ же была вина смердовъ? На это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ извѣстіе лѣтописца подъ слѣдующимъ 1486 годомъ.

«И потомъ по малѣ времени, прилучися нѣкоему попу у поровскихъ смердовъ чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову и всякія работы урочныя по тоій грамотѣ имъ знати. А о тоій грамотѣ смердьи всеій земли смятенье бысть, что они, потаивше грамоти, не потягнула на свои работы, а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть, а они обольстиша князю великому и о томъ все по криву сказаша. И таковую грамоту смердъ исторже у попа изъ рукъ и скры. Псковичи же посадиша того смерда на крѣпости. И оттолѣ начаша, изъ пригородовъ пріѣздя и изо всѣхъ волостей, обидніи

люди бити челомъ посадникомъ псковскимъ и всему Пскову... Посадники же и весь Псковъ събраша многыя обиды, ихъ же невозможно исчесть за множество, и написавше грамоты многы обидныи и отрядиша послы: посадника Микиту Ларіоновича, и посадника Андрея Ивановича, и боярина Андрея Семеновича Рублева, и иныхъ бояръ, и съ пригородовъ по два человѣка, обидніи люди. И ѣхавше, биша челомъ великому князю, и повѣдаша о смердѣ, что грамоту потаилъ, «и имѣемъ его и теперь на крѣпости, и како намъ, государь, укажеши о томъ?» И князь великій, ярымъ окомъ възрѣвъ, рече: давно ли азъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на то же наступаете?».

Приведенное мѣсто разъясняетъ, кого въ Псковѣ звали смердами и въ чемъ заключалась ихъ вина. Смерды не городское, а сельское населеніе: они живутъ по Наровѣ рѣкѣ и во всѣхъ псковскихъ волостяхъ. Это уѣздные, волостные люди. Помимо дани князю и Пскову, они обязаны урочными работами. Работы эти были опредѣлены изстари. Въ описываемое время, однако, смерды не исправляли этихъ работъ. Отсюда столкновеніе, возникшее еще въ 1485 г., а можетъ быть и раньше. Осенью 1485 года псковичи подчинились во всемъ волѣ великаго князя. Но вскорѣ затѣмъ «нѣкій попъ» сдѣлалъ открытіе, нашолъ грамоту, на которой написаны были обязанности смердовъ. Едва потухшее пламя внутренней усобицы снова разгорѣлось. Въ Псковъ стали съѣзжаться со всѣхъ концовъ Псковской волости «обидные люди», т.-е. люди, которые потерпѣли вслѣдствіе отказа смердовъ исполнять урочныя работы, и было рѣшено новое посольство къ великому князю. «Обидные люди» это, конечно, земле-владѣльцы, на земляхъ которыхъ сидѣли смерды.

Приведенное извѣстіе составляетъ краткій слѣдъ цѣлой аграрной революціи, происшедшей въ Псковѣ въ концѣ XV вѣка. Сторону сельскаго населенія принялъ великій князь московскій. Не помогла псковичамъ и грамота, найденная «нѣкимъ попомъ», въ которой было написано то,

чего псковичи будто бы не знали: «а псковичемъ не свѣдущемъ о нихъ, како отъ начала бысть». Эти послѣднія слова нельзя, конечно, понимать буквально. Псковичи не могли не знать исконныхъ порядковъ. Найденная новомъ грамота едва ли могла открыть имъ что-нибудь новое. Псковичамъ нуженъ былъ поводъ, чтобы вновь возбудить дѣло о повинностяхъ смердовъ, прекращенное подчиненіемъ ихъ волѣ великаго князя. Находка «нѣкимъ новомъ» грамоты, которая легко могла быть искусственно подстроена, прекрасно удовлетворяла этой потребности.

Какъ возникла въ Псковѣ аграрная революція конца XV в., это, по краткости лѣтописнаго извѣстія, остается несовсѣмъ ясным.

Перехожу къ вопросу о юридическомъ положеніи смердовъ.

Смерды составляютъ свободное населеніе. Это совершенно ясно изъ Русской Правды. Перечисливъ цѣны разнаго вида домашняго скота, которыя должны уплачиваться похитителемъ скота въ тѣхъ случаяхъ, когда похищенное животное не могло быть возвращено натурою, Правда говоритъ:

«То ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю» III 56.

Смердъ наказывается продажею, а это признакъ свободнаго человѣка, такъ какъ рабовъ князь продажею не казнитъ.

Такъ какъ смерды суть свободные люди, то отсюда, само собой, слѣдуетъ, что они пользуются и всѣми правами свободныхъ людей. Не останавливаясь на перечисленіи этихъ правъ, приведемъ только тѣ изъ нихъ, о которыхъ прямо упоминается въ древнихъ памятникахъ.

Смерда, какъ свободнаго человѣка, никто не можетъ наказывать безъ приказа подлежащей власти:

«Или смердъ оумоучать [1]), а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны» II 14, III 103.

У смердовъ можетъ быть и собственность. Русская Правда говоритъ о конѣ смерда, лѣтописи —о его пашнѣ. Дружина Святополка потому возражала противъ войны съ половцами весною 1103 года, что боялась погубить «смердовъ и ролью ихъ» (Лавр.). Подъ пашнею смердовъ можно разумѣть, какъ собственную пашню смердовъ, такъ и ту, которую они имѣли на арендуемыхъ у землевладѣльцевъ земляхъ. Дружина жалѣетъ только о пашнѣ смердовъ и ничего не говоритъ о пашнѣ бояръ. Въ этомъ можно видѣть указаніе на то, что и въ это отдаленное время у насъ преобладало арендное хозяйство передъ собственной запашкой богатыхъ землевладѣльцевъ. О порядкѣ древняго сельскаго хозяйства будемъ говорить въ III т. древностей.

Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этой цѣлью образуютъ своеобразныя податныя единицы. Въ Новгородѣ эти податныя единицы носятъ наименованіе погостовъ. Въ новгородскихъ договорахъ съ князьями читаемъ:

«Кто купець, поидетъ въ свое сто, а кто смердъ, тотъ потягнетъ въ свой погостъ».

Смерды платятъ князю дань:

«Приде Михаилъ въ Новгородъ по Велицѣ дни. Ѳомины недѣли исходяче..., и цѣлова крестъ на всей воли новгородстѣй и на всѣхъ грамотахъ ярославлихъ и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ данiй не платити». 1229. Карамзинъ, III, примѣч. 327.

Они носятъ оружіе и входятъ въ составъ войска:

«И нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, смердомъ по гривнѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти я вси домовь». Воскр. 1019.

[1]) Мука—наказаніе, казнь.

Здѣсь смерды различены отъ новогородцевъ. Надо думать, что и въ Новгородѣ, какъ и во Псковѣ, смерды означали сельскихъ, а не городскихъ жителей, названныхъ новогородцами.

При описаніи ночнаго нападенія Даніила Романовича на Бѣльзъ, читаемъ:

«Боярипъ боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ смерда, градъ града». Ипат. 1221.

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ и, по общему правилу, занимаются земледѣліемъ. Это сравнительно приниженное положеніе ихъ въ обществѣ отразилось и въ древнѣйшемъ правѣ въ разной цифрѣ вознагражденія, полагаемаго за муку, причиненную смерду и человѣку высшаго положенія, каковы были тивуны, мечники, огнищане и др. За муку смерда взыскивалось 3 гривны, за муку человѣка высшаго состоянія — 12. Ак. 31 — 32, Тр. 71 — 72.

Что касается штрафа за убійство смерда, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно.

Первая статья древнѣйшей Русской Правды, перечисляя разные разряды лицъ, за убійство которыхъ взыскивалось 40 гривенъ, не упоминаетъ о смердахъ. Она говоритъ, однако, объ изгояхъ, смерть которыхъ оплачивалась 10 гривнами. Изгои же, какъ увидимъ ниже, занимали въ древнемъ обществѣ положеніе еще болѣе низкое, чѣмъ смерды. Это даетъ основаніе заключить, что и убійство смердовъ оплачивалось тѣми же 10 гривнами.

Такому заключенію, повидимому, противорѣчатъ тѣ статьи Правды, въ которыхъ опредѣляется вознагражденіе за убытки. Убытки собственнику могутъ быть причинены кражей коня, вола и всякой движимости, а также убійствомъ его рабовъ. За убійство раба полагается разное вознагражденіе, смотря по его пригодности. Староста,

кормилица, дядьки оплачиваются 12 гривнами, простой рабъ 5-ю.

Въ относящихся къ этому вопросу статьяхъ краткаго списка Правды читаемъ:

А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратайницѣмъ 12 гривнѣ. II 6.

А въ рядовници княжѣ 5 гривенъ, а въ смердьи въ холопѣ 5 гривенъ. II 7.

Аще роба кормилица, любо кормиличичь—12. II 8.

А за княжь конь, иже съ пятномъ, 3 гривнѣ; а за смердѣй 2 гривнѣ» и т. д. II 9.

Въ Ак. сп. конецъ 7-й статьи читается иначе: А въ смердѣ и въ холѣ 5 гривенъ. Тутъ смердъ уравненъ съ холопомъ. Какому же чтенію надо отдать преимущество?

Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, что по московскимъ памятникамъ XVI в. честь лучшихъ боярскихъ холоповъ оцѣнивалась въ пять разъ больше чести свободныхъ крестьянъ. Поэтому не можетъ представлять ничего невѣроятнаго, что по памятникамъ XI вѣка за смерть княжескаго холопа взыскивали не менѣе того, что полагалось за смерть смерда.

При всемъ томъ чтеніе: «А въ смердѣ и въ холѣ 5 гривенъ» возбуждаетъ недоумѣніе. Въ ст. 6—8 по моему изданію рѣчь идетъ только о несвободныхъ людяхъ. Списокъ Акад. рядомъ съ несвободными ставитъ смерда, человѣка свободнаго. Почему бы это? Изъ статей 7-й и 9-й видно, что здѣсь вознагражденіе приводится сравнительно: съ одной стороны указано, что получаетъ князь за своихъ рабовъ и коней, а съ другой, что получаетъ смердъ. Писецъ Академическаго списка этого незамѣтилъ и вмѣсто «а въ смердьи холѣ» написалъ: «а въ смердѣ и въ холѣ». Поэтому, надо отдать преимущество списку Археографической коммиссіи передъ Академическимъ, которымъ пользовался Калачовъ въ своемъ изданіи Правды по четыремъ спискамъ.

Принятое мною чтеніе находитъ подтвержденіе и въ пространномъ Троицкомъ спискѣ, гдѣ эта статья читается такъ:

«А за смердии холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ». III 16.

Судъ принадлежитъ князю, онъ опредѣляетъ и штрафы за убытки. Очень натурально, что составителя Правды интересовалъ вопросъ, одною ли мѣрою мѣрилъ князь свои убытки и чужіе. Вотъ почему княжаго коня и холопа противополагаетъ онъ смердьему.

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, но это различіе только фактическое; при искусствѣ и удачѣ они могутъ подняться въ самые высшіе его слои. Лѣтописецъ говоритъ, что галицкіе бояре князя «Даніила княземъ собѣ называху, а сами всю землю держаху». Онъ перечисляетъ этихъ бояръ, державшихъ землю. Среди нихъ находимъ: Судича, попова внука, и Лазаря Домажирича и Ивора Молибожича отъ племени смердья». Ипат. 1240.

Еще Рейцомъ былъ высказанъ весьма близкій къ правдѣ взглядъ на смердовъ. Онъ называетъ ихъ «простолюдинами», но не входитъ въ разборъ памятниковъ (36).

Позднѣйшіе изслѣдователи не оцѣнили до достоинству этого вѣрнаго намека и очень затемнили понятіе смерда.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ покойнымъ проф. московскаго университета, В. Н. Лешковымъ, въ его сочиненіи: «Русскій народъ и государство». Онъ утверждаетъ, что смерды были люди князя, что они принадлежали только ему, подобно тому, какъ холопы и закупы принадлежали другимъ владѣльцамъ. 157.

Это мнѣніе не отличается опредѣленностью. На языкѣ московскихъ памятниковъ выраженіе «чьи-либо люди» означаетъ чьихъ-либо рабовъ. Въ какомъ смыслѣ употребилъ это выраженіе авторъ, остается неяснымъ. Уподобляя смердовъ князя рабамъ другихъ владѣльцевъ, онъ, ка-

жется, хочетъ сказать, что смерды суть рабы князя. Но у него же на слѣдующей стр. читаемъ: «Въ глазахъ общества предъ закономъ смерды имѣли почти всѣ права свободныхъ». Если у нихъ почти (?) всѣ права свободныхъ, то они, надо думать, не рабы. Отсюда, въ дальнѣйшемъ выводѣ, получается слѣдующій несогласный съ источниками результатъ: князья не имѣютъ рабовъ, такъ какъ смерды, замѣняющіе для нихъ рабовъ частныхъ владѣльцевъ, не суть рабы.

Это несовсѣмъ ясное мнѣніе доказывается ссылкой на противоположеніе княжого коня коню смерда и на статью, опредѣляющую одинаковое вознагражденіе за убійство холопа и смерда, и словами Яна Вышатича, воеводы Святослава. Два первыя доказательства мы разобрали уже выше, а на словахъ Яна остановимся теперь.

Во время голода въ Ростовской волости, два волхва, пришедшіе изъ Ярославля на Бѣлоозеро, обманули легковѣрный народъ относительно причинъ голода, послѣдствіемъ чего было убійство ни въ чемъ невиновныхъ людей. Въ разгаръ этой замятни прибылъ на Бѣлоозеро Янъ Вышатичъ: обманъ волхвовъ для него не подлежалъ сомнѣнію.

«Янъ же, испытавъ, чья еста смерда (волхвы), и увидѣвъ, яко своего князя,ославъ къ нимъ, иже около сю суть, рече имъ: выдайте волхвы та сѣмо, яко смерда еста моего князя». Лавр. 1071.

Вотъ эти-то слова Яна «смерды моего князя» и легли въ основаніе неяснаго положенія «смерды суть люди князя». Выраженіе «смерды моего князя» значитъ «подданные моего князя». Дѣло, въ данномъ случаѣ, шло о преступленіи, совершенномъ волхвами, и о судѣ надъ ними. Подсудность шла по землѣ и водѣ. Но если волхвы были подданные не Святослава, а другого князя, это могло вести къ нѣкоторымъ осложненіямъ. Вотъ почему Яну и надо было выяснить, чьи подданные волхвы.

Этому объясненію совершенно соотвѣтствуетъ и отвѣтъ

волхвовъ. Они говорятъ Яну: «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши сотворити ничтоже«, т.-е. мы должны стать на судъ самого князя; о возвращеніи же къ князю рабовъ его или вообще зависимыхъ отъ него людей здѣсь и намека нѣтъ.

Мнѣнію, высказанному Лешковымъ, весьма посчастливилось въ нашей литературѣ. Къ мнѣнію о томъ, что смердъ не низшій слой свободныхъ людей, а особый классъ, состоящій въ нѣкоторомъ ближайшемъ отношеніи къ князю, примыкаетъ цѣлый рядъ нашихъ изслѣдователей.

Проф. Никольскій въ своемъ сочиненіи о началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ даетъ этой мысли дальнѣйшее развитіе и новую аргументацію. На стр. 357 своего труда онъ говоритъ, что источники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, кто были смерды. Но это не мѣшаетъ ему на слѣдующихъ страницахъ нарисовать весьма полную картину положенія смердовъ.

Исходя изъ статьи Правды «о смердьей задницѣ», которую онъ беретъ только по одному Карамзинскому списку, а слова «безъ дѣтей» переводитъ словами «безъ сыновей» (356), Никольскій заключаетъ, что смерды были люди, обязанные князю и непосредственно отъ него зависимые.

На слѣдующихъ страницахъ онъ рисуетъ цѣлую картину этой зависимости. Его смерды составляютъ рабочій безземельный классъ. Они поселяются на княжескихъ земляхъ и, будучи лично свободными, обязаны обрабатывать землю на князя. Они состоятъ на барщинѣ у князя и работаютъ изъ-за хлѣба. Собственности у нихъ никакой нѣтъ, даже движимости имъ не принадлежатъ, такъ какъ въ то отдаленное время, по увѣренію автора, домъ, дворъ, домашній скотъ и орудія обработки земли считались принадлежностью земли и составляли собственность князя. Авторъ совершенно не хочетъ знать статей Русской Правды, которыя говорятъ о конѣ смерда и опредѣляютъ за него иное взысканіе, чѣмъ за коня князя.

Оба автора не обратили должнаго вниманія на пого, а

денный выше разсказъ Псковской лѣтописи, которая знаетъ смердовъ, не стоящихъ ни въ какихъ отношеніяхъ къ князю, кромѣ отношеній подданства.

Проф. Цитовичу принадлежитъ заслуга правильнаго объясненія начала статьи «о смердьей задницѣ», невѣрное чтеніе которой послужило исходнымъ пунктомъ всей аргументаціи Никольскаго. Но и онъ не могъ освободиться отъ вліянія идей проф. Лешкова. Противоположеніе княжого коня коню смерда и для него составляетъ несомнѣнное доказательство особой зависимости смерда отъ князя. Состояніе смерда есть, поэтому, состояніе зависимости отъ князя и личной ему подчиненности; это отношеніе наймита къ хозяину (Исход. мом. въ ист. р. пр. наслѣдов., 35 и сл.). Но въ Русской Правдѣ княжой тивунъ противополагается тивуну боярскому: авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого противоположенія, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояръ отъ князя, въ какой находились отъ него смерды. Отъ одинакой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости соціальнаго положенія смердовъ и бояръ.

Тѣсно къ Никольскому примыкаетъ проф. Никитскій. У него смердъ собственности не имѣетъ и живетъ на княжеской землѣ (Очерки внутренней исторіи Пскова, 279).

Проф. Ключевскій эти княжескія земли превратилъ уже въ государственныя. Онъ считаетъ смерда государственнымъ крестьяниномъ, живущимъ на землѣ княжеской въ смыслѣ государственной (Русск. Мысль, 1880, № 1, стр. 63).

Слабый отголосокъ идей Лешкова можно найти даже у проф. Владимірскаго-Буданова. «Земли общинныя, говоритъ онъ, считались государственными и смерды, ихъ населявшіе, были смердами князя». За этимъ, какъ доказательство, приводятся слова Яна (Обзоръ I, 13 и послѣд., стр. 37).

II. Закупы

Пространные списки Русской Правды служатъ почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о закупахъ.

Недоживпее до нашихъ дней и не совсѣмъ понятное намъ слово «закупъ» объяснено въ Русской Правдѣ совершенно понятнымъ выраженіемъ «наймитъ»:

«Продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ купахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ». III, 80.

Закупъ, слѣдовательно, есть наемный человѣкъ, наемный работникъ.

Но почему онъ называется закупомъ и что̀ значитъ это слово?

Въ старину слово купить означало и наемъ. А потому, кто хотѣлъ сказать, что онъ не нанялъ, а пріобрѣлъ вещь въ собственность, тотъ не ограничивался выраженіемъ «я купилъ», а прибавлялъ «купилъ въ прокъ», «въ деръ», «въ вѣкъ», и пр. Крестьяне Лужскаго уѣзда и теперь нанятые луга называютъ купленными, а глаголъ «покупать, куплять» употребляютъ въ значеніи найма. Также кубанскіе казаки говорятъ: «купилъ землю на три года», и «на вѣчно землю купить нельзя». Подъ куплей они тоже разумѣютъ—наемъ, сдачу земли въ аренду.

Закупъ и закупной человѣкъ (именно такое выраженіе встрѣчаемъ въ Кар. сп. 70) обозначаетъ, слѣдовательно, наемнаго человѣка въ противоположность собственному обельному холопу [1]).

---

[1]) Неволинъ (III, 339, пр. 124 и V, 147) утверждаетъ, что слово закупъ означаетъ залогъ или закладъ; въ доказательство онъ ссылается на Доп. къ А. И. П. стр. 136. Тамъ читаемъ: «И та нынѣ вотчина очищена вся отъ Василья Шорина и отъ Якима Патокина и ни у кого не въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ»... Здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что-либо другое, а

Закупъ получаетъ отъ господина за свой трудъ плату:

«Но еже далъ ему (закупу) господинъ плугъ и борону, отъ него же (отъ господина) куну (вар. копоу, денежная плата, груда, куча, конить, купить, купецъ) емлетъ, то то погубивше платити» III 74.

Наемные рабочіе и теперь нерѣдко получаютъ заработную плату впередъ. Въ наказѣ въ Екатерининскую законодательную коммиссію отъ иновѣрцевъ вотяковъ казанскаго уѣзда читаемъ: «А которые люди нанимаются изъ своей воли въ работники на срокъ, со взятіемъ напередъ заработныхъ денегъ, до сроку не отойти, развѣ съ согласія хозяина». Тоже дѣлалось и въ старину. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать выписанное выше мѣсто изъ ст. 74. Если господинъ продаетъ наймита въ рабство (выдавъ его обманомъ за своего холопа), то проданный получаетъ «свободу во всѣхъ купахъ», т.-е. освобождается

не тотъ же закладъ. Памятникъ, на который ссылается Неволинъ, составленъ во 2-й четверти XVII вѣка. Въ это время слово «закупенъ» въ московскихъ памятникахъ употреблялось иногда въ значеніи купца, торговаго человѣка. А. Э. IV, стр. 16, 1646.

Г. Павловъ-Сильванскій (Ж. М. Н. Пр. 1895, янв.) полагаетъ, что въ жалованной грамотѣ отъ 1515 г., напечатанной въ А. Э. I. № 160, слово закупъ, очевидно употреблено въ смыслѣ заклада. Вотъ это мѣсто: «...А пожаловалъ слугу своего... селомъ и деревнями въ прокъ... волепъ онъ то село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити, и въ закупъ дати, и по душѣ дати». Никакъ нельзя сказать, что бы было совершенно очевидно, что здѣсь значитъ «дать въ закупъ». Почему это выраженіе не можетъ означать права отдавать въ наймы? Въ одной кунчей начала XVI вѣка читаемъ: «И мнѣ Ѳедору въ тѣхъ земляхъ жити до своего живота, а тѣхъ ми земель не освонти, ни продати, ни мѣнити, ни въ закупъ дати». Покупщикъ обязывается жить до своей смерти въ купленыхъ земляхъ. Можно думать, что онъ не могъ сдавать ихъ и въ аренду, поэтому «ни въ закупъ дати» можетъ здѣсь значить не сдавать въ наемъ. Но смыслъ словъ съ теченіемъ времени мѣняется. Въ XVI в. слово закупъ могло имѣть иное значеніе, чѣмъ въ XII. Я утверждаю только, что въ Р. П. оно означаетъ наймита.

отъ обязанности уплатить или отработать взятую впередъ плату.

Закупа Русской Правды нѣтъ основанія приравнивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупъ же служитъ за наемную плату и погашаетъ свой долгъ работой, если беретъ плату впередъ.

Статья 143 пространной Правды не упоминаетъ о закупѣ, но, конечно, говоритъ о послѣдствіяхъ нарушенія договора найма услугъ со стороны работника:

«Вда цѣну (привожу изъ сп. Мус.-Пуш. вмѣсто: «а въ дачь» Тр.) не холопъ, ни по хлѣбѣ работять, ни по придатъцѣ; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть». III 143.

Передъ приведенной статьей въ Правдѣ помѣщены три статьи, въ которыхъ указаны способы установленія рабства. Въ этой слѣдующей за ними, наоборотъ, указаны случаи, которые не должны вести къ рабству. Эти случаи имѣютъ въ виду рабочихъ, нанимаемыхъ на опредѣленный годовой срокъ и получающихъ впередъ годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлѣбомъ и какимъ-то придаткомъ къ денежной наемной платѣ) или деньгами (вда цѣну). Кто получилъ плату (цѣну) впередъ, тотъ не дѣлается рабомъ, а долженъ или отходить свое время или возвратить милость [1]).

Условіе, въ силу котораго выданная цѣна погашается годовой работой, показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ, такъ какъ не всякій же заемъ можетъ погашаться годовой работой, а о впередъ данной платѣ най-

[1]) Но и редакція Троицкаго списка «а въ дачь не холопъ» допускаетъ совершенно удовлетворительное объясненіе. Слово «дача» и теперь употребляется въ великорусскомъ языкѣ въ смыслѣ жалованья, содержанія, пайка. Даль. Выраженіе же Троицк. сп. «а въ дачь» имѣетъ варіантъ: «а въ дачѣ» (Калачовъ VII), т.-е. за наемъ— не рабъ.

миту, которая соотвѣтствуетъ цѣнности годовой работы, а потому и погашается ею.

Закупъ имѣетъ свою собственность и самъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные его дѣйствіями нанимателю:

«Аже оу господина ролейный закупъ, а погубитъ войскии (вар. воинскіи, своійскіи) конь, не платити ему. III 73.

Но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу (вар. коноу) емлетъ, то то погубивше платити. III 74.

Аже ли господинъ его отслетъ на свое орудье, а погибнетъ безъ него, то того ему не платити». III 75.

Общій смыслъ статей совершенно понятенъ. Они говорятъ объ отвѣтственности закупа за порадѣніе, причинившее убытки хозяину его. Поэтому, если убытокъ причиненъ въ отсутствіе закупа, происшедшее не по его винѣ, онъ не отвѣчалъ.

Но первая статья (73) представляетъ значительныя трудности.

Ролейный (рало — соха, ролья — пашня) закупъ есть наемный сельскій рабочій. Но что значитъ войскій конь?

Допустимъ, хотя это и трудно, что «войскій» значитъ «воинскій» (трудность же такого допущенія состоитъ въ малой вѣроятности, чтобы въ XIII вѣкѣ у насъ обособились уже кавалерійскія лошади отъ упряжныхъ); остается непонятнымъ, почему закупъ, погубивъ своимъ небреженіемъ такого коня, не платилъ убытковъ. Объясненіе г. Лаппе (онъ не платилъ потому, что сельскому работнику не слѣдовало поручать наблюденія за кавалерійской лошадью, 189) представляется слишкомъ искусственнымъ.

Остается второе предположеніе, по которому вмѣсто «войскій» надо читать «своійскій», т.-е. свой конь, принадлежащій закупу [1]). Хотя та же статья говоритъ, что за-

[1]) Своійскій — значитъ еще домашній въ противоположность дикому, такъ и теперь въ Литвѣ. Но вредъ, причиненный хозяйскому коню, долженъ вести къ вознагражденію убытка.

купы получали даже бороны отъ нанимателей, но допустимъ, что между ними могли быть и такіе, которые подряжались на сельскія работы на своихъ лошадяхъ. Что будетъ значить, что закупъ не платилъ погубивъ свою лошадь своимъ небреженіемъ? Что онъ не платилъ нанимателю за пагубу своей лошади, это само собой разумѣется, потому что лошадь не хозяйская, а его, и объ этомъ нечего было и упоминать въ статьѣ, имѣющей предметомъ убытки нанимателя. Но отъ пагубы лошади, на которой наймитъ порядился работать, могъ возникнуть убытокъ для нанимателя: утративъ или (что то же) тайно продавъ свою лошадь, наймитъ не вспахалъ поля во время и тѣмъ причинилъ нанимателю убытокъ. Освобождался ли онъ отъ вознагражденія за такой убытокъ? Это очень трудно допустить. Такимъ образомъ, и при этомъ второмъ предположеніи разсматриваемое правило остается не вполнѣ яснымъ.

Слѣдующія двѣ статьи говорятъ объ утратѣ хозяйскаго скота безъ вины и по небреженію закупа и не представляютъ никакихъ трудностей.

«Аже изъ хлѣва выведуть (домашній скотъ), то закупу того не платити. III 76.

Но же погубить на поли и на дворъ не вженеть і не затворить, кдѣ ему господинъ велитъ, или орудья своя дѣя, а того погубить, то то ему платити». III 77.

Пять приведенныхъ статей даютъ весьма полную картину экономическаго положенія закупа Это бѣдные люди, которые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ, и исполняютъ всякія его порученія («аже ли господинъ его отелеть на свое орудье»). Такіе наемники если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ.

Стать 77 упоминаетъ о «дѣлѣ закупа»: если закупъ погубитъ господскій скотъ, дѣлая свое дѣло («орудья своя дѣя»), то платитъ убытки. Подъ дѣломъ закупа можно

понимать все то, къ чему онъ былъ обязанъ, какъ работникъ. Онъ портилъ, напримѣръ, хозяйскую скотину во время господской на ней работы, и, конечно, платилъ убытки, если былъ виноватъ въ небрежности. Проф. Бѣляевъ слишкомъ уже много прибавляетъ своего къ источникамъ, когда утверждаетъ, на основаніи выраженія «орудья своя дѣя», что закупы жили своими семьями, работали на себя господскимъ скотомъ и платили убытки, если повреждали скотъ на этой своей работѣ (Крестьяне на Руси, 15). Если принять это толкованіе, то окажется, что закупъ отвѣчалъ за поврежденіе скота на своей только, а не на господской работѣ, что невозможно.

Какъ свободный человѣкъ, закупъ заключаетъ договоры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя:

«Идетъ ли (закупъ) искать купъ (занять денегъ), а явлено ходить (т.-е. не убѣжалъ тайкомъ, а явно пошелъ; это выраженіе опять показываетъ, что закупъ живетъ во дворѣ нанимателя), іли ко князю или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина (здѣсь употреблено выражаніе бѣжитъ, такъ какъ отъ обидъ господина, напр., побоевъ, дѣйствительно надо было бѣжать); то про то не робятъ его, но дати ему правдоу». III 72.

Явный уходъ со двора господина для займа денегъ и даже побѣгъ для принесенія на него жалобы, не ведутъ къ рабству: «про то не робять его». Знаменательная статья! Изъ нея надо заключить, что наниматели пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить наймита въ обельнаго холопа. Потребовалось оказать закупамъ защиту. Княжескій судъ даетъ имъ эту защиту.

Предоставивъ закупу право иска противъ нанимателя, Правда опредѣляетъ и размѣръ отвѣтственности этого послѣдняго за нѣкоторыя незаконныя его дѣйствія.

«Аже господинъ переобидить (вар. приобидить) закоуна, а оувидить купу его (вар. оувередить цѣноу) іли отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ. III 78.

Паки ли приметь на немъ купъ, то опять ему воротити купы, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. III 79.

Продастъ ли господинъ обель, то наимиту свобода во всѣхъ купахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ». III 80.

Общій смыслъ статей совершенно понятенъ. Они перечисляютъ нѣкоторыя недозволенныя дѣйствія (обиды) нанимателя по отношенію къ закупу и опредѣляютъ наказанія за ихъ совершеніе. Но нѣкоторыя частности не ясны и даютъ поводъ толкователямъ далеко расходиться въ мнѣніяхъ.

Въ нашихъ толкованіяхъ я буду держаться выясненнаго уже выше взгляда на положеніе закупа и съ этой точки зрѣнія объяснять неясныя выраженія испорченныхъ переписчиками мѣстъ.

Закупъ, какъ мы знаемъ, получаетъ наемную плату. Она называется то «купой, копой» (74), то «цѣной» (143).

Господинъ можетъ не доплатить этой купы или цѣны. Это, надо думать, и разумѣетъ статья, говоря: «оувидить (т.-е. уведитъ) куну его». Совершенно понятенъ, поэтому, варіантъ: «оуведедить цѣноу».

Но закупъ, самъ отвѣчающій за причиненные имъ нанимателю убытки, можетъ, конечно, имѣть и нѣкоторое свое имущество. Господинъ можетъ отобрать у закупа это его имущество. Въ одномъ памятникѣ peculium переведено словомъ «отарица» [1]). Уведедить «отарицю», думаемъ, значитъ, отобрать у закупа собственное его имущество.

«Принять на закупѣ купъ» можетъ значить занять денегъ и въ обезпеченіе долга отдать закупа кредитору.

Закупъ есть тотъ же смердъ, но бѣдный, не имѣющій возможности жить своимъ хозяйствомъ, а потому и поступающій въ качествѣ наемника въ чужой дворъ. Онъ

[1]) Русск. ист. Библ. VI, столб. 208, примѣч. 8.

не самостоятельный хозяинъ, а слуга другого человѣка. Это уже переходное состояніе къ обельному холопству. Такихъ свободныхъ слугъ въ старину звали добровольными холопами.

Этимъ надо объяснить, что закупы хотя несомнѣнно были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ.

Такъ къ свидѣтельству на судѣ они допускались только въ малыхъ дѣлахъ:

«А въ малѣ тяжѣ, по нужи, възложити (послушество) на закупа». III 90.

Наниматель имѣлъ право наказывать ихъ за дурное исполненіе своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію, безъ суда:

«Аже господинъ бьеть закупа про дѣло, то безъ вины есть. III 81.

Биеть ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмь платежь, такоже и въ закунѣ». III 82.

Вопросъ объ отношеніи работниковъ къ нанимателямъ весьма занималъ нашихъ предковъ эпохи Русской Правды. И въ то время, какъ и въ наше, наниматели не всегда были довольны работниками, а работники нанимателями и иногда уходили отъ нихъ до срока. Древняя практика принимала чрезвычайно рѣшительныя мѣры для огражденія нанимателей отъ такого произвольнаго нарушенія работниками договора найма. Работникъ, уходившій до срока, терялъ свою свободу:

«Аже закунъ бѣжитъ отъ господы, то обель». III 71.

При этихъ условіяхъ, конечно, и сложилась извѣстная и намъ поговорка: «нанялся—продался».

Можно, однако, думать, что эта практика или не была повсемѣстной, или въ XIII вѣкѣ стала уже выходить изъ употребленія. Приведенная выше (стр. 217) 143 ст. допускаетъ досрочный уходъ годоваго работника, даже

взявшаго впередъ плату, на условіи возвращенія забранныхъ денегъ.

Въ Правдѣ замѣтны два теченія. Наниматели стараются, на сколько можно, стѣснить свободу наймита; они домогаются обратить добровольнаго холопа въ обельнаго за отлучку со двора ихъ для займа денегъ или для принесенія жалобы на обиду господина. Князья же берутъ наймитовъ подъ свою защиту. На ихъ судѣ, конечно, и возникли вышеприведенныя ограниченія свободы закупа (стр. 220 сл.).

Статья 71, опредѣляющая рабство за бѣгство закупа, и статья 143-я, допускающая досрочный уходъ годоваго работника, на условіи возвращенія забранныхъ впередъ денегъ, могутъ быть, однако, и совершенно согласованы. Статья 71-я караетъ холопствомъ тайное бѣгство закупа съ намѣреніемъ скрыться отъ нанимателя; статья 143-я—говоритъ о явномъ его уходѣ, при чемъ онъ обязывается уплатить не отработанныя деньги.

Ограниченіе правъ нанимателей имѣютъ въ виду и статьи 84, 85 и 86. Если закупъ дѣлался должникомъ третьяго лица, то онъ не отвѣчалъ лично, ибо это могло повести къ нарушенію интересовъ нанимателя, а предоставлялся въ полную его власть. Это общее начало выражено въ 84 ст., но въ казуистической формѣ:

«Аже закупъ выведетъ что (если закупъ что украдетъ, ближайшимъ образомъ, если онъ уведетъ (84) домашнюю скотину), то господинъ въ немь».

Т.-е., господинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ заблагоразсудитъ: можетъ, уплативъ причиненный убытокъ, сдѣлать его холопомъ своимъ и можетъ продать его обель для возмѣщенія убытка. Слѣдующія статьи повторяютъ ту же мысль, но въ примѣненіи къ конкретнымъ случаямъ. Ст. 85 говоритъ о поимкѣ укравшаго что-либо закупа:

«Но оже кдѣ и (закупа что-либо укравшаго и бѣжавшаго) налѣзуть (поймаютъ), то преди заплатить господинъ

его конь (за украденнаго коня) или что будетъ иное взялъ; ему (господину) холопъ обельный».

Послѣдняя статья предусматриваетъ случаи, когда господинъ не захочетъ платить потерпѣвшему убытокъ изъ своего кармана:

«И паки ли господинъ не хотѣти начнетъ платити зань, а продасть й. Отдасть же (изъ полученной за него цѣны) переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому — взяти собѣ».

Литература вопроса о закупахъ отличается большимъ разнообразіемъ мнѣній. Но и здѣсь едва-ли не ближе всѣхъ къ истинѣ Рейцъ. Онъ считаетъ закупа нанятымъ работникомъ. Но такъ какъ работа по условію была въ древности въ родѣ неволи, то онъ и относитъ закуповъ къ несвободному населенію (§ 54).

Иначе взглянули на вопросъ историки цивилисты, Мейеръ и Неволинъ. По ихъ мнѣнію, закупничество не есть договоръ личнаго найма, а заемъ, обезпеченный залогомъ личности должника; это древнѣйшая форма залога. Закупъ, обезпечивающій своимъ лицомъ исправность будущей уплаты, находится въ состояніи временнаго рабства; до уплаты онъ въ работѣ (Мейеръ, О правѣ залога, 225; Неволинъ, Истор. гражд. зак. V, 147).

Сторонникъ приведеннаго мнѣнія недостаточно оцѣнили встрѣчающуюся въ Русской Правдѣ замѣну слова «закупъ» словомъ «наймитъ», и указаніе этого памятника на плату, получаемую закупомъ отъ господина, и на погашеніе этой платы, если она выдавалась впередъ, годовой работой. Долгъ закупа погашается работой, а не обезпечивается ею до уплаты. Это, конечно, не заемъ, а плата впередъ; поэтому, долгъ этотъ и названъ «милостью».

Вполнѣ примыкаетъ ко взгляду цивилистовъ и проф. Чичеринъ (Опыты 154). Но отъ его вниманія не ускользнуло наименованіе закупа наймитомъ. «Дѣйствительно, говоритъ

онъ, это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы)».

«Въ послѣдствіи, продолжаетъ авторъ, самое это слово (закупъ) исчезаетъ, а вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается, наконецъ, въ названіе кабальнаго холопа». Эта историческая смѣна понятій закупа кабальнымъ холопомъ совершенно послѣдовательна съ точки зрѣнія автора; но въ дѣйствительности такой смѣны не могло произойти по той причинѣ, что закупничество и кабальное холопство — два весьма различныхъ института. Слово «закупъ» дѣйствительно выходитъ изъ употребленія, но личный наемъ остается и доживаетъ до нашихъ дней.

О наймитахъ говоритъ псковская Судная грамота и въ выраженіяхъ, которыя даютъ возможность нѣсколько сблизить ихъ съ наймитами Русской Правды. Грамота называетъ ихъ «дворными», и во времена Русской Правды они живутъ во дворѣ нанимателя; срокъ найма также годовой (10). О другихъ вопросахъ, затрогиваемыхъ Правдой, грамота умалчиваетъ.

Договоръ личнаго найма извѣстенъ и московскимъ памятникамъ XVII вѣка. Объ немъ говоритъ Уложеніе. Въ его статьяхъ просвѣчиваетъ древность.

Сословность Московскаго государства отразилась и на наймѣ личныхъ услугъ. Высшія сословія держатъ слугъ по служилымъ кабаламъ. Попамъ же, дьяконамъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ, тяглымъ людямъ и холопамъ Уложеніе запрещаетъ держать слугъ по кабаламъ; они держатъ ихъ по жилымъ записямъ» (XX, 101, 105, 116). Жилая запись — это и есть договоръ личнаго найма. По московскимъ обычаямъ такія записи пишутся на многіе годы. Этотъ порядокъ оставляетъ въ силѣ и Уложеніе, но только для вольныхъ людей; для тяглыхъ же оно ограничиваетъ сроки найма: тяглые люди могутъ выдавать на себя житейскія или жилыя записи только на

5-ть лѣтъ [1]). По этимъ записямъ наймитъ живетъ во дворѣ своего нанимателя (XX, 44). Если онъ уходитъ до срока, наниматель имѣетъ право искать бѣжавшаго; а по сыскѣ, бѣжавшій хотя и не обращается въ рабство, какъ въ эпоху Русской Правды, но обязывается дожить свое время (XX, 45). Въ самую запись вносилось условіе о неуходѣ до срока; но оно, конечно, и само собой разумѣлось въ срочности записи. Наемная плата могла выдаваться тоже впередъ, какъ въ старину; но отъ соглашенія сторонъ зависѣло опредѣлить срокъ платежа. Для обезпеченія нанимателя въ запись вносилось условіе неустойки («зарядъ», XX, 44). Для обезпеченія же неустойки было въ обычаѣ поручительство. Случалось, что наниматели, отыскавъ бѣжавшаго наймита и взявъ его къ себѣ снова во дворъ, предъявляли искъ къ поручителямъ, требуя уплаты неустойки. Уложеніе запрещаетъ такіе иски, предоставляя нанимателямъ довольствоваться возвращеніемъ наймита (XX, 45).

Уложеніе ничего не говоритъ о правѣ нанимателя наказывать работника. Есть, однако, основаніе думать, что это право въ XVII вѣкѣ такъ же мало подлежало сомнѣнію, какъ и въ XIII.

Во II-мъ томѣ Актовъ, до юр. б. относ., подъ № 127, XV, напечатанъ любопытный документъ отъ 1688 г. Государевъ вольный человѣкъ, Ѳедоръ Щепеткинъ, взялъ у посадскаго человѣка, Ѳедора Сырейщикова, 25 руб. и женился у него на его крѣпостной. За это онъ обязался служить Сырейщикову съ женою 10-ть лѣтъ. По прошествіи же 10-ти лѣтъ, они договорились взять Щепеткину съ хозяина своего надѣлку 4-ре рубля и жить ему на своей волѣ.

Это не служилая кабала, а своеобразная жилая запись (форма жилой записи не была установлена). 25-ть руб.,

[1]) XX, 116. Уложеніе говоритъ о записяхъ тяглыхъ людей однимъ не тяглымъ. Это, конечно, описка или опечатка.

полученные при заключеніи сдѣлки, не заемъ, ибо они не возвращаются, а погашаются работой. Это плата за службу, данная впередъ. Къ этому задатку надо прибавить: цѣну крѣпостной (около 50-ти руб., Уложеніе XX, 27) и четыре руб. наградныхъ. За эти 70 — 80-ть руб., большая часть которыхъ взята впередъ, Щепеткинъ долженъ былъ служить 10-ть лѣтъ. Въ записи находимъ еще условіе. Щепеткинъ предоставляетъ Сырейщикову «смирять себя по его хозяйскому разсмотрѣнію». Надо полагать, что это право «смирять» было весьма обыкновеннымъ правомъ нанимателя по отношенію къ наймиту и стоитъ въ прямой связи съ допускаемымъ Русской Правдой наказаніемъ закупа «за дѣло».

Къ приведеннымъ взглядамъ на закупа проф. Бѣляевъ прибавилъ новую черту. Въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси» находимъ иногда удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ взглядовъ съ мнѣніями нѣсколько фантастическими. На стр. 14 читаемъ: «По Русской Правдѣ закупы ролейные... не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ... И, кажется, въ самой жизни русскаго общества въ XII вѣкѣ еще не было строгаго различія между сими двумя разрядами».

Это совершенная истина. И тотъ и другой закупъ есть наемный работникъ, который жилъ во дворѣ нанимателя. Можно даже сомнѣваться, чтобы ролейные закупы и неролейные были строго обособлены по занятіямъ. Пашенный работникъ могъ, конечно, въ свободное отъ сельскихъ занятій время, быть возницей и исполнять разныя работы по дому.

Но проф. Бѣляевъ приступилъ къ своему труду уже съ готовой мыслью. Эта мысль состояла въ томъ, что ролейные закупы то-же, что позднѣе крестьяне, снимавшіе владѣльческія земли; а не ролейные то-же, что позднѣе кабальные холопы (14). И вотъ на 17 стр. мы нахо-

димъ у него такой выводъ: «Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямыя и оффиціальныя свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были въ Руси ролейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ съ обязанностью платить за земли работою. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ историческій».

Что въ XII вѣкѣ были крестьяне, снимавшіе чужія земли, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Но мы отрицаемъ, чтобы такіе крестьяне, съемщики земли и ролейные закупы Русской Правды были одно и то-же.

Какія же это «прямыя и оффиціальныя свидѣтельства», которыми, по мнѣнію автора, доказывается его предположеніе?

Это—толкованіе Болтинымъ слова «отарица», вкладная грамота Варлаама Хутынскаго Спасскому монастырю и извѣстіе Новогородской лѣтописи подъ 1229 годомъ.

Болтинъ думаетъ, что «отарица», значитъ участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе. Мнѣніе Болтина, конечно, не есть «прямое», а еще менѣе «оффиціальное свидѣтельство». Мы напрасно искали ему какого-либо подтвержденія. Слова: «отарица», «отара» сохранились въ народномъ языкѣ и до нашихъ дней, но не въ томъ смыслѣ, какой нуженъ Болтину. Отара значитъ овечье стадо, отарщикъ—пастухъ, отарица — получаемая имъ мѣсячина (Даль). Теперешній говоръ, слѣдовательно, скорѣе къ пользу принимаемаго нами смысла этого слова. Но онъ невездѣ одинаковъ. Въ Минской губерніи слово отарица означаетъ оброкъ, получаемый господиномъ (Карамзинъ, II, прим. 92). Но это значеніе совсѣмъ не подходитъ къ смыслу статьи (III, 78), а потому Карамзинъ и подъ отарицей разумѣетъ плату, получаемую закупомъ отъ господина. Грамота же вкладная и мѣсто Новогородской лѣтописи подъ 1229 годомъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ закупамъ. Грамота упоминаетъ о «челяди», т.-е. рабахъ, а лѣтопись говоритъ о смердахъ. Остается, такимъ образомъ, въ пол-

ной силѣ первое утвержденіе проф. Бѣляева, что между ролейными и неролейными закупами не было различія.

Несмотря на малую доказательность мнѣнія, что ролейные закупы были не наемные только сельскіе рабочіе, а сами занимали чужія земли, оно пустило прочные корни въ нашей ученой литературѣ. Въ 99 примѣчаніи къ 71 ст. Кар. сп. Правды, отпечатанной въ Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова, о земледѣльческомъ закупѣ говорится, какъ о человѣкѣ, занявшемъ участокъ земли. Въ Обзорѣ же исторіи русскаго права того же автора ролейное закупничество опредѣлено, какъ временное прикрѣпленіе (къ землѣ), которое образуется изъ долговаго обязательства смерда землевладѣльцу (I, 14). Почтенный авторъ, такимъ образомъ, дѣлаетъ попытку сліянія обоихъ разобранныхъ нами мнѣній [1]).

Кромѣ пространныхъ списковъ Русской Правды слово закупъ въ другихъ памятникахъ не встрѣчается. Въ одной статьѣ Псковской грамоты упомянутъ «закупенъ». Это слово наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что этотъ «закупенъ» есть закупъ Русской Правды (Христ. Вл.-Буд., примѣч. къ 18 ст. Псковской гр.). Это очень сомнительно. Вотъ мѣсто грамоты:

«А кто по волости ходитъ закупенъ или скотникъ, а имѣтъ искати также соблюденіа или вершн, ино господѣ обыскать правда...». 18.

Кромѣ созвучія въ словѣ «закупенъ» эта статья ничѣмъ не напоминаетъ закупа Русской Правды. Закупенъ «ходитъ по волости», т.-е. онъ не живетъ на опредѣленномъ мѣстѣ, въ чьемъ-либо дворѣ, а переходитъ съ мѣста на мѣсто. При такихъ переходахъ ему случается отдавать свои вещи на сбереженіе, а затѣмъ искать возвращенія ихъ судомъ. На случай предъявленія такихъ исковъ статья и даетъ процессуальныя опредѣленія.

---

[1]) Тоже и въ новомъ изд., стр. 38.

Проф. Энгельманъ, въ своихъ толкованіяхъ къ Псковской грамотѣ, уже высказалъ предположеніе, что закупенъ можетъ означать здѣсь торговца, въ каковомъ смыслѣ слово это и употребляется въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка (закупни, торговые люди, А. Э. IV. № 13). Это объясненіе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Закупенъ ходитъ по волости для торговли, а не въ качествѣ предлагающаго свой трудъ для сельскихъ работъ; какъ нанимающійся, онъ и не могъ бы быть названъ закупомъ. Такъ какъ предметомъ торговли можетъ быть скотъ, то онъ и названъ «скотникомъ» [1]). Но онъ можетъ торговать и другими предметами, напримѣръ, рыбой. Какъ торгующій рыбой, онъ можетъ имѣть свои рыболовныя снасти, которыя, натурально, и отдастъ кому-либо на сбереженіе, когда нѣтъ лова. Поэтому статья говоритъ о верши.

Со времени выхода въ свѣтъ толкованій проф. Энгельмана, слово «верша» принято переводить словами: жито, хлѣбъ. Академическій словарь, на который ссылается проф. Энгельманъ, знаетъ два слова: вершъ и верша. Верша означаетъ рыболовную снасть, а вершъ—жито, хлѣбъ, но не зерно, а растеніе, именно молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье (Даль). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ вершъ не можетъ быть отдана на сбереженіе; на сбереженіе могла быть отдана только снасть рыболовная. Итакъ, статья несомнѣнно имѣетъ въ виду человѣка, занимающагося ловлей и торговлей рыбы, у котораго есть своя рыболовная снасть, верша; а не работника, отыскивающаго мѣсто закупа.

III Крестьяне

Слово — крестьяне, въ смыслѣ нѣкотораго опредѣленнаго класса населенія, начинаетъ встрѣчаться въ нашихъ

[1]) Въ Псковской губерніи и теперь скотопромышленникъ называется скотникомъ (Даль).

памятникахъ съ конца XIV вѣка (А. Э. I. № 11, 1391). Съ того времени и по настоящій день въ положеніи крестьянъ произошло много коренныхъ измѣненій; несмотря на это, въ дожившемъ до нашихъ дней наименованіи сохранился несомнѣнный слѣдъ древнѣйшаго значенія слова крестьянинъ.

Какое же это значеніе? Въ широкомъ смыслѣ слова крестьянинъ (христіанинъ) обозначаетъ все населеніе, принявшее христіанскую вѣру; въ тѣсномъ—онъ обозначаетъ земледѣльца, занимающаго опредѣленный участокъ земли и живущаго своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ.

Съ какого именно времени со словомъ крестьянинъ стало соединяться такое понятіе, этого, за недостаткомъ источниковъ, мы опредѣлить не можемъ; но во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ старины слово это употребляется именно въ такомъ смыслѣ.

«Се азъ, читаемъ въ одной порядной, Андрей, Лутьяновъ сынъ, да и съ своими дѣтьми, съ Семеномъ да съ Микифоромъ, порядился есмя у Вежицкаго монастыря слуги, у Исака, во крестьяни за Николу Чудотворца Вежицкого монастыря, въ деревнѣ Лишки, на четверть выти...». А. Ю. 180. 1578.

Быть крестьяниномъ значитъ занимать на себя опредѣленный участокъ пахатной земли.

Въ этомъ смыслѣ говорятъ о крестьянахъ и Судебники. Въ статьяхъ «о христіанскомъ отказѣ» они предполагаютъ, что крестьянинъ живетъ въ своемъ дворѣ, слѣдовательно, своимъ хозяйствомъ. Второй же Судебникъ, дополняя первый, упоминаетъ и о собственной пашнѣ крестьянина (88).

Къ XVII вѣку права крестьянъ существенно измѣнились, но и въ это время они остались сидѣльцами земли. Такова точка зрѣнія Уложенія. Оно предписываетъ бѣглыхъ крестьянъ, изъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, свозить на старые ихъ жеребьи, по писцовымъ книгамъ, съ женами и дѣтьми (XI. 1). Крестьяне помѣ-

щиковъ и вотчинниковъ точно также «въ записяхъ написаны на помѣстныхъ и на вотчинныхъ земляхъ» (XI, 30).

«Быть во крестьянствѣ» и въ XVII вѣкѣ значитъ сидѣть на землѣ своимъ хозяйствомъ.

«Се язъ, читаемъ въ одной поручной, Яковъ Никитинъ сынъ, крестьянинъ Прилуцкаго Богороцкаго ключа, изъ деревни Стонѣгова, поручился есми Спасскаго Прилуцкаго монастыря игумену Тихону да келарю, старцу Исаіѣ, и казначею, старцу Трифону, и всей братьи по Богданѣ, Ивановѣ сынѣ, въ томъ, что онъ порядился Спаса Прилуцкаго монастыря въ вотчину во крестьяне въ Богородской ключъ, въ деревню Стонѣгово, на четверть плуга земли, въ Игнатьевской жеребей. . . . . и владѣти ему всѣми угодьи, куда ходилъ плугъ, и соха, и коса, и топоръ»..... А. Ю. № 290. II. 1608.

Уложеніе заботится, чтобы господа не переводили крестьянъ въ свои городовые дворы въ дворники. Оно дозволяетъ это только тѣмъ, у кого нѣтъ своихъ людей, и то съ ограниченіемъ: можно взять только по одному крестьянину во дворъ (XIX, 14).

Это значеніе слова «крестьянинъ» живетъ въ XVIII и XIX вѣкѣ, въ періодъ самаго строгаго развитія крѣпостнаго права, живетъ и послѣ освобожденія крѣпостныхъ.

Въ терминѣ крестьянинъ ясно отпечаталась безсословность населенія въ нашей начальной исторіи. Работъ, какъ мы видѣли, было не такъ много, чтобы всѣ сельскія работы могли быть исправляемы ими; понадобилось содѣйствіе свободныхъ силъ. И вотъ для обозначенія ихъ не нашлось въ русскомъ языкѣ другого слова, какъ самое общее — христіанинъ. Крестьяне называются въ древнихъ памятникахъ и просто «люди». Таково словоупотребленіе жалованныхъ монастырямъ грамотъ XIV вѣка и позднѣйшихъ (А. Э. I. № 5, 17, 18, 20, 21 и др.). Духовенство называетъ ихъ и христіанами монастырскими, и людьми, и сиротами (А. Э. I. № 11). Князья также называютъ иногда крестьянъ сиротами (Рум. Собр.

I. № 34. 1389). Это наименованіе приличествуетъ имъ, какъ меньшимъ людямъ. Съ точки же зрѣнія повинностей, которыя они несутъ въ пользу землевладѣльцевъ, ихъ называютъ иногда половниками. Такое словоупотребленіе встрѣчаемъ въ новгородскихъ и московскихъ памятникахъ (А. Э. I. № 48. 1450; А. Ю. № 110. VI. 1452).

Нѣкоторыми особенностями отличается терминологія Псковской судной грамоты. Крестьянъ называетъ она изорниками (отъ орати); на ряду съ ними она говоритъ еще объ огородникахъ и кочетникахъ. Эти изорники, огородники и кочетники могутъ быть, какъ увидимъ ниже, совершенно приравнены къ крестьянамъ московскихъ памятниковъ.

Большинство крестьянъ сидитъ или на частно-владѣльческихъ земляхъ или на княжескихъ, которыя называются волостными и тяглыми землями. Встрѣчаются крестьяне и на собственныхъ земляхъ; въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ они называются своеземцами, наименованіе, которымъ обозначались въ Новгородѣ всѣ частные собственники земли.

Скажемъ прежде о положеніи крестьянъ, сидящихъ на частно владѣльческихъ земляхъ.

Крестьяне занимали владѣльческія земли на основаніи договора. Они суть наниматели земли. Дѣйствіе найма на древнемъ языкѣ обозначалось выраженіемъ «порядитися на деревню, на четверть плуга земли, на полъ выти» и т. д. Этотъ рядъ, который велъ за собой поселеніе крестьянина на снятой имъ землѣ, предполагаетъ право свободнаго перехода крестьянъ съ мѣста на мѣсто.

Дошедшіе до насъ памятники, въ которыхъ есть указаніе на свободный переходъ принадлежатъ ко времени сравнительно позднему. Они не старѣе XIV вѣка. Но нѣтъ никакого основанія думать, что это новый порядокъ вещей. Свободный переходъ крестьянъ есть исконное явленіе.

Всѣ дошедшія до насъ жалованныя грамоты на льготы, какъ духовнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ,

единогласно свидѣтельствуетъ о томъ, что крестьяне свободно переходятъ изъ княженія въ княженіе. Такой переходъ не только предполагается этими грамотами, но и поощряется ими. Крестьянъ, перезванныхъ изъ иныхъ княженій, предоставляется селить на владѣльческихъ земляхъ съ освобожденіемъ ихъ отъ повинностей и податей въ пользу князя, отъ всѣхъ или только отъ нѣкоторыхъ. Эта льгота дается на опредѣленный срокъ: 10, 15, 20 лѣтъ (А. Э. I. № 20, 23, 36, 1421—1438 и др.) или и совсѣмъ безсрочно (А. Э. I. № 4, 1338; № 53, 1453 и др.). Обѣщаніемъ такихъ льготъ князья привлекаютъ къ себѣ крестьянъ изъ чужихъ владѣній.

Не совсѣмъ понятнымъ представляется молчаніе большинства договорныхъ княжескихъ грамотъ о вольномъ переходѣ крестьянъ, составлявшемъ общее правило. Мы встрѣтили указаніе на него въ немногихъ грамотахъ. Въ договорѣ Василія Дмитріевича московскаго съ тверскимъ княземъ читаемъ:

«А межъ насъ людемъ и гостемъ путь чистъ, безъ рубежа». А. Э. I. № 14, 1398.

Такъ какъ въ этомъ договорѣ есть особая статья о свободномъ переходѣ бояръ и слугъ, то приведенное мѣсто мы и полагаемъ возможнымъ отнести къ людямъ вообще, а слѣдовательно и къ крестьянамъ.

Гораздо яснѣе начало свободы крестьянъ выражено въ договорѣ великаго князя рязанскаго съ его роднымъ братомъ:

«А... хрестіаномъ межъ насъ вольнымъ воля». Р. С. I. № 127. 1496.

Умалчивая о вольномъ переходѣ крестьянъ, нѣкоторые княжескіе договоры содержатъ статьи, которыя дали поводъ думать, что «во время удѣловъ» существовало запрещеніе перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Это статьи, запрещающія выводъ:

«А вывода не замышлять» или: «а кто учинитъ выводъ, по исправѣ выдать». Рум. Собр. I. № 28, 32, 48, 65.

Статьи договоровъ излагаются то кратко, то подробно. Для правильнаго толкованія краткихъ редакцій необходимо сличеніе ихъ съ болѣе подробными, а въ этихъ послѣднихъ читаемъ:

«А кто имѣтъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости и передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина». Рум. Собр. I. № 76, 88.

Приведенная статья запрещаетъ не переходъ крестьянъ, а самовольный выводъ должника или бѣжавшаго холопа съ нарушеніемъ права мѣстнаго суда. Въ договорахъ, слѣдовательно, запрещается самоуправство.

Древнѣйшую попытку ограниченія свободнаго перехода изъ княженія въ княженіе встрѣчаемъ въ Великомъ Новгородѣ. Въ договорахъ его съ князьями, кромѣ статьи, запрещающей выводъ-самоуправство, находимъ еще и такую:

«А изъ Бѣжицъ вамъ, князи (Василію Васильевичу, московскому и сыну его, Ивану), не выводити людей въ свою волость, ни изъ иныхъ волостей Новогородскихъ..., ни вашимъ княгинямъ, ни вашимъ боярамъ, ни купчины» (А. Э. I. № 57, 1456, и гораздо ранѣе, въ договорахъ XIII в. Р. С. I, № 3).

Это не есть запрещеніе крестьянамъ переходить изъ Новгорода въ Москву, а только обязательство, возложенное на московскихъ князей и ихъ служилыхъ людей, самимъ не перезывать новогородскихъ крестьянъ. Но можно думать, что новогородцы шли далѣе и были не прочь и вообще запретить переходъ своихъ крестьянъ въ чужія княженія. На эту мысль наводитъ условіе новогородскаго договора съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, о выдачѣ половниковъ:

«А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тверскую волость, и тѣхъ, княже, выдавати». Р. С. I. № 10, 1307.

Новогородская республика оказывается, такимъ образомъ, смѣлѣе и рѣшительнѣе княжескаго правительства. Еще въ XIII вѣкѣ накладываетъ она руку на свободу крестьянскаго перехода. Московскіе князья достигаютъ этой же цѣли гораздо позднѣе. Можно, однако, сомнѣваться, что, при существованіи свободы перехода во всѣхъ другихъ княженіяхъ, новгородцамъ дѣйствительно удавалось осуществлять на дѣлѣ свои запрещенія. На малое практическое значеніе этихъ запрещеній указываетъ и то обстоятельство, что статья о выдачѣ половниковъ встрѣчается въ одномъ только выше приведенномъ договорѣ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ.

Свобода перехода изъ княженія въ княженіе предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, свободу перехода въ предѣлахъ отдѣльныхъ княженій. Отъ этой свободы отправляются всѣ жалованныя грамоты на льготы.

Исторія государственныхъ повинностей служилаго и тяглаго населенія очень мало у насъ разработана. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что повинности эти распредѣлялись среди населенія чрезвычайно неравномѣрно. Благодаря льготнымъ княжескимъ грамотамъ, во всѣхъ княженіяхъ было множество привилегированныхъ владѣній, населеніе которыхъ освобождалось отъ разныхъ даней и повинностей въ пользу князя и нерѣдко безсрочно. Эти привилегированныя владѣнія, натурально, должны были притягивать къ себѣ сельское населеніе. Но переходъ крестьянъ съ тяглыхъ участковъ на льготные могъ наносить ущербъ интересамъ княжеской казны. Тѣмъ не менѣе и такой переходъ, по общему правилу, не былъ запрещенъ.

Князья только обязывали льготныхъ владѣльцевъ не принимать къ себѣ ихъ тяглыхъ людей, или тяглыхъ, даньскихъ, писменныхъ, или просто тутошныхъ волостныхъ и становыхъ людей (А. Э. I. № 17, 20, 60, 102, 1410—1476). Такого рода обязательства, возлагаемыя на льготныхъ владѣльцевъ, не заключаютъ въ себѣ,

однако, запрещенія перехода тяглымъ людямъ. Они только ограничиваютъ для нихъ область переходовъ. Крестьяне могли переходить, но не на льготныя земли.

Но и такія ограниченія встрѣчаются весьма рѣдко и очень понятно почему. Они могли ставить льготныхъ владѣльцевъ въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находились нельготные. При удаленности льготныхъ земель отъ границы княженія, крестьяне «иныхъ княженій» могли къ нимъ совсѣмъ не попадать; а ближайшихъ сосѣдей, которые могли быть всѣ тяглые, они не имѣли права принимать и вслѣдствіе этого лишены были возможности развивать свое хозяйство.

Вотъ почему до насъ дошло не мало жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ нѣтъ воспрещенія принимать тяглыхъ людей; но льготы даются только для тѣхъ крестьянъ, которые будутъ призваны изъ иныхъ княженій.

Въ грамотѣ московскаго великаго князя Василія Дмитріевича Спасскому монастырю читаемъ:

«И кого архимандритъ въ той деревнѣ посадитъ своихъ людей, купленыхъ, или кого перезовутъ людей въ ту деревню изъ иныхъ княженій, а не изъ моей вотчины, изъ великого княженія, и тѣмъ людямъ, купленнымъ и перезваннымъ, не надобѣ имъ на 10 лѣтъ ни которая моя дань»... А. И. I. № 28, 88; А. Э. I. № 31, 36, 41, 95; 1425—1479.

Но князья въ своей заботливости о привилегированныхъ лицахъ и учрежденіяхъ шли и далѣе. Они предоставляли имъ право перезывать на льготѣ даже тутошныхъ людей, но на меньшей чѣмъ та, на которой перезывались люди изъ иныхъ княженій. «Тутошнимъ старожиламъ» давалась, напримѣръ, льгота на 3 года, а пришельцамъ изъ иныхъ княженій на 10, или своимъ на 9 лѣтъ, а чужимъ на 15 и т. д. А. И. I. № 25, 36; А. Э. I. № 21, 23, 39, 44, 51; 1418—1453.

Наконецъ есть грамоты, въ которыхъ право призывать предоставляется безъ всякаго различія между своими и

чужими. Въ нихъ одинакія льготы даются всѣмъ «кто имѣтъ сѣдѣти», или «учнетъ жити», или «кого перезовутъ». Такихъ грамотъ дошло до насъ даже болѣе, чѣмъ грамотъ другихъ видовъ. А. Э. I. № 5, 15, 34, 46, 47, 75, 88, 111, 120, 122, 136, 149, 152, 154, 158, 164, 166, 171; А. И. I. № 13, 15, 83, 87, 108; 1361—1560.

Этотъ долгой практикой сложившійся порядокъ вещей нашелъ свое выраженіе и въ Судебникѣ 1497 года. Судебникъ предоставляетъ право выхода всякимъ крестьянамъ, безъ различія тяглыхъ и нетяглыхъ.

Такъ было и въ дѣйствительной жизни. До насъ дошла отъ 1556 года жалоба тяглыхъ государевыхъ крестьянъ Оптинскія волости на то, что ихъ волостные крестьяне уходятъ на помѣщичьи земли и отъ того волостныя деревни пустѣютъ (Доп. къ А. И. I. № 51, XV). Дѣйствительно, отъ такого перехода волостныя деревни пустѣли и государевой казнѣ причинялся убытокъ, но переходъ самъ по себѣ былъ совершенно законенъ. Это ясно изъ другой челобитной (1555 г.) тяглыхъ крестьянъ, которые жалуются на то, что дѣти боярскія

«Вывозятъ за собя во хрестьяне жити ихъ крестьянъ, изъ Ржевскихъ изъ черныхъ деревень, не по сроку, по вся дни, безпошлинно» (Доп. къ А. И. I. № 56).

Не вывозъ здѣсь не законенъ, а то, что онъ дѣлается не въ срокъ и безпошлинно.

Послѣднее по времени общее признаніе исконной свободы крестьянъ находимъ въ Судебникѣ 1550 года (ст. 88).

Но имѣла-ли эта исконная свобода крестьянъ мѣсто и въ Новогородскихъ владѣніяхъ? Выше мы видѣли, что новогородцы стремились къ запрещенію вывода новогородскихъ крестьянъ въ иныя княженія. Еслибы крестьяне въ Новгородѣ были уже несвободны, тогда запрещать выводъ ихъ также не было бы надобности, какъ и запрещать выводъ рабовъ. Достаточно было бы упомянуть о выдачѣ незаконно ушедшихъ, какъ упоминается о выдачѣ ра-

бовъ. Итакъ, условіе о невыводѣ предполагаетъ уже свободу перехода и въ предѣлахъ Новогородской территоріи. Это заключеніе подтверждается и текстомъ дарственной грамоты посадника Великаго Новгорода, Василія Степановича, монастырю святаго Іоанна Богослова. Одаряя монастырь своими страдными землями и пожнями, посадникъ въ концѣ грамоты говоритъ:

«А игумену половниковъ посадницихъ, Васильевыхъ, ни отхожихъ людей не принимати». А. Ю. № 110. IV, 1452.

Въ чемъ разница между половниками и отхожими людьми, этого мы не знаемъ. Но посадникъ одинаково обязываетъ игумена не принимать ни тѣхъ, ни другихъ. И тѣ и другіе, слѣдовательно, могутъ уйдти.

Переходимъ къ разсмотрѣнію условій, на какихъ крестьяне занимали владѣльческія земли.

Княжескіе уставы и указы не опредѣляли этихъ условій. Здѣсь все предоставлялось обычаямъ и обоюдному соглашенію сторонъ. Если каждый былъ свободенъ продать себя въ холопство, то тѣмъ болѣе каждый могъ самъ опредѣлить условія найма или сдачи земли въ аренду. Это дѣлалось въ порядныхъ. Порядная есть договоръ, въ которомъ владѣлецъ земли сдавалъ въ пользованіе крестьянина опредѣленный участокъ, а крестьянинъ обязывался къ извѣстнымъ повинностямъ въ его пользу.

Памятники, на основаніи которыхъ представляется возможность выяснить эти условія, всѣ принадлежатъ ко времени сравнительно позднему. Главнѣйшіе изъ нихъ, крестьянскія порядныя, не старѣе XVI вѣка. Но порядокъ, въ нихъ обозначенный, конечно, сложился гораздо ранѣе. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ сдѣлать такое предположеніе, что эти сравнительно новыя порядныя сами ссылаются на существующіе уже обычаи и на старину.

Самый простой видъ порядныхъ представляютъ тѣ случаи, когда крестьянинъ садился на разработанный уже участокъ съ готовыми постройками. Содержаніе такихъ

порядныхъ исчерпывается опредѣленіемъ размѣра снимаемаго участка и принимаемыхъ на себя крестьяниномъ обязанностей за пользованіе имъ.

Такова древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ:

«По милости Божіи, Святого Николы Чудотворца Вежитцкого монастыря, а се порядись у игумена Ѳеодосія, яже о Христѣ, и съ братьею крестьянинъ Ѳедоръ, Копановъ сынъ, съ братьею на старую свою деревню, на обжу земли съ четвертью. А давати ему съ той деревни оброку въ домъ Святого Николы Чюдотворца: хлѣба, ржи, и овса 5 коробей, въ новую мѣру, изъ года въ годъ, и изъ лѣса пятой снопъ, а изъ Заозерья шестой снопъ; а денежная дань по книгамъ давати; а тіунъски и ключничи поплины и посельничи давати по старинѣ, какъ иные крестьяне даютъ; а иные всякіе розрубы давати по грамотѣ по волостной; а на дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіи крестьяне ходятъ. Дана порядная лѣта 7064 году». А. Ю. № 177, 1556.

Здѣсь землю нанимаетъ старый крестьянинъ, который жилъ на томъ же мѣстѣ и прежде. Надо предполагать, что дворъ и постройки были въ исправности, а потому объ нихъ ничего и не говорится. Нанимая землю, крестьянинъ принимаетъ на себя обязанность нести государственныя повинности и платить монастырю за землю. О государственныхъ повинностяхъ рѣчь идетъ въ словахъ: «и иные розрубы всякіе давати по грамотѣ по волостной». Волостная грамота это и есть грамота, опредѣляющая повинности волостныхъ или тяглыхъ людей. Владѣльческіе же люди тянутъ въ этихъ случаяхъ съ волостными. Въ другихъ порядныхъ вмѣсто этого выраженія читаемъ:

«А государскіе подати давати въ волость и посошныя службы, по волостной ровности». А. Ю. № 184, 1586.

Остальныя повинности идутъ въ пользу монастыря. Они состоятъ изъ разныхъ взносовъ, натурою и деньгами, и изъ барщинныхъ работъ. Только взносы натурой опредѣлены: всѣ остальныя повинности крестьянинъ прини-

мается на себя въ томъ видѣ, какъ онѣ установились уже деревняхъ Вяжицкаго монастыря.

Принятыя постройки должны быть содержимы въ исправности и возстановляемы по мѣрѣ надобности. Въ въ грамотѣ отъ 1585 года читаемъ:

«А во дворѣ хоромъ: изба нова, да два сѣнника, да полбани, да полъовина; а живучи мнѣ, Иванку, тѣ хоромы не огноити и вновь ставити». А. Ю. 290. I.

Гораздо сложнѣе содержаніе порядныхъ тѣхъ крестьянъ, которые снимали новыя земли или давно запущенныя старыя, постройки которыхъ развалились и нуждались въ ремонтѣ. Въ этихъ случаяхъ надо было расчистить пахатную землю отъ лѣсныхъ зарослей, огородить ее, поправить постройки, а иногда и сдѣлать ихъ вновь. Это все дѣло съемщика; землевладѣльцы ничего не строили на крестьянскихъ участкахъ и не приводили ихъ въ порядокъ. Въ этихъ случаяхъ наниматель принималъ на себя обязательство поля огородить, землю вновь очистить, на дворѣ поставить избу новую, старую починить и пр. За эти особыя работы ему предоставлялась или полная льгота отъ повинностей въ пользу землевладѣльца на извѣстное число лѣтъ или дѣлалось нѣкоторое уменьшеніе этихъ повинностей. Иногда крестьяне получали еще и подмогу деньгами, хлѣбомъ, скотомъ. Подмога деньгами давалась по полтинѣ, и въ 2 рубля, и больше; великій князь Иванъ Васильевичъ давалъ по 5 р. Съемщикъ земли принималъ на себя обязанность привести участокъ въ порядокъ въ теченіе льготнаго времени, которое опредѣлялось тоже различно: и въ 2, и въ 3, и въ 4 года; князья въ своихъ земляхъ давали льготы крестьянамъ и до 5 лѣтъ. А. Ю. № 178, 180, 182, 183, 187, 1556—1590.

Такъ какъ подмога давалась на условіи привести участокъ въ порядокъ, то исполненіемъ этого условія она и погашалась. Если же крестьянинъ уходилъ съ участка, не исполнивъ принятыхъ на себя обязанностей, въ та-

комъ случаѣ онъ долженъ былъ возвратить подмогу. А. Ю. № 178, 1556.

Крестьяне, снимающіе новые участки или давно заброшенные, являются распространителями сельскохозяйственной культуры. Для землевладѣльцевъ—интересъ первой важности найти такихъ нанимателей. За подмогу въ нѣсколько рублей и за льготу, которая ничего владѣльцу не стоитъ, онъ получаетъ устроенный крестьянскій участокъ, который, по истеченіи льготы, будетъ приносить ему постоянный доходъ.

Надо думать, что найдти нанимателя новыхъ или заброшенныхъ земель на этихъ выгодныхъ для землевладѣльца условіяхъ было не всегда легко. Случалось, что крестьяне, соглашавшіеся взяться за обработку новаго участка или за приведеніе въ порядокъ стараго, потомъ отказывались и въ назначенный срокъ не пріѣзжали.

Для предупрежденія такихъ отказовъ, въ порядныя вносилось условіе неустойки.

«А не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ, и не поставимъ хоромъ въ девятдесятъ третьемъ году, и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти игумену, Іоны, и съ братіею за убытки и за волокиту десять рублевъ московскую и подможныя деньги». А. Ю. 183. 1585.

Цифра неустойки опредѣлялась иногда вдвое противъ цифры подмоги, а иногда и больше.

Подмога выдается впередъ. Это есть способъ привлеченія крестьянъ.

Но были случаи, когда крестьяне домогались сѣсть на извѣстный участокъ. Заключаемъ это изъ тѣхъ порядковъ, которыми не выговаривается въ пользу крестьянина ни льготы, ни подмоги, а крестьянинъ, тѣмъ не менѣе, скрѣпляетъ ее неустойкой и даже поручительствомъ третьихъ лицъ. А. Ю. 290. I. 1585.

Такимъ образомъ, спросъ и предложеніе или то отъ землевладѣльцевъ, то отъ крестьянъ.

Отъ подмоги надо отличать крестьянскіе займы. Заемъ (по другимъ памятникамъ ссуда) есть процентный долгъ, который погашается уплатой полученнаго въ займы капитала. Договоры о займѣ не входятъ въ составъ порядныхъ. Для этой цѣли пишется особый актъ, заемная кабала. Вотъ образецъ такой кабалы.

«Се язъ Ѳедоръ, да язъ Олешко, да язъ Ивашко, Омельяновы дѣти, Мироѣдова, заняли семя у Елацкаго казначея, у старца у Корнилья, полтину денегъ монастырскаго серебра казеннаго, великого князя, описного, отъ Юрьева дни осеннего до Юрьева дни на годъ. А на то намъ серебро давати ростъ, на пять шестой, а по срокѣ потому же на пять шестой. А въ серебрѣ семя и въ росту всѣ насъ одинъ человѣкъ: который насъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и ростъ на любомъ. А на то послуси: Колышка, Дементіевъ сынъ, да Ѳедоръ Рѣпа, Семеновъ сынъ. А кабалу писалъ Лучка, Ѳедоровъ сынъ. Лѣта 7032». А. Ю. № 235. 1524.

Крестьяне занимали по такимъ кабаламъ не только деньги, но и хлѣбъ. Проценты выговаривались иногда только съ просрочки [1]).

Тѣ, которые занимали деньги (серебро), носили наименованіе серебряниковъ. Въ древнихъ памятникахъ не мало сохранилось указаній на то, что землевладѣльцы раздаютъ своимъ крестьянамъ деньги въ ростъ. Въ духовной верейскаго князя, Михаила Андреевича, читаемъ: «что мои деньги въ моихъ селѣхъ въ ростѣхъ». Въ духовной кн. Андрея Васильевича такія деньги названы «ростовымъ серебромъ».

Кромѣ серебра ростового, памятники упоминаютъ еще о серебрѣ издѣльномъ. Издѣльное серебро есть тоже долгъ изъ займа [2]), а потому крестьяне, обязанные издѣльнымъ серебромъ, тоже называются серебренниками (Р. С. I № 83).

[1]) А. Ю. № 239. 246, 250, 253, 255; 1549 — 1643. Въ порядной 1582 года ссудой названа подмога. А. Ю. № 182.

[2]) Это совершенно правильное объясненіе предложилъ еще Б. Н. Чичеринъ въ своихъ опытахъ.

Отличіе ихъ отъ тѣхъ, которые платятъ ростъ, состоитъ въ томъ, что вмѣсто роста они работаютъ на кредитора. Отъсюда и названіе издѣльное серебро. Это серебро называется еще серебромъ въ пашнѣ (Р. С. I № 122). Но въ счетъ процентовъ шли не одни только пашенныя работы, а всякія сельскія. Въ договорахъ займа, обезпеченныхъ недвижимостями, встрѣчаемъ выраженіе: «за ростъ косить». Въ этихъ случаяхъ къ кредитору переходило право пользованія заложенной землей да еще обязанность должника косить луга въ этой землѣ вмѣсто роста. Такимъ образомъ, по различію процентнаго вознагражденія, у насъ были займы: служилые (служилая кабала), ростовые и издѣльные.

Въ связи съ издѣльнымъ серебромъ стоитъ «лѣтнее серебро». Изъ жалованной грамотѣ в. к. Василія Васильевича Троицы Сергіеву монастырю читаемъ:

«Я далъ тѣ села и деревни и съ хлѣбомъ и съ животиною да половину серебра лѣтняго на людехъ» А. И. I № 54.

Въ другихъ подобныхъ случаяхъ говорится о серебрѣ издѣльномъ. Лѣтнее серебро будетъ означать заемъ, проценты котораго покрываются лѣтними работами. Лѣтнимъ работамъ могли противополагаться зимнія, напримѣръ, по лову рыбы.

Псковская Судная грамота не употребляетъ ни слова «подмога», ни слова «заемъ» въ примѣненіи къ крестьянамъ. Она имѣетъ свое слово покрута. Слово это означаетъ всякое снаряженіе. Въ новогородскихъ лѣтописяхъ сборы на войну обозначаются выраженіемъ «крутится на войну», IV. 1137 годъ. Поэтому, покрута можетъ означать, какъ подмогу, такъ и заемъ, ибо крестьянскіе займы дѣлаются въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ и могутъ быть разсматриваемы, какъ средство снаряженія крестьянина. Покрута дѣлается и серебромъ, и зерномъ, и рыболовной снастью. Ст. 44.

Съ землями крестьяне снимаютъ и рыбныя ловли. Въ порядной опредѣляется въ такихъ случаяхъ поставка владѣльцу рыбы:

«Се язъ Иванъ да язъ Семенъ, Петровы дѣти, изъ Каргопольскаго уѣзда, съ Водлозера, порядилися есмя у старца Меркурья, у келаря Кирилова монастыря, половничати, Курголовы деревни на треть обжи да на Согиловы горы на шестой жеребей обжи, и всего на полобжи. И жити намъ за Кириловымъ монастыремъ. А государевъ царьской оброкъ денежной давати постарому, по книгамъ; а въ Кириловъ монастырь давати намъ съ году на годъ и ставити въ Кириловѣ монастырѣ на срокъ, на Рождество Христово, съ обжи по три бочки рыбы живопросольныя, бочка щучины живопросольныя, большія звенья осеніія ловли, а пласти не воблые, да бочка лещевины, да бочка судочины. А не захотимъ мы тое рыбы на тотъ срокъ везти въ Кириловъ монастырь, коя въ сеи порядной писана, и намъ дати за бочку щучины по 20 алтынъ, да за бочку лещевины по 20 жъ алтынъ денегъ, а за бочку судочины 20 алтынъ денегъ; а буде Богъ пошлетъ сиговины, ино намъ привезти за бочку судочины съ обжи полбочки сиговины, а не захотимъ мы тое рыбы свезти въ Кириловъ монастырь, коя въ сеи порядной писана, и намъ дати за полбочки сиговины двадцать же алтынъ денегъ». А. Ю. № 176, 1547.

Крестьяне, снимающіе рыбныя ловли, по псковской Судной грамотѣ носятъ наименованіе кочетниковъ. Кочетникъ и теперь означаетъ рыбака. Даль.

Въ порядныхъ опредѣляется иногда срокъ, когда крестьянинъ долженъ занять нанятой имъ участокъ; время же продолжительности найма ни въ одной порядной не опредѣлено. Надо, однако, думать, что и по свойству крестьянскаго дѣла и по существовавшимъ въ старину воззрѣніямъ—это были наймы долгосрочные, но безъ точнаго опредѣленія срока.

Крестьянину не такъ легко было подняться съ своего участка, какъ уйдти съ чужого двора наймиту. И къ чужому двору люди привыкаютъ, тѣмъ легче было привыкнуть крестьянину къ своему двору, который онъ нерѣдко самъ огородилъ и обстроилъ, а землю къ нему расчистилъ и распахалъ.

Но формально крестьянинъ не былъ связанъ никакимъ

срокомъ. Изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ видно, что онъ могъ уйдти, даже не отсидѣвши льготныхъ лѣтъ и не исполнивъ принятыхъ на себя изъ-за подмоги обязательствъ. Онъ долженъ былъ въ этихъ случаяхъ уплатить подмогу и неустойку, и только.

Есть даже указанія, что первоначально не было никакого общаго срока для отказа крестьянъ отъ найма. Они отказывались и переходили на новыя земли, когда хотѣли. И такой порядокъ вещей формально утверждался княжескими указами. Въ грамотѣ бѣлозерскаго князя, Михаила Андреевича, путному его человѣку, Ѳедору Константиновичу, читаемъ:

«Присылалъ ко мнѣ игуменъ, Екимъ, и старецъ, Мартемьянъ, Ѳерапонтовы пустыни, и вся братья старца Евстратья, а билъ ми челомъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста волоцкой мою грамоту такову, что имъ пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ, изъ Мартемьяновскихъ деревень монастырскіе половники въ серебрѣ межень (среди) лѣта и всегды». А. Э. I. № 48. 1450.

Изъ другихъ грамотъ узнаемъ, что крестьяне отходятъ въ Рождество Христово, въ Сборное воскресенье, въ Петровъ день, въ Оспожинъ день (Рождество Богородицы) и др. сроки. А. Э. I. № 48, 1450, № 83, 1466; А. Ю. № 10, 1503; Доп. къ А. И. I. № 198, 1462.

Переходу крестьянина на другой участокъ предшествовалъ отказъ его прежнему хозяину. Въ какой формѣ дѣлался этотъ отказъ и за сколько времени до перехода, этого мы не знаемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что ни полученная подмога, ни заемъ не составляли препятствія для отказа. Крестьянинъ могъ отказаться, несмотря на то, что былъ долженъ господину. Долгъ имѣлъ слѣдствіемъ искъ объ уплатѣ подмоги или ссуды, а не искъ о возвращеніи ушедшаго крестьянина. Такъ по псковской Судной грамотѣ, такъ и по московскимъ памятникамъ.

Въ первой читаемъ:

«А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и въ закличь своей покрутыи сочить (искать), серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой или озимой и по отроку государеву или самъ отречется». 44.

Государь можетъ искать долговъ своихъ на ушедшемъ крестьянинѣ и только.

Послѣдствія неисполненія обязательствъ, связанныхъ съ полученіемъ подмоги, опредѣляются въ порядныхъ и нами уже указаны. Послѣдствія неуплаты кабальныхъ долговъ опредѣляются въ самыхъ кабалахъ и, кромѣ того, порядками взысканія кабальныхъ долговъ.

Въ кабалахъ, на случай неуплаты въ срокъ, писалось:

«Который насъ (должниковъ, а ихъ было нѣсколько) въ лицахъ, на томъ деньги и ростъ на любомъ». А. Ю. № 235. 1524.

Или, подробнѣе, крестьяне прилуцкаго монастыря, занявъ у казначея того же монастыря монастырскихъ денегъ, пишутъ:

«А гдѣ насъ заимщиковъ по сей кабалѣ застанетъ, на коимъ городѣ или въ косей волости, подъ коимъ судомъ ни буди, тутъ по сей кабалѣ судъ и правежъ; а кой насъ, заимщиковъ, въ лицѣхъ, на томъ деньги съ росты и съ убытки всѣ сполна» А. Ю. № 253. 1608.

Итакъ, какъ изъ условія о подмогѣ, такъ и изъ ростовой кабалы возникаетъ только искъ о возвращеніи денегъ и уплатѣ роста и убытковъ.

Московскіе князья смягчали иногда даже и эти совершенно натуральныя послѣдствія неплатежа по обязательству. Въ вышеприведенной (стр. 246) грамотѣ бѣлозерскаго князя, Михаила Андреевича, читаемъ:

«Являлъ имъ (игумену съ братіею) староста волоцкой мою грамоту такову, что имъ (старостѣ и волостнымъ крестьянамъ) пріимати къ себѣ въ волость... монастырскіе половники въ серебрѣ, межень лѣта и всегды; да кто ден выйдетъ половникъ серебряникъ, ино ден ему

платится въ истое на два года безъ росту». А. Э. № 48, I. 1450.

Князь не только дозволяетъ уходить серебряникамъ въ серебрѣ, т.-е. не заплативши долга; но даетъ имъ еще разсрочку на два года и дозволяетъ платить одинъ капиталъ (истое) безъ процентовъ.

Крайнія послѣдствія иска изъ кабалы заключались въ томъ, что должникъ, если съ правежа не платилъ по обязательству, отдавался кредитору заживать свой долгъ.

Уложеніе опредѣляетъ, во сколько времени заживается извѣстное количество долга и какъ кредиторъ долженъ обращаться съ должникомъ.

«А работати имъ (которымъ съ правежу окупится будетъ нечѣмъ) мужескому полу за пять рублевъ годъ, а женскому полу за полтретья рубли по году. А кому они выданы будутъ, и по тѣхъ взяти порука съ записью, что ихъ не убити, не изувѣчити». X. 266.

Такова участь несостоятельныхъ должниковъ: они должны принудительно работать и могутъ быть, вслѣдствіе этого, биты кредиторомъ. Уложеніе запрещаетъ только убивать ихъ и увѣчить.

Но таковы послѣдствія несостоятельности въ сравнительно позднѣйшее время. Въ болѣе глубокой древности несостоятельнаго должника постигала худшая участь. Его продавали въ рабство. Относящіяся къ этому вопросу статьи Русской Правды и Судебниковъ приведены выше (стр. 153 и сл.).

Указанныя послѣдствія иска по кабалѣ даютъ право заключить, что крестьянинъ должникъ, хотя и имѣлъ право уйдти съ занятой имъ земли, но въ дѣйствительности уходилъ въ томъ только случаѣ, если могъ уплатить долгъ. Въ противномъ случаѣ ему угрожалъ искъ съ его весьма тяжелыми результатами: въ древнѣйшее время рабствомъ, а позднѣе—правежомъ и принудительной работой.

Это сравнительно стѣсненное положеніе крестьянъ долж-

никовъ объясняетъ ту весьма, конечно, старинную практику помѣщиковъ, дожившую, однако, и до эпохи Уложенія, въ которомъ читаемъ:

«А которые всякихъ чиновъ люди, хотя бѣглыхъ чюжихъ крестьянъ и бобылей за собою укрѣпить, возмутъ на нихъ кабалы или записи во многой судѣ...» XI, 23.

Изъ этой статьи видно, что въ половинѣ XVII вѣка господа, по соглашенію съ бѣглыми крестьянами, брали съ нихъ дутыя кабалы для закрѣпленія ихъ за собой; до указовъ же о прикрѣпленіи господамъ дѣйствительно приходилось давать крестьянамъ деньги по кабаламъ, чтобы затруднить свободный отказъ. Это было очень выгодное помѣщеніе капиталовъ. Крестьянинъ платилъ 20% (нормальный размѣръ %, существовавшій уже въ XIII вѣкѣ) да сверхъ того былъ затрудненъ въ уходѣ.

Къ отказу прибѣгали какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы, недовольные крестьянами. Это было обоюдное право. Если крестьянинъ по отказу землевладѣльца не уходилъ, послѣдній обращался въ судъ и просилъ о выселеніи. До насъ дошелъ одинъ такой приговоръ суда о выселеніи:

«Отъ великаго князя Василія Ивановича всея Русіи, на Рязань, Ѳедору Иванову, сыну Ромоданова. Здѣсе передъ нашимъ дворетцкимъ, передъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Кубенскимъ, искалъ Богословской игуменъ, Аѳонасей, съ братіею на Ивашкѣ на Гридинѣ, сынѣ Ботуринѣ, а сказываетъ, что денъ тотъ Ивашко жилъ за Богословскимъ игуменомъ на Богословскомъ селищѣ, на Ивачинѣ, на лготѣ, да лготу отсидѣлъ, а пошлинъ Богословскому игумену съ того селища ни которыхъ не платилъ, ни подъ судъ ся имъ не дастъ, а живетъ въ томъ селищѣ силно. И дворетцкой нашъ, князь Иванъ Ивановичъ, въ томъ Богословскаго игумена съ Ивашкомъ съ Ботуринымъ судилъ, да Богословскаго игумена оправилъ, а Ивашко Ботурина обвинилъ. И ты бъ къ тому Ивашку къ Ботурину ѣхалъ, да того бъ еси Ивашка Ботурина изъ того селища выслалъ вонъ; а срокъ бы еси тому Ивашку далъ возитись вонъ на мѣсяцъ. А не вы-

возится тотъ Иванко на тотъ срокъ, и ты бъ его одполично выметалъ вонъ часа того. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7041 февраля въ 5 день». А. И. I. 134. 1533.

Судъ назначилъ для вывоза мѣсячный срокъ. Надо думать, что и господа при отказѣ тоже давали срокъ.

«Отказы» весьма нерѣдко подавали поводъ къ судебному разбирательству. Составители псковской Судной грамоты нашли даже нужнымъ включить въ грамоту особую статью, опредѣляющую порядокъ рѣшенія такихъ споровъ:

«А запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока (отказа) государева, ино ему (изорнику и пр.) правда дать (крестное цѣлованіе); а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ ысады рыбной части» (42).

Приведенная статья предусматриваетъ споръ по поводу отказа. Изорникъ, получившій, по утвержденію господина, отказъ, не съѣхалъ въ свое время. Изъ этого возникъ искъ господина къ изорнику о выѣздѣ и, вѣроятно, уплатѣ убытковъ. На судѣ изорникъ сказалъ, что господинъ ему отказа не заявлялъ. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ статья, предоставляется изорнику право подтвердить свое отрицаніе присягой. Надо думать, согласуясь съ общей системой судебныхъ доказательствъ по Псковской грамотѣ, что статья имѣетъ въ виду случаи, когда господинъ не привелъ въ свою пользу свидѣтелей. Если изорникъ присягнетъ, государь не доискался и т. д.

Чего не доискался, это не совсѣмъ ясно. Господинъ искалъ выѣзда и, надо думать, убытковъ. Онъ «не доискался», слѣдовательно, крестьянинъ до новаго отказа остается на землѣ и не платитъ убытковъ. Выраженіе: «не доискался огородной или рыбной части» легко можетъ быть понято въ смыслѣ предлагаемаго толкованія, если допустить, что рыбникъ и огородникъ платили убытки продуктами своего труда. А что значитъ «четверть»? Она можетъ означать мѣру сыпучихъ тѣлъ,

т.-е. тоже часть продуктовъ изорника, которую господинъ получилъ бы, въ случаѣ обвиненія изорника (см. иное объясненіе статьи у Энгельмана, Гражд. законы Псковск. суди. грам., 55, и у Буданова, Христоматія, прим. къ 42 ст.).

Выше мы указали, что не отъ крестьянъ только шолъ спросъ на землю: отъ землевладѣльцевъ бывалъ спросъ на пашиматолей земли. Въ источникахъ находимъ указанія на то, что землевладѣльцы посылали своихъ людей (отказчиковъ) въ чужія деревни съ тѣмъ, чтобы **отказывать** живущихъ тамъ крестьянъ и **вывозить** ихъ на свои земли (Доп. къ А. И. I. № 51 и 56, 1555). Такой «отказъ» и «вывозъ» дѣлался, конечно, по предварительному соглашенію съ крестьяниномъ. Если къ вывозу прибѣгалъ богатый землевладѣлецъ, онъ не затруднялся перевозить къ себѣ и крестьянъ должниковъ, погашая ихъ кабалы и замѣняя новыми на свое имя.

Переходимъ къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на черныхъ, тяглыхъ волостныхъ земляхъ.

Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о томъ, чью собственность составляютъ земли, на которыхъ сидятъ черные, тяглые волостные люди? Эти земли составляютъ собственность великихъ князей московскихъ. Онѣ были пріобрѣтены ими самыми разными способами, начиная куплей и кончая конфискаціей. Эти свои земли московскіе государи оставляли во владѣніи и пользованіи тѣхъ крестьянъ, которыхъ нашли на мѣстѣ и которые сидѣли тамъ на основаніи порядныхъ съ прежними собственниками этихъ земель. Къ этимъ крестянамъ перешло владѣніе и пользованіе не только той землей, которую они пашимали по порядной, но и всѣми угодьями прежнихъ собственниковъ, ихъ лѣсами, лугами, озерами, рѣками. Крестьяне, съемщики земель, стали на мѣсто прежнихъ собственниковъ. Платежъ оброка за пользованіе этими землями былъ также опредѣленъ на новомъ основаніи. Прежде каждый крестьянинъ платилъ за себя по

порядной. Съ переходомъ земель къ государю, платежъ стали возлагать на цѣлое крестьянское общество, на всю волость. Послѣдствіемъ этого появилась отвѣтственность волости за исправное отбываніе повинностей, а вмѣстѣ и право ея призывать новыхъ крестьянъ на пустыя земли и оставленные крестьянами участки.—Такъ возникло владѣніе государевой землей крестьянами тяглыхъ волостей. Но земли оставались въ ихъ владѣніи до тѣхъ только поръ, пока это нравилось государю. Если онъ находилъ нужнымъ дать имъ другое назначеніе, раздать ихъ въ помѣстья или монастырямъ, онъ не стѣснялся крестьянскимъ владѣніемъ и передавалъ земли, кому хотѣлъ. Съ такой передачей отношенія волостныхъ крестьянъ къ государевой землѣ совершенно мѣнялись. Изъ владѣльцевъ на себя они обращались въ работниковъ новаго владѣльца. Пока существовало право перехода, они сохраняли личную свободу и могли или остаться на земляхъ новаго владѣльца или уйти съ нихъ; послѣ прикрѣпленія земли раздавались съ населявшими ихъ крестьянами [1]). Но права крестьянъ на государевы земли во все то время, въ теченіе котораго онѣ находились въ ихъ владѣніи, не были точно опредѣлены и нерѣдко выходили за предѣлы простого владѣнія и пользованія. Въ этомъ отношеніи древность наша представляетъ явленія, которыя никакъ нельзя подвести подъ извѣстныя намъ понятія собственности и владѣнія. Картина отношеній къ этимъ землямъ великаго князя, тяглой волости и отдѣльныхъ ея членовъ представляется весьма пестрой. Приведемъ относящіяся сюда свидѣтельства памятниковъ. Въ недостаточной ихъ опредѣленности и заключается причина, какъ тѣхъ разно-

[1]) Основанія изложеннаго здѣсь взгляда на принадлежность московскимъ государямъ права собственности на волостныя земли приведены въ моей статьѣ, напечатанной въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1900 г. въ № 9. Эта статья и слѣдующія за ней, посвященныя вопросу о древностяхъ русскаго землевладѣнія (въ № 10 и №№ 2, 3 и 4 за 1901 г.), вошли въ III т. Древностей.

образныхъ взглядовъ, которые высказываются въ нашей литературѣ по поводу правъ крестьянъ на волостныя земли, такъ и того мнѣнія, котораго я держался въ первомъ изданіи этого тома древностей. Только писцовыя новогородскія книги конца XV вѣка даютъ твердое основаніе для рѣшенія этого вопроса. Разработкѣ ихъ я и посвятилъ статьи о древностяхъ русскаго землевладѣнія, на которыя указалъ въ примѣчаніи.

Весьма нерѣдко крестьяне совершенно правильно называютъ волостныя земли «государевыми» и также правильно опредѣляютъ свое къ нимъ отношеніе, говоря, что земли эти находятся въ ихъ владѣніи. Крестьяне Антонъ, Нечай да Иванъ, Степановы дѣти, въ отступной грамотѣ пишутъ:

Ступилися есмя земли великаго князя, а своего владѣнія». А. Ю. № 23. 1571.

Но также часто, если еще не чаще, крестьяне называютъ такія земли просто «своими» или «нашими волостными» такой-то волости.

Староста залѣской, Андрейко, въ спорѣ съ Троицкимъ монастыремъ говоритъ:

«А тѣ, господине, паволоки тянутъ къ нашей землѣ, къ Овсянниковской, къ тяглой, къ черной изъ старины. А какъ, господине, у насъ отняли тѣ паволоки старцы Троицкіе, тому есть лѣтъ съ двадцать». А. Ю. № 1. 1490.

Или:

«А бывалъ тотъ день лѣсъ пекони вѣкъ Кускіе волости». А. Ю. № 172. 1587.

Но не только крестьяне называютъ государевы земли своими, онѣ называются такъ и въ государевыхъ грамотахъ. Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича къ Третьякову Гнѣвашу написано:

Билъ намъ челомъ Ферапонтова монастыря игуменъ Гурей съ братіею на Словенского Волочка крестьянъ..., да на Цинпнскія волости крестіанъ..., да на Иткольскыя

волости крестіанъ, что деи тѣ крестіане Словенского Волочка вступаются у нихъ въ ихъ монастырскіе починки, въ починокъ Даниловъ и т. д. Цинпнскія волости крестіане вступаются у нихъ въ монастырскіе деревни, въ деревню Борбошино и т. д., а Пткольскые волости крестіане вступаются у нихъ въ монастырскіе починки, въ починокъ Якушево и т. д., перелѣзши деи за межу, землю пашутъ, и лѣсъ сѣкутъ, и пожни косятъ; а называютъ деи они тѣ земли, и лѣсъ, и пожни, и починки, и деревни своею землею къ своимъ волостнымъ деревнямъ. Мы, въ тѣхъ земляхъ и починкѣхъ и въ деревняхъ,... дали судью тебя, Третьяка Гнѣватова, а Словенскаго волочка крестьяне и Цинпнскіе волости крестьяне и Пткольскіе волости крестьяне взяли судью Михаила Лукина, сына Волошенинова,—и ты бы съ тѣмъ судьей свѣстися .., тѣхъ бы земель досмотрѣли и обыскомъ обыскали, чья то земля, и лѣсъ, и пожни, и починки, и деревни—пзстари?» А. Э. I. № 209. 1546.

Дѣло идетъ о волостной, т.-е. государевой землѣ, но оно такъ ведется, что и подумать нельзя, что въ немъ затронуты интересы государя. Истцомъ является монастырь, отвѣтчикомъ — волостные крестьяне. Дѣло подлежитъ разсмотрѣнію третейскаго суда. Судьи должны рѣшить, чья земля, монастырская или волостная. Интересы государя, какъ землевладѣльца, совершенно не представлены. Что земля государева, объ этомъ и рѣчи нѣтъ. А самъ государь стоитъ ближе къ интересамъ монастыря, чѣмъ къ своимъ собственнымъ. По просьбѣ монастыря, онъ назначаетъ отъ своего имени третейскаго судью, долженствующаго защищать претензію монастыря.

И такова обыкновенная практика того времени. Въ искахъ о волостной землѣ истцами и отвѣтчиками постоянно являются волостные крестьяне, а не казна. Ея представителя на судѣ не бываетъ, интересы ея никто не защищаетъ. Судьба волостной земля обсуждается на судѣ такъ, какъ бы государю до этой земли не было ни малѣйшаго дѣла.

Истцами по поводу захвата волостной земли въ 1490 г.

выступаетъ староста залѣскій и всѣ крестьяне залѣскіе, въ 1498 Ликуржской волости крестьяне, Мартынко Ларіоновъ, да Ермолка Ѳедоровъ, да Анцифарикъ Антоновъ, какъ представители всѣхъ крестіанъ Ликуржской волости, въ 1503—Локомскій староста, Оброско Кузминъ сынъ, то же во всѣхъ крестьянъ мѣсто Локомской волости и т. д. А. Ю. № 4, 8 и 9. Приговоръ суда составляется въ пользу или противъ именно этого истца, волости, въ лицѣ ея представителей, а не государя-собственника. А между тѣмъ въ силу такого приговора земля нерѣдко перестаетъ быть волостной, дѣлается монастырской вотчиной или переходитъ въ собственность иного частнаго владѣльца. При такомъ порядкѣ судебной защиты легко было принять волость за собственника, тогда какъ она только владѣлецъ.

Но что же такое сама волость? Мы уже знаемъ, что слово это употреблялось въ очень разныхъ смыслахъ. Цѣлое княженіе и его административныя дѣленія называются волостью, называется такъ и частная поземельсобственность. Въ новогородскихъ писцовыхъ книгахъ крупныя поземельныя владѣнія большихъ сведеныхъ бояръ называются ихъ волостями, а мелкія волостками. Съ этими названіями переходятъ они и къ великому князю Ивану Васильевичу, который, иногда, соединяетъ въ одну нѣсколько небольшихъ волостей. Волость, слѣдовательно, есть нѣкоторая территорія, составлявшая прежде чью-либо частную собственность; она населена крестьянами, которые прежде нанимали подъ пашню отдѣльныя ея участки. Съ точки зрѣнія населенія волости, она представляетъ въ періодъ свободы крестьянскаго перехода нѣчто довольно неопредѣленное. Волость, какъ населеніе, составляется изъ наличнаго числа крестьянъ. Но число это отъ времени до времени мѣняется, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Увеличивается оно путемъ обыкновеннаго прироста и приселенія новыхъ членовъ, а уменьшается свободнымъ выходомъ и смертью. Въ одномъ судномъ дѣлѣ крестьяне-истцы говорятъ:

«Волость, господине, Ликуржская запустѣла отъ великаго повѣтрія. А тѣ, господине, деревни и пустоши волостные розоймали бояре и митрополиты, не вѣдаемъ которые, за себя тому лѣтъ сорокъ. А волостныхъ, господине, деревень Ликуржскихъ тогды осталась одна шесть деревень съ людми; и намъ, господине, тогда было не до земель; людей было мало, искати не кому». А. Ю. № 8. 1498.

Такимъ образомъ, съ уменьшеніемъ населенія волости можетъ уменьшаться и размѣръ ея поземельнаго владѣнія. Пустующія земли легко разбирались сосѣдями.

Это-то наличное количество крестьянъ и владѣетъ волостными землями. Если земель болѣе, чѣмъ сколько имъ нужно, они сдаютъ ихъ въ наемъ (Доп. къ А. И. I. № 84. 1555) или принимаютъ въ свой составъ новыхъ крестьянъ.

Поселеніе новыхъ крестьянъ на волостныхъ земляхъ совершалось, какъ и на владѣльческихъ, посредствомъ договоровъ. Но эти договоры нѣсколько отличаются отъ выше разсмотрѣнныхъ. Въ нихъ также обозначается размѣръ снимаемаго участка, и если онъ заброшенный или совсѣмъ новый, то дается льгота. Но платежей въ пользу волости-собственника не выговаривается. Крестьянинъ, слѣдовательно, садится на волостную землю не какъ наниматель, а какъ членъ волости. Онъ обязывается только къ платежу государевыхъ даней «со крестьяны вмѣстѣ». Выгода волости при такой сдѣлкѣ заключалась единственно въ облегченіи ея податной тягости. Возложенныя на нее дани, натуральныя повинности и разныя службы распредѣлялись въ такомъ случаѣ на большее число тяглецовъ.

Въ единственной дошедшей до насъ порядной этого рода встрѣчаемъ обязательство крестьянина, уходя съ волостной земли, посадить на свой участокъ «иного жильца». Но неисполненіе этого условія не лишаетъ крестьянина права перехода, онъ обязывается только уплатить неустойку «старостѣ въ миръ рубль денегъ». А. Ю. № 187. 1596.

Трудно допустить, что волость давала подмогу или ссуду новымъ крестьянамъ. Нѣтъ указаній на то, чтобы въ волостяхъ существовали какіе-либо волостные капиталы для такихъ цѣлей.

Теперь возникаетъ вопросъ объ отношеніяхъ къ волостной землѣ отдѣльныхъ членовъ волости. Какія ихъ права на волостныя земли?

Древность даетъ удивительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отдѣльные члены волости владѣютъ своими участками потомственно, распоряжаются ими на случай смерти, продаютъ ихъ и закладываютъ, дарятъ въ монастыри, въ случаѣ спора, являются истцами и отвѣтчиками, а суды либо признаютъ эти участки за ними, либо отсуждаютъ ихъ въ пользу третьихъ лицъ, членами волости не состоящихъ, и безъ малѣйшаго вниманія къ правамъ цѣлой волости. Свои участки волостной земли они называютъ «землями великаго князя, а своего владѣнія».

Вотъ актъ продажи отдѣльнаго крестьянина на волостную пожню:

«Се азъ, Тимоѳей Ивановъ, Сынъ Дороѳеева, отступился есмы царевы великого князя земли, а своего владѣнія, пожень своихъ, Мартемьяну, Еремѣеву сыну, Вешнякову; а тѣ мои пожни съ Кіромъ, съ братомъ, по половинамъ. А тѣ мои пожни на Верьхней рѣки... (указаны границы) А взялъ есми на тихъ на своихъ пожняхъ четыре рубля денегъ московскимъ числомъ. А отступился есми ему тихъ своихъ пожень въ деръ, безъ выкупа. А въ очищеніи тѣмъ своимъ пожнямъ язъ, Тимоѳей, Мартемьяну отъ купчихъ и закладныхъ, и во всемъ въ спимки въ тихъ своихъ пожняхъ. А не изможъ есми съ тихъ своихъ пожень потуговъ платити, ни дани. А на то послуси: Кирило Орелъ, Ивановъ сынъ, Дороѳеева да Иванъ, Дмитріевъ сынъ, Корюка. А отступную писалъ дьякъ Климской Будаецъ, Михайловъ сынъ, Поповъ. Лѣта 7065. Ноябрѣ 25 день» А. Ю. № 136, 1556.

Волостныя земли дѣлятся между сонаслѣдниками. Въ судномъ спискѣ 1571 года напечатанъ раздѣльный актъ 1532 года:

«Се язъ, Назарья, Ѳѳонасьевъ сынъ, да язъ, Есипъ, да язъ, Григорей, да язъ, Валфромей, Филиповы дѣти, да язъ, Елизаръ, Ѳедоровъ сынъ, да язъ, Василей, да язъ, Павелъ, да язъ, Иванъ, Опкудиновы дѣти, да язъ, Омосъ, да язъ, Онтопъ, да язъ, Иванъ, Стефановы дѣти, да язъ, Ларіонъ, Стефановъ сынъ, роздѣлили есмя животы отцовъ своихъ: кони, и коровы, и овцы, хлѣбъ и деньги, котлы и сковороды, и суды и сѣдла, и весь животъ безъ вывѣта, и земля въ Карзинѣ курьи, свое владѣніе, и серебряное. Вси земли есмя раздѣлили въ Карзинѣ курьи по третямъ, дворы и дворища. Дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго конца и т. д. Не въ дѣлу у насъ вобчего живота осталось: на Луды дворъ да лодья съ якоремъ, да въ Нелохомъ концѣ деревня, Омосова куплл, и т. д. Да кабалы вобчіа не дѣлены. На то послуси..... А писалъ сію дѣлную Харлампейко, Семеновъ сынъ. Лѣта 7039». А. Ю. № 23.

Въ 1537—8 году эти наслѣдники, не въ силахъ будучи «съ тое земли дани давати великаго князя, ни службы служити, ни волостныхъ розрубувъ тянуть, продали свои участки двумъ братьямъ, Тимоѳею да Гаврилѣ Барсану Селяверстовымъ. Въ двухъ актахъ отчужденія сказано, что продавцы будутъ всякіе дани давать и службы тянуть до слѣдующаго года. По истеченіи же года уплата тягла, слѣдовательно переходитъ на покупателей. Въ 1558 г. Селиверстовы подарили свои участки, три купленныя ими доли, въ домъ Пречистой Матери Божьи и Николы Чудотворца въ Корельской монастырь. Въ дарственной ничего уже не говорится о государевомъ тяглѣ.

Тяглая земля перешла, такимъ образомъ, въ руки привилегированнаго собственника. Государева казна и волость могли понести убытокъ, но никто не протестовалъ.

Черезъ 10 лѣтъ, въ 1568 г., Корельскій монастырь предъявилъ искъ Перинѣ Трубину, доказывая, что онъ сидитъ на подаренной монастырю Селиверстовыми землѣ и пашетъ эту землю два лѣта сильно.

Въ качествѣ отвѣтчика судъ вызываетъ Перину Трубина, а не представителей волости. Перина говоритъ, что

онъ отвѣчаетъ за собь въ своей доли, что онъ живетъ въ своемъ дворѣ и на своей землѣ, а не на монастырской. Но Перша не доказалъ своего права и судъ присудилъ спорную землю монастырю. Потерялъ отъ этого не одинъ Перша, но и вся волость, но объ ея интересахъ на судѣ и рѣчи не было. Судьи и не задумались надъ правомъ Селиверстовыхъ подарить монастырю тяглую землю.

А судьи были не приказные люди, мѣстныхъ порядковъ не знающіе, а двинскіе выборные.

Но совершенно также поступаютъ и приказные судьи. Въ 1534 году Ферапонтовъ монастырь предъявилъ искъ къ нѣсколькимъ крестьянамъ Есюнинской волости. Онъ доказывалъ, что Гридя Черепъ съ товарищами (всего въ дѣлѣ перечислено 12 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и сыновей при отцахъ, 5 человѣкъ) перелѣзли за волостную межу, сѣкутъ монастырскій лѣсъ и пашни папутъ и сѣна косятъ сильно уже третій годъ. Хотя искъ былъ предъявленъ не къ волости, а къ товариществу, но дѣло шло о волостной землѣ. Отвѣтчики говорили: «то, господине, земля, на которой стоишь, Божія да государя, великаго князя, Есюнинскія волости; а роспаши и ржи наши, а нашемъ, господине, тѣ лѣса мы», и ссылались на сторожильцевъ, которые знаютъ межи Есюнинской земли съ монастырскими, Несмотря на то, что дѣло касалось интересовъ волости, государевы судьи не вызвали представителей волости, а ограничились вызовомъ къ отвѣту членовъ частнаго товарищества, указанныхъ истцами.

Въ рѣшеніи же читаемъ:

«И по великаго князя слову, Ивана Васильевича всея Руси, и по великаго князя дворетцкого докладу, князя Ивана Ивановича Кубенского, и по судному списку, судія, Ѳедоръ Гнѣвашовъ, присудилъ: нщейнымъ старожильцомъ Ферапонтова монастыря, Ефиму Окулову и пр...., итти съ иконою по межамъ и спорную землю отвести отъ Есюнинскые волости къ Ѳерапонтову монастырю».

Границы волости при этомъ отводѣ, конечно, должны были пострадать, но до этого нѣтъ никому дѣла, а всего, кажется, менѣе самому великому князю и его дворецкому. Права отдѣльныхъ членовъ волости совершенно заслоняютъ права цѣлой волости. Въ спорномъ мѣстѣ волостной землей владѣетъ Гридя Черепъ съ товарищами, они одни и отвѣтчики, какъ въ предшествовавшемъ случаѣ отвѣчалъ одинъ Перша Трубинъ.

Древность вовсе не была занята логическимъ построеніемъ юридическихъ понятій, а потому тогда и было возможно невозможное и непонятное для насъ. Но логика не можетъ быть нарушаема безнаказанно. Крайнее развитіе правъ отдѣльныхъ членовъ волости на счетъ цѣлой волости должно было неминуемо вести къ ослабленію и разложенію волости. Отдѣльные члены разрывали ее на части.

Первые зачатки такого поразительнаго порядка вещей можно видѣть въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ. Возлагая платежъ оброка на цѣлую волость и предоставляя ей пользованіе угодьями, писцы впервые создаютъ права цѣлой волости на землю. Но отдѣльные участки волостныхъ земель описываются подворно за отдѣльными крестьянами и поименно. Это ихъ участки, они за ними въ книгахъ записаны. Отсюда легко могла возникнуть та широкая практика по части распоряженія волостными участками отдѣльныхъ членовъ волости, на которую мы указали.

Но неужели правительство не находило такую практику несогласной съ существомъ дѣла и не принимало никакихъ мѣръ къ ограниченію распоряженій землями великаго князя безъ его согласія? Принципіальные вопросы не занимали нашихъ древнихъ юристовъ, но за вопросами пользы государевой казны они слѣдили зорко. А съ этой точки зрѣнія переходъ черныхъ земель къ людямъ не волостнымъ представлялся невыгоднымъ и вызывалъ нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія. Пріобрѣтате-

лямъ тяглыхъ земель ставилась такая альтернатива: они должны или тянуть вмѣстѣ съ черными людьми или взять свои деньги назадъ и возвратить земли. Если выкупъ невозможенъ, земли, при нежеланіи покупщика тянуть тягло, возвращаются даромъ.

«А кто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни, или черныхъ людей, по отца моего животѣ, по князя великого по Ивановѣ, а тѣ, хто взможетъ выкупити, иніѣ выкупятъ, а не взмогутъ выкупити, иніѣ потянутъ къ черным людемъ. А кто не въсхочетъ тянути, иніѣ ся земель съступятъ, а земли черным людемъ даромъ» (Р. С. I, № 33. 1388).

Если продавецъ выкупить не можетъ, покупщикъ обязанъ тянуть черное тягло. Итакъ, правительство само допускаетъ продажу, но съ условіемъ, чтобы тягло не терялось. — Въ этомъ смыслѣ, конечно, надо понимать и статью договоровъ московскихъ князей, которая еще со временъ Рейца приводится въ доказательство правъ собственности черныхъ людей на черныя земли. По этой статьѣ князья обязываются:

«Черныхъ земель не купить . Рум. Собр. I № 33. 1388.

Эту статью надо такъ объяснять. Продажа черныхъ земель допускается съ переносомъ тягла на покупщика. Но переносить тягло на владѣтельнаго князя-покупателя неудобно, а потому князья и договариваются черныхъ земель вовсе не покупать. Это спеціальное воспрещеніе покупки, вообще дозволенной.

Распоряженія въ духѣ приведеннаго повторяются изъ вѣка въ вѣкъ и доживаютъ до XVII столѣтія. Грамота Михаила Ѳедоровича въ Устюжну Желѣзопольскую отъ 1614 года содержитъ постановленіе очень близкое къ только выписанному:

«А кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской или приказной человѣкъ, или митрополичь, или владычнь, или монастырьской, или чей кто ни буди: и тѣ люди волостелю устюженскому и его тіуну судимы и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы

тянути по вытно, что на нихъ цѣловалники положатъ». А. Э. III. № 37. 1614.

По дѣти боярскія и дворяне неохотно подчиняются этому распоряженію и не тянутъ тягла съ черными людьми. Посадскіе Устюжны Желѣзопольской въ 1623 году доносятъ Михаилу Ѳедоровичу:

«Въ прошлыхъ де годѣхъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе съѣзжіе уѣздные люди покупали на Устюжнѣ въ острогѣ, для осаднаго времени, у посадскихъ людей дворы и посадскую землю, пашни и пожни, и въ рядахъ лавки тяглыя,.. а нашихъ де податей съ нами, съ посадскими людми, съ тѣхъ своихъ дворовъ и съ лавокъ и съ земли не тянутъ». А. Э. III. № 138.

Этимъ нежеланіемъ служилыхъ людей тянуть черное тягло надо объяснять то, что московское правительство съ начала XVII вѣка начинаетъ принимать болѣе рѣшительныя мѣры къ огражденію своихъ фискальныхъ интересовъ. Оно начинаетъ запрещать чернымъ людямъ продавать свои недвижимости бѣлымъ людямъ безъ именного государева указа (II. С. З. № 1157, гдѣ приведенъ такой запретительный указъ отъ 1626 года). Практическія соображенія привели, наконецъ, къ правильной постановкѣ дѣла, хотя и въ ограниченномъ смыслѣ: государевы земли нельзя продавать бѣлымъ людямъ безъ государева разрѣшенія, тяглымъ же людямъ — можно попрежнему. Но, въ силу укоренившейся привычки, продажа тяглыхъ земель безъ разрѣшительнаго указа продолжается и послѣ запрещеній. Это вынудило правительство назначить ослушникамъ новыхъ указовъ тяжелыя наказанія; въ Уложеніи читаемъ:

«А кто продастъ или заложитъ бѣлымъ людемъ тяглый дворъ, и тѣ дворы имати и отдавати безденежно въ сотни, а по закладнымъ, у кого тѣ дворы были заложены въ деньгахъ, отказывати. А кто черные люди тѣ свои дворы продадутъ или заложатъ, и тѣхъ черныхъ людей за воровство бити кнутомъ». XIX, 39.

Но и наказанія не достигали цѣли. Даже правительственныя учрежденія считали акты отчужденія черными людьми своихъ недвижимостей бѣломѣстцамъ дѣйствительными и принимали ихъ къ запискѣ въ книги. Такъ поступалъ, напримѣръ, Земскій приказъ еще въ 1672 и 1680 годахъ. А въ 1681 государь, царь и великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, дозволилъ бѣломѣстцамъ, въ противность прежнимъ указамъ, владѣть черными землями, до 1681 года пріобрѣтенными и въ Земскомъ приказѣ за пріобрѣтателями записанными, на условіи платежа однихъ мостовыхъ денегъ. П. С. З. 887. Это, впрочемъ, спеціальный указъ; онъ имѣетъ въ виду только городовыхъ тяглыхъ людей.

Возвращаемся на прежнее.

Участки или доли земли отдѣльныхъ членовъ волости были далеко не одинаковы. Если крестьяне вновь садились на волостную землю, то, какъ и при наймѣ владѣльческой земли, каждый бралъ себѣ столько, сколько находилъ нужнымъ. Впослѣдствіи этотъ участокъ могъ увеличиться путемъ распашки нови и разработки лѣсныхъ зарослей или путемъ покупки культивированныхъ уже участковъ и, наоборотъ, могъ уменьшиться дѣлежомъ между сонаслѣдниками, продажей, дареніемъ и пр. Такимъ образомъ, въ волости могли быть крестьяне, которые владѣли участками разной мѣры, а нѣкоторые и столь значительными, что должны были обработывать ихъ наймомъ. До насъ дошла одна такая порядная. Мы указали выше крестьянъ Тимоѳея и Гаврилу Барсапа Селиверстовыхъ, скупившихъ въ 1537—8 годахъ три доли земли въ Карзинѣ Курьи. Одинъ изъ продавцовъ въ 1544 г. нанялся у покупателей пахать на нихъ часть купленной ими у него же и его родственниковъ земли и засѣвать ее.

Вотъ эта порядная:

«Се азъ, Елизарей, Ѳедоровъ сынъ, Трубинъ, Лисестровецъ, порядился есми Тимофею и Барсапу, Селиверсто-

вымъ дѣтямъ, въ Карзину Курью великого князя, а своего же владѣнія (бывшаго), отъ Елизара (отъ него же, продавца) шло пять веревокъ, а другая пять вервей шла отъ Онтона и отъ Ивана, отъ ихъ же сродичевъ («ихъ» не описка, а поставлено потому, что Елизарій продалъ свою долю, пять веревокъ, не одинъ а вмѣстѣ съ совладѣльцемъ и родственникомъ своимъ, Павломъ Онкиндиновымъ; Антонъ и Иванъ сродичи Елизара и Павла), и язъ Елизаръ порядился на всю десять вервей, а сѣяти мнѣ на нихъ шесть пудовъ жита уркомъ. А пріѣдутъ писцы великого князя и мнѣ, Елизару, и моимъ дѣтемъ на той земли не описыватися. А на то послуси . . . А порядную писалъ . . . Лѣта 7052 генваря въ 28 день». А. Ю. № 23. 1544.

Въ 1571 году сынъ этого Елизара, Перша, показывалъ на судѣ, что у отца его была еще и своя земля.

Приведенная порядная, по всей вѣроятности, была написана, главнымъ образомъ, съ цѣлью оградить право Селиверстовыхъ. Поручая обработку купленной ими земли одному изъ бывшихъ владѣльцевъ, они опасались, какъ бы онъ, при описи, не показалъ ее своей. Этой исключительной цѣлью и можетъ объясняться неполнота порядной, въ которой ничего не говорится о платѣ за трудъ.

Въ одной грамотѣ половины XV вѣка находимъ даже указаніе на то, что отдѣльные волостные крестьяне сажали на своихъ земляхъ другихъ крестьянъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлали монастыри и иные частные владѣльцы. Въ грамотѣ на Бѣлоозеро сотнику городскому и всѣмъ христіанамъ и старостамъ, великій князь, Иванъ Васильевичъ, предоставляетъ возить за себя монастырскихъ серебренниковъ, заплативъ за ихъ серебро (А. Э. I. № 73). Кто же будетъ платить долги серебренниковъ? Мы не видимъ возможности допустить, что на условіи платежа долговъ будетъ возить волость въ цѣломъ. Наши волости не выработали необходимой для такихъ общихъ дѣлъ организаціи. Здѣсь, конечно, разумѣются отдѣльные крестьяне, которые на свои участки вывозятъ монастырскихъ крестьянъ.

Наша древность не знала рѣзкаго обособленія города отъ деревни. Крестьяне жили не въ деревняхъ только, они жили и въ городскихъ посадахъ и имѣли тамъ дворы, лавки и занимались торговлей и хлѣбопашествомъ, а съ другой стороны, посадскіе люди имѣли пашни и занимались крестьянскимъ дѣломъ и торговлей.

Въ описи города Каширы читаемъ:

«Да на Каширѣ же по загородью и на посадѣ мѣста дворовые, что были черные тяглые . . . . а крестьяне померли въ лихое повѣтріе, а иныхъ поимали татарове, а достальные люди разошлися по селамъ и по деревнямъ . .; пашни посадскіе перелогу къ черпымъ дворамъ и кустаремъ поросло 785 четьи въ полѣ» . . . Калачовъ, Писц. кн. XVI, в. II. 1304.

Въ платежной книгѣ города Переяславля Рязанскаго написано:

«Въ городѣхъ Переяславлѣ у Рязанскихъ воротъ лавки и прилавки и анбары съ разными товары, а въ нихъ торгуютъ: пушкари, и затинщики, и стрѣльцы, и воротники, и казенные сторожи, и ямщики, и дворники, и изъ селъ крестьяне, и казаки, и бѣлодворцы».

«Отъ Рязанскихъ воротъ, въ городъ ѣдучи, на правѣ: лавка вдовы Марьи Пушкаревой, Иванової жены. . . лавка Андрѣева крестьянина Петровича Клешнина Максимка, оброку 4 алтына 5 денегъ». А. до Юр. Б. № 141. 1596.

Въ дозорной книгѣ Чаронской округи читаемъ:

«Да на Чарондѣ же гостинъ дворъ... А ставилъ тотъ гостинъ дворъ Дмитреевъ человѣкъ, Годунова, Второй Хомутовъ, и лавки велѣлъ ставити посадцкимъ и волостнымъ крестьяномъ. А нынѣ стоятъ въ пустѣ, что торгу нѣтъ, не торгуютъ ни чѣмъ, что на посадѣ и въ волостяхъ многіе люди, кои лавки ставили, выпчены и животы пограблены».

«Да на Чарондѣ же дворы возлѣ озеро были ставлены а ставили волостные крестьяне для торгу»... А. до Юр. Б. № 128. II. 1615.

Городскими мѣстами, дворами и угодьями, которые тоже были тяглые, черные, крестьяне и посадскіе люди

также распоряжаются по своему усмотрѣнію, какъ и волостными землями. У Соли на посадѣ одни посадскіе дарятъ въ Троицы Сергіевъ монастырь свои посадскіе дворы, другіе мѣста дворовыя, на которыхъ монастырь устраиваетъ свои варницы, у третьихъ монастырь покупаетъ и дворовыя мѣста и варницы. Вновь пріобрѣтенные дворы монастырь сдаетъ бобылямъ, которые платятъ ему оброкъ, а прежніе владѣльцы, посадскіе люди, платили съ нихъ оброкъ въ государеву казну. Писц. кн. XVI в. I. 923.

Выяснивъ отношеніе крестьянъ къ волостнымъ землямъ, перехожу къ вопросу о крестьянскомъ выходѣ.

Право крестьянскаго перехода, при обиліи земель и сравнительномъ недостаткѣ рукъ, при возможности, для богатыхъ собственниковъ, предлагать крестьянамъ болѣе выгодныя условія, чѣмъ это могли сдѣлать небогатые, — не могло одинаково всѣмъ нравиться. Были недовольные. Князья получали жалобы на переходъ. Жалуются и привилегированные владѣльцы и волостные крестьяне.

Результатомъ такихъ жалобъ являются ограниченія крестьянскаго перехода, устанавливаемыя въ извѣстной мѣстности и только для крестьянъ извѣстнаго владѣльца.

Древнѣйшія, изъ дошедшихъ до насъ ограниченій этого рода относятся къ половинѣ XV вѣка.

Мы уже знаемъ, что бѣлозерскій князь, Михаилъ Андреевичъ, дозволилъ волоцкимъ тяглымъ крестьянамъ принимать къ себѣ монастырскихъ серебренниковъ Ферапонтова монастыря въ теченіе всего года и съ чрезвычайными льготами по уплатѣ долговъ (стр. 247). Это не нравилось монастырю. Онъ жаловался князю на неудобства такого порядка и просилъ объ отмѣнѣ. Князь согласился. Онъ подернилъ полѣтную грамоду и предписалъ монастырскихъ серебренниковъ принимать на одинъ срокъ въ году, о Юрьевѣ днѣ осеннемъ, и неначе, какъ по уплатѣ ими серебра.

«И азъ пожаловалъ игумена, Екима, и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы (путный боярин Ѳедоръ

Константиновъ) монастырскихъ людей, серебренниковъ, отъ Юрьева дни до Юрьева не принималъ, а принималъ бы еси серебренники о Юрьевѣ дни о осеннемъ, и который пойдетъ о Юрьевѣ дни монастырскихъ людей въ твои путь, и онъ тогды и деньги заплатитъ. А ту есми полѣтную подернилъ. А игумену есми и всей братьи отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебренниковъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ серебренниковъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни. А которые будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твои путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку (поручителей въ вѣрной уплатѣ), а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили. А прочетъ сію грамоту да отдай назадъ игумену Екиму, и старцу Мартемьяну и всей братьи». (А. Э. I. № 48, I).

Такимъ образомъ, для монастырскихъ серебренниковъ Ферапонтова монастыря уже въ концѣ XV в., за сто лѣтъ до перваго Судебника, установленъ одинъ срокъ перехода въ Юрьевъ день, да и этимъ срокомъ можно пользоваться, заплативъ долгъ, а задолженнымъ нельзя отходить.

Нуждается въ разъясненіи выраженіе: «додѣлывать дѣло на то серебро». Здѣсь, конечно, разумѣется серебро издѣльное. А потому, крестьяне, ушедшіе съ монастырскихъ земель безъ погашенія своего долга, должны продолжать свои работы (вмѣсто процентовъ) на монастырскихъ земляхъ до уплаты долга въ назначенный срокъ.

Тому же князю принадлежитъ и другая грамота, въ которой Юрьевъ день признанъ общимъ срокомъ для перехода не только серебренниковъ, но и такихъ крестьянъ, которые землевладѣльцу ничего не были должны. Серебренники же, какъ и въ первой грамотѣ, не уплативъ серебра, не отходятъ. Грамота дана по жалобѣ Кириллова монастыря и составляетъ его привилегію.

«Билъ ми челомъ отецъ мой, игуменъ Касьянъ, а сказываетъ, что у него отказываете людей мовастырьскихъ, серебренниковъ, и половниковъ, и рядовыхъ людей, и юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни, иныхъ о Рождествѣ Христовѣ, а иныхъ о Петровѣ дни. И вы бы

такъ серебренниковъ, и половниковъ, и слободныхъ людей (жителей льготныхъ поселковъ, слободъ) не отказывали, а отказывали серебренники и половники о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ: а послѣ Юрьева дни отказа отъ серебренника нѣтъ, а коли серебро заплатитъ (на Юрьевъ день), тогда ему и отказъ. А игумену есми серебренника послѣ Юрьева дни пускати не велѣлъ. А кто сей моей грамоты ослушаетъ, быти отъ меня въ казни». (А. Э. I. № 48, II, 1450).

Тому же Кириллову монастырю дана такая же привилегія великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, подтвержденная потомъ и его сыномъ (тамъ же, III).

Великій князь Василій Васильевичъ пошелъ и дальше. Отъ него сохранились двѣ грамоты, которыми онъ даетъ право Троице-Сергіеву монастырю вовсе не выпускать (старожильцевъ) крестьянъ изъ села Присѣкъ, Бѣлозерскаго уѣзда, и изъ всѣхъ монастырскихъ селъ въ Угличкомъ уѣздѣ (А. И. I. № 59, 1455; А. Э. I. № 64, 1460, перепечатана въ А. до Юр. Б. I. № 37). Такимъ образомъ, въ половинѣ XV вѣка уже сдѣланъ первый опытъ прикрѣпленія крестьянъ, по челобитью монастыря, конечно. Хотя это и исключительные случаи, но они обнаруживаютъ тенденцію землевладѣльцевъ и волю князей оказать ей поддержку.

Послѣдняя ограничительная грамота изъ древнѣйшихъ, до насъ дошедшихъ, принадлежитъ великому князю Ивану Васильевичу. Она дана Кириллову монастырю. Въ ней идетъ рѣчь только о серебренникахъ, она запрещаетъ вывозъ ихъ безъ уплаты долга (А. Э. I. № 73).

Такихъ ограничительныхъ грамотъ могло быть и много. Но сколько бы ихъ ни было, онѣ, установляя исключеніе изъ общаго порядка, только подтверждаютъ обычное право крестьянскаго перехода во всякіе сроки и безъ уплаты долговъ.

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ грамота великаго князя Ивана Васильевича, относимая издателями ко времени отъ 1466 по 1478 г. По жалобѣ Спиридонія, игу-

мена Троицы Сергіева монастыря, на то, что изъ монастырскихъ Шухобальскихъ селъ крестьяне вышли «сей зимы о Сборѣ, великій князь приказываетъ вывезти этихъ крестьянъ да посадить ихъ по старымъ мѣстамъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осенняго». А. Э. I. № 83. II въ предшествующихъ грамотахъ Юрьевъ день, задолго до перваго Судебника, является срокомъ, которымъ князья въ отдѣльныхъ случаяхъ ограничиваютъ крестьянскій переходъ. Весьма вѣроятно, что такое ограниченіе послѣдовало и для крестьянъ Шихобальскихъ селъ Троицкаго монастыря. Но эта грамота имѣетъ важное значеніе совершенно въ другомъ отношеніи. Она содержитъ въ себѣ чрезвычайно любопытное указаніе на случай возвращенія на прежнія мѣста крестьянъ, ушедшихъ до срока.

Этотъ порядокъ вещей въ московской Руси продолжается до изданія Судебника 1497 г., въ которомъ находимъ первое извѣстное намъ общее для всѣхъ крестьянъ ограниченіе перехода.

«О христіанскомъ отказе. А христіаномъ отказыватися изъ волости (въ волость) и съ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дни осеннего (26 ноября) и недѣлю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лесѣхъ полтина. А которой христіанинъ поживетъ за кимъ годъ да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ да пойдетъ прочь, и онъ полъ двора платитъ; а три года поживетъ и пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ».

Таково первое общее опредѣленіе крестьянскаго перехода. Крестьянамъ для выхода данъ двухнедѣльный срокъ, но и на этотъ срокъ переходъ не былъ свободенъ. Крестьянинъ долженъ былъ уплатить «пожилое» за пользованіе дворомъ. Что это, новость или только оформленная старина? Прежде крестьянинъ обязывался сдать дворъ въ исправности, но не платилъ за пользованіе дворомъ. Возвращеніе двора въ исправности могло, конечно, подавать поводъ къ спорамъ и искамъ, справедливое рѣ-

шеніе которыхъ было крайне затруднительно по затруднительности точно выяснить первоначальное состояніе двора. Думаемъ, что для устраненія этихъ споровъ и установлено пожилое. Составители Судебника отправлялись отъ той мысли, что не твердый на своемъ участкѣ крестьянинъ постоянно разрушаетъ свой дворъ. Предполагается, что къ исходу четвертаго года такой крестьянинъ долженъ сдѣлать его негоднымъ къ употребленію, а потому за четыре года съ него и берутъ всю цѣну двора.

Случаи примѣненія закона, однако, не вполнѣ ясны. Какъ поступали съ тѣми крестьянами, которые не получали готоваго двора, а сами его вновь строили, а черезъ два-три года находили выгоднымъ уйти?

Второй Судебникъ увеличиваетъ размѣръ пожилаго:

«Въ полѣ за дворъ рубль да два алтына, а въ лѣсе, гдѣ десять верстъ до хоромного лѣсу, за дворъ полтина да два алтына». 88.

Въ добавокъ къ пожилому онъ установляетъ еще сборъ въ пользу землевладѣльца въ размѣрѣ двухъ алтынъ съ каждаго воза, на которомъ крестьянинъ увозилъ свою рухлядь. Это уже чистая новость: налогъ на крестьянскую зажиточность.

Кромѣ этого, въ царскомъ Судебникѣ, въ разрѣшеніе возникавшихъ, по всей вѣроятности, пререканій, сдѣланы еще слѣдующія добавленія:

«А пожилое імати съ воротъ (а не съ каждыхъ хоромъ, какъ нѣкоторые, вѣроятно, требовали). А за повозъ (возъ) імати з двора по два алтына, а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ. А останется у котораго крестьянина хлѣбъ в земли, і какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, і онъ с того хлѣба іли стоячего, дастъ боранъ два алтына (въ пользу землевладѣльца). А по кои мѣста была рожь въ земли, і онъ подать цареву і великого князя платитъ со ржи. А боярского дѣла ему, за кѣмъ жилъ, не дѣлати». 88.

Но ни первый, ни второй Судебникъ ничего не говорятъ о крестьянахъ-должникахъ и не повторяютъ прежде появлявшихся отъ времени до времени запрещеній ухода

должникамъ до уплаты долга. Надо полагать, что такія запрещенія такъ и остались частными мѣрами, не переведшими въ общій законъ. Серебренники могли уходить и послѣ Судебниковъ, не платя долга.

Отъ второй половины XVI вѣка до насъ дошли жалобы волостныхъ людей на то, что крестьянъ изъ ихъ «черныхъ деревень вывозятъ не по сроку, по вся дни, безпошлинно» (Доп. къ А. П. № 56). Любопытно здѣсь указаніе на то, что установленныя Судебниками пошлины брались и волостями. Но какія пошлины брали волостные крестьяне? Брали ли они пожилое и за повозъ? На это трудно отвѣчать съ полной рѣшительностью. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что подать царя и великаго князя со ржи бралась и волостными крестьянами. Писцовыя книги конца XVI вѣка (1580), говоря о выходѣ дворцовыхъ крестьянъ, упоминаютъ только уплату пошлины «у ржи». Это именно та подать царя и великаго князя, о которой говоритъ второй Судебникъ. О пожиломъ же и повозѣ писцовыя книги не говорятъ. Можно думать, что крестьяне, сидѣвшіе на государевыхъ земляхъ, ихъ и не платили.

Псковская Судная грамота, установляя общія правила для перехода крестьянъ, значительно опередила московское законодательство. Псковскія законодатели шли впереди московскихъ если не на цѣлое столѣтіе, то по крайней мѣрѣ на 30 лѣтъ (1397—1467).

Общій срокъ перехода въ Псковской грамотѣ опредѣленъ весьма близко къ сроку Судебниковъ:

«А которой государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику, ино отрокъ быти о Филипове заговѣйне (14 ноября). Такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднякъ, или четникъ, ино томужъ отроку быти, а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника».

Со стороны редакціи статья эта составлена гораздо

лучше соотвѣтствующей статьи Судебниковъ. Она прямо и даже съ особымъ удареніемъ говоритъ, какъ объ отказѣ крестьянъ, такъ и объ отказѣ господъ крестьянамъ, и устанавливаетъ для того и другого случая одинъ срокъ. Московскіе Судебники говорятъ только о срокѣ крестьянскаго отказа. Можно, поэтому, думать, что московскій землевладѣлецъ могъ отказать своему крестьянину, когда хотѣлъ. И формально это, дѣйствительно, такъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы московское правительство именно преслѣдовало такую цѣль. Оно принимало мѣры противъ вопіющихъ неудобствъ, а такимъ неудобствомъ, съ точки зрѣнія правящаго класса, былъ безсрочный выходъ крестьянъ. При рѣдкости населенія, при обиліи пустыхъ земель и неравномѣрномъ распредѣленіи повинностей, крестьяне имѣли гораздо менѣе побужденій дорожить землевладѣльцемъ, чѣмъ землевладѣльцы дорожить крестьянами. Въ памятникахъ есть не мало указаній на то, что крестьяне уходятъ безсрочно, что землевладѣльцы не выпускаютъ крестьянъ даже въ сроки; но чтобы они ихъ разгоняли въ сроки или безъ сроковъ, этого не видно. Если это иногда и случалось, это были случаи исключительные и едва ли частые.

Постановленій о «пожиломъ» и «повозѣ» въ Псковской грамотѣ нѣтъ. Но въ ней есть статья, регулирующая разсчеты землевладѣльца и крестьянина въ моментъ прекращенія послѣднимъ найма земли:

«А который изорникъ отречется у государя села или государь его отрьчетъ, и государю взять у него все половину своего изорника, а изорникъ половину».

По буквальному смыслу статьи все имущество изорника, при уходѣ его, дѣлится между нимъ и господиномъ по ровну. Дѣлежъ всего имущества пополамъ кажется нашимъ изслѣдователямъ совершенно невѣроятнымъ, и потому они принимаютъ здѣсь дѣлежъ по ровну только послѣдняго урожая. Въ доказательство правильности такого толкованія, одни (проф. Будановъ) ссылаются на разсмо-

трѣтью уже нами на стр. 250 статью 42-ю, другіе (проф. Энгельманъ) на статью 87-ю, предоставляющую изорнику право искать съ господина своихъ движимостей.

Дѣлежъ всего имущества пополамъ и намъ представляется мало вѣроятнымъ. Рѣчь, дѣйствительно, можетъ быть, идетъ о дѣлежѣ только послѣдняго урожая. Къ половникамъ такой способъ разсчета прекрасно примѣняется. Но развѣ въ Псковѣ все были половники?

То, что не договорено судебниками о крестьянахъ должникахъ, ясно высказано Псковской грамотой: долгъ крестьянина не мѣшаетъ его выходу; у землевладѣльца только искъ объ уплатѣ долга (см. стр. 246).

Итакъ, общіе законодательные памятники конца XV и середины XVI вѣка допускаютъ крестьянскій выходъ даже для крестьянъ должниковъ, но пріурочиваютъ его къ одному опредѣленному сроку.

Теперь возникаетъ вопросъ, каковы были послѣдствія установленія опредѣленнаго срока для перехода? имѣлъ господинъ искъ о возвращеніи ушедшаго не въ срокъ крестьянина или только искъ объ убыткахъ?

Съ нѣкоторой подробностью далеко, однако, неисчерпывающею дѣла на этотъ вопросъ отвѣчаетъ Псковская грамота. Она предоставляетъ хозяину земли право искать съ бѣжавшаго изорника покруты своей.

«А которой изорникъ съ села збежитъ за рубежъ или пидѣ гдѣ, а изорничь животъ на селѣ останется, государю покрута имать на изорники. Ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старость губьскихъ позвати и сторонніхъ людей, да тотъ животъ изорничь, предъ приставы и сторонними людми, государю попродати да поимати за свою покруту. А чего недостанетъ, а потомъ времени явится изорникъ, ино государю доброволно искать остатка своего покруты» (76).

Статья не говоритъ о возвращеніи бѣжавшаго. Даже въ томъ случаѣ, когда ушедшій изорникъ вновь появится въ мѣстѣ его прежняго жительства, статья не говоритъ

о водвореніи его на оставленномъ имъ участкѣ, а только о дальнѣйшемъ взысканіи покруты.

Судебники еще короче, они ничего не говорятъ о послѣдствіяхъ ухода крестьянъ до срока. Но, конечно, и они предполагаютъ право господина искать убытки. Изъ этого молчанія памятниковъ можно ли заключить, что у господина не было иска о возвратѣ не въ срокъ ушедшаго крестьянина?

Если крестьянинъ могъ уйдти только въ извѣстный срокъ, то, конечно, господинъ могъ искать возвращенія того, кто ушолъ до срока. Московскія писцовыя книги XVI вѣка называютъ бѣжавшими тѣхъ крестьянъ, которые ушли безъ отказа и не заплатя пошлинъ. Т. II, стр. 291 и слѣд. Въ этомъ смыслѣ, конечно, и Псковская грамота говоритъ въ 76-й статьѣ о взысканіи съ бѣжавшаго крестьянина покруты. Выше приведенная грамота Ивана Васильевича (стр. 267) даетъ и примѣръ правительственнаго распоряженія о возвращеніи на прежнія мѣста крестьянъ, ушедшихъ до Юрьева дня. Другое такое же указаніе на практику возвращенія на прежнія мѣста крестьянъ, ушедшихъ не въ срокъ, находимъ въ указѣ царя Ивана Васильевича новгородскимъ дьякамъ, Ѳ. Б. Еремееву да К. Дубровскому въ 1555 г. Помѣщики Вотской пятины жаловались царю, что сосѣди ихъ развезли ихъ крестьянъ «не по сроку, и безъ отказу, и безпошлинно». Царь велѣлъ дьякамъ обыскать и если дѣйствительно окажется, что крестьяне развезены безъ сроку и безъ отказу, то «велѣть имъ жить по нашему уложенью, по судебнику, до сроку и на помѣщика дѣла дѣлать и доходъ давать». Д. къ А. И. I № 51, XVIII.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что землевладѣльцы жаловались на досрочный уходъ крестьянъ и получали указы о возвращеніи вышедшихъ и вывезенныхъ на прежнія мѣста, гдѣ они и должны были оставаться до ближайшаго Юрьева дня по крайней мѣрѣ.

Таково положеніе вопроса съ точки зрѣнія права. Но

на практикѣ пользованіе этимъ правомъ представляло очень мало удобствъ и можно думать, что землевладѣльцы обращались къ нему весьма рѣдко.

Разсмотримъ дѣло на примѣрахъ. Крестьянинъ ушелъ въ самую нужную рабочую пору. Допустимъ, что хозяинъ знаетъ мѣсто его новаго водворенія и немедля предъявляетъ искъ о возвращеніи. Дѣло легко можетъ протянуться мѣсяцъ, два и даже три. Какую пользу можетъ имѣть для землевладѣльца рѣшеніе суда, хотя и благопріятное для него, но состоявшееся по прошествіи уже горячей рабочей поры? Очевидно, для него выгоднѣе было предъявить одинъ искъ объ убыткахъ.

Но господинъ могъ и не знать, куда съѣхалъ крестьянинъ. Если же онъ узналъ объ этомъ по прошествіи ближайшаго Юрьева дня, то предъявленіе иска о возвращеніи и принципіально не могло быть соглашено съ правомъ перехода въ Юрьевъ день. Въ этомъ случаѣ могъ быть предъявленъ только искъ объ убыткахъ.

Допустимъ, что крестьянинъ ушелъ въ декабрѣ, искъ о возвращеніи предъявленъ тогда же, судебное рѣшеніе состоялось въ февралѣ или мартѣ, еще до начала работъ. Но кто же мѣшаетъ крестьянину опять уйдти въ самую горячую рабочую пору? Вѣдь наказанія за такой уходъ не положено, и за уходъ въ декабрѣ онъ наказанъ не былъ.

При такихъ условіяхъ представляется весьма натуральнымъ, что иски о возвращеніи безъ срока ушедшихъ крестьянъ представляютъ исключеніе, а не правило. Вотъ одинъ случай изъ нашей старой практики. Въ 1502 году крестьянинъ суздальскаго Евфиміева монастыря, проживая два года на монастырской землѣ, ушелъ съ нея въ день Рождества Богородицы. Монастырскія власти удовольствовались полученіемъ съ него пожилаго за дворъ, полполтины, и засѣяли брошенную имъ паренину рожью на монастырь. Крестьянинъ озлобился за взысканіе съ него пожилаго и сжегъ деревню, въ которой жилъ. И послѣ

этого монастырь предъявилъ къ нему только искъ объ убыткахъ въ 9 рублей съ полтиной. А. Ю. № 10.

Такое положеніе дѣлъ даетъ возможность объяснить и особенности выше приведенной статьи (76) Псковской грамоты. Она предусматриваетъ случаи появленія бѣжавшаго крестьянина въ мѣстѣ его прежняго жительства, но говоритъ только о взысканіи убытковъ, а не о водвореніи его на прежнее мѣсто. Почему бы это? Водвореніе его на прежнее мѣсто представляется здѣсь очень легкимъ. Бѣжавшаго и разыскивать не нужно. Потому, думаемъ, что онъ могъ явиться уже послѣ того, какъ прошолъ Юрьевъ день. Этотъ случаи, по всей вѣроятности, грамота и предусматриваетъ. Предписывая же продажу всѣхъ движимостей бѣжавшаго изорника, т.-е. крестьянскаго инвентаря, статья и не предполагаетъ даже возвращенія его къ прежней дѣятельности, по крайней мѣрѣ, въ прежнихъ условіяхъ.

Эта не практичность исковъ о возвращеніи ушедшихъ до срока, можетъ быть, и есть причина, почему о такомъ возвращеніи не говорятъ ни Псковская судная грамота, ни московскіе Судебники. Такіе иски могутъ быть предъявлены, но законъ объ нихъ не говоритъ. Они подразумѣваются только.

Таково положеніе крестьянъ во второй половинѣ XVI вѣка.

Этотъ порядокъ продолжается до конца вѣка. Только памятники послѣдняго десятилѣтія начинаютъ говорить объ искахъ о возвращеніи бѣжавшихъ крестьянъ на прежнія мѣста.

Вотъ древнѣйшее объ этомъ распоряженіе:

«Лѣта 7106, ноября въ 24 день, царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ, и изъ за приказныхъ людей, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей, и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ, и изъ матрополичьихъ, и изъ вла-

дычныхъ, и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 году за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ, и митрополичьимъ, и владычнымъ дѣтемъ боярскимъ, и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкомъ давати судъ и сыскивати на крѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ». А. И. I. № 22, III, 1597.

При чтеніи указовъ о бѣглыхъ крестьянахъ конца XVI вѣка необходимо прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, кого они называютъ бѣглыми?

Въ половинѣ XVI в. бѣглыми называются крестьяне, которые ушли безъ отказа, не въ срокъ и не уплатя пошлинъ; такой уходъ называется еще «безвѣстнымъ», «сшолъ безвѣстно». Указы конца XVI вѣка, устанавливающіе право иска ушедшихъ, называютъ ихъ просто выбѣжавшими, безъ всякихъ опредѣленій. Въ памятникахъ XVII вѣка вмѣсто «выбѣжали» начинаютъ иногда говорить просто «вышли». Въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ били челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу о бѣглыхъ крестьянахъ; въ этомъ челобитьи читаемъ:

«Которые де люди ихъ и крестьяне выходятъ изъ за нихъ за сильныхъ людей: за бояръ, и за окольничихъ, и за ближнихъ; и государевъ де указъ къ отдачѣ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ—урочные годы десять лѣтъ; а они де по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ, и въ тѣ урочные годы про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ. Д. Э. IV. № 14.

Здѣсь всѣ вышедшіе названы бѣглыми, независимо отъ срока выхода и отказа. Такое понятіе бѣглаго крестьянина совершенно новое, оно имѣетъ свой источникъ не въ правилахъ Судебниковъ о Юрьевѣ днѣ, а въ отмѣнѣ Юрьева дня.

Что Юрьевъ день былъ отмѣненъ въ концѣ XVI вѣка,

это подтверждается и указами царя Бориса отъ 1601 и 1602 года, которыми онъ возстановляетъ временно старое право перехода, но въ извѣстныхъ только случаяхъ.

Въ указѣ 1601 г. читаемъ:

«Въ нынѣшнемъ во 110 году великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Русіи, и сынъ его, великій государь царевичъ, князь Ѳедоръ Борисовичъ, всея Русіи, пожаловали во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ. А отказывати и возити крестіянъ дворяномъ..., и жилцомъ..., и дѣтямъ боярскимъ.... (и т. д. идетъ перечисленіе лицъ, которымъ дозволено возить за себя крестьянъ). А срокъ крестьянамъ отказывати и возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли»... А. Э. II, № 20.

Ясно, Юрьева дня уже нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ выхода крестьянъ. Вотъ почему всѣ вышедшіе съ конца XVI в. и называются бѣглыми. Въ 1601 году царь Борисъ возстановилъ на одинъ годъ выходъ. Но не для всѣхъ, а только для крестьянъ мелкихъ чиновъ, не выше дворянъ. Для крестьянъ высшихъ чиновъ, для духовенства, для дворцовыхъ и черныхъ волостей и въ 1601 году выхода нѣтъ. Для чего сдѣлано такое различеніе между мелкими чинами отъ дворянъ до копюховъ, съ одной стороны, и высшими чинами—съ другой, совершенно понятно. Выходъ данъ «отъ налога и продажъ». Отмѣною Юрьева дня, какъ и естественно, мелкіе владѣльцы немедленно воспользовались для увеличенія крестьянскихъ повинностей. Чтобы помочь крестьянамъ этихъ мелкихъ владѣльцевъ, имъ и дано право выхода. Но, чтобы они не ушли всѣ къ богатымъ владѣльцамъ, за которыми жить было легче, указъ дозволяетъ вывозить крестьянъ только мелкимъ чинамъ между собою. На крупныхъ владѣльцевъ право отказывать и вывозить крестьянъ не было распространено. Въ 1602 году этотъ указъ былъ повторенъ (тамъ же № 23).

Итакъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что

въ концѣ XVI вѣка послѣдовало общее распоряженіе, отмѣнившее крестьянскій выходъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого распоряженія явились иски о бѣглыхъ и указы, опредѣляющіе сроки вчинанія такихъ исковъ.

Согласно вышеприведенному указу отъ 1597 г. для предъявленія такихъ исковъ давался пятилѣтній срокъ. Если въ теченіе этого срока искъ о возвращеніи предъявленъ не былъ, крестьянинъ тѣмъ самымъ освобождался отъ обязанности возвратиться на землю, которую самовольно оставилъ.

Но уголовной кары и при отмѣнѣ Юрьева дня не было установлено и незаконный выходъ крестьянъ все еще не наказывался.

Самый указъ, которымъ крестьяне были лишены своей исконной свободы, до насъ не дошелъ.

Нѣкоторые изслѣдователи (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ) думаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало въ 1592 или 1593 г. Они основываютъ свое мнѣніе на словахъ вышеприведеннаго указа отъ 1597 г. Этимъ указомъ предоставляется право искать крестьянъ, бѣжавшихъ 5 лѣтъ тому назадъ. Изъ этого заключаютъ, что прикрѣпленіе послѣдовало 5 лѣтъ ранѣе указа 1597 г., т.-е. въ 1592 г.

Но при этомъ не обращаютъ должнаго вниманія на слова указа, которыя непосредственно слѣдуютъ за вышеприведенными:

«А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 г. (1797) лѣтъ за шесть, и за семь, и за десять, и болши, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали, и патріаршьи, и митрополичьи, и владычни дѣти боярскіе, и монастырскихъ вотчинъ приказщики, и служки на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, изъ за нихъ выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за шесть, и за семь, и за десять, и больши государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи не бивали челомъ, и государь царь

и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и по государеву цареву и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи указу бояре приговорили на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати, и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити».

Отсюда слѣдуетъ, что можно было бить челомъ и о возвращеніи бѣжавшихъ за 6, за 7, за 10 и болѣе лѣтъ до 1597 года, но только своевременно.

Указъ о прикрѣпленіи, значитъ, послѣдовалъ ранѣе 1592 года. О бѣжавшихъ до 1597 года за 6, за 7, за 10 и болѣе лѣтъ слѣдовало бить челомъ тоже въ пятилѣтній срокъ и судъ былъ бы данъ. Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если подъ «болѣе» будемъ разумѣть еще два года, итого получится 12 лѣтъ. Слѣдовательно, можно было бить челомъ о возвращеніи бѣжавшихъ крестьянъ уже въ 1585—1586 году. Въ какой срокъ надо было подавать тогда челобитья, въ указѣ не сказано. Но это молчаніе наводитъ на мысль, что срокъ былъ тотъ же, т.-е. пятилѣтній. Такимъ образомъ общее прикрѣпленіе крестьянъ надо относить къ первому или второму году царствованія Ѳедора Ивановича (1584—1585).

Прикрѣпленіе конца XVI вѣка не было, однако, полнымъ и безусловнымъ. Бѣглыхъ рабовъ можно было изстари отыскивать безъ срока, бѣглыхъ же крестьянъ — только въ теченіе извѣстнаго срока, который получилъ въ нашихъ памятникахъ наименованіе «урочныхъ или указныхъ лѣтъ». Если крестьянинъ умѣлъ укрыться отъ господина въ теченіе урочныхъ лѣтъ, то не подлежалъ уже болѣе возвращенію.

Эти урочные годы, натурально, не нравились землевладѣльцамъ; они должны были стремиться сперва къ увеличенію ихъ числа, а потомъ и къ предоставленію имъ права искать крестьянъ безсрочно.

Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ указаній о расширеніи пятилѣтняго срока находимъ въ жалованной гра-

мотѣ Троице-Сергіерому монастырю. Въ 1614—1615 гг. ему было предоставлено право искать своихъ крестьянъ, ушедшихъ за 9 и даже 11 лѣтъ тому назадъ (А. Э. III. № 66).

Въ 1642 г. десятилѣтній срокъ объявленъ общимъ срокомъ давности для исковъ о вышедшихъ крестьянахъ; для исковъ же крестьянъ, вывезенныхъ насильно, былъ данъ еще болѣе долгій срокъ, 15-лѣтній (А. И. III. стр. 111). Указъ 1642 года говоритъ, что 10-лѣтній срокъ назначается согласно «прежнему государеву указу». Этотъ прежній указъ такъ же не дошелъ до насъ, какъ и первый указъ о прикрѣпленіи.

Разъ московскіе государи стали на сторонѣ землевладѣльцевъ, дѣло не могло остановиться на десятилѣтней давности. Они продолжаютъ получать жалобы на уходъ крестьянъ. Мы привели выше такія жалобы изъ писцоваго наказа 1646 года. Дворяне и дѣти боярскіе заключаютъ свои претензіи такимъ челобитьемъ:

«И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ отдачѣ бѣглыхъ крестьянъ урочныя лѣта отставить; и пожаловалъ бы государь, велѣлъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ отдавать имъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, какъ они тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдаютъ, а не въ урочные лѣта».

Результатомъ такого челобитья является полная отмѣна урочныхъ лѣтъ. Съ этою цѣлью и былъ составленъ писцовый наказъ 1646 года, въ которомъ изложены правила новой переписи крестьянъ, имѣвшей произойти въ томъ же году. Въ этомъ наказѣ читаемъ:

«А какъ крестьянъ, и бобылей, и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне, и бобыли, и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ».

Что же мѣшало до сихъ поръ крестьянской крѣпости? Не вольный переходъ и не Юрьевъ день, которыхъ уже

давнымъ давно нѣтъ, а урочные годы. Они и отмѣняются.

Писцовый наказъ 1646 года распространяетъ прикрѣпленіе на дѣтей, братьевъ и племянниковъ записанныхъ за кѣмъ-либо крестьянъ, то-есть на всѣхъ родственниковъ, которые живутъ въ одномъ дворѣ съ домохозяиномъ.

Есть основаніе думать, что это новость, свидѣтельствующая о томъ, что московское правительство съ теченіемъ времени идетъ все далѣе и далѣе по пути закрѣпощенія. Изъ памятниковъ начала XVII вѣка узнаемъ, что не свободны были только домохозяева. Сынъ же отъ отца, братъ отъ брата и племянникъ отъ дяди могли уходить и снимать земли въ новыхъ мѣстахъ (А. Э. II, № 133, 1609).

Такимъ образомъ и послѣ первыхъ указовъ о прикрѣпленіи конца XVI вѣка оставались еще вольные люди, которые по старинѣ были свободны селиться, гдѣ хотѣли. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что долго еще послѣ прикрѣпленія царскія грамоты продолжаютъ предоставлять право перезывать во крестьяне вольныхъ людей и даютъ имъ льготы (Доп. къ А. И. I, № 141, 1597 г.; А. Э. II, № 133, 1609 г.; III, № 217, 265, 1632—37; А. И. III, № 211, 1640).

Эти поселенія вольныхъ крестьянъ на владѣльческихъ и тяглыхъ земляхъ послѣ указовъ о прикрѣпленіи дѣлались на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и до прикрѣпленія. Крестьяне садились по порядымъ, которыя писались по старымъ образцамъ (А. Ю. 189, 191, 194, 1599—1626). Но новый порядокъ долженъ былъ отразиться и на порядныхъ. Отъ XVII вѣка къ намъ дошли двѣ порядныя, въ которыхъ отрицается уже переходъ.

Петръ Никитинъ, государевъ бобылекъ, пришлый человѣкъ, порядился въ 1631 году жить въ монастырской вотчинѣ во крестьянахъ и въ концѣ порядной, послѣ обыкновенныхъ условій о размѣрѣ участка, льготахъ, подмогѣ и пр., говоритъ:

«А будетъ язъ, Петръ, Пречистые Богородицы Тихвина монастыря у игумена, Герасима, съ братьею не учну жити во крестьянѣхъ и въ послушаніи во всемъ, государева тягла по волостному розрубу тянути и монастырскіе страды и сдѣлья всякого съ протчими крестьяны не учну дѣлати, или учну у собя какое воровство и питье хмелное на продажу держати, и хоромъ старыхъ не учну постраивати и ставити, или учну на сторону въ иную монастырщину и боярщину, или куды нибуди рядитца, и Пречистые Богородицы Тихвина монастыря игумену, Герасиму, съ братьею волно меня, Петра, отовсюду къ себѣ взяти, и что учинитца убытка и волокиды игумену Герасиму съ братьею взяти на мнѣ, на Петри, по сей рядной записи всѣ сполна..» А. Ю. № 196, III.

Другой крестьянинъ, Голахтіонъ Кондратьевъ Роспута, тоже безтяглый, гуляющій человѣкъ, въ концѣ порядной, заключенной въ 1647 году, пишетъ:

«И мнѣ изъ за государей своихъ..... не выходить....., во крестьяне и въ бобыли ни за кого не рядитца и не задаватца. А не учну я, Галахтіонъ, за государи своими жити во крестьянѣхъ на своемъ крестьянскомъ участкѣ, и государемъ моимъ за свою подмогу взять 5 рублевъ, а впредь таки я, Галахтіонко, на томъ своемъ участкѣ, во крестьянствѣ и имъ..... крестьянинъ». Арх. ист. и практ. св. 1859, II, стр. 94.

Въ прекрасномъ собраніи актовъ тяглаго населенія г. Дьяконова можно найти еще цѣлый рядъ порядныхъ во крестьянство, написанныхъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Всѣ онѣ содержатъ въ себѣ неизбѣжную прибавку: «не уйти, не сбѣжать, ни за кого не заложиться». Въ нѣкорыхъ встрѣчается кромѣ того условіе платы неустойки за уходъ. Крестьянинъ обязывается, въ случаѣ ухода, уплатить столько-то рублей «заставы», а въ другихъ — покрыть убытки, причиненные его уходомъ, и въ обоихъ случаяхъ—жить попрежнему въ крестьянахъ. Встрѣчается и условіе о подмогѣ деньгами, хлѣбомъ, скотомъ: но съ такимъ различіемъ отъ старины: если крестьянинъ уйдетъ,

подмога возвращается, а крестьянинъ все-таки остается крестьяниномъ за тѣмъ же господиномъ.

Документы этого рода въ текстѣ и подписяхъ называются порядными записями и просто записями.

Понятно, однако, что порядныя XVII в.—остатокъ старины, фактъ переживанія, не болѣе. Онѣ не соотвѣтствуютъ новому строю жизни, а потому Уложеніе и вводитъ иной способъ поступленія въ крестьянство: записку въ крестьяне въ Помѣстномъ приказѣ. Помѣстный приказъ, получивъ заявленіе о желаніи кого-либо поступить въ крестьянство, производитъ изслѣдованіе о томъ, что̀ за люди, желающіе поступить въ крестьянство, дѣйствительно ли они вольные, и если они таковыми окажутся, дѣлаетъ опредѣленіе объ отдачѣ ихъ въ крестьяне. Порядныя съ этого времени болѣе не нужны. Записка въ крестьяне дѣлаетъ вѣчнымъ крестьяниномъ и безъ особаго на то условія порядной.

«А будетъ къ кому въ вотчину и въ помѣстье придутъ какіе люди и скажутся, что они вольные, и похотятъ тѣ люди за ними жити во крестьянѣхъ..... приводити ихъ того же году къ запискѣ: въ Москвѣ въ Помѣстный приказъ, а казанцомъ..... въ Казань..... А въ Помѣстномъ приказѣ и въ городѣхъ воеводамъ такихъ вольныхъ людей по тому же роспрашивати и рѣчи ихъ записывати подлинно. Да будетъ тѣ люди, которыхъ приведутъ къ запискѣ, доведутся по ихъ роспросномъ рѣчамъ отдати во крестьянство тѣмъ людемъ, кто ихъ къ запискѣ приведетъ, и тѣмъ людемъ, кому они отданы будутъ во крестьянство, велѣти тѣхъ людей къ роспроснымъ рѣчамъ, во взятьѣ, руки прикладывати», XI, 20; ср. 21.

Помѣстный приказъ и другія, приравненныя къ нему, въ этомъ отношеніи, учрежденія, удостовѣрившись, что желающій поступить въ крестьяне дѣйствительно вольный человѣкъ, дѣлаютъ опредѣленіе объ отдачѣ его землевладѣльцу, который въ полученіи крестьянина расписывается.

Послѣ того, какъ Уложеніе установило этотъ новый

порядокъ поступленія въ крестьяне, порядныя потеряли всякій смыслъ, ибо крестьянъ надо было держать не по порядными, а по записямъ въ особыя книги, которыя велись въ Москвѣ — въ Помѣстномъ приказѣ, а въ городахъ — у воеводъ. Тѣмъ не менѣе порядныя пишутся и послѣ Уложенія и не только въ указанной формѣ съ обязательствомъ не уходить, но и въ совершенно новой — на срокъ: крестьяне снимаютъ землю на 10 лѣтъ; въ теченіе этого времени они обязуются платить съ напятаго участка всѣ государевы подати и нести всѣ земскіе расходы (Ак. тяг. н. I № 59 и 69, 1664—1689).

Возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣли такія порядныя? могли крестьяне, по истеченіи условленнаго срока, уйдти? Полагаемъ, что да. Въ это время крестьянинъ дѣлался вѣчнымъ работникомъ по особой записи въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Крестьянинъ, снявшій землю на срокъ, въ крестьяне у воеводы не записывался, потому что онъ не билъ объ этомъ челомъ; въ писцовыхъ книгахъ, надо думать, онъ тоже не записывался крестьяниномъ этого землевладѣльца; а потому у землевладѣльца, по истеченіи срока, не было въ рукахъ никакихъ крѣпостей для удержанія за собой срочнаго съемщика земли, и онъ могъ уйти.

Но эти новые опыты сохраненія крестьянской свободы были, конечно, явленіями рѣдкими и исключительными. Порядныя этого рода должны были замѣниться сдѣлками о наймѣ земли. Въ большинствѣ же случаевъ вольнымъ людямъ приходилось «записываться» въ крестьяне по Уложенію. Уложеніе говоритъ, кто за кѣмъ «похочетъ жить въ крестьянахъ». Жить за кѣмъ-либо въ крестьянахъ значитъ теперь быть вѣчнымъ на него работникомъ. Какъ это захотѣть быть вѣчно чьимъ-либо работникомъ? Прежде вольные люди поступали даже въ вѣчные холопы, но вѣдь за деньги, а не даромъ. Неужели въ вѣчные крестьяне вольные люди отдавались даромъ? Конечно, нѣтъ. Они тоже продавались. Но для этого не

было установлено никакихъ формъ. Уложеніе говоритъ объ одной запискѣ желающихъ и ничего больше. Крестьянинъ XVII вѣка не холопъ и не кабальный, а потому онъ не можетъ продать себя ни по полной грамотѣ, ни по докладной, ни по служилой кабалѣ. Надо было выдумать какое-либо новое средство продажи себя въ крестьяне. Московскіе площадные подьячіе, которые писали всякіе акты, оказались на высотѣ положенія: они выдумали средство, которое совершенно удовлетворило и вольныхъ людей, желавшихъ продаться въ крестьяне, и господъ, которые давали имъ за записку въ крестьяне деньги. Это ссудныя записи. Крестьянинъ записывался въ крестьяне за извѣстнымъ господиномъ, согласно Уложенію, а кромѣ того выдавалъ ему ссудную запись, въ которой говорилъ:

«Я, такой-то, взялъ у такого-то ссуды столько-то рублей и съ тою ссудою обязываюсь жить у него въ крестьянахъ или бобыляхъ и ни къ кому не отходить и ни за кого нерядиться; а если уйду, воленъ онъ взыскать съ меня ту ссуду, а меня снова взять въ крестьяне».

Въ нѣкоторыхъ запискахъ продажа себя за ссуду выражалась еще яснѣй. Кипріянъ Володимировъ пишетъ:

«А взяли мы, Кипріянко съ женою и съ дѣтьми, у строителя Ѳедоровскаго монастыря съ братіей на ссуду и навсякій крестьянскій заводъ 50 рублей денегъ и намъ за тѣ деньги жить во крестьянствѣ за тѣмъ монастыремъ вѣчно». Акты тяг. нас. I. 62.

Уложеніе предписываетъ записывать «распросныя рѣчи» тѣхъ людей, которыхъ кто-либо приводитъ для записки за собой въ крестьяне. Въ актахъ юридическихъ (№ 203, 1678 г.) напечатаны двѣ ссудныхъ записи и приклеенныя къ нимъ «распросныя рѣчи». Въ одномъ изъ этихъ документовъ Конашка Юрьевъ бьетъ челомъ въ бобыльство Пречистыя Богородицы за Тихвинъ монастырь, но обязывается работать, какъ и прочіе крестьяне. Это тотъ же крестьянинъ. Мы имѣемъ здѣсь наглядный примѣръ того, какъ во второй половинѣ XVII вѣка испол-

нялось предписаніе Уложенія о записк'Ѣ въ крестьяне. Оно легко соединялось съ полученіемъ ссуды и выдачей ссудной записи. Конашка Юрьевъ въ распросныхъ р'Ѣчахъ говоритъ, что ссудную запись онъ далъ на себя добровольно. Ссудная запись, такимъ образомъ, предшествуетъ записк'Ѣ въ крестьяне. Вольный челов'Ѣкъ прежде продается, а потомъ уже записывается въ крестьяне за изв'Ѣстнымъ лицомъ, на основаніи распросныхъ р'Ѣчей и согласно Уложенію.

Намъ изв'Ѣстныя ссудныя записи второй половины XVII в'Ѣка въ текст'Ѣ и подписяхъ никогда не называются порядными, а всегда ссудными. И это понятно, такъ какъ он'Ѣ и по содержанію существенно отличаются отъ порядныхъ. Старыя крестьянскія порядныя суть договоры найма земли. Въ нихъ всегда опред'Ѣлялось, сколько земли и гд'Ѣ именно снимаетъ крестьянинъ. Въ этихъ порядныхъ господинъ предоставлялъ въ пользованіе крестьянина изв'Ѣстное количество земли, а крестьянинъ обязывался за это къ изв'Ѣстнымъ выдачамъ деньгами и хл'Ѣбомъ, а иногда и работами. Въ ссудныхъ записяхъ вольный челов'Ѣкъ беретъ деньги, а не землю. Онъ обязывается жить *крестьянином земли или бобылем* гд'Ѣ ему прикажутъ; даже деревня, гд'Ѣ ему придется жить, не всегда называется.

Но и названіе «ссудная запись» не очень точно. Крестьянинъ получалъ не ссуду, которую долженъ былъ бы возвратить, а ц'Ѣну своей свободы. Она взыскивалась съ него только въ случа'Ѣ ухода; но уплативъ взятую ссуду, онъ не пріобр'Ѣталъ свободы, а в'Ѣчно оставался крестьяниномъ того же господина. Это не взысканіе долга, а наказаніе за уходъ.

Площадные подьячіе не нашли возможнымъ придумать названіе бол'Ѣе подходящее. И это не легко было сд'Ѣлать. То, что они назвали ссудной записью, нельзя было назвать купчей, хотя по существу это было бы и в'Ѣрно. Нельзя потому, что по Уложенію вольные люди не продаются въ крестьяне, а только записываются въ это

состояніе. То, что подьячіе придумали, совершенно достигало цѣли, а потому и вошло во всеобщее употребленіе. Вольный человѣкъ получалъ свою цѣну впередъ, до записки, а господинъ былъ увѣренъ, что выданныя имъ деньги не пропадутъ, хотя бы крестьянинъ раздумалъ и не пошолъ къ запискѣ [1]).

Здѣсь оканчивается изложеніе юридическихъ древностей, относящихся до крестьянскаго быта. Съ великаго дня 19 февраля 1862 года порядки Уложенія царя Але-

---

[1]) Я очень благодаренъ проф. Милюкову: онъ остановилъ мое вниманіе на ссудныхъ записяхъ второй половины XVII вѣка. Въ его прекрасномъ трудѣ по финансовой исторіи Московскаго государства, чрезвычайно мѣтко и устроумно озаглавленномъ «спорные вопросы», по поводу ссудныхъ записей напечатано: «Форма договора, обозначаемая этимъ именемъ, вообще слишкомъ мало обратила на себя вниманіе нашихъ историковъ юристовъ. Еще недавно незнакомство съ ней ввело въ нѣкоторыя недоразумѣнія проф. Сергѣевича». 85.

Совершенно вѣрно. Въ 1890 г. я зналъ только двѣ такихъ ссудныхъ записи, напечатанныхъ въ Ак. Юр. № 203. Значеніе ихъ было для меня не ясно, и я не зналъ, какое отвести имъ мѣсто въ ряду другихъ документовъ, относящихся до крестьянъ, а потому и ничего не сказалъ о нихъ. Прекрасный сборникъ г. Дьякова разъяснилъ мнѣ все, что до того времени было неясно. Въ немъ [illegible] до 20 такихъ записей и всѣ онѣ относятся ко времени послѣ Уложенія. Для меня стало ясно, что эти записи не древность, а совершенно новое явленіе, вызванное статьей Уложенія о новомъ порядкѣ поступленія въ крестьяне. Этимъ записямъ нашлось опредѣленное мѣсто въ древностяхъ нашего права, и я говорю теперь о нихъ.

Но не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что мое незнакомство съ записями ввело меня въ нѣкоторыя недоразумѣнія. Все, что мною было сказано въ первомъ изданіи сего тома о порядныхъ, подмогѣ и крестьянскихъ займахъ, и теперь считаю вѣрнымъ. Крестьянскій заемъ не составляетъ необходимой части порядной, это особый актъ, который, обыкновенно, пишется особо. Ссудныя же записи второй половины XVII в.—не порядныя и не займы, а акты продажи себя въ крестьяне. Это совершенная новость и очень любопытная въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайной изобрѣтательности нашихъ площадныхъ юристовъ XVII вѣка. Они очень умѣли приспособляться къ требованіямъ жизни и находить для нихъ подходящія формы.

кѣя Михайловича тоже начинаютъ переходить въ древность, но это будетъ древность втораго наслоенія. Мы приведемъ изъ нея нѣкоторыя черты только для того, чтобы рельефнѣе оттѣнить древность исконную, свободную.

Въ старину крестьянинъ могъ имѣть поземельную собственность, владѣть дворами и лавками въ городахъ, торговать, занимать деньги и другимъ давать взаймы, и никакіе указы ему этого не воспрещали.

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ многое должно было измѣниться. Этого требовала логика вещей, отъ которой нельзя уйти.

Прикрѣпленіе провело рѣзкую границу между тяглыми государевыми крестьянами и владѣльческими. Была разница и прежде, но свобода ее сглаживала. Теперь-же образовались два различныхъ состоянія.

Владѣльческіе крестьяне вѣчно и потомственно принадлежатъ землевладѣльцамъ. Они обязаны работать на нихъ. Съ прекращеніемъ выхода, работы и повинности назначаются по усмотрѣнію господина. Онъ-же и единственный судья крестьянской исполнительности и усердія.

Это новое положеніе должно было отразиться и въ законахъ.

Крестьяне, крѣпкіе землѣ, натурально, продаются съ землей. Это само-собой разумѣется. Уложеніе косвенно упоминаетъ о совершающейся продажѣ крестьянъ (XI, 7).

Владѣльческимъ крестьянамъ не могло быть оставлено право обязываться ростовыми кабалами, такъ какъ, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, такія обязательства могли бы повести къ столкновенію двухъ правъ: права на крестьянина по кабаламъ и жилымъ записямъ и права на него по писцовымъ книгамъ:

А будетъ чьи крестьяне и бобыли учнутъ у кого наймоватися въ работу..... А тѣмъ людемъ, у кого они въ работу наймутся, жилыхъ и ссудныхъ записей и служилыхъ кабалъ на нихъ не имати и ни чимъ ихъ себѣ не крѣпити; и какъ отъ нихъ тѣ наймиты отработаются, и

имъ отпущати ихъ отъ себя безо всякаго задержанія». XI, 32.

Статья, согласно духу Уложенія, имѣетъ казуистическій характеръ: но цѣль ея - противодѣйствовать закрѣпленію за кѣмъ-либо владѣльческихъ крестьянъ, а потому крестьяне вообще не могли обязываться кабалами, а не при наймѣ только въ услуги, о чемъ идетъ рѣчь въ статьѣ.

Но сами крестьяне могли давать деньги въ займы и даже подъ залоги недвижимостей XIX, 16.

Владѣніе городскими дворами и лавками также должно быть имъ запрещено, ибо жизнь въ городахъ для торговли не соединима съ обязанностями къ господину и ведетъ къ не выгодной для государевыхъ тяглыхъ людей конкуренціи:

«А которые боярскіе и иныхъ чиновъ люди и крестьяне на Москвѣ и по городамъ покупили себѣ и въ заклады поимали тяглые дворы, и лавки, и анбары, и погребы каменные, и соляные варницы, и торгуютъ всякими товары; и тѣмъ боярскимъ, и иныхъ чиновъ людемъ и крестьяномъ тѣ тяглые дворы, и лавки, и погребы, и анбары, и варницы продати тяглымъ торговымъ и посадскимъ людемъ, а имъ тѣми дворами, и лавками, и погребами, и амбары, и варницами впредь не владѣти, и впредь ни чьимъ людемъ и крестьяномъ, опричь государевыхъ торговыхъ посадскихъ людей, тяглыхъ дворовъ, и лавокъ, и погребовъ, и анбаровъ, и варницъ ни у кого не покупати». XIX, 15, ср. 9 и 16.

Владѣльческіе крестьяне могутъ, однако, торговать всякими товарами, но только съ возовъ и струговъ(XIX, 17).

Закрѣпощеніе, начавшееся съ конца XVI вѣка, дѣлаетъ у насъ чрезвычайно быстрые успѣхи. Уложеніе совсѣмъ забыло, что крестьянинъ имѣетъ свою собственность, и приказываетъ истцовы иски править на крестьянахъ должниковъ-господъ:

«А которые люди учнутъ на правежѣ отстаиватися, а окупитися имъ будетъ чѣмъ, и у нихъ велѣти, послѣ указнаго мѣсяца, цѣнити дворы и животы, и отдавати въ ист-

цовъ искъ, или истцовъ искъ велѣти за нихъ правити въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людехъ ихъ и на крестьянѣхъ». X, 262; ср. 122.

Уложеніе подмѣчаетъ любопытный фактъ, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ землевладѣльцы. Этотъ порядокъ могъ возникнуть задолго до прикрѣпленія. При свободѣ перехода крестьянъ, онъ, конечно, имѣлъ значеніе покровительства имъ и защиты со стороны землевладѣльца. Уложеніе, установляя тѣ-же сроки для предъявленія исковъ къ крестьянамъ, какіе существуютъ для исковъ къ дворянамъ, обращаетъ эту старую практику, имѣвшую въ своемъ основаніи всякій разъ согласіе крестьянина, въ общее правило и незамѣтно устраняетъ крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ:

«А на нашенныхъ на всякихъ людей въ управныхъ дѣлѣхъ судъ давати на тѣ же сроки, на которые сроки указано будетъ судъ давати на дворянъ и на дѣтей боярскихъ по тому, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ дѣлѣхъ, кромѣ татьбы, и разбою, и поличного, и смертныхъ убійствъ», XIII, 7.

Наконецъ, Уложеніе запрещаетъ всякія жалобы крестьянъ на господъ. Оно допускаетъ только доносы въ государственныхъ преступленіяхъ.

«А будетъ учнутъ извѣщати про государское здоровье или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянехъ, а въ томъ дѣлѣ ни чѣмъ ихъ не уличатъ, и тому ихъ извѣту не вѣрити, и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне. А опричь тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрить». II, 13.

Хотя Уложеніе и отличаетъ еще владѣльческихъ крестьянъ отъ холоповъ, но оно содержитъ уже въ себѣ всѣ необходимые элементы, изъ которыхъ должно было развиться самое строгое крѣпостное право.

О хозяйственномъ положеніи крестьянъ, объ отноше-

ніи ихъ къ землевладѣльцамъ, о ихъ повинностяхъ и порядкѣ собственнаго ихъ землепользованія я говорю въ III т. въ отдѣлѣ, посвященномъ древностямъ землевладѣнія, тамъ же идетъ рѣчь и о крестьянахъ своеземцахъ; а теперь остановлюсь только на литературѣ и отмѣчу существующія въ ней разногласія по нѣкоторымъ затронутымъ выше вопросамъ о крестьянахъ. Всего болѣе сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о томъ, на какихъ земляхъ сидѣли волостные крестьяне, на своихъ или на княжескихъ?

Съ величайшею осторожностью относится къ этому вопросу проф. Рейцъ. «Могли-ли крестьяне пріобрѣтать земли?» спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «этого нельзя ни утверждать, ни отрицать рѣшительно».

Но вѣроятно, продолжаетъ онъ далѣе, различное происхожденіе крестьянъ породило различныя права» (§ 38). Въ примѣчаніи-же къ этому мѣсту говоритъ: «Если принять въ разсужденіе право жителей въ вольныхъ городахъ, то еще вѣроятнѣе становится владѣніе поселянъ землею. Самое запрещеніе покупать земли черныхъ людей (это уже въ московскихъ удѣлахъ) едва-ли не показываетъ, что земли сіи принадлежатъ имъ въ собственность».

Переходя къ XVI вѣку, Рейцъ говоритъ: «По одной статьѣ Судебника (84) можно подумать, что крестьяне упоминаются тамъ какъ владѣльцы земли. По крайней мѣрѣ законъ гласитъ, что они независимо могли отыскивать права свои и взаимно защищать другъ друга противъ дворянъ. Можно-ли было человѣку, который только пользовался казенной землей, поручить защищеніе ея отъ притязаній и исковъ частныхъ лицъ? Но что здѣсь дѣло идетъ о собственности, это видно еще и изъ того, что обращалось особенное вниманіе на перестановку межей, ст. 87» (§ 100).

При всей осторожности своихъ выводовъ, Рейцъ, склоняется въ пользу мнѣнія, что крестьяне были собственники земли.

Мысль его нашла сторонниковъ въ лицѣ Бѣляева, г-жи Ефименко, Владимірскаго-Буданова. Въ пользу противоположнаго мнѣнія, по которому крестьяне являются не собственниками, а только владѣльцами, собственникъ же всѣхъ волостныхъ земель есть князь, высказались: Лакіеръ, Неволинъ, Соловьевъ, Чичеринъ.

У Лакіера не только черныя волости, но и все государство есть предметъ княжеской собственности (О пом. и вотч., 67 сл.). Неволинъ хотя и признаетъ, что черные люди владѣютъ вѣчно и потомственно черными землями, но право собственности, по его мнѣнію, не у нихъ, а у князя. По Соловьеву въ XVI в. въ Московскомъ государствѣ не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; владѣли землей только государство, церковь и служилые люди. У проф. Чичерина всѣ земли принадлежатъ князю по праву завоеванія. На нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній мы остановимся подробнѣе въ III т. древностей.

Другое не менѣе крупное разногласіе существуетъ по вопросу о порядкѣ возникновенія крестьянской неволи.

Еще со временъ Татищева установилось мнѣніе, что крестьяне лишены свободы перехода особымъ указомъ, послѣдовавшимъ въ концѣ XVI вѣка. До половины текущаго столѣтія въ этомъ никто и не сомнѣвался. Въ 1858 г. Погодинъ напечаталъ въ Русской Бесѣдѣ (IV) статью подъ заглавіемъ: Должно ли считать Бориса основателемъ крѣпостного права? Въ этой статьѣ авторъ проводитъ такую мысль: никакого общаго правительственнаго распоряженія объ отмѣнѣ Юрьева дня издано не было: въ установленіи крѣпостоого права виновны обстоятельства, а не Борисъ; это дѣло практики, обычаевъ и частныхъ правительственныхъ распоряженій. Статья была написана въ то время, когда по лицу русской земли понеслись «новыя вѣянія». Коснулись они и старожила московскаго, знатока и любителя старины. Подъ ихъ неотразимымъ вліяніемъ, закрѣпощеніе крестьянъ представилось ему чернымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ московской жизни, и онъ рѣ-

шилъ смыть это пятно. Въ результатѣ его изслѣдованія оказалось, что въ лишеніи крестьянъ свободы рѣшительно никто не виноватъ. Аргументы почтеннаго историка вызвали серьезныя возраженія со стороны Костомарова (Арх. ист. и прак. свѣд. 1859 г. кн. 2) и никого, кажется, не убѣдили.

Но мысль Погодина не прошла безслѣдно. Недавно она возродилась вновь, благодаря проф. Ключевскому, который обставилъ ее и новыми доказательствами (Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи, Русская Мысль, 1885, августъ и октябрь). Авторъ, какъ и его маститый предшественникъ, нисколько не сомнѣвается, что крѣпостное право не было создано правительствомъ, не было навязано народу законодательствомъ (окт. 28). Источникъ его иной. «Оно явилось, говоритъ онъ, юридическимъ утвержденіемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству» (тамъ-же), и въ другомъ мѣстѣ: «Крѣпостное право на крестьянскій трудъ развивалось изъ принципа долгового холопства..... Сюда поставила издѣльное крестьянство подъ дѣйствіе началъ долгового холопства» (окт. 34). Наконецъ: «Вопросъ о происхожденіи крѣпостного права есть вопросъ о томъ, что̀ такое было крѣпостное холопство въ древней Россіи и какъ это право привилось къ крестьянству» (авг. 10).

Мысль автора не очень ясна и выражена слишкомъ мудрено. Постараюсь фурмулировать ее по проще. Крѣпостное право явилось вслѣдствіе примѣненія къ крестьянамъ должникамъ правилъ о долговомъ холопствѣ. «Съ половины же XVI вѣка, говоритъ авторъ, сюда почти общее условіе крестьянскихъ договоровъ» (окт. 45). Такимъ образомъ, всѣ крестьяне должники: господа примѣняютъ къ нимъ условія служилой кабалы и крестьяне становятся, вслѣдствіе этого, крѣпостными. Кажется, именно такова мысль проф. Ключевскаго.

Вмѣстѣ съ этимъ и весь вопросъ о крѣпостномъ правѣ

получаетъ у него новую постановку. До сихъ поръ всѣ думали, что крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Проф. Ключевскій утверждаетъ, что крестьяне прикрѣплены къ своему званію и лицу владѣльца, но не къ землѣ (окт. 21). Если къ крестьянамъ были примѣнены правила служилой кабалы, то, конечно, они прикрѣплены къ лицу господина, какъ и кабальные. Но весь вопросъ въ томъ и состоитъ, были-ли примѣнены къ крестьянамъ правила служилой кабалы?

Утвержденіе почтеннаго автора, что къ крестьянамъ были примѣнены правила служилой кабалы, представляется намъ нѣсколько рискованнымъ. Что̀ такое служилая кабала? Служилая кабала есть договоръ, заключенный между двумя лицами (см. стр. 160 и сл.). Теперь спрашивается состоитъ крестьянинъ въ такомъ договорѣ съ господиномъ или нѣтъ? Если состоитъ, то онъ уже не свободный крестьянинъ, а кабальный холопъ; если не состоитъ, то къ нему условій кабальнаго холопства и примѣнить нельзя. Это ясно, какъ день. По служилой кабалѣ можно судомъ возвратить бѣжавшаго холопа, ибо онъ обязался за ростъ служить во дворѣ кредитора; крестьянина по порядной возвратить нельзя, ибо у него есть право выхода, которымъ онъ и можетъ пользоваться съ соблюденіемъ предписанныхъ закономъ условій.

Почтенный авторъ, конечно, знаетъ это коренное различіе служилыхъ кабалъ и крестьянскихъ порядныхъ. Но можетъ быть существуютъ особые указы, которые распространили на крестьянъ послѣдствія, вытекающія изъ служилыхъ кабалъ. Великіе князья московскіе все могутъ, они могутъ и крестьянъ, занявшихъ деньги въ ростъ, приравнять къ кабальнымъ холопамъ, хотя бы эти крестьяне и не дали на себя служилыхъ кабалъ.

Но такихъ указовъ нѣтъ. Совершенно наоборотъ, княжескіе указы проводятъ рѣзкую границу между кабальными холопами и крестьянами, хотя бы эти послѣдніе и заняли деньги въ ростъ.

Первое различіе между служилыми и ростовыми кабалами установлено Судебникомъ 1550 года. По служилымъ кабаламъ должникъ обязывается за ростъ служить; отсюда кабальное холопство (78). По ростовымъ онъ платитъ проценты, но не состоитъ ни въ какой личной зависимости отъ кредитора. Наоборотъ, всякая личная зависимость воспрещается подъ страхомъ весьма тяжелыхъ послѣдствій (см. статью 82, приведенную на стр. 156).

Царскій Судебникъ отнимаетъ, такимъ образомъ, всякую возможность распространить на ростовыхъ должниковъ личную зависимость, въ которой находились кабальные холопы.

Землевладѣльцы не могли же не знать этой разницы. Да и забыть ее нельзя было, такъ какъ она напоминалась имъ ежедневной практикой. Если чьи-либо люди (т.-е. холопы, а въ томъ числѣ и кабальные) участвовали въ татьбахъ, грабежахъ и разбояхъ, — то убытки за нихъ платили господа; если же участвовали крестьяне, господа за нихъ не платили, взысканіе падало на собственные животы крестьянина. А. Э. I. № 330. 1586.

Отъ 1606 года мы имѣемъ боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ. Крестьяне въ этомъ приговорѣ постоянно противополагаются холопамъ. Приведемъ одну выдержку:

«А которые крестьяне, въ голодные лѣта, во 110 и во 111 и въ 112 году, пришли въ холопи къ своимъ или къ сторонним помѣщикамъ и вотчинникамъ, и кабалы служилыя на себя подавали, а старые ихъ помѣщики или вотчинники учнутъ ихъ вытягивать изъ холопства по крестьянству, и того сыскивати на крѣпко. Будетъ сшелъ отъ бѣдности и животовъ у него не было ничего, и тѣмъ исцамъ отказывати: въ голодные лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а собою онъ прокормитись не въ моч, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертію умереть, билъ челомъ въ холопи, а тотъ его принялъ, въ голодные годы прокормилъ и себя истощилъ, проча себѣ; и нынѣ того крестьянина изъ холопства во крестьяне не отдавати, а быти

ему у того, кто его голодные лѣта прокормилъ, а не отъ самые бы нужи въ холопи онъ не пошелъ». А. Э. II. № 10.

Авторъ утверждаетъ, что во второй половинѣ XVI вѣка крестьянское право выхода замираетъ уже само собой безъ законодательной отмѣны (окт. 11). Во второй половинѣ XVI вѣка совершилось, слѣдовательно, «приложеніе условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству». Фактъ такой всеобщей важности не могъ-же пройти незамѣченнымъ московскими правителями и не оставить слѣда въ ихъ указахъ. Надо ожидать, что Уложеніе забываетъ, наконецъ, разницу между кабальными холопами и крестьянами и тоже начинаетъ ихъ смѣшивать, какъ это дѣлаетъ нашъ почтенный авторъ.

И тутъ наши ожиданія не оправдываются. Уложеніе рѣшительно различаетъ кабальныхъ холоповъ и крестьянъ.

Оно воспрещаетъ брать на своихъ крестьянъ служилыя кабалы и даже угрожаетъ за это наказаніемъ, что государь укажетъ (XX, 113). Не ясно ли, что это два совершенно разныхъ состоянія?

Согласно съ этимъ, способы установленія крестьянства и кабальнаго холопства и по Уложенію разные. Кабальные холопы, по старому, даютъ на себя служилыя кабалы, а крестьяне записываются Помѣстнымъ приказомъ во крестьянство. Послѣдствія тоже разныя. Крестьянинъ, записанный за господиномъ, по его смерти крѣпокъ сыну его; кабальный же по смерти господина получаетъ свободу, а къ сыну его не переходитъ.

Уложеніе еще не называетъ крестьянъ крѣпостными.

«А отъ кого збѣжатъ кабальные, и иные крѣпостные дѣвки и вдовы, и крестьянскіе дочери, и выдутъ замужъ украйныхъ городовъ за служилыхъ людей; и за тѣхъ дворовыхъ бѣглыхъ вдовъ и дѣвокъ..... имати выводу за вдову и за дѣвку по 50 рублей за человѣка, а за крестьянскую дочь, дѣвку или вдову, по 10 рублевъ». XX, 27.

Крѣпостные—это холопы кабальные, полные, доклад-

ные, старинные; они же дворовые; имъ здѣсь противополагаются — крестьяне. И цѣна вознагражденія разная: за крѣпостныхъ въ пять разъ болѣе, чѣмъ за крестьянъ.

Никакого, слѣдовательно, выражаясь фигурнымъ языкомъ г. Ключевскаго, «юридическаго отвержденія мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству» не произошло. А потому, вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права, несмотря на сильную поддержку, оказанную проф. Ключевскимъ своему отдаленному предшественнику по каѳедрѣ, остается въ томъ-же положеніи, въ какомъ находился и до появленія въ свѣтъ статьи Погодина.

Мысль о связи крестьянъ-должниковъ съ кабальными холопами—не новая въ нашей литературѣ. Она высказана еще Бѣляевымъ, но лишь въ видѣ предположенія, изъ котораго онъ не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. «Таковые крестьяне, говоритъ онъ о крестьянахъ-должникахъ, по грамотамъ назывались серебряниками и жили, кажется, на томъ-же положеніи, какъ и кабальные люди, и, не выплативъ ссуды, не могли оставить господина ни въ какой срокъ...» (38).

Въ 1898 г. появилась новая обработка вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ проф. Дьяконова. Въ статьяхъ о древностяхъ землевладѣнія, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Народ. Просв., я разбираю его мнѣніе. Этотъ разборъ вошелъ въ III т. Древностей.

IV. Изгои

Слово изгой встрѣчается въ 1-й ст. древнѣйшихъ краткихъ и пространныхъ списковъ Русской Правды. Установляя размѣръ вознагражденія за убійство, Правда назначаетъ 40 гривенъ за голову русина, гридина, купчины, ябетника, мечника, изъгоя и словенина. Отсюда такой выводъ: изгоями называется нѣкоторый классъ

людей, который съ точки зрѣнія уголовнаго права ничѣмъ не отличается отъ остальнаго населенія и приравненъ даже къ служилымъ людямъ, каковы: гриди и мечники.

Другое извѣстіе объ изгояхъ находимъ въ церковномъ уставѣ новогородскаго князя Всеволода (1125—1136), гдѣ читаемъ:

«А се церковныя люди: игуменъ, игумена, попъ, діаконъ и дѣти ихъ, а кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожикъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущенникъ, задушный человѣкъ, изгои трои: поповъ сынъ, грамотѣ не умѣетъ, холопъ, исъ холопьства выкупится; купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ; монастыреве, болници, гостинници, странноприимници. То люди церковныа, богадѣльные. Или митрополитъ или епископъ, тыи вѣдаютъ между ими судъ или обиду или кому прикажутъ».

Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что есть нѣсколько видовъ изгоевъ и что нѣкоторые изъ нихъ поставлены подъ особое покровительство церкви. Уставъ перечисляетъ четыре вида такихъ изгоевъ. Это перечисленіе даетъ возможность выяснить, кто именно разумѣлся въ древнее время подъ изгоями.

Всѣ четыре вида изгоевъ, отнесенныхъ къ церковнымъ людямъ, имѣютъ общій признакъ, соединяющій ихъ въ одну группу. Это бѣдные, жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи способовъ существованія, а потому и нуждающіеся въ особомъ покровительствѣ, которое и даетъ церковь. Что таковъ несостоятельный купецъ и неграмотный поповъ сынъ, неимѣющій возможности продолжать дѣятельность своего отца, это совершенно ясно. Въ такомъ-же положеніи и сирота-князь; чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только припомнить господствовавшую въ княжескихъ отношеніяхъ безпощадную политику захватовъ, которая всего менѣе стѣснялась правами князей-сиротъ. Но почему отнесенъ сюда и человѣкъ, выкупив-

шійся изъ холопства? Повидимому, его положеніе не ухудшилось, а только улучшилось. Съ точки зрѣнія права оно дѣйствительно улучшилось: холопъ сталъ свободнымъ. Но если взять положеніе вольноотпущеннаго съ матеріальной стороны, оно, если и не всегда, то весьма обыкновенно ухудшалось при этомъ. Если господа брали большой выкупъ за свободу, а это нерѣдко случалось, то выкупившійся холопъ оказывался безъ всякихъ средствъ существованія.

Итакъ, изгой есть спеціальное наименованіе для людей находящихся въ бѣдственномъ положеніи. Отдѣльныхъ видовъ такихъ людей можетъ быть очень много. Всеволодовъ уставъ, перечисливъ три вида, прибавляетъ къ нимъ еще четвертый, новый.

Но слово изгой можетъ быть примѣнено и вообще для обозначенія низшаго разряда людей, смердовъ, крестьянъ. Именно въ такомъ смыслѣ, кажется намъ, употребляется оно иногда въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ. Князья, даря монастырямъ деревни и села, говорятъ, что они дарятъ ихъ «со изгои» (Доп. къ А. И. I, № 4, 1150). Это значитъ, что князь, одаряя монастырь своей землей, передастъ ему и тѣ участки, которые сданы были крестьянамъ. Съ момента пожалованія, крестьяне сидятъ уже не на княжеской землѣ, а на монастырской, и становятся, такимъ образомъ, въ обязательныя отношенія къ монастырю. Въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка крестьяне называются не изгоями, а сиротами (А. Э. I. № 5, 7. Доп. къ А. И. I, № 9). Этотъ новый терминъ очень близко передаетъ смыслъ болѣе стариннаго термина, изгои.

Что касается этимологіи слова, то предлагаемое г. Микутскимъ (Арх. истор. юрид. свѣд. т. II половина 2-я 1854) сближеніе съ латышскимъ глаголомъ izi—иду, izgois—вышедшій представляется намъ весьма вѣроятнымъ. Первоначально слово изгой могло обозначать выкупившихся холоповъ, какъ вышедшихъ изъ холопства, а затѣмъ, по аналогіи жалкаго положенія, могло быть перенесено на несостоятельнаго купца и неграмотнаго попова сына.

Всеволодовъ-же уставъ еще болѣе распространяетъ область примѣненія этого слова, прилагая его къ спротамъ князьмъ.

Изгойствомъ еще въ XV вѣкѣ пасывался выкупъ (или выходъ), платимый холопомъ господину при выходѣ на свободу. Духовенство проводило такую мысль: выкупъ, получаемый господиномъ за свободу раба, не долженъ превышать той суммы, за которую господинъ самъ пріобрѣлъ раба. Въ наставленіи духовнику о принятіи кающихся читаемъ:

Иже кто выкупается на свободу, то толикоже дасть на собѣ, коликоже дано на немъ». Рус. истор. Библ. VI, 843.

Брать большій выкупъ—великій грѣхъ, за который виновнаго ожидаютъ вѣчныя муки. Въ помянутомъ наставленіи указывается такой путь къ вѣчному спасенію.

«Да аще хощеши, чадо, быти въ жизни вѣчней, то первое укажю ти: отверзися пьянъства, а не питья; отверзися объяденья, а не яствы; отверзися блуда, а не законъныя женитвы... А еже еси ималъ прежде сего наклады или иное кое неправдою добывалъ, ли клеветою, ли мьздою неправедною, ли грабленьемъ..... тоже все неправедное имѣнье възврати тѣмь, чье то было; аще ли не тѣмъ, къ убогимъ то сторицею отдавати, краденое—десятерицею..... И се паки горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имутъ бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ създанаго рукою Божіею человѣка..... Аще ли кто въ невѣдѣніи ималъ будетъ, ти хощетъ избыти вѣчноѣ мукы, да воротитъ опять тѣмъ, на нихже ималъ, и избудетъ вѣчныя мукы и жизни вѣчнѣй причастникъ будетъ съ всѣми святыми». 842.

Первоначально, можетъ быть, изгоями только и называли выпедшихъ на волю холоповъ.

Сторонники родового быта и сторонники общины одинаково пользуются словомъ изгой для доказательства своихъ любимыхъ теорій. И тѣ, и другіе согласны, что изгой означаетъ существо, исключенное изъ союза, къ которому онъ прежде принадлежалъ, а потому и умаленное въ своихъ правахъ. Но у первыхъ такимъ союзомъ

является родъ; изгой-же—существо отреченное отъ рода. Причина—преступленіе или безразсудность, отвага. Такой выкинутый изъ рода долженъ сдѣлаться преступникомъ, разбойникомъ, грѣшникомъ. Таково мнѣніе Калачова (Арх. ист. практ. свѣд. I, 1850). Согласно съ этимъ взглядомъ, вышеприведенное мѣсто: «всего-же есть горѣй изгойство взимати» онъ переводитъ такъ: «кто беретъ на себя изгойство, тотъ не тѣмъ поплатится»; тогда какъ оно значитъ: всего хуже брать выкупъ.

У вторыхъ изгой исключенъ изъ общины. Такъ у К. Аксакова. «Это былъ человѣкъ, говоритъ онъ, исключенный, или самъ исключившій себя изъ общины или сословія» (Пол. собр. соч. I, стр. 38).

Все это только догадки. По историческимъ-же памятникамъ изгой не имѣетъ никакого отношенія ни къ роду, ни къ общинѣ; онъ не преступникъ и въ правахъ не уменъ; наоборотъ, онъ поставленъ подъ особое покровительство церкви, какъ человѣкъ бѣдный, жалкій.

V. Численные люди, ордынцы и делюи

Упоминанія источниковъ о числякахъ, ордынцахъ и делюяхъ такъ кратки и отрывочны, что не представляется возможности составить себѣ о нихъ полное представленіе.

Есть основаніе думать, что эти разряды людей составляютъ слѣдъ нашихъ сношеній съ Ордой; исчезли-же они съ прекращеніемъ зависимости Московскаго государства отъ татаръ.

Упоминанія объ нихъ находимъ въ духовныхъ грамотахъ и договорахъ князей московскаго дома съ XIV и по начало XVI вѣка.

Завѣщаніе великаго князя Василія Дмитріевича (1410) дастъ возможность выяснить, гдѣ именно жили численые люди. Въ этомъ завѣщаніи читаемъ:

«А перемѣнитъ Богъ Орду... и дѣти мои что возмутъ дани на Московскихъ станѣхъ и на городѣ на Москвѣ и

на численыхъ людехъ, и дѣти мои возмутъ свою треть дани московские и численыхъ людей, а подѣлятся дѣти мои съ матерью вси ровно по частямъ; а который мой сынъ возметъ дань въ своемъ удѣле, и та дань тому и есть»....

Изъ предшествующаго мы знаемъ, что потомки Калиты имѣли свои особые удѣлы, а кромѣ того участіе въ общемъ владѣніи городомъ Москвой съ уѣздомъ. Доходы съ этого общаго владѣнія распредѣлялись между ними, смотря по мѣрѣ участія каждаго изъ нихъ въ этомъ владѣніи. Дѣтямъ Василія Дмитріевича въ численыхъ людяхъ принадлежитъ одна треть, какъ и на Москвѣ. Отсюда слѣдуетъ, что численые люди сидятъ не во всѣхъ Московскихъ земляхъ, а только въ уѣздѣ города Москвы, состоявшемъ въ общемъ владѣніи наслѣдниковъ Калиты.

Въ этомъ же смыслѣ говорится о численныхъ людяхъ и въ завѣщаніи Калиты, но очень коротко:

«А числыпи люди вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одиного».

Т.-е., числяки, какъ и Москва, въ общемъ владѣніи.

При вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ владѣніе городомъ Москвой съ уѣздомъ соединяется въ его рукахъ; къ порядку, установленному Калитой, онъ болѣе не возвращается и отказываетъ своему старшему сыну:

«Городъ Москву съ волостьми, и съ путми, и зъ станы, и зъ селы, и зъ дворы городцкими со всѣми и зъ слободами..... да числяки и ордынцы; а мои дѣти: Юрьи, Дмитрей, Семенъ, Андрѣй у моего сына Василія, а у своего брата у старѣйшаго, въ числяки и въ ординцы не вступаются ни во что». Затѣмъ идутъ другіе отказы въ городѣ же Москвѣ; а потомъ—отказы въ другихъ городахъ, но тамъ числяки не упоминаются.

Изъ этого завѣщанія совершенно ясно, что не только числяки, но и ордынцы живутъ не по всей Московской территоріи, а въ самой Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ. Отказывая ихъ старшему сыну, вел. князь дѣлаетъ особую оговорку, чтобы младшіе въ нихъ не вступались. Такъ

какъ послѣ Калиты, въ теченіе длиннаго промежутка лѣтъ, числяки состояли въ общемъ владѣніи сыновей вел. князя Московскаго, и этотъ порядокъ былъ уже старинной, то такая оговорка очень понятна. Это была новость, ее надо было закрѣпить.

Изъ другихъ грамотъ того же князя мы могли бы привести и самыя названія деревень, въ которыхъ жили числяки и ордынцы. Раздѣливъ свои владѣнія между всѣми сыновьями, вел. князь велѣлъ составить описаніе границъ ихъ удѣловъ. Вотъ въ этомъ-то описаніи между пограничными деревнями и названы деревни числяковъ. Рум. собр. I. № 140 и 141. Нѣкоторыя изъ такихъ деревень, при проведеніи границъ между владѣніями старшаго сына и младшихъ сыновей, оказывались иногда въ предѣлахъ вѣдѣній младшихъ сыновей. Объ нихъ дѣлалась такая оговорка:

«И тѣмъ числянымъ людямъ и ордынцемъ тягль тянути всякую по старинѣ съ числяки и съ ордынцы къ сыну моему, къ Василью; а сыну моему, Юрію, въ тѣ числяные земли и въ ордынскіе не вступатися ни чѣмъ».

Это мѣсто даетъ основаніе къ новымъ выводамъ.

Въ предшествующемъ перечисленіи пограничныхъ деревень упоминаются деревни численыя, но ни одной ордынской, а въ заключеніи появляются и ордынскія земли. Изъ этого слѣдуетъ, что ордынцы живутъ въ однихъ деревняхъ съ числяками, и что ордынцы только иное наименованіе тѣхъ же числяковъ.

Далѣе. На числякахъ и ордынцахъ лежитъ особое тягло, которое они тянутъ къ городу Москвѣ; этимъ они и отличаются отъ другихъ тяглыхъ людей. Для обезпеченія этого тягла, они надѣлены княжескими землями, а потому къ нимъ примѣняются и тѣ правила, которыя существовали для сидѣвшихъ на такихъ земляхъ. Объ этомъ рѣчь будетъ поздиѣе, частью въ отдѣлѣ о крестьянахъ, частью въ отдѣлѣ о землевладѣніи. Теперь же ограничимся указаніемъ только на то, что князья договаривались не покупать земель численыхъ людей, какъ они

договаривались не покупать земель черныхъ людей. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А численыхъ людей блюсти ны съ одиного: а земель ихъ не купити». Рум. Собр. I. № 33. 1388.

Численые люди несли тягло, а потому, какъ и другіе тяглые, не могли поступать на службу къ князьямъ. Въ договорѣ тѣхъ же князей читаемъ:

«А которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати. но блюсти ны ихъ съ одиного; такоже и численыхъ людей». № 27. 1362.

Возникаетъ вопросъ, что это за особое тягло, лежавшее на числякахъ и ордынцахъ? Въ московскихъ памятникахъ намъ не случилось встрѣтить никакихъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Только наименованіе числяковъ ордынцами наводитъ на мысль, что тягло ихъ имѣло какое-то отношеніе къ Ордѣ. Москва была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ордой, уполномоченные ордынскаго хана имѣли постоянное пребываніе въ московскомъ Кремлѣ. Отсюда возникала масса самыхъ разнообразныхъ потребностей, которыя надо было удовлетворять. Численые люди и ордынцы, по всей вѣроятности, и предназначались для этого, въ этомъ и состояло ихъ особое тягло.

Туже роль играли и делюи (вар. дѣлюи). Думаемъ такъ потому, что они упоминаются на ряду съ ордынцами:

«А что наши ордынци и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, како было при нашихъ отцѣхъ», читаемъ въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ братомъ, Владиміромъ. № 27. 1362.

Нѣчто подобное, вызванное отношеніями къ татарамъ, было и въ Рязанскомъ княжествѣ. Мы встрѣчаемъ тамъ особый разрядъ людей, обложенныхъ повинностями въ пользу татарскихъ пословъ. Они носятъ наименованіе то «кладежныхъ людей» (вѣроятно, потому, что были поло-

жены въ число), то просто «тяглыхъ, кои пословъ кормятъ» (Рум. собр. I. № 127, 1496).

Позднѣйшее указаніе на существованіе числяковъ и ордынцевъ находимъ въ извѣстіи Александро-Невской лѣтописи объ учрежденіи опричины. Перечисляя города, волости и станы, которые государь повелѣлъ взять на свой обиходъ, лѣтописецъ упоминаетъ «числяковъ и ордынскія деревни».

Рейцъ выводитъ численыхъ людей изъ первой татарской переписи и думаетъ, что съ того времени, какъ московскіе вел. князья перестали допускать татаръ къ возобновленію переписи, наименованіе «численые люди» стало относиться къ людямъ стараго тарарскаго счисленія. Это люди, попавшіе въ послѣднюю татарскую перепись; они были обложены татарской данью и, можетъ быть, освобождены отъ другихъ повинностей (§ 37 пр. 3). Въ 1890 г. я присоединился къ этому мнѣнію, но теперь долженъ отступить отъ него. Численыхъ людей, кромѣ Московскаго уѣзда, я встрѣтилъ только въ двухъ станахъ Переяславскаго, а потому они и не могутъ составлять остатка татарской переписи, которая должна была обнимать всѣ мѣстности. Численые люди въ Переяславскомъ уѣздѣ находились всего въ двухъ станахъ и были отказаны вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ его женѣ въ 1462 г. (Русс. Собр. I. № 86—87).

Карамзинъ считаетъ ордынцевъ татарами, поселившимися въ Россіи; Соловьевъ — русскими плѣнниками, выкупленными въ ордѣ и поселенными на княжескихъ земляхъ; делюевъ Соловьевъ считаетъ ремесленными людьми, посеными тоже на княжескихъ земляхъ (IV, 145, 215). Это только догадки.

VI. Закладни

Закладни (тоже — закладники, закладчики и закладные люди) представляютъ чрезвычайно характерное явле-

ніе нашей древности. Они сближаютъ Новгородъ Великій XIII-го вѣка съ Московскимъ государствомъ XVII-го и бросаютъ яркій свѣтъ на общественный бытъ нашей старины. Утверждаемъ это, несмотря на то, что памятники говорятъ о закладникахъ очень немного; свидѣтельства ихъ можно назвать бѣдными. Они не только не опредѣляютъ юридическаго положенія закладня, но въ нихъ рѣдко встрѣчаются даже указанія на занятія людей этого рода. Закладень представляется людямъ XIII, XIV, XV, XVI и XVII-го вѣковъ понятіемъ столь яснымъ и всѣмъ извѣстнымъ, что они не находятъ нужнымъ объяснять, что̀ это такое. Всѣ памятники, отъ XIII-го вѣка начиная и до конца XVII-го, употребляютъ это несовсѣмъ ясное для насъ выраженіе всегда при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ и при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Они говорятъ о закладняхъ, какъ объ явленіи запрещенномъ: закладней не должно быть, никто не долженъ ихъ держать; у кого они есть, тотъ долженъ ихъ отпустить, и они должны возвратиться въ прежнее мѣсто своего жительства. Запрещеніе принимать закладниковъ находимъ въ древнѣйшей дошедшей до насъ договорной грамотѣ тверского князя Ярослова съ Новгородомъ отъ 1265 года и такое же запрещеніе читаемъ въ наказѣ казанскому воеводѣ, окольничему князю Львову, отъ 1697 года.

Причина такихъ запрещеній также одна и та же, какъ въ XIII-мъ вѣкѣ въ Новгородѣ, такъ и въ концѣ XVII-го въ государствѣ Московскомъ. Закладни вышли изъ тягла, стали жить за людьми разныхъ чиновъ, перестали платить подати: вотъ въ чемъ бѣда. Они должны нести повинности, а потому и должны вернуться къ своему тяглу, въ свой потугъ.

Москва XVII-го вѣка жалуется на тѣ же неудобства, на которыя Новгородъ Великій жаловался еще въ XIII-мъ; Москва наканунѣ реформъ Петра Великаго больна тѣмъ же, чѣмъ страдалъ и Новгородъ на зарѣ нашей исторіи; XIII-й вѣкъ сходится съ XVII-мъ, у нихъ одна и та же

забота, и это послѣ того, какъ московскіе государи передѣлали старую Русь на новую, Московскую!

Что же такое закладники? Это всегда было не очень ясно, а въ послѣднее время сдѣлалось очень спорнымъ.

Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, приведемъ въ порядкѣ времени всѣ извѣстныя намъ мѣста памятниковъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о закладняхъ. Они разъяснятъ намъ этотъ вопросъ гораздо лучше, чѣмъ все до сихъ поръ сказанное о немъ въ нашей литературѣ. Выписокъ будетъ много, но нельзя знать древности, не зная памятниковъ.

Въ договорахъ Новгорода съ княземъ Ярославомъ тверскимъ читаемъ:

«А изъ Бѣжиць, княже, людій не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новогородской; ни грамотъ имъ дати, ни закладниковъ примати, ни княгыни твоей, ни бояромъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины». Рум. Сбор. I № 1, 1265.

Въ другой грамотѣ съ тѣмъ же княземъ находимъ еще такое поясненіе:

«А что закладниковъ за Юргомъ на Торожку или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, тотъ потягнетъ въ свой погостъ, тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ проць». № 3, 1270.

Сынъ этого Ярослава, Михаилъ, въ своей грамотѣ говоритъ:

«А кто будетъ закладень позорвалъ ко мнѣ, а жива въ Новъгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду». № 4, 1295.

Въ договорѣ съ тѣмъ же княземъ:

«А что селъ или людій новгородьскихъ въ сю замятню заложилося за князя, и за княгыню, или за дѣти, или за бояры, или села кто купилъ; купы ему имати, а села къ Новугороду». № 12, 1317.

Такія же условія о недержаніи закладней находимъ и въ договорахъ московскихъ князей съ удѣльными московскими и съ великими князьями тверскими. Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ обязываетъ тверского:

«А закладней, брате, въ нашей отчинѣ, въ великомъ княженіи въ Московскомъ и въ Новгородѣ, не держати». *№* 89, 1462.

Царь Иванъ Васильевичъ въ 1553 году обязываетъ старицкаго удѣльнаго князя:

«Селъ въ его государствахъ не купить, ни закладней не держать». *№* 167.

Новгородскій терминъ переходитъ въ московскіе памятники и совершенно съ тѣмъ же значеніемъ доживаетъ до временъ Ивана Грознаго. Но при томъ же царѣ встрѣчаемъ и новый терминъ. Въ приговорной грамотѣ всего духовнаго чина о монастырскихъ вотчинахъ читаемъ:

«А кто послѣ сего уложенья купитъ землю въ которой монастырь или закладня учнетъ за собой которой монастырь держати, і тѣ земли имати на государя безденежно; а которые нынѣ закладни за митрополитомъ, и за владыками, и за монастыри, и тѣ земли понмати на государя»...

Здѣсь закладнемъ названъ не человѣкъ, а заложенная земля. А далѣе говорится о закладняхъ-людяхъ, которые названы закладчиками:

«И въ закладчикехъ за собою торговыхъ людей, съ которыхъ идутъ царскіе дани,... не держать». *№* 202, 1584.

Борьба съ закладничествомъ, о которой свидѣтельствуютъ новгородскіе договоры XIII-го вѣка, началась, конечно, не въ 1265 г.; въ этомъ году порядки, которыхъ желательно было достигнуть приведенными запрещеніями, составляли новогородскую старину; они могутъ, слѣдовательно, восходить къ XII-му вѣку и далѣе. Но уничтожить нарушенія этого порядка не удалось, и закладниче-

ство переходитъ въ XIV, XV и XVI вѣка. Оно составляетъ такую же язву Москвы, каковой было въ Новгородѣ. Надо думать, оно имѣло глубокіе корни въ народной жизни.

Смутное время, которое Москва переживала въ концѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го вѣка, — время слабости правительственной власти, должно было благопріятствовать развитію закладничества. Постоянныя войны и грабежъ мирныхъ жителей опустошили города и селенія, тяглые люди уходили изъ рукъ и глазъ правительства. Въ XVII-й вѣкъ Московское государство вступило преобразованнымъ. Оно объединилось, служилые люди изъ вольныхъ стали обязанными, крестьяне прикрѣплены къ мѣсту; тягло, хорошо извѣстное XIII вѣку и болѣе отдаленной древности, въ Москвѣ осложнилось въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Это могло создать для тяглыхъ людей новые поводы уклоненія отъ тягла, а для правительства — новые пріемы въ борьбѣ съ закладничествомъ. Мы встрѣчаемся теперь съ этимъ зломъ не въ княжескихъ договорахъ, а въ памятникахъ, относящихся къ внутреннему управленію. Внутреннія мѣры борьбы съ закладничествомъ могли быть принимаемы и ранѣе. Въ договорахъ воспрещается имѣть закладниковъ не только чужимъ князьямъ, но и ихъ боярамъ. Это мѣра государственная, имѣющая цѣлью обезпечить правильное поступленіе повинностей; а потому нѣтъ основанія думать, что свои бояре имѣли право нарушить интересы своего же государства. Но эти древнѣйшія распоряженія до насъ не дошли. Отъ Новгорода мы имѣемъ только одно такое распоряженіе и то отъ XV-го вѣка. Оно находится въ грамотѣ на чорный боръ. Около половины XV вѣка великій князь московскій, Василій Васильевичъ, потребовалъ съ новгородцевъ дани по новой гривнѣ съ сохи. Новгородцы, обсудивъ этотъ запросъ на вѣчѣ, рѣшили дать вел. князю по гривнѣ съ сохи. При этомъ пришлось указать, что̀ такое соха въ Новгородѣ и кто долженъ платить. Вотъ въ грамотѣ о сборѣ этой дани, между прочимъ, и говорится:

«А кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярьскій дворъ..., а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху». А. Э. I. № 32.

Терминъ «закладникъ» здѣсь не употребленъ, но, очевидно, дѣло идетъ о немъ. Человѣкъ, долженствующій уплатить гривну съ сохи, бросаетъ свой дворъ и поселяется во дворѣ боярина, чтобы не платить дани. Въ наказаніе съ него взыскиваютъ двойную дань. Въ Новгородѣ закладничество не только было запрещено, но закладники подвергались и штрафу за это..

Отъ московскаго времени сохранилось довольно много такихъ правительственныхъ распоряженій о закладникахъ.

Въ 1619 году «великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ и всея Русіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и земля устроить». Результатомъ этого соборнаго совѣщанія была посылка пословъ и дозорщиковъ во всѣ разоренные города съ тѣмъ, чтобы они описали, что́ отъ разоренья запустѣло, сколько съ какихъ городовъ положено по окладу доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, сколько ихъ въ приходѣ и расходѣ, сколько въ долгѣ, чтобы они сыскали про злоупотребленія сильныхъ людей и т. д. Къ намъ дошло нѣсколько грамотъ, послѣдовавшихъ во исполненіе этого соборнаго опредѣленія. Въ одной изъ нихъ по интересующему насъ вопросу сказано:

«А которые посадскіе и уѣздные люди заложились за митрополитовъ и за весь священный соборъ, и за монастыри, и за бояръ, и за окольничихъ, и за всякихъ чиновъ людей, и тѣмъ закладникамъ всѣмъ указали всели быть попрежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего, а на тѣхъ

людѣхъ за кѣмъ они жили, приговорили семя со всѣми людьми, сыскавъ и счетчи, доправить всякія наши подати за прошлые годы. А изъ за кого и сколькихъ людей изъ закладовъ возьмете, и сколько на комъ за прошлые года нашихъ податей доправите, и вы бы о томъ отписали именно тотчасъ». Рум. Собр. III. № 47, 1619; А. Э. III. № 105, 1619.

Здѣсь не только повторяется старое запрещеніе принимать закладниковъ, но предписывается еще взысканіе съ виновныхъ царскихъ податей за все то время, въ теченіе котораго они держали закладниковъ.

Въ возродившейся послѣ смутнаго времени Москвѣ борьба съ уходящими изъ тягла нисколько не сдѣлалась легче, а потому предписанія о невыходѣ повторяются изъ года въ годъ. Приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя.

Въ 1623 году разбѣжались устюженцы, посадскіе люди, покинувъ свои тяглые дворы. Царская грамота предписываетъ провѣдывать, куда они сбѣжали, и брать ихъ въ посадъ отъ тѣхъ, за кѣмъ окажутся «во крестьянѣхъ или въ закладчикахъ». А. Э. III. № 141.

Въ 1630 году чердынскіе каменьщики, кирпичники и гончары, избываючи государева тягла и нехотя каменныхъ и кирпичныхъ дѣлъ дѣлать, вышли съ посаду и живутъ въ монастырскихъ слободахъ и на церковныхъ земляхъ въ закладникахъ. Имъ велѣно быть готовыми «къ нашимъ каменнымъ дѣламъ». А. Э. III, № 188.

Особенно любопытна царская грамота суздальскому воеводѣ, Г. А. Вельяминову, отъ 1636 года. Въ ней находимъ новыя свѣдѣнія о закладникахъ.

«Въ нынѣшнемъ въ 147 году сентября въ 12 день, пишетъ царь, указали мы боярину нашему, князю П. А. Репнину, да дьяку нашему, М. Грязеву, сыскивать въ Москвѣ и въ городахъ . . . закладчиковъ и въ черныхъ сотняхъ, и въ слободахъ, и въ городѣхъ тяглыхъ людей, которые вышли съ московскаго разоренья, какъ мы, великій государь, воцарились: которые тяглые люди при

насъ въ тяглѣ были, или у тяглыхъ людей сидѣльцы или наймиты, а сидѣли въ лавкахъ и торговали отъ нихъ, а объявятся на нихъ у кого какія кабалы или иныя какія крѣпости съ 121 года и по ся мѣсто, или у кого во крестьянствѣ и въ писцовыхъ книгахъ тѣ тяглые люди написаны, и тѣ люди по тѣмъ крѣпостямъ тѣмъ людемъ не крѣпки; указали мы тѣхъ людей имать за насъ на ихъ тяглые дворы, гдѣ кто живалъ». А. Э. III. № 279.

Изъ той же царской грамоты узнаемъ, что тяглые люди уходятъ не только къ людямъ всякаго чина въ закладчики, въ крестьяне и дворники, но и на государеву службу въ затинщики, въ воротники, въ стрѣльцы, въ пушкари и въ казенные плотники. Происходитъ, такимъ образомъ, самое разнообразное перемѣщеніе тягла. Тяглые люди или вовсе уходятъ отъ тягла, садясь, напримѣръ, на льготныя земли, или переходятъ въ другое тягло, которое имъ больше нравится.

Предписанія правительства съ каждымъ годомъ дѣлаются рѣшительнѣе и настойчивѣе. Въ грамотѣ уфимскому воеводѣ отъ 1640 г. читаемъ:

«Во прошломъ во 148 году писано къ тебѣ, и велѣно . . ., которые люди живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей, велѣть имъ жить въ тяглѣ . . ., а денегъ по кабаламъ и по закладцымъ и по всякимъ крѣпостямъ заимщикомъ платить не велѣть, и истцомъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать, и крѣпости всякія на закладныхъ людей у истцовъ взять въ нашу казну для того, чтобы впредь никто никакихъ людей въ заклады ни по какимъ крѣпостямъ не ималъ» . . . А. И. III. № 213.

Кто далъ закладнику деньги, теряетъ эти деньги; у него нѣтъ иска по долговымъ обязательствамъ, которыми онъ укрѣпилъ себѣ закладника.

Давать деньги закладникамъ по кабаламъ, по закладнымъ и по всякимъ крѣпостямъ могли, конечно, только богатые люди; только у нихъ и могли быть закладники. Люди бѣдные, которые сами были въ тяглѣ непосредственно, или ихъ крестьяне несли отъ заклад-

ничества только убытки. Лежащее на нихъ или на ихъ крестьянахъ тягло, отъ выхода въ закладники, становилось тяжелѣе, ибо распредѣлялось на меньшее число людей. Вотъ почему правительство и отъ нихъ получаетъ челобитья о воспрещеніи закладничества. Въ октябрѣ 1618 г. съ такимъ челобитьемъ обратились къ царю: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и городовые, дѣти боярскіе, гости, люди гостиной, суконной и черной сотенъ и слободъ, городовые и посадскіе люди. Ихъ челобитье имѣетъ нѣкоторый особый интересъ вотъ въ какомъ отношеніи. И дворяне и посадскіе люди въ своемъ челобитьи говорятъ, что при прежнихъ государяхъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и при сынѣ его, Ѳеодорѣ, во всемъ Московскомъ государствѣ закладчиковъ никто не держалъ. Что бы это значило? Трудно допустить, что бы московскіе люди половины XVII вѣка не знали, что закладчики были и при царѣ Иванѣ и всегда. Надо думать, что въ ихъ устахъ это своего рода аргументъ противъ закладничества. Они этимъ хотятъ сказать: это не старина, а новшество, а потому они и надѣются, что государь уничтожитъ закладничество. А. Э. IV. №№ 32 и 36.

Въ этомъ челобитьи дворянъ и городовыхъ людей находимъ новыя подробности о положеніи закладниковъ. Они называютъ ихъ «заступными людьми». Закладчики закладываются за большихъ людей для своей «легости». Они живутъ въ крестьянахъ, бобыляхъ, холопахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ на посадѣ, въ одной Благовѣщенской слободѣ, за патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, сверхъ писцовыхъ книгъ, было больше 600 человѣкъ, которые въ ту слободу сошлись изъ разныхъ городовъ и поселились для своего промысла и легости. Съ своихъ промысловъ эти заступные люди государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, живутъ всегда во льготѣ, и на Москвѣ и въ городѣхъ отъ нихъ чинится смятеніе и междоусобіе и ссоры большія. Изъ того же документа

узнаемъ, что въ закладчики—записываются, т.-е. поступаютъ по записи (долговой, по кабалѣ и иной крѣпости).

Въ Уложеніе, составленное при участіи этихъ выборныхъ челобитчиковъ, внесены двѣ весьма рѣшительныхъ статьи о закладчикахъ. Въ нихъ виденъ слѣдъ всей предшествовавшей практики XVII вѣка. Всѣхъ закладчиковъ предписывается взять за государя и «впредь имъ ни за кого въ закладчики не записываться и ни чьими крестьянами или людьми не называться». Это старое, а вотъ новое: закладничество воспрещено подъ страхомъ наказанія. Кто вновь заложится, подлежитъ кнуту и ссылкѣ въ Сибирь на житье, кто приметъ закладника, подлежитъ великой опалѣ, а земли его, гдѣ закладники учнутъ жить, отбираются на государя. А затѣмъ идетъ опять старое: если принявшій закладника станетъ бить челомъ по кабаламъ или по записямъ о заемныхъ долгахъ или о ссудѣ, выданной закладнику, иска не давать и крѣпости отбирать. XIX, 13, 18.

Это уже общій законъ и очень строгій и рѣшительный. Но и онъ не истребилъ закладничества. Изъ наказа казанскому воеводѣ, окольничему князю Львову, отъ 1697 года, узнаемъ, что предписаніе Уложенія нарушается и что въ Казани есть пришлые люди, которые живутъ въ закладчикахъ въ самомъ концѣ XVII вѣка. По отношенію къ нимъ повторяются статьи Уложенія о возвращеніи въ тягло, а въ случаѣ новаго закладничества—о наказаніи кнутомъ. На будущее же время приказано: «Въ Казани учинить заказъ крѣпкій и бирючомъ кликать по многіе дни, чтобы казанскіе люди всякихъ чиновъ людей ни въ какихъ долгѣхъ въ закладъ къ себѣ не имали и ни въ какія крѣпости не писали ни которыми дѣлы. А буде кто учнетъ всякихъ чиновъ людей въ какія закладныя крѣпости или въ кабалы или въ иныя какія крѣпости писать, и тѣхъ, и ихъ женъ, и дѣтей въ закладъ къ себѣ имать, и тѣмъ людемъ, кто такъ

учинитъ, за то отъ великаго государя быть въ смертной казни».

Въ Уложеніи за пріемъ закладней назначена великая опала и конфискація земель, здѣсь смертная казнь. Но это, конечно, только угроза. Къ казанскимъ нарушителямъ закона не примѣнено даже постановленіе Уложенія. Казанскіе закладники 1697 года, конечно, новые, а не тѣ, которые были до Уложенія, а потому они подлежали кнуту и ссылкѣ въ Сибирь, а ихъ только водворяютъ въ тягло. Кто ихъ принималъ, подлежалъ великой опалѣ и конфискаціи земель, а съ нихъ велѣно взыскать только прогульныя подати. Можно подумать, что въ Казани Уложеніе вовсе не было обнародовано и силы закона тамъ не получило. Буква закона очень строга, практика очень мягка. Правительство болѣе пугаетъ наказаніемъ, чѣмъ наказываетъ на самомъ дѣлѣ.

Таковы свидѣтельства памятниковъ о закладникахъ. При всей ихъ краткости и односторонности они даютъ достаточный матеріалъ для разъясненія дѣла и совершенно подтверждаютъ высказанное нами въ началѣ статьи мнѣніе о закладничествѣ: это состояніе запрещенное, запрещенное потому, что закладники выходятъ изъ тягла и не несутъ повинностей. Закладничество, слѣдовательно, стоитъ въ самой тѣсной связи съ древней системой обложенія и можетъ быть вполнѣ понятно только при совершенномъ ея разъясненіи. Оно сопутствуетъ ей въ теченіе цѣлыхъ четырехъ вѣковъ, постоянно нарушая интересы фиска: никакимъ усиліямъ правительства не удается истребить закладничество. Когда же оно исчезло? Оно исчезло съ полнымъ преобразованіемъ старой системы обложенія, со введеніемъ подушной подати Петромъ Великимъ.

До сихъ поръ мы наблюдали лишь отрицательную сторону закладничества. Мы знаемъ только, что оно выводитъ изъ тягла, а потому оно и запрещено. Но что оно такое само по себѣ и почему выводитъ изъ тягла? При-

веденные документы даютъ и на эти вопросы достаточно ясный отвѣтъ.

Закладчики суть заемщики, и живутъ они не въ сотняхъ и потугахъ, а за своими кредиторами по кабаламъ, по закладнымъ, по записямъ о займахъ и о ссудахъ, и по всякимъ крѣпостямъ, въ ихъ дворахъ, а не въ своихъ собственныхъ. Они бросили свое хозяйство и перешли на чужое.

Документы не ограничиваются какимъ-либо однимъ терминомъ для указанія задолженности закладчика, а употребляютъ всѣ возможные, да и это не всегда оказывается достаточнымъ, а потому въ концѣ перечисленія прибавляютъ еще «и по всякимъ крѣпостямъ». Это понятно: способы задолженности могли быть чрезвычайно разнообразны, начиная отъ простой записи о ссудѣ и кончая закладомъ своей личности въ обезпеченіе долга. Въ древнихъ памятникахъ слово «закладень» безразлично употребляется какъ для обозначенія заложенной земли, такъ и для обозначенія человѣка [1]).

[1]) Подобное нашему закладничеству явленіе встрѣчаемъ и въ Литвѣ. Въ 1514 г. великій князь Василій Ивановичъ завоевалъ Смоленскъ и далъ этому городу грамоту, въ которой обѣщалъ держать смольянъ по старинѣ, какъ ихъ держалъ Витовтъ и иные государи, по ихъ утвержденнымъ грамотамъ. Въ грамотѣ вел. князя читаемъ: «А кто человѣка держитъ въ деньгахъ, и онъ того человѣка судитъ самъ, а окольничіе въ то у него вступаются». Рум. Собр. I, № 148.

Въ Западной Руси долгъ также велъ къ зависимости, какъ и въ Московской. Но что значитъ—судитъ самъ того человѣка... въ деньгахъ? Этого никакъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что всякій кредиторъ судитъ своего должника во всякихъ дѣлахъ. Единственно возможный смыслъ статьи такой. Онъ ему судья въ его долгѣ: хочетъ—проститъ, хочетъ, при неплатежѣ, возьметъ себѣ въ холопы, хочетъ—продастъ. У должника—нѣтъ права обращаться въ этихъ случаяхъ къ суду. «Держать въ деньгахъ», по всей вѣроятности, означаетъ закладъ лица въ обезпеченіе долга. А въ этомъ случаѣ и у насъ закладная, при несостоятельности, безъ приговора суда обращалась въ кабалу, т.-е. должникъ дѣлался холопомъ, если это было угодно кредитору. А не хотѣлъ онъ этого, онъ могъ дать свободу

Но что же это значитъ? Не значитъ ли это, что въ древности было воспрещено вступать въ долговыя обязательства? Нисколько. Всѣ могли занимать деньги, даже и люди, записанные въ тягло, но оставаясь въ тяглѣ. По древнему праву (до XVI в.) такой заемъ, по существу, равнялся закладу своей личности, ибо, въ случаѣ несостоятельности, должникъ продавался въ холопы и выходилъ изъ тягла. Фискъ и въ этомъ случаѣ терялъ тяглеца, но на счетъ его свободы. Здѣсь нельзя было подозрѣвать симуляціи: закладъ себя только для того, чтобы уйти отъ тягла.

Но въ тягло не всѣ были записаны. Кто не записанъ въ тягло, тотъ, занимая деньги, могъ обезпечивать свой долгъ своимъ лицомъ и немедленно поступать въ зависимость отъ кредитора, поселяться на его дворѣ, работать на него. Такіе закланы тоже не воспрещены. Здѣсь нѣтъ выхода изъ тягла.

Тягло лежало на самостоятельномъ хозяинѣ, положенномъ въ обжу или въ соху, независимо отъ того, на какой землѣ онъ сидитъ, на своей или чужой. Онъ можетъ занимать деньги. Занявъ деньги, онъ можетъ даже пользоваться правомъ перехода съ одной земли на другую. Онъ и на новой землѣ будетъ въ тяглѣ. Но случалось, что тяглый человѣкъ, занявъ деньги, бросалъ свое хозяйство и переходилъ во дворъ кредитора въ качествѣ зависимаго отъ него человѣка: работника-наймита, дворника и пр. Онъ уходилъ, такимъ образомъ, отъ тягла. Сдѣлки такого рода могли совершаться и прямо съ цѣлью выхода изъ тягла, въ обходъ закона. Вотъ такихъ-то за-

должнику, что и случалось. Есть случаи отпуска на волю кабальныхъ. Литовская древность сходится здѣсь съ московской. О судѣ же надъ должникомъ вообще и рѣчи быть не можетъ. У насъ и рабы не подлежали суду своихъ господъ въ столкновеніяхъ съ третьими лицами. А съ XIV в. намѣстники привлекали къ отвѣту даже господъ за убійство своихъ собственныхъ рабовъ. Двинск. грам. ст. 11-я запрещаетъ такое привлеченіе, если господинъ убилъ раба безъ намѣренія, не умышленно.

кладниковъ и нельзя было держать, ихъ надо было отпустить въ ихъ лотугъ.

Кромѣ запрещенія держать закладниковъ въ новгородскихъ договорахъ встрѣчаемъ еще такое условіе:

«А въ Бѣжицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородской». Рум. Собр. I, № 1, 1265.

Это условіе можетъ также стоять въ связи съ заботою новгородскаго правительства о правильномъ отбываніи тягла сельскомъ населеніемъ. Дѣйствительно, могли встрѣчаться затрудненія при взысканіи податей съ крестьянъ, сидѣвшихъ на княжескихъ земляхъ и даже на земляхъ княжескихъ бояръ и слугъ. Такое же условіе встрѣчается и въ княжескихъ договорахъ.

Статьи новгородскихъ договоровъ о закладняхъ свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи государственнаго порядка въ Новгородѣ уже въ XIII вѣкѣ и даже ранѣе. Сельское и городское тяглое населеніе было переписано и обложено повинностями. Принимались мѣры къ тому, чтобы лица, обязанныя тягломъ, не оставляли его во вредъ фиска. Забота о томъ, чтобы люди изъ тягла не уходили, не есть забота одного правительства. Выходъ изъ тягла невыгоденъ самимъ тяглецамъ. Отъ нихъ, конечно, должны были идти первыя жалобы на такой выходъ. Правительство, запрещая закладничество, удовлетворяло желанію лицъ, остававшихся въ тяглѣ. Это дѣлалось въ интересѣ всего населенія княжества. Въ виду этого, едва ли можно говорить о поголовномъ бродяжничествѣ населенія древней Руси, о чемъ можно читать у многихъ историковъ, съ любовью разработывающихъ эту тему. Самое тягло, столь необходимое для удовлетворенія потребностямъ фиска, не есть изобрѣтеніе Московскаго государства. Оно было извѣстно гораздо ранѣе его возникновенія.

Въ Москвѣ для лицъ, незаписанныхъ въ тягло, возни-

кастъ особый способъ закладничества, регулированный правительствомъ;—это служилая кабала. Такой кабалой могли обязываться всѣ вольные люди, но не тяглые.

Въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка рядомъ съ закладнями говорится и о крестьянахъ: «если кто окажется во крестьянахъ или въ закладчикахъ». Крестьяне выступаютъ тутъ какой-то разновидностью закладничества. Это дѣйствительно такъ и было. Помѣщики и вотчинники, принимая бѣглыхъ людей въ крестьяне, и «желая укрѣпить ихъ за собою брали съ нихъ кабалы и записи во многой ссудѣ». А. И. III, 92, XXXIII. А эти люди нерѣдко убѣгали съ посадовъ и тяглыхъ земель и переходили съ одного тягла на другое, при чемъ иногда брасали такое тягло, которое для правительства представляло большій интересъ, чѣмъ то, въ которое они записывались вновь. Это чистѣйшая разновидность закладчиковъ: они уходили съ тягла, которое за ихъ уходомъ оказывалось не обезпеченнымъ, и, поступая въ крестьяне, связывали себя заемнымъ обязательствомъ.

Чины собора 1649 года говорятъ, что въ закладчики записываются. О томъ же говоритъ и Уложеніе. Это очень понятно. Закладчики ушли съ тягла и задались для своей легости за частныхъ людей. Чтобы не быть взятыми обратно, они должны были какъ-нибудь связать себя съ новыми господами. Вотъ для этого и писалась долговая запись. Когда закладчика требовали обратно въ тягло, господинъ представлялъ эту запись ко взысканію и искалъ уплаты долга съ того «потуга», который домогался возвращенія ушедшаго. Правительство вмѣшивается въ это и говоритъ: эти записи силы не имѣютъ, по нимъ нѣтъ иска.

Такихъ записей должно было быть множество. Какія же онѣ и гдѣ онѣ? Что ихъ не сохранилось отъ XIII вѣка, это неудивительно. А отъ московскаго времени мы ихъ имѣемъ не мало и въ самой разнообразной формѣ.

Наказъ князю Львову говоритъ о закладныхъ запи-

сяхъ; по этимъ записямъ должники живутъ въ закладѣ у своего кредитора; это и суть закладные люди.

Къ намъ дошло двѣ такихъ закладныхъ. Приводимъ одну.

«Се азъ Иванъ, Семеновъ сынъ, Черній, промышленой человѣкъ, Вплеженинъ, занялъ есми на Ковымѣ, на нижней ярманкѣ, у служилого человѣка, у Дмитрея Овдеева сына Шабанова, сто рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ, прямыхъ, до сроку до Прокопьева дни, Устюжского чудотворца, нынѣшняго 171 году. А въ тѣхъ (денгахъ) я, заимщикъ, заложилъ и подписалъ ему, Дмитрею, ясыря своего дѣвку, Юкагирскую не крещеную, именемъ Малку, на срокъ, которой въ сей кабалѣ писанъ. А буде я, Иванъ, не выкуплю до сроку у него, Дмитрея, и послѣ сроку волно ему Дмитрею по сей закладной кабалѣ владѣть и у себя держать, и на сторону продать, заложить. Готъ мой ясырь (плѣнница) прежъ сей закладной нигдѣ не заложена, ни продана. А будетъ на тотъ мой ясырь станутъ со стороны вылагать, и мнѣ, Ивану, отъ тѣхъ письмяныхъ крѣпостей очищать, и очистя отдать ему Дмитрею съ чиста пути. Гдѣ ся закладная кабала выляжетъ, тутъ по ней судъ и правежъ, кто съ сею кабалаю станетъ, тотъ по ней истецъ. На то послухъ служилой человѣкъ, Иванъ Дороѳеевъ. Закладную кабалу писалъ промышленой человѣкъ, Сидорко Кондратьевъ Курочкинъ Лалетинъ, лѣта 7171 году іюля 9 въ день». А. до Ю. Б. II. № 126, VIII, 1663.

Такія же закладныя писались и въ случаѣ заклада недвижимостей. Какъ тѣ, въ случаѣ просрочки, обращались въ купчія, такъ и эта. Это видно изъ тѣхъ выраженій приведенной закладной, которыми кредитору, въ случаѣ просрочки, предоставлено находящійся въ его рукахъ закладъ продавать и закладывать.

Въ другой закладной (тамъ же XIII, 1679), которая даже названа купчею, заемщикъ закладываетъ свою жену.

Въ 1637 году въ Томскѣ былъ воеводою князь И. Ромодановскій; онъ возбудилъ противъ себя и служилыхъ людей, и посадскихъ. Отъ посадскихъ онъ потребовалъ постройки новой мельницы. Она обошлась въ 200 руб. У по-

садскихъ не было въ наличности такихъ денегъ, и имъ пришлось «закладывать женъ своихъ и дѣтей» [1]).

Къ этой же цѣли—сдѣлать человѣка зависимымъ, связать его, ведутъ служилыя кабалы. Законъ XVI вѣка дозволяетъ обязываться такими кабалами только не тяглымъ людямъ. Но не правительство выдумало служилую кабалу; она была въ употребленіи прежде, чѣмъ оно нашло нужнымъ регулировать порядокъ ея выдачи, и, конечно, этимъ средствомъ укрѣпленія пользовались и тяглые закладчики.

Ростовая заемная росписка не связываетъ лица должника, пока по суду онъ не приговоренъ отработывать долгъ, но и она, въ данномъ случаѣ, могла быть полезна, пока по такимъ записямъ указы не отняли право иска. Во избѣжаніе взысканія и его послѣдствій должникъ оставался въ зависимости отъ кредитора, а желающимъ возвратить его въ тягло угрожалъ искъ объ убыткахъ.

Кромѣ этихъ записей были въ ходу неустойки. Крестьянинъ, садясь на чужую землю, предоставлялъ хозяину, въ случаѣ его ухода, «взять на немъ заставы столько то рублевъ». Мѣра этой заставы опредѣлялась очень различно, въ 3, въ 10 и даже въ 50 рублей [2]). Къ той же цѣли могло вести и поручительство посторонихъ лицъ въ томъ, что крестьянинъ не уйдетъ съ земли. Поручители принимали на себя отвѣтственность, въ случаѣ его ухода, въ разной мѣрѣ: одни обязывались уплатить убытки, другіе отдавали «свою голову въ головы его (крестьянина) мѣсто» [3]). Поручители, конечно, не даромъ принимали на себя такую отвѣтственность. Они какимъ-нибудь образомъ да связывали крестьянина; они, конечно, брали съ него денежное обязательство. Это опять была

---

[1]) Историческій Вѣстникъ, 1901 г. іюль, статья Н. Н. Оглоблина—Томскій бунтъ 1637—1638 годовъ.

[2]) Акты тяглаго населенія Дьяконова I, №№ 10, 11, 23, 25, 31, 33, 34,

[3]) Тамъ же №№ 32, 35.

зависимость, та же крѣпость, хотя и не прямая, а посредственная.

Итакъ, древнему праву были извѣстны весьма разнообразные способы укрѣпить за собою ушедшаго тяглеца, который оказывался за кѣмъ-нибудь «въ крестьянахъ или въ закладчикахъ». Самые акты укрѣпленія дошли до насъ и въ очень разнообразныхъ видахъ.

Но въ чьихъ интересахъ это дѣлалось, кто отъ этого выигрывалъ? Это дѣлалось въ обоюдныхъ интересахъ; отъ этого выигрывали и закладчики и лица, ихъ принимавшія. Закладчики, уходя отъ довольно неопредѣленнаго и часто весьма тяжелаго тягла, становились въ совершенно опредѣленныя отношенія къ тому, кто ихъ принималъ. Они обязывались къ извѣстной, точно опредѣленной въ записи платѣ. И взамѣнъ этого освобождались отъ подчиненія волостнымъ властямъ: ихъ нельзя было привлечь къ отбыванію ни денежныхъ, ни натуральныхъ повинностей. Это и значило «жить въ легости», «быть въ заступленіи». Въ актахъ XVII вѣка читаемъ: «Закладчики и крестьяне живутъ на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ и въ городахъ на посадахъ и въ подгородныхъ слободахъ, торгуютъ всякими торговыми промыслами, а тягла и податей не платятъ». А. Э. IV, № 158, 1667. Это достигалось или тѣмъ, что закладчикъ, уходя съ тяглой земли, бросалъ самостоятельное хозяйство и водворялся въ господскомъ дворѣ, какъ зависимый отъ господина человѣкъ, или тѣмъ, что онъ садился на льготную землю. Въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ вести и самостоятельное хозяйство, не будучи привлекаемъ къ отбыванію тягла.

Лица, принимавшія закладчиковъ, не непремѣнно давали имъ ссуды и обязывали ихъ къ нѣкоторымъ денежнымъ платежамъ; запись «въ большой ссудѣ» могла быть и безденежной, она могла писаться только для укрѣпленія [1]). Принимавшіе закладчиковъ, въ этихъ случаяхъ,

[1]) Башкинъ, въ извѣстной бесѣдѣ со священникомъ, говоритъ: «Написано, возлюби искренняго твоего, какъ самъ себя, Христосъ

могли, за оказываемое имъ заступленіе, пользоваться трудомъ и услугами закладчиковъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; они могли употреблять ихъ для сельскихъ работъ, въ должности ключниковъ, дворниковъ, и т. д. Въ челобитной царю дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ 1642 года читаемъ:

«Которые посадскіе тяглые люди живутъ за сильными людми и за монастыри въ закладчикѣхъ и отъ тѣхъ закладчиковъ имъ и людямъ ихъ и крестьяномъ обиды и наспльство многое: въ городѣхъ, и по торжкомъ, и по слободамъ, и на посадѣхъ людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ; на мытахъ и перевозѣхъ перевозы и мостовщину емлютъ мимо государева указу и сверхъ государевыхъ уставныхъ грамотъ». А. И. Ш. № 92, XXXIII.

Здѣсь закладчики приставлены къ сбору проѣзжихъ пошлинъ. Изъ челобитной видно, что они очень энергически отстаиваютъ интересы своихъ господъ.

Но случалось, что закладчики обязывались даже платить господину ежегодно нѣкоторую сумму денегъ, не получивъ отъ него никакой ссуды. Въ 1679 году трое посадскихъ города Ярославля поручились передъ стряпчимъ Лар. Андр. Тихменевымъ въ томъ, что бобыль его, Ѳома, будетъ жить въ Ярославлѣ и никуда не сбѣжитъ и не съѣдетъ и будетъ платить Тихменеву, за ихъ порукою, по шести рублей въ годъ оброку. Что это такое? Слова закладчикъ въ документѣ не употреблено. Очень возможно, что оно и вообще въ записяхъ этого рода не употреблялось. Оно, собственно, ни на что и не нужно: дѣло не въ названіи, а въ обязательствѣ. Названія даже лучше не употреблять, ибо закладничество запрещено. Здѣсь рѣчь

называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя, а на иныхъ полныя». Что такое нарядныя кабалы? Наряжаться— это надѣвать на себя чужую личину. Нарядная кабала — это и будетъ безденежная кабала; человѣкъ съ такой кабалой уподобляется здѣсь ряженому, что ходятъ на маслянницѣ. Полная кабала — это настоящая кабала, денежная.

идетъ о бобылѣ, который обязывается жить въ Ярославлѣ, гдѣ живетъ и стрянчій Тихменевъ. Какъ бобыль, онъ живетъ при стрянчемъ, но за что обязывается онъ платить ему ежегодно по шести рублей? Это, конечно, одна изъ формъ закладничества. Ѳома, бобыль Тихменева, живетъ въ Ярославлѣ, занимается чѣмъ ему угодно, а тягла не тянетъ, потому что онъ бобыль и къ посаду не приписанъ. За эту «легость» онъ ему и платитъ оброкъ ежегодно [1]).

Оканчивая въ 1890 г. въ первомъ изданіи сего тома статью о закладникахъ, я выразилъ сожалѣніе, что закладничеству въ нашей литературѣ не посчастливилось, и что о немъ говорятъ только мимоходомъ. На эту жалобу отозвался г. Павловъ-Сильванскій цѣлымъ изслѣдованіемъ о закладникахъ; оно вышло въ свѣтъ въ 1897 году подъ заглавіемъ: «Закладничество — патронатъ» и занимаетъ цѣлыхъ 52 страницы.

Вотъ какое мнѣніе высказываетъ авторъ о закладчикахъ.

«Закладчикъ не былъ должникомъ, отдавшимъ себя въ залогъ, запродавшимся кабальнымъ холопомъ. Онъ отдавался въ подчиненіе извѣстному господину и становился въ положеніе, близкое къ холопству; но онъ не связывалъ себя никакою крѣпостью и сохранялъ за собою право порвать во всякое время свою зависимость (16). Становясь въ зависимость отъ частнаго лица, закладчикъ выходилъ изъ-подъ вѣдомства государственной власти, освобождался отъ уплаты налоговъ и отъ общей судебной и административной отвѣтственности (?) за исключеніемъ нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій (15); онъ подчинялся суду и управѣ господина или его прикащика. Институтъ этого рода, подъ именемъ патроната, существовалъ и въ западно-европейской исторіи» (15).

Мы далеко расходимся съ почтеннымъ авторомъ только

---

[1]) Акты Дьяконова, I, № 65.

въ одномъ пунктѣ, именно по вопросу о томъ, какъ человѣкъ дѣлался закладникомъ. Я отвожу здѣсь большое мѣсто заемному обязательству, г. Павловъ-Сильванскій совершенно отвергаетъ этотъ способъ возникновенія закладничества. По вопросу о зависимости закладника отъ господина, почтенный авторъ близко подходитъ къ тому, что у насъ было въ 1890 г. сказано объ этомъ въ первомъ томѣ юридическихъ древностей. Тамъ было сказано: «Закладень выходилъ изъ-подъ вѣдомства мѣстной власти, не тянулъ въ ея пользу тягла, не судился ею, а вѣдался своимъ кредитомъ» (269—270). Это говоритъ и авторъ. Мы считаемъ теперь это мнѣніе ошибочнымъ. Возражая по этому пункту г. Павлову-Сильванскому, мы будемъ возражать и себѣ, а потому думаемъ, что онъ приметъ наши возраженія благодушно.

Г. Павловъ-Сильванскій совершенно отвергаетъ отдачу закладникомъ себя въ обезпеченіе долга на томъ основаніи, что «въ цѣломъ рядѣ древнихъ актовъ терминъ «заложиться за кого-нибудь» значитъ «задаться за кого-нибудь», но не отдать самого себя въ залогъ». Мы не будемъ противъ этого спорить, но скажемъ, что терминъ этотъ означалъ еще и залогъ себя и употреблялся въ широкомъ смыслѣ закрѣпленія себя за кѣмъ либо какою-либо крѣпостью, кабалой, долговой записью и пр. Это достаточно ясно изъ вышеприведенныхъ нами выраженій памятниковъ. Эти два значенія слова по смыслу даже и не очень далеко между собой расходятся. У насъ нерѣдко одно и то же слово употреблялось въ двухъ и болѣе значеніяхъ, ничего общаго между собой не имѣвшихъ. «Правда» означала статью закона, присягу, свидѣтеля; «волость»— цѣлое княжество, его административное подраздѣленіе, частную земельную собственность и это еще не все. Оно означало и власть вообще или право, полномочіе; это, конечно, и есть первоначальное значеніе слова волость— власть. Иванъ Калита въ завѣщаніи говоритъ: «изъ городьскихъ волостѣй даю княгини своей осьмичее, а там-

гою и иными волостми городьскими подѣлятся сынове мои». Здѣсь право финансоваго управленія—тоже волость.

Такъ и слово «заложиться» значило и задаться за кого-либо и заложить себя кому-либо.

Переходимъ къ праву лицъ, принявшихъ закладниковъ, судить ихъ. Въ доказательство этого права авторъ ссылается на документъ, который и мы приводили съ тою же цѣлью въ 1890 году. Это отвѣтъ воеводъ и мѣстныхъ приказныхъ людей на вышеприведенное челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые жаловались на насилія закладчиковъ, жившихъ у сильныхъ людей (см. стр. 297). Воеводы отказали челобитчикамъ, мотивируя свой отказъ такъ: «имъ этихъ людей въ городѣхъ судити не указано». Это вовсе не значитъ, что закладчиковъ судили ихъ господа. Подсудность въ древности опредѣлялась очень различно. Напримѣръ, на приказныхъ людей и крестьянъ патріаршихъ, митрополичьихъ и владычныхъ и на монастыри суда въ городахъ вовсе не давали, но потому, что эти лица судились въ Москвѣ, на Патріаршемъ дворѣ. Точно такъ же по всѣмъ откупнымъ дѣламъ (кому даны на откупъ перевозы, мостовщина и пр.) судъ происходилъ не въ городахъ у воеводъ и приказныхъ людей, а въ Москвѣ, въ тѣхъ приказахъ изъ котораго кому дано на откупъ. Въ данномъ случаѣ дѣло шло именно объ излишнемъ сборѣ на мытахъ и перевозахъ, сданныхъ на откупъ, а потому воеводы и признали это дѣло себѣ не подсуднымъ. А. И. III, № 92, XXXIII.

Вотъ что значитъ: намъ этихъ людей въ городахъ судить не указано! Это все разъяснено въ томъ же документѣ, но подальше.

Но авторъ не ограничивается одной нашей ссылкой. Для доказательства своей мысли онъ углубляется въ удѣльную Русь съ цѣлью выяснить начало подсудности въ то отдаленное время. Вотъ какую картину удѣльнаго быта рисуетъ онъ. «Въ древней Руси, до XIV вѣка, не было государственной территоріальной власти, которая составляетъ

необходимый элементъ современнаго государства. Личныя отношенія преобладали надъ поземельными. Князь-государь владѣлъ территоріей лишь въ силу подчиненія ему частныхъ собственниковъ земли. Съ прекращеніемъ личной связи землевладѣльца съ княземъ оканчивалась и государственная власть князя надъ вотчиной частнаго собственника. Древнее вотчинное право исключало территоріальную власть князя-государя. Частныя земельныя владѣнія дѣлались экстерриторіальными вслѣдствіе отъѣзда бояръ и закладничества своеземцевъ. Точно такъ же земля ускользала отъ государственной власти и тогда, когда она переходила покупкой и другими способами въ частную собственность сосѣдняго князя или его слуги» 42—46.

Итакъ, въ древности не было подсудности по землѣ и водѣ, а была подсудность по подданству. Подданство же опредѣлялось личной связью, личной зависимостью, а слѣдовательно и закладничествомъ. Судъ и дань по землѣ и водѣ, полагаетъ авторъ, есть новое начало, оно было формулировано впервые только въ концѣ XIV в. (49).

До самаго конца XIV вѣка, слѣдовательно, у насъ не было подсудности по землѣ и водѣ, не было территоріи, подчиненныхъ власти извѣстнаго князя. Изъ-за чего же князья воевали? Зачѣмъ они стремились овладѣть чужими волостями, если это не давало власти? Подсудность опредѣлялась не землей и водой, а по личной связи судьи съ подсудимымъ, при чемъ, въ силу закладничества-патроната, судьею былъ не только князь или его уполномоченный, но и всякій частный человѣкъ, подъ патронатомъ котораго состояли разные люди. Это невозможный порядокъ даже для удѣльной Руси. Приведемъ примѣръ. NN нанесъ кому-либо «обиду». До сихъ поръ думали, что на него можно было жаловаться кіевскому князю, если это случилось въ Кіевѣ; черниговскому, если въ Черниговѣ, и т. д. Въ Русской Правдѣ такъ и сказано: «вести его на княжъ дворъ». Тутъ разумѣется дворъ своего мѣстнаго князя, ибо та же Правда говоритъ: «Изъ своего города

въ чужу землю свода нѣтъ», т.-е., если дѣло дойдетъ до лицъ, живущихъ въ чужой землѣ (т.-е. въ другомъ княженіи), то мѣстная власть не можетъ ихъ касаться. По взгляду же автора, надо было жаловаться не мѣстному князю, а тому лицу, за которое задался обидчикъ, съ которымъ онъ находится въ личной связи. Какъ отыскать это лицо? Оно можетъ находиться въ «чужой землѣ», и кому оно извѣстно? Вѣдь это связь личная, ни чѣмъ не скрѣпленная и не оставляющая по себѣ никакихъ видимыхъ знаковъ, такъ какъ закладникъ не всегда же находится во дворѣ своего господина. Сегодня эта связь есть, завтра ея нѣтъ; закладчикъ можетъ ежеминутно смѣнить своего патрона. Какъ же найти судью обидчика?—Полно и старательно нарисованная авторомъ картина служитъ только доказательствомъ невозможности изображеннаго имъ порядка вещей.

Но мы не можемъ покончить на этомъ съ интереснымъ вопросомъ о закладникахъ. Необходимо остановиться еще на одной особенности изслѣдованія почтеннаго автора. Онъ озаглавилъ свою статью: «Закладничество-патронатъ». Усматривая сходство между нашимъ закладничествомъ и западнымъ патронатомъ, онъ имѣетъ въ виду сравнительное изслѣдованіе закладничества. Это придаетъ труду его особый интересъ, но возбуждаетъ вопросъ о томъ, правильно ли онъ дѣлаетъ сближеніе и есть ли въ сравниваемыхъ имъ явленіяхъ дѣйствительное сходство?

Авторъ не беретъ на себя труда объяснить, что такое патронатъ, къ которому онъ приравниваетъ закладничество. Онъ говоритъ только: «Институтъ этого рода, подъ именемъ патроната, существовалъ и въ западно-европейской исторіи» (16).

Это не очень точно. Патронатъ есть римскій терминъ и означаетъ римское учрежденіе. Какъ таковое, онъ перешелъ и въ западную Европу, но это патронатъ надъ вольноотпущенными и только. Никакого другого института подъ именемъ патроната западная Европа не знала. На

слѣдующей страницѣ авторъ дѣлаетъ выписку о сущности патроната изъ сочиненія Фюстель-де-Куланжа—«О возникновеніи феодальной системы, о бенефиціяхъ и патронатѣ во время Меровинговъ». Она все объясняетъ и дастъ ключъ къ пониманію автора. Французскій ученый имѣетъ въ виду выяснить тѣ условія, которыя способствовали возникновенію феодальной системы. Указавъ въ первой половинѣ названной книги на бенефиціи, какъ на одно изъ такихъ условій, во второй—«онъ желаетъ говорить о совокупности обычаевъ, которые обозначались словами: патронатство, кліентство, покровительство, довѣріе (foi), мундебурдіумъ, вассальство. Подъ этими различными названіями, продолжаетъ онъ, дѣло идетъ объ одномъ и томъ же учрежденіи (institution), которое, видоизмѣняясь, переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ. Существо этого учрежденія въ томъ, что одинъ человѣкъ становится въ зависимость (dépandance) отъ другого» 193.

Итакъ, патронатъ это одно изъ такихъ учрежденій, но въ заглавіи книги и въ оглавленіи авторъ пользуется этимъ терминомъ и для обозначенія всѣхъ подобныхъ ему институтовъ. Это есть научное обобщеніе и только. Въ западной Европѣ подобныя патронату учрежденія носили иныя наименованія.

Патронатъ, о которомъ въ книгѣ Фюстель-де-Куланжа идетъ рѣчь и который имѣетъ въ виду, вслѣдъ за нимъ, и нашъ авторъ, опредѣляется только однимъ признакомъ: это зависимость одного человѣка отъ другого. Но зависимость чисто частнаго характера, а потому, продолжаетъ французскій ученый, «ее нельзя смѣшивать съ зависимостью раба отъ господина, и — вольноотпущеннаго отъ его патрона. Это добровольное подчиненіе свободнаго человѣка». «Древнія общества, читаемъ далѣе, знали повиновеніе гражданина государству и подданнаго государю, который представлялъ это государство. Повиновеніе, о которомъ мы хотимъ говорить, человѣкъ добровольно оказываетъ лицу другого человѣка. Это подчиненіе личное

и индивидуальное: одинъ покровительствуетъ, другой повинуется. Это патронатство возникло въ частной жизни, а потомъ уже проникло въ область политическую. Прежде чѣмъ основать (constituer) феодальный порядокъ, оно зародилось и развилось въ домашней жизни людей» 199.

Подъ этимъ общимъ терминомъ патроната французскій ученый соединяетъ такіе разнообразные институты, какъ сольдуровъ (soldurios) у галловъ, комитатъ (comitatus) у германцевъ и римскихъ кліентовъ послѣднихъ двухъ вѣковъ римской республики и трехъ первыхъ вѣковъ имперіи; а потому нисколько неудивительно, что онъ характеризуетъ ихъ однимъ только признакомъ, чисто частной, необязательной, добровольной зависимости. Это вѣрно, и для его цѣли совершенно довольно. «Римское владычество, говоритъ онъ далѣе, не могло повести къ утратѣ галлами ихъ обычаевъ кліентства и патроната, потому что эти обычаи были извѣстны и римскому обществу» 205.

А въ другомъ мѣстѣ: «Мы должны держаться такого взгляда: и галлы и германцы одинаково знали эти обычаи и имѣли свои термины для ихъ обозначенія. Патронатство, мундебурдіумъ, комендація, вѣрность, какимъ бы мы словомъ ихъ ни назвали, мы всегда будемъ имѣть передъ глазами ту же совокупность обычаевъ. Дѣло идетъ о нѣкоторомъ порядкѣ подчиненія, который люди знали давно, но которымъ они особенно пользовались съ VI по VIII вѣкъ нашего счисленія, и который привелъ ихъ къ феодализму» 250.

Патронатъ, которымъ занимается Фюстель-де-Куланжъ, — это разныя тропинки, которыя соединились и привели къ феодальному быту при другихъ подходящихъ условіяхъ, конечно.

Теперь мы знаемъ, о какомъ патронатѣ идетъ рѣчь въ изслѣдованіи г. Павлова-Сильванскаго. Онъ полагаетъ, что это и есть наше закладничество! Это очень сомнительно. Наши закладники «живутъ во льготѣ», за нихъ

есть кому заступиться, это «заступные люди». Это своего рода покровительство и на первый взглядъ можно подумать, что это и есть то покровительство, которое имѣетъ въ виду Фюстель-де-Куланжъ. Въ дѣйствительности же тутъ большое различіе. Римскій патронъ оказывалъ всевозможную протекцію своимъ кліентамъ, доставлялъ имъ мѣста, являлся ихъ защитникомъ на судѣ, и если это былъ вліятельный и сильный человѣкъ, онъ проводилъ своихъ кліентовъ даже въ сенаторы и помогалъ имъ выигрывать иски совершенно неправые; если кліентъ былъ человѣкъ бѣдный, патронъ кормилъ и поилъ его, одѣвалъ и обувалъ. Наша же «легость» состояла только въ томъ, что закладня нельзя было привлечь къ отбыванію тягла, и это вовсе не въ силу особаго покровительства, а въ силу правилъ о порядкѣ обложенія: одни лица подлежали при извѣстныхъ условіяхъ обложенію, а другія нѣтъ; закладни становились въ такія условія, при которыхъ обложеніе ихъ не касалось. Въ дѣйствительности тутъ ничего нѣтъ общаго.

Всѣ остальные признаки нашего закладничества прямо противоположны признакамъ отдѣльныхъ видовъ патроната французскаго ученаго. Авторъ доказываетъ, что закладникъ, поступая въ частную зависимость, уходилъ отъ подчиненія государственному суду и управленію; въ Римѣ и въ западной Европѣ ничего подобнаго не было. Тамъ это отношеніе частной жизни, не оказывавшее никакого вліянія на положеніе человѣка въ государствѣ. Я отрицаю теперь судебную зависимость нашего закладника отъ господина; но и въ этомъ случаѣ онъ не приближается къ западно-европейскому кліенту, ибо онъ связанъ заемнымъ обязательствомъ, а западно-европейскій — связанъ только нравственно. Наше закладничество стоитъ въ самой тѣсной связи съ системой обложенія, причиняетъ правительству убытки, а потому постоянно имъ запрещается, съ XIII и по конецъ XVII вѣка. Западно-европейское кліентство, не выходя изъ предѣловъ частной, домашней жизни, зако-

намъ неизвѣстно, они о немъ ничего не говорятъ, и состоянія этого не запрещаютъ.

Русскій ученый, однако, говоритъ вотъ что: «Какъ московское, такъ и римское правительство издаютъ рядъ узаконеній противъ закладничества, одинаково грозятъ наказаніями, конфискаціей земель, штрафами патронамъ и клієнтамъ и, какъ кажется, одинаково не достигаютъ цѣли».

Оказывается полное сходство тамъ, гдѣ мы его такъ рѣшительно отрицаемъ. Для доказательства своей мысли авторъ приводитъ даже законъ Ѳеодосія. Чего бы, кажется, сильнѣе!

Это тѣсное сближеніе востока съ западомъ нуждается въ разсмотрѣніи. Объ указанномъ запрещеніи говоритъ и Фюстель-де-Куланжъ, на котораго нашъ авторъ здѣсь и ссылается. Дѣло вотъ въ чемъ. Сильные римскіе патроны оказывали великую помощь своимъ клієнтамъ: доставляли имъ мѣста и помогали выигрывать процессы. Это было причиной, что въ клієнты поступали не только бѣдные, но и достаточные люди, поземельные собственники. Они поступали въ патронатъ не лично только, но и съ своей землей, чтобы и ей было оказываемо покровительство. Номинально земля переходила, какъ даръ, въ собственность патрона. «Находясь въ рукахъ богатаго собственника, говоритъ французскій ученый, земля не освобождалась отъ налоговъ, но онъ платилъ ихъ иначе и по другому порядку сбора. Отъ этого различія возникала нѣкоторая выгода и для патрона и для клієнта, а для казны убытокъ. Вотъ почему римскіе законы временъ имперіи IV вѣка запрещали подъ страхомъ наказанія богатымъ людямъ принимать въ число своихъ клієнтовъ поземельныхъ собственниковъ» (стр. 242—244). И тамъ запрещеніе, и у насъ запрещеніе, но въ западныхъ запрещеніяхъ IX вѣка очень мало общаго съ запрещеніями нашего закладничества. У насъ запрещается закладничество лица, а не земли. Въ римской имперіи патронатъ лицъ не былъ

запрещенъ, а только патронатъ земель; а при ихъ посредствѣ и патронатъ лицъ; патронатъ же лицъ самъ по себѣ не причинялъ убытка и запрещенъ не былъ.

Русское закладничество, по мнѣнію нашего автора, было состояніе близкое къ холопству. Высшему разряду римскихъ кліентовъ усвоялось наименованіе друзей (amici); по ходатайству своихъ патроновъ они достигали высокаго въ государствѣ положенія и продолжали оставаться кліентами. Въ этомъ мало похожаго на закладниковъ г. Павлова-Сильванскаго. Тотъ же разрядъ лицъ, наблюдаемый у кельтовъ и германцевъ, приближается къ нашимъ дружинникамъ, а никакъ не къ холопамъ.

Итакъ, матеріалъ для сравненія избранъ не очень удачно. А вѣдь можно было указать у насъ на нѣкоторое явленіе, весьма сходное съ тѣми, которыя Фюстель-де-Куланжъ объединяетъ подъ именемъ патроната. Это не закладники, а вольные слуги, члены дружины. Принимаются они не изъ тяглыхъ, а изъ вольныхъ людей. Они, конечно, состоятъ подъ покровительствомъ князей, бояръ, владыкъ, къ которымъ приказываются на службу, и въ широкомъ смыслѣ этого слова. Они обѣщаютъ имъ вѣрность и скрѣпляютъ свое обѣщаніе клятвой; также давали своимъ патронамъ клятву галльскіе comites и familiares (по названію, употребительному среди римскихъ писателей). Римскіе кліенты также «предавались» патрону. Me totum tibi commendo et trado, говорили они. Это и есть коммендація. Такимъ образомъ, между патрономъ и кліентомъ установлялись отношенія попечительства и дружбы, которыя, по мнѣнію Фюстель-де-Куланжа, всего лучше выражались латинскимъ словомъ — fides, французскимъ foi: être dans la foi, 217. Это и будетъ наша дружина. Наши вольные слуги были воины и жертвовали жизнью за своихъ покровителей. Галльскіе и германскіе comites— также носили оружіе и проливали свою кровь для защиты патроновъ. Наши вольные слуги перешли въ придворные чины, наполнили княжескій дворъ и всѣ приказы подъ

именами бояръ введеныхъ, окольничихъ, стольниковъ: они были совѣтниками московскихъ государей при отправленіи ими суда, изданія законовъ и пр. Та же судьба выпала и на долю императорскихъ кліентовъ въ императорскомъ Римѣ. «Эта великая императорская кліентура, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, завладѣла всѣми публичными должностями. Въ то время какъ вольноотпущенные наполняли всѣ бюро, занимавшіяся контролемъ и направленіемъ администраціи, друзья (amici, высшій разрядъ кліентовъ) исполняли самыя довѣренныя порученія и назначались начальниками отдѣльныхъ частей управленія. Тѣ, кто оставался при дворѣ, составляли судебный совѣтъ, окружавшій государя при отправленіи имъ дѣлъ правосудія. Антонинъ Благочестивый, говоритъ его историкъ, не принималъ никакого рѣшенія, не переговоривъ съ друзьями, по ихъ совѣту онъ издавалъ указы» 233.

Какая богатая тема для сравненій! Но съ людьми игравшими такую роль, надо сравнивать не закладниковъ, а вольныхъ слугъ и бояръ. Тутъ, дѣйствительно, есть большое сходство.

Институтъ патроната французскаго ученаго стоитъ на распутьи среднихъ вѣковъ и приводитъ къ феодализму. На томъ же распутьи стояли и наши вольные слуги.

VII. Купцы, гости, посадскіе люди

Слово купецъ произошло отъ занятія торговлей; такъ называются люди, покупающіе для перепродажи (копа, купа—денежная плата, куплю, купить, купецъ). Гость тоже занимается торговлей, но не только въ мѣстѣ своего жительства, а разъѣзжая по землѣ. Отсюда въ древнихъ памятникахъ: гостинницы, какъ мѣста пріюта для людей странствующихъ, и «гостинныя дани», какъ пошлины съ торговли.

О гостяхъ и купцахъ говоритъ договоръ Игоря съ греками 945 года.

Первая статья его начинается такъ: «мы отъ рода русскаго сълы и гостье». А затѣмъ, послѣ перечисленіяословъ, слѣдуетъ перечисленіе «купецъ», т.-е. гостей пріѣхавшихъ въ Грецію.

Греки дорожили торговыми сношеніями съ Русью и еще на первомъ договорѣ съ Олегомъ обязывались давать гостямъ «мѣсячину на 6 мѣсяцевъ, и хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овощемъ».

Въ Никоновской лѣтописи читаемъ:

«Того же лѣта приходи свѣйскіи король съ пискупомъ своимъ, въ шестидесять шнекахъ, на гости новогородцкіа, иже изъ моріа шли съ великимъ богатствомъ въ пяти лодіяхъ; и бишася много, и неуспѣша ничтоже новогородцемъ, и отлучиша (новогородцы) у нихъ (шведовъ) три шнеки, а избиша ихъ сто и пятдесять». 1142.

Въ Воскресенской:

«Ярославъ также прибѣже единъ въ Переяславль (послѣ пораженія у Липицъ) и затворися въ немь. И недоволѣ ему о первомъ злѣ, елико изби въ Новѣгородѣ и въ Торжку и на Волоцѣ, но и ту, вбѣгъ, изнима новогородци и смолняны, иже бяху зашли гостьбою въ землю его, и повелѣ новгородци въ погребы метати, а иныхъ въ тѣснѣй избѣ затворити, и задуши ихъ полтораста»... 1216.

То же значеніе имѣетъ гость и въ московскихъ памятникахъ XVI вѣка. Въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича читаемъ:

«А что есми подавалъ дѣтемъ своимъ селци у Москвы въ дворы зъ городскими на посадехъ, и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дръжатъ, ни жытомъ не велятъ торговати, они лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ, иноземцевъ, и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворехъ не велятъ ставити. А ставятся гости съ товаромъ, иноземци, и изъ Московскіе земли, и изъ ихъ удѣловъ, на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ». Рум. соб. I. № 144. 1504.

Гости и купцы не составляли, однако, въ древности

особаго сословія. Въ старину всѣ могли торговать: и князья, и духовенство, и служилые люди, и крестьяне и дѣйствительно торговали. Это слѣдуетъ изъ таможенныхъ грамотъ, которыя предписываютъ сборъ таможенныхъ пошлинъ съ людей всякаго званія:

«А съ пригородскихъ людей Новогородскіе земли и съ сельскихъ людей имати тамги съ московскаго рубля по четыре московки . . . А кто поѣдетъ москвитинъ изо всѣхъ пригородовъ и волостей Московскіе земли, и смольянинъ, и изо всѣхъ городовъ и изъ волостей Тверскіе земли. . . . съ товаромъ, съ бѣлкою, и съ воскомъ, и со всякимъ товаромъ. . . . А который человѣкъ служивой пріѣдетъ въ Новгородъ съ товаромъ, ино съ его товару тамги и иные пошлины потомуже, какъ съ торговаго человѣка. . . . А имати имъ (таможенникамъ) тамга и пудъ и всѣ пошлины: съ царева и великаго князя товару, и съ митрополича, и со владычня, и съ намѣстника, и съ боярского, и съ царевыхъ великаго князя сельчанъ, и митрополичихъ, и съ владычнихъ, и съ монастырскихъ, и съ боярскихъ, и со грамотчиковъ и со всѣхъ безомѣны, чей кто нибуди». (А. Э. I. № 282. 1571).

Всѣ эти торговцы, безъ всякаго различія, пріѣзжая въ городъ, должны были ставиться на «гостиныхъ дворахъ», въ устроенныхъ тамъ для нихъ помѣщеніяхъ, и производить изъ нихъ свою торговлю (тамъ же).

Съ другой стороны лица, спеціально занимавшіяся торговлею, не были исключены отъ пользованія какими-либо другими правами.

Древнѣйшій списокъ Правды въ статьѣ, назначающей вознагражденіе за убійство, уравниваетъ купцовъ съ княжескими чиновниками: за тѣхъ и за другихъ берется 40 гривенъ.

Изъ лѣтописей узнаемъ, что купцы вмѣстѣ съ боярами принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Въ 1177 году во Владимірѣ на Клязьмѣ собираются бояре и купцы и требуютъ отъ князя своего Всеволода, чтобы онъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ только что побѣжденныхъ имъ рязанскихъ князей:

«И на третіи день бысть мятежь въ Володимири, въсташа боляре и куицы, рекоуче: княже, мы тобѣ добра хочемъ, за тя головы своя съкладываемъ; нынѣ дружьпіи ворогы своя просты, а се ворози твои оу бока, соуждалци и ростовци, любо казни ихъ, любо слѣпи, или дай намъ». Суздал.

Они участвуютъ въ посольствахъ. Въ 1215 году новогородцы, много думавши, посылаютъ за княземъ Ярославомъ посадника, тысяцкаго и десять человѣкъ куицевъ, старѣйшихъ мужей.

Купцы выступаютъ, наконецъ, и въ качествѣ воиновъ. Отъ X вѣка имѣемъ извѣстіе, что гости, обыкновенно, носили оружіе. Въ договорѣ съ греками 945 года встрѣчаемъ статью, которая требуетъ чтобы купцы, пріѣзжающіе изъ Руси, входили въ Константинополь безъ оружія. Это знакомство торговыхъ людей съ оружіемъ дѣло весьма понятное. При отсутствіи безопасности на дорогахъ, они сами должны были охранять свои караваны.

Въ Новогородской I лѣт. подъ 1195 годомъ читаемъ:

«Томь же лѣтѣ, на зиму, позва Всѣволодъ новогородьце по Чьрниговъ, на Ярослава и на всѣ Ольгово племя. И новогородьци не отпьрешася ему: идоша съ княземъ Ярославъмь огнищане, и грідьба, и купци».

Въ Москвѣ въ XVI и XVII вѣкѣ произошло уже значительное обособленіе служилаго класса, тѣмъ не менѣе и тамъ торговые люди призываются къ военной службѣ. Въ походѣ на Казань участвуютъ «сурожане, суконники, купецкіе люди и прочіе москвичи, коимъ пристойно по ихъ силѣ» (Рейцъ, 136). Въ 1616 году Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ:

«По Бѣлому городу быть по воротамъ головамъ, и дьякомъ, и гостямъ для обереженія»... Дворц. разр. I, 232.

Недвижимостями купцы могли обладать наравнѣ съ лицами другихъ спеціальностей.

Новогородская Судная грамота не дѣлаетъ никакого

различія между боярином и купцом по отношенію къ землевладѣнію. И тотъ и другой могутъ обладать недвижимостями:

«А цѣловать боярину, и житьему, и купцю какъ за свою землю, такъ и за женню» (17).

«А позовутъ боярина, и житьего, и купца въ его землѣ, или въ женнѣ, ино ему отвѣчать. . . . въ свое мѣсто и въ женне»... (18).

Древніе города нерѣдко состояли только изъ укрѣпленія, которое, кромѣ служилыхъ людей, постояннаго населенія не имѣло. Поэтому, торговля не была у насъ пріурочена къ городамъ, она развивалась и внѣ городовъ, въ поселеніяхъ, которыя и впослѣдствіи городами не дѣлались. Въ церковномъ уставѣ смоленскаго князя, Ростислава Мстиславича, гостинная и торговая дань упоминаются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя ни тогда, ни послѣ городами не были. Таковы: Поцинъ и Оболвъ (1150 годъ). Такимъ образомъ, торговля и купцы не замыкались въ нашей древности въ предѣлахъ городовъ.

То же явленіе наблюдается и въ московское время. Торговые люди живутъ въ деревняхъ и даже на владѣльческихъ земляхъ еще въ XVII столѣтіи. Въ грамотѣ о денежномъ сборѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому съ товарищами отъ 1632 года читаемъ:

«И съ тѣхъ гостей и съ торговыхъ и всякихъ людей, съ митрополичьихъ, и архіепископовыхъ, и епископовыхъ, и съ монастырскихъ, и съ боярскихъ, имати пятая денга ихъ животовъ на вспоможенье ратнымъ людемъ». Книги разрядныя. II. 486.

Даже въ Уложеніи не находимъ безусловнаго запрещенія торговымъ людямъ жить на владѣльческихъ земляхъ. Оно отбираетъ на государя только такія торговыя владѣльческія слободы, села и деревни, которыя находятся на посадахъ и около (XIX, 1, 5. 7. 8, 9). О тѣхъ же, которыя «не близко посадовъ», въ Уложеніи сказано:

«А которые патріарши, и митрополичьи, и властелинскіе, и монастырскіе вотчинные слободы, и села и деревни боярскіе, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякихъ чиновъ вотчинные и помѣстные слободы, села и деревни отъ посадовъ не близко, а въ нихъ живутъ торговые люди, а изстари они бывали посадскіе жильцы, и въ городѣхъ у нихъ лавки и всякіе торговые промыслы, и по сыску тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей указалъ государь взять въ тѣ же городы въ посадъ на старые ихъ тяглые мѣста, и устроити съ тяглыми съ посадскими людьми». (XIX, 9).

Изъ этой статьи слѣдуетъ, что тѣ торговые люди, которые не были посадскими жильцами, могутъ попрежнему жить на владѣльческихъ земляхъ и торговать тамъ; только въ городахъ не могутъ они имѣть лавокъ.

Этимъ и надо объяснять существованіе лавокъ и цѣлыхъ посадовъ на владѣльческихъ земляхъ и послѣ Уложенія. Весь Тихвинскій посадъ принадлежалъ Тихвину монастырю Успенія Пречистыя Богородицы. На посадѣ были цѣлые ряды лавокъ, оброкъ съ которыхъ шолъ въ домъ Пречистыя Богородицы въ монастырскую казну. Въ апрѣлѣ 1661 года въ монастырской вотчинѣ случилось «убивственное дѣло, Мишка Печонкинъ да Ѳедька Жарухинъ да пришлой человѣкъ, поповъ сынъ, Прошка Ѳедоровъ, убили Тихвина монастыря крестьянина». Для разсмотрѣнія этого дѣла собрались архимандритъ, старцы и посадскіе люди и рѣшили отослать виновныхъ въ Великій Новгородъ къ боярину и воеводѣ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи, «и впредь онѣ Мишка Печонкинъ съ товарищи, къ намъ въ монастырскую вотчину во крестьянство и въ посадцкое тягло ненадобны» А. Ю. № 64 и 69, 1661—69.

Занятіе торговлей несовмѣстимо съ постоянной службой князю. Надо думать, что если торговые люди и поступали на службу князя, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Но, конечно, они такъ же могли это дѣлать, какъ и люди другихъ спеціальностей. Указаніе на

это находимъ въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными.

Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А гости, и суконьниковъ, и городскихъ людей блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не принимати» (Рум. Собр. I, № 33, 1388).

Этимъ договоромъ установляется исключеніе изъ общаго правила. Гости, суконники и городскіе люди (т.-е. московскіе городскіе люди) тоже поступаютъ на службу; это старинное начало. Но Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ обязываются отступить отъ этого начала и впредь не принимать ихъ на службу. Надо думать, что это ограниченіе касается только торговыхъ людей города Москвы, гдѣ Владиміръ Андреевичъ былъ третчикомъ. Этимъ объясняется и выраженіе блюсти съ одиного, т.-е. вѣдать имѣстѣ. Торговые же люди мѣстностей, составлявшихъ раздѣльное владѣніе каждаго князя, вѣдались, конечно, каждымъ изъ нихъ отдѣльно, а не за одинъ. Это ограниченіе встрѣчается еще только въ одномъ договорѣ Василія Дмитріевича съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ.

Но были нѣкоторыя общественныя функціи, которыя близко соприкасались съ торговымъ дѣломъ, а потому съ древнѣйшаго времени и поручались людямъ торговымъ. Сюда относятся сборы пошлинъ съ торговли.

Древнѣйшее указаніе на это находимъ въ дарственной грамотѣ новогородскаго князя, Всеволода Мстиславича, воздвигнутой имъ на Петрятинѣ дворищѣ церкви во имя св. Іоанна. На строеніе церкви, отъ своего великаго имѣнія, князь далъ вѣсъ вощаной. Для вѣдомства возникшихъ изъ этого дара «ивановскихъ дѣлъ», состоявшихъ въ разборѣ споровъ, возникавшихъ при сборѣ вѣсовой пошлины, въ храненіи денегъ и ихъ расходованіи, князь учредилъ особый совѣтъ изъ трехъ старостъ отъ житьихъ людей, тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ

отъ купцовъ. Этимъ двумъ старостамъ отъ купцовъ поручень былъ и самый вѣсъ воска, который они должны были производить въ притворѣ св. Іоанна. Двое купеческихъ старостъ избирались, но не всѣмъ купечествомъ, а только пошлымъ. Пошлыми же купцы дѣлались «вкладомъ и отчиною». То есть, пошлымъ купцомъ былъ: 1) тотъ, кто вложился въ ивановское купечество, а для этого надо было внести «купьцамъ пошлымъ вкладу 50 гривенъ серебра», изъ которыхъ только половина шла св. Ивану, употребленіе другой половины не указано; 2) пріобрѣтенное вкладовъ право ивановскаго купечества переходило по смерти пріобрѣтателя къ его дѣтямъ.

Возникаетъ вопросъ, за что платили ивановскіе купцы 50 гривенъ, сумму, по тогдашнему времени очень значительную? Она многимъ превышала цѣну человѣческой жизни. Въ старину исполненіе всякой публичной должности вознаграждалось не жалованьемъ, а доходомъ съ должности. Получали такой доходъ и сборщики податей. Чтобы имѣть право на этотъ доходъ, ивановскіе купцы, надо думать, и вносили 50 гривенъ.

Они названы «пошлыми». Пошлина есть то, что пошло изъ старины. Это заставляетъ думать, что ивановское купечество» есть только отдѣльный случай примѣненія къ потребностямъ церкви св. Іоанна порядковъ, давно уже сложившихся, а потому пошлыхъ. О доходахъ князя съ торговли говоритъ уже Владиміровъ церковный уставъ; пошлины съ вѣса воскового Всеволодовъ уставъ называетъ старшной. Можно думать, что купцы въ Новгородѣ въ глубокой уже древности приставлялись къ сбору торговыхъ пошлинъ и дѣлали за это нѣкоторый вкладъ въ княжескую казну. Они-то, надо думать, и назывались «пошлыми купцами». Кн. Всеволодъ беретъ изъ ихъ вѣдомства часть торговаго сбора въ пользу церкви св. Іоанна, предоставляетъ взиманіе его особому ивановскому купечеству и требуетъ, чтобы и это купечество тоже было «пошлое», т.-е. дѣлало нѣкоторый вкладъ за право сбора.

Пошлому купечеству въ грамотѣ противополагается не пошлое; оно не участвуетъ въ сборѣ пошлинъ:

«А не пошлымъ купцемъ старощенія не держати, ни вѣсу имъ не вѣсити иваньского» (Доп. къ А. И. I. № 3, около 1134—5).

Въ московскомъ государствѣ купцы и гости такъ же привлекаются къ таможенному дѣлу.

Можно думать, что учрежденное Всеволодомъ ивановское купечество существовало въ Новгородѣ еще въ XVI вѣкѣ, хотя, можетъ быть, и съ нѣкоторыми измѣненіями.

Утверждаемъ это на основаніи таможенной новгородской грамоты отъ 1571 года. Въ началѣ грамоты говорится, что въ Великомъ Новѣгородѣ, въ государевѣ опришнинѣ, на торговой сторонѣ, тамга и всѣ таможенныя пошлины собираются гостями и купцами московскими и новогородскими. А при исчисленіи отдѣльныхъ пошлинъ сдѣлано такое исключеніе:

«А воскъ, и медъ, и олово, и свинецъ, и квасцы, и ладонъ, и темьянъ (смѣсь ладана съ воскомъ для куренья) вѣсить по старинѣ, на крюкъ, у Ивана Святого подъ церковью, на Петрятинѣ дворищѣ; а таможникамъ въ то не вступатися ни во что». А. Э. I. № 282.

Извѣстіе это чрезвычайно кратко и было бы совершенно непонятно, если бы мы не имѣли вышеприведенной Всеволодовой грамоты. Исключеніе, надо полагать, сдѣлано въ пользу ивановскихъ купцовъ, которые и въ концѣ XVI вѣка продолжаютъ еще вѣсить въ притворѣ св. Іоанна, но уже не одинъ воскъ, а и нѣкоторые другіе товары. Кто и когда сдѣлалъ это новое приношеніе св. Іоанну, мы не знаемъ. Наша до-московская старина во многомъ была весьма устойчива.

Въ московскихъ памятникахъ для обозначенія торговыхъ людей входитъ въ употребленіе новое слово посадскіе. Думаемъ, что терминъ этотъ возникъ отъ сидѣнія въ лавкѣ торговыхъ людей, а затѣмъ сообщился и самому

мѣсту, гдѣ лавки были устроены, которое поэтому и называлось посадомъ. Въ описи города Мурома читаемъ:

«Въ Муромѣ жъ на посадѣ лавки, а сидятъ въ нихъ муромцы, посадцкіе люди, со всякимъ товаромъ..... и всего въ Большомъ ряду, отъ площади къ гостину ряду, по обѣ стороны 38 лавокъ жилыхъ». (А. Ю. № 229, 1574).

Такіе посады возникали, обыкновенно, около городовъ, непосредственно прилегая къ городскимъ стѣнамъ:

«Въ Муромѣ на посадѣ, за городомъ, государя царя и великаго князя дворъ, противъ Николы Мокрого»... (тамъ же).

Возникновеніе посадовъ возлѣ городовъ очень понятно. Многіе города возникли по правительственнымъ соображеніямъ, какъ пункты защиты; первоначально ихъ постоянное населеніе состояло единственно изъ служилыхъ людей. Торговые люди являлись съ своимъ предложеніемъ въ пункты, гдѣ сосредоточивались служилые люди.

Но посадскіе люди и посады могли быть и въ селахъ. Въ торговомъ монастырскомъ селѣ, Вели Егоиской, были свои посадскіе люди, ѣздившіе съ товарами въ разные города (А. Э. I. № 263, 1563). Въ селѣ Дмитрія Годунова, Чарандѣ, былъ тоже посадъ, а въ немъ жили торговые посадскіе люди (А. Э. I. № 356, 1592). Въ началѣ XVII вѣка Ивану Черкаскому пожаловано село «Павловъ острогъ съ посадскими людьми» (А. Э. III. № 159, 1621).

Да и у стѣнъ городскихъ могли селиться не одни только спеціалисты торговые люди, но и крестьяне; можетъ быть, они и были первые посадскіе торговцы. Существованіе такихъ двухъ элементовъ въ посадахъ объясняетъ тотъ фактъ, что къ городамъ приписывались пахатныя земли. Въ той же описи Мурома читаемъ:

«Въ Муромѣ жъ на посадѣ дворы черные тяглые... И всего въ Муромѣ на посадѣ.. въ живѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ 111 дворовъ... Пашни у всего посаду съ московскіе дороги, и перелогу и животиннаго выпуску,

во всѣхъ трехъ поляхъ худые земли... 608 четьи; а сошнаго письма во всемъ посадѣ... 12 сохъ безъ чети безъ малой трети и пол-пол-полчети сохи».

Къ посадамъ бывали приписаны цѣлыя деревни:

«Отъ царя и великаго князя, Ивана Васильевича, всея Руси, на Устюжню Желѣзополскую, на посадъ: старостамъ и сотцкимъ и пятидесятцкимъ и десятцкимъ и всѣмъ крестьяномъ, посадцкимъ людемъ. Пожаловалъ есми княжъ Юрьеву Васильевича княгиню, старицу Александру, Устюжною Желѣзополскою, посадомъ и деревнями, что къ посаду, со всѣми доходы»... (А. Э. I. № 279, 1570).

Посадъ и деревни составляютъ здѣсь одно административное цѣлое, а крестьяне названы посадскими людьми.

Какъ далеко заходила деревня въ посадъ, это ясно видно изъ дозорной книги посада Чаронды, въ которой читаемъ:

«Да къ погосту же на Чарондѣ на посадѣ тяглыхъ дворовъ: дворъ Иванко Петровъ... Да дворъ пашеннаго человѣка, Мишки Иванова; да дворъ пустъ пашеннаго же человѣка, Гришки Краснова, а пашни его полъ чети выти впустѣ... Да пашенныхъ же людей пожженыхъ дворовъ мѣста (слѣдуетъ перечисленіе 14 довровыхъ мѣстъ)».

«Да на Чарондѣ же на посадѣ непашенныхъ людей дворы, а живутъ въ нихъ непашенные люди, а кормятся рыбною ловлею, а платятъ государевы доходы съ пашенными крестьяны вмѣстѣ съ рыбные ловли (слѣдуетъ перечисленіе 19 дворовъ и въ томъ числѣ одинъ «дворъ, торговой человѣкъ, Торошко Веяковъ, да у его жъ двора лавченко»). А. до Юр. Б. № 128, II. 1615.

Въ приходной книгѣ Турынскаго острога всякимъ государевымъ доходамъ 1622 года читаемъ:

«Посадскіе люди:

«Ѳомка Ортемьевъ. И на нынѣшній на 131 годъ, по окладу, съ двора и съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ годоваго оброку взято шестнадцеть алтынъ четыре денги»

(за этимъ слѣдуютъ еще шесть посадскихъ, обложенныхъ оброкомъ съ пашень и сѣнныхъ покосовъ).

«Годовой оброкъ съ лавокъ:

«У государева пашеннаго крестьянина, у Куземки у Никонова, съ онбара на нынѣшней на 131 годъ, по окладу, оброку взято шесть алтынъ четыре денги». А. до 10. Б. № 142. II.

Посадскіе люди пашутъ, крестьяне торгуютъ.

Первыя формальныя различія между посадскими людьми и крестьянами находимъ въ постановленіяхъ Судебниковъ о безчестьи. Но они не отличаются большою точностью и опредѣленностью.

Въ царскомъ Судебникѣ находимъ по этому предмету такія опредѣленія:

«А гостемъ болшимъ безчестья 50 рублевъ; а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестья. А торговымъ людямъ и посадцкимъ людемъ (двухъ послѣднихъ словъ въ Татищ. сп. нѣтъ), всѣмъ (и всякимъ, Толст. I) середнимъ безчестья 5 рублевъ: а женамъ ихъ безчестья противъ ихъ безчестья вдвое..... А крестьянину пашенному и непашенному (въ 4-хъ сп. нѣтъ) безчестья рубль; а женѣ его безчестья два рубля. А боярскому человѣку молотчему или черному городцкому (вар. посадцкому) человѣку молотчему безчестья рубль-же; а женамъ ихъ безчестья вдвое» (26).

Такія опредѣленія, какъ большіе, средніе и молодшіе люди, указываютъ, конечно, на значительную неопредѣленность формальныхъ различій. Гдѣ оканчиваются большіе гости и начинаются средніе? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это должно было рѣшаться усмотрѣніемъ судьи. Молодшій городской приравненъ крестьянину. А если крестьянинъ имѣетъ лавки и ведетъ значительный торгъ? Его, конечно, можно было отнести къ торговымъ людямъ, подъ которыми Судебникъ разумѣетъ всѣхъ среднихъ купцовъ, и взять за его безчестье 5 рублей.

Подтвержденіе такому толкованію находимъ въ близ-

кой по времени къ Судебнику Судной грамотѣ удѣльнаго князя, Владиміра Андреевича:

«А безчестья посадскимъ людемъ и волостнымъ добрымъ пять рублевъ» (А. Э. I. № 257, 1561), въ которой добрые волостные крестьяне уравнены съ среднимп посадскими людьми Судебника.

Эта близость посада къ селу и деревнѣ объясняетъ общія челобитныя посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ XVI вѣка. Царю Ивану бьютъ челомъ:

«Шенкурцы и Вельского стану посадскіе люди и всего Важского уѣзда становые и волостные крестьяне, которые станы приписаны судомъ къ Шенкурьѣ, къ посаду, и къ Вельскому стану» (А. Э. I. № 234, 1552).

Здѣсь посадскіе люди живутъ и въ Вельскомъ стану, а не въ городскомъ только посадѣ.

Только съ конца XVI вѣка московское правительство начинаетъ принимать мѣры къ большему обособленію торговаго класса, но только лучшихъ его людей.

За службу въ таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ и у соболиной казны оно начинаетъ жаловать торговыхъ людей гостинным именемъ (Котошихинъ, X, 1) и даетъ на это званіе грамоту съ красной печатью (Улож. XVIII, 8). Званіе гостя изъ бытоваго явленія переходитъ въ отличіе, жалуемое московскими государями за вѣрную службу. Если Уложеніе назначаетъ гостю по 50 р. безчестья, то это надо понимать о купцѣ, пожалованномъ гостинным именемъ, слѣдовательно, о совершенно опредѣленномъ разрядѣ лицъ. Мы даже знаемъ число ихъ. Котошихинъ говоритъ: «а будетъ ихъ близко 30 человѣкъ».

Гостямъ, въ силу жалованныхъ грамотъ, предоставлялись, обыкновенно, нѣкоторыя привилегіи. Вотъ одна изъ такихъ грамотъ:

«Божіею милостію мы, великій государь, царь и великій князь, Борисъ Ѳедоровичъ, всея Русіи самодержецъ, и сынъ нашъ, царевичъ князь Ѳедоръ, пожаловали есмя наше отчины Великаго Новагорода торговаго человѣка

Ивана, Онаньина сына, Соскова гостинным имянемъ. Велѣли ему быти въ гостѣхъ и на дворѣ его стоялицкомъ никакимъ не ставитися, опричь нашихъ походовъ; и всякое питье велѣли ему держати безъявочно и безвыимочно про себя, а не на продажу. А въ которые городы Иванъ поѣдетъ, или его дѣти, или племянники съ его товары, и въ тѣхъ городѣхъ наши намѣстники и восводы и всякіе приказные люди ихъ не судятъ ни въ чемъ, а судимъ мы, великій государь, царь и великій князь Борисъ Оедоровичъ, всея Русіи самодержецъ, и сынъ нашъ, царевичъ, князь Оедоръ, или кому повелимъ судити. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7107, сентября въ 15 день. А приписъ у тое государевы жаловалные грамоты дьяка Посника Дмитріева» (Доп. къ А. И. I, № 147, 1598).

Такія привилегіи не составляютъ, однако, изобрѣтенія XVI вѣка. Онѣ получили свое начало гораздо ранѣе. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ льготныхъ грамотъ купцамъ принадлежитъ великому князю Дмитрію Ивановичу. Онъ освободилъ новоторжца, Микулу, съ дѣтьми и сиротами, отъ всякихъ данеи и суда своихъ намѣстниковъ. «Микулу съ его городищанами судитъ самъ великій князь. Что (Микула) купитъ или продастъ, или его дѣти, не надобѣ имъ ни тамга, ни восминичее... ни костки, ни которая пошлина, ни побережное, ни вѣсчее.» (Доп. къ А. И. I, № 9; грамота очень плохо сохранилась, а потому мы и не приводимъ ее цѣликомъ). Въ началѣ грамоты Дмитрій Ивановичъ говоритъ, что онъ пожаловалъ Микулу «по дѣда своего князя великаго грамотѣ». Такимъ образомъ, Иванъ Даниловичъ давалъ уже привилегіи купцамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онъ былъ въ этомъ дѣлѣ новаторомъ. Такой порядокъ вещей, конечно, идетъ изъ самой глубокой старины.

Жалованныя грамоты установляютъ привилегіи въ пользу отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлаго класса торговыхъ людей.

Нѣкоторое исключеніе изъ этого порядка вещей представляетъ Новгородъ. Въ новгородскихъ договорахъ съ

князьями встрѣчается общая привилегія для всѣхъ торгующихъ. Она выражается въ такой формулѣ:

«А дворянамъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести».

Новгородскіе купцы даютъ подводы княжескимъ слугамъ только въ случаѣ отправки гонца съ извѣстіемъ о войнѣ.

Эта привилегія встрѣчается уже въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, заключенномъ въ 1265 году, повторяется во многихъ договорахъ съ тверскими князьями XIV вѣка и въ послѣдній разъ упоминается въ договорѣ съ Москвой 1471 года, хотя въ этихъ послѣднихъ договорахъ и безъ прибавки «по селомъ». Думаемъ, однако, что «по селомъ» предполагается и позднѣйшими договорами.

Что же значитъ это «по селомъ?» Нельзя допустить, что привилегія дана только сельскимъ купцамъ. Здѣсь, надо думать, разумѣются торговые люди, находящіеся въ дорогѣ съ товаромъ и застигнутые княжескими дворянами во время остановки въ селѣ. Эта привилегія дана всѣмъ торгующимъ, чтобы не останавливать, безъ важной причины, ихъ торговаго движенія; а не купцамъ въ смыслѣ особаго класса. Такая же привилегія, какъ увидимъ изъ приводимой ниже грамоты, давалась и въ Москвѣ, но отдѣльнымъ лицамъ. Новгородъ же Великій ограждалъ не лица, а торговлю.

Въ Москвѣ хотя и начинается нѣкоторая организація торговыхъ людей, но она не была разсчитана на развитіе торговли и промысловъ. Надо сказать даже болѣе, эта организація была прямо противоположна интересамъ торговли и промысловъ.

Съ конца XVI вѣка московское правительство начинаетъ брать по городамъ лучшихъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ и устраивать изъ нихъ въ Москвѣ особыя

сотни: гостинную и суконную (А. Э. II, № 49). Цѣль этихъ новыхъ сотенъ такъ опредѣлена Котошихинымъ:

«Гостиная, суконая сотни устроены для того: на Москвѣ и въ городѣхъ бываютъ у зборовъ царскіе казны въ цѣловальникахъ, и торги своими торгуютъ же и всякими промыслами промышляютъ» (X, 2).

Людямъ гостинной сотни давались также привилегіи, какъ и гостямъ. Вотъ жалованая грамота царя Шуйскаго торговому человѣку гостиной сотни:

«И язъ царь и великій князь, Василій Ивановичъ, всея Русіи пожаловалъ Ондрѣя Окулова и его дѣтей: гдѣ онъ на комъ учнетъ искати или отвѣчати, въ которомъ приказѣ ни буди, а дойдутъ по суду до крестного цѣлованья, и ему самому и его дѣтямъ креста не цѣловати, а цѣловати крестъ въ ихъ мѣсто людемъ ихъ. И питье ему держати про себя безъявочно. Также семи Ондрѣя Окулова и его дѣтей пожаловалъ: гдѣ ему случится въ отъѣздѣ быти самому, или его братьѣ, или его дѣтемъ, или его племянникомъ, которые съ нимъ не въ раздѣлѣ или ихъ людемъ нашего государства по всѣмъ городомъ, и наши бояре, и воеводы, и дьяки, и всякіе наши приказные люди ни въ чемъ ихъ не судятъ; а кому до нихъ дѣло, ино ихъ сужу язъ, царь и великій князь, Василей Ивановичъ, всея Русіи на Москвѣ или мой казначей. И съ черными сотнями никакихъ ему дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей гостиныя сотни. И подводъ у него въ отъѣздѣ во всѣхъ городѣхъ нашего государства и по ямамъ не имати; и стоялщиковъ у нихъ во дворѣ и всякихъ иноземцевъ не ставити. А кто ихъ чрезъ сію мою жалованную грамоту чѣмъ изобидитъ, тому отъ меня, царя и великаго князя, Василья Ивановича, всея Русіи быти въ опалѣ. Дана ся наша царьская жаловалная грамота на Москвѣ, лѣта 7114 іюня въ день». А. Э. II, № 49. 1606.

За усердную службу въ таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ люди гостиной сотни жалуются «гостинымъ имянемъ». Подъ усердной же службой разумѣлась такая, которая въ результатѣ своемъ имѣла прибыль государевой казны (Улож. XVIII, 8).

Нельзя не замѣтить нѣкотораго родства между новго-

родскими пошлыми купцами и московскими гостями и людьми гостиной и суконной сотни. И тѣ и другіе состоятъ при сборѣ пошлинъ. Но это очень отдаленные родственники. Они различаются всѣмъ громаднымъ различіемъ строя новогородской и московской жизни. Въ Новгородѣ стать пошлымъ купцомъ есть дѣло свободы, досуга и призванія; въ Москвѣ это тяжелая обязанность, которая отрываетъ отъ торговли и промысловъ всѣхъ лучшихъ торговыхъ людей. Жалуемыя имъ привилегіи далеко не окупаютъ тѣхъ потерь, которыя они должны нести, передавая веденіе своихъ предпріятій въ чужія руки. Московская организація торговыхъ людей находится въ прямомъ противорѣчіи съ интересами торговли, для которой нужна свобода, а не обязательная служба. Хорошо извѣстно невыносимое положеніе этихъ невольныхъ государевыхъ слугъ во время отчетности ихъ предъ московскими приказами, которая нерѣдко, благодаря знаменитой московской волокитѣ, тянулась годъ, а иногда и болѣе и совершенно разстраивала торговыя дѣла купцовъ. Петру Великому суждено было усмотрѣть недостатки московской организаціи и положить начало новому порядку вещей. Но обратимся къ старинѣ.

Гостиная и суконная сотни были расписаны на статьи: большую, среднюю и меньшую. Каждой статьѣ Уложеніе опредѣляетъ особое безчестье. Самое большое, 20 руб., полагается человѣку гостиной сотни большой статьи; самое меньшее, 5 руб., человѣку суконной сотни меньшей статьи (X, 94).

Эти различія представляютъ нѣчто совершенно опредѣленное. Но здѣсь опредѣленность и оканчивается.

За безчестье крестьянъ Уложеніе, какъ и Судебникъ, назначаетъ 1 рубль. Между же крестьянами и меньшей статьей суконной сотни поставленъ слѣдующій неопредѣленный разрядъ: люди черныхъ сотенъ и слободъ и посадскіе тяглые. Лучшимъ изъ нихъ Уложеніе назначаетъ 7 рублей безчестья, среднимъ—6, меньшимъ—5.

Это не посадскіе только, но еще какіе-то люди черныхъ слободъ и сотенъ. Можно думать, что здѣсь торговые люди по старому смѣшиваются съ крестьянами, которые тоже торгуютъ, но для которыхъ сидѣніе въ лавкѣ не составляло спеціальности. Лучшіе и средніе люди этого-то смѣшаннаго класса, среди котораго могутъ быть и земледѣльцы, такъ какъ и въ XVII вѣкѣ при посадахъ есть пахатныя земли, поставлены выше меньшей статьи людей суконной сотни.

Уложеніе и посадскихъ людей прикрѣпляетъ къ мѣсту, гдѣ они записаны въ государево тягло (XIX, 1, 2, 22). Но этимъ не достигается никакого принципіальнаго различія между городомъ и деревнею, такъ какъ посады существуютъ не при городахъ только, а и при селахъ, а съ другой стороны и городскіе посадскіе люди владѣютъ пахатными землями.

Мысль Екатерины II, что въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, художествахъ, въ торговлѣ и наукахъ, а въ селахъ и деревняхъ—сельскіе жители, обрабатывающіе землю, произведеніями которой питаются всѣ сословія, и «сіе есть ихъ жребій», совершенно чужда нашему законодательству XVI и XVII вѣка.

Въ литературѣ вопросъ о торговыхъ людяхъ, до послѣдняго времени, не возбуждалъ особенно крупныхъ разногласій. Можно было считать общепринятымъ положеніе о томъ, что наша древность не знала никакихъ формальныхъ ограниченій права торговли, и что куппы не составляли особаго класса съ сословной организаціей. Противъ такого взгляда высказался нынѣ уже умершій проф. Варшавскаго университета, Никитскій, хотя и нельзя сказать, чтобы онъ развилъ свои положенія съ достаточной опредѣленностью. На основаніи разсмотрѣннаго нами выше устава Всеволода Новгородскаго церкви св. Іоанна на Опокахъ, онъ утверждаетъ, что этимъ уставомъ была основана въ первой половинѣ XII вѣка новгородская купеческая гильдія (Св. вел. Ивана на Опокахъ въ Журн. Мин.

Нар. Пр. 1870, т. 150, стр. 207 слѣд.). Авторъ утверждаетъ, что 6 членовъ, назначенныхъ для вѣдомства ивановскихъ дѣлъ, «сосредоточивали къ своихъ рукахъ всю торговую администрацію». По числу членовъ «комисія» эта напоминаетъ ему екатерининскую шестигласную думу; а тысяцкій, предсѣдатель комисіи, «игралъ, по его мнѣнію, въ своемъ родѣ роль городского головы». Думаемъ, что такого рода сближенія не нуждаются въ опроверженіи. Усмотрѣвъ сходство съ шестигласной думой, авторъ не обратилъ должнаго вниманія на то, что комисія изъ 6 членовъ учреждена для вѣдомства не торговыхъ дѣлъ вообще, а только ивановскихъ; что тотъ же памятникъ рядомъ съ «пошлыми купцами» знаетъ и «купцовъ не пошлыхъ»; и что, наконецъ, изъ 6 членовъ ивановской комисіи только два купца, а остальные житьи люди и тысяцкій, какъ представитель черныхъ людей вообще. Несмотря на значительные успѣхи новогородской жизни, купцы не обособились, однако, въ Новгородѣ отъ другихъ классовъ населенія и не получили тамъ спеціально купеческой организаціи.

Изысканія о торговыхъ людяхъ весьма нерѣдко приводятъ къ изслѣдованію вопроса объ отдѣленіи города отъ села. Къ этому вопросу пришолъ покойный Пригары въ своемъ сочиненіи: «Описаніе историческаго состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи», 1865. Онъ думаетъ, что уже въ концѣ XV вѣка города начинаютъ обособляться отъ селъ, и что причина этому лежитъ въ заботахъ правительства объ исправномъ поступленіи тамги, съ каковой цѣлью торговлю и начинаютъ ограничивать городами (5).

Организація сбора (таможеннаго) съ торговли, конечно, должна была повести къ ограниченію мѣстъ торговли. Таможенные сборы устраивались въ такихъ пунктахъ, гдѣ существовала сколько-нибудь развитая торговля. Учрежденіе въ такихъ мѣстахъ таможенниковъ вызывало иногда переносъ торговли въ новое мѣсто, гдѣ таможенниковъ

не было. Это причиняло подрывъ государевой казнѣ, и вотъ вслѣдствіе этого-то мы и находимъ въ таможенныхъ грамотахъ дозволеніе торговли въ однихъ мѣстахъ и запрещеніе ея въ другихъ. Но при этомъ и рѣчи нѣтъ объ исключительномъ пріуроченіи торговли къ городамъ. И въ концѣ XV-го и въ теченіе всего XVI-го вѣка торговля разрѣшается какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ.

Въ древнѣйшей бѣлозерской таможенной грамотѣ читаемъ:

«А кто пріѣдетъ изъ Московскіе земли, и изъ Тверскіе земли, и изъ Новогородскіе земли, и изо всѣхъ монастырей Московскіе земли, и изъ Тверскіе, и Новогородскіе, и изъ Бѣлозерьскихъ монастырей, всѣмъ имъ всякимъ товаромъ и житомъ торговати въ городѣ на Бѣлѣозерѣ: а за озеро всѣмъ имъ торговати не ѣздити: а по волостемъ имъ и монастыремъ не торговати ни житомъ, ни всякимъ товаромъ, опроче одные Бѣлозерскіе волости Углы. А на Углѣ быти торгу по старинѣ, а тамга имати у нихъ по томужъ, какъ емлютъ на Бѣлѣозерѣ, въ городѣ... А городскимъ людемъ бѣлозерцемъ и посажаномъ (вмѣсто посадскихъ) за озеро ѣздити по старинѣ торговати» (А. Э. I. № 134, 1497).

Здѣсь различены пріѣзжіе торговцы изъ другихъ земель и мѣстные. Пріѣзжіе торгуютъ только въ городѣ Бѣлоозерѣ да въ волости Углѣ. Мѣстные купцы могутъ ѣздить торговать и за Бѣлоозеро по волости. Это особая ихъ привилегія.

Изъ жалованной грамоты дмитровскаго князя, Юрія Ивановича, 1521 года, узнаемъ, что есть мытчики (сборщики торговыхъ пошлинъ) Задубровской слободы, Устенскіе и Дубенскіе (А. Э. I. № 170). Все это не города.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка возникло любопытное таможенное столкновеніе у архимандрита Симонова монастыря съ княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Прозоровскимъ. Архимандритъ билъ челомъ государю о томъ:

«Что де въ Бѣжецкомъ Верху, въ Городецкомъ уѣздѣ,

въ ихъ монастырскомъ селѣ, въ Веси Егонской, торгъ еженедѣль по вся дни, и на тотъ де торгъ съѣзжаются торговые люди со всякими товары; и въ томъ де торгу тамгу и всѣ таможные пошлины откупаютъ бѣжачане, городецкіе посадскіе люди и сельскіе крестьяне; и отъ тѣхъ де отъ откупныхъ таможниковъ ихъ монастырскимъ людемъ и крестьяномъ... чинятся обиды и продажа великіе и откупу де таможеннаго на ту тамгу даютъ наддачу великую».

Вслѣдствіе этого архимандритъ просилъ, чтобы государь пожаловалъ отдалъ имъ тямгу безъ наддачи въ оброкъ за 35 р. Государь пожаловалъ, отдалъ.

Черезъ два года послѣ этого прикащики кн. Прозоровскаго устроили въ его вотчинѣ, селѣ Старой Холопей, лавки, кабаки и завели торгъ. По челобитью князя въ его вотчинѣ тоже была устроена таможня и торгъ отданъ на откупъ за 3 рубля. Но оба села находились на одной и той же рѣкѣ Мологѣ. Вслѣдствіе этого торговцы, плывшіе въ Весь-Егонскую, останавливались въ вотчинѣ Прозоровскаго и торговали. Монастырь усмотрѣлъ въ этомъ ущербъ своимъ интересамъ. Пошли жалобы на недоборъ пошлинъ. Дѣло тянулось болѣе трехъ лѣтъ и рѣшено въ пользу монастыря. Торгъ въ Старомъ Холопсѣ былъ уничтоженъ, а три рубля тамги присоединены къ монастырскому оброку (А. Э. I, № 263).

Изъ 17 таможенныхъ грамотъ, отпечатанныхъ въ I-мъ т. А. Э., въ 9-ти рѣчь идетъ о торговыхъ мѣстахъ въ селахъ и волостяхъ (кромѣ трехъ приведенныхъ см. выше № 342, 352, 356, 362, 363, 366). Такимъ образомъ, и въ XVI вѣкѣ, такъ же какъ и въ XII, торговля не ограничивается городами. А такъ какъ города ставились въ цѣляхъ обороны, то можно допустить, что были города, въ которыхъ не было никакой торговли.

Проф. Владимірскій-Будановъ также думаетъ, что торговля концентрируется правительственными мѣрами въ однихъ городахъ, ради удобства взиманія пошлинъ. Ссылаясь на бѣлозерскую уставную грамоту 1488 года, на-

чало этой концентраціи онъ относитъ къ концу XV вѣка (Обзоръ, I, 103).

Иначе взглянулъ на вопросъ проф. Чичеринъ. Онъ не ищетъ обособленія городовъ ни въ XV, ни даже въ XVI вѣкѣ. Онъ относитъ его къ половинѣ XVII-го. «Стремленіе къ устройству и обособленію городовъ, говоритъ онъ, выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи» (Опыты, 36).

Вотъ относящіяся сюда двѣ статьи Уложенія:

«А которые въ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ патріаршіи, и властелинскіе, и монастырскіе вотчины, и боярскіе, и окольничихъ, и думныхъ, и всякихъ чиновъ людей вотчины же и помѣстья,.... а сошлися тѣ вотчины и помѣстья съ посады, дворы съ дворами, или близко посадовъ; и тѣ вотчины и помѣстья взяти за государя и устроити къ посадомъ податьми и службами» (XXI, 8).

«А которые въ городѣхъ патріаршіи и пр. села и деревни... (повторено опредѣленіе предшествующей статьи). А въ которыхъ ихъ въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ объявятся пашенные крестьяне, и тѣхъ крестьянъ указалъ государь описати себѣ статьею» (XIX, 9).

Государь указываетъ взять за него къ посадамъ частныя вотчины и помѣстья, которыя сошлись съ городскими посадами; пашенныхъ же крестьянъ, которые могутъ оказаться въ этихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, описать особой статьей. Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что въ посадахъ были крестьяне и пахотныя земли. Новая мѣра этого порядка вещей не только не измѣняетъ, а пожалуй еще усиливаетъ крестьянскій элементъ въ нѣкоторыхъ посадахъ. Обособленіе города отъ деревни этою мѣрою, слѣдовательно, не достигается. Но здѣсь, дѣйствительно, производится разграниченіе, только не между городомъ и деревней, а между людьми, непосредственно зависящими отъ государя, и тѣми, которые въ силу прикрѣпленія были поставлены въ зависимость отъ частныхъ владѣльцевъ. Это размежеваніе государя съ патріархомъ, митрополитами, боярами и всякихъ чиновъ владѣльцами.

Эти владѣльцы, земли которыхъ прилегаютъ къ землямъ государевыхъ посадскихъ людей, устраивали въ сосѣдствѣ съ ними лавки, анбары и всякія промышленныя заведенія; ихъ люди дѣлали конкурренцію государевымъ посадскимъ людямъ въ торговлѣ и промыслахъ, а тягла посадскаго не несли. Въ видахъ огражденія государева интереса и принята эта крутая мѣра.

Населеніе посадовъ попрежнему остается смѣшанное изъ торговыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ. Пашенные крестьяне могутъ тамъ имѣть лавки и торговать на условіи посадскаго тягла.

Выше (стр. 265) были уже приведены свидѣтельства, доказывающія, что еще въ XVI и началѣ XVII вѣка крестьяне не только занимаются торговлею въ городахъ, но и имѣютъ тамъ лавки.

Уложеніе произвело размежеваніе между вольными государевыми крестьянами и владѣльческими. Послѣдніе лишены имъ права имѣть лавки въ городахъ. Они могутъ только производить торгъ съ возовъ. Но это нововведеніе проникаетъ въ жизнь очень туго, оно постоянно нарушается, и само правительство по временамъ отступаетъ отъ него, дѣлая распоряженія въ отмѣну статей Уложенія.

Въ 1669 году костромичи, посадскіе люди, подали царю и великому князю, Алексѣю Михайловичу, челобитную, въ которой пишутъ:

«Изъ приходныхъ де слободъ, и изъ селъ, и изъ деревень монастырскіе и помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне и дворники на Костромѣ въ рядѣхъ и на площади походя торгуютъ и промышляютъ хлѣбомъ, и солодомъ, и солью, и хмѣлемъ, и холстами, и рыбою свѣжею и соленою, и въ лавки кладутся, и всякими торговыми и ремесленными промыслы промышляютъ, и у пріѣзжихъ де иныхъ городовъ, у торговыхъ людей, которые на Кострому пріѣзжаютъ со всякими товары, цѣну на тѣ товары накладываютъ большую, и въ торгахъ де

и въ промыслахъ имъ, посадскимъ людямъ, чинятъ обиду большую, а тягла де съ ними не тянутъ».

На эту жалобу послѣдовало такое распоряженіе на имя костромского воеводы, Василія Степановича Корсакова, и подьячаго, Семена Прокофьева:

«И вы бъ на Костромѣ монастырскимъ и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьяномъ и дворникомъ и всякихъ чиновъ людемъ, которые въ Костромѣ похотятъ торговыми всякими промыслы промышлять и ремесленные люди рукодѣльемъ своимъ кормиться, на площади и въ рядѣхъ въ лавки товары свои класть, — велѣли съ тѣхъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, съ промысловъ ихъ, земскимъ старостамъ въ Земскую Избу имать съ нихъ оброкъ, по промысламъ ихъ смотря, а съ товаровъ, съ покупки и съ продажи, таможеннымъ головамъ наши великого государя пошлины, что бъ тѣ торговые и ремесленные люди безоброчно не торговали». А. Э. IV, № 169.

Этимъ уничтожалась и та межа, которая проведена Уложеніемъ между вольными и владѣльческими крестьянами.

Торговые и ремесленные крестьяне занимались торговлей и ремеслами и имѣли лавки, конечно, не въ городахъ только, но и въ селахъ и деревняхъ. Съ точки зрѣнія суда и управленія, села и деревни тоже не были обособлены отъ городовъ. Такимъ образомъ, отношеніе между торговыми людьми и крестьянами, между городомъ и селомъ и въ концѣ XVII вѣка остается почти то же, какое было въ самой глубокой древности.

Между двумя разсмотрѣнными мнѣніями проф. Градовскій занимаетъ среднее положеніе. Онъ думаетъ, что «указы царя Михаила Ѳедоровича и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича тщательно выдѣляютъ города изъ состава прочаго населенія» (Сист. мѣст. управл., въ Сб. госуд. зн. VI, стр. 99).

VIII. Огнищане, бояре, дѣти боярскія

Русской правдѣ уже извѣстны бояре. Она говоритъ о нихъ, какъ о людяхъ состоятельныхъ: они имѣютъ своихъ тіуновъ и даже цѣлыя дружины. III, 3, 119. Тотъ же памятникъ упоминаетъ еще огнищанъ; они стоятъ выше обыкновенныхъ людей. За самовольное наказаніе смерда взимается 3 гривны, а за самовольное наказаніе огнищанина — 12 гривенъ; они въ четыре раза выше просто свободнаго человѣка.

Бояръ и огнищанъ знаютъ и лѣтописи и тоже въ качествѣ людей перворазрядныхъ. При перечисленіи лицъ разныхъ классовъ они всегда упоминаются на первомъ мѣстѣ.

«Приде Ростиславъ изъ Кіева, говоритъ лѣтописецъ, и позва новогородце на порядъ: огнищане, гридь, купце вячшее». Новог. I. 1166.

«Идоша съ княземь Ярославъмь (новогородцы на Черниговъ): огнищане, грідьба и купци». Тамъ же, 1195.

Въ другихъ извѣстіяхъ на первомъ мѣстѣ находимъ бояръ.

«Онъ же (князь Мстиславъ) пріѣха къ Ростову и совокупи ростовци: и боляры, и гридьбу, и пасынки и поеха къ Володимирю». 1177 Суздальская.

«И на третіи день бысть мятежь въ Володимири: всташа боляры и коупци». Тамъ же.

Итакъ, огнищане и бояре стоятъ въ древнемъ обществѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ: можно сказать огнищане, а можно сказать и бояре, это будетъ одно и то же. Но слово огнищанинъ давно вышло изъ употребленія; въ извѣстіяхъ XIV вѣка оно едва ли встрѣчается. Слово боярин дожило до нашихъ дней. Первое, надо думать, болѣе древняго происхожденія и еще до Москвы утратило свой смыслъ, а потому и исчезло.

Карамзинъ производитъ, слово огнищанинъ отъ огнища или очага и считаетъ огнищанъ домовитыми гражданами

(II пр. 67). Это, конечно, совершенно вѣрно. Но можно сдѣлать шагъ далѣе и поставить вопросъ, почему зажиточный человѣкъ, домохозяинъ, получилъ наименованіе отъ очага?

Наименованіе римскихъ фламиновъ происходитъ отъ flare — дуть или flagrare — пылать, горѣть, воспламенять. Но то были жрецы. И у насъ слово жрецъ происходитъ отъ жертвы, а жертва отъ жрети, что значитъ горѣть. Древнее священнодѣйствіе и у насъ было въ нѣкоторомъ отношеніи къ огню. Нашъ жрецъ, съ этой точки зрѣнія, равняется римскому фламину. Нельзя ли допустить, что наши огнищане были имъ сродни? Весьма можно.

Вопросъ о томъ, какая вѣра въ высшее существо, рѣшающее человѣческую судьбу,—не откровенная, конечно, а историческая,—самая древняя, очень теменъ и споренъ. Я далекъ отъ мысли его касаться. Я хочу только указать на то, что у многихъ народовъ весьма древнимъ вѣрованіемъ является вѣра въ души усопшихъ предковъ. Они признаются покровителями своихъ нисходящихъ. Имъ молятся и приносятъ жертвы. Престоломъ для священнодѣйствій является домашній очагъ, на которомъ поддерживается въ ихъ честь вѣчный огонь. Священнослужителемъ этой домашней религіи является домохозяинъ. Онъ знаетъ таины почитанія и обряды служенія своимъ семейнымъ богамъ и передаетъ ихъ своему старшему сыну, который по смерти отца заступаетъ его мѣсто у престола предковъ. Женщины прислуживаютъ при совершеніи молитвенныхъ обрядовъ, но въ таины вѣры не посвящается, такъ какъ, по выходѣ замужъ, онѣ будутъ поклоняться богамъ своего мужа и имъ служить. Съ этимъ различнымъ отношеніемъ къ домашнимъ богамъ мущинъ и женщинъ ставятъ въ связь и нѣкоторыя различія въ ихъ правахъ, напримѣръ, въ правахъ наслѣдованія. Имущество обезпечиваетъ возможность принесенія жертвъ семейнымъ богамъ, они должны оставаться въ

семьѣ, а потому дочери и не призываются къ наслѣдованію наровнѣ съ сыновьями [1]).

Итакъ, исторія знаетъ не одинъ примѣръ домовладыкъ-жрецовъ и огнищанъ въ смыслѣ фламиновъ. Есть ли какія-нибудь основанія думать, что и у насъ въ древности было поклоненіе душамъ усопшихъ предковъ?

Наши историческіе памятники — по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни — чрезвычайно скудны. По вопросамъ вѣры сохранилось только нѣсколько именъ языческихъ божествъ. Но русскій народъ и до настоящихъ дней хранитъ въ своей душѣ остатки древнихъ вѣрованій. Вотъ изъ нихъ то и видно, что и онъ вѣровалъ въ души предковъ и поклонялся имъ у своего домашняго очага.

Разгнѣванный малороссъ воздерживается отъ брани и восклицаетъ: «сказалъ бы да печь у хати!» Почему это? Печь—престолъ, а потому тамъ, гдѣ печь, надо вести себя чинно. У насъ есть цѣлый рядъ поговорокъ, примѣтъ, повѣрій, объяснимыхъ только допущеніемъ религіознаго значенія печи. О счастливцахъ говорятъ: «У печурцѣ родився». Есть и ироническая поговорка: «На печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился». Плевать въ печь считается за грѣхъ. Наконецъ, мы имѣемъ даже молитвенное обращеніе къ печи: «Ахти мати бѣлая печь! Не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни ломоты, такъ и рабъ Божій (имя) не узналъ бы ни хитки, ни притки, ни уроновъ, ни призороковъ».

Печь одарена лѣчебной силой. Здѣсь дѣло, конечно, въ жертвенномъ огнѣ. Въ деревняхъ и теперь лѣчатъ опрыскиваніемъ больного мѣста водой черезъ горящій уголь. Въ половинѣ прошлаго вѣка я былъ свидѣтелемъ такого лѣченія. Въ Курской губерніи боль горла лѣчатъ треніемъ о край печи.

Въ чью же честь горѣлъ этотъ чудотворный огонь на домашнемъ очагѣ? Онъ горѣлъ въ честь домового; а далѣе

[1]) Fustel-de-Coulanges, La cité antique.

мовой — это хозяинъ, дѣдушка. У народа существуетъ убѣжденіе, что онъ «словно вылитъ въ настоящаго хозяина дома».

Домовой покровитель хозяйства. Онъ заботится о его поддержаніи; охраняетъ лошадей, куръ и пр., кормитъ ихъ, даже таскаетъ для этого кормъ у сосѣдей. Домовые разныхъ домовъ бываютъ иногда въ борьбѣ между собой. Но домовому надо угождать, иначе онъ можетъ надѣлать бѣдъ. Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ домовой ночью гонялъ у него по двору на пѣгашкѣ «да такъ то борзо, ажно взмылилъ сердечную». Въ другомъ дворѣ домовой билъ кошекъ, бросая въ нихъ чѣмъ ни попало. А разъ схватилъ ее и швырнулъ на земь. Баба (хозяйка) не выдержала и оговорила: «Зачѣмъ бросаешь, развѣ это хозяйство! Намъ безъ кошки прожить нельзя! Хорошъ хозяинъ!» Пересталъ.

Для умилостивленія этого домовладыки, ему и теперь приносятъ въ жертву: кашу, пироги, яйца и пр., ставя все это подъ голубецъ или на загнетку. Ровно въ полночь онъ ужинаетъ. Въ случаѣ гнѣва «хозяина», ему приносятъ въ жертву пѣтуха, кровь выливаютъ на голикъ и выметаютъ имъ домъ и дворъ съ заклятіями.

Въ народныхъ обычаяхъ и досего времени сохранился обрядъ перенесенія огня, какъ символа этого хозяина-предка, изъ стараго дома въ новый. Выстроивъ новый домъ, перезываютъ въ него и домового изъ стараго. Съ этой цѣлью, истопивъ въ старомъ домѣ печь, хозяйка выгребаетъ въ горшокъ уголья, приговаривая: «милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новоселье», накрываетъ его скатереткой и идетъ къ новому дому. Тамъ встрѣчаетъ ихъ хозяинъ съ такимъ же привѣтствіемъ [1]).

Не простой народъ, а и люди интеллигенціи не считаютъ приятымъ подавать другъ другу руку черезъ порогъ. Почему бы это? Этого, кажется, никто не знаетъ. Можно ва

же

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки.

привести и это требованіе приличія въ связь съ описаннымъ вѣрованіемъ. Приходящаго надо привѣствовать въ сферѣ господства «хозяина». Для этого онъ и долженъ переступить черезъ порогъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что и наши предки, какъ и множество другихъ народовъ, вѣровали въ души усопшихъ родителей. А если такъ, то огнищанинъ назывался такъ потому, что служилъ семейному богу у домашняго огнища, возжигалъ и поддерживалъ огнище. Это глава семейства, имѣвшій свое хозяйство, свою религію и цѣлый рядъ такихъ же состоятельныхъ предковъ, какимъ былъ онъ самъ. Таково значеніе огнищанина по историческому его происхожденію; въ эпоху Русской Правды—онъ то же, что бояринъ, и только.

Что слово огнищанинъ стоитъ въ связи съ огнищемъ, это признаютъ всѣ наши историки; но въ частностяхъ они очень расходятся.

Дубенскій (Чтеніе 1846 г. № 1), напримѣръ, не можетъ допустить, чтобы огнищанинъ принадлежалъ къ лицамъ высшаго класса, это человѣкъ простого званія; авторъ въ защиту своего мнѣнія ссылается на 20 ст. Акад. сп. Рус. Пр. Въ этой статьѣ сказано: «Если застанутъ огнищанина въ моментъ кражи и убьютъ, то убитъ въ пса мѣсти». Авторъ не можетъ допустить, чтобы перворазрядные люди въ древности грабили чужое имущество. Этимъ занимались только маленькіе люди. Это, конечно, очень наивная исторія.

Бѣляевъ подъ огнищемъ разумѣетъ не очагъ, а землю, расчищенную для пашни посредствомъ пала, а подъ огнищаниномъ землевладѣльца.

Мнѣніе Соловьева (I, 216—7, пр. 351) неясно и очень сбивчиво. Это у него—близкій къ князю человѣкъ, бояринъ, по нашему придворный.

Сравненіе съ нашимъ придворнымъ ровно ничего не объясняетъ. Сопоставленіе боярина съ близкимъ къ князю человѣкомъ порождаетъ путаницу въ понятіяхъ. Не всѣ

бояре были близки къ князю, а кромѣ бояръ къ князьямъ были близки и очень небольшіе люди, напримѣръ, конюхи.

А далѣе авторъ говоритъ, что огнищане жили при княжескомъ огнищѣ, а тіунъ огнищный былъ смотрителемъ за домомъ князя.

Княжеское огнище — это метафорическое названіе княжескаго дома. Такое же словоупотребленіе встрѣчаемъ и въ средне вѣковомъ западѣ: focus — мѣсто разведенія огня, очагъ, домъ; такъ и у насъ жить при княжескомъ огнищѣ, значитъ жить въ княжескомъ домѣ. Что же это за бояре, которые живутъ не у себя, а въ княжескомъ домѣ? Это будутъ, допустимъ, придворные, но въ смыслѣ дворовыхъ людей, т.-е. дворни, не выше. У нихъ своего огнища не было.

Тіунъ огнищный—это, какъ было уже указано, обыкновенно, рабъ, вѣдавшій домъ своего господина, а вовсе не боярин. Все это одно съ другимъ никакъ не вяжется.

Этимологія слова боярин разъяснена Срезневскимъ въ извѣстномъ его сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка». Онъ находитъ одинаково возможнымъ производить это слово какъ отъ существительнаго бой (вой), такъ и отъ прилагательнаго боль, болій. Отъ того и другого слова съ прибавкой образовательнаго слога—арь или арь (какъ пис-арь, лѣк-арь, звон-арь) произойдетъ старинная форма боярь, болярь и позднѣйшая — боярин, болярин (какъ рус-инъ, властел-инъ, господ-инъ). Въ первомъ случаѣ боярин будетъ означать воителя и придется съ родни рыцарю, во второмъ большаго или лучшаго человѣка и придется съ родни гранду (133).

Съ бытовой точки зрѣнія эти оба словопроизводства дополняютъ одно другое. Древняя война всегда сопровождалась грабежемъ и, въ случаѣ успѣха, имѣла своимъ послѣдствіемъ обогащеніе. Воитель становился, такимъ образомъ, большимъ (богатымъ) или лучшимъ человѣкомъ. Большіе же люди, какъ бы они ни пріобрѣли свое богатство, обыкновенно составляютъ центръ, около кото-

раго группируются мелкіе люди, живущіе на ихъ счетъ. Запасъ этой свободной силы легко превращаетъ большого человѣка въ вождя.

Званіе боярина въ древнѣйшее время является, такимъ образомъ, не чиномъ, раздаваемымъ княземъ, а наименованіемъ цѣлаго класса людей, выдающагося среди другихъ своимъ имущественнымъ превосходствомъ.

Начальный лѣтописецъ, разсказывая о поддержкѣ, оказанной новогородцами князю своему Ярославу въ его борьбѣ съ братомъ, Святополкомъ Окаяннымъ, говоритъ, что на покрытіе издержекъ войны они взяли, съ мужей по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ. Бояре, слѣдовательно, самые богатые люди волости· Лавр., 1018.

Русская Правда въ древнѣйшихъ изводахъ о боярахъ не говоритъ, но она знаетъ боярскихъ холоповъ (III 57), боярскихъ тиуновъ (III 3, 89) и боярскую дружину (ср. Мусина-Пушкина, III 119). Боринъ Русской Правды, слѣдовательно, есть человѣкъ состоятельный, имѣющій холоповъ, ключниковъ, даже дружину.

Слово боринъ въ памятникахъ, иногда, прямо замѣняется выраженіемъ «лучшіе люди» и «большіе люди».

Во главѣ посольствъ, обыкновенно, ставились бояре. Суздальскій лѣтописецъ, разсказывая о посольствѣ древлянъ къ Ольгѣ, говоритъ, что они отправили къ ней «бояръ». Начальный лѣтописецъ называетъ тѣхъ же пословъ «лучшими людьми» (945 годъ).

Весьма понятно, что та экономическая подкладка, которая выдѣляла бояръ изъ среды остального населенія, не у всѣхъ бояръ была одинакова. Одни были богаче, другіе бѣднѣе. Отсюда является такое же качественное различіе въ средѣ лучшихъ людей, какое мы наблюдали въ средѣ людей вообще. Лучшіе изъ нихъ, въ свою очередь, называются большими боярами, старѣйшими, нарочитыми, великими, средніе — просто боярами; меньшіе — молодшими боярами и боришками.

Въ Софійской лѣтописи читаемъ:

«Новогородци же послаша за княземъ владыку съ большими бояры съ челобитьемъ и воротиша князя Ярослава съ Броннича» (I, стр. 195. 1269).

Въ Воскресенской лѣтописи послѣ поименнаго перечисленія князей и лучшихъ бояръ, погибшихъ въ битвѣ съ Мамаемъ, читаемъ:

Здѣ же не всѣхъ писахъ избіеныхъ имена, токмо князи и бояри нарочитыи и воеводы, а прочихъ бояръ и слугъ оставивъ имена, не писахъ множества ради именъ: мнози бо на тоій брани побіени быша» 1380.

Въ договорѣ великаго князя московскаго Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ находимъ такое условіе:

«А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ также» (Рум. Собр. I, № 33, 1388).

Въ духовной грамотѣ митрополита Кипріана читаемъ:

«Боярамъ великимъ же и меншимъ и съ женами и съ дѣтьми ихъ и всему христіанскому народу оставляю миръ и благословеніе» (Воскр. лѣт. 1406).

Во II-й Псковской лѣтописи:

«Новогородци прислаша своего посла, молодшого боярина, подвойского, къ своему брату Пскову, не съ поклономъ, ни съ челобитьемъ, ни съ моленьемъ, но съ гордынею, глаголя: врекаетеся ли пособити намъ противъ великого князя?» 1471.

Бояре въ низшихъ своихъ слояхъ незамѣтно сливаются съ мужами и людьми вообще. Это можно прослѣдить и въ языкѣ. Одни и тѣ же люди называются то просто мужами, то боярами.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1178 годомъ читаемъ:

«Прислаша новогородци мужѣ свои ко Мстиславу къ Ростиславичю, зовуче й Новугороду Великому. Онъ же не

хотяше ити изъ Рускоі земли... Но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: брате, аже зовуть тя съ честью, иди; а тамо ци не наша отчина? Онъ же, послушавъ братьи своеі и мужеі своихъ, пойде съ бояры Новогородьчкими».

И въ московскихъ памятникахъ слово боярипъ и производныя отъ него «боярскіі», «боярщина», и проч. продолжаютъ употребляться для обозначенія всего чрезвычайно широкаго класса имущихъ людеі и того, что̀ имъ принадлежитъ; этотъ классъ, въ низшихъ своихъ слояхъ, имѣетъ крайне неопредѣленную границу.

Въ жалованной грамотѣ великаго князя, Василія Васильевича, Сергіеву монастырю читаемъ:

«Се язъ, князь великіі Василіі Васильевичъ, пожаловалъ есми Троицкого игумена, Васьяна, Сергіева монастыря съ братіею. Что ихъ села на Углецкомъ уѣздѣ, и которые люди отъ нихъ вышли въ мои села великого князя, или въ села въ мои великія княгини, и въ боярскія села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу великого князя къ берегу, и язъ, князь великіі, пожаловалъ игумена Васьяна съ братіею, велѣлъ есми тѣ люди вывести назадъ...» (А. Э. I, № 64, около 1460).

Кто эти бояре, въ села которыхъ ушли монастырскіе крестьяне? Мы знаемъ, что въ XV вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе, появляется званіе введенаго боярина, которое жалуется московскими князьями. Мы даже знаемъ число этихъ бояръ. Въ годъ смерти Василія Васильевича († 1462) ихъ было всего пять человѣкъ. Подъ боярскими селами приведенноі грамоты надо, конечно, разумѣть не села этихъ пяти введенныхъ бояръ, а села всѣхъ землевладѣльцевъ, на земли которыхъ ушли монастырскія крестьяне. Среди этихъ землевладѣльцевъ, могли быть и очень мелкіе люди, но и они здѣсь разумѣются.

Въ Бѣлозерскоі губноі грамотѣ 1571 года читаемъ:

«А которые люди сами на себя въ разбоѣ говорили, и тѣхъ казнити смертною казнію, а животы ихъ истцомъ

въ выть въ полы истцовыхъ исковъ. А будетъ боярскіе люди, и старостамъ за тѣхъ людей имати выти въ полы истцовыхъ исковъ на государѣхъ ихъ, чьи люди» (А. Э. I, № 281).

Приведенная статья опредѣляетъ наказаніе за разбой и вознагражденіе убытковъ пострадавшему. Заявленные убытки вознаграждаются только въ половинной мѣрѣ противъ заявки. Такъ какъ разбой могъ быть совершонъ свободными людьми и рабами, то въ первомъ случаѣ, натурально, убытокъ взыскивался съ имущества свободнаго, во второмъ онъ падалъ на господина раба. И вотъ эти-то рабы, за которыхъ отвѣчаютъ ихъ господа, въ грамотѣ названы «боярскими людьми». Рабовъ, какъ мы знаемъ, могли имѣть всѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ боярскими людьми грамота разумѣетъ людей всѣхъ рабовладѣльцевъ, т. е. всѣхъ имущихъ людей.

До-московская старина чрезвычайно живуча. Несмотря на всѣ измѣненія, совершенныя московскими государями въ правахъ населенія, указанное словоупотребленіе встрѣчается во всей его неприкосновенности и въ памятникахъ XVII в.

Въ Уложеніи читаемъ:

«А отъ кого побѣжитъ крѣпостной холопъ, и въ бѣгахъ кому дастъ на себя служилую кабалу, и давъ ту кабалу изъ бѣговъ воротится къ прежнему своему боярину и учнетъ у прежняго своего боярина служити по его смерть...» (XX, 114).

«Боярскія боярыни», какъ назывались довѣренныя лица изъ женской прислуги, были въ домахъ не только введенныхъ бояръ, но и стольниковъ (Двор. разр. III. 1152).

Въ самомъ концѣ XVII вѣка, въ розыскѣ по дѣлу о стольникѣ Петрѣ Неплюевѣ, кабальный человѣкъ этого стольника названъ боярскимъ человѣкомъ (Розыск. дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, II, 771).

Въ этомъ смыслѣ бояринъ, въ сокращенной формѣ— баринъ, дожилъ и до нашихъ дней.

По боярину всякое землевладѣніе называется «боярщиной» (А. Ю. № 196, I. 1630).

«Боярской пашней» называлась всякая хозяйская пашня, кому бы она ни принадлежала, въ отличіе отъ пашни, сданной крестьянамъ. Въ описаніи вотчины подьячаго Улана Айгустова читаемъ:

«А вотчины Улановы, по княжъ Ѳедоровѣ описи, селцо Михайловское, деревня Гребенева, деревня Текунино, деревня Рогово, деревня Пашигорево — пуста; пашни боярскіе и крестьянскіе 118 четьи въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 295 копенъ, лѣсу рощи 15 десятинъ...» (А. Э. I, № 280. 1571).

Пашня подьячаго — тоже боярская, а онъ господинъ, боярин, баринъ, только небольшой.

Бояре, какъ богатые люди, содержатъ при себѣ дружины. Это явленіе весьма понятно; въ то отдаленное время, когда государственная власть только возникала и полиціи еще не было, каждый долженъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. Отчасти съ цѣлью безопасности, а отчасти и въ видахъ войны богатые люди держали дружины.

На существованіе такихъ боярскихъ дружинъ находимъ указаніе и въ Русской Правдѣ. Въ ст. III 119 по списку Мусина-Пушкина читаемъ:

«Аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ».

Предшествующая этой статья говоритъ о правѣ наслѣдованія князя въ выморочныхъ имуществахъ:

«Аже смердъ оумретъ безажю, то задницю князю».

Приведенная же III 119 статья дѣлаетъ изъ этого правила исключеніе для боярскихъ дружинъ: выморочное имущество боярскихъ дружинниковъ не идетъ князю. Подобно тому, какъ выморочное имущество церковныхъ людей (беззадщина) шло не князю, а епископу (цер. уст. Яро-

слава, 33), такъ и выморочное имущество боярскихъ дружинниковъ шло содержавшимъ ихъ боярамъ.

Лѣтописныя извѣстія о дружинахъ бояръ восходятъ къ X вѣку. Въ начальной лѣтописи подъ 945 годомъ читаемъ:

«Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы».

«Отроки» Свѣнальда это то же, что «дружина» Игорева. Въ данный моментъ дружина великаго князя кіевскаго находилась даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ дружина его слуги, Свѣнальда.

Подъ 1095 годомъ та же лѣтопись говоритъ о дружинѣ Ратибора, слуги переяславскаго князя, Владиміра Мономаха.

«И начаша думати дружина Ратиборя (вар. ратиборова чадь) со княземъ Володимеромъ о погубленыи Итларевы (половецкій предводитель) чади».

Подъ 1128 годомъ Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ объ отрокахъ-воинахъ двухъ тысяцкихъ: Воротислава Володимірскаго и Иванки Туровскаго.

Особенно важно извѣстіе той же лѣтописи подъ 1211 годомъ. Лѣтописецъ заявляетъ, что у князя Даніила было больше воиновъ, чѣмъ у другихъ князей, и что воины его были сильнѣе, и это обстоятельство объясняетъ такъ: «бяху бояре велиціи отца его всѣ у него». Большіе бояре привели на службу князя и свои большія дружины. Отсюда сила князя.

Къ московскому князю, Ивану Даніловичу Калитѣ, пріѣхалъ на службу кіевскій выходецъ, Родіонъ Нестеровичъ, и привелъ съ собою до 1700 человѣкъ своихъ послужильцевъ, т.-е. отроковъ, дружинниковъ.

Карамзинъ приводитъ чрезвычайно важную для занимающаго насъ вопроса выписку изъ Разрядной книги Бекетова (XV вѣка):

«Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Василье-

вичу подъ его державу Великій Новгородъ, и по его государеву изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ -служилые люди. И тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ» (VI, прим. 201).

Крѣпнущее изо-дня въ день Московское государство начинаетъ находить для себя неудобными старые порядки. Его уже безпокоятъ дружины бояръ, и вотъ оно распускаетъ ихъ изъ боярскихъ дворовъ, но для того, чтобы помѣстить ихъ на собственныхъ своихъ земляхъ. Изъ служилыхъ людей бояръ они становятся непосредственно служилыми людьми московскаго государя.

Эти боярскіе дворы дожили и до XVII вѣка, когда они употреблялись для торжественной обстановки при пріемѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Въ разрядной книгѣ 1674 года читаемъ:

«Того-жъ числа указалъ великій государь быть на выѣздѣ на встрѣчѣ противъ кизылбашскихъ пословъ боярскимъ дворамъ. И тому роспись: 1) дворъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго» и т. д.

А далѣе за перечисленіемъ боярскихъ дворовъ идутъ дворы: крайчаго, окольничихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, постельничаго и ясельничаго. И здѣсь, слѣдовательно, «боярскій дворъ» означаетъ, по старому, дворъ лица высшаго состоянія вообще.

Бояре суть поземельные собственники. Сбереженія свои они охотно употребляютъ на пріобрѣтеніе недвижимостей. Но такія пріобрѣтенія, при раздробленности древней Россіи на множество отдѣльныхъ княженій, не всегда могли нравиться мѣстной власти. Не нравились они ей въ тѣхъ случаяхъ, когда земли покупались боярами, состоявшими на службѣ въ другихъ княженіяхъ. Въ этихъ случаяхъ доходы съ земель могли быть употребляемы на пользу посторонней власти. Этимъ и надо объяснять встрѣчающіяся въ княжескихъ договорахъ запрещенія покупать недвижимости въ предѣлахъ чужого княженія.

Древнѣйшія запрещенія этого рода находимъ въ договорахъ Новгорода съ тверскими князьями (Рум. собр. I, № 3, 1270 и друг. Подлинныя выраженія см. стр. 39).

Такія же условія находимъ и въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ Владиміромъ Серпуховскимъ читаемъ:

«А тебѣ, брату моему молодшему, въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ бояромъ.....; также и мнѣ въ твоемъ удѣлѣ селъ не купити, ни моимъ бояромъ» (Рум. Собр. № 27, 1362 и друг.).

Землевладѣльцы-бояре по необходимости связаны съ мѣстностью, гдѣ находятся ихъ имѣнія; въ этихъ имѣніяхъ они, обыкновенно, и живутъ. Такимъ мѣстнымъ характеромъ бояръ объясняется то, что лѣтописцы и княжескія грамоты обозначаютъ ихъ по имени города или области, гдѣ лежатъ ихъ земли. Въ этомъ смыслѣ они говорятъ о боярахъ древлянскихъ, кіевскихъ, черниговскихъ, ростовскихъ, новогородскихъ, псковскихъ, двинскихъ, вятскихъ и иныхъ (А. Э. I, № 13; А. И. I, № 261; Лѣт. Переясл. Суздал. стр. 86, 88, 89 и др.; Воскр. стр. 26, 52, 75, 301).

Лучшіе люди, бояре, весьма натурально, тяготѣютъ къ князьямъ, отъ которыхъ зависитъ раздача доходныхъ должностей. Они поступаютъ къ нимъ на службу и составляютъ высшій слой княжескихъ дружинъ. Эта древняя служба была вольной. Бояре, какъ люди состоятельные, представляли силу, которая могла быть полезна самимъ князьямъ. Они могли выбирать между владѣтельными князьями и поступали на службу къ тому изъ нихъ, кто былъ ласковъ къ нимъ, внимателенъ къ ихъ желаніямъ, щедро награждалъ за услуги.

Лѣтопись сохранила любопытный образчикъ отношеній князя къ его вольной дружинѣ. Случай этотъ относится ко времени князя Владиміра Мономаха. Предоставимъ слово лѣтописцу:

«Вложи Богъ Володимеру въ сердцѣ, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружинѣ своей рѣчь Володимирю; они же рекоша: не веремя нынѣ погубити смерьды отъ ролы. И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: да быхомъ ся сняли и о томъ подумали быхомъ съ дружиною. Посланіи же пріидоша къ Володимеру и повѣдоша всю рѣчь Святополчю. И пріиде Володимеръ и срѣтостася на Долобьскѣ: и сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью. И рече Володимеръ: брате! ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русьскоі земли. И рече Святополкъ: брате! ты почни. И рече Володимеръ: како я хочю молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ! Но се диво ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коніі, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту и жону его и дѣти и гумно его зажжеть, то о семъ чему не мыслите? И рекоша вся дружина: право, во истину тако есть. И рече Святополкъ: се азъ, брате, готовъ есмь съ тобою». Ипат. 1111.

Дружинѣ нельзя приказывать, ее надо убѣждать. Если князь былъ не внимателенъ къ своимъ боярамъ, не совѣщался съ ними и требовалъ отъ нихъ участія въ такихъ предпріятіяхъ, которыя имъ не правились, они оставляли его. Такъ поступили съ Владиміромъ Мстиславичемъ бояре его въ 1169 году, когда узнали, что онъ безъ совѣта съ ними рѣшилъ напасть на племянника своего Мстислава Изяславича кіевскаго:

«О собѣ еси, княже, замыслилъ, говорили они ему, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Ипат.

Эти старинныя свободныя отношенія бояръ къ князьямъ получили свое точное выраженіе въ слѣдующей формулѣ княжескихъ договоровъ:

«А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ—воля».

Эпитетъ «вольные» относится къ боярамъ и слугамъ.

Этимъ вольнымъ боярамъ и слугамъ выговаривается «воля», то есть, свобода служить кому хотять изъ заключившихъ миръ князей. Эта свобода предоставляется не однимъ боярамъ, но еще и слугамъ. Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, что слово бояринъ обнимаетъ очень широкій классъ людей: и большихъ, и среднихъ, и даже молодшихъ. Эти различія отразились въ языкѣ договоровъ: боярами они, надо думать, называютъ только лучшихъ людей; людей же поменьше они разумѣютъ подъ именемъ вольныхъ слугъ. Это отсутствіе рѣзкихъ границъ между разрядами лицъ указываетъ на то, что мелкіе слуги недалеко уходятъ отъ людей низшихъ разрядовъ, которые записываются въ тягло. Понятіе «вольные слуги» очень широкое: оно означаетъ всѣхъ не тяглыхъ. Всѣ не записанные въ тягло вольные люди могутъ быть принимаемы въ этотъ разрядъ слугъ.

Наша древность знала вольную службу и тяглую. Еще въ половинѣ XIV вѣка князья договаривались тяглыхъ людей въ службу не принимать, т.-е. въ вольную службу. Подъ тяглыми же людьми они разумѣли весьма разные разряды лицъ. Сюда относились всѣ, состоявшіе подъ дворскимъ, т.-е. несшіе спеціальное дворцовое тягло. Памятники называютъ ихъ «слугами, которые потягли къ дворскому». Сюда относились «численые люди», на которыхъ лежало ордынское тягло. Наконецъ, сюда же относились и всѣ черные люди, которые тянули къ сотникамъ. Ихъ тягло тоже называется иногда службой. Продавая черныя земли вел. князя, а своего владѣнія, они продажу эту мотивируютъ тѣмъ, что не могли «ни дани давать, ни службы служить». Князья договариваются такихъ людей на службу не принимать, но это не значитъ, что они не могутъ поступать на службу. Договоръ имѣетъ силу между договорившимися только; онъ обязываетъ ихъ, а не третьихъ лицъ. А потому и тяглые могутъ поступать на вольную службу, но князей, въ договорѣ не состоящихъ. Дѣти же ихъ, въ тягло не записанныя, могутъ

поступать на службу даже князей, связавшихъ себя договоромъ. Такимъ образомъ вышеприведенное условіе договоровъ о непріемѣ на службу тяглыхъ людей ничего не имѣетъ общаго съ разграниченіемъ общества на сословія.—Свободы ухода со службы не лишены и тяглые слуги. Они только лишаются земель, которыя имъ даны. Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича читаемъ:

«А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ. А кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, тотъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ». «А боярамъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворьскимъ, вольнымъ—воля». № 40—1410.

Предоставляя свободу службы боярамъ и слугамъ, князья предоставляютъ имъ тѣмъ самымъ и право свободнаго перехода со службы одного князя на службу другого. Это право обозначается въ памятникахъ словомъ «отъѣздъ».

Хотя отъѣздъ составляетъ право вольныхъ слугъ; но понятно, что пользованіе этимъ правомъ не можетъ быть пріятно тому князю, котораго служилые люди оставляютъ. Случалось, что князья, вымещали свое неудовольствіе на имуществѣ отъѣхавшихъ: грабили села ихъ и домы, которые находились въ предѣлахъ ихъ владѣній. Для предупрежденія такихъ нарушеній права отъѣзда, въ княжескіе договоры включались статьи, которыми признавалась неприкосновенность имуществъ отъѣзжавшихъ слугъ. Въ древнѣйшихъ договорахъ Семена Ивановича и племянника его, Дмитрія Ивановича, это начало выражается въ такой формѣ:

«А кто поѣдетъ отъ насъ къ тебѣ... нелюбья не держати»; въ позднѣйшихъ: «а кто имѣтъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ихъ, какъ и своихъ».

Въ посланіи чернаго и бѣлаго духовенства къ Дмитрію Юрьевичу отъ 1447 года находимъ превосходный комментарій этого выраженія «блюсти, какъ и своихъ». Упрекая

Дмитрія Шемяку въ нарушеніи принятыхъ имъ на себя обязательствъ по отношенію къ великому князю, духовенство говоритъ:

«А боярамъ вашимъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ межи васъ вольнымъ—воля. А кто служитъ брату твоему старѣйшему, великому князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ. И послѣ того вашего докончанія и крестнаго цѣлованія, которые бояре и дѣти боярскія отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему великому князю служити, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, чрезъ то докончаніе и чрезъ крестное цѣлованіе, тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотымалъ и животы и състатки всѣ и животину еси у нихъ поималъ» (А. И. I, № 40).

Въ договорахъ съ Тверью то же начало выражено болѣе опредѣленно:

«Намъ (князьямъ) въ села ихъ (отъѣхавшихъ) не вступатися» или: «а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати».

Но обезпечить неприкосновенность имуществъ отъѣзжающихъ бояръ и слугъ, не значило еще вполнѣ обезопасить ихъ отъ корыстныхъ притязаній мѣстной мѣстной власти. У нея оставалась возможность обирать отъѣхавшихъ, не нарушая правъ ихъ собственности. Они могли дѣлать это посредствомъ разорительныхъ налоговъ. Договоры принимаютъ и противъ этого мѣры. Князья, обыкновенно, обязываются не только блюсти отъѣхавшихъ, какъ и своихъ, но и дань брать съ нихъ не больше той, какую берутъ со своихъ бояръ. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А кто имѣтъ жити моихъ бояръ и моего сына, княжихъ Васильевыхъ, и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ; а кто имѣтъ жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, а тѣхъ намъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ». Рум. собр. I, № 33; 1388 и друг.

Для поступленія на службу князя, конечно, было необходимо его согласіе. Первый актъ, который долженъ былъ совершить вольный слуга, чтобы поступить на службу, состоялъ въ челобитьи о принятіи его. Лѣтописецъ, описавъ плѣненіе, ослѣпленіе и ссылку великаго князя Василія Васильевича, продолжаетъ:

«Слышавше же то князь Василій Ярославичъ (удѣльный серпуховскій князь, союзникъ Василія Васильевича), побѣже въ Литву да князь (служилый) Семенъ Ивановичъ Оболенскій съ нимъ. А прочіе дѣти боярскія и всѣ людіе быша челомъ служити князю Дмитрію... (П. С. Л. VIII, 117).

Но такъ какъ всякій новый вольный слуга прямо увеличивалъ силу князя, не принося ему ни малѣйшаго ущерба, то въ согласіи князя и не могло быть сомнѣнія. Такимъ образомъ, опредѣляющій моментъ при поступленіи бояръ и слугъ вольныхъ на службу заключался не столько въ волѣ князя, сколько въ волѣ служилаго человѣка, избиравшаго себѣ князя. Въ договорныхъ грамотахъ употребительно, поэтому, такое выраженіе:

«А кто имѣтъ которому князю служити»... (Рум. собр. I, № 66, 1447).

На древнемъ языкѣ такое вольное поступленіе къ кому-либо на службу обозначалось терминомъ «приказатися». Въ уставной грамотѣ вел. князь Василій Дмитріевича и митрополита Кипріяна читаемъ:

«А кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту, а приказался ново митрополиту, а тѣ поидутъ подъ моимъ воеводою великаго князя, гдѣ который живетъ, или подъ тѣмъ воеводою и есть» (А. Э. I, № 9, 1389 или 1404).

Приказаться на службу къ князю или къ кому иному значитъ принять на себя обязанность защищать своего господина съ оружіемъ въ рукахъ. Это—поступленіе въ дружину, а не принятіе на себя какой-либо опредѣленной

должности при князѣ. Всѣ должности князь раздаетъ самъ; въ должность нельзя приказаться. Приказываются къ услугамъ князя или иного господина въ качествѣ свободной военной силы.

Приказываясь на службу, бояре и слуги вольные давали клятвенное обѣщаніе вѣрности. Это видно изъ разсказа лѣтописи о переговорахъ, происходившихъ въ 1391 г. между нижегородскимъ княземъ, Борисомъ Константиновичемъ, и его боярами. Узнавъ, что московскій великій князь, Василій Дмитріевичъ, выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на Нижегородское княженіе и приближается къ Нижнему съ ратною силою, князь Борисъ собралъ бояръ своихъ и сказалъ имъ:

«Господіе моя и братіе, бояре и други! попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣловали ко мнѣ и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ». (Никонов. лѣт. IV. 240).

Дмитрій Шемяка, услыхавъ о челобитьи служилыхъ людей Василія Васильевича къ нему на службу, приказываетъ привести ихъ всѣхъ къ крестному цѣлованію (П. С. Л. VIII, 117).

Бояре, цѣлуя крестъ, обѣщали князю, конечно, вѣрную службу и обязывались защищать его. Это видно и изъ отвѣта нижегородскихъ бояръ Борису:

«Всѣ мы, говорилъ старѣйшій изъ нихъ, Василій Румянецъ, единомысленны къ тебѣ и готовы за тебя головы сложить».

Изъ переговоровъ великаго князя Дмитрія Ивановича съ своими служилыми людьми также видно, что они приняли на себя обязанность защищать его, не щадя жизни. На увѣщаніе князя стоять твердо въ борьбѣ съ врагами, бояре отвѣчали:

«Господине Русскій царю! рекли есмя тебѣ животъ свой положити, служа тебѣ! А нынѣ тебѣ ради кровь свою проліемъ и своею кровію второе крещеніе пріимемъ». Воскр. 1389.

Надо думать, что и князь принималъ на себя нѣкоторыя обязательства по отношенію къ своимъ боярамъ и слугамъ вольнымъ. Не даромъ же они давали обѣщаніе проливать за него свою кровь. Князь, надо полагать, обѣщалъ имъ жаловать ихъ всякими милостями и льготами. Борисъ нижегородскій упоминаетъ о своей любви къ боярамъ. Эта любовь должна была, конечно, сопровождаться и соотвѣтственными дѣйствіями. Такъ оно въ дѣйствительности и было, какъ увидимъ ниже.

Клятва вѣрности бояръ и вольныхъ слугъ князю и обѣщаніе покровительства князя его боярамъ и слугамъ вольнымъ находили свое выраженіе и въ томъ словѣ, которымъ въ общежитіи назывались эти слуги. Имъ усвоялось наименованіе дружины, они были друзья князя. Это сближаетъ ихъ съ высшимъ разрядомъ римскихъ кліентовъ, которымъ тоже усвоялось наименованіе друзей, съ сольдурами (soldurios) галловъ и товарищами (comites) германцевъ, которые, какъ и наши вольные слуги, были связаны съ своими господами клятвою вѣрности и тоже составляли ихъ дружину.

Поступленіе на службу не обязывало, однако, бояръ постоянно находиться при особѣ князя. Они должны были защищать его въ случаѣ надобности, но жили въ своихъ имѣніяхъ. Въ увѣщательной грамотѣ духовенства Дмитрію Шемякѣ читаемъ:

«А бояромъ вашимъ (т. е. Василія Васильевича и Шемяки) и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ межи васъ вольнымъ воля. А кто служитъ брату твоему старѣйшему, великому князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ» (А. И. I, № 40, 1447).

Что вольные слуги суть воины и, по общему правилу, живутъ не при дворѣ князя, а въ своихъ имѣніяхъ, это слѣдуетъ и изъ договоровъ московскихъ князей, въ которыхъ, обыкновенно, разъясняется вопросъ о томъ, съ какимъ воеводой выступаютъ въ походъ бояре и слуги вольные (съ воеводой ли своего князя или его союзника)

и гдѣ они должны находиться въ случаѣ осады города непріятелемъ. Въ договорѣ великаго князя Василія Васильевича съ серпуховскимъ княземъ читаемъ:

«А которые, господине, бояре и дѣти боярскіе служатъ тебѣ, великому князю, или твоей братьѣ, а живутъ въ моемъ удѣлѣ, а тѣ, господине, ходятъ съ тобою, съ великимъ княземъ, и съ вашими воеводами... А городная осадка, гдѣ кто живетъ, тому туго сѣсти» (Рум. соб. I, № 45, 1433).

Приведенныя статьи предполагаютъ, что бояре и слуги вольные живутъ въ своихъ отчинахъ. Если бы они состояли при дворѣ князя, въ такихъ статьяхъ не было бы надобности. Придворная жизнь не успѣла еще наложить своей печати даже на лучшихъ слугъ, бояръ, ни въ XIV, ни въ XV вѣкѣ. Вольные слуги не придворные люди.

Несмотря на клятвенное обѣщаніе вѣрности, вольные бояре и слуги могли прекратить свою службу и отъѣхать къ другому князю. Отъѣзду, обыкновенно, предшествовалъ отказъ отъ службы, то-есть, предварительное извѣщеніе о намѣреніи отъѣхать. Послѣ описанія мира Юрія Дмитріевича галицкаго съ Василіемъ Васильевичемъ московскимъ, по которому послѣдній вмѣсто Москвы получилъ Коломну, лѣтописецъ продолжаетъ:

«Многіе люди начаша отказыватися отъ князя Юрія за великаго князя (Василія Васильевича) и поидоша къ Коломни безъ перестани, а ему то видящу» (П. С. Л. VIII, 1433 годъ).

Условія, при которыхъ былъ возможенъ отказъ отъ принятыхъ на себя и скрѣпленныхъ присягою обязательствъ, понимались у насъ, кажется, различно князьями и служилыми людьми.

Князья допускали отказъ въ такомъ только случаѣ, когда отъѣзжавшій переходилъ къ князю, съ которымъ они находились въ союзѣ единенія и любви. Всегда неприглядный фактъ отказа отъ даннаго обѣщанія смягчался здѣсь политическимъ единствомъ князей, среди ко-

торыхъ происходилъ отъѣздъ. Единство князей переходило и на ихъ служилыхъ людей. Вышеуказанныя гарантіи имуществъ отъѣхавшихъ слугъ встрѣчаются только въ мирныхъ договорахъ князей. Изъ этого надо заключить, что если князья не состоятъ въ мирѣ, то и гарантіи эти не имѣютъ мѣста. Отъѣздъ, конечно, возможенъ и въ этомъ случаѣ, но имущество отъѣхавшаго не пользовалось уже неприкосновенностью.

Затѣмъ, отъѣздъ допускался по отношенію къ такимъ только служилымъ людямъ, которые не совершили преступленія. Всѣ виновные подлежали суду и не могли, конечно, отъѣздомъ избѣжать невыгодныхъ для себя послѣдствій осужденія. Еще въ договоры князей XII вѣка включалась статья объ отвѣтственности виновныхъ служилыхъ людей.

Князь Святославъ Всеволодовичъ черниговскій, обращаясь къ союзнику своему, Роману Ростиславичу кіевскому, говоритъ:

«Брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь, у голову». Ипат. 1177.

Такимъ образомъ, еще въ XII вѣкѣ дружинники, виновные въ измѣнѣ, подвергались смертной казни. Измѣна карается и московскими государями.

Великій князь московскій, Семенъ Ивановичъ, въ договорѣ, заключенномъ съ братьями, обязалъ ихъ не принимать къ себѣ «Алексѣя Петровича», виновнаго передъ нимъ въ коромолѣ (измѣнѣ):

«А что Олексѣ Петровичь вшелъ въ коромолу къ великому князю, намъ, князю Ивану и князю Андрею, къ собѣ его не приимати, ни его дѣтій, и не надѣятись ны его къ собѣ до Олексѣева живота; воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ дѣтехъ». Рум. Собр. I № 23, 1341.

Въ 1375 году Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго, убѣжалъ изъ Москвы

въ Тверь; вмѣстѣ съ нимъ убѣжалъ и сурожанинъ, Некоматъ. Это не отъѣздъ, а бѣгство. Надо думать, что у Вельяминова были враждебныя столкновенія съ московскими властями. Убѣжавшій Некоматъ былъ посланъ тверскимъ княземъ въ Орду, гдѣ и выхлопоталъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Можно думать, что въ этихъ враждебныхъ великому князю московскому дѣйствіяхъ принималъ участіе и Вельяминовъ, такъ какъ въ 1379 году онъ тоже ѣздилъ въ Орду. На обратномъ пути въ Тверь онъ былъ схваченъ по повелѣнію московскаго князя и казненъ; въ 1383 году попалъ въ руки московскаго правительства и сообщникъ его, Некоматъ, который тоже былъ казненъ «за крамолу бывшую и измѣну».

У Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, бѣжавшаго изъ Москвы въ Тверь, великій князь, Василій Васильевичъ, отнялъ принадлежавшія ему села «въ своей вшѣ». Всеволожскій оказалъ большія услуги московскому князю. Онъ выхлопоталъ ему въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе. Но потомъ возникла розни между княземъ и вѣрнымъ ему прежде слугою. Непріязненныя чувства Всеволожскаго къ князю дошли до того, что онъ сталъ подговаривать къ войнѣ съ нимъ дядю его, Юрія. Бѣгство Всеволожскаго изъ Москвы свидѣтельствуетъ о томъ, что нормальныя отношенія вольнаго слуги къ своему господину уже прекратились. Кто дѣйствительно былъ виноватъ, этого мы не знаемъ.

Отъѣздъ не спасаетъ виновнаго отъ наказанія.

Но и на невиннаго человѣка отъѣздъ кладетъ пятно въ глазахъ князя, котораго онъ оставилъ. Не заслуживаетъ вѣры тотъ, кто нарушаетъ свое слово. 15-го февраля 1446 г., когда великій князь московскій, Василій Васильевичъ, находился въ Троицкомъ монастырѣ и былъ у обѣдни, къ нему подошелъ одинъ изъ вольныхъ его слугъ, Бунко, и сообщилъ, что къ монастырю приближается можайскій князь съ враждебными замыслами. Бунко служилъ прежде Василію, потомъ отъѣхалъ къ

Шемякѣ, а незадолго до описываемыхъ событій снова вернулся къ Василію. Великій князь не повѣрилъ Бункѣ; князь говорилъ: «смущаютъ насъ эти» перебѣжчики, и велѣлъ даже силою выбить Бунку изъ монастыря.

Право отъѣзда не могло нравиться князьямъ, и они не всегда въ силахъ были сдержать гнѣвъ свой противъ отъѣхавшихъ. Чрезвычайно любопытный случай такого гнѣва описанъ въ житіи преподобнаго Мартиніана Бѣлозерскаго. Приводимъ его цѣликомъ:

«Бояринъ нѣкій отъ великаго князя Василія Темнаго отъѣха къ тверскому великому князю. Онъ же зѣло зжаливъ о боярынѣ томъ и не вѣде, что сотворити, или како возвратити его назадъ, понеже отъ ближнихъ его совѣтникъ; посылаетъ моленіе ко преподобному Мартиніану въ Сергіевъ монастырь, дабы его возвратилъ, и обѣщаваетъ много паче перваго честна и богата сотворить его. Святый же послуша его, надѣяся на духовное сыновство, возврати боярина того и во всемъ нятся ему преподобный. И яко прінде боярынъ той къ великому князю, онъ же не удержа ярости гнѣва на боярина того, повелѣ и оковати. Сродницы же его вдаша нарѣчіе къ преподобному Мартиніану въ Сергіевъ монастырь. Слыша же сія, святый Мартиніанъ оскорбился зѣло, яко измѣну сотвори надъ боляриномъ; сѣдъ на коня, иде скоро къ великому князю съ великою печалью. И пришедъ, первіе помолився святымъ церквамъ и внезапу прінде въ великаго князя храмины, никому же вѣдящу его. Пришедъ, толкну во двери; дверницы же сказаша великому князю пришествіе святаго: онъ же повелѣ его скоро пустити къ себѣ. Блаженный же, вшедъ, помолился Богу, и молитву сотвори, тоже близъ его напрасно пришедъ и рече: «тако ли, самодержавный князь великій, ты праведно судити научился еси? Господи! почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? почто еси боярина того, иже мною призваннаго душею моею, оковати повелѣ и слово еси свое преступилъ? Не буди мое грѣшное благословеніе на тебѣ и на твоемъ великомъ княженіи». И обратися отъ гнѣва, скоро изъ храмины изыде, всѣдъ паки на коня, возвратися къ Троице въ Сергіевъ монастырь, ни мало побывъ на Москвѣ». Лѣт. занят. Арх. ком. I, Матер. 6—7.

Василій Васильевичъ не единственный князь, опалявшійся на отъѣхавшаго. Опалялись и другіе. Выше мы приводили уже упреки духовенства Дмитрію Шемякѣ за разграбленіе селъ и деревень отъѣхавшихъ отъ него бояръ. Этимъ объясняется то обстоятельство приведеннаго разсказа, что отъѣхавшій отъ Василія Темнаго въ Тверь боярин̈ъ не иначе согласился возвратиться въ Москву, какъ за поручительствомъ Мартиніана. Но его отъѣздъ самъ по себѣ не составлялъ вины и наказывать за него князь не имѣлъ права. Такова точка зрѣнія людей того времени и самъ великій князь московскій долженъ былъ, наконецъ, ей подчиниться. Онъ сознал̈ъ свою неправоту, немедленно сложилъ съ невиннаго боярина опалу и отправился къ Троицѣ для испрошенія прощенія у преп. Мартиніана.

Князьямъ не нравился отъѣздъ, но пріѣздъ былъ имъ очень пріятенъ, и они стояли за него даже и послѣ того, когда формально вооружились противъ отъѣзда. Великій князь Иванъ Васильевичъ охотно принимаетъ тверскихъ и литовскихъ выѣзжихъ людей и на протесты литовскаго князя отвѣчаетъ, что литовскіе выходцы пріѣзжаютъ къ нему «добровольно», и что прежде того при немъ и при его предкахъ, а также и при предкахъ литовскаго князя служилые люди отъѣзжали изъ Москвы въ Литву и изъ Литвы въ Москву свободно (Сбор. Имп. русск. ист. общ. XXXV 470 и 106).

Такова точка зрѣнія князей. Иначе смотрятъ на дѣло служилые люди. Отъѣздъ представляется имъ ничѣмъ неограниченнымъ правомъ. Они считаютъ себя въ правѣ покинуть князя, которому цѣловали крестъ, и отъѣхать къ злѣйшему его врагу даже въ такое время, когда ихъ услуги наиболѣе для него необходимы.

Мы привели выше (стр. 378) переговоры, происходившіе между нижегородскимъ княземъ и его боярами. Пока происходили эти переговоры, великій князь московскій подошолъ къ Нижнему Новгороду. Для бояръ князя Бо-

риса насталъ моментъ сложить за него свои вѣрныя головы. Но они предпочли болѣе спокойный для нихъ выходъ изъ труднаго положенія: они всѣ гурьбой перешли на службу московскаго государя. Судя по рѣчи, которую произнесъ по этому случаю старѣйшина ихъ, Румянецъ, у нихъ и подозрѣнія не было о томъ, что они измѣняютъ своимъ обязанностямъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута сознаніемъ права ихъ сдѣлать то, что они сдѣлали.

«Господине княже! говоритъ онъ, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отъ нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы».

Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина; они дѣлаютъ это на глазахъ у всѣхъ и сами торжественно заявляютъ о своемъ переходѣ.

Въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ свидѣтельствѣ сохранилась и самая форма отказа.

Такъ же поступаютъ московскіе вольные слуги послѣ плѣненія и ослѣпленія великаго князя московскаго Василія Васильевича. Василій Темный, по ослѣпленіи, былъ сосланъ въ заточеніе на Угличе-Поле; отъ правъ своихъ онъ не отказывался и мира съ похитителемъ своей власти не заключалъ. Дмитрій Шемяка былъ открытый врагъ его. Тѣмъ не менѣе всѣ служилые люди Василія, за ничтожными исключеніями, отъѣхали отъ него и били челомъ Дмитрію о пріемѣ ихъ на службу.

Право вольной службы, возникшее въ эпоху первоначальной слабости княжеской власти, не могло, конечно, пережить условій, его вызвавшихъ. Московскіе государи, по мѣрѣ усиленія своей власти, вступаютъ съ нимъ въ борьбу и достигаютъ, наконецъ, полнаго его упраздненія.

Но борьба съ исконными обычаями есть всегда дѣло трудное. Московскіе государи понимали это. Въ ихъ противодѣйствіи праву отъѣзда замѣчается великая осторожность и даже нѣкоторая робость.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ не ими, а правительствомъ Новогородской республики. Бояре и слуги вольные, какъ было уже сказано, отъѣзжали съ вотчинами. Это было невыгодно тому князю, котораго бояре оставляли, такъ какъ доходы съ недвижимостей, лежавшихъ въ предѣлахъ его территоріи, шли на содержаніе чужихъ служилыхъ людей. Новогородцы первые обратили вниманіе на эти невыгоды и приняли противъ нихъ мѣры. Они запретили боярамъ, отъѣзжавшимъ изъ Новгорода, удерживать за собой собственность въ предѣлахъ новогородскихъ владѣній. Въ договорѣ Михаила тверскаго съ великимъ княземъ московскимъ и Великимъ Новагородомъ читаемъ:

«А кто иметь бояръ или слугъ Новагорода Великого и Торжку и всъ пригородей служити тобѣ (тверскому князю), а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ Великій Новгородъ, а тымъ бояромъ и слугамъ не надобѣ. Или потомъ кто пріѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новагорода Великаго и всъ Торжку и всъ пригородей, а тымъ также не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новгородъ Великій». Рум. Собр. I. № 28. 1368.

Первый шагъ къ стѣсненію вольной службы былъ сдѣланъ, такимъ образомъ, еще въ XIV вѣкѣ. Москвѣ надо было учиться у Новгорода.

Несмотря на тѣ жестокія испытанія, которыя причиняло великому князю Василію Васильевичу право отъѣзда, въ его договорахъ съ русскими князьями мы не находимъ еще стѣсненій этого права. Впервые появляются они въ его договорахъ съ Литвой, которыми предоставляется свобода отъѣзда русскимъ служилымъ людямъ въ Литву, а литовскимъ—въ Москву, но безъ сохраненія права на вотчины.

Польскіе послы именемъ короля Казиміра такъ говорили великому князю Ивану Васильевичу:

«Самъ же того и посмотри, гораздо ли то ся дѣетъ: слугъ нашихъ принимаешъ съ ихъ отчинами и съ нашими

городы и зъ волостми? Бо мы отъ тебе слугъ твоихъ не принимаемъ зъ ихъ отчинами, какъ жо и въ докончаньи то стоитъ, которое жъ есмо докончили съ твоимъ отцомъ, зъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ». Сбор. Имп. рус. ист. общ. XXXV. 48.

Кому принадлежитъ инициатива этого ограниченія, Литвѣ или Москвѣ, трудно сказать.

Нѣтъ ограниченій и въ договорахъ сына его, Ивана Васильевича, съ русскими князьями. Но этотъ великій князь находитъ уже возможнымъ начать борьбу съ правомъ отъѣзда. Иванъ Васильевичъ не установляетъ общихъ правилъ, но проводитъ свою волю въ отдѣльныхъ случаяхъ. Не отмѣняя права отъѣзда, онъ ставитъ лицъ, желающихъ отъѣхать, въ такія условія, что они сами отказываются отъ своего права отъѣзда и обязываются служить ему и его дѣтямъ до своей смерти; въ случаѣ же невѣрности данному слову, они предоставляютъ ему право наказывать ихъ по усмотрѣнію. Это достигается такимъ образомъ. Служилый человѣкъ, подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать, берется подъ стражу. Лишенный свободы, онъ даетъ какія угодно обѣщанія, лишь бы возстановить прежнія хорошія отношенія къ князю. Таково происхожденіе записей о не-отъѣздѣ. Въ 1474 г. такую запись далъ на себя князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій.

Вотъ эта древнѣйшая запись:

«Се азъ, князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, что есмь билъ челомъ своему господину и осподарю, великому князю Ивану Васильевичю, за свою вину своимъ осподиномъ Геронтьемъ, митрополитомъ всея Руси, и его дѣтми и сослужебники, епископы... (имена). И осподарь мой, князь великій, меня, своего слугу, пожаловалъ, челобье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ, князю Данилу, своему осподарю, великому князю Ивану Васильевичю, и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми отъ своего осподаря, отъ великого князя Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей къ иному ни къ кому. А добра ми ему и его дѣтемъ хотѣти вездѣ во всемъ; а лиха ми своему государю, великому князю, и его дѣтемъ мнѣ, князю Данилѣ, не мыслити,

ни хотѣти никакова. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего, великаго князя, и о его дѣтехъ о добрѣ или о лихѣ, и мнѣ то сказати государю своему, великому князю, и его дѣтемъ въ правду, по сей моей укрѣпленой грамоте, безхитрости. А въ томъ во всемъ по сей моей грамоте ялся по мнѣ осподарю моему, великому князю Ивану Васильевичу, и его дѣтемъ и до моего живота господинъ мой, Геронтей, митрополитъ всея Руси, и съ тѣми своими дѣтми и со служебники, со владыками и со архимандриты, которые въ сей моей грамоте писаны. А чрезъ сию мою грамоту язъ, князь Данило Дмитріевичъ, что ему думати и починати или явится что которое мое лихо передъ моимъ осподаремъ, передъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и передъ его дѣтми, то не буди на мнѣ милости Божьее и пречистые его Матери и святыхъ чюдотворцевъ Петра митрополита и т. д.; а осподарь мой князь велики и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ. А крѣпости дѣля, язъ, князь Данило Дмитріевичъ Холмски, осподарю своему, великому князю Ивану Васильевичю, цѣловалъ еси честный и животворящій крестъ и далъ есми на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтія, митрополита всея Руси. А дана грамота на Москвѣ, мѣсяца марта 8 день лѣта 82. Смиренный Геронтей, митрополитъ всея Руси». Рум. Собр. I. № 103.

Но личными обѣщаніями строптиваго слуги Иванъ Васильевичъ не довольствовался; онъ требовалъ, чтобы за него поручились другіе и обезпечили свою поруку обязательствомъ уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ его отъѣзда. Заподозрѣннаго въ намѣреніи отъѣхать выпускали на свободу только въ томъ случаѣ, если за него ручались люди, заслуживающіе вѣры. Такъ было поступлено и съ княземъ Холмскимъ. За него поручились восемь служилыхъ людей всего на сумму въ 2,000 рублей. Вотъ одна изъ такихъ поручныхъ:

«Се язъ, Иванъ Микитинич Ворощовъ, выручилъ есми у пристава великаго князя, Ивана Васильевича, у Замятни князя Данила Дмитріевича Холмскаго въ винѣ великаго князя, въ полу третье сотъ рублѣхъ. А служити князю Данилу осподарю, великому князю Ивану Васильевичу, и

его дѣтемъ и до своего живота, а не отъѣхати ему, ни збежати и до живота никуда ни къ кому. А куда князь Данило отъѣдетъ или збежитъ за тою моею порукою, ино осподарю, великому князю, а мнѣ, на Иванѣ Микитиниче, полъ третья ста рублевъ, на князя Данила въ своей винѣ искати великому князю собѣ, а животы и села и съ статки княжи Даниловы всѣ, а то великому князю. А на то послуси... А запечаталъ сю грамоту поручную язъ, Иванъ Микитиничъ, своею печатью». Рум. Собр. I, № 104.

Такимъ образомъ, путемъ вынужденныхъ записей и поручныхъ, проводится въ среду служилыхъ людей мысль объ обязанности ихъ служить великому князю до живота и о правѣ великаго князя конфисковать имущество отъѣхавшихъ и наказывать ихъ всякими иными казнями.

Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ и внукомъ Иваномъ. При малѣйшемъ подозрѣніи объ отъѣздѣ, служилый человѣкъ берется подъ стражу, а затѣмъ даетъ запись и представляетъ за себя поручителей. Отъ времени этихъ князей сохранились указанія на то, что поручители, въ свою очередь, должны были представить за себя поручителей. Эти вторые поручители носятъ наименованіе «подручниковъ». Въ не-отъѣздѣ того или другого служилаго человѣка оказываются, такимъ образомъ, заинтересованными сотни служилыхъ людей.

Въ 1562 г. за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручилось 29 бояръ. Шесть изъ нихъ представили за себя 105 подручниковъ. Подручныя грамоты другихъ поручителей до насъ не дошли; предполагая, что они представили подручниковъ въ томъ же размѣрѣ, какъ эти шесть, получимъ болѣе 500 подручниковъ на 29 поручителей за одного Бѣльскаго.

Замысливше отъѣздъ берутся подъ стражу; но это не значитъ, что отъѣздъ отмѣненъ. Лишеніе свободы по подозрѣнію въ отъѣздѣ есть нарушеніе права служилыхъ людей, которое позволяютъ себѣ сильные московскіе князья. Но самое право существуетъ и признается кня-

жескими договорами еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка.

Великому князю Ивану Васильевичу принадлежитъ починъ и другого ограниченія. Въ его духовной грамотѣ читаемъ:

«А бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣхати ни кому, ни куда; а кто отъѣдетъ, земли ихъ сыну моему».

Это то же ограниченіе, которое еще въ XIV вѣкѣ существовало въ Новгородѣ, а въ XV появляется въ договорахъ съ Литвой: служилые люди могутъ отъѣхать, но безъ вотчинъ. Почему въ данномъ случаѣ примѣнено оно къ ярославскимъ служилымъ людямъ, этого мы не знаемъ.

Боярскому правленію въ малолѣтство Грознаго принадлежитъ новый шагъ въ дѣлѣ ограниченія отъѣздовъ. Въ 1537 году бояре (введенные) взяли клятвенную запись съ удѣльнаго князя Андрея Ивановича, въ которой онъ обязался не принимать къ себѣ служилыхъ людей великаго князя, князей, бояръ и дьяковъ, и извѣщать правительство о такихъ охотникахъ до переѣздовъ «на лихо великаго князя». Этому примѣру слѣдуетъ и Иванъ Грозный (Рум. Собр. I, № 163 и 167).

У правительства установился уже взглядъ, что отъѣздъ есть дѣло противогосударственное; тѣмъ не менѣе, можно сомнѣваться, что былъ изданъ когда-либо указъ, формально отмѣнившій право отъѣзда. Въ договорѣ великаго князя Василія Ивановича и сына его Ивана съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ это право признается еще въ 1531 году. Князь Курбскій въ своей полемикѣ съ Грознымъ не говоритъ, что былъ указъ, отмѣнившій право отъѣзда, а жалуется только на крестоцѣловальныя записи, которыя берутся силою. Это совершенно правильная точка зрѣнія: не указъ (ибо московскіе государи хорошо чувствовали, что указомъ нельзя ни создать, ни отмѣнить

права), а сила сломила свободу отъѣзда. Но для этой реформы потребовалось безъ малаго сто лѣтъ.

Въ половинѣ XVI вѣка въ правительственныхъ сферахъ отъѣздъ разсматривается уже какъ поступокъ, несогласный съ обязанностями служилаго человѣка. Это нисколько не мѣшаетъ, однако, служилымъ людямъ попрежнему смотрѣть на него, какъ на свое право.

Да и правительство далеко еще не смотритъ на отъѣздчиковъ, какъ на измѣнниковъ. Оно всегда радо ихъ возвращенію и безъ всякаго затрудненія принимаетъ ихъ снова на службу. Отъѣздчики подвергались лишь нѣкоторому умаленію своей служебной чести съ точки зрѣнія мѣстническихъ счетовъ. Дѣйствительно, нельзя же было равнять людей, постоянно вѣрно служившихъ московскимъ государямъ, съ такими, которые отъѣзжали отъ нихъ и потомъ снова возвращались. Возвратившіеся принимались на службу, но не могли претендовать на то же служебное положеніе, которое по разрядамъ принадлежало имъ до отъѣзда. Отъѣздъ имѣлъ послѣдствіемъ потерю стараго мѣста на служебной лѣстницѣ. Въ этомъ смыслѣ Василій Зюзинъ, въ 1501 году, въ мѣстническомъ спорѣ съ окольничимъ, Ѳедоромъ Нагимъ, за родственника своего Бахтеяра не отвѣчалъ, а сказалъ:

«Что ему до Бахтеяра и дѣла нѣтъ, потому что Бахтеяръ отъѣзжалъ въ Литву и мѣсто свое проѣздилъ». Русск. истор. сбор. V, 35.

Поэтому, отъѣздчики не могли претендовать на равныя мѣста съ своими родственниками, которымъ они по родству были въ версту (т.-е. равны). Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій въ мѣстническомъ спорѣ съ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ дѣлаетъ такую ссылку на государевы разряды:

«Да дѣдъ же, государь, князь Борисовъ, князь Юрьи Васильевичъ Лыковъ, съ братомъ своимъ, со княз Андреемъ, отъѣзжалъ отъ васъ, государей, въ удѣлъ ко князю Ондрею Ивановичу Старицкому. И по вашему го-

судареву царскому уложенію, кто отъ васъ государей, отъѣзжалъ въ удѣлъ, ино, государь, имъ и въ своемъ роду счету вы, государи, не давывали, кому они въ версту. Въ томъ, государь, шлюсь на твои государевы разряды». (Русск. истор. сборн. II, 286).

Такое умаленіе служебной чести должно, конечно, разсматривать, какъ наказаніе, но очень легкое, сравнительно съ тѣмъ, которое постигало измѣнниковъ. Приведенное заявленіе Пожарскаго сдѣлано имъ въ дѣлѣ, производившемся въ 1609 году, стало-быть въ началѣ XVII вѣка отъѣздъ не былъ еще приравненъ къ измѣнѣ.

Живучестью этого права въ памяти бояръ объясняется и рядъ сценъ у постели умирающаго царя Ивана 11-го марта 1553 года.

Царь хотѣлъ, чтобы бояре присягнули его новорожденному сыну Дмитрію, которому едва исполнилось 5 мѣсяцевъ. Въ государствѣ, съ опредѣленнымъ порядкомъ преемства престола отъ отца къ сыну, такое требованіе не могло бы возбудить ни малѣйшаго возраженія. Но у постели Ивана оно вызвало сопротивленіе. Нашлись бояре, которые не хотѣли цѣловать креста сыну царя. Нѣкоторые высказались въ пользу его двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича. Они вспомнили свое старое право «приказываться на службу», и, понятно, предпочитали приказаться совершеннолѣтнему, а не младенцу, именемъ котораго управляли бы другіе и, конечно, въ интересѣ своихъ близкихъ. Это и высказалъ больному царю Ѳедоръ Адашевъ: «мы готовы повиноваться тебѣ, государь, и сыну твоему, но не Захарьевымъ Юрьевымъ». Знаменательны слова, сказанныя по тому же поводу старѣйшимъ боярином Иваномъ Михайловичемъ Шуйскимъ: онъ не цѣловалъ креста сыну Ивана, потому что не видалъ государя передъ собою. Въ старину, когда государю приказывались, то видѣли его передъ собой, говорили съ нимъ, обѣщали ему вѣрность и получали отъ него милости. Въ свободномъ признаніи того или другого князя своимъ государемъ исче-

залъ вопросъ о наслѣдственности княжеской власти. Слова Шуйскаго звучатъ ѣдкой ироніей. Онъ требуетъ, чтобы передъ нимъ сталъ государь, а государь въ пеленкахъ!

Напрасно думаютъ, что у постели умирающаго царя Ивана непокорные бояре хотѣли захватить въ свои руки власть. Вопросъ шелъ не о перемѣщеніи центра власти. Непокорные волѣ царя бояре хотѣли имѣть совершеннолѣтняго государя, а не младенца. Вопросъ шелъ только о лицѣ государя, а не о принципѣ власти. Царская форма правленія не подвергалась колебанію ни въ малолѣтство Ивана, ни теперь. Но для царя Ивана—въ личномъ вопросѣ было все. Это чисто личное столкновеніе не осталось безъ вліянія на его позднѣйшія отношенія къ боярству, также исключительно личныя.

Переѣзды служилыхъ людей въ смутное время изъ Москвы въ Тушино и обратно—не новое явленіе, порожденное смутой, а ожившая память стараго права.

Оффиціальные памятники и лѣтописцы того времени, которымъ слѣдуютъ и нѣкоторые новые историки, смотрятъ на измѣну служилыхъ людей Шуйскому и на постоянныя колебанія ихъ между Москвой и Тушинымъ, какъ на малодушіе, которымъ запятнали себя русскіе люди начала XVII в. Бѣдствія Россіи временъ смуты являются въ ихъ глазахъ заслуженной карой людямъ «измалодушившимся». Малодушіе людей XVII вѣка очень печально, но оно нисколько не больше малодушія ихъ въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ. Не оно новость. Никакого «измалодушничанья» русскихъ людей въ началѣ XVII вѣка не произошло. Новость—громкое осужденіе этого малодушія.

Служилые люди Бориса Константиновича Нижегородскаго и Василія Темнаго—двоедушничали не меньше служилыхъ людей Василія Шуйскаго и самозванцевъ. Но въ XIV и XV вѣкѣ въ этомъ не видали еще порока. Тогда митрополиты благословляли на клятвопреступленіе. По мѣрѣ же того, какъ стали прекращаться междоусобныя войны владѣтельныхъ князей, вѣрность слову сдѣлалась

добродѣтелью, а двоедушіе начали клеймить позоромъ. Къ началу XVII вѣка получается, такимъ образомъ, нѣкоторый успѣхъ политической нравственности.

Отмѣна права отъѣзда произвела глубокую перемѣну въ положеніи высшаго класса населенія. Изъ вольныхъ слугъ они стали невольными. Прежде они могли приказываться на службу кому хотѣли. Теперь нѣтъ болѣе приказа; служилые люди записятся въ списки по распоряженію правительства. Обязанность службы лежитъ и на дѣтяхъ служилыхъ людей. Располагать собою могутъ только тѣ, кто отъ службы отставленъ. Все это слѣдуетъ уже изъ статьи царскаго Судебника:

«А дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати ни кому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ» (81).

Переходъ вольной службы въ обязательную измѣнилъ и самый характеръ службы. Размѣръ вольной службы зависѣлъ отъ усмотрѣнія слуги. Какъ скоро служба стала обязательной, такъ почувствовалась необходимость указомъ опредѣлить ея размѣръ. Это дѣлаетъ Іоаннъ Грозный въ 1556 году:

«...Съ вотчинъ и съ помѣстій уложенную службу учинити, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсе въ полномъ, а въ дальней походъ о двух конь; и хто послужитъ по земли, и государь ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленьемъ, и на уложеные люді дастъ денежное жалованье» (Никон. лѣтоп.).

Но это уже новости права; обратимся къ древностямъ.

«Бояре и слуги вольные» не единственный терминъ древнихъ памятниковъ. Рядомъ съ нимъ встрѣчаемъ и другой «бояре и дѣти боярскія». Здѣсь «дѣти боярскія» занимаютъ то же мѣсто, которое въ разобранномъ уже нами выраженіи принадлежитъ «вольнымъ слугамъ». И дѣйствительно, это только иное обозначеніе вольныхъ слугъ.

Изъ мѣстъ памятниковъ, въ которыхъ находимъ это

выраженіе, видно, что дѣти боярскія по ремеслу тоже воины, какъ бояре и вольные слуги. Въ описаніи суздальскаго боя великаго князя Василія Васильевича съ татарами читаемъ:

«Князя же великаго самого руками яша, такоже и князя Михаила Андреевича и прочихъ князей многихъ, и бояръ, и дѣтей боярскихъ и прочихъ вой». Лѣт. VIII. 113. 1445.

Въ 1451 году великій князь Василій Васильевичъ, приготовляя Москву къ татарской осадѣ, оставлялъ тамъ «множество бояръ и дѣтей боярскихъ» (Лѣт. VIII. 123).

Въ княжескихъ грамотахъ дѣти боярскія причисляются вообще къ разряду слугъ. Грамота отъ 1509 года о томъ, чтобы служилые люди въ селахъ и деревняхъ Сергіева монастыря насильно не ставились и кормовъ не брали, начинается такъ:

«Отъ великаго князя Василія Ивановича княземъ, и боярамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всѣмъ служилымъ людемъ». А. Э, I. № 151.

Дѣти боярскія, какъ и вольные слуги вообще, суть землевладѣльцы. Поэтому грамоты, воспрещающія разнымъ землевладѣльцамъ принимать монастырскихъ крестьянъ не въ срокъ, послѣ князей и бояръ упоминаютъ и дѣтей боярскихъ. Доп. къ А. И. I. № 198. 1462.

Какъ землевладѣльцы, дѣти боярскія живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ разъѣздной грамотѣ, которою были опредѣлены границы спорныхъ земель великаго князя Василія Васильевича и княгини Евфросиньи, читаемъ:

«А на разъѣздѣ были и съ тѣми жъ сотники и съ мужами и съ старожильцы дѣти боярскіе, тутошніе жильцы: Микула Чирковъ, Ѳедоръ Кировъ» и т. д. Ѳед. Чеховскій, № 8.

Только въ случаѣ войны они оставляютъ свои деревни и ѣдутъ въ полки къ воеводамъ. Въ описаніи размирья

правительницы Елены съ княземъ Андреемъ, дядею малолѣтняго великаго князя Ивана Васильевича, читаемъ:

«А князю Ивану Овчинѣ писали, а велѣли съ людми збиратися за княземъ (Андреемъ) итти. А въ тѣ поры дѣти боярскіе новогородскіе пошли на службу, а велѣно имъ быти на Москву. И князь великій и его мати, великая княгиня, послали встрѣчю по дорогахъ да и въ пятины къ дѣтямъ боярскимъ, а велѣли имъ спѣшити за княземъ Иваномъ за Овчиною». Лѣт. VIII. 294.

Наконецъ, къ дѣтямъ боярскимъ примѣнимы и всѣ правила объ отъѣздѣ. Верейскій князь Андрей, какъ только замыслилъ овладѣть великимъ княженіемъ подъ малолѣтнымъ племянникомъ своимъ Иваномъ Васильевичемъ, такъ немедленно разослалъ по погостамъ призывныя грамоты къ дѣтямъ боярскимъ, приглашая ихъ къ себѣ на службу; онъ говоритъ имъ:

«Князь велики малъ, а держать государьство бояре, и вамъ у кого служити? И вы ѣдте ко мнѣ служити, а язъ васъ радъ жаловати. И иные дѣти боярскіе, прибавляетъ лѣтописецъ, къ нему и пріѣхали служити». Лѣт. VIII. 294. 1537.

Но что значитъ этотъ терминъ «дѣти боярскія?» Терминъ дѣти боярскія есть весьма обыкновенный въ древней Россіи способъ наименованія дѣтей по званію ихъ родителей. Дѣти посадниковъ звались «посадничими дѣтьми», дѣти поповъ — «поповыми», дѣти князей — «княжими», «княжатами», а дѣти бояръ—«боярскими дѣтьми». По первоначальному словоупотребленію законныя дѣти бояръ и суть дѣти боярскія. Позднѣе этимъ терминомъ стали называть всѣхъ служилыхъ людей сортомъ помельче, чѣмъ бояре перворазрядные.

Дѣти бояръ при жизни родителей, естественно, занимаютъ мѣсто не рядомъ съ ними, а за ними. Но это второстепенное мѣсто можетъ иногда удерживаться за дѣтьми боярскими и послѣ смерти ихъ родителей. Наше древнее право не знаетъ майоратнаго наслѣдованія. Иму-

щество родителей всегда дѣлилось у насъ между всѣми сыновьями. Поэтому, чѣмъ болѣе у отца сыновей, тѣмъ труднѣе имъ играть роль отца по его смерти, особенно если онъ былъ большой человѣкъ, крупный бояринъ. Поэтому дѣти бояръ и образовали съ теченіемъ времени особый слой, которымъ заполняются низшія ступени вольной служебной лѣстницы. Памятники и говорятъ: бояре и дѣти боярскія, т.-е. бояре и другіе менѣе важные вольные слуги. Дѣти боярскія составляютъ низшій, сравнительно съ боярами, разрядъ вольныхъ служилыхъ людей.

Между боярами съ одной стороны и вольными слугами и дѣтьми боярскими съ другой есть разница, но никакъ не бо́льшая той, какая существовала среди самихъ бояръ: старѣйшихъ, напримѣръ, и меньшихъ. Различія продолжаются и книзу, среди вольныхъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Источники упоминаютъ, напримѣръ, о младшихъ дѣтяхъ боярскихъ (лѣт. VIII, 51). Были, значитъ, старшія дѣти боярскія. Подъ 1480 г. упоминаются лучшія дѣти боярскія (лѣт. VIII, 204); были, слѣдовательно, среднія и худшія.

Итакъ, вольные слуги, подъ какими бы названіями они ни встрѣчались—бояръ, дѣтей боярскихъ или просто слугъ, представляютъ всю совокупность вольныхъ служилыхъ людей: отдѣльныя особи которыхъ до безконечности различаются по экономическому своему положенію. Но экономическое положеніе по существу своему не постоянно, а потому на лѣстницѣ вольныхъ слугъ должны происходить постоянныя перемѣщенія сверху внизъ и снизу вверхъ. Вслѣдствіе этого термины: бояринъ, слуга вольный, сынъ боярскій не представляютъ ничего строго опредѣленнаго и могутъ употребляться одинъ вмѣсто другого.

Въ источникахъ дѣйствительно встрѣчаются лица, которыя называются то боярами, то дѣтьми боярскими. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ между-княжескихъ договоровъ рядомъ съ выраженіемъ: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ—воля», употребляетъ такое: «а вольнымъ

слугамъ—воля». «Вольные слуги» второго выраженія суть тѣ же «бояре и слуги вольные», о которыхъ рѣчь идетъ и въ первомъ. Такая замѣна одного выраженія другимъ совершенно возможна, потому что права всѣхъ вольныхъ служилыхъ людей по владѣнію отчинами, отъѣзду и пр. были одинаковы; также безразлично жаловали ихъ князья разными льготами и преимуществами.

Мы уже видѣли, что и купцы получали привилегіи. Тѣмъ болѣе правъ на привилегіи имѣли бояре и слуги вольные. Но и эти привилегіи предоставлялись не цѣлому сословію, а отдѣльнымъ лицамъ и всякій разъ на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ.

Князья предоставляютъ имъ право суда и освобождаютъ отъ налоговъ поземельную ихъ собственность. Право суда жалуется какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, но, обыкновенно, за исключеніемъ убійства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Это право предоставляется вольнымъ слугамъ лишь по отношенію къ населенію ихъ собственныхъ земель. Если же дѣло возникало между крестьяниномъ вольнаго слуги и постороннимъ лицомъ, въ такомъ случаѣ имѣлъ мѣсто смѣстный или общій судъ, и доходъ съ суда дѣлился между обоими судьями поровну. Размѣръ льготъ отъ налоговъ бывалъ очень различенъ и всякій разъ особо опредѣлялся жалованной грамотой.

Лично вольнымъ слугамъ предоставлялась привилегированная подсудность. Они судились самимъ княземъ или приближеннымъ къ нему боярином (введеным), а не мѣстными судьями.

Возникновеніе указанныхъ преимуществъ и льготъ относится, конечно, къ самой отдаленной древности. Но, по памятникамъ, существованіе этихъ привилегій можно прослѣдить не далѣе первой половины XIV вѣка.

Первый, намъ извѣстный, вотчинникъ-судья былъ Иванъ Петелинъ, предки котораго получили указанныя привилегіи еще въ княженіе Ивана Даниловича Калиты.

Пожалованіе Калиты возобновлено было сыномъ его, Семеномъ, и затѣмъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ князей отъ Дмитрія Ивановича до Василія Васильевича включительно. До насъ дошла только грамота послѣдняго князя, отъ 27 сентября 1450 г.:

«По прадѣда своего грамотѣ, великаго князя Ивана Даниловича, и по стрыя своего грамотѣ, великаго князя Семена Ивановича, и по дѣда своего грамотѣ великаго князя Дмитрея Ивановича, и по отца своего грамотѣ, великаго князя Василея Дмитріевича, се язъ, князь великій Василей Васильевичъ, пожаловалъ еси Ивана Петелина. Что его село въ Кинелѣ, Скняткиово, съ деревнями, и кто у него въ томъ селѣ и въ деревняхъ имстъ жити людей, имо имъ не надобѣ ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восминичье, ни мыть, ни костка, ни сѣнъ моихъ косити, ни коня моего не кормить, ни портное, ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянутъ ни въ какіе протори, ни въ разметы, ни иные ни которые пошлины не падобѣ, ни закосныхъ пошлинъ не даютъ. А волостели мои Кинелскіе и ихъ тіуны доводчиковъ своихъ не всылаютъ къ Ивану и ко всемъ его людемъ ни по что, ни кормовъ не емлютъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ; а проветчики поборовъ не берутъ у нихъ, ни въѣзжаютъ ни по что. А вѣдаетъ свои люди самъ Иванъ, или кому прикажетъ. А случится судъ смѣсной, и волостели мои судятъ и ихъ тіуни, а Иванъ съ ними-же судитъ, или кому прикажетъ; а присудомъ ся дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего искать на Иванѣ или на его приказщикѣ, имо ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой боярин введеной. А чрезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ или что на нихъ возметъ, быти отъ меня въ казни. Дана грамота на Москвѣ лѣта 6959 сентября въ 27 день». Подпись на грамотѣ: князь Иванъ Ивановичъ. Печать на черномъ воску (А. Э. I. № 46).

До возобновленія грамоты Василіемъ Васильевичемъ, право вотчиннаго суда принадлежало роду Петелиныхъ не менѣе 110 лѣтъ. По возобновленіи же оно, по всей вѣроятности, оставалось за нимъ недолго. Изъ того, что грамота найдена въ архивѣ Троицко-Сергіевой лавры, можно заключить, что послѣдній владѣлецъ передалъ свою

вотчину монастырю еще при жизни великаго князя Василія Васильевича.

Отъ XV вѣка намъ извѣстно десять такихъ пожалованій, отъ XVI—семь, отъ XVII—одно [1]).

Надо думать, что такія пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе. Думаемъ такъ потому, что въ числѣ пожалованныхъ встрѣчаются Ивашки и Ѳедьки. Можно ли допустить, что большіе люди, имена которыхъ писались съ «вичемъ», имѣли менѣе правъ и привилегій, чѣмъ эти Ивашки, жалованныя грамоты которыхъ случайно сохранились до нашихъ дней?

---

[1]) Вотъ имена этихъ привилегированныхъ владѣльцевъ:

Марія Копнина, жена Василія Борисовича Копнина, и сынъ ея Ѳедоръ, 1449 годъ, Андрей Аѳанасьевичъ, 1450, Внуковъ Аѳанасій, 1455, Бобръ Дмитрій Васильевъ, 1462—72, Львовъ Злоба Васильевъ, 1484, подтверждено въ 1509, Степановъ Гридя, 1484, Гладкій Ивашка, 1487, боярынъ Аѳанасій Ивановичъ Шетневъ, 1486, Варьпаевы Злоба да Ѳедька, Андреевы дѣти, при вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ, Баламутова Ирина да сынъ ея Васюкъ, 1495, Игнатій Александровъ Кожуховъ, 1505, Головинъ Костя Микулинъ (его жалованная грамота приведена въ правой грамотѣ 1541 г., но дана Василіемъ Ивановичемъ, а, можетъ быть, и отцомъ его), Григорій Семеновъ сынъ Нелидовъ, 1509, боярынъ князь Михаилъ Ивановичъ Кубенскій, 1547, Строгановъ Григорій Аникѣевъ, 1564, дьякъ Василій Щелкаловъ, 1571; Строгановъ Петръ Семеновъ, 1610 (А. Э. I, № 44, 45, 111, 120, 132, 149, 215, 374, 379; А. П. I, № 115, 180; Д. къ А. П. I, № 117; А. Ю. № 9; А. до Ю. Б. I. № 31, XX; Рус. Ист. Сборн. V, стр. 11; Рум. Соб. II. № 196). Жалованная грамота Злобѣ Львову сохранилась въ оригиналѣ и въ судномъ спискѣ 1503 г. Замѣтимъ, что въ судные списки грамоты переписывались не слово въ слово, а съ опущеніемъ подробностей, которыя были несущественны для дѣла.

Приведемъ еще нѣсколько свидѣтельствъ о вотчинномъ судѣ въ XVI вѣкѣ. Князь Аѳанасій Кемскій купилъ въ 1508 г. у своего брата его вотчину съ судомъ и данью (А. Юр. № 3); въ 1555 г. княгиня Любецкая дастъ своихъ судей въ споръ монастыря противъ ея подданныхъ; въ 1566 г. у князей Семена и Тимоѳея Ивановичей Вяземскихъ упоминается свой доводчикъ (Ѳедот. Чехов. № 78 и 88). Но эта княжеская юрисдикція, можетъ быть, вытекаетъ не изъ пожалованія, а представляетъ остатокъ старинныхъ владѣтельныхъ княжескихъ правъ.

Вотчинный судъ существуетъ еще въ полной силѣ въ серединѣ XVI вѣка; онъ оставилъ ясный слѣдъ свой въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича. Въ ст. 64 читаемъ:

«А дѣтей боярскихъ судити намѣстникомъ, по всѣмъ городомъ, по нашимъ царевымъ государевымъ жаловальнымъ по ихъ вопчимъ грамотамъ».

Что значитъ, что намѣстники судятъ согласно съ жалованными дѣтямъ боярскимъ общими грамотами? Въ виду приведенныхъ выше жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ общемъ (или смѣстномъ) судѣ, отвѣтъ на поставленный вопросъ едва ли представляетъ какое-либо затрудненіе. Подъ «вопчими грамотами» Судебникъ разумѣетъ вышеприведенныя жалованныя грамоты, въ силу которыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, намѣстникъ производилъ судъ совокупно съ частными владѣльцами. Итакъ, если дѣло касалось крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ дѣтей боярскихъ, то эти крестьяне судились согласно съ жалованными дѣтямъ боярскимъ вопчими грамотами, т.-е. или одними господами или, если въ дѣлѣ заинтересовано лицо, сидѣвшее не на вотчинной землѣ, господами и намѣстниками.

Такимъ образомъ, сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ. А такъ какъ государевы намѣстники не въѣзжаютъ въ привилегированныя вотчины ни по какимъ дѣламъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, то владѣльцамъ принадлежалъ не одинъ судъ, а и управленіе вообще.

Когда это право вотчиннаго суда и управленія было уничтожено? Можно думать, что съ прикрѣпленіемъ крестьянъ оно вошло въ составъ крѣпостного права, нѣкоторыя черты котораго имѣютъ, такимъ образомъ, болѣе глубокіе корни, чѣмъ указы, сперва ограничивающіе, а потомъ и вовсе отмѣняющіе вольный переходъ крестьянъ. Статья Уложенія (II, 13), запрещающая принимать какіе-

либо извѣты крестьянъ на ихъ господъ, кромѣ великихъ государевыхъ дѣлъ, можетъ быть разсматриваема, какъ естественное слѣдствіе безапеляціоннаго вотчиннаго суда и управленія. Но правила о вопчемъ судѣ, надо думать, вышли изъ употребленія. Это измѣненіе, по всей вѣроятности, произошло не въ силу какого-либо общаго указа, а было естественнымъ слѣдствіемъ сосредоточенія судныхъ пошлинъ въ государевой казнѣ. Какъ скоро судьи перестали дѣлиться прибыткомъ, а весь доходъ съ суда должны были записывать въ книги и сдавать государевымъ казначеямъ, то, вмѣстѣ съ этимъ, отпало и одно изъ важнѣйшихъ побужденій для вотчинныхъ судей судить вмѣстѣ съ намѣстникомъ.

Только-что разсмотрѣнныя привилегіи вольныхъ слугъ возникаютъ каждый разъ въ силу особой жалованной грамоты на имя служилаго человѣка или его жены, вдовы и дѣтей. Заключая въ себѣ отказъ князя отъ принадлежащихъ ему правъ, привилегіи эти могутъ быть раздаваемы только въ предѣлахъ территоріи, на которую распространяется власть князя. Въ княжескихъ договорахъ, поэтому, встрѣчаемъ такое условіе: «а грамотъ тебѣ въ моемъ удѣлѣ не давать», т.-е. не давать жалованныхъ грамотъ на льготы. Это право мѣстнаго князя, а не его друга и союзника.

Пожалованіе правъ вотчиннаго суда и управленія установляетъ весьма тѣсную связь вольнаго слуги съ мѣстнымъ княземъ; слуга могъ отъѣхать, вотчина оставалась за нимъ, но льготы отпадали. Привилегія связываетъ свободу.

Могло ли лицо, пожалованное судомъ и льготами, передавать свои привилегіи другимъ лицамъ? Надо думать, что могло. Владѣлецъ не былъ обязанъ производить судъ лично. Онъ могъ передать это право, кому желалъ, объ этомъ прямо говорится въ жалованныхъ грамотахъ; могъ онъ, конечно, подарить назначенному имъ судьѣ и пошлины съ суда и другія льготы. Въ 1512 г. бывшій казан-

скій царь Абдылъ-Летифъ, пожалованный Каширой, освобождаетъ отъ своего суда и отъ всякихъ доходовъ въ свою пользу каширскія деревни Троицко-Песоцкаго монастыря (А. Э. I, № 154). Такая передача могла произойти и путемъ отчужденія привилегированной земли. Въ 1450 г. митрополитъ Іона предоставилъ Андрею Аѳанасьеву право суда въ пріобрѣтенной имъ монастырской пустоши:

«Се азъ, Іона митрополитъ всея Руси, пожаловалъ есмь Андрея Аѳанасьева, что сѣлъ на своей куплѣ, на Голямовской пустоши, въ волости Пречистыя Богородицы и въ моей, въ Романовскомъ. И кого Андрей на ту пустошъ къ себѣ перезоветъ изъ иныхъ княженій, а не изъ волости, ни изъ селъ Пречистыя Богородицы, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобѣ имъ съ моими христіаны съ волостными тянути ни въ какое дѣло, ни въ какіе розметы; ни волостели мои романовскіе и ихъ доводчики не въѣзжаютъ къ тѣмъ людемъ пришлымъ на ту пустошъ ни по что, ни кормовъ, ни поборовъ у нихъ не емлютъ, ни судятъ ихъ. А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ христіанъ Андрей самъ. А кому будетъ до самаго Андрея каково слово, и язъ, Іона митрополитъ, самъ его сужу; а коли куды отъѣду въ свою митрополью далѣ, ино его судитъ мой намѣстникъ, тотъ, кому прикажу въ свое мѣсто вѣдати. А которой христіанинъ волостной романовецъ или изъ села изъ церковнаго выйдетъ за рубежъ, а хотя идти къ Андрею на ту пустошъ, и Андрею тѣхъ христіанъ волостныхъ, ни селчанъ церковныхъ ни пріимати. А дана грамота на Москвѣ, мѣсяца маіа 25 день, въ лѣто 6958, индикта 13. Смиренный Іона, архіепископъ всея Руси (А. Э. I. № 45).

Заслуженнѣйшіе изъ бояръ и дѣтей боярскихъ награждались кормленіями. Кормленіе есть государственная должность по общему или спеціальному управленію, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ мы понимаемъ теперь слово должность. Характерная особенность старыхъ должностей состояла въ томъ, что кормленщикъ не только судилъ и управлялъ, но и за свой счетъ получалъ пошлины отъ суда и другіе княжескіе доходы.

Чтобы привлечь къ себѣ вольныхъ слугъ, князья поступались въ ихъ пользу своими владѣтельными правами.

Къ кормленіямъ по общему управленію относятся должности намѣстниковъ и волостелей, по спеціальному— пути (о которыхъ скажемъ ниже) и сборы торговыхъ пошлинъ и разныхъ другихъ доходовъ.

Пріѣзжая на должность, кормленщикъ получалъ доходный списокъ съ книгъ, какъ ему кормъ и всякія пошлины собирать:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, діакомъ нашимъ, Ѳедору Сыркову да Казарину Дубровскому. Пожаловалъ есми ясельничимъ Ѳедора, Василева сына, Крюкова, подо княземъ Алексѣемъ Гагаринымъ въ кормленье. А наѣхать ему на свое жалованье на Благовѣщеньевъ день лѣта 7064. И вы бы Ѳедору дали доходный списокъ съ книгъ, почему ему кормъ и всякія пошлины сбирати, потомужъ какъ естя давали прежнимъ ясельничимъ. Писана на Москвѣ, лѣта 7063, августа въ 4 день». А подпись на грамотѣ дьяка Ивана Михайлова (Д. къ А. И. I. № 53, 1555).

Эти доходы опредѣлялись въ грамотахъ, которыя давались управляемымъ, и въ наказныхъ спискахъ, которые давались самимъ правителямъ. По кормленщикамъ не непремѣнно жаловались всѣ княжескіе доходы. Бывали случаи предоставленія имъ только части доходовъ, напримѣръ, половины, другая половина шла въ пользу князя. Такое распредѣленіе доходовъ принято было для всего удѣла великаго князя московскаго, Семена Ивановича, отказаннаго имъ женѣ (Рум. Соб. I. № 24).

Эта система кормленій столь же стара, какъ стары бояре и вольные слуги. О Рюрикѣ начальный лѣтописецъ говоритъ уже, что онъ роздалъ мужамъ города. Это древнѣйшее указаніе на назначеніе кормленій. Посадники, по всей вѣроятности, были тоже кормленщики.

Владимірцы (на Клязьмѣ) въ своемъ столкновеніи съ ростовцами и суздальцами въ концѣ XII вѣка жалуются

на то, что приглашенные старшими городами князья Ростиславичи слушаются бояръ, а бояре учатъ ихъ на многое имание, вслѣдствіе чего они разоряютъ ихъ необычайно высокими вирами и продажами. Если бояре учили князей на многое имание, то, конечно, потому, чтобы и самимъ собирать много по кормленіямъ.

Княжескіе договоры и духовныя завѣщанія XIV вѣка говорятъ о кормленіямъ, какъ объ общераспространенномъ учрежденіи Не можетъ, поэтому, возбуждать какого-либо сомнѣнія обращеніе къ боярамъ, приписываемое лѣтописцемъ умирающему Дмитрію Донскому:

«Съ вами царствовалъ, говоритъ онъ имъ, и землю Русскую держалъ и мужествовалъ съ вами на многія страны, враги покорилъ, княженіе укрѣпилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, подъ вами грады держалъ и великія волости, вы же не назывались у меня бояре, но князи земли моей» (V, 352).

Князь могъ и не говорить этихъ словъ, но лѣтописецъ вложилъ въ его уста рѣчь, совершенно соотвѣтствующую дѣйствительности.

До насъ дошли и самыя грамоты, которыми жаловались кормленія. Они отъ позднѣйшаго времени. Древнѣйшая написана 28 августа 1425 года. Она дана великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Ивану Григорьевичу Раслу, прозвищемъ Иватѣ Протасьеву, и сыну его Конону Ивановичу. Эти лица за ихъ выѣздъ къ великому князю пожалованы волостью Лузою въ кормленіе.

Вотъ эта древнѣйшая грамота:

«Се азъ, князь великій Василій Васильевичъ всея Русіи, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Иватя Протасьева, и сына его, Конона Ивановича, волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ, въ кормленья. И вы всѣ люди тое волости чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6933 августа въ 28 день». На оборотѣ на-

писано: князь великій Василій Васильевичъ всея Россіи. Печать вислая, на красномъ воску орелъ (А. Ю. № 161, I).

Слѣдующая по времени грамота дана тѣмъ же лицамъ 20 апрѣля 1426 года. За тотъ же выѣздъ они награждены:

«... въ кормленье, въ Мещерѣ, городомъ Елатмою и Кадомою и съ мыты, и съ перевозы, и со всѣми намѣстьничьи доходы и съ пошлиною...» (А. Ю № 161, II).

Усердною службою старшей линіи московскаго дома отличались, по всей вѣроятности, и другіе Протасьевы. Въ 1508 г. Протасій Акинфовичъ Протасьевъ пожалованъ торговыми пошлинами въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ, а въ 1555 г. царь Иванъ Васильевичъ жалуетъ сына его, Протасія, волостью Лузою въ кормленіе. Изъ той же грамоты видно, что кормленщикомъ въ Лузѣ былъ и отецъ Протасія. Можно думать, что въ Лузѣ съ 1425 года по вторую половину XVI вѣка на кормленіи сидѣли постоянно члены рода Протасьевыхъ, по всякій разъ по особому назначенію государя.

Бывали, однако, и случаи пожалованія кормленій съ потомствомъ. Такъ, кажется, надо понимать извѣстіе о пожалованіи князю Ѳедору Ивановичу Бѣльскому города Луха съ волостями и пр. Великій князь Иванъ Васильевичъ говоритъ, что онъ далъ Бѣльскому Лухъ и пр. въ вотчину; а затѣмъ прибавляетъ: «а отъѣдетъ князь Бѣльскій или его дѣти отъ моего сына Василія, и та его вотчина сыну моему, князю Василію (Р. С. I, № 144). Городъ Лухъ съ волостями не составлялъ частной собственности великаго князя и Бѣльскому пожалована, надо думать, не собственность, а кормленіе, но съ снисходящимъ потомствомъ, что́ и выражено въ словѣ «въ вотчину», т.-е. съ дѣтьми. Эта вотчина условная, пока самъ Бѣльскій и дѣти его будутъ служить великому князю Василію.

Система кормленій предполагается и обоими Судебниками. По этимъ памятникамъ, кормленія даются какъ боярамъ, такъ и дѣтямъ боярскимъ.

«А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти: дворьскому» и пр... (с. 38 Суд. 1497 и 62 Царск.).

Общераспространенность этой системы засвидѣтельствована и лѣтописцемъ въ извѣстіи подъ 1556 годомъ:

«А по се время, говоритъ онъ, бояре и князи и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ, для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ и себѣ отъ службъ для покоя и прокормленія...»

Характерное свидѣтельство: кормленіе есть покой отъ службы, т.-е. отъ военной; дается оно, слѣдовательно, въ награду за военные труды. Этотъ порядокъ вещей удержанъ Иваномъ Грознымъ и послѣ 1556 года:

«Бояръ же и вельможъ и всѣхъ воиновъ, говоритъ о немъ тотъ же лѣтописецъ, устроилъ кормленіемъ праведными уроки».

Изъ разсказа лѣтописца надо заключить, что въ это время, вслѣдствіе злоупотребленій кормленщиковъ, произошло новое общее распредѣленіе кормленій [1]).

Награда кормленіями выдѣляетъ заслуженныхъ вольныхъ слугъ въ особую группу. Для нихъ существуютъ нѣкоторыя спеціальныя правила, вызываемыя особенностью ихъ положенія.

Имѣя опредѣленныя должности, они, кажется, не были обязаны выступать въ походъ на ряду съ другими боярами и слугами вольными. Въ договорахъ великаго князя Василія

---

[1]) Р. Л. VII. 259, 261. Именно отъ этого времени (1555—6 годы), конечно случайно, къ намъ дошло сравнительно много отдѣльныхъ извѣстій о кормленіяхъ: пять за два года. Въ 1555 г. Протасьевъ назначенъ въ Лузу, подъ отцомъ своимъ, а Крюковъ Ѳедоръ Васильевъ получилъ въ кормленіе должность ясельничаго Въ слѣдующемъ году Григорій Ивановичъ Дмитріевъ вѣдалъ конюшій путь, Матѳею Мунторину Хлуденеву дана половина ямскаго, а князю Михаилу Васильевичу Глинскому—половина намѣстничьяго дохода, всѣ въ Новгородѣ (Д. къ А. И. I, № 53, 105, 108, 109).

Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой (1436 года) говорится, что служилые люди выступаютъ съ воеводою своего князя, кромѣ путныхъ бояръ (т.-е. получившихъ пути въ кормленіе). «Путные бояре» можетъ означать здѣсь кормленщиковъ вообще [1]). Такая же оговорка о путныхъ боярахъ дѣлается въ договорахъ и по отношенію къ городской осадѣ. Она объясняется тѣмъ, что путные бояре, какъ и кормленщики вообще, должны были находиться въ мѣстахъ ихъ назначенія, а потому для нихъ не было обязательно садиться въ осаду по мѣсту нахожденія ихъ недвижимостей.

Путные боярѣ и кормленщики платятъ дани сообразно съ доходами со своихъ путей и кормленій. Но можно думать, что къ платежу даней привлекаются они только въ крайнихъ случаяхъ. Въ договорахъ говорится объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«А коли мнѣ взяти дань на своихъ боярехъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти на своихъ тако же по кормленію и по путемъ» (Р. С. I, № 33).

Это, надо думать, ордынская дань.

Кормленщики могутъ отъѣхать съ кормленій, какъ и всѣ вольные слуги, но изъ такого отъѣзда возникаютъ весьма важныя затрудненія. Вмѣстѣ съ кормленщикомъ выѣзжаетъ и весь штатъ назначенныхъ имъ изъ своихъ дворовыхъ слугъ судныхъ и правительственныхъ органовъ и сразу прекращается дальнѣйшее теченіе всѣхъ начатыхъ дѣлъ. А за совершонныя уже дѣйствія могли быть взяты тіунами и доводчиками кормленщика и причитающіяся имъ пошлины. Напримѣръ, отвѣтчикъ могъ быть вызванъ въ судъ, по немъ взяты поруки, или онъ, если поручителей не нашлось, закованъ въ желѣзо, и за всѣ эти дѣйствія получены уже пошлины: ѣздъ, хоженое, желѣзное. Но такъ какъ, за отъѣздомъ кормленщика, дальнѣйшее

[1]) Въ Р. С. I, № 33 выраженіе «путные бояре» именно употреблено вмѣсто кормленщиковъ вообще.

теченіе дѣла прекратилось, то новому кормленщику придется вновь вызывать въ судъ и пр., а органамъ его брать повыя пошлины за дѣйствія уже оплаченныя. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что кормленщики не всѣ доходы получали за свой счетъ, а дѣлились иногда съ княземъ. Разсчеты по этому дѣлежу въ минуту отъѣзда также могли быть незавершены. Наконецъ, на кормленщика могли быть предъявлены иски по злоупотребленію должностью. Отъѣздъ кормленщика могъ возбудить, такимъ образомъ, массу затрудненій. Относительно этого-то крайне сложнаго вопроса и встрѣчаемъ въ княжескихъ договорахъ такое опредѣленіе:

«А который бояринъ поѣдетъ изъ кормленія .., а службы не отслуживъ, тому дати кормленіе по исправѣ, а либо служба отслужити ему» (Р. С. I, № 27).

По этой статьѣ кормленщикъ все-таки можетъ отъѣхать, несмотря ни на какія затрудненія, но князь-союзникъ обязывается дать ему у себя кормленіе не иначе, какъ по исправѣ, т.-е. по удовлетвореніи всѣхъ возникшихъ изъ отъѣзда законныхъ требованій. Кормленщику предоставляется, такимъ образомъ, на выборъ: или отслужить службу, т.-е. довести до конца начатыя дѣла, отвѣтить на жалобы, если онѣ представлены, и пр., или удовлетворить деньгами понесшихъ убытки отъ его отъѣзда.

Система кормленій, составляющая такое необходимое дополненіе вольной службы, не была отмѣнена даже Иваномъ Грознымъ. Въ его царствованіе она потерпѣла только нѣкоторыя ограниченія въ объемѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію кормленщиковъ, въ количествѣ поступавшихъ въ ихъ пользу судебныхъ пошлинъ, а всего болѣе въ учрежденіи излюбленныхъ судей.

Подъ ограниченіемъ объема дѣлъ мы разумѣемъ изъятіе изъ вѣдомства кормленщиковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, губныхъ дѣлъ и предоставленіе ихъ вѣдомству даровыхъ выборныхъ земскихъ органовъ.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ

1539 г., когда Грозному было всего 9 лѣтъ; онъ совершенъ, слѣдовательно, не имъ, а боярскимъ правительствомъ. Въ этомъ году даны были, по челобитью мѣстныхъ жителей, двѣ первыя изъ дошедшихъ до насъ губныхъ грамотъ. Слѣдующія такія грамоты относятся къ 1540 и 1541 году. Примѣръ, данный боярами, нашелъ потомъ подражателя и въ самомъ царѣ.

Но, кромѣ губныхъ дѣлъ, Иванъ Грозный предоставлялъ иногда и весь мѣстный судъ и управленіе выборнымъ органамъ. Древнѣйшая изъ такихъ грамотъ относится къ 1552 г. Дана она жителямъ Важскаго уѣзда также по ихъ челобитью, въ которомъ они заявляли, что у нихъ въ посадахъ многіе 'дворы, а въ уѣздѣ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ важскихъ намѣстниковъ и ихъ лихихъ людей, отъ татей, разбойниковъ и пр., и что имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить немочно, а потому просили пожаловать ихъ: намѣстника отставить и дозволить имъ для суда и управы выбрать изъ своей среды лучшихъ людей, а за намѣстничій доходъ платить въ казну оброкомъ—1500 р. Царь согласился и пожаловалъ все, о чемъ его просили.

И та и другая мѣра имѣла значеніе исключенія, а не общаго правила и вовсе не была направлена противъ системы кормленій въ принципѣ. Выборные органы управленія возникаютъ только тамъ, гдѣ объ этомъ просятъ мѣстные жители. Но губные органы вовсе не исключаютъ кормленщиковъ, а только берутъ изъ области ихъ вѣдомства нѣкоторыя дѣла; всѣ остальныя попрежнему остаются въ рукахъ намѣстниковъ и волостей. Посылать же кормленщиковъ въ такія разоренныя мѣстности, какою оказался Важскій уѣздъ, не соотвѣтствовало цѣли учрежденія кормленій. Если бы въ Вагу и былъ посланъ кормленщикъ, онъ, конечно, самъ сталъ бы просить о переводѣ его въ другое мѣсто, гдѣ можно прокормиться, что и дѣйствительно случалось. Наконецъ, четыре года спустя послѣ выдачи важской грамоты, Иванъ Грозный, какъ мы ука-

зали уже, вновь устроилъ своихъ воиновъ «праведными кормленіями». Система кормленій имѣла слишкомъ глубокіе корни въ вольной службѣ, чтобы ею можно было такъ легко поступиться [1]).

Сокращеніе судныхъ доходовъ кормленщиковъ также было сдѣлано въ царствованіе Грознаго, хотя мы и не знаемъ, кому приписать эту мѣру: самому царю или совѣтникамъ первой и лучшей половины его царствованія. Это сокращеніе находимъ въ царскомъ Судебникѣ, по которому наивысшій размѣръ пошлины опредѣленъ въ гривну съ рубля, а прежде онъ доходилъ до стоимости иска, т.-е. судья получалъ съ виноватаго столько же, сколько истецъ, выигравшій свой искъ.

Система кормленій существуетъ еще и въ XVII вѣкѣ, хотя, конечно, только въ видѣ исключенія. Въ 1645 г. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, братъ умершей царицы Евдокіи, пожалованъ былъ въ должность крайчаго, съ путемъ и «городъ Гороховецъ ему данъ». Такъ записано въ Дворцовыхъ Разрядахъ (III, 15). Городъ ему данъ, конечно, въ кормленіе. Назначеніе на должность воеводы записывалось въ книгахъ иначе, и Стрѣшневъ въ томъ же году былъ воеводою, только не въ Гороховцѣ, а во Мценскѣ. Въ 1661 г. кн. Каспулатъ Мурза Черкасскій пожалованъ

---

[1]) Въ двухъ дошедшихъ до насъ отъ 1555 г. уставныхъ грамотахъ (А. Э. I, № 242 и 243) объ отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей говорится въ такихъ выраженіяхъ: «и мы (т.-е. царь), жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили». Это не значитъ, что намѣстники и волостели были отмѣнены вообще, они были отмѣнены «жалуючи крестьянство», т.-е. отмѣна ихъ есть жалованіе тѣхъ крестьянъ, которые о томъ просили. Выше были приведены свидѣтельства источниковъ о назначеніи кормленій не только въ 1555, но и въ 1556 г. Указанія на намѣстниковъ и волостелей весьма не рѣдки въ актахъ второй половины XVI в. См. А. Э. I, № 245, 250, 277, 300, 306, 324, 330, т. II. № 53, т. III, № 37. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кормленщики были отмѣнены при Грозномъ, они снова появились въ смутное время. См. А. Э. III, № 126.

за службы дѣда, дяди и отца городомъ Терскомъ съ судомъ; а прежде этотъ городъ на тѣхъ же правахъ послѣдовательно былъ предоставленъ его дѣду, дядѣ и отцу. Въ 1678 г. пожалованы ему еще таможенныя пошлины за службу противъ турокъ и крымскихъ татаръ (Рум. Собр. № 22 и 114).

Формально въ XVII вѣкѣ кормленщики существуютъ только въ видѣ исключенія, но въ дѣйствительности воеводы XVII вѣка, замѣнившіе старыхъ кормленщиковъ, продолжаютъ попрежнему питаться отъ должности. Это знаетъ правительство и даже принимаетъ въ соображеніе при назначеніи на должность. Татищевъ разсказываетъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ разъ челобитье о воеводствѣ, приказалъ узнать въ Разрядѣ, есть ли свободный городъ, въ которомъ можно было бы нажить пятьсотъ или шестьсотъ рублей. Разрядъ указалъ Кострому. Царь назначилъ туда проспеля воеводой, причемъ далъ ему совѣтъ употребить нажитыя деньги на покупку деревни. Воевода, отслуживъ свой срокъ, донесъ царю, что онъ нажилъ только 400 руб. Государь велѣлъ провѣрить это донесеніе. По повѣркѣ оказалось, что воевода правъ, онъ бралъ только то, что ему добровольно приносили и ничего не вымогалъ. Царь приказалъ дать ему за это другой, болѣе доходный городъ. Поэтому-то должности воеводъ назывались въ XVII вѣкѣ «корыстовыми».

Выше мы упоминали уже о путныхъ боярахъ. Изъ сказаннаго было видно, что къ путнымъ боярамъ примѣнялись тѣ же правила, что и къ кормленщикамъ, и что даже терминъ «путные бояре» употреблялся иногда для обозначенія кормленщиковъ вообще. Намъ остается теперь объяснить самое слово «путный» бояринъ.

Слово «путь», отъ котораго произошло прилагательное «путный», существуетъ и въ современномъ языкѣ въ смыслѣ пути-дороги. Путь-дорога, въ противоположность бездорожью, есть удобство, выгода, преимущество, нѣчто хорошее. Отсюда мы и теперь говоримъ: будетъ ли изъ

тебя путь? то-есть прокъ, дѣло. Отсюда — путный и безпутный человѣкъ.

То же значеніе выгоды, преимущества, имѣетъ это слово и въ древнемъ языкѣ. Поэтому кормленіе есть «путь», а кормленщикъ «путный» человѣкъ. Въ грамотѣ бѣлозерскаго князя волоцкому волостелю (кормленщику) читаемъ:

«.... Игуменъ, Екимъ, и вся братья.... билъ ми челомъ о томъ, а сказываютъ, что являлъ имъ староста волоцкой мою грамоту такову, что имъ пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ.... монастырскіе половники» и т. д. (А. Э. I, № 48. I. Около 1450).

Путями же называются всякаго рода сельскохозяйственныя угодья: рыбныя ловли, бортныя ухожаи, бобровые гоны и пр. Воскъ, медъ, рыба, мѣха, лошади составляли главнѣйшее богатство древней Руси, а разные виды охоты не только любимѣйшее развлеченіе князей, но и очень прибыльную статью хозяйства. Поэтому князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они занимались содержаніемъ и разведеніемъ княжескихъ лошадей, пчелъ, собираніемъ меда, варкой воска, ловлей бобровъ и рыбы, содержаніемъ собакъ, необходимыхъ для княжеской охоты, соколовъ для той же цѣли и пр. Такія хозяйственныя заведенія достигали значительнаго развитія и, какъ прибыльныя, доходныя статьи, тоже назывались путями. Въ источникахъ встрѣчаются: сокольничій путь, къ которому относились сокольники и всѣ приспособленія для соколиной охоты; конюшій путь; ловчій, который одинаково могъ заключать въ себѣ псарей, бобровниковъ и рыбниковъ; рыбники разумѣются еще и подъ терминомъ стольника пути. Эти пути составляютъ такую же собственность князя, какъ и его села, а потому и въ духовныхъ завѣщаніяхъ они упоминаются рядомъ съ селами. Въ духовной великаго князя Василія Дмитріевича читаемъ:

«А княгинѣ своей даю волости Коломенскіе: Пѣсочну да Брашеву съ селцемъ съ Гвоздною и съ Иванемъ, да

Устьмерску, да Гжелю и съ путми и зъ селы зъ своими, что въ тѣхъ волостехъ ни есть». Рум. Собр. I, № 42. 1424.

Въ духовной Юрія Галицкаго:

«А изъ волостей изъ Дмитровскихъ даю сыну своему Василью: Селну, Гуслицю, Вохну, Загарье, Рогожь, Кунеи или что будетъ въ тѣхъ волостехъ села или пути, а то все даю сыну своему Василью». Рум. Сбор. I, № 51. 1434.

Далѣе, словомъ путь обозначалось въ древности и самое право, тоже какъ преимущество, и тотъ документъ на которомъ право утверждалось. Въ концѣ крестьянской порядной 1604 года читаемъ:

«А отдали ему съ путики, и съ ловищи, и съ езовищи, и со всѣмъ угодьемъ, куды ходилъ топоръ, и соха, и коса, и что къ тому жеребью изстари потягло. И Сидору на томъ жеребью дворъ поставить, и земля распахать, и огороды огородить, и впустѣ не покинуть тое двѣнадцатые доли обежные. Да въ томъ ему и путь дали. А на то ему послуси Ильинской Тавренской пономарь, Иванъ, Григорьевъ сынъ, Жаравлевъ. А путь писалъ Ѳедотко Андріевъ Пахтусова. Лѣта 7112 году маія въ 10 день».

«Съ путики» — т.-е. съ мѣстами охоты; по свидѣтельству Даля слово путь и теперь означаетъ ловлю, бой звѣрей, а слово «путикъ» охотничьи участки, на которые промышленники дѣлятъ между собою лѣса, чтобы не мѣшать другъ другу. «Путь дали» — дали право; «путь писалъ» — писалъ порядную.

Князья въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ дѣлаютъ, иногда, особыя назначенія въ пользу старшихъ сыновей. Они называютъ такіе отказы отказами «на старѣйшій путь», т.-е. это преимущество старшинства, право первенства. Такія же преимущества «на старѣйшій путь» установляются иногда и договорами. Въ договорѣ великаго князя Семена съ братьями читаемъ:

«А что есмы съ ступилися тобѣ на старѣйшинство: тобѣ полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги, да тобѣ сокольничій путь и садовници, да конюшій путь.... и ловчий путь тоже. И потомъ на старѣйшій путь, кто бу-

детъ старѣйшій, тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги». Рум. Собр. I. № 23. 1341.

Великій князь Дмитрій Ивановичъ въ завѣщаніи пишетъ:

«А на старѣйшій путь сыну моему, князю Василью, Василцево сто и Добрятиньская борть съ селомъ Добрятиньскимъ». Рум. Собр. I. № 34. 1389.

Наконецъ, словомъ путь могъ обозначаться и всякій установившійся порядокъ, обычай. Въ спорномъ дѣлѣ Сергіева монастыря съ Куростровцемъ Неумоеннымъ старецъ Максимъ утверждалъ, что «та деревня по старому пути словетъ Бороздинская». Съ этимъ не соглашались отвѣтчики. Они утверждали, что она «Плешковская и Оншутинская, а не Бороздинская» (Ѳедотовъ-Чеховскій, № 91, 1612—13).

Приведенныя мѣста, разъясняющія значеніе слова «путь», даютъ возможность выяснить и значеніе термина «путный бояринъ». Это, во-первыхъ, всякій кормленщикъ; а такъ какъ кормленія давались боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, то путный бояринъ можетъ означать какъ высшіе разряды бояръ, такъ и средніе и даже меньшіе.

Иногда при назначеніи на должность говорилось, что она дается «съ путемъ». Это значитъ, что къ должности приписывалась какая-либо доходная статья въ пользу должностного лица. Князь Мосальскій, Андрей Ѳедоровичъ, въ 1610 г. пожалованъ былъ крайчествомъ съ путемъ, «а въ путь пожаловали его городомъ Гороховцемъ» (Рум. Собр. II, № 218). Въ 1654 году ближній бояринъ, Василій Бутурлинъ, получилъ «дворчество съ путемъ», а въ путь ему назначили половину «всякихъ дворецкаго пути доходовъ»: съ ловецкихъ слободъ, съ кружечныхъ дворовъ, съ судныхъ дѣлъ (Рум. Собр. III. № 174). Такіе крайчіе, дворецкіе и другіе придворные чины тоже могутъ разумѣться подъ терминомъ «путные бояре».

Наконецъ, разныя хозяйственныя учрежденія, называвшіяся путями, предоставлялись вѣдѣнію отдѣльныхъ чиновъ, которые тоже будутъ «путными». Сюда относятся:

конюшіе, ловчіе, сокольники и пр. Нѣкоторые изъ нихъ, конюшіе, напримѣръ, поднялись съ теченіемъ времени до высшихъ ступеней служебной лѣстницы; другіе, какъ ловчіе и сокольники, всегда принадлежали къ среднимъ.

Но пути въ этомъ особомъ хозяйственномъ смыслѣ не всегда состояли въ вѣдомствѣ спеціальныхъ чиновниковъ, а вѣдались иногда и мѣстными кормленщиками, намѣстниками и волостелями. Въ жалованной грамотѣ переяславскимъ сокольникамъ читаемъ:

«Се азъ, князь великій Василій Ивановичъ, пожаловалъ есми своихъ сокольниковъ переяславскихъ, сокольнича пути... Намѣстницы мои переяславскіе... не входятъ къ нимъ ни по что... А кому будетъ на нихъ чего искати, ино ихъ сужу азъ, князь великій, или мой сокольничей»... (А. Э. I. № 147, 1507).

А до этого жалованья ихъ вѣдали намѣстники.

Или въ жалованной грамотѣ сокольникамъ Вологодскаго уѣзда читаемъ:

«А случится душегубство или разбой съ поличнымъ, ино судитъ ихъ волостель Авнежскіе волости»... (А. И. I. № 295, 1540).

Такимъ образомъ, будетъ неправильно пріурочивать путныхъ бояръ исключительно къ вѣдомству путей въ смыслѣ хозяйственныхъ княжескихъ заведеній. Это всякіе кормленщики, служебное положеніе которыхъ весьма различно; есть между ними и высшіе, и средніе, и меньшіе.

Кормленія въ системѣ вольной службы имѣли значеніе награды за службу и служили средствомъ привлеченія къ ней. Съ тою же цѣлью князья раздавали служилымъ людямъ и свои земли. Но этотъ способъ награды и приманки къ службѣ, надо думать, особенно развивается только въ позднѣйшее время. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты упоминается только одинъ вольный слуга, пожалованный его землею, Бориско Ворковъ, которому онъ далъ свою куплю въ Ростовѣ, село Богородское. Если бы были и другія лица, пожалованныя Калитою землями, онъ не

забылъ бы упомянуть о нихъ въ своемъ завѣщаніи. Дѣлались ли такія пожалованія въ до-московское время, объ этомъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго по недостаточности источниковъ. Нѣтъ основаній совершенно отвергать этотъ способъ награды служилыхъ людей въ до-московское время; но и нельзя думать, чтобы онъ могъ получить тогда сколько-нибудь значительное развитіе. Въ Москвѣ развивается онъ только съ успѣхами объединительной политики, когда частная собственность московскихъ князей замѣтно возрастаетъ. Первое общее упоминаніе о боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, награжденныхъ княжескими селами, находимъ въ завѣщаніи великаго князя Василія Васильевича.

«А кому буду давалъ, говоритъ онъ, своимъ княземъ и бояромъ и детемъ боярскимъ свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому далъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, во чьемъ удѣле будетъ, ино тому то и есть».

Но только при сынѣ его, Иванѣ Васильевичѣ, награжденіе служилыхъ людей землями получаетъ значеніе системы, къ осуществленію которой въ обширныхъ размѣрахъ правительство начинаетъ стремиться сознательно. По покореніи Новгорода, великій князь, Иванъ Васильевичъ, требуетъ, чтобы ему дали волости и села:

«Понеже намъ, великимъ княземъ, государство свое держати на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, безъ того нелзѣ».

То-есть, нельзя господствовать въ Новгородѣ, если не будетъ тамъ селъ для раздачи служилымъ людямъ. Въ это время было произведено, по государеву указу, помѣщеніе на вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ даже такихъ служилыхъ людей, которые состояли въ боярскихъ дворахъ и ничего своего не имѣли (Кар. VI, пр. 201). Этотъ фактъ помѣщенія на землю служилыхъ людей и далъ, надо думать, наименованіе особой формѣ служилаго владѣнія - помѣстью.

На какомъ правѣ дѣлались эти пожалованія? Права эти были не одинаковы. Князья жалуютъ свои земли или на условіи службы или безусловно.

Въ завѣщаніи Калиты условное пожалованіе выражено въ слѣдующей формѣ:

«А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь-ли служити дѣтемъ моимъ, село отоймуть».

Это древнѣйшій извѣстный намъ случай пожалованія въ помѣстье. Рядомъ съ такимъ условнымъ пожалованіемъ идутъ пожалованія безусловныя съ предоставленіемъ пожалованному права распоряженія. Это пожалованія въ вотчину. За недостаткомъ историческихъ данныхъ, мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь точно обозначить время возникновенія той и другой формы пожалованія [1]).

Вотъ жалованная грамота на вотчину:

«Мы, великій государь Василей, Божіею милостію государь всей Руси и великій князь Владимерскій, и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Смоленскій, и Тверской, и Пермскій, и Югорскій и Вятскій, и Болгорскій, и иныхъ, пожаловали есми Василья, Тимоѳеева сына, Олексѣева да сына его, Ортема, въ Переславскомъ уѣздѣ, въ Мишутинѣ стану своими великого князя деревнями

[1]) Неволинъ (IV, 172) думаетъ, что пожалованія въ вотчину дѣлаются уже съ XIV вѣка. Въ доказательство онъ приводитъ пожалованіе Родіону Несторовичу половины Волока Ламскаго «въ вотчину» и нѣсколько случаевъ изъ княжескихъ договоровъ о пожалованіяхъ князей Рюриковичей. Назначеніе Несторовичу части Волока есть, конечно, пожалованіе въ кормленіе, а не въ собственность: слово «въ вотчину» означаетъ здѣсь наслѣдственное кормленіе, какъ и въ вышеприведенномъ случаѣ съ княземъ Ѳедоромъ Вѣльскимъ. Назначеніе же вотчинъ князьямъ Рюриковичамъ вытекаетъ изъ особенныхъ отношеній владѣтельныхъ князей. Княжескія вотчины принадлежали князьямъ на особомъ, а не на общемъ вотчинномъ правѣ. Въ случаѣ отъѣзда, князья теряли свои вотчины; были установлены и другія различія въ правѣ распоряженія и наслѣдованія.

чернымп, деревнею Самойловымъ на рѣкѣ на Куньемѣ, деревнею Василковымъ на Малой на Куньемѣ, деревнею Петроковымъ вверхъ Куньева со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло. А пожаловалъ есми Василья и сына его, Ортемья, тѣми деревнями въ вотчину и съ судомъ, опричь душегубства и разбою съ поличнымъ, впрокъ ему и его дѣтямъ. Писано лѣта 7021 апрѣля въ день» (печать красная). А. Э. I, № 162, 1516.

Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ на вотчину выраженіе «въ прокъ» пояснено такъ:

«Воленъ (такой-то) то село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити, и въ закупъ дати, и по душѣ дати» (А. Э. I, № 160, 1515).

Въ этомъ полномъ правѣ распоряженія, предоставляемомъ вотчиннику, и заключается существенное различіе пожалованія въ вотчину отъ пожалованія въ помѣстье. Что же касается льготъ, предоставляемыхъ помѣстнымъ владѣльцамъ, то онѣ совпадали со льготами, жалуемыми вотчинникамъ. Условные владѣльцы имѣютъ одинаковое съ вотчинниками право суда и льготы отъ повинностей; сами они судятся передъ великимъ княземъ или близкимъ ему человѣкомъ.

Вотъ одна изъ древнѣйшихъ до насъ дошедшихъ грамотъ на помѣстье. Она сохранилась въ мѣстническомъ дѣлѣ Зюзина съ Нагимъ.

«Се азъ, князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи, пожаловалъ есми Микитку да Юрку Шенуриныхъ да сына Микиткина, Осташа, въ Галичѣ, въ Едоскомъ стану, своею великаго князя деревнею Шенуринскою со всѣмъ съ тѣмъ, что къ ней исъ старины потягло. А пожаловалъ есми Микитку да Юрку Шенуриныхъ и сына Микиткина, Осташа, тою деревнею доколѣ служитъ Микитка да Юрка и Микиткинъ сынъ мнѣ и моимъ дѣтямъ. И кто у нихъ въ той деревнѣ учнетъ жити людей, и намѣсницы мои галицкіе и ихъ тіуны ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, не всылаютъ къ нимъ ни почто; а праветчики и довотчики поборовъ сво-

ихъ не берутъ, ни въѣзжаютъ къ нимъ ни почто. А вѣдаютъ и судятъ Микитка и Юрка и Микиткинъ сынъ тѣхъ людей своихъ сами, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной, тѣмъ ихъ людемъ з городскими людьми или становыми, и намѣсницы мои галицкіе и ихъ тіуны тѣхъ ихъ людей судятъ, а Микитка или Юрка или Микиткинъ сынъ или ихъ приказщикъ съ ними судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искати на Микиткѣ или на Юркѣ и на Микиткинѣ сынѣ или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой боярин введеной. А дана грамота лѣта девятьдесять шестого (1488) марта». Рус. Ист. Сбор. V. 15.

По этому же образцу пишутся грамоты и въ XVI вѣкѣ, но въ нихъ не встрѣчается условіе «доколѣ служитъ... мнѣ и моимъ дѣтямъ». Оно, конечно, само собой разумѣется. Въ XVI вѣкѣ выработалось и особое слово для обозначенія такихъ пожалованій. Въ противоположность пожалованію въ вотчину такое пожалованіе безъ права распоряженія называется пожалованіемъ «въ помѣстье». Этотъ терминъ употребленъ, напримѣръ, въ жалованной грамотѣ Борису Захарьичу Бороздину и Гришѣ Иванову Жедринскому. Но есть пожалованія, въ которыхъ жалуемое не называется ни вотчиной, ни помѣстьемъ. Таково, напримѣръ, пожалованіе Курбаткѣ Третьякову и Лукинымъ. Въ этихъ случаяхъ надо уже изъ общаго содержанія грамоты дѣлать заключеніе о свойствахъ пожалованія (А. Э. I. № 141, 163; А. до Ю. Б. № 44, I; Оед.-Чехов. № 49; 1505—1546).

Нуждается въ объясненіи одно выраженіе духовной Василія Васильевича, въ которой читаемъ:

«А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтямъ боярскимъ свои села въ жалованье или хотя и въ куплю кому далъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, въ чьемъ удѣлѣ будутъ, ино то тому и есть».

Не только то, что великій князь пожаловалъ, но и то, что онъ продалъ,—отдается дѣтямъ его. Что же это значитъ? Села отдаются дѣтямъ великаго князя въ государ-

ственномъ, а не въ частно-гражданскомъ смыслѣ. Эти пожалованія и куплп входятъ въ составъ удѣловъ, въ границахъ которыхъ находятся, и, слѣдовательно, мѣстному князю принадлежитъ въ нихъ судъ и дань въ предѣлахъ, само собою разумѣется, жалованныхъ грамотъ.

Великій князь Иванъ Васильевичъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ лучшій истолкователь мыслей своего отца. Въ его же духовной читаемъ:

«А что есми давалъ свои села бояромъ своимъ и княземъ и дѣтямъ боярскимъ и грамоты свои жалованныя имъ подавалъ на тѣ села прочно имъ и ихъ дѣтямъ или кому буду въ куплю далъ свои грамоты, и въ тѣ села сынъ мой Василій и мои дѣти не вступаются».

Признаніе принципа неприкосновенности условнаго владѣнія (пока соблюдается условіе) точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію, какъ и неприкосновенность владѣнія вотчинами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дворовые чины

Кромѣ разобранныхъ уже терминовъ, которыми обозначались разные классы населенія древней Россіи, въ нашихъ источникахъ встрѣчается еще масса наименованій различныхъ чиновъ княжескаго, а позднѣе царскаго двора. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отроками, дѣтскими. тіунами, конюхами и конюшими, ловчими, дворянами, стряпчими, дворецкими, стольниками, чашниками, спальниками, окольничими, боярами введенными и пр.

При всемъ разнообразіи въ положеніи этихъ лицъ, всѣ они составляютъ одинъ классъ придворныхъ слугъ.

Нашей древности было совершенно чуждо принципіальное различіе органовъ государственнаго управленія отъ органовъ управленія частными дѣлами князя. Кто входилъ въ составъ княжескаго двора, тотъ поэтому уже самому считался годнымъ и для отправленія публичныхъ функцій. Назначенные къ публичнымъ должностямъ чины двора удерживали за собой тѣ наименованія которыя принадлежали имъ въ частномъ хозяйствѣ князя.

Дворъ князя, мѣсто его постояннаго жительства и центръ всѣхъ хозяйственныхъ операцій, былъ вмѣстѣ съ

тѣмъ и древнѣйшимъ присутственнымъ мѣстомъ, мѣстомъ суда и управленія.

Въ старѣйшей редакціи Русской Правды читаемъ:

«Аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ, либо оу клѣти, или оу хлѣва, то той оубитъ. Аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ...» II 17 и 18.

Какъ хозяйственный дворъ князя былъ судебно правительственнымъ мѣстомъ, такъ и органы управленія княжескимъ хозяйствомъ были судьями и администраторами. Таковы въ древнѣйшее время княжескіе тіуны, отроки его и дѣтскіе.

Что тіунъ есть домашній слуга, ключникъ, въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія Русская Правда (III 142). Тіунъ завѣдуетъ хозяйствомъ своего господина; онъ довѣренное лицо, которому поручаются ключи дома.

Въ большихъ хозяйствахъ такихъ тіуновъ могло быть нѣсколько. Русская Правда, перечисляя княжескихъ слугъ, упоминаетъ тивуна огнищнаго, тивуна конюшаго (III 13) и сельскаго или ратайнаго (III 14). Тивунъ сельскій или ратайный завѣдывалъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, конюшій—конюшеннымъ, огнищный, надо думать, домовымъ княжескимъ, а потому онъ и названъ впереди другихъ. Огнище означаетъ очагъ; слово это могло употребляться для обозначенія цѣлаго дома, подобно тому, какъ слово «дымъ» употреблялось для обозначенія цѣлаго двора: «Съдумавше поляне и даша отъ дыма мечь» Козарамъ, т.-е. отъ каждаго двора [1]).

Этимъ тіунамъ-ключникамъ поручалось производить и

[1]) Лавр. 7. Другое толкованіе «тивуна огнищнаго», состоящее въ томъ, что выраженіе это означаетъ «судью огнищанъ» (Карамзинъ, II пр. 27, словари Академич. и Даля), не можетъ быть принято потому, во-1-хъ, что то мѣсто Правды, въ которомъ находится это выраженіе, перечисляетъ не судей, а слугъ княжескаго двора: отроковъ, конюховъ, поваровъ и ключниковъ; во 2-хъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія допустить, что для огнищанъ существовалъ особый судья, который судилъ только ихъ.

судъ вмѣсто князя. Свидѣтельство источниковъ о тіунахъ-судьяхъ кіевскаго князя Всеволода приведено выше на стр. 130.

Въ томъ же смыслѣ, что тіунамъ поручался судъ, надо понимать и слѣдующее мѣсто Лаврентьевской лѣтописи, относящееся къ послѣднимъ годамъ княженія въ Кіевѣ князя Всеволода Ярославича:

«И людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не ведущю въ болѣзняхъ своихъ». 1093.

А вотъ многознаменательный разговоръ Полоцкаго князя съ епископомъ, выписанный Карамзинымъ изъ одной неизданной лѣтописи:

«Князь Констянтинъ полотскій въспроси владыки Симеона Тферьскаго, гдѣ быти тіуномъ нашимъ на ономъ снѣтѣ? И рече владыка: гдѣ и князь. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тіунъ неправо судитъ, мъзду смлетъ, зло дѣетъ; язъ что дѣю? И рече ему владыка: аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведна, князь будетъ въ раи и тіунъ его съ нимъ. Аще же будетъ князь безъ страха Божія и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща, толико бы ему кунъ добывалъ..... и князь будетъ въ адѣ, а тіунъ его съ нимъ». IV, прим. 178. Симеонъ Тверской скончался 3 февраля 1289 года.

Тіуны, которымъ поручался судъ, переставали, конечно, завѣдывать княжескимъ хозяйствомъ. Получая доходъ отъ суда, они становились достаточными людьми и пріобрѣтали собственные дворы, въ которыхъ и жили (см. выше, стр. 130).

Термины «дѣтскіе» и «отроки» обозначаютъ обыкновенную домашнюю прислугу, состоящую у стола и гардероба и сопровождающую своего господина во время его выѣздовъ. Въ то время какъ однѣ лѣтописи говорятъ о дѣтскихъ, другія, въ томъ-же случаѣ, упоминаютъ отроковъ. По Лаврентьевской лѣтописи князя Василько встрѣчаетъ «его дѣтьскыи», по Воскресенской его встрѣчаетъ «отрокъ»,

по нѣкоторымъ же другимъ спискамъ «дѣтьскый отрокъ» (1096).

Этимъ мелкимъ слугамъ, дѣтскимъ и отрокамъ, такъ-же какъ и тіунамъ, князья предоставляютъ нѣкоторую роль и въ отправленіи правосудія.

Русская Правда говоритъ, что въ случаѣ споровъ о наслѣдствѣ князья посылаютъ дѣтскихъ дѣлить спорщиковъ (III 140). При испытаніи желѣзомъ дѣтскіе такъ-же принимаютъ участіе и получаютъ за это полъ-гривны (III 112). Отроки участвуютъ въ дѣлахъ по обвиненію въ убійствѣ, съ которыхъ тоже получаютъ доходъ (III 21).

Но старинный дворъ князя состоялъ не изъ однихъ только тіуновъ, дѣтскихъ, конюховъ, необходимыхъ для ежедневной службы по хозяйству и дому. Князь нуждался въ воинахъ, которые находились бы у него постоянно подъ рукой. Нѣкоторое количество такихъ воиновъ, то большее, то меньшее, смотря по средствамъ князя, всегда жило въ его дворѣ. Эти дворовые воины назывались по возрасту, - отроками, по оружію—гридями и мечниками Войско, выступившее съ Борисомъ Владиміровичемъ противъ печенѣговъ, наканунѣ смерти отца его, великаго князя кіевскаго Владиміра Ярославича, состояло изъ «воевъ», дружины отца Бориса и собственныхъ его отроковъ (Лавр. 1015). Число такихъ отроковъ-воиновъ достигало у нѣкоторыхъ князей до нѣсколькихъ сотъ. Святополкъ-Михаилъ кіевскій, собираясь противъ половцевъ, говоритъ: «имѣю отрокъ своихъ 800 (вар. 500), иже могутъ противу имъ стати» (Лавр. 1093).

Гриди (гридь и гридинъ) и мечники -это два разныя наименованія того-же рода лицъ, воиновъ, жившихъ во дворѣ князя и на его содержаніи. Для помѣщенія гридей во дворѣ князя устраивалась особая комната, на которую и перешло наименованіе ея обитателей: гридня, гридница [1]).

[1]) Карамзинъ производитъ слово гридь отъ шведскаго gred—мечъ (Т. I, прим. 476). Это производство представляется намъ наиболѣе

Наша древность не знала спеціализаціи должностей. Какъ тіунамъ и дѣтскимъ приказывался судъ, такъ точно встрѣчаемъ на судѣ и мечниковъ. Мечникъ присутствовалъ вмѣстѣ съ дѣтскимъ при испытаніи желѣзомъ и получалъ за это 5 кунъ (III 112). Мечникъ, конечно, могъ быть употребленъ княземъ и во всякое другое дѣло. Въ 1147 году Андрей Боголюбскій послалъ къ Ростиславичамъ посломъ мечника своего, Михна [1]).

Этотъ древнѣйшій княжескій дворъ, при маломъ развитіи поземельной собственности у князей до-московскаго

удачнымъ. Гридинъ будетъ то-же, что мечникъ, то-есть воинъ по ремеслу. Подстановка этого понятія во всѣ мѣста, гдѣ употреблено въ лѣтописи слово гридь, дастъ совершенно удовлетворительный смыслъ. Въ начальной лѣтописи читаемъ:

«Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху».... 1014.

Это гриди-мечники, наемные воины, получающіе плату за службу.

Въ новогородской лѣтописи по синодальному харатейному списку читаемъ:

1166. «Въ тоже лѣто.... приде Ростиславъ.... и позва Новогородьце на порядъ: огнищане, гридь, купьце вячшее»...

1195. «Томь же лѣтѣ позва Всѣволодъ Новгородьце на Чьрниговъ, на Ярослава... И Новгородьци не отпьрешася ему, идоша съ княземь Ярославъмъ огнищане и гридьба и купци»....

Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о нѣкоторомъ опредѣленномъ разрядѣ лицъ, занимающихъ постоянно одно и то-же мѣсто между огнищанами и купцами. Пониманіе подъ гридью и гридьбой воиновъ, сдѣлавшихъ себѣ ремесло изъ военнаго дѣла, и здѣсь дастъ совершенно удовлетворительный смыслъ.

[1]) Проф. Мрочекъ-Дроздовскій (Чтенія 1886. I. 86 сл.) не находитъ возможнымъ видѣть въ мечникѣ воина. «Мечникъ, говоритъ онъ, служилъ князю правителю (судьѣ), а меченоша князю воину, вождю дружины.... Мечникъ былъ не меченосецъ, какъ то думаетъ Эверсъ, а мечедержатель князя, какъ судьи». Конечно, князь былъ и судья, и воинъ, и хозяинъ своего собственнаго имущества. Но чтобы разныя стороны его дѣятельности олицетворялись въ особыхъ органахъ, этого у насъ не было не только въ XI, но даже въ XVII вѣкѣ. Мечникъ, какъ воинъ, вооруженный мечемъ, легко переходитъ въ палача: «ускори послати виновнаго къ мечнику». Прол. Апр. 30. Академ. Слов.

времени, не могъ быть очень многолюднымъ и блестящимъ. Въ составъ его входило немного чиновъ и нѣтъ основанія думать, чтобы чины собственно придворные были въ древности очень многолюдны.

Обстановка двора Владиміра Мономаха поражаетъ своей простотой. Въ составѣ своего придворнаго штата онъ упоминаетъ только тіуновъ, отроковъ, ловчихъ и конюховъ. Обязанности этого немногочисленнаго штата были такъ не многосложны, что князь могъ до всего доходить самъ. Владиміръ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ своимъ не полагаться на тіуновъ и отроковъ, чтобы приходящіе къ нимъ не посмѣялись дому и обѣду ихъ. О себѣ же утверждаетъ, что весь ловчій нарядъ онъ самъ велъ, а также конюшій, соколиный и ястребиный (Лавр. 1096).

Общественное положеніе многихъ древнѣйшихъ чиновъ двора было не изъ высокихъ. Тіуны только при наличности особой оговорки сохраняли свою свободу, въ противномъ случаѣ, по общему правилу, они были холопы. Могли быть не свободные и въ составѣ отроковъ, конюховъ, ловчихъ.

Дворъ, описанный Владиміромъ Мономахомъ, не составлялъ особенности княжеской власти; онъ былъ у каждаго состоятельнаго человѣка. Русская Правда говоритъ о боярскихъ тіунахъ (III 3 и 89), объ отрокахъ посадниковъ, вирниковъ, мостниковъ (III 12, 127, 146; см. сказанное выше о дворахъ бояръ, стр. 369 и сл.).

По мѣрѣ развитія княжеской власти и особенно увеличенія земельныхъ имуществъ князей московскаго дома составъ княжескаго двора измѣняется. Среди придворныхъ чиновъ все въ большей и большей мѣрѣ начинаютъ встрѣчаться дѣти боярскіе и бояре. Въ XVI и главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ всѣ лучшіе люди московскаго государства добиваются уже чести поступить въ придворный штатъ московскихъ государей въ качествѣ ихъ спальниковъ, стольниковъ, чашниковъ, крайчихъ и т. д. Люди лучшихъ фамилій стоятъ у крюка въ комнатѣ московскихъ государей

и сопровождаютъ ихъ выѣзды въ качествѣ возницъ и ухабничихъ. Съ уничтоженіемъ системы кормленій и съ установленіемъ обязательной службы всѣ высшіе чины московскаго государатва непремѣнно проходятъ чрезъ придворныя должности. Дворъ московскихъ государей XVII вѣка представляетъ блестящую картину бояръ введенныхъ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ и иныхъ чиновъ, которые ежедневно собираются въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ на крыльцѣ московскаго дворца и въ его передней. Пользующіеся довѣріемъ, такъ называемые «ближніе люди», состоятъ въ особомъ приближеніи, они допускаются въ «комнату великаго государя». Придворная служба привлекла къ себѣ все высшее населеніе московскаго царства.

Несмотря на этотъ пышный расцвѣтъ придворной службы, въ актахъ московскаго времени еще видны слѣды скромнаго двора старыхъ кіевскихъ князей.

Въ грамотѣ царя Бориса отъ 1601 года находимъ слѣдующее перечисленіе дворовыхъ чиновъ, весьма напоминающее вышеприведенное перечисленіе Владиміра Мономаха:

«Большаго Дворца дворовые люди всѣхъ чиновъ: ключники, стряпчіе, сытники, подключники: конюшеннаго приказу: прикащики, конюхи, стремянные, стряпчіе; ловчаго пути: охотники и конные псари: сокольничья пути: кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурячей» (А. И. II, № 20).

Въ запискѣ о царскомъ дворѣ начала XVII вѣка читаемъ:

«На дворцѣ церковь Преображенья, служитъ протопопъ. Весь дворецъ: ключники, и стряпчіе, и сытники, и приспѣшники, и повары тутъ приходятъ и рано для ихъ служба живетъ, чтобы отправясь шли всякъ на свой приспѣхъ къ царскому столу готовить» (А. И. II, № 355).

Это дворъ въ тѣсномъ смыслѣ традиціоннаго двора старыхъ князей, а не въ широкомъ смыслѣ новаго двора московскихъ государей, въ составъ котораго давно уже поступили и дѣти боярскія и бояре. Еще въ XV вѣкѣ

дворъ московскихъ князей былъ уже полонъ княжатъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли особое дворовое войско, въ родѣ отроковъ Святополка-Михаила кіевскаго. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1449 годомъ читаемъ:

«Тое же весны князь Дмитрій Шемяка, преступивъ крестное цѣлованіе и проклятые на себѣ грамоты, поиде къ Костромѣ съ многою силою, а приде на Великъ день и много бився подъ градомъ, но не успѣша ничтоже; понеже бо застава въ немъ бѣ, князь Иванъ Васильевичъ Стрига да Федоръ Басенокъ, и съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ великаго князя».

Или подъ 1469 годомъ:

«Тое же весны, по Велицѣ дни на другой недѣлѣ, послалъ князь великій на Казанскіе мѣста рать въ судѣхъ, воевода Константинъ Александровичъ Беззубцевъ, а съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ свой, тако же и отъ всеа земли своеи дѣти боярскіе, изъ всѣхъ уѣздовъ своихъ и изъ всѣхъ отчинъ братіи своеа потому же».

Въ послѣднемъ извѣстіи дворовымъ дѣтямъ боярскимъ противополагаются городовые, какъ не принадлежащіе къ составу двора они живутъ у себя по уѣздамъ.

Въ разрядахъ 1578 года находимъ терминъ «дворовыхъ бояръ». Въ спискѣ назначенія служилыхъ людей въ литовскій походъ, между прочимъ, читаемъ:

«Изъ двора бояре: кн. Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой, кн. Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій, Дмитрій Ивановичъ Годуновъ» (Вивл. XIV, 349).

Это все введеные бояре, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Древнѣйшія и весьма скудныя свѣдѣнія о чинахъ двора находимъ въ лѣтописяхъ и грамотахъ разнаго рода, позднѣйшія и болѣе подробныя въ разрядныхъ и боярскихъ книгахъ.

Изъ боярскихъ книгъ, содержащихъ важнѣйшій матеріалъ по вопросамъ о времени возникновенія разныхъ чиновъ, взаимнаго ихъ отношенія съ точки зрѣнія служебной чести, жалованья и пр.,—дошло до насъ очень не

много. Подлинныя книги мы имѣемъ только отъ XVII вѣка, да и этихъ сохранилось всего девять вмѣсто ста, и эти девять книгъ не изданы и не описаны. Для XVI и XV вѣка (съ 1462 года) мы имѣемъ только напечатанное Новиковымъ (XX) извлеченіе изъ своднаго списка «старинныхъ бояръ и дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ», принадлежавшаго М. П. Шереметевой. Этотъ списокъ продолжается до 1676 г. Несмотря на всю его важность, онъ не полонъ и возбуждаетъ не мало вопросовъ, на которые не всегда можно отвѣчать даже догадками.

Въ теченіе первыхъ 32-хъ лѣтъ (съ 1462 по 1494 годъ) списокъ этотъ перечисляетъ только бояръ введеныхъ, дворецкихъ да окольничихъ и не упоминаетъ о другихъ чинахъ. Можно ли думать, что въ это время при московскомъ дворѣ не было иныхъ чиновъ, напримѣръ, постельничаго, ловчихъ, крайчихъ, сокольниковъ, стольниковъ и пр.? Конечно, нѣтъ. Новиковское извлеченіе только два раза упоминаетъ о стольникахъ (подъ 1653 и 1669 годомъ) и то случайно (говоря о назначеніи ясельничаго и царицына дворецкаго, въ каковыя должности были пожалованы стольники), о стряпчихъ же вовсе не упоминаетъ, за исключеніемъ стряпчаго съ ключомъ. А между тѣмъ въ подлинныхъ боярскихъ книгахъ, съ 1627 года начиная, цѣлыя страницы исписаны назначеніями въ стольники и стряпчіе. Ясно, что изъ подлинныхъ книгъ не все перешло въ Шереметевскую сводную книгу. Но почему одно перешло, а другое нѣтъ? Это, конечно, зависѣло отъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ составитель сводной книги, а эти цѣли намъ неизвѣстны. Можно думать, что его интересовали только важнѣйшія должности.

Но начавъ съ важнѣйшихъ, бояръ, окольничихъ и дворецкихъ, онъ потомъ присоединяетъ къ нимъ и менѣе важныхъ. Съ 1495 года въ его спискѣ появляются: казначей, постельничій и ясельничій; съ 1511—оружничій; съ 1514—крайчій; съ 1550—сокольничій; съ 1572—дворяне

думные; съ 1646—стряпчіе съ ключомъ; съ 1655—думные дьяки; съ 1667—печатникъ. Этимъ и исчерпывается кругозоръ его; стольники, стряпчіе, дворяне и иные болѣе мелкіе чины вовсе не вошли въ его сводную книгу.

Изъ того, что составитель Шереметевской сводной книги начинаетъ вести списокъ бояръ введеныхъ, казначеевъ, постельничихъ и иныхъ чиновъ съ такого-то, а не съ иного года, вовсе еще не слѣдуетъ, что эти должности возникли въ томъ году, подъ которымъ онѣ впервые у него упомянуты. Изъ подлинныхъ боярскихъ книгъ видно, что стряпчіе съ ключемъ и думные дьяки упоминаются уже въ 1627 году, а въ дѣйствительности, конечно, появились гораздо раньше, у него же они впервые упомянуты подъ 1646 и 1655 годами. Почему составитель своднаго списка такъ запаздываетъ и чѣмъ, вообще, опредѣляется онъ въ выборѣ года, съ котораго начинаетъ вести списокъ лицъ, занимавшихъ извѣстную должность? На эти вопросы у насъ нѣтъ отвѣта. Мы даже не знаемъ, въ одинъ разъ составлена Шереметевская сводная книга, или это трудъ разновременный, въ которомъ принимали участіе многія лица.

Каждый придворный чинъ имѣлъ свою опредѣленную честь, которая выражалась въ мѣстѣ, занимаемомъ имъ на лѣстницѣ придворныхъ чиновъ. Эта честь не была, однако, постоянной. Съ теченіемъ времени она измѣнялась. Примѣръ этому представляетъ возвышеніе чести конюшихъ-бояръ и дворецкихъ-бояръ. Подобныя-же измѣненія могли происходить и въ мѣрѣ чести низшихъ чиновъ. Но, по бѣдности дошедшаго до насъ матеріала, они ускользаютъ отъ нашего вниманія.

Переходимъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ чиновъ двора. Мы будемъ вести перечень чиновъ въ той послѣдовательности, которая постоянно наблюдается въ Шереметевской сводной книгѣ [1]); послѣдовательность чиновъ, не внесен-

[1]) Не можемъ, однако, не указать на то обстоятельство, что порядокъ Шереметевской книги не совершенно совпадаетъ съ поряд-

ныхъ въ эту книгу, опредѣлимъ согласно подлинными боярскимъ книгамъ XVII вѣка, разряднымъ книгамъ и другимъ памятникамъ, содержащимъ указаніе на этотъ предметъ.

I. Бояре введеные

Терминъ «боярин введеный» встрѣчается въ жалованныхъ грамотахъ на разныя льготы и, между прочимъ, на освобожденіе отъ суда мѣстныхъ органовъ. Такимъ пожалованнымъ предоставляется, обыкновенно, право судиться предъ самимъ княземъ или бояриномъ его введеным:

«А кому будетъ чего искати на Марьи (Копшиной, получившей жалованную грамоту) или на ее сынѣ, Ѳедорѣ, или на ихъ приказницѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой боярин введеный». А. Э. I. № 44. 1449.

Дошедшія до насъ грамоты этого рода не восходятъ далѣе половины XV вѣка [1]). Но это, конечно, не зна-

---

комъ подлинныхъ боярскихъ книгъ. Мы отдаемъ предпочтеніе сводной книгѣ передъ подлинниками потому, что не имѣемъ основанія думать, чтобы составитель свода измѣнилъ порядокъ оригиналовъ, или чтобы издатель, Новиковъ, отступилъ отъ порядка рукописи. Что-же касается подлинниковъ, то они черновые, а потому и не слѣдуютъ одному опредѣленному порядку. Въ книгѣ на 7135 годъ думные дворяне поставлены выше крайчаго, въ книгѣ на 7137 годъ— ниже крайчаго, а въ книгѣ на 7176 годъ они поставлены даже ниже постельниковъ. Въ Шереметевской книгѣ крайчій всегда слѣдуетъ за окольничими (если нѣтъ дворецкаго), и это мѣсто его, какъ увидимъ, подтверждается и другими данными; а думные дворяне всегда слѣдуютъ за казначеемъ, который занимаетъ мѣсто между нимъ и крайчимъ. Надо думать, что составитель сводной книги пользовался не тѣми черновыми подлинниками, которые теперь сохраняются въ Архивѣ мин. юстиціи и дали матеріалъ для алфавитнаго указателя, составленнаго директоромъ его, Ивановымъ.

[1]) А. Э. I. № 46, 111, 120, 149, 215, 379; А. И. I. 115, 189; Ѳедот. Чехов. № 28, 32, 75.

читъ, что введеные бояре возникли только въ это время. Объ нихъ упоминается въ грамотахъ, какъ объ учрежденіи, существующемъ уже и общеизвѣстномъ. Жалованная грамота великаго князя Василія Васильевича Ивану Петелину (А. Э. II, № 46), тоже упоминающая о введеномъ бояринѣ, есть только повтореніе грамоты его отца, дѣда и прадѣда. Это даетъ достаточное основаніе думать, что бояре введеные были уже у первыхъ московскихъ князей, въ началѣ XIV вѣка.

Но мы и на этомъ не считаемъ возможнымъ остановиться и идемъ далѣе. Бояринъ введеный производитъ альтернативно съ княземъ тотъ судъ, который князь предоставлялъ лично себѣ. Князья являются у насъ судьями съ самаго древняго времени. Но конечно и въ самое древнее время не могли они всегда самолично разбирать всѣ дѣла, подлежавшія ихъ суду, и нуждались въ помощникахъ. Думаемъ, поэтому, что бояре для суда или какъ ихъ называютъ памятники, съ XIV вѣка начиная, введеные бояре принадлежатъ къ древнѣйшимъ нашимъ суднымъ учрежденіямъ.

Кому было поручать князьямъ тотъ судъ, который они оставляли лично за собой, какъ не лучшимъ людямъ волости, каковыми и были, какъ мы знаемъ, бояре? Какъ лучшіе, старѣйшіе люди земли, они должны были знать обычаи и дѣла, а потому и могли замѣнять князя. Въ одномъ судномъ дѣлѣ начала XVI вѣка, вмѣсто доклада великому князю или боярину введеному, говорится о докладѣ:

«Великому князю или человѣку старѣйшему». Рус. Ист. сбор. V. 13. 1501.

Думаемъ, что «мужи» сыновей Ярослава: Коснячько Перенѣгъ [1]), Никифоръ Кыянинъ, Чюдинъ и Микула, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда (II заголовокъ и III 4), и были древнѣйшими введеными боярами, имена ко-

[1]) Пр. Шляпкинъ предлагаетъ читать «Печенѣгъ».

торыхъ дошли до насъ. Князья Ярославичи совѣщаются съ ними о порядкѣ суда на тотъ, конечно, случай, что этимъ мужамъ придется рѣшать дѣла вмѣсто князя и, такимъ образоаъ, давать направленіе тогдашней юрисдикціи. Въ это отдаленное время, какъ и въ московское, князья судили лично не только въ случаяхъ привилегированной подсудности, но и во всѣхъ тѣхъ, когда низшіе судьи находили почему-либо невозможнымъ рѣшить дѣло и обращались съ докладомъ къ князю или «человѣку старѣйшему».

Итакъ, дѣло, для котораго существовали бояре введеные, принадлежитъ отдаленнѣйшей древности. Но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній утверждать то же и о самомъ терминѣ. Терминъ «введеные», можетъ быть, не старѣе XIV вѣка. Въ болѣе отдаленное время такихъ бояръ, въ отличіе отъ бояръ вообще, могли называть просто «княжими мужами». Съ XIV вѣка ихъ стали называть «введеными» потому что они вводились во дворъ князя и въ особое къ нему довѣріе [1]). По и въ памятникахъ послѣ XIV вѣка вмѣсто введеный боринъ говорится иногда тоже «княжой боринъ» (Ѳедот. Чехов. № 66).

Съ половины XV вѣка намъ уже извѣстны имена всѣхъ введеныхъ бояръ, и мы можемъ изъ года въ годъ слѣдить за каждымъ измѣненіемъ въ ихъ составѣ до самаго конца XVII вѣка. Введеные бояре это суть тѣ бояре, которымъ сказывается боярство. Сказывается не просто боярство, которое есть ничто иное, какъ бытовое наименованіе лучшихъ или старѣйшихъ людей, а вве-

---

[1]) Для объясненія слова «введеный» укажемъ слѣдующія мѣста источниковъ:

«А князь Михайло тверскій приневоли брата своего, князя Михайла Васильевича кашинскаго, въведе его во всю свою волю», П. С. Р. Л. VIII, 19, 1373 г.; «А что въвелъ взять твой, кн. Александръ Ивановичъ, отцу моему четыре села.... въ долгу въ 500 рубляхъ, и тобѣ то править по докончанію». Р. С. I, стр. 126, 1436.

деное боярство. Княжеская служба создаетъ не бояръ вообще, а введеныхъ бояръ, иначе—придворныхъ бояръ, всегда состоящихъ при князѣ и дѣлающихъ его дѣло.

Кромѣ жалованныхъ грамотъ, говорящихъ альтернативно о судѣ князя и его введенаго боярина, мы имѣемъ еще, со второй половины XV вѣка, рядъ подлинныхъ судныхъ дѣлъ. Мѣстные судьи весьма нерѣдко заканчиваютъ свое производство такимъ опредѣленіемъ:

«И о семъ судьи рклись доложить государя великаго князя или его боярина», Ѳедот. Чехов. № 21, 66.

За этимъ слѣдуетъ докладъ боярину, который и называется по имени и отчеству. Въ этихъ судныхъ спискахъ, слѣдовательно, мы имѣемъ имена введеныхъ бояръ. Вотъ тѣ, которыя намъ встрѣтились въ спискахъ XV и XVI вѣка.

Князь Щеня, Дан. Вас.; ему сдѣланъ докладъ безъ обозначенія года. А. Ю. № 3.

Князь Пенько, Дан. Александр.; ему сохранялось пять докладовъ, но всѣ безъ означенія года. А. Ю. № 5, Ѳедот. Чехов, № 7, 13, 19, 41.

Кн. Ростовскій, Дмитр. Владимір., докладъ отъ 1501 года. Рус. ист. сбор. V, 13.

Сабуровъ, Юрій Констант., сохранился докладъ отъ 1506 года. Ѳедот. Чехов., № 21.

Давыдовъ, Григор. Ѳед., докладъ отъ 1518 года. Ѳетод. Чехов., № 66.

Яковлевъ, Сем. Вас., докладъ въ 1562 году. Ѳедот. Чехов., № 75.

Вольнскій, Мих. Ив., докладъ въ 1562 году. Ѳедот. Чехов., № 76.

Юрьевъ, Дан. Ром., докладъ до 1585 года. Ѳедот. Чехов., № 83.

Годуновъ, Григор. Васил., докладъ до 1585 года. Ѳедот. Чехов., № 83.

Всѣ эти введеные бояре встрѣчаются и въ спискѣ М. П. Шереметевой съ обозначеніемъ года, когда имъ было сказано боярство: князю Д. В. Щенѣ въ 6984, кн. Д. А. Пенько-Ярославскому въ 7008, кн. Д. В. Ростовскому—въ 7009, Ю. К. Сабурову — въ 7014, Г. Ѳ. Давыдову -

въ 7014, С. В. Яковлеву—въ 7067, М. П. Волынскому—въ 7067, Д. Р. Юрьеву - въ 5057 и Г. В. Годунову—въ 7092.

Введенные бояре, слѣдовательно, суть тѣ, кому боярство сказано.

Годы назначенія въ боярство могутъ служить для опредѣленія времени судпаго списка, если въ спискѣ годъ не означенъ. Списки эти не могутъ быть старѣе года, когда послѣдовало назначеніе упоминаемаго въ нихъ боярина въ званіе введеннаго [1]).

Число такихъ введенныхъ бояръ первоначально было очень не велико. Жалованныя грамоты всегда говорятъ о нихъ въ единственномъ числѣ. Въ годъ смерти Василія Васильевича ихъ было только пятеро: Мих. Бор. Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикеевъ, кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій. Мих. Ѳед. Сабуровъ и Григ Вас. Заболоцкій. Въ годъ смерти Ивана Васильевича ихъ было 13. При преемникѣ его число ихъ возросло до 20. Наибольшаго развитія число введенныхъ бояръ достигаетъ при Грозномъ въ 7061 году. Къ первому сентября этого года ихъ было 32 человѣка, а въ теченіе года вновь назначено 4. Но къ концу царствованія Грознаго число введенныхъ бояръ сократилось до 10 человѣкъ. Въ теченіе XVII вѣка оно колеблется между 20 и 30 [2]).

Если при великомъ князѣ Василѣ Васильевичѣ введенныхъ бояръ было всего только пять человѣкъ, то при мелкихъ удѣльныхъ князьяхъ ихъ должно было быть и еще меньше.

[1]) Издатели Юридическихъ актовъ полагаютъ, что правая грамота, напечатанная ими подъ № 5, была составлена около 1490 г. Но такъ какъ кн. Пѣнко, которому представленъ былъ по этому дѣлу докладъ, возведенъ въ званіе боярина введеннаго только въ 1500 г., то и правая грамота не можетъ быть старѣе этого года.

[2]) При Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ — 18, при восшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича — 20; по боярскимъ книгамъ къ 1 сентября 1627 и 1629 гг. ихъ было 21, 1640 - 29, 1668 — 27, 1676—23.

Понятно, что наименованіе «боярин», столь распространенное въ древней и Московской Руси, не могло пойти отъ немногочисленнаго придворнаго боярства, которое также не могло выдѣлить изъ себя и громадный классъ дѣтей боярскихъ. Отношеніе совершенно обратное: придворная жизнь держалась бытовыхъ терминовъ, введенные бояре пошли отъ бояръ просто.

Въ памятникахъ XVII вѣка, даже въ законодательныхъ, терминъ боярин употребляется и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ; но въ официальныхъ перечисленіяхъ разныхъ чиновъ онъ всегда означаетъ только введенныхъ бояръ.

Бояре, которымъ докладывались судныя дѣла вмѣсто князя, или рѣшали ихъ сами (Ѳедот. Чехов. № 21 и др.) или, въ свою очередь, докладывали ихъ князю, если встрѣчали какое-нибудь затрудненіе при рѣшеніи (А. Ю. № 3; Ѳедот. Чехов. № 15). Необходимость такихъ докладовъ указываетъ на то, что введенный боярин находится въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ съ княземъ, для чего и долженъ былъ состоять при его особѣ. Онъ, поэтому, придворный человѣкъ.

Этимъ объясняется то исключеніе, которое дѣлается для введенныхъ бояръ въ междукняжескихъ договорахъ на случай осады города:

«А осада городная, гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти, опрочѣ бояръ введенныхъ и путныхъ». Рум. собр. I, № 58, 1436.

Бояре вообще выдерживаютъ осаду въ томъ городѣ, гдѣ они живутъ. Это правило не распространяется на бояръ введенныхъ, потому, конечно, что они должны находиться при дворѣ своего князя.

Званіе введеннаго боярина считалось у насъ высшей должностью. Это наибольшая честь, какой только могъ достигнуть служилый человѣкъ. Назначеніе въ эту должность зависѣло отъ усмотрѣнія государей. Оно дѣлалось

посредствомъ устнаго объявленія назначаемому. Въ разрядной книгѣ на 1615 годъ читаемъ:

«Того же году, февраля на 2-й день, на праздникъ Сретеніе Господне, пожаловалъ государь изъ столниковъ въ бояре князь Юрья Еншеевича Сулешева, а сказывалъ ему боярство бояринъ князь Володимеръ Тимоѳѣевичъ Долгорукой». Двор. разр. I. 170.

Отсюда выраженіе «боярство сказано».

По общему правилу государи возводили въ званіе введенныхъ бояръ именитѣйшихъ людей. Котошихинъ говоритъ, что были «большіе роды», члены которыхъ прямо жаловались боярствомъ съ обходомъ посредствующей ступени окольничаго. Ихъ не назначали окольничими, это было бы для нихъ недостаточно почетно. Но это не значитъ что государи должны были членовъ извѣстныхъ родовъ непремѣнно дѣлать боярами, или что они не могли возводить въ боярство людей неименитыхъ. Никакихъ ограниченій такого рода у насъ не существовало. Изъ именитыхъ людей государи жаловали только тѣхъ, кого хотѣли; а вмѣстѣ съ тѣмъ они могли возвести въ званіе боярина введеннаго и человѣка не именитаго. И такъ всегда было. Иванъ Грозный почтилъ званіемъ боярина Ѳед. Григ. Адашева и двухъ Годуновыхъ, Дмитрія Ивановича и Бориса Ѳедоровича; Ѳедоръ Ивановичъ, въ первый годъ вступленія своего на престолъ, пожаловалъ въ это званіе еще трехъ Годуновыхъ, Степана, Ивана и Григорія Васильевичей; Алексѣй Михайловичъ возвышаетъ Хитрово, Нарышкина и Матвѣева. А съ другой стороны, мы знаемъ, что фамиліи, члены которыхъ прямо возводились въ боярство въ XV вѣкѣ, вовсе не встрѣчаются въ этомъ званіи въ XVI; а боярскія фамиліи XVI вѣка не даютъ бояръ въ XVII-мъ. Въ личномъ составѣ боярства происходили постоянныя колебанія: старыя фамиліи съ высшихъ ступеней служебной лѣстницы нисходили на самыя низшія, а новыя—подымались на высшія.

Хотя новые мелкіе люди и достигали высшаго поло-

женія въ государствѣ, но движеніе ихъ до высшихъ ступеней служебной лѣстницы представляетъ нѣкоторыя особенности. По общему правилу они не прямо возводились въ высшее званіе боярина, а послѣдовательно проходили чрезъ окольничество, а иногда и думное дворянство. Изъ этого общаго правила мы замѣтили только одно исключеніе: Бор. Ѳедор. Годуновъ не былъ окольничимъ, а прямо изъ крайчихъ былъ возведенъ въ званіе боярина. Наоборотъ, люди именитыхъ фамилій прямо возводились въ боярство, минуя окольничество. Это отличіе составляетъ характерный признакъ большихъ родовъ. Члены ихъ жалуются званіемъ стольника, крайчаго и другими придворными чинами, но никогда — званіемъ окольничаго. Пожалованіе званія окольничаго низводитъ первостепенные роды въ разрядъ второстепенныхъ. Почему именно чинъ окольничаго, а не какой-либо другой низшій, напримѣръ, стольника или стрянчаго, имѣлъ свойство проводить эту разграничительную черту между перворазрядными и второразрядными родами, это намъ неясно. Но мы не имѣемъ основанія заподозрить свидѣтельство Котошихина, прямо противополагающаго большіе роды, которые бываютъ въ боярахъ, а въ окольничихъ не бываютъ, меньшимъ родамъ, которые бываютъ въ окольничихъ и въ боярахъ (II, 1, 2).

Котошихинъ даетъ намъ и списокъ этихъ большихъ родовъ. Этотъ списокъ нуждается, однако, въ поправкахъ и пополненіяхъ. Котошихинъ отнесъ къ этому первому разряду фамилій нѣкоторыя такія, члены которыхъ бывали и окольничими, и, наоборотъ, о нѣкоторыхъ дѣйствительно перворазрядныхъ онъ забылъ упомянуть.

Напечатанный матеріалъ даетъ возможность составить списокъ перворазрядныхъ фамилій по вѣкамъ, съ XV начиная. Въ каждомъ-же вѣкѣ мы расположимъ боярскія фамиліи по степени ихъ служебной важности, а мѣриломъ этой важности принимаемъ число лицъ, возведенныхъ въ званіе боярина изъ каждой фамиліи.

Въ XV вѣкѣ по 7008 (1506) годъ включительно служили только въ боярахъ:

Бороздины и кн. Оболенскіе—по 6 разъ;
Морозовы, Сабуровы, кн. Холмскіе и кн. Ярославскіе—по 3 раза;
кн. Патрикеевы, кн. Микулинскіе и кн. Ряполовскіе—по 2 раза;
кн. Барбашины, кн. Булгаковы, кн. Дорогобужскіе, кн. Симскіе, кн. Телятевскіе, Хромые, Челядинины и кн. Щенятевы—по 1 разу.

Въ XVI вѣкѣ по 7108 (1600) годъ:

кн. Шуйскіе—14 разъ;
кн. Пронскіе—8 разъ;
кн. Оболенскіе—6 разъ;
кн. Голицыны—5 разъ;
кн. Воротынскіе, кн. Глинскіе и кн. Трубецкіе—по 5 разъ;
кн. Горбатые, кн. Куракины-Булгаковы, кн. Одоевскіе, кн. Ростовскіе и кн. Черкаскіе по 4 раза;
кн. Курбскіе, кн. Микулинскіе, кн. Мстиславскіе, кн. Ростовскіе, Кантеревы и кн. Щенятевы по 3 раза;
кн. Куракины, кн. Курлятевы, кн. Пеньковы (Ярославскіе), кн. Репнины, кн. Ростовскіе-Темкины и Челядинины по 2 раза;
кн. Булгаковы, кн. Бѣлевскіе, кн. Горенскіе, кн. Кашины, кн. Ноготковы, кн. Поятевы, кн. Ростовскіе-Холодковы, кн. Ростовскіе-Хохолковы, Сукины, кн. Холмскіе и Ѳедоровы по 1 разу.

Въ XVII вѣкѣ по 7185 годъ:

кн. Голицыны—9 разъ;
кн. Одоевскіе 6 разъ;
кн. Куракины, Морозовы, кн. Репнины и кн. Хованскіе по 4 раза;
кн. Сицкіе и кн. Трубецкіе по 3 раза;
кн. Ростовскіе-Буйносовы и кн. Урусовы по 2 раза;
кн. Воротынскіе, кн. Кашины, кн. Олешевскіе, кн. Ростовскіе-Бахтеряевы, кн. Ростовскіе-Темкины, кн. Прозоровскіе, кн. Сулешовы, кн. Шаховскіе, и кн. Шуйскіе по 1 разу.

Изъ этого списка видно, что есть фамиліи XV вѣка, удержавшія свое значеніе и въ XVI, есть фамиліи XVI

вѣка, удержавшія свое значеніе въ XVII; но ни одна изъ важныхъ фамилій XV вѣка не сохранила своего значенія въ XVII. Это вовсе не потому, что они угасли; Бороздины и Холмскіе встрѣчаются и въ боярскихъ книгахъ XVII вѣка, но не выше дворянъ московскихъ; князья Оболенскіе—не выше окольничихъ. Они уступили свое мѣсто новымъ дѣятелямъ. Есть, впрочемъ, одна фамилія XV вѣка, сохранившая свое первенствующее положеніе и въ XVII. Это Морозовы; но они не пользовались этимъ положеніемъ въ XVI. Въ XVI вѣкѣ ни одинъ Морозовъ не былъ назначенъ прямо въ бояре, 6 изъ нихъ достигли боярства послѣ окольничества, а трое и не пошли дальше окольничихъ. Изъ этого видно, что высшій служилый классъ въ Москвѣ далеко не представлялъ той неподвижности и замкнутости, какъ иногда думаютъ.

Нашъ списокъ расходится съ Котошихинскимъ. Кромѣ приведенныхъ нами перворазрядныхъ фамилій, онъ относитъ къ нимъ еще: кн. Прозоровскихъ, кн. Салтыковыхъ, кн. Хилковыхъ, Шеиныхъ, Шереметевыхъ и кн. Черкаскихъ. Члены этихъ фамилій бывали окольничими въ XVII вѣкѣ, а нѣкоторые и въ XVI, а потому мы и не отнесли ихъ къ перворазряднымъ [1]). Забылъ же Котошихинъ назвать: кн. Кашиныхъ, кн. Куракиныхъ, кн. Ольшевскихъ, кн. Ростовскихъ-Бахтеяровыхъ, кн. Ростовскихъ-Темкиныхъ, кн. Сулешевыхъ и кн. Шуйскихъ. Хотя нѣкоторые изъ пропущенныхъ имъ фамилій были только по одному разу въ званіи боярина введеннаго, но это нисколько не оправдываетъ его пропуска, такъ какъ и среди поименованныхъ имъ боярскихъ фамилій есть такія, члены которыхъ только по разу были боярами, напримѣръ, Воротынскіе, Пронскіе, Шеины, Хилковы.

---

[1]) Шереметевскій списокъ знаетъ между кн. Черкаскими одного окольничаго, Василія Петровича, которому окольничество сказано въ 7143 году. Хотя это назначеніе не встрѣчается въ Алфавитѣ, но вѣрность Шереметевскаго списка этимъ еще не подрывается, такъ какъ боярской книги за 7143 годъ не сохранилось.

Второй разрядъ боярскихъ фамилій составляютъ тѣ, члены которыхъ бываютъ и въ боярахъ, и въ окольничихъ. Котошихинъ даетъ списокъ и этихъ второразрядныхъ фамилій, но онъ также представляетъ невѣрности и еще менѣе полонъ, чѣмъ списокъ перворазрядныхъ бояръ. Предлагаемъ нашъ списокъ въ томъ же порядкѣ.

Въ XV вѣкѣ по 7008 годъ включительно бывали въ боярахъ члены фамилій, служившихъ и въ окольничихъ:

Захарьины-Романовы-Юрьевы и Плещеевы по 2 раза;
Заболоцкіе—1 разъ.

Въ XVI вѣкѣ по 7108 годъ:

Воронцовы и Захарьевы-Романовы-Юрьевы по 7 разъ;
Морозовы и Яковлевы (Яковля) по 6 разъ;
Годуновы, Шеины и Шереметевы по 5 разъ;
Кн. Бѣльскіе и Сабуровы по 4 раза;
Бутурлины, кн. Серебряные и кн. Телятевскіе по 3 раза;
Салтыковы, кн. Сицкіе, кн. Троекуровы, кн. Хворостинины, кн. Шестуновы по 2 раза;
Адашевы, Басмановы, Борисовы, Волынскіе (Вороные-Волынскіе), Давыдовы, Даниловы, Заболоцкіе, Колычевы, кн. Кубенскіе, Кутузовы, кн. Палецкіе, Плещеевы, кн. Ромодановскіе, кн. Ряполовскіе, кн. Симскіе, Собакины, кн. Татевы, кн. Телепневы, Траханіоты, Тучковы, кн. Хилковы и кн. Ушатые по 1 разу.

Въ XVII вѣкѣ по 7185 годъ:

Салтыковы, Стрѣшневы и Шереметевы по 6 разъ:
Нагово (Наѓіе) и кн. Ромодановскіе по 5 разъ;
Кн. Долгорукіе, Милославскіе и кн. Черкаскіе по 4 раза;
Головины, кн. Прозоровскіе и кн. Хилковы по 3 раза;
Кн. Барятинскіе, Годуновы, Захарьевы-Романовы-Юрьевы, кн. Львовы, кн. Мосальскіе, Плещеевы (въ 7190 году), кн. Ростовскіе Лобановы и кн. Троекуровы по 2 раза;
Басмановы, Бутурлины, кн. Бѣльскіе, кн. Волконскіе, Далматовы, кн. Дыковы, Зюзины, Колычевы, кн. Лыковы, Матвѣевы, кн. Мезецкіе, Нарышкины, Нащокины, кн. Пожарскіе, Пушкины, Сабуровы, кн. Татевы,

кн. Туренины, кн. Хворостинины, Хитрово и Шеины по 1 разу.

Разрядкой напечатаны фамиліи, приводимыя и Котошихинымъ. Кромѣ этихъ, онъ еще называетъ: кн. Куракиныхъ, Сукиныхъ и Измайловыхъ. Куракины бывали только въ боярахъ; Измайловы же ни въ Шереметевскомъ спискѣ, ни въ Алфавитѣ ни разу боярами не показаны; Сукины въ XVII вѣкѣ выставили только одного дворянина въ думу и одного окольничаго.

Приведенные списки боярскихъ фамилій составлены на основаніи Шереметевской выписки изъ боярскихъ книгъ и сличены съ данными Алфавита. Но такъ какъ оба эти источника и не полны, и не свободны отъ ошибокъ, то и нашъ списокъ не можетъ претендовать на совершенную точность.

Безусловнымъ мѣриломъ важности старинныхъ родовъ онъ не можетъ служить и по другой причинѣ. Случаи назначенія въ боярство условливаются не одной изстари унаслѣдованной важностью рода, но и усмотрѣніемъ князя. Въ силу личнаго расположенія князя, члены менѣе именитыхъ фамилій могли быть призываемы чаще членовъ болѣе именитыхъ фамилій. Изъ того, что двѣ разныхъ фамиліи выставили въ извѣстное время одинаковое число бояръ, вовсе еще не слѣдуетъ, что эти двѣ фамиліи одинаково родовиты; или что фамилія болѣе разъ призванная къ введенному боярству непремѣнно родовитѣе фамиліи, меньшее число разъ призванной. Списокъ указываетъ только на служебное значеніе разныхъ фамилій въ данное время. А это значеніе условливается разными обстоятельствами, изъ которыхъ на первый планъ выдвигается добрая воля государя, а на второй—родовитость фамиліи.

Вопросъ о родовитости древнихъ фамилій и современникамъ не былъ совершенно ясенъ, да едва-ли эта родовитость и допускаетъ какую-либо точно опредѣленную и общую для всѣхъ мѣру. Каждая фамилія склонна была преувеличивать свое значеніе и уменьшать значеніе дру-

гихъ. Отсюда масса споровъ объ отеческой чести. Ближайшее разсмотрѣніе этого предмета выходитъ, однако, за предѣлы вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а потому мы и возвращаемся на прежнее, къ судной дѣятельности введеныхъ бояръ.

Существованіе особыхъ бояръ, назначаемыхъ для производства суда, дало начало и особому термину для обозначенія этого суда: это «боярскій судъ». Въ Судебникѣ 1497 года читаемъ:

«О великомъ князи. А съ великаго князя суда и съ дѣтей великаго князя суда имати на виноватомъ по тому-же, какъ и съ боярскаго суда, съ рубля по два алтына, кому князь великій велитъ» (21).

Терминъ «боярскій судъ» удерживается и во второмъ Судебникѣ, но пошлины опредѣляются тамъ по 11 денегъ съ рубля [1]).

Боярскій судъ приравненъ здѣсь, хотя и въ одномъ только отношеніи, къ суду вел. князя и его дѣтей. Изъ другихъ же статей Судебниковъ видно, что кормленія даются то съ боярскимъ судомъ, то безъ онаго, что кормленія съ боярскимъ судомъ даются даже тіунамъ и не только вел. князя, но и боярскимъ. Хорошо было бы выяснить, что такое этотъ боярскій судъ, который отдѣленъ здѣсь отъ чина введенаго боярина и можетъ быть предоставленъ даже тіуну боярина и при томъ боярина въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а не введеннаго только. Но объясненіе компетенціи этихъ судей то жалуемыхъ судомъ боярскимъ, то нѣтъ, представляетъ на нашъ взглядъ большія затрудненія. Мы не видимъ возможности сдѣлать заключеніе, что же такое этотъ передвижной боярскій судъ самъ по себѣ. Это вопросъ судо-

[1]) Эта разница можетъ условливаться измѣненіемъ состава московскаго рубля. Въ XV вѣкѣ онъ состоялъ изъ 100 денегъ, а въ XVI изъ 200. Прозоровскій, Зап. арх. Общ. XII, 1865, приложеніе III. Въ московскихъ писцов. книгахъ XVI в. рубль=200 деньгамъ, а алтынъ 6.

устройства и для предметовъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчи, онъ и не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Бояре-судьи въ древнее время не составляли коллегіи. Каждый изъ нихъ могъ рѣшить всякое дѣло, о которомъ ему докладывали, если только онъ самъ не находилъ какого-либо затрудненія въ рѣшеніи. Въ послѣднемъ случаѣ онъ докладывалъ князю и рѣшалъ по его указанію.

Великій князь Иванъ Васильевичъ первый нарушаетъ начало единоличности боярскаго суда. Его Судебникъ предписываетъ, чтобы на судѣ бояръ были дьяки (1). Мы считаемъ это новшествомъ. Но Судебникъ не опредѣляетъ точно, что̀ должны дѣлать дьяки на судѣ бояръ. Надо думать, они должны были судить вмѣстѣ съ боярами. Это можно заключить и изъ значительной пошлины, предоставленной дьякамъ: они получали съ рубля восемь денегъ, а бояре двѣнадцать (Суд. ст. 3). Едва ли роль ихъ была исключительно служебная и подчиненная. Дьяки великаго князя —первые товарищи, приданные боярамъ. Дьяки-писцы были, надо думать, при боярахъ и прежде. Второй Судебникъ прямо уже говоритъ, что «судъ царя и великаго князя должны судить бояре. .... и дьяки» (стат. 1) Но пошлину имъ понижаетъ до 7 денегъ съ рубля. Иванъ Васильевичъ держался дьяковъ болѣе своего внука.

Въ дошедшихъ до насъ судныхъ спискахъ отъ времени послѣ Судебниковъ не видно, однако, участія дьяка въ веденіи дѣла. Докладъ дѣлается одному боярину, а не боярину и дьяку: по выслушаніи доклада, вопросъ тяжущимся предлагаетъ одинъ боярин̀ъ, а не боярин̀ъ и дьякъ; наконецъ, рѣшеніе произноситъ тоже одинъ боярин̀ъ. Дѣятельность дьяка великаго князя видна только въ собственноручной подписи имъ суднаго списка. Думаемъ, что въ формѣ составленія судныхъ списковъ удержалась старина, когда судилъ одинъ боярин̀ъ. Подпись же дьяка, конечно, означаетъ, что онъ со всѣмъ написаннымъ совершенно согласенъ. Это полное единеніе боярина и дьяка. Въ случаѣ разногласія дѣлался докладъ государю.

Сопоставленіе худороднаго дьяка съ благороднымъ бояриномъ въ одномъ и томъ же судѣ и необходимость единогласія такихъ разнородныхъ элементовъ представляетъ реформу великой важности. Московская Русь наслѣдовала бояръ Руси до-московской; въ составъ этого высшаго класса вошла масса княжескихъ фамилій, лишенныхъ московскою властью своихъ старинныхъ верховныхъ правъ. Московскіе государи продолжаютъ пользоваться услугами бояръ и даютъ имъ званіе «введенныхъ», но чтобы ослабить ихъ значеніе, они ставятъ рядомъ съ ними дьяковъ. Побѣжденные московскими государями владѣтельные князья нисходятъ въ разрядъ бояръ; этихъ именитыхъ бояръ тоже надо принизить и вотъ къ нимъ подмѣшиваютъ дьяковъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ въ дѣлахъ внутренняго управленія является столь же тонкимъ политикомъ, какимъ онъ былъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Ему же принадлежитъ и другая важная реформа. Онъ первый начинаетъ раздѣлять предметы управленія по различію рода дѣлъ и учреждаетъ приказы для завѣдыванія отдѣльными отраслями управленія.

Такіе приказы поручаются и боярамъ, но тоже не однимъ, а съ дьяками, ибо всѣ приказы вѣдаютъ судъ, а на судѣ долженъ присутствовать и дьякъ великаго князя. Судные списки приказовъ XV и XVI вѣка не найдены и намъ неизвѣстны. Древнѣйшіе изъ напечатанныхъ относятся къ самому концу XVI вѣка и къ первой половинѣ XVII. Дѣлопроизводство этихъ новыхъ учрежденій, неизвѣстныхъ до-московской Руси, даетъ важный матеріалъ для разъясненія вопроса объ отношеніи дьяковъ къ боярамъ: дьяки и бояре все дѣлаютъ вмѣстѣ. Истцы подаютъ челобитную въ приказъ боярину и дьяку; дѣло слушается бояриномъ и дьякомъ; приговоръ постановляютъ опять боринъ и дьякъ (Ѳед. Чехов. № 96, 101 и 105, 1618—1638; ср. № 91 и 98, 1612—1628).

Итакъ, бояринъ и дьякъ (или нѣсколько дьяковъ) это древнѣйшая судная коллегія.

Но со второй половины XVI вѣка мы встрѣчаемъ уже указанія и на существованіе боярской судной коллегіи. Въ грамотѣ царя и великаго князя Ивана Васильевича губному старостѣ въ Бѣжецкій Верхъ отъ 1558 года читаемъ:

«Здѣсь передъ нашими бояры, передъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Ростовскимъ (Катыревымъ, боярство сказано въ 7065) съ товарищи, былъ судъ Василью, Скрябину сыну, Ушакова со княземъ Ѳедоромъ, со княжъ Ѳедоровымъ сыномъ Мещерскаго, въ вотчинной деревне въ Трубихе»..... Ѳедот. Чехов. № 73.

Другое такое указаніе относится къ 1582 году. Въ мѣстническомъ спорѣ кн. Голицина съ кн. Шуйскимъ читаемъ:

«И государь царь и великій князь приказалъ бояромъ, князю Ѳедору Михайловичу Трубецкому (боярство сказано въ 7080 г.) съ товарищи и думнымъ дворяномъ, а велѣлъ князя Ондрея Голицына и князя Олександра Шуйскаго въ отечествѣ слушати» (Рус. ист. сбор. II. 38).

Въ судномъ дѣлѣ 1599 года читаемъ:

«И по нашему указу бояре наши, сеѣ ваши отписки и записи мировой и грамоты, что дали есте Климетцкаго монастыря игумену съ братьею, слушавъ, приговорили въ спорной землѣ..... игумена Климетцкаго монастыря оправити»..... Ѳедот. Чехов. № 249.

Разрядныя книги XVII вѣка содержатъ въ себѣ уже множество указаній на разборъ боярами въ судебномъ порядкѣ мѣстническихъ споровъ (Дворц. разр. I. 118, 135, 138, 158, 173, 231 и др.: Кн. разр. I. 726 и др.),

Что-же это за боярская коллегія? Въ ея составъ входятъ не одни бояре, а и окольничіе, дѣти боярскія и нѣкоторые иные чины. Несмотря на такой разночиновный составъ судной коллегіи, она и въ XVII вѣкѣ продолжаетъ по старому называться «боярами», т.-е. боярской коллегіей въ силу того широкаго значенія, какое въ старину имѣло

слово «бояре». Этой-то коллегіи и поручается разборъ дѣлъ въ указанныхъ случаяхъ. Итакъ, это не коллегія бояръ введенныхъ, а коллегія—разныхъ чиновъ.

Нѣтъ основанія думать, чтобы эта судная коллегія до Уложенія составляла обыкновенную судебную инстанцію. Она судила всякій разъ по особому приказу царя. Царь же могъ поручить такой судъ даже одному боярину съ дьякомъ. Въ разрядной книгѣ за 1623 годъ читаемъ:

«Тогожъ дни, декабря въ 3 день, пожаловалъ государь Козьму, Даніилова сына, да Павла, Ѳедорова сына, Левонтьевыхъ, велѣлъ имъ, по ихъ челобитью, на князь Ивана да на князь Василья Ромодановскихъ судъ дать; а приказалъ государь ихъ судить боярину, князь Ивану Ивановичу Одоевскому (съ 7130 года), да розрядному дьяку, Михаилу Даніилову». Двор. Разр. I. 576; ср. Кн. разр. 932 и 1282.

Значеніе обыкновенной судной инстанціи разночиновная судная коллегія получаетъ только съ Уложенія, въ которомъ читаемъ:

«А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершить будетъ не мочно, взносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи и къ его бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу, государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ». X. 2.

Это новость. Боярская коллегія, которой усвояется наименованіе расправной палаты, сдѣлана высшей судебной инстанціей по всѣмъ спорнымъ дѣламъ, которыя почему-либо не могутъ быть рѣшены въ приказахъ. Она, слѣдовательно, заняла мѣсто, принадлежавшее въ старину каждому введеному боярину въ отдѣльности. Но статья говоритъ, что докладъ дѣлается государю и его боярамъ». Какъ же это понимать? Этого выраженія нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что докладъ дѣлается государю и боярамъ вмѣстѣ. Такое пониманіе предполагало бы постоянное присутствіе царя въ судной коллегіи, что невозможно.

Въ старину говорилось совершенно ясно: «сужу я, великій князь, или мой боярин введенный». Эта ясная формула замѣнена теперь нѣсколько туманной. Двадцатая же статья той же главы Уложенія предписываетъ жалобы на приказы, если они кому «суда не дадутъ или противъ его челобитья указу ему не учинятъ» (т.-е. не рѣшатъ дѣла), подавать государю, а о расправной палатѣ не упоминается. Этому соотвѣтствуетъ и практика. Недовольные ходомъ дѣла въ приказахъ подаютъ челобитья государю, а онъ уже предписываетъ внести дѣло къ боярамъ (Ѳедот. Чехов. № 131) въ расправную палату. Надо думать, что въ силу Уложенія спорныя дѣла изъ приказовъ докладывались сперва царю, а по его указу боярамъ. Но московскіе государи не всегда приказывали рѣшать эти дѣла особой судной коллегіи бояръ; случалось, что такой приказъ давался на имя тѣхъ только бояръ, которымъ въ данный моментъ приказано вѣдать Москву (Ѳедот. Чехов., II, стр. 346).

Централизація всѣхъ дѣлъ въ особѣ государя дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи въ Москвѣ XVII вѣка. Московскіе государи никому не довѣряютъ. Все должно дѣляться по докладу имъ лично и по ихъ указу.

Въ XVII вѣкѣ значеніе введеныхъ бояръ падаетъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое принадлежало имъ въ первой половинѣ XVI вѣка и ранѣе, когда каждый введеный боярин былъ самостоятельный судья и докладъ дѣлался ему альтернативно съ великимъ княземъ.

Но возвратимся къ старинѣ.

Бояре введеные вѣдаютъ судъ по дѣламъ, восходящимъ до государя. Но государи и сами лично разбираютъ дѣла этого рода, такъ какъ докладъ дѣлается нерѣдко имъ непосредственно. Въ этихъ случаяхъ государи лично выслушиваютъ стороны, дѣлаютъ имъ вопросы, приказываютъ читать документы и сами произносятъ рѣшеніе [1]).

[1]) Ѳедот. Чехов. № 34, 70, 71, 74; А. Ю. № 4, 7, 12, 13, 17; А. до Ю. В. № 52, III, № 103, I.

При такомъ личномъ судоговореніи князей присутствуютъ бояре. Въ судныхъ спискахъ этого рода обыкновенно пишется:

«А на судѣ царя и великаго князя были бояре» . . . (имена).

Или:

« А на докладѣ были у царя и великаго князя бояре»...

Какая же роль этихъ бояръ на судѣ князя? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что они не судятъ вмѣстѣ съ княземъ. Если каждый боярин обладалъ достаточной властью для рѣшенія всякаго дѣла, то тѣмъ болѣе князь. Но князь могъ не знать существующихъ обычаевъ и порядковъ; боярин же, предполагалось, всегда ихъ зналъ. Для разъясненія возможныхъ недоразумѣній князя, бояре и присутствовали на его судѣ.

Число ихъ весьма различно. Встрѣчаемъ одного, двухъ и трехъ. При одномъ боярин̀ѣ приглашался еще окольничій, а иногда дьякъ. Это непостоянство числа и состава совѣтниковъ князя указываетъ на то, что и присутствовавшіе на судѣ князя бояре не составляли какой-либо постоянной коллегіи.

Древнее время не знало спеціализаціи чиновъ. Хотя каждый чинъ возникалъ для удовлетворенія нѣкоторой опредѣленной потребности, но лица, возведенныя въ этотъ чинъ, назначались и къ другимъ дѣламъ, по той причинѣ, что они пользовались уже довѣріемъ государя. Поэтому и дѣятельность бояръ введеныхъ не ограничивалась однимъ судомъ, а далеко выходила за предѣлы этого первоначальнаго ихъ назначенія. Такъ было, надо полагать, съ древнѣйшихъ временъ. Самыя же подробныя указанія на эту разнообразную дѣятельность бояръ находимъ въ разрядныхъ книгахъ.

Мы видѣли уже, что бояре суть совѣтники государей по дѣламъ судным̀ъ; но они же первые ихъ совѣтники и по всѣмъ другимъ дѣламъ: по законодательству, управле-

нію внутреннему и внѣшнему, по вопросамъ войны и міра и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ боярину принадлежитъ первое мѣсто.

Въ конкуренціи съ другими чинами, но всегда на первомъ мѣстѣ, введеные бояре призываются къ отправленію всѣхъ высшихъ должностей по военному и гражданскому управленію. Они назначаются предводителями войскъ; имъ поручаются центральныя учрежденія, приказы; они управляютъ областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ, ведутъ переговоры съ иностранными послами; а въ случаѣ выѣзда государя изъ Москвы имъ «приказываютъ» Москву, т.-е. поручаютъ центральное управленіе на время отсутствія государя. впрочемъ, въ самой тѣсной зависимости отъ отсутствующаго государя, съ которымъ вѣдающіе Москву бояре стоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Находящіеся при дворѣ московскаго государя бояре принимали участіе во всѣхъ торжественныхъ событіяхъ двора и составляли въ этихъ случахъ ближайшую обстановку царя. Они сидѣли въ золотомъ платьѣ подлѣ государя при пріемѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ. Въ торжественные выходы московскихъ царей, когда люди разныхъ чиновъ жаловались къ рукѣ. бояре стояли подлѣ царя, а одинъ изъ нихъ поддерживалъ руку его, къ цѣлованію которой допускались приглашенные. Во время вѣнчанія государей на царство, бояре стояли на «чертежномъ мѣстѣ», особомъ возвышеніи въ 12 ступеней. приготовляемомъ въ Успенскомъ соборѣ для совершенія обряда вѣнчанія. Бояре введеные сопровождали государя въ его поѣздкахъ по монастырямъ, по загороднымъ дворамъ, производили смотры служилымъ людямъ и пр.

Какъ лица, пользовавшіеся довѣріемъ государей. они назначались воспитателями царевичей и состояли при нихъ «дядьками». Жены ихъ назначались къ царскимъ дѣтямъ «мамами». При совершеніи обряда вѣнчанія на царство бояре-дядьки поддерживали подъ правую руку шествующаго въ церковь государя.

Но не одни малолѣтные царевичи нуждались въ особой заботливости бояръ, въ ней нуждались и сама государыня. Въ случаѣ временныхъ отлучекъ супруга-государя изъ Москвы, для охраны ея, къ ней всегда назначался особый боярин. Это дѣлалось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государь выходилъ изъ дворца для посѣщенія городскихъ московскихъ монастырей или къ обѣднѣ въ соборную Успенскую церковь.

Въ разрядной книгѣ на 1674 годъ читаемъ:

«Тогожъ году, декабря въ 25 день, какъ былъ великому государю выходъ въ соборную и апостольскую церковь, и въ верху оставлены были у государыни царицы бояре: боярин Кирило Полуехтовичъ Нарышкинъ да боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. . . . У государя царевича оставлены: дядки, боярин князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ». . . . Двор. Разр III. 1156.

Чиновные бояре не всѣ находились въ одинаковой степени близости къ государю. Назначеніе въ бояре зависѣло не отъ одного только усмотрѣнія князя, но условливалось въ нѣкоторой степени отеческой честью служилаго человѣка; близость же къ князю неключительно зависѣла отъ степени личнаго расположенія государя къ боярину. Въ силу этого уже въ XVI вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе, среди чиновныхъ бояръ образовалось различіе: они распались на бояръ ближнихъ и просто бояръ [1]. Ближніе бояре, въ силу болѣе интимныхъ отношеній къ

[1]) Приведемъ два мѣста памятниковъ XVI вѣка, въ которыхъ рѣчь идетъ о боярахъ и дворянахъ ближнихъ. Александровская лѣтопись говоритъ, что царь Иванъ, узнавъ о неправдахъ княгини Евфросиньи и сына ея, Владимира Андреевича, велѣлъ быть у Владимира Андреевича «своимъ бояромъ. . . ; его же боярѣ . . . , которые при немъ близко жили, взялъ на свое имя»... (182). Тотъ же царь далъ такой наказъ своему гонцу въ Литвѣ на случай, если его будутъ спрашивать объ опричинѣ: «опричины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ живутъ близко, а которые дѣлали не правды, тѣ живутъ отъ государя по дальше» (Солов. VI, 262).

государю и условливаемаго тѣмъ права свободнаго доступа къ его особѣ, называются еще «комнатными» боярами, т.-е. боярами, имѣющими доступъ въ кабинетъ государя. На нихъ возлагаются самыя интимныя порученія.

Въ 1671 г. патріархъ Іоакимъ наложилъ запрещеніе на духовника государя и любимца его, благовѣщенскаго протопопа, Андрея Савиновича. Хотя протопопъ и не отличался святостью жизни, но царь былъ очень огорченъ распоряженіемъ патріарха. Для совѣщанія по этому дѣлу, онъ пригласилъ его къ себѣ во дворецъ, самъ встрѣтилъ патріарха на крыльцѣ и провелъ къ себѣ въ «комнату». Здѣсь началось совѣщаніе о протопопѣ. Кромѣ царя и патріарха въ комнатѣ были только «комнатные» бояре: кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, Кирилло Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (Дв. Роз. III. ст. 1155).

Когда царь предпринималъ какую-либо поѣздку изъ Москвы, рядомъ съ нимъ въ каретѣ садились комнатные бояре, а бояре просто ѣхали сзади. Въ случаѣ болѣзни государя, близкіе бояре подавали лѣкарство.

Близость къ государю давала, конечно, важныя преимущества, по пословицѣ: «близъ царя, близъ милости»; но различіе ближнихъ и просто введенныхъ бояръ было дѣло частной, домашней жизни, а не публичное, офиціальное. Составители разрядныхъ книгъ знали ближнихъ бояръ и при случаѣ они называютъ ихъ по именамъ, но въ это званіе бояре не возводятся; близость» или «комната» не «сказываются», а пріобрѣтаются самымъ дѣломъ. Имена бояръ, которые называются въ Дворцовыхъ Разрядахъ ближними, встрѣчаются и въ Новиковской выпискѣ изъ боярскихъ книгъ, но безъ титула ближній или комнатный. Находимъ ихъ и въ офиціальныхъ книгахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, но также безъ титула ближнихъ. «Близость», составляя естественное послѣдствіе личнаго расположенія государя къ боярину, не состоитъ ни въ какой связи со

старшинствомъ боярской службы и съ знатностью породы. Старые бояре Алексѣя Михайловича, Петръ Васильевичъ Шереметевъ (съ 7165 г.) и князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ (съ 7167 г.), въ 1675 г. не были близкими, а молодые и вовсе не знатные, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, были ими.

Завѣтная мысль каждаго боярина, въ XVII вѣкѣ по крайней мѣрѣ, сдѣлаться ближнимъ, комнатнымъ боярином. Достоинство человѣка опредѣляется въ Москвѣ близостью къ царю. Удаленіе отъ царя разсматривается какъ наказаніе, хотя бы оно послѣдовало въ почетной формѣ назначенія на одно изъ важнѣйшихъ воеводствъ.

20 декабря 1671 года боярину, князю Алексѣю Андреевичу Голицыну, было сказано въ воеводы въ Кіевъ. До этого назначенія князь Голицынъ былъ комнатнымъ боярином и ѣздилъ съ царемъ въ каретѣ, сидя по лѣвую его руку, по правую сидѣлъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій (Двор. Раз. III, ст. 1099). Кіевское воеводство представлялось ему далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Онъ увидалъ въ этомъ назначеніи государеву опалу и при «сказкѣ», указавъ на свою прежнюю вѣрную службу, объявилъ, что если за нимъ есть какая вина, пусть бы государь приказалъ ему объ этомъ сказать, чтобы вина его была всѣмъ вѣдома: ему лучше понести заслуженное наказаніе, хотя бы и самую смерть, чѣмъ терпѣть царскую немилость безъ всякой вины. За непослушаніе великій государь на него боярина гнѣвъ свой и опалу положилъ и съ дѣтьми: и велѣлъ послать тайныхъ дѣлъ дьяку, Даніилѣ Полянскому, подъячего къ нему на дворъ: и не указано ему, боярину, до указу великаго государя, со двора съѣзжать и дѣтямъ его тожъ не велѣно со двора съѣзжать и при своей государской милости быти и у государя царевича» (Двор. Разр. III, ст. 1114 сл.).

Отношенія, вырабатываемыя жизнью, имѣютъ наклонность облекаться въ официальныя формы. Это случилось и съ ближними боярами. Въ самомъ концѣ XVII вѣка,

при послѣднемъ московскомъ царѣ, Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, комнатное бояpство начинаетъ уже сказываться, какъ особый чинъ. Первое такое извѣстіе находимъ въ разрядной книгѣ 1682 года (напечатана у Соловьева, XIII, 391): 16-го апрѣля пожаловалъ великій государь въ комнату боярина, князя Ивана Андреевича Хованскаго.

Но вмѣстѣ съ этимъ ближнее бояpство должно было утратить искренность своего первоначальнаго интимнаго характера, когда оно не «сказывалось» официально, на крыльцѣ, при свидѣтеляхъ, а являлось естественнымъ послѣдствіемъ расположенія царя. На ближнемъ бояpствѣ только повторилась исторія введеныхъ бояръ. Введеными, первоначально, тоже дѣлались только близкіе люди. Но когда потребности государства довели ихъ число до нѣсколькихъ десятковъ, среди нихъ обособляется нѣкоторый, болѣе тѣсный кружокъ людей подъ именемъ ближнихъ; въ концѣ XVII вѣка и эти ближніе получаютъ, въ свою очередь, только официальное значеніе. Для дѣйствительно же близкихъ приходилось изобрѣтать новый титулъ. Онъ и изобрѣтался по мѣрѣ надобности. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, стоявшій такъ близко къ царевнѣ Софіи, именуется «бояриномъ и оберегателемъ» (Боярск. кн. 7194-г. въ Моск. Арх. М. Юст.).

Чиновное бояpство жалуется государями. Само-собой разумѣется, что служилый человѣкъ могъ не принять такого пожалованія; а разъ принявши, могъ впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, отказаться отъ него. Но вопросъ о непріятіи и сложеніи боярскаго званія едва ли когда имѣлъ у насъ какое-либо практическое значеніе. Приближеніе къ князю, раздавателю всякихъ милостей, открывало такія радужныя перспективы служилымъ людямъ, что трудно предполагать съ ихъ стороны какое-либо упорство при открывавшейся возможности переступить порогъ княжескаго двора. Случаи выхода изъ бояpства встрѣчаются даже въ XVII вѣкѣ, когда о свободѣ службы и помину не было, но они всегда объяс-

няются какими-либо чрезвычайными обстоятельствами: отвращеніемъ отъ мірской жизни и поступленіемъ въ монашество или, какъ при Иванѣ Грозномъ, опасеніемъ сдѣлаться безъ вины виноватымъ; выбытіе изъ боярства въ этомъ послѣднемъ случаѣ сопровождалось бѣгствомъ въ Литву.

Въ напечатанной Новиковымъ выпискѣ изъ боярскихъ книгъ противъ именъ нѣкоторыхъ бояръ дѣлается такая помѣта: «выбылъ», т.-е. выбылъ изъ боярскаго званія. Но подъ этимъ терминомъ никакъ нельзя понимать одно только добровольное оставленіе боярскаго званія. Составители боярскихъ книгъ скрыли подъ нимъ самыя разнообразныя причины выхода изъ боярства, большинство которыхъ они, изъ почтенія, можетъ быть, къ боярскому званію не рѣшались называть собственнымъ именемъ. Случалось, что бояре навлекали на себя царскую опалу и съ высшей ступени государственныхъ почестей переходили на лобное мѣсто. О такихъ боярахъ тоже пишется, что они выбыли изъ боярства.

Въ 1471 году великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ въ бояре Дмитрія Исаковича Борецкаго, сына Марѳы Борецкой. Въ томъ же году началось въ Новгородѣ движеніе въ пользу признанія власти короля польскаго и великаго князя литовскаго, Казиміра. Въ этомъ движеніи принялъ участіе и новопожалованный боярин. Московскій великій князь разбилъ новгородскія войска и удержалъ Новгородъ за собой; Борецкій былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Въ боярской же книгѣ слѣдующаго года отмѣчено: «выбылъ боярин Дмитрій Исаковичъ Борецкой». Князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ Оболенскій, любимецъ великой княгини Елены, былъ убитъ безъ суда своими политическими противниками, а въ боярской книгѣ слѣдующаго года отмѣчено «выбылъ». Паденіе князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго отмѣчено тѣмъ же многознаменательнымъ «выбылъ». Эта офиціальная стыдливость, скрывающая отъ потомства истинную при-

чину выбытія изъ бояръ введенныхъ, продолжается у насъ и въ XVII вѣкѣ. Въ книгѣ 7142 года противъ имени боярина Михаила Борисовича Шеина отмѣчено «выбылъ», а 2-го марта того же года онъ находился уже подъ слѣдствіемъ, которое привело его къ смертной казни.

Лицо, пожалованное введеным боярствомъ, могло быть за вину лишено этого званія. Уложеніе устанавливаетъ даже спеціальное наказаніе «отнятіе чести» за преступленіе по должности: чести лишался боринъ судья, который по недружбѣ или посуломъ обвинитъ праваго, а виноватаго оправитъ (X, 5). Въ 1658 г. честь была отнята у боярина и дворецкаго Никиты Алексѣевича Зюзина (Пов. XX, 113); въ 1690 у князя Голицына «отнята честь, боярство». Объ этомъ велѣно отмѣтить «въ Разрядѣ, въ боярской книгѣ, подъ ихъ именами» (Шаковитый, III. 6 и 78).

Введеные бояре награждались всѣми тѣми милостями и пожалованіями, которыя, обыкновенно, выпадали на долю служилыхъ людей, но, конечно, въ большей мѣрѣ. Имъ назначались помѣстья и денежное жалованье. Первичный окладъ боярскаго помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ былъ опредѣленъ въ 200 четей въ полѣ (Улож. XVI, 1). За услуги онъ, обыкновенно, увеличивался. Размѣръ боярскаго денежнаго жалованья не былъ опредѣленъ. Первично назначаемый окладъ впослѣдствіи, по мѣрѣ заслугъ, увеличивался и достигалъ до 1000 р. и болѣе. Назначеніе жалованья всякій разъ зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Вновь сказанному боярину не непремѣнно давалось и новое содержаніе, онъ могъ служить нѣкоторое время и по старому окладу. Точно такъ же отъ усмотрѣнія государя зависѣли и прибавки къ жалованью. Старый боринъ, поэтому, могъ получать меньше молодого, но болѣе взысканнаго милостями государя [1]).

[1]) По книгамъ 7135 года кн. Владиміръ Тимоѳеевичъ Долгорукій получалъ 300 р., бояриномъ же онъ былъ сдѣланъ въ 7115 году. Болѣе его получали въ томъ же году младшіе по времени назначе-

II. Окольничіе

Древнѣйшее указаніе на окольничихъ относится къ концу XIII вѣка. Въ грамотѣ 1284 г. упоминается окольничій смоленскаго князя Ѳедора Ростиславича. Затѣмъ въ первой половинѣ XIV вѣка, при заключеніи договора московскими князьями, сыновьями Ивана Даниловича Калиты, Семеномъ, Иваномъ и Андреемъ, присутствовалъ въ числѣ свидѣтелей этого акта и окольничій, что и обозначено въ концѣ договора. Третье близкое къ этому послѣднему по времени свидѣтельство находится въ рязанскихъ актахъ. Великій князь Рязанскій, Олегъ Ивановичъ, по совѣщанію съ епископомъ и со своими боярами, далъ жалованную грамоту Ольгову монастырю, въ которой читаемъ:

«А бояре со мною были: Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ, Микита Андрѣевичъ, Тимошь Олександровичъ, Манасѣя дядько, Юрьи окольничій, Юрьи чашьникъ, Семенъ Никитьичъ съ братьею, Павелъ Соробичь» (Рум. Собр. I, № 23, 1341 годъ; А. И I. № 2, 1356—1387).

нія бояре: Черкаскій Иванъ Борисовичъ (б. съ 7121) 600 р., Пожарскій Дмитрій Михайловичъ и Сицкій Алексѣй Юрьевичъ (оба съ 7123 г.) по 400 р., Сулешовъ же Юрій Елисеевичъ, ихъ сверстникъ, — не имѣлъ никакого оклада Морозовы, Борисъ Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ, оба пожалованы въ бояре въ 7142 г. Первый въ 7148 г. имѣлъ уже окладъ въ 500 р, а второй не былъ еще верстанъ боярскимъ окладомъ и противъ его имени прописано старое содержаніе стольника. Князь Никита Ивановичъ Одоевскій въ 7181 г. получалъ 930 р., да потомъ получилъ въ два раза по 100 р. прибавки; по книгамъ 7194 г. онъ получалъ 1130 р. По книгамъ 7194 г. бояринъ и оружничій Петръ Шереметевъ получалъ 1010 р, боринъ и оберегатель кн. Василій Васильевичъ Голицынъ 850 р. За вѣчный миръ съ польскимъ королемъ первый получилъ 100 р. рядовой придачи, а второй за службу и за миръ съ польскимъ королемъ 250 р., да рядовой придачи за тотъ же миръ 100 р. (Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Боярскія книги).

Существованіе въ Рязани бояръ-дядекъ и окольничихъ служитъ доказательствомъ, что эти учрежденія не суть только московскія, а принадлежатъ къ обще-русскимъ.

По московскимъ памятникамъ XVI и XVII вѣковъ окольничимъ поручаются тѣ же дѣла по управленію, какъ и боярамъ, но съ тѣмъ различіемъ, что они вездѣ занимаютъ второе мѣсто (послѣ бояръ). Они сидятъ въ приказахъ, назначаются воеводами, послами, входятъ въ составъ судной коллегіи, — все, какъ бояре, но только честью окольничіе меньше бояръ, а потому стоятъ всегда за боярами.

Но для уясненія того, что такое окольничіе, важна не эта широкая дѣятельность ихъ, а та тѣсная спеціальная, благодаря которой они выдѣлились изъ общей массы служилыхъ людей и стали именно окольничими, а не боярами введеными, не стольниками и пр.

Указанія на эту первоначальную дѣятельность окольничихъ очень немногочисленны и относятся къ позднѣйшему времени.

Въ разрядныхъ книгахъ встрѣчаемся съ такой службой окольничихъ, которая никогда не возлагается на бояръ; если она возлагается иногда на другіе низшіе чины, напримѣръ, на дворянъ, то съ оговоркой, что они дѣлаютъ это «вмѣсто окольничихъ». Эту службу и надо считать спеціальной должностью окольничихъ.

Она состоитъ, во-1-хъ, въ устройствѣ всего необходимаго для путешествія князей. Московскіе государи предпринимали очень частыя поѣздки по монастырямъ для молитвы, по дѣламъ управленія и войны, увеселительныя, по загороднымъ дворцамъ, для охоты и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ ними ѣхали окольничіе и устраивали станы для ихъ остановки, назначали дворы для помѣщенія ихъ свиты, заботились объ исправленіи дорогъ, проложеніи мостовъ и пр.

Въ мѣстническомъ спорѣ кн. Лыкова съ кн. Пожарскимъ находимъ такую выписку изъ разрядовъ на 1555 годъ:

«Какъ государь ходилъ на Коломну и Тулу, а передъ государемъ были окольничіе отпущены на Коломну, а роздавали дворы».... Рус. пст. сбор. II, 346.

«Раздавали дворы» — это значитъ назначали дворы для помѣщенія свиты государя.

Въ разрядныхъ книгахъ подъ 1567 годомъ читаемъ:

«Лѣта 7076, сентября въ 3 день, ходилъ царь і великій князь Іванъ Васильевичъ.... въ свою отчину, въ Великій Новгородъ..... окольничей предъ государемъ Василей Ивановпевъ Умный Колычевъ, Василей, Григорьевъ сынъ, Зузинъ».

Подъ 1614 годомъ:

«Того же году, какъ ходилъ государь къ Троицѣ, въ Сергіевъ монастырь, весною, и передъ государемъ были окольничіе для становъ: окольничей Никита Васильевичъ Годуновъ (съ 1599 года) да Иванъ Полусоха, Офонасьевъ сынъ, Загряской». Двор. разр. I 132.

Что устраивать путь и станы для государя есть спеціальная обязанность окольничихъ, это видно изъ слѣдующаго мѣста разрядной книги за 1625 годъ:

«А какъ государь пошелъ отъ Троицы, Сергіева монастыря, къ Москвѣ, и передъ государемъ шли въ окольничихъ мѣсто дворяне: князь Андрей, княжъ Никитинъ сынъ, Звенигородской да Семенъ, Ѳедоровъ сынъ, Глѣбовъ». Двор. разр. I, 751.

Дворяне исполняютъ здѣсь не свою, а чужую должность, должность окольничихъ.

Весьма характерно слѣдующее выраженіе въ челобитной Василья Зюзина отъ 1576 года:

«Государю, князю Ивану Васильевичу московскому, бьетъ челомъ холопъ твой, Васюкъ Зюзинъ: сказали, государь, быти у твоего дѣла передъ тобою, государемъ, въ окольничихъ, Ѳедору Пагому да мнѣ, холопу твоему».... Рус. Ист. Сб. I, 1.

Ѣхать передъ государемъ и устраивать все необходимое въ пути и значитъ быть въ окольничихъ.

Вторая спеціальная обязанность окольничихъ состояла въ представленіи государю иностранныхъ пословъ. О пріемѣ шведскаго посла въ разрядной книгѣ за 1626 годъ сказано:

«А какъ посолъ пришелъ въ палату, и государю посла объявлялъ окольничей, Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ». Двор. разр. I, 866, ср. 975.

Съ этою цѣлью для окольничаго устроивалось въ пріемной палатѣ особое мѣсто, которое и называлось мѣстомъ окольничаго. Въ описаніи прощальной аудіенціи, данной въ 1627 году посламъ (двумъ купцамъ) шаха персидскаго, читаемъ:

«На окольничемъ мѣстѣ сидѣлъ въ засѣдкахъ окольничей, Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ, купчинъ являлъ». Двор. разр. I, 916.

Между двумя указанными спеціальными родами службы окольничихъ можно усматривать опредѣленную связь. Почему пословъ являетъ окольничій, а не членъ посольскаго приказа, который стоитъ ближе къ этому дѣлу? Окольничіе, дѣлавшіе распоряженіе о помѣщеніи во время поѣздокъ государя и его свиты, распоряжались и отводомъ дворовъ для помѣщенія пословъ и ихъ свиты. Они, слѣдовательно, принимали пословъ, первые знакомились съ ними, а потому и являли ихъ государю. Указаніе на это находимъ въ статейномъ спискѣ посольскихъ сношеній съ Польшей въ малолѣтство Ивана Грознаго. Въ іюлѣ 1534 года въ Москвѣ получено было извѣстіе о томъ, что къ царю ѣдетъ отъ короля посланникъ, подчашій Никодимъ, кревскій державца. Для береженья къ нему были назначены Борисъ и Иванъ Ступишины съ дѣтьми боярскими. При встрѣчѣ Никодима на Дорогомиловѣ они сказали ему:

«Великого государя Ивана, Божіею милостію государя всеа Русіи и великого князя, окольничіе велѣли намъ у тобя быти и подворье тобѣ указати» (А. Зап. Рос. II, 251 сл.).

Окольничіе распоряжаются встрѣчею пословъ, назна-

чаютъ необходимыхъ для этого лицъ и отводятъ дворы для ихъ помѣщенія.

Такова спеціальность окольничихъ. На это указано еще Миллеромъ (Извѣстіе о дворян. рос., 74). Отъ «окольничести дорогъ» въ смыслѣ дѣла, поручаемаго окольничимъ, онъ производитъ и самое ихъ наименованіе.

Спеціальность окольничихъ менѣе важна и почетна, чѣмъ спеціальность бояръ введенныхъ. Поэтому въ должность эту назначались члены фамилій менѣе родовитыхъ, чѣмъ въ должность бояръ введеныхъ. У Котошихина читаемъ:

«А встрѣтить пословъ и принять посылается стольникъ, середнего роду, которые бываютъ въ окольничихъ» 50.

Котошихинъ разумѣетъ здѣсь такіе роды, которые выше окольничества не подымаются Для этихъ среднихъ родовъ окольничество есть высшая ступень на служебномъ поприщѣ, которой они могутъ достигнуть.

Возникновеніе чина окольничихъ относится еще къ тому времени, когда служба была вольная; вольные же слуги носили наименованіе бояръ, дѣлившихся на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ. Окольничіе, слѣдовательно, назначались тогда изъ среднихъ боярскихъ родовъ, а бояре введеные изъ лучшихъ. Этимъ объясняется возможность слѣдующихъ выраженій въ источникахъ:

Послалъ князь великій въ Литву боярина своего окольничаго Григорія Ѳедоровича, сына Давидовича», Ник. VI. 185.

Окольничій здѣсь чинъ, боярин же—бытовое названіе, присоединенное къ чину для большого почета, подобно тому, какъ въ наше время говорятъ и пишутъ: «господинъ надворный совѣтникъ!» [1]).

---

[1]) Въ такомъ же смыслѣ употребляются эти два термина и въ Смоленскѣ. Въ жалованной грамотѣ вел. кн. Василія Ивановича Смоленску отъ 1514 года читаемъ:

Приводимъ списокъ фамилій, члены которыхъ не поднимались выше званія окольничаго. Это будутъ третьестепенные роды.

Въ XV вѣкѣ:

Басенокъ, Воронцовы, Опера были въ окольничихъ по 1 разу.

Въ XVI вѣкѣ:

Головины—5 разъ;
Беззубцевы и Карповы по 3 раза;
Вельяминовы, кн. Великіе, Мамоновы, Нагово и кн. Тулуповы по 2 раза;
кн. Вяземскіе, кн. Гагины, кн Долгорукіе, кн. Елецкіе, Китовы, Кулебины, кн. Засѣкины, Зайцевы, кн. Звенигородскіе, Ивановы, Ивановичи, Квашнины, Китаевы, Клешнины, Ляцкіе, кн. Ноздреватые, Петровы, Сакмышевы, кн. Токмаковы, кн. Туренины, Чулковы и кн. Щербатые по 1 разу.

Въ XVII вѣкѣ:

Кн. Щербатые 3 раза;
Вельяминовы, Волынскіе и Измайловы по 2 раза;
Алферьевы. Боборыкины. Гавреневы, кн. Гагины, Еропкины, кн Засѣкины, Козловскіе. Кондыревы, Коробьины. Литвиновы, кн. Оболенскіе, Проѣстевы, Скуратовы, Соковнины. Сукины, Чоглоковы и Щелкаловы по 1 разу.

«А отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ бояръ и мещанъ и черныхъ людей беречи»... Рум. собр. I. № 148.

Окольничій — чиновникъ, боринъ - высшій классъ населенія вообще. См. еще выраженія, подобныя приведенному въ текстѣ, въ Сб. Имп. Рус. ист. общ. XXXV, 413, 487. 643.

Въ Новиковскомъ извлеченіи изъ Шереметевской боярской книги подъ 7130 годомъ читаемъ:

«Сказано, бояре:

Князь Андрей Васильевичъ Сицкой, онъ же и въ окольничихъ».

Это значитъ: кн. Сицкому въ томъ же году было сказано окольничество, а потомъ боярство, подобно тому, какъ подъ 7014 годомъ Давыдовъ показанъ среди окольничихъ, но съ припиской «во боярехъ». Ниже, подъ тѣмъ же годомъ, сказано, что Давыдовъ возведенъ въ боярство.

Число окольничихъ первоначально было очень невелико и, по всей вѣроятности, соотвѣтствовало дѣйствительной въ нихъ потребности. По смерти великаго князя Василія Васильевича налицо оказался всего одинъ окольничій и весьма долгое время при его преемникѣ число ихъ не превышало трехъ. Но къ концу царствованія Ивана Васильевича оно значительно возрастаетъ. Онъ оставилъ своему сыну шесть окольничихъ. При Грозномъ встрѣчаемъ постоянныя назначенія окольничихъ, иногда по 4, по 5 и даже по шести человѣкъ въ одинъ годъ. Дмитрій самозванецъ при вступленіи на престолъ нашелъ десять окольничихъ и поспѣшилъ прибавить къ нимъ еще четырехъ. Василій Ивановичъ Шуйскій къ этимъ 14 прибавляетъ въ первый годъ своего царствованія еще трехъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ число окольничихъ весьма колеблется, достигая иногда цифры 9 и даже 17 человѣкъ. Въ годъ смерти его налицо было четыре окольничихъ. Алексѣй Михайловичъ въ первый годъ вступленія своего на престолъ назначилъ 8 новыхъ окольничихъ и затѣмъ въ теченіе первыхъ лѣтъ своего царствованія ежегодно назначалъ по 3, по 4 и по 5, а въ 1655 назначилъ 8 человѣкъ. Своему преемнику онъ оставилъ 12 окольничихъ.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа окольничихъ должность эта все болѣе и болѣе эманципируется отъ своего первоначальнаго назначенія. Для устройства становъ въ XVI и въ XVII вѣкѣ все чаще и чаще посылаютъ дворянъ. Окольничіе же утверждаются въ значеніи второго чина въ государствѣ и занимаютъ мѣста въ приказахъ, въ посольствахъ, по воеводствамъ. Это званіе дѣлается необходимой ступенью для приближенія къ царю и проведенія въ боярство людей не именитыхъ, но угодныхъ. Адашевъ, Басмановы, Годуновы, Стрѣшневы, Матвѣевъ, Нарышкины, Хитрово — всѣ они проходили въ боярство чрезъ окольничество.

Въ XVII вѣкѣ среди окольничихъ появляются ближніе или комнатные. Этимъ ближнимъ иногда дается мѣсто

даже впереди бояръ не ближнихъ. 26 августа 1675 года, въ день ангела царицы, Натальи Кирилловны, государыня, возвратясь отъ обѣдни, изволила жаловать придворныхъ пирогами. На этой церемоніи близкіе окольничіе: Иванъ Ѳедоровичъ Стрѣшневъ, Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово были поставлены выше именитыхъ бояръ не комнатныхъ: кн. Трубецкаго, Шереметева, кн. Репнина, Милославскаго и кн. Барятинскаго (Двор. разр. III. 1624).

Сказанное о боярахъ относительно жалованья, назначенія ихъ въ должность и лишенія ея относится и къ окольничимъ. Они тоже не имѣли опредѣленныхъ штатовъ и по назначеніи на должность могли оставаться на прежнемъ содержаніи. Уложеніе опредѣляетъ окольничимъ, какъ и боярамъ, только размѣръ помѣстнаго оклада въ Московскомъ уѣздѣ—во 150 четей. Но это вовсе не значитъ, что такой окладъ имъ непремѣнно давался при назначеніи въ окольничіи. Онъ могъ быть данъ, но для этого нуженъ былъ особый государевъ указъ.

Мы сказали выше, что непринятіе должности боярина хотя и возможно, но мало вѣроятно, въ виду первостепеннаго значенія введеннаго боярства. Нельзя того-же сказать объ окольничествѣ. По первоначальному своему значенію эта должность неважная. Принять ее — значитъ заявить о своей принадлежности къ второстепеннымъ и даже третьестепеннымъ родамъ. По соображеніямъ служилой чести, жалуемые окольничествомъ иногда отказываются отъ этого назначенія. Примѣръ такого отказа даетъ, между прочимъ, Петръ Петровичъ Головинъ. Онъ не принялъ окольничества въ 1651 году на томъ основаніи,

«Что въ окольничихъ въ его пору нѣтъ, а отецъ де его былъ въ боярѣхъ» (Симб. сбор., 113: II. С. З. № 61, стр. 253).

Отецъ Петра Петровича Головина дѣйствительно былъ бояриномъ (съ 1611 г.), но изъ нашего списка видно, что въ XVI вѣкѣ Головины выше окольничихъ не шли, а въ

XVII хотя и повысились, но бывали и въ боярахъ и въ окольничихъ; только отецъ Головина былъ прямо назначенъ бояриномъ съ обходомъ окольничества. Это обстоятельство, по всей вѣроятности, и было причиной честолюбивыхъ притязаній сына. Но правительство не нашло возможнымъ стать на его точку зрѣнія. На челобитье Головина послѣдовала такая резолюція:

«Государь было тебя, страдника, пожаловалъ не по твоей страдничей мѣрѣ честью, въ окольничіе, и ты де государя прогнѣвилъ, сказалъ, что-де ваши родители въ окольничихъ не бывали, и бояре было приговорили, за твою страдничью вину, тебя, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь, и государь на милость положилъ, кнутомъ бить и въ Сибирь сослать не велѣлъ, а велѣлъ тебя написать по московскому списку и ни въ какой чести тебѣ у него, государя, не бывать».

Въ слѣдующемъ году Головину снова сказано окольничество. На этотъ разъ онъ не отказывался и умеръ въ званіи окольничаго въ 7162 году.

Въ 1623 году окольничіе, Борисъ и Михайло Салтыковы, заслужили казнь, но государь большого наказанья надъ ними учинить не велѣлъ, а велѣлъ послать ихъ по деревнямъ, при государѣ же быть имъ непригоже; помѣстья и вотчины отобраны на государя. Это значитъ, что Салтыковы были лишены и окольничества, хотя у Новикова это не отмѣчено. Въ 1633 году Михайло Салтыковъ былъ помилованъ: «пожалованъ прежнею честью, государь велѣлъ ему быть въ окольничихъ попрежнему». Рум. Собр. III, № 64 и 98.

Лишить чести значитъ лишить чина.

III. Дворецкіе

Древнѣйшее упоминаніе о дворецкихъ встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1171 годомъ:

«И поможе Богъ Андреевичю Мстиславу съ братьею, и взяша Кіевъ. Мстиславъ же Изяславичь бѣжа изъ Кіева

на Василевъ. И постигша и Бастѣева чадь, начаша стрѣляти въ плечи ему, и много изопмаша дружины около его: Япа Дмитра Хороброго и Олексея дворьского»... Ипат..

Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе находимъ въ той-же лѣтописи подъ 1235 годомъ. Послѣ того, какъ галицкіе граждане высказались въ пользу князя Даніила Романовича и съ криками: «се есть держатель нашъ, Богомъ данный», устремились къ нему на встрѣчу, были вынуждены выйти на встрѣчу князя и власти: епископъ Артеміи и дворьскій, Григорій [1]).

Какъ показываетъ слово, дворскіе или дворецкіе имѣютъ непосредственное отношеніе ко двору: они завѣдуютъ дворомъ князя. Можно думать, что это только новое наименованіе для извѣстныхъ уже намъ домовыхъ ключниковъ. О Владимірскомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ во всемъ довѣрялся ключнику Анбалу, который имѣлъ ключи отъ всего дома:

«Тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа и надо всими волю ему далъ бяшетъ» князь (Ипат. 114).

Этотъ ключникъ, конечно, и былъ дворецкимъ боголюбовскаго дома князя Андрея. Главные ключники, по всей вѣроятности, и получили титулъ дворскаго и дворецкаго, т.-е. завѣдующаго всѣмъ дворовымъ хозяйствомъ. Дворскіе были и участныхъ лицъ.

Дворскаго необходимо было имѣть въ каждомъ дворѣ и въ каждомъ имѣніи, гдѣ былъ у князя свой дворъ и свое хозяйство. Такихъ дворскихъ всегда было нѣсколько, и число ихъ было тѣмъ большее, чѣмъ больше было собственныхъ дворовъ у князя. По различію дворовъ и дворскіе должны были различаться. Дворскіе городскихъ дворовъ, въ которыхъ была резиденція князя и къ которымъ

[1]) Болѣе древнее извѣстіе Ипкоповской лѣтописи подъ 1097 годомъ: «и усрѣте и дѣтскый его, сирѣчь дворецкій», есть, конечно, объясненіе позднѣйшаго составителя непонятнаго ему слова дѣтскій.

стягивалось хозяйство всѣхъ другихъ дворовъ, стояли выше другихъ дворскихъ, которые были имъ подчинены. Состоя при князѣ и завѣдуя всѣмъ его хозяйствомъ, которое въ древнѣйшее время все сосредоточивалось во дворѣ князя и не отдѣлялось отъ государственнаго хозяйства, эти дворскіе могли быть весьма вліятельными людьми. Такимъ выдающимся положеніемъ въ Галичѣ пользовался вышеупомянутый дворскій, Андрей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ, вмѣстѣ съ епископомъ, нѣкоторое время «возбранялъ» Даніилу занимать Галичъ. Переѣдя же на сторону Даніила, онъ занялъ при немъ выдающееся положеніе и въ 1239 году былъ посланъ съ войскомъ на Перемышль съ порученіемъ прогнать находившагося тамъ и строившаго ковы противъ Даніила князя Константина Рязанскаго. Карам. IV, пр. 20.

Гораздо болѣе извѣстій о дворскихъ находимъ въ московскихъ памятникахъ. Изъ жалованныхъ грамотъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ надо вывести, что дворскіе находятся при каждомъ дворѣ князя и имѣютъ право въѣзжать въ сосѣднія частныя имѣнія для наряда жителей къ исполненію «княжаго дѣла», то есть извѣстныхъ повинностей въ пользу княжескаго двора: ставить дворъ князя, кормить его коней и пр. Если князь освобождалъ кого отъ этихъ повинностей, то въ грамотѣ, обыкновенно, говорилось:

«Не надобѣ имъ (пожалованнымъ) ни которая дань, ни ямъ, ни подвода....., ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіе, ни старосты ать ихъ не займаютъ ни про что» [1]).

[1]) А. Э. I. № 5. 1361. Жалованныя грамоты писались не всегда въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ. Въ нѣкоторыхъ, вмѣсто подробнаго перечисленія повинностей, говорится вообще: «не тянутъ ни въ какіе проторы и розметы» или: «не надобѣ имъ ни которая пошлина». Несмотря на это разнообразіе формы грамотъ, упоминанія о дворскихъ весьма нерѣдки. См. А. Э. I. № 19, 28, 31, 35, 44, 46, 51, 56, 75, 88, 102, 120, 122 и 131, отъ 1414 по 1494; № 164 и 300, отъ 1517 и 1578.

Эти дворскіе, какъ пользующіеся довѣріемъ князя, вмѣстѣ со старостами и лучшими людьми, цѣловальниками, должны были присутствовать на судѣ кормленщиковъ:

«А безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити». Суд. 1497 г., ст. 38.

Второй Судебникъ къ этому добавляетъ:

«А дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣломъ руки свои прикладывати». Ст. 62.

Это мелкіе дворскіе, которые своего суда не имѣли, а только принимали участіе на судѣ кормленщиковъ. Выше ихъ были дворскіе большихъ дворцовъ, находившіеся въ главныхъ городахъ княженій. Имъ принадлежало главное начальство надъ дворцовымъ хозяйствомъ. Подъ вѣдомствомъ ихъ состояли не только дворные люди, дворяне, но и земли княжескія.

Въ духовой грамотѣ серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, читаемъ:

«А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ: а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ, тотъ земли лишонъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ». 1410. Рум. Собр. I. № 40.

Подъ слугами, подчиненными дворскому, надо разумѣть всякихъ людей, состоявшихъ на службѣ двора. Въ началѣ XV вѣка эти люди получали земельный надѣлъ и, слѣдовательно, нѣкоторые изъ нихъ могли уже не жить во дворѣ князя; они жили въ своихъ дворахъ, но на земляхъ князя. Тѣмъ не менѣе и они были подчинены дворскимъ. Духовная серпуховскаго князя въ числѣ такихъ дворовыхъ слугъ, устроенныхъ княжеской землей, называетъ бортникомъ (пчеловодовъ), садовниковъ, псарей, бобровниковъ, барашей (бара—домашняя рухлядь, барачъ—смотритель рухляди) и дѣлюевъ. Въ началѣ XV вѣка все это были еще вольные слуги, а потому могли уйти. Дан-

ныя имъ земли возвращались, однако, въ такомъ случаѣ, князю. Дворскій, вѣдая дворовыхъ людей, вѣдалъ и земли дворцовыя и раздавалъ ихъ въ видахъ удовлетворенія дворцовыхъ нуждъ. Духовная грамота Владиміра Андреевича даетъ поводъ думать, что до возникновенія особаго помѣстнаго приказа дворскіе надѣляли помѣстьями и дворскихъ людей, обязанныхъ военною службою. Между дворецкими и дворянами въ XV вѣкѣ могла существовать очень тѣсная связь. Наши дворецкіе сродни, такимъ образомъ, майордомамъ первыхъ франкскихъ королей.

Въ старину, кто кѣмъ управлялъ, тотъ того и судилъ. Большіе дворецкіе, поэтому, были судьями всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находились подъ ними. До возникновенія спеціальныхъ приказовъ, ихъ суду подлежали какъ всѣ дворовые слуги, такъ и слуги, устроенные государевыми землями.

Кромѣ указанныхъ дѣлъ вѣдомству и суду дворецкихъ Большого Дворца предоставлялся иногда привилегированный судъ въ тяжбахъ нѣкоторыхъ монастырей. Троицы Сергіеву монастырю давалась иногда привилегія судиться предъ великимъ княземъ или «бояриномъ и дворецкимъ Большого Дворца» (Ѳедот.-Чехов. № 75. жалов. гр. отъ 1546 г., ср. А. Э. I № 198. 1543).

Есть основаніе думать, что и нѣкоторыя другія дѣла, касающіяся монастырей, доходили до московскихъ государей также чрезъ дворецкихъ. На оборотѣ грамоты великаго князя Василія Ивановича въ Тверь городовому прикащику объ отводѣ Волоколамскому монастырю мѣста въ городѣ для осаднаго двора написано:

«Князь великій всея Руси. А приказалъ дворецкой Михайла Юрьевичъ». 1521. А. Э. I. № 169.

Дворецкій приказалъ отводъ двора потому, конечно, что чрезъ него шолъ докладъ объ этомъ царю.

Такую же надпись имѣетъ и жалованная грамота Переяславскому-Даніилову монастырю на право безпош-

лишнаго провоза монастырскихъ товаровъ. 1548. А. Э. I. № 222.

Вѣдомство духовенства дворецкимъ надо разсматривать какъ особую привилегію лицъ духовнаго званія. Большими дворецкими, въ большинствѣ случаевъ, были бояре введеные. Духовенство вѣдалось, слѣдовательно, лицомъ, облеченнымъ самымъ высшимъ чиномъ въ государствѣ. То же значеніе имѣетъ и позднѣйшее сосредоточеніе дѣлъ о духовенствѣ въ приказѣ Большого Дворца.

Съ присоединеніемъ къ Москвѣ сосѣднихъ княженій число большихъ дворецкихъ увеличивается, такъ какъ въ распоряженіе московскихъ великихъ князей поступаютъ и дворцы упраздняемыхъ княжествъ. Въ памятникахъ XVI в. у московскихъ государей встрѣчаемъ: рязанскаго дворецкаго, тверскаго, нижегородскаго, новогородскаго, казанскаго и астраханскаго [1]).

Съ дальнѣйшими успѣхами объединенія и съ развитіемъ приказнаго устройства эти остатки удѣльной старины исчезаютъ. Въ XVII вѣкѣ все дворцовое управленіе сосредоточивается въ приказѣ Большого (московскаго) Дворца, во главѣ котораго стоитъ одинъ московскій дворецкій [2]). Этотъ московскій дворецкій вѣдаетъ хозяйственные дворы: сытенный, кормовой, хлѣбенной, житенной, и всѣхъ дворовыхъ людей. Для обезпеченія нуждъ Большого Дворца ему отданы доходы съ кабаковъ, таможенъ, съ мельницъ, рыбныхъ ловель и другіе. Съ тою же цѣлью онъ вѣдаетъ тягломъ и податями посадскихъ людей болѣе чѣмъ въ 40 городахъ; да въ Москвѣ къ нему приписано восемь

[1]) Русск. Лив. А. № CCCLXIX, 1521; Рум. Собр. I. № 144, 1504; Симб. Сбор., Разрядн. кн. подъ 1559 г.; Тверск. лѣт. VIII. 256. 1519.

[2]) Кромѣ приказа Большого Дворца Котошихинъ называетъ еще приказъ Казанскаго Дворца (VII. 6). Но этотъ приказъ вѣдалъ въ XVII вѣкѣ не дворцовое управленіе «а Казанское и Астраханское царствы» во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, финансовомъ и пр. Казанскій Дворецъ вѣдалъ, между прочимъ, и царскіе рыбные промыслы, но присылаемую въ Москву рыбу передавалъ въ распоряженіе московскаго Приказа Большого Дворца.

слободъ торговыхъ и ремесленныхъ людей: котельниковъ, оловянишниковъ, кузнецовъ, плотниковъ, рыбниковъ, шатерниковъ, горшечниковъ, печниковъ и кирпичниковъ. Эти московскіе ремесленные люди стоятъ въ особомъ положеніи: они платятъ подати во дворецъ наряду съ посадскими другихъ приписныхъ городовъ, да кромѣ того «они-жъ повинни работать всякіе дѣла на царскомъ дворѣ, что прилучится, безденежно».

Въ устройствѣ московскаго приказа Большого Дворца XVII вѣка находимъ такой остатокъ старины. Дворы: сытенный, кормовой, хлѣбенный и житенный, обязанные снабжать Большой Дворецъ питьями и яствами, состоятъ въ вѣдѣніи «ключниковъ». Это тѣ же тіуны-ключники, которые заботились о столѣ Владиміра Мономаха, и на которыхъ онъ совѣтовалъ не полагаться.

Какъ на остатокъ глубокой старины надо смотрѣть и на обязанность дворецкаго служить за столомъ государя. При описаніи обѣда, даннаго въ честь англійскаго посла, въ дворцовыхъ разрядахъ на 1617 годъ записано:

«За кушаньемъ у государева поставца сидѣлъ дворецкій и боярин, Борисъ Михайловичъ Салтыковъ».

Объ этой службѣ дворецкаго за столомъ государя Котошихинъ разсказываетъ слѣдующее:

«И какъ царь садится ѣсть, въ обѣдъ и въ вечеру, или когда бываютъ власти и бояре на обѣдѣ, и у поставца садится дворецкой или околничей и думной человѣкъ, или дьякъ дворцовой, и отпущаютъ ѣствы къ царю и къ царицѣ, и къ царевичамъ, и къ царевнамъ, накушивая, и роздаютъ ѣствы въ раздачи по росписямъ...» (VI. 3).

Изъ того, что дворецкій могъ быть замѣненъ окольничимъ и даже дьякомъ, слѣдуетъ, что въ XVII вѣкѣ дворецкій не всегда самъ служилъ за столомъ, а только въ исключительныхъ случаяхъ. Но это, конечно, первоначальная его обязанность; все остальное—къ ней приложилось. Дворецкій, завѣдующій дворомъ и имѣющій отъ всего

ключи, есть первый дворовый человѣкъ и первый слуга своего господина. Услуги его за столомъ одна изъ важнѣйшихъ его обязанностей.

Дворецкій есть должность частнаго домоводства, а не публичная. Въ этомъ отношеніи онъ ниже окольничаго. Окольничій устраиваетъ дороги, дѣлаетъ мосты, гати, отводитъ дворы для помѣщенія государя и его свиты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ есть лицо, облеченное властью внѣ двора государева; дворецкій, прежде всего, власть во дворѣ и для дворовыхъ людей. Значительный подъемъ должности дворецкаго совершается въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ Судебниками. Первый Судебникъ еще ничего не знаетъ о самостоятельномъ судѣ дворецкихъ, онъ говоритъ только о судѣ бояръ и окольничихъ; второй Судебникъ за судомъ окольничихъ упоминаетъ судъ дворецкихъ (ст. 1).

Этому первоначально невысокому значенію дворецкаго соотвѣтствуетъ то, что честью онъ ниже окольничаго. Онъ первый дворовый человѣкъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а потому имѣетъ мѣсто впереди другихъ дворовыхъ людей, но послѣ окольничихъ.

Въ 1501 (7009) году назначенъ былъ дворецкимъ князь Петръ Васильевичъ Великій. Его назначеніе занесено въ боярскую книгу послѣ назначенія окольничихъ. Въ томъ же году онъ былъ отставленъ отъ этой должности. Въ 1504 году (7012) онъ снова назначенъ дворецкимъ и затѣмъ до самой смерти (въ 7021, когда былъ пожалованъ въ окольничіе) въ перечнѣ чиновъ всегда занималъ мѣсто послѣ окольничихъ. То же самое повторилось и съ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Хворостининымъ. Въ 1577 (7085) году онъ былъ назначенъ дворецкимъ, и назначеніе это записано послѣ назначенія окольничихъ. Затѣмъ до 1584 (7092) года, когда былъ пожалованъ въ званіе окольничаго, онъ постоянно занималъ въ книгахъ мѣсто послѣ окольничихъ (Новиковъ, XX).

Итакъ, дворецкій самъ по себѣ честью ниже окольни-

чаго. Но должность дворецкаго можетъ быть дана окольничему и даже боярину, извѣстное лицо можетъ быть пожаловано единовременно въ бояре и въ дворецкіе, въ окольничіе и дворецкіе; въ такомъ случаѣ оно занимаетъ въ спискѣ чиновъ мѣсто по окольничеству или боярству. Но и въ этихъ случаяхъ званіе дворецкаго ничего не прибавляетъ къ его чести и не дѣлаетъ первымъ среди бояръ или окольничихъ. Бояре-дворецкіе великаго князя Василія Васильевича, Сабуровъ и Заболоцкій, занимаютъ въ спискѣ мѣсто ниже бояръ его: Плещеева, кн. Патрикеева и кн. Стриги-Оболенскаго.

Благодаря напечатанному Новиковымъ извлеченію изъ боярской книги М. П. Шереметевой, мы можемъ составить списокъ дворецкихъ съ конца царствованія Василія Васильевича Темнаго.

Въ годъ смерти Василія Васильевича (1462) было двое бояръ дворецкихъ: М. Ѳ. Сабуровъ († 1464) и Гр. В. Заболоцкій († 1473). Какъ дѣлилось между ними управленіе дворцовымъ вѣдомствомъ, этого мы не знаемъ. Двойственность продолжается и по смерти Сабурова, такъ какъ на его мѣсто, еще при жизни Заболоцкаго, назначенъ боярин дворецкій М. Я. Русалка Филимоновъ Морозовъ. Но со смерти Заболоцкаго (1473) и до 1646 года въ Москвѣ былъ всегда одинъ дворецкій.

Въ XVI вѣкѣ дворецкими были:

сынъ боярскій, кн. П. В. Великій, назначенъ дворецкимъ въ годъ смерти Морозова (1501), но тогда же отставленъ; снова-назначенный въ 1504 онъ оставался въ должности дворецкаго до своей смерти въ 1513 году;
боярин В. А. Челяднинъ съ 1513 по годъ смерти въ 1518;
боярин кн. Ѳед. Лопата-Оболенскій съ 1519 по 1530 (†);
боярин М. В. Тучковъ съ 1531 по 1535 (†);
боярин кн. И. И. Кубенскій съ 1535 по 1546, когда онъ выбылъ изъ дворецкихъ;

боярин И. И. Хабаровъ съ 1547 по 1549, когда онъ былъ отставленъ;

боярин Д. Р. Юрьевъ съ 1549 по 1566 (†);
боярин И. Р. Юрьевъ съ 1566 по 1577, когда онъ выбылъ изъ дворецкихъ, но остался бояриномъ; † 1585;
дворянин кн. Ѳ. П. Хворостининъ съ 1577 по 1585 (въ 1584 окольничій, въ 1589 боярин, въ 1608 †);
боярин Гр. В. Годуновъ съ 1585 по 1598 (†);
боярин Ст. В. Годуновъ съ 1599 по 1605 (†);

Шереметевская книга перечисляетъ только московскихъ дворецкихъ, а въ XVI вѣкѣ были дворецкіе, управлявшіе дворцами присоединенныхъ въ Москвѣ княженій. Вотъ имена встрѣтившихся намъ городовыхъ дворецкихъ:

въ 1521 году тверской дворецкой, боярин М. Ю. Захарьинъ; тверскимъ же дворецкимъ при Василіѣ Ивановичѣ былъ П. Ю. Шигона-Поджогинъ;
въ 1523 нижегородскій дворецкій, окольничій А. Н. Бутурлинъ;
въ 1555 новогородскій дворецкій, сынъ боярскій С. В. Шереметевъ;
въ 1559 рязанскій дворецкій, окольничій кн. В. А. Сицкій.

Въ томъ же году казанскимъ, нижегородскимъ и астраханскимъ дворецкимъ былъ боярин М. П. Вороной-Волынскій.

Въ XVII вѣкѣ московскими дворецкими были:

боярин кн. В. М. Рубецъ-Мосальскій съ 1605 по 1606, когда его отставили;
боярин П. Ѳ. Крюкъ-Колычевъ съ 1607 по 1609, когда выбылъ;
окольничій Арт. В. Измайловъ съ 1609 по 1613 (изъ окольничихъ выбылъ въ 1634).
окольничій Б. М. Салтыковъ съ 1613 по 1624 († въ 1646 бояриномъ, но не дворецкимъ).
Въ 1624 и 1625 годахъ дворцомъ управлялъ стольникъ Л. П. Далматовъ-Карповъ, безъ титула дворецкаго.
Въ 1626 году на его мѣсто «во дворецъ» назначенъ изъ дворянъ кн. А. М. Львовъ.

Въ дворцовыхъ разрядахъ на 6 января 1626 года объ немъ записано:

«Того же дни велѣлъ государь вѣдать во дворцѣ и си-

дѣть у отдачи, вмѣсто дворецкаго, изъ дворянъ князь Алексѣю, князь Михайлову сыну, Львову».

Это, по нашему сказать, исправляющій должность дворецкаго.

Въ 1627 Львовъ называется уже дворецкимъ, а въ слѣдующемъ году возводится въ званіе окольничаго съ оставленіемъ въ должности дворецкаго. Съ 1634 года онъ боярин-дворецкій и значится въ этой должности до 1652 года, когда былъ отставленъ.

Въ 1646 году въ званіи дворецкаго произошла существенная перемѣна. Изъ наименованія должности съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей оно стало почетнымъ титуломъ. Получивъ отъ своего отца только одного боярина дворецкаго, кн. А. М. Львова, Алексѣй Михайловичъ возводитъ въ это званіе въ 1646 году 12 человѣкъ, и затѣмъ проходитъ рѣдкій годъ, чтобы званіе боярина дворецкаго не было пожаловано одному, двумъ, а то, какъ въ 1653 году, и шести лицамъ. Такъ какъ назначеніе въ дворецкіе благодаря соединенію съ боярствомъ, стало почетнымъ отличіемъ, то оно дѣлается вслѣдъ за назначеніемъ въ бояре и прежде назначенія окольничихъ. Съ этого времени назначеніе въ дворецкіе есть всегда назначеніе въ бояре-дворецкіе. Противъ имени всѣхъ, назначенныхъ дворецкими въ 1646 году (за исключеніемъ одного только Б. П. Шереметева), въ отмѣткѣ о смерти говорится: умеръ боярин и дворецкій. Но такъ какъ особаго назначенія въ бояре для многихъ изъ нихъ не было, то слѣдуетъ заключить, что въ 1647 году они были назначены боярами-дворецкими. Съ 1655 года новыя назначенія въ книгахъ дѣлаются всегда вмѣстѣ: «въ бояре и дворецкіе».

Званія боярина и дворецкаго сливаются въ одинъ высшій почетный титулъ. Послѣдній, кому при Алексѣѣ Михайловичѣ было сказано: боярин и дворецкій, былъ окольничій Арт. Серг. Матвѣевъ, сосланный Ѳедоромъ

Алексѣевичемъ, въ первый годъ по вступленіи его на царство, въ ссылку, въ Пустоозеро.

Несмотря на это измѣненіе въ значеніи чина дворецкаго, дворецкій и при Алексѣѣ Михайловичѣ управляетъ дворцомъ, но только одинъ, а не всѣ бояре-дворецкіе:

«Приказъ Большаго дворца, а въ немъ бываетъ и сидитъ боярин и дворецкій, да окольничей, да думной человѣкъ, да два или три діака» (Котош. VII. 4).

Кто этотъ настоящій дворецкій, этого не видно по боярскимъ книгамъ. Его надо розыскивать въ дѣлахъ приказа Большаго Дворца, въ разрядахъ и пр.

IV. Конюшіе

Чинъ конюшаго существуетъ съ самой глубокой древности. Конюшій упоминается уже съ княземъ Игоремъ въ плѣну половецкомъ въ 1185 году:

Съ нимъ бо (съ кн. Игоремъ) бяшетъ тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста и, глаголюща: поїди, княже, въ землю Рускую, аще восхощетъ Богъ избавить тя». Ипат.

Знаетъ конюшаго и пространная Русская Правда. Она опредѣляетъ плату за убійство тіуна конюшаго (III 13). Этотъ старшій тіунъ-конюшій, слѣдовательно, былъ ключникъ, приставленный къ лошадямъ. Въ его распоряженіи состояли конюхи, извѣстные и краткой Русской Правдѣ.

Конюшенное хозяйство составляетъ только часть общаго дворового хозяйства, а потому должность конюшаго, по значенію своему, должна была уступать должности дворецкаго. Можно допустить, что конюхи и конюшіе первоначально состояли въ вѣдомствѣ дворецкихъ. Они вѣдь тоже могли надѣляться дворцовыми землями, а всѣ такіе слуги состояли подъ дворскимъ. Изъ Шереметевской боярской книги видно, что при московскомъ дворѣ до самаго конца XV вѣка не было саповныхъ конюшихъ,

которые занимали бы равное положеніе съ дворецкими. По всей вѣроятности, во все это время конюшенное вѣдомство и сами конюшіе состояли подъ дворскими. Впервые съ чиномъ конюшаго въ боярскихъ книгахъ встрѣчаемся въ 1496 году, а книги начинаются 1462 годомъ. Въ 1496 году въ званіе конюшаго былъ назначенъ бояринъ А. Ѳ. Челяднинъ. Съ этого времени по 1604 годъ, годъ отставки отъ должности послѣдняго конюшаго, при московскомъ дворѣ было 9 конюшихъ. Это все бояре: ни одинъ окольничій, не говоримъ уже о низшихъ чинахъ, не былъ удостоенъ званія конюшаго. Изъ приводимаго въ примѣчаніи [1]) списка бояръ-конюшихъ видно, что назначеніе ихъ не всегда слѣдуетъ непрерывно, а нарушается иногда промежутками въ 2, 8 и даже 17 и 18 лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что должность конюшаго боярина возникла вовсе не для удовлотворенія какой-либо неотложной потребности управленія, какъ должности боярина введеннаго, окольничаго или дворецкаго. Конюшенное вѣдомство управлялось кѣмъ-нибудь и въ тѣ длинные промежутки, когда конюшихъ-бояръ не было, какъ управлялось оно и до назначенія боярина А. Ѳ. Челяднина въ конюшіе. Мы даже знаемъ, кѣмъ управлялось. До учрежденія конюшихъ бояръ оно управлялось конюшими же, но не важными людьми, боярами, а мелкими чинами, которые имѣли мѣсто за стольниками (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 163) и, надо думать, состояли въ вѣдомствѣ дворецкихъ.

Думаемъ, что конюшіе бояре, о которыхъ памятники говорятъ только съ конца XV вѣка, составляютъ не оста-

---

[1]) Вотъ списокъ бояръ-конюшихъ: А. Ѳ. Челяднинъ съ 1496 по 1503 †; И. А. Челяднинъ съ 1511 по 1515 †; кн. И. Ѳ. Овчина-Телепневъ-Оболенскій съ 1533 по 1539 †; кн. М. В. Глинскій съ 1541 по 1547, когда онъ былъ отставленъ; кн. В. В. Чулокъ-Ушатый назначенъ и умеръ въ 1549; И. П. Ѳедоровъ съ 1550 по 1567, когда онъ выбылъ; Б. Ѳ. Годуновъ съ 1584 по 1599; Д. И. Годуновъ съ 1599 по 1605 †; М. Ѳ. Нагой съ 1605 по 1606, когда былъ отставленъ.

токъ старины, а нововведеніе великаго князя Ивана Васильевича. Онъ учреждаетъ приказы. Весьма возможно, что онъ первый выдѣлилъ конюшенное управленіе изъ общаго дворцоваго и во главѣ его поставилъ особаго боярина конюшаго. Въ исторіи приказовъ нерѣдки факты возникновенія новыхъ учрежденій этого рода, исчезновенія ихъ въ формѣ слитія съ другими приказами, а потомъ—новаго появленія. То же могло происходить и со вновь учрежденнымъ Конюшеннымъ приказомъ: онъ то обособлялся отъ дворцоваго вѣдомства подъ начальствомъ конюшаго-боярина, то вновь сливался съ дворцомъ, то состоялъ подъ вѣдомствомъ ясельничаго, второй чинъ конюшеннаго вѣдомства, появляющійся въ боярскихъ книгахъ годомъ ранѣе конюшаго-боярина.

Конюшіе до 1496 года занимали не высокое мѣсто на лѣствицѣ московскихъ чиновъ. Въ спискѣ лицъ, назначенныхъ для сопровожденія въ Литву великой княжны Елены, они перечисляются послѣ стольниковъ (Сбор. Импер. рус. ист. общ. XXXV, 163). Съ 1496 года конюшіе назначаются только изъ бояръ, а потому занимаютъ мѣсто среди бояръ; но должность конюшаго ничего къ боярской чести не прибавила. Конюшіе пишутся послѣ бояръ-дворецкихъ: такъ писались: А. Ѳ. Челядинъ, кн. Оболенскій и кн. Глинскій.

Особое возвышеніе чина конюшаго начинается съ назначенія въ эту должность боярина И. П. Ѳедорова. Это назначеніе написано впереди назначенія бояръ, чего прежде никогда не дѣлалось: новые бояре заносились въ книгу всегда прежде новыхъ конюшихъ. Это первое возвышеніе конюшаго надъ боярами и при томъ въ лицѣ человѣка не родовитаго могло стоять въ связи со стремленіемъ Ивана Грознаго принизить гордость родовитыхъ бояръ. Тотъ же порядокъ продолжается при Ѳедорѣ Ивановичѣ и царѣ Борисѣ. Назначеніе Бор. Ѳед. Годунова въ конюшіе записано прежде назначенія бояръ; такъ же записано и назначеніе царемъ Борисомъ въ конюшіе Дм.

Ив. Годунова. Царь Борисъ сдѣлалъ и другое отступленіе отъ старины. Назначеніе дворецкимъ боярина Ст. Вас. Годунова велѣлъ онъ записать непосредственно за назначеніемъ Годунова—конюшаго и впереди бояръ, чего тоже прежде никогда не дѣлалось (Вивл. XX). Это первенствующее мѣсто двухъ бояръ Годуновыхъ, конюшаго и дворецкаго, конечно, условливается не важностью самыхъ должностей, а родствомъ Годуновыхъ съ царемъ. Необычное возвышеніе родственниковъ царя было замѣчено родовитыми людьми и подало поводъ къ слѣдующимъ словамъ въ челобитныхъ боярина Вас. Пет. Морозова и двухъ Салтыковыхъ. Челобитныя эти были поданы въ 1616 году по случаю мѣстническаго спора, предъявленнаго окольничимъ, Никитою Годуновымъ, къ боярину В. П. Морозову. Въ челобитной Морозова читаемъ.

«Никита Годуновъ бьетъ челомъ тебѣ, государю, на меня, Василья, не по дѣлу, а меньши ему быть меня, Василья, мочно. Николи Годуновымъ съ Морозовыми не сошлось... А что упрекаетъ племянникомъ своимъ Иваномъ Годуновымъ, что при царѣ Борисѣ былъ болши меня, Василья, и царю Борису въ тѣ поры была воля, по свойству своихъ выносилъ, и говорить было противъ царя Бориса не мочно»... Двор. разр. I. 226.

Также выражаются и Салтыковы.

Несмотря на осужденіе Бориса и личный характеръ противобоярской политики Ивана Грознаго, фактъ превознесенія конюшаго и дворецкаго надъ боярами-введеными совершился. Вліяніе его сказывается даже на Котошихинѣ, у котораго читаемъ:

«А кто бываетъ конюшимъ и тотъ первой боярин чиномъ и честью»... VI. 6.

И въ другомъ мѣстѣ:

... «И тотъ бояринъ (дворецкій) честью бываетъ другой человѣкъ, подъ конюшимъ первой»... VII. 4.

Это говоритъ человѣкъ, при жизни котораго вовсе не

было бояръ-конюшихъ. Онъ свидѣтельствуетъ о прошломъ, но не очень отдаленномъ. Память современниковъ Котошихина, отъ которыхъ онъ могъ слышать о значеніи конюшаго, очевидно, не шла далѣе конца XVI вѣка. До назначенія боярина Ѳедорова въ конюшіе, бояре-конюшіе всегда писались ниже бояръ и ниже дворецкихъ.

Несмотря на это возвеличеніе конюшаго боярина, вѣдомство его и въ XVII вѣкѣ состоитъ изъ тѣхъ же чиновъ, которые были извѣстны еще Русской Правдѣ. Это разные виды конюховъ, перечисляемые Котошихинымъ. Мы находимъ у него стремянныхъ конюховъ, которые дневали и ночевали на конюшнѣ; стряпчихъ конюховъ, которые чистили, поили, сѣдлали и запрягали лошадей; они же были и возницами. Въ разрядныхъ книгахъ они называются «стряпущими конюхами» (Двор разр. III. 1407). Выше этихъ двухъ разрядовъ были столповые прикащики, на ихъ рукахъ находилась сбруя, колымажная казна, овесъ и сѣно; товарищами ихъ были задворные конюхи, которые чистили сбрую, мыли колымаги, всыпали лошадямъ овесъ, разносили сѣно.

Кто же были эти конюхи?

Котошихинъ говоритъ:

«Всѣ тѣ вышеописанные чины—люди честные и пожалованные годовымъ денежнымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами» (стр. 67).

Конюхи государевы—люди чиновные; они владѣютъ помѣстьями, вотчинами и крестьянами. Чѣмъ же отличаются они отъ другихъ помѣщиковъ, напримѣръ, дворянъ? Разница есть, но скорѣе количественная, чѣмъ качественная, и формальная, чѣмъ матеріальная. Дворяне-помѣщики лошадей царскихъ не чистили, сбруи дегтемъ не мазали, колымагъ не мыли, но на козлахъ возницами и дворяне-помѣщики ѣздили, даже старыхъ и родовитыхъ фамилій, княжескихъ. А съ другой стороны государевы конюхи не только лошадей и экипажи чистили, но бывали и въ разныхъ правительственныхъ посылкахъ. На-

ходясь внѣ города, государи сносились съ оставленными въ Москвѣ боярами чрезъ конюховъ. Въ дворцовыхъ разрядахъ на 1675 годъ читаемъ:

«Того жъ году присланъ, нарочно, изъ похоту къ боярину, къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, да къ думному дьяку посольскаго приказу, Григорью Богданову, съ товарищи,—конюхъ: а указано ему боярину, Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, ѣхать самому на дворъ къ князь Касбулату Муцаловичю Черкаскому и велѣно ему сказать, что бы онъ ѣхалъ, по указу великаго государя, къ нему, великому государю, въ походъ на Воробьеву гору къ рукѣ и съ узденями своими, съ черкасы». III. 1431.

Конюхъ объявляетъ царскій указъ.

Въ XVII вѣкѣ конюшенное вѣдомство достигло громадныхъ размѣровъ. По свидѣтельству Котошихина, число царскихъ лошадей съ рабочими и стрѣлецкими простиралось до 44 тысячъ. Для прокормленія ихъ существовали особыя «конюшенныя села», находившіяся въ вѣдомствѣ конюшихъ. Для описи, сыска и дозора этихъ селъ посылались конюхи, которые и вели имъ книги: дозорныя, приправочныя и иныя. Въ 1617 году дозорныя книги конюшенныхъ селъ въ Вологодскомъ уѣздѣ писали конюхи, Вас. Голодецкій и Иванъ Соколовъ (Ѳедот. Чехов. № 98). Въ другихъ приказахъ такая же служба возлагалась на дворянъ, стряпчихъ и стольниковъ.

На содержаніе перечисленныхъ конюховъ (число которыхъ въ одной Москвѣ простиралось свыше 300 человѣкъ) денежнымъ жалованьемъ была опредѣлена, между прочимъ, особая пошлина съ продажи лошадей. Съ этою цѣлью въ городахъ и селахъ были учреждены «конскія площадки», гдѣ и долженъ былъ происходить торгъ лошадьми съ записью каждой продажи въ книги. Для наблюденія за правильнымъ поступленіемъ этого сбора посылались опять конюхи (Котош. 67 и сл.).

Рѣзкой разграничительной черты между конюхомъ и дворяниномъ-помѣщикомъ нельзя провести. Конюхи соеди-

няютъ въ себѣ признаки старыхъ дворовыхъ людей, такъ какъ живутъ во дворѣ государя, и дворянъ XVII вѣка, такъ какъ имѣютъ помѣстья и употребляются въ правительственныя посылки. Они — низшій классъ дворовыхъ чиновъ. Единственная опредѣленная разница между конюхами и непосредственно слѣдующими за ними высшими разрядами заключалась въ способѣ записки тѣхъ и другихъ въ книги: дворяне записаны въ городовыя десятни, конюхи въ списки Конюшаго приказа.

Шереметевская сводная книга, имѣющая дѣло съ верхами служебной лѣстницы, совершенно не интересуется конюхами и ничего объ нихъ не знаетъ. Не упоминаютъ о нихъ и боярскія книги. Но въ нихъ есть списки дьяковъ, подьячихъ и выбора городовыхъ дворянъ; это даетъ поводъ заключить, что всѣ разряды конюховъ занимали на служебной лѣстницѣ мѣсто ниже этихъ чиновъ.

Послѣдній разрядъ конюховъ составляли стадные конюхи; они пасли лошадей въ полѣ. По свидѣтельству Котошихина, ихъ было въ Москвѣ и городахъ около 200 человѣкъ. Древнѣйшее указаніе на конюховъ этого рода находимъ опять въ Русской Правдѣ. Тамъ упоминается «старый конюхъ у стада», пасшій лошадей князя Святослава Ярославича и убитый дорогобужцами (II, 5). За смерть его князь приказалъ взыскать 80 гривенъ,— плата, которая, обыкновенно, взималась за княжихъ мужей и тивуновъ княжихъ (огнищныхъ и конюшихъ) и превышала въ два раза обыкновенную плату за конюховъ (III, 13). Это обстоятельство и навело Карамзина на мысль, что «старый конюхъ» Святослава былъ важный чиновникъ, тіунъ конюшій. Мы уже выше имѣли случай замѣтить, что количество штрафныхъ денегъ не можетъ служить твердымъ основаніемъ для распознаванія качества людей. Иногда оно лишь свидѣтельствуетъ о степени раздраженія князя хозяина и въ то же время судьи. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. «Старый конюхъ», убитый въ

то время, когда онъ пасъ стадо, очень маленькій человѣкъ, можетъ быть даже—рабъ.

Для ослѣпленія Василька (въ 1096 году) Святополкъ—Михаилъ, кіевскій князь, послалъ своего конюха, Сновида Изечевича, а Давыдъ Владимірскій — конюха Дмитра. Дмитръ, конечно, былъ конюхъ-возница или, по московски, стряпчій конюхъ, такъ какъ Давыдъ пріѣхалъ съ нимъ изъ Владиміра. Труднѣе сказать, что такое былъ Сновидъ Изечевичъ. Судя по окончанію на вичъ, это былъ не заурядный конюхъ, а близкій къ князю человѣкъ.

М. Ѳ. Нагой былъ послѣдній боярин-конюшій. Послѣ его удаленія отъ должности, бояре конюшіе болѣе не назначались. Во главѣ дѣлъ конюшеннаго вѣдомства стоялъ съ этого времени ясельничій (Котоших. VI. 6).

Списокъ ясельничихъ Шереметевская боярская книга ведетъ съ 1495 года. Въ это званіе назначались люди не именитые, четверостепенные. Изъ шестнадцати извѣстныхъ намъ фамилій ясельничихъ [1]), семь—дали думныхъ дворянъ и только три достигли окольничества; это Елизаровы, Кондыревы и Татищевы.

Ясельничіе, возводимые въ званіе дворянина въ думѣ обыкновенно, выбывали изъ ясельничихъ и замѣщались иными лицами; такъ—Воейковъ замѣнилъ Татищева, Болтинъ—Биркина, Елизаровъ — Кондырева. Только Елизаровъ, кажется, нѣкоторое время былъ ясельничимъ и думнымъ дворяниномъ.

На служебной лѣстницѣ чиновъ ясельничіе занимаютъ

[1]) Въ званіи ясельничаго были: Ѳедоръ Векентьевъ 1459+1498; Давыдъ Лихаревъ 1499+1502; А. Ѳ. Дровнинъ 1503—1508; П. И. Суковъ 1509+1514; Ѳ. С. Хлоповъ 1516+1527; В. Г. Дровнинъ 1540+1556; В Ѳ. Опанинъ 1571+1582; М. П. Татищевъ 1596—1604; А. М. Воейковъ 1605+1606; Б. М. Глѣбовъ 1621+1631; И. В. Биркинъ 1632—1641; Б. Ѳ. Болтинъ 1641—1646; Ж. В. Кондыревъ 1647—1651; Ѳ. И Елизаровъ 1952—1653; А. П. Матюшкинъ 1654—1664; П. А. Желябужскій 1664—1668; Ѳ. Я. Вышеславцевъ 1671—1677; въ 1677 назначенъ П. Т. Кондыревъ.

мѣсто послѣ стряпчихъ съ ключемъ и впереди сокольничихъ [1]).

V. Крайчіе

Чинъ этотъ принадлежитъ, кажется, къ новымъ, московскимъ. Мы не встрѣтили термина «крайчій» ранѣе начала XVI вѣка. Крайчій служитъ московскому государю, въ торжественныхъ случаяхъ, за обѣденнымъ столомъ. Онъ относится, слѣдовательно, къ той же категоріи слугъ, какъ и дворецкій. Но дворецкій во время стола государя сидитъ за особымъ поставцомъ, крайчій-же «стоитъ у стола великаго государя». Для исполненія разныхъ послугъ въ распоряженіи крайчаго состоитъ стольникъ. Крайчій находится у стола государя для усиленія торжественной обстановки парадныхъ обѣдовъ, а не для подачи царю яствъ и напитковъ. Блюда государю подаютъ стольники; крайчему же принадлежитъ общій надзоръ за ними. 8-го іюня 1675 года, въ день ангела царевича и великаго князя Ѳедора Алексѣевича, у царя былъ столъ:

«А у стола великаго государя стоялъ крайчей, князь Петръ Семеновичъ Урусовъ, да съ нимъ стольникъ Дмитрій, Никитинъ сынъ, Наумовъ.... Да передъ великаго же государя чашничали и ѣсть ставили стольники его, великаго государя, по списку».... Двор. разр. III. 1450; см. выше стр.: 979, 999—1001, 1027—8.

Если для наливанія напитковъ государю и поднесенія ему кушаній наряжались особые стольники, то, конечно,

---

[1]) Изъ грамоты, напечатанной въ I т. Д. къ А. И. подъ № 53 отъ 1555 года, видно, что въ Новгородѣ существовало особое кормленіе, которое давалось ясельничимъ и называлось «ясельничее». Въ 1555 году Иванъ Грозный пожаловалъ это кормленіе Ѳ. В. Крюкову, который ясельничимъ не былъ; передъ тѣмъ оно было за кн. А. Гагаринымъ, такъ-же несостоявшимъ въ ясельничихъ. Это служитъ только подтвержденіемъ высказанной уже мысли, что содержаніе чиновъ совершенно зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Съ 1540 по 1566 годъ ясельничимъ былъ В. Г. Дровнинъ, а новгородское «ясельничее» получали совсѣмъ другія лица.

ни то, ни другое не составляло спеціальной обязанности крайчаго. Свидѣтельство Котошихина, что крайчій «ставитъ на столъ ѣству предъ царя по одному блюду» (21), можно понимать въ смыслѣ особой услужливости крайчаго, а не обязанности его [1]).

Лица, подававшія князьямъ напитки и яства, конечно, существовали и въ самыя древнія времена подъ именемъ отроковъ, ключниковъ, дворецкихъ, а позднѣе стольниковъ и чашниковъ; но спеціализація этихъ должностей, выдѣленіе стольниковъ и чашниковъ, которые наливаютъ напитки и подаютъ блюда, крайчаго, который стоитъ за столомъ государя и наблюдаетъ за стольниками, дворецкаго, который сидитъ за особымъ поставцемъ, имѣя около себя двухъ дворцовыхъ дьяковъ да ключниковъ со всѣхъ дворцовъ, и наблюдаетъ за всѣмъ порядкомъ царскаго стола,—есть, конечно, явленіе сравнительно позднее. У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы съ точностью опредѣлить, когда возникла эта пышная обстановка царскаго стола. Шереметевская книга упоминаетъ въ первый разъ о крайчемъ подъ 1514 годомъ. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что составитель ея опаздываетъ съ своими записями на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Онъ не замѣтилъ появленія первыхъ думныхъ дворянъ, перваго стряпчаго съ ключомъ, первыхъ думныхъ дьяковъ; могъ не замѣтить и появленія перваго крайчаго. Это предположеніе даетъ поводъ отнести учрежденіе крайчихъ не къ началу XVI, а къ концу XV вѣка, къ княженію великаго князя Ивана Васильевича.

На крайчихъ, которымъ принадлежитъ надзоръ за разносомъ питей и яствъ, возлагались, иногда, и нѣкоторыя другія обязанности, стоявшія въ связи съ указанной.

При московскомъ дворѣ былъ обычай въ торжественные дни, когда у государя званаго стола не было, разсы-

[1]) При описаніи царской свадьбы, Котошихинъ самъ говоритъ, что предъ царя ставятъ блюда стольники (I, 11).

лать боярамъ и другимъ чинамъ кушанья и напитки съ царскаго стола на домъ. Такая разсылка высшимъ чинамъ нерѣдко возлагалась на крайчаго.

Въ 1675 году въ день Рождества Господня

«Указалъ великій государь крайчему, князю Петру Семеновичу Урусову, бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ дворяномъ, и думнымъ дьякомъ, и ближнимъ людемъ послать по двѣ подачи (по два кушанья) съ кухни, а бояромъ съ чарками». Двор. разр. III. 1154, 1243.

Незамѣтно, чтобы крайчимъ принадлежало какое-либо участіе въ управленіи дворцовымъ вѣдомствомъ или даже какою-либо частью его.

Крайчій, обыкновенно, былъ одинъ.

Изъ прилагаемаго въ примѣчаніи [1]) списка крайчихъ видно, что, за небольшими исключеніями случайныхъ лю-

[1]) Крайчими были: въ 1514—1524 И. Ю. Сабуровъ; 1525—1530 кн. Ю. М. Голицынъ-Булгаковъ; 1531—1535 кн. П. П. Кубенскій; 1536—1540 кн. Ю. В. Глинскій; 1541—1548 кн. П. Ѳ. Мстиславскій; 1549—1553 кн Ю. П. Шемяка-Пронскій; 1554—1559 кн. П. Д. Бѣльскій; 1560—1563 кн. П. П. Горенскій; 1564—1569 Ѳ. А. Басмановъ; 1570—1572 К. В. Собакинъ; 1573—1575 кн. Ѳ. П. Мстиславскій; 1576—1579 Б. Ѳ. Годуновъ; съ 1580 по 1583 крайчаго не указано; 1584—1586 Д. П. Шуйскій; 1587—1599 А. Н. Юрьевъ; 1600—1603 П. П. Годуновъ; 1603—1605 П. М. Годуновъ; 1605—1606 кн. Б. М. Лыковъ; въ 1606 кн. П. А. Хворостининъ, въ 1607 кн. П. Б. Черкаскій; 1608—1610 кн. П. П. Ростовскій-Буйносовъ; съ 1611 по 1613 не указано крайчаго; 1613—1624 М. М. Салтыковъ; 1624—1636 кн В. Е. Сулешовъ; 1637—1640 Л. А. Плещеевъ; 1641—1645 кн. С. А. Урусовъ; 1646—1647 С. Л. Стрѣшневъ; 1648—1649 П. М. Салтыковъ; 1649—1676 кн. П. С. Урусовъ; въ 1677 кн. П. Гр. Куракинъ; съ 1677 кн. В. Ѳ. Одоевскій.

Относительно Л. А. Плещеева въ новиковское изданіе вкралась ошибка. Подъ 7145 (1737) годомъ у него напечатано: «сказано» казначей Левъ Аѳонасьевичъ Плещеевъ»; а подъ 7148 (1640) читаемъ: «отставленъ крайчій Л. А. Плещеевъ». Въ дворцовыхъ-же разрядахъ Л. А. Плещеевъ упоминается крайчимъ еще въ 1617 году (ст. I. стол. 284) единовременно съ М. М. Салтыковымъ. И такъ, Плещеевъ былъ крайчимъ, а не казначеемъ, и гораздо ранѣе, чѣмъ это показано въ сводномъ спискѣ.

дей (Басмановъ, Годуновъ), крайчіе назначались изъ лучшихъ фамилій; многія изъ нихъ принадлежатъ къ перворазряднымъ, остальныя бывали въ боярахъ и окольничихъ. Большинство крайчихъ оставалось въ этой должности не подолгу, отъ одного до 5 лѣтъ. Очень многіе изъ крайчихъ достигли боярства. Изъ 28, нами приведенныхъ, двое умерли въ должности, а изъ 26 остальныхъ, которые отъ должности крайчаго были съ теченіемъ времени отставлены, 17 человѣкъ достигли званія боярина.

По достоинству фамилій, изъ которыхъ назначались крайчіе, это одна изъ почетнѣйшихъ должностей. Очень понятно, что въ Шереметевскомъ спискѣ имъ отведено мѣсто за окольничими (или дворецкими, если послѣдніе не имѣли высшаго званія). Но и это мѣсто не всегда удовлетворяло крайчихъ знатныхъ фамилій.

Въ боярской книгѣ на 7184 годъ (1676), на стр. 23 находимъ такую приписку, сдѣланную другой рукой:

«Великій государь Ѳедоръ Алексѣевичъ князя Ивана Куракина пожаловалъ изъ стольниковъ комнатныхъ въ крайчіе, а потомъ указалъ ему сидѣть въ полатѣ съ боляры въ думѣ и имя его поставить выше окольничихъ». Моск. Арх. мин. юст.

Изъ этой приписки видно, что обыкновенное мѣсто крайчихъ за окольничими. Но въ отступленіе отъ этого порядка И. Гр. Куракину, фамилія котораго выставляла только бояръ и никогда окольничихъ, предоставлено писаться выше окольничихъ [1]).

---

[1]) Въ Двор. раз. III подъ 1675 годомъ на стр. 1449 читаемъ:

«Того-же числа (іюня 8) жаловалъ государь царевичь и великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ пирогами бояръ, и окольничихъ, и думныхъ дворянъ, и думныхъ дьяковъ, крайчаго, князь Петра Семеновича Урусова, и постельничаго, Ѳедора Асексѣевича Полтева» и т. д.

Здѣсь крайчій поставленъ ниже не только дворянъ, но и дьяковъ думныхъ. Это доказываетъ, что разрядныя записки велись иногда очень небрежно, на скорую руку.

Крайчество, являвшееся высшею ступенью для стольника, не соединяется, въ свою очередь, и съ высшими служебными должностями дворецкаго, окольничаго, боярина. Назначеніе крайчаго дворецкимъ и т. д. равносильно отставкѣ его отъ крайчества.

VI. Казначеи

Запасы всякой домашней рухляди: платья, бѣлья, мѣховъ, сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ, оловянныхъ и иныхъ, драгоцѣнныхъ камней, денегъ и пр. носили у насъ въ древности наименованіе казны. Отсюда выраженіе: «казна домовая», «казна постельная», «казна золотая, серебряная», и пр. (Котош. VI. 1). Въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича читаемъ:

«А опрочь того, что ни есть моей казны... лаловъ и яхонтовъ и иного каменья и жемчюгу и саженья всякого, и поясовъ и чепей золотыхъ, и судовъ золотыхъ и серебряныхъ и каменныхъ, и золота и серебра, и соболей, и шолковыя рухляди, и иные всякие рухляди что ни есть; такъ же и въ моей казнѣ постельной что ни есть иконъ и крестовъ золотыхъ, и золота и серебра, и платья, и иные рухляди»..... Рум. Собр., I, № 144, 1504.

Мѣсто храненія казны носило наименованіе казенной палаты, а при значительномъ развитіи казны - казеннаго двора; лицо хранившее казну, называлось казначеемъ.

Казна, казенная палата, казначеи — все это необходимая обстановка богатаго и хорошо устроеннаго хозяйства. Она встрѣчается не только у князей, но и участныхъ лицъ. Въ большомъ московскомъ дворѣ князей Голицыныхъ было нѣсколько казенныхъ палатъ: всякая казна и платье, помѣщавшіяся въ нижней казенной палатѣ, были приказаны Кузькѣ Крылову; казна верхней палаты была приказана Митькѣ Басманову. Кузька Крыловъ называется казначеемъ В. В. Голицына, но у него есть и другой

казначей, Пашка Прововъ (Шакловитый, III. 169, 197—199, 206, 250–1).

Во времена до-московскія княжеская казна хранилась у ключниковъ и тіуновъ. Кіевскій князь Ростиславъ, похоронивъ соправителя своего, князя Вячеслава:

«Бха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего, Вячеслава, и тіуны и ключники. каза нести имѣнье отца своего предъ ся, и порты, и золото, и серебро. И снесъ все, и нача роздавати по манастыремъ, и по церквамъ... а собѣ не прія ни что, толико крестъ честный взя на благословеніе собѣ»... 1154. Ипат.

Это совершенно такая-же казна, какъ и та, которая перечислена въ духовной великаго князя московскаго: золото, серебро, платье, иконы.

Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ князей мы встрѣчаемъ казначеевъ въ качествѣ хранителей княжескихъ прибытковъ, но они не совершенно исключали старыхъ тіуновъ, которые продолжаютъ вѣдать, какъ и въ старину, княжескую казну и упоминаются рядомъ съ казначеями. Какъ старые тіуны были рабами, такъ и новые казначеи то же рабы: это лишь новое наименованіе дворовыхъ чиновъ, извѣстныхъ съ глубокой древности. Московскіе князья въ своихъ духовныхъ весьма нерѣдко отпускаютъ казначеевъ на волю Въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ:

«А кто будетъ моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ или кто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгинѣ, далъ есть имъ волю» Рум. Собр. I. № 25. 1356; № 86. 1462.

Учрежденіе казначеевъ, занимающихъ опредѣленное и весьма почетное мѣсто на лѣстницѣ московскихъ придворныхъ чиновъ, принадлежитъ, по всей вѣроятности, великому князю Ивану Васильевичу, и стоитъ, надо думать, въ связи съ предпринятымъ имъ учрежденіемъ при-

казовъ. Котошихинъ перечисляетъ очень много приказовъ, вѣдавшихъ государевы доходы, но только одинъ изъ нихъ имѣетъ въ своемъ составѣ казначея, это Казенный дворъ. Можно думать, что появившимся съ конца XV вѣка казначеямъ, списокъ которыхъ даетъ Шереметевская книга, и былъ приказанъ московскій Казенный дворъ, упоминаемый въ разрядныхъ книгахъ уже въ 1500 году. Въ описаніи свадьбы дочери великаго князя Ивана Васильевича съ княземъ Холмскимъ сказано:

«А что отъ великаго князя и отъ великой княгини даровъ князю Василью Даниловичу Холмскому было и то записано въ Казенномъ дворѣ» (Карам. VI, пр. 628).

Учрежденіе новой должности казначея не повело, однако, къ немедленному упраздненію старыхъ казначеевъ рабовъ. Духовная грамота Ивана Васильевича такъ же дѣлаетъ распоряженіе объ отпускѣ на свободу казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ и посельскихъ, вѣдавшихъ прибытки князя.

Точно также не повело оно и къ объединенію въ однѣхъ рукахъ управленія всей государевой казны, гдѣ-бы она ни находилась. Кромѣ казны, находившейся въ завѣдованіи казначея, Дмитрія Володиміровича (Овцы), завѣщаніе Ивана Васильевича упоминаетъ еще «деньги и иную всякую рухлядь» въ Новгородѣ у дворецкаго и у казначеевъ, «казну» на Бѣломъ озерѣ и на Вологдѣ и въ иныхъ мѣстахъ, которыя не были приказаны Д. В. Овцѣ.

Даже московская казна не вся находилась въ рукахъ казначея Овцы. Кромѣ казны, ему порученной, была еще казна у дворецкаго и казна у конюшаго.

Вѣдомство казначеевъ Казеннаго двора не оставалось неизмѣннымъ. Съ начала оно быстро возрастаетъ, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія приказныхъ учрежденій, сокращается. По памятникамъ XVI вѣка казначеи вѣдаютъ многое такое, что въ XVII в. перешло въ вѣдѣніе особыхъ приказовъ.

Казначеи XVI вѣка не только хранили государеву казну, но и вѣдали государевы доходы, получая разные пошлины

и оброки и сдавая въ оброчное содержаніе разныя доходныя статьи [1]).

Они вѣдаютъ и расходы. Въ 1555 году былъ посланъ чрезъ Великій Новгородъ до нѣмецкаго рубежа Д. Гр. Плещеевъ. Вѣдомость о расходахъ на эту поѣздку приказано было прислать казначеямъ въ Москву (Д. къ А. II. I. № 70, II и IV, 1555).

Вѣдомству казначеевъ подлежали и дѣла о холопствѣ. У нихъ совершались акты на холопство и они вели книги, въ которыя записывались эти факты (А. II. I. № 151. XIII, 1558). Вѣдомство дѣлъ о холопствѣ казначеями можетъ объясняться существованіемъ особой пошлины съ поступленія въ холопство.

Управленіе въ старину никогда не отдѣлалось отъ суда, а потому казначеи вѣдали и судъ. Судебная компетенція ихъ была весьма широка и во многихъ случаяхъ мы не имѣемъ даже возможности объяснить, почему извѣстныя дѣла подлежали именно суду казначеевъ.

Казначеи разбирали споры, возникавшіе изъ обложенія разными сборами, напр. тамгою (А. Э. I. № 262, 1563). Подсудность этихъ дѣлъ казначеямъ составляетъ естественное послѣдствіе подвѣдомственности имъ таможенныхъ пошлинъ.

Но казначеи вѣдали судъ и во многихъ другихъ случаяхъ, которые не стояли ни въ какомъ отношеніи къ ихъ спеціальности.

Эта широкая судебная компетенція не принадлежала имъ, однако, съ самаго начала, а была предоставлена только впослѣдствіи. Первый Судебникъ ничего не знаетъ

[1]) Они получаютъ таможенный доходъ (Д. къ А. II. I, № 101, 1556), недоимки денежныхъ пошлинъ (тамъ же, № 51, XIII, 1555), оброкъ за бобровъ (А. Э. I, № 183, 1537), сдаютъ на откупъ пятенную и анбарную пошлину (Д. къ А. II. I, № 74, 1555), тамгу и всѣ таможенныя пошлины (А. Э. I, № 263, 1563); штрафныя деньги за употребленіе неправильной мѣры тоже поступаютъ къ казначеямъ (Д. къ А. II. I, № 45, 1550).

о судѣ казначеевъ, онъ говоритъ только о судѣ бояръ и окольничихъ; второй Судебникъ къ боярамъ и окольничимъ вездѣ прибавляетъ дворецкихъ и казначеевъ. Это, думаемъ, нововведеніе: казначеи получили право «судить судь царя и великаго князя» не въ качествѣ хранителей казны, а въ качествѣ довѣренныхъ и приближенныхъ къ царю лицъ. Въ этомъ смыслѣ они конкурируютъ со введенными боярами. Въ жалованныхъ грамотахъ XVI вѣка лицамъ привилегированнымъ предоставляется обращаться къ суду царя или его казначеевъ [1]).

Изъ памяти казначеямъ. Ѳ. П. Сукину и Х. Ю. Тютину, отъ 1555 года, узнаемъ, что въ это время суду казначеевъ были приказаны цѣлые города. Въ этомъ году состоялся новый указъ о добровольныхъ холопахъ. Этотъ указъ былъ сообщенъ казначеямъ съ предписаніемъ тотъ указъ

«Въ Судебникъ написать, а въ городы, которые имъ приказаны судити, къ выборнымъ головамъ послати, чтобы они доброволныхъ людей судили по сему приговору». А. П. I. № 154, IV.

Этой подсудностью казначеямъ цѣлыхъ городовъ надо объяснять то обстоятельство, что имъ сообщаются къ исполненію новые указы о порядкѣ суда, а они, съ своей стороны, дѣлаютъ вопросы о томъ, какъ производить судъ въ случаяхъ, въ законахъ неуказанныхъ [2]).

Какъ довѣренные люди, казначеи назначаются вмѣстѣ съ боярами вести переговоры съ иностранными послами. Въ 1494 году въ переговорахъ съ литовскими послами участвуетъ казначей Д. В. Овца (Сб. Им. р. ист. общ. XXXV, 114).

[1]) Д. къ А. П. I. № 26, 44, 117, 1530–1564; А. П. I. № 141, 147, 1542—1547.

[2]) А. П. I. № 154, III, VII, XII, XV, XX, 1555—59; въ 1559 году казначеемъ былъ предоставленъ судъ иногородцевъ, временно находившихся въ Москвѣ, въ ихъ спорахъ съ другими иногородцами, но не одногородцами. А. П. № 154, XIV.

Это широкое вѣдомство казначеевъ XVI вѣка къ половинѣ слѣдующаго столѣтія весьма сократилось. Котошихинъ говоритъ, что денежный доходъ Казеннаго двора, которымъ управлялъ казначей, небольшой, всего «въ 3000 рублевъ», и что въ вѣдомствѣ его состояло посадскихъ торговыхъ людей не болѣе 500 человѣкъ (VI, I) Вѣдомство доходовъ перешло въ финансовые приказы разнаго наименованія; холопьи дѣла – въ Холопій приказъ. Въ вѣдомствѣ казначея осталась только царская казна: золотая, серебряная, сосуды, бархаты, атласы, ковры золотые и серебряные, сукна и всякая домовая казна.

Что касается числа казначеевъ, единовременно сидѣвшихъ въ Казенномъ дворѣ, то мы встрѣчаемъ то одного, то двухъ. Но преобладающая практика состояла, кажется, въ назначеніи одного казначея. Шереметевская книга только и говоритъ что объ одномъ. Но этотъ одинъ всегда имѣлъ товарищей изъ болѣе мелкихъ чиновъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ выросъ въ тяжелое время постоянныхъ измѣнъ служилыхъ людей и былъ проникнутъ весьма понятнымъ недовѣріемъ къ окружавшимъ его лицамъ, чтобы довѣрить свою казну одному человѣку. Онъ не находилъ полезнымъ и свой судъ передавать одному введенному боярину, а присоединилъ къ нему дьяка. Еще болѣе сложную организацію наблюдаемъ въ устроійствѣ его казны. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Свою казну великій князь раздѣлилъ между сыновьями. Часть каждаго онъ заботливо «поклалъ въ ларци», ключи отъ ларцевъ онъ отдалъ дѣтямъ, а самыя ларцы отдалъ на храненіе:

«Въ свою казну, своему казначею, Дмитрію Володимировичу (Овцѣ), да своему печатнику. Юрію, Дмитріеву сыну, Греку, да своимъ дьякомъ, Данилкѣ Мамыреву да Тишкѣ Маклакову».

У казначея Д. В. Овцы было, такимъ образомъ, трое товарищей: печатникъ да двое дьяковъ. Этотъ составъ Казеннаго двора сохраняется и въ половинѣ XVI вѣка,

когда былъ не одинъ казначей, а двое: Ѳ. П. Сукинъ и Х. Ю. Тютинъ. Въ 1550 году штрафныя деньги за употребленіе старыхъ мѣръ приказано высылать:

«Къ нашимъ казначѣемъ и къ печатнику и къ дьякомъ». Д. къ А. И. I, № 45.

Казенный дворъ, слѣдовательно, цѣлая коллегія. Этотъ первоначальный свой характеръ сохраняетъ онъ и въ XVII вѣкѣ, только печатникъ вышелъ изъ его состава. Котошихинъ говоритъ, что въ приказѣ Казеннаго двора сидитъ «казначей, а съ нимъ два дьяка» (VI, 1).

На служебной лѣстницѣ московскихъ чиновъ казначеи занимаютъ мѣсто послѣ крайчаго и впереди думныхъ дворянъ. Это мѣсто постоянно отводится имъ въ Шереметевскомъ спискѣ. Въ подписи соборнаго приговора о литовской войнѣ 1566 года имена казначеевъ слѣдуютъ непосредственно за именами окольничихъ (крайчій не подписался). Такъ было и въ XVII вѣкѣ. Котошихинъ говоритъ:

«И тотъ казначей думной же человѣкъ и сидитъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ» (VI, 1).

Есть основаніе думать, что казначеи съ перваго своего возникновенія были уже думные люди. Въ концѣ духовной грамоты великаго князя Ивана Васильевича читаемъ:

«А тутo были бояре мои... да казначей мой Дмитрей Володимировичъ».

И бояре и казначей присутствовали при написаніи грамоты, конечно, въ качествѣ совѣтниковъ, а это и есть «думные люди».

Должность казначея по преимуществу дѣловая, а не почетная только, развилась же она на почвѣ старинной дворовой службы, а потому въ казначеи назначаются люди новые, не родовитые [1]). Но должность казначея прокладывала дорогу къ высшимъ почестямъ. Съ отпра-

[1]) Казначеями были: 1495 — 1510 Д. В. Овца, 1511 — 1513 Ю. Д. Траханіотъ, 1514 — 1525 П. П. Головинъ, 1526 — 151? И. И. Третьяк-

вленія этой должности началось возвышеніе Траханіотовъ, Головиныхъ, Сукина. Василій Юрьевичъ Траханіотъ, сынъ казначея, былъ пожалованъ званіемъ боярина введеннаго. Первый Головинъ, упоминаемый въ боярскихъ книгахъ, Петръ Ивановичъ, тоже былъ казначей, а сыновья его достигли окольничества; внукъ — опять казначей, а правнукъ, Василій Петровичъ, сынъ казначея,— самъ казначей, а потомъ окольничій, а въ 1609 году боринъ. Сукинъ, отправлявшій должность казначея въ теченіе 22 лѣтъ, былъ возведенъ въ званіе боярина. Изъ 19 извѣстныхъ намъ казначеевъ только одинъ принадлежитъ къ родовитой фамиліи, это князь Мосальскій. Но Мосальскіе появляются въ боярскихъ книгахъ не ранѣе

ковъ, 1544 — 1566 Ѳ. П. Сукинъ, 1567 — 1572 Н. А. Курцевъ, 1573 — 1577 кн. В. В. Мосальскій, 1578 — 1585 П. П. Головинъ, 1586 — 1593 П. В. Траханіотъ, 1594—1599 Д. П. Черемисиновъ, 1600 — 1604 П. П. Татищевъ, 1605—1609 В. П. Головинъ; съ 1609 по 1613 казначея не показано; 1613 — 1623 П. В. Траханіотъ, съ 1623 по 1637 казначея не показано; 1640 — 1642 П. П. Волынскій, 1643 — 1661 Б. М. Дубровскій; съ 1662 по 1663 казначея не показано; въ 1663 назначенъ А. С. Нарбековъ (когда отставленъ, не видно), въ 1677 назначенъ П. Б. Камынинъ.

Шерем. книга всегда говоритъ только объ одномъ казначеѣ, а въ актахъ мы нашли указаніе на единовременное существованіе двухъ казначеевъ, изъ которыхъ второй сводному списку вовсе не извѣстенъ. Это, напримѣръ, Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ, бывшій казначеемъ вмѣстѣ съ Сукинымъ. Акты упоминаютъ объ немъ въ 1550-хъ и 60-хъ годахъ; А. П. I, № 154, IV, XII; № 74, 112; А. Э. I, № 263. Но Тютинъ сдѣлался казначеемъ еще при Третьяковѣ. Въ А. Ю. № 22, въ правой грамотѣ, помѣченной 1547 г., Тютинъ упоминается вторымъ казначеемъ при Третьяковѣ—первомъ. Но такъ какъ съ 1544 г. былъ казначеемъ Сукинъ, то выходитъ, что въ концѣ сороковыхъ гг. было три казначея. Это повторяется и въ началѣ 50 хъ, когда былъ первымъ казначеемъ П. П. Головинъ, если вѣрить описанію свадьбы Володиміра Андреевича (Вивл. XIII). Шеремет. сп. упоминаетъ этого Головина только въ званіи окольничаго. Почему Шерем. сп. называетъ одного казначея, а не всѣхъ, это тайна составителя. Годъ смерти Третьякова (1543) показанъ невѣрно, онъ былъ живъ еще въ 47 г.

конца XVI вѣка и первый извѣстный имъ Мосальскій былъ казначеемъ; только въ XVII вѣкѣ поднимаются Мосальскіе до окольничества и боярства. И они, слѣдовательно, несмотря на свою родовитость, высокимъ служебнымъ положеніемъ не пользовались и службу свою начали съ казначейства.

VII. Дворяне думные

Прежде скажемъ о дворянахъ вообще.

Слово дворянинъ впервые встрѣчается въ разсказѣ суздальскаго лѣтописца о событіяхъ, послѣдовавшихъ за убіеніемъ ростовскаго князя, Андрея Боголюбскаго:

«Горожане же боголюбьскыи и дворяне разъграбиша домъ княжь и дѣлатели. иже бяхоу пришли къ дѣлоу: злато и сребро, порты же и паволокы, и имѣніе, емоу же не бе числа». 1175.

Карамзинъ замѣтилъ уже по поводу этого мѣста, что здѣсь въ первый разъ употреблено имя дворянъ въ смыслѣ придворныхъ» (III, пр. 23). Совершенно вѣрное замѣчаніе. Только подъ придворными здѣсь надо разумѣть придворныхъ въ смыслѣ отроковъ и дѣтскихъ Русской Правды и начальной лѣтописи, а не придворныхъ нашего времени.

Убіеніе Андрея Боголюбскаго было дѣломъ дворовыхъ его людей. Самое близкое участіе въ немъ принимали: Анбалъ, его довѣренный ключникъ (тіунъ), и любимый слуга князя. Якимъ Кучковичъ. Они, надо думать, подговорили всю княжескую дворню. Этимъ и объясняется тотъ тотъ фактъ. что не только объ отмщеніи смерти князя, но и объ отданіи послѣдняго долга тѣлу его никто изъ близкихъ къ нему не позаботился: тѣло князя было выброшено въ огородъ. Заботу о погребеніи принимаетъ на себя пришлый человѣкъ, кіянинъ Кузьмище. Соболѣзнуя о князѣ, онъ говоритъ: «уже тебе, господине, паробьци твои не знаютъ» (Ипат.). Это-ти паробки (от-

роки), возставшіе на господина своего, и суть тѣ дворяне, которые приняпись вмѣстѣ съ гражданами боголюбскими грабить домъ своего князя.

Дворянами стали называться отроки и дѣтскіе потому, что жили во дворѣ князя. Это дворные люди. Первая Новгородская лѣтопись говоритъ, что князь Мстиславъ Мстиславичъ схватилъ новгородскаго намѣстника, князя Ярослава Всеволодовича, и дворянъ его поковалъ: Воскресенская лѣтопись, описывая тѣ же событія, говоритъ, что князь Мстиславъ поковалъ дворныхъ людей Ярослава.

Дворяне играютъ совершенно ту же роль, какая принадлежала отрокамъ и дѣтскимъ. Какъ дворные люди князя, они состоятъ при немъ для личныхъ его услугъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они воины и на нихъ возлагается отправленіе нѣкоторыхъ дѣйствій при судѣ.

Въ первой Новогородской лѣтописи читаемъ:

«Томъ же дне иде князь Мьстиславъ съ новогородьци на Чюдь, на Еревy, сквозѣ землю Чюдскую къ морю. Села ихъ потрати и осѣкы ихъ възма и ста съ новгородци подъ городомъ Боробшиномь. И Чюдь поклонишася ему и Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань и да повгородьцемъ двѣ части дани, а третьюю часть дворяномъ». 1214.

Дворяне получили третью часть дани въ качествѣ воиновъ князя. Они играютъ въ данномъ случаѣ роль отроковъ, гридей и мечниковъ.

Въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ, читаемъ:

«А дворяномъ твоимъ у купець повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти.... А за рубежь изъ новгородьской волости твоимъ дворяномъ суда не выводити, ни судити». Рум. собр. I. № 8. 1305.

Здѣсь дворяне—то гонцы, которые состоятъ на посылкахъ, то судные чиновники. Въ качествѣ судныхъ чиновниковъ, но очень не важныхъ, выступаютъ они и

въ Двинской судной грамотѣ (1397); они вызываютъ къ суду:

«А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду» (9).

По позднѣйшимъ спискамъ Русской Правды они тоже прислуживаютъ на судѣ:

«Оже оутяжутъ въ моукѣ, а посидить оу дворянина, 8 ногатъ за тоу моукоу» (Кар., ст. 135).

Въ составѣ дворянъ встрѣчаются не только свободные люди, но даже и дѣти боярскія. Въ войну съ ляхами владимірскаго князя, Владиміра Васильевича, на сторонѣ послѣдняго былъ убитъ «дворный слуга его, любимый сынъ боярскій, Михаиловичъ, именемъ Рахъ» (Ипат. 1281).

Новый терминъ «дворянинъ» одинаково употребляется и для обозначенія дворовыхъ слугъ всѣхъ частныхъ господъ. Если эти частные господа получаютъ кормленія, въ такихъ случаяхъ они также предоставляютъ дворянамъ своимъ отправленіе нѣкоторыхъ судныхъ и правительственныхъ дѣйствій. Дворянъ своихъ имѣли даже тіуны. У кого былъ свой дворъ, у того могли быть и свои дворяне, какъ въ старину отроки.

Въ жалованной грамотѣ князя Василія Давыдовича Ярославскаго архимандриту Спасскаго монастыря (отъ первой половины XIV в.) читаемъ:

«А судьи мои вси, намѣстницы и тіуны, не шлютъ дворянъ своихъ по люди Святаго Спаса, но шлютъ ко игумену, а игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей» (Карамз. IV. пр. 328).

Въ жалованной грамотѣ кашинскаго князя читаемъ:

«А что ся учинеть или розбой, или душегубьство, или татба, который судъ ино будеть межи монастырьскихъ людій, судитъ ихъ и дворянъ даеть монастырьскій тивунъ одинъ». А. Э. I. № 5. 1361.

Или, сто лѣтъ позднѣе, въ жалованной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича Троицы-Сергіеву монастырю:

«А намѣстницы мои бѣжицкіе и ихъ тіуни не высылаютъ дворянъ своихъ къ нимъ ни по что». А. Э. I. № 131. 1494.

У богатыхъ людей число такихъ дворянъ достигало значительныхъ размѣровъ и они составляли ихъ вооруженную силу. Лѣтописецъ такъ описываетъ погоню Михаила Глинскаго, замыслившаго перейти на сторону польскаго короля, воеводами великаго князя московскаго:

«Князь же Михайло Голица скоро вѣсть посла воеводѣ, Ивану Андреевичу Челяднину, а самъ всѣдъ борзо на конь со всѣмъ дворомъ своимъ..... и тое ночи гнавъ.... И бысть въ четвертую стражу нощи, оже Михайло Глинскій ѣдетъ одинъ напередъ своихъ дворянъ за версту, и пойма его князь Михайло Голица, а дѣти боярскіе переимали дворянъ Глинскаго» (Карамз. VII. пр. 119).

Дворянъ Глинскаго переловили «дѣти боярскіе» воеводы князя Михаила Голицы; а выше было сказано, что Михаилъ Голица отправился на погоню Глинскаго «со всѣмъ дворомъ своимъ». Въ составъ двора его, значитъ, также входили дѣти боярскія, какъ они входили и въ составъ двора московскихъ государей. Мы имѣемъ указанія, что дѣти боярскія поступали даже въ холопи къ частнымъ людямъ (Судебникъ 1550 г. ст. 81).

Съ увеличеніемъ границъ московскаго великаго княженія на счетъ сосѣднихъ княженій, великихъ и удѣльныхъ, число дворовыхъ людей московскаго великаго князя значительно увеличивается поступленіемъ подъ его власть дворовъ присоединяемыхъ княженій. По мѣрѣ увеличенія своей власти, московскіе великіе князья начинаютъ недовѣрчивымъ окомъ взирать на дворы боярскіе. Разрядная книга Бекетова сохранила извѣстіе о томъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ приказалъ пере-

писать на свое имя служилыхъ людей изъ дворовъ нѣкоторыхъ князей (служилыхъ) и бояръ:

«Какъ Богъ поручилъ великому князю, Ивану Васильевичу, подъ его державу Великій Новгородъ, и по его государеву, изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ».

За тѣмъ идетъ перечисленіе, по именамъ, дворовыхъ людей, послужильцевъ, бояръ: Тучкова, кн. Ряполовскаго, Шереметевыхъ, Кузьмина, Есипова, Салтанова-Травина и Образцова. Число отобранныхъ дворовыхъ послужильцевъ очень неодинаково. У Василія Тучкова взято 9 семей, у Ивана Тучкова и Травина по 8, а у Кузьмина всего одна. Въ концѣ написано:

«И помѣщены, по государеву указу, въ Вотской Пятинѣ». Карам. VI, пр. 201.

Отобранные у частныхъ людей дворовые послужильцы переведены не въ княжескій дворъ, а помѣщены въ Вотской пятинѣ на вновь пріобрѣтенныхъ отъ Новгорода земляхъ. Въ рукахъ Ивана Васильевича соединилось уже столько княжескихъ дворовъ и дворовыхъ людей, что надо было подумать о новой организаціи придворныхъ слугъ. Онъ даетъ имъ помѣстья съ обязанностью нести военную службу и такимъ образомъ выводитъ ихъ изъ тѣсной сферы двороваго быта на болѣе широкую арену помѣстной жизни и службы. Такое испомѣщеніе дворовыхъ людей на княжескихъ земляхъ, какъ и пожалованіе княжескими землями бояръ и дѣтей боярскихъ, значительное развитіе могло получить не ранѣе половины XV вѣка, когда объединительная политика московскихъ князей дѣлаетъ уже несомнѣнные успѣхи. Но значеніе правильной системы, прямѣняемой въ широкихъ размѣрахъ, испомѣщеніе получаетъ только при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Дворные слуги, выводимые изъ дворовъ и помѣщаемые на княжескихъ земляхъ, удерживаютъ и въ этомъ новомъ своемъ положеніи старое наименованіе дворянъ. Къ этому старому имени присоединяется и новое «помѣщикъ», происшедшее изъ факта помѣщенія на княжеской землѣ. Рядомъ со старинными землевладѣльцами, боярами и людьми боярскими, возникаетъ въ Москвѣ новый классъ условныхъ владѣльцевъ помѣщиковъ-дворянъ. Этотъ новый классъ, возникшій изъ дворныхъ слугъ, естественно, занимаетъ неодинаковое мѣсто съ боярами и дѣтьми боярскими. Въ первомъ Судебникѣ находимъ такую статью:

«А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, и имъ судити» (38).

Кормленія даются только боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, но не дворянамъ: послѣднимъ довольно и помѣстій. Эта статья повторена и вторымъ Судебникомъ (62). До самой половины XVI вѣка, значитъ, еще живо чувствуется разница между боярами и дѣтьми боярскими и дворянами.

Но уже съ конца XV вѣка начинается и смѣшеніе этихъ первоначально совершенно различныхъ разрядовъ лицъ. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1484 годомъ читаемъ:

«Тое же зимы поималъ князь великии бльшихъ бояръ новгородцкыхъ и боярынь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстіа на Москвѣ подъ городомъ».

Эту мѣру великій князь повторяетъ въ 1489 году. Но на этотъ разъ онъ испомѣщаетъ новогородскихъ бояръ не только въ Московскомъ уѣздѣ, но и во Владимірскомъ, Муромскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ и другихъ. На земли же, отобранныя у новогородскихъ бояръ, онъ помѣщаетъ дѣтей боярскихъ изъ Московскихъ городовъ (Воскр. л. ст. 218). Такимъ образомъ, появляются помѣщики изъ старинныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ.

Мѣры этого рода продолжаются и въ XVI вѣкѣ. Въ 1550 году царь Иванъ приказалъ дать «боярамъ и другимъ слугамъ, которымъ быть готовымъ въ посылки», помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ уже есть вотчины близъ Москвы (Никонов. лѣт.).

Для надобностей государевой службы бояре такъ же помѣщаются, какъ и дворяне. А съ другой стороны, и дворяне, сдѣлавшись помѣщиками, получили вкусъ къ землевладѣнію и стали пріобрѣтать вотчины. Такимъ образомъ, возникаютъ условія, благодаря которымъ начинаетъ сглаживаться первоначальное различіе между бояриномъ и сыномъ боярскимъ съ одной стороны и дворяниномъ съ другой: и тѣ и другіе — помѣщики и тѣ и другіе — вотчинники.

Но сліяніе дворянъ съ дѣтьми боярскими совершается весьма медленно. Только къ началу XVII вѣка дѣлается оно совершенно замѣтнымъ. Въ первой же половинѣ XVI вѣка дѣти боярскія продолжаютъ составлять высшій сравнительно съ дворянами классъ и въ перечисленіи разныхъ группъ населенія слѣдуютъ непосредственно за боярами.

Завѣщаніе Ивана Васильевича, говоря о неприкосновенности пожалованныхъ служилымъ людямъ селъ и деревень, упоминаетъ дѣтей боярскихъ, а не дворянъ (мѣсто приведено на стр. 421).

Тотъ же памятникъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими надо упомянуть и о дворянахъ, ставитъ дѣтей боярскихъ впереди дворянъ:

«А что которые мои дворы внутри города на Москвѣ и за городомъ за моими бояры, и за князьями, и за дѣтми за боярскими, и за дворяны за моими, и за дворцовыми людми, и за конюхами, и за мастеры за моими, и тѣ всѣ дворы сыну же моему Василью».

Далѣе духовная грамотъ говоритъ о людяхъ, имѣющихъ свои собственные дворы, полученные по наслѣдству,

купленные или пожалованные великимъ княземъ, и здѣсь упоминаетъ только дѣтей боярскихъ, а не дворянъ:

«А у кого будутъ у бояръ и у князеи и у дѣтей у боярскихъ внутри города на Москвѣ и за городомъ на посадехъ дворы, ихъ отчины и куцли, или кому буду далъ на Москвѣ внутри города и за городомъ, по посадамъ, грамоты свои жаловальные прочные, и сынъ мои въ тѣ дворы у нихъ не вступается».

Приводимый памятникъ проводитъ еще ясное различіе между дѣтьми боярскими и дворянами. У дѣтей боярскихъ есть своя собственность, купли и жалованныя въ прокъ княжескія земли и дворы. Кромѣ того, имъ даются княжескіе дворы на помѣстномъ правѣ. У дворянъ же предполагается только послѣдній видъ условнаго владѣнія, дворы, данные на помѣстномъ правѣ.

Княжескія грамоты, содержащія въ себѣ разныя правительственныя распоряженія, пишутся на имя дѣтей боярскихъ, а не дворянъ:

Отъ великого князя, Василія Ивановича, всея Русіи, княземъ и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всѣмъ служилымъ людемъ. Что бы есте въ монастырскихъ, въ Троицкихъ Сергіева монастыря, селѣхъ и деревняхъ, въ Новотержскомъ уѣздѣ, не ставилися». 1509. А. Э. I. № 151.

Духовенство въ своихъ поученіяхъ князьямъ заботится о милостивомъ ихъ вниманіи къ дѣтямъ боярскимъ, а не къ дворянамъ, которыхъ оно еще не знаетъ въ качествѣ особаго служилаго и землевладѣльческаго класса. Въ поученіи митрополита Макарія царю Ивану Васильевичу читаемъ:

«Боляръ же своихъ и болярынь и всѣхъ вельможъ жалуйте и берегите по ихъ отечьству; ко всѣмъ же княземъ и княжатамъ и къ дѣтемъ боярскымъ и ко всему христолюбивому воиньству и къ всѣмъ своимъ доброхотамъ будите приступни и милостивы по царскому своему сану и чину». 1547. Д. къ А. И. I. № 40.

Хотя разные дворовые слуги съ конца XV вѣка испо-

мѣщаются уже на государевыхъ земляхъ, но, надо думать, что большинство уѣзднаго служилаго населенія состояло еще попрежнему изъ дѣтей боярскихъ, а не изъ дворянъ. На эту мысль наводятъ многія правительственныя распоряженія по военному вѣдомству, въ которыхъ въ качествѣ городовыхъ служилыхъ людей упоминаются только дѣти боярскія:

«Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Пронескъ Якову Никитичу Измайлову да Михаилу Ѳедоровичу сыну Сунбулову. Послалъ есмя въ Пронескъ воеводу своего, князя Ондрея Михайловича Курбскаго, и какъ князь Ондрей въ Пронескъ пріѣдетъ, и выбъ списки дѣтей боярскихъ рязанцевъ, которые были у васъ, отдали воеводѣ нашему». 1550.

Или:

«Отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Новгородъ Сѣверской воеводѣ нашему, Осифу Васильевичу Полеву. Писали есмя къ тебѣ напередъ сего, а велѣли тебѣ изо Брянска итти по крымскимъ вѣстѣмъ въ Новгородокъ Сѣверской а съ тобою брянчанамъ, дѣтемъ боярскимъ»... 1554. Рус. Ист. сб. II. 1838, стр. 207, 87; ср. еще стр. 81, 193, 197.

Преобладающее значеніе дѣтей боярскихъ въ первой половинѣ XVI вѣка подтверждается и выше приведенною статьей (62) царскаго Судебника, повторяющей статью Судебника 1497 года (38), по которой кормленія и сопряженое съ ними право суда и управленія предполагается, по общему правилу, только у бояръ и дѣтей боярскихъ.

Но въ памятникахъ второй половины XVI вѣка терминъ дворяне начинаетъ уже употребляться и для обозначенія дѣтей боярскихъ.Съ такимъ случаемъ встрѣчаемся въ приговорной грамотѣ людей разныхъ чиновъ отъ 1566 года по вопросу о перемиріи съ польскимъ королемъ. Послѣ изложенія мнѣнія бояръ читаемъ:

«А мы государя своего царевы и великого князя дворяне первая статья».

За этимъ слѣдуетъ перечисленіе именъ дворянъ первой статьи и поданное ими мнѣніе, а потомъ:

«А мы дворяне и дѣти боярскіе другое статьи». Рум. Собр. I. № 192.

Въ первомъ случаѣ о дѣтяхъ боярскихъ не упомянуто, но это, конечно, описка; въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, надо читать: «дворяне и дѣти боярскіе первой статьи». Что здѣсь подъ терминомъ дворяне разумѣются и дѣти боярскіе, это видно изъ сличенія встрѣчающихся въ подписи именъ дворянъ съ именами дѣтей боярскихъ, поручившихся въ неотъѣздѣ боярина, Ивана Петровича Яковлева (Рум. Собр. I. № 184, 1565 годъ). Нѣкоторые изъ лицъ, подписавшихъ приговорную грамоту 1566 года подъ рубрикой «дворянъ первой статьи», встрѣчаются въ поручной подъ рубрикой «дѣтей боярскихъ» [1]). Ясно, что дворянами названы въ приговорѣ и дѣти боярскія. Это смѣшеніе тѣмъ легче могло произойти, что съ весьма древняго времени, какъ мы видѣли, дѣти боярскія вступаютъ уже въ составъ княжескихъ дворянъ. Въ приведенныхъ мѣстахъ терминъ «дворяне» стоитъ впереди «дѣтей боярскихъ», но это еще не твердо установившаяся практика. Въ томъ же памятникѣ въ концѣ читаемъ:

«А мы княжата, и дѣти боярскіе и дворяне на сей грамоте, на своихъ рѣчехъ, государю своему крестъ цѣловали».

Неустановленность терминологіи видна и изъ того, что въ томъ же самомъ памятникѣ совершенно такіе же служилые люди, какъ выше помянутые дворяне и дѣти боярскія, названы, по роду землевладѣнія, помѣщиками: «торопецкіе и луцкіе помѣщики».

Возникающее смѣшеніе дѣтей боярскихъ и дворянъ ве-

[1]) Это будутъ: Годуновъ Мих. Вас., Зюзинъ Иванисъ Григор., Третьяковъ Ѳома Иван., Плещеевъ Бархатъ Олферьевъ и Ѳоминъ Василій Григорьевъ. Они и дѣти боярскіе и дворяне первой статьи.

детъ къ тому, что въ должности, въ которыя прежде назначались только дворяне, теперь назначаются уже и дѣти боярскія. Въ разрядной книгѣ Симбирскаго сборника подъ 1575 годомъ читаемъ:

А во дворянехъ съ нимъ (съ московскимъ посломъ къ цесарю римскому) были Юрьева Ливонскаго немецкие помѣщики, дѣти боярскіе: Мамлей Ильинъ да Третьякъ Зубатый».

Въ такомъ же широкомъ смыслѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ терминъ дворяне употребляется и при наименованіи думныхъ дворянъ. Въ выпискѣ Новикова изъ боярской книги М. П. Шереметевой нерѣдко находимъ выраженіе: «дворянинъ въ думѣ», а за тѣмъ слѣдуетъ имя. Такое же выраженіе встрѣчаемъ и въ разрядахъ XVI в., напечатанныхъ Новиковымъ (XIV т.):

«1578 годъ: дворяне, которые въ думѣ», а затѣмъ слѣдуютъ имена.

Что же такое дворяне въ думѣ?

Допущеніе въ государеву думу людей не именитыхъ не составляетъ какой-либо новости. Говоря о боярахъ введеныхъ, мы уже замѣтили, что, обыкновенно, въ это званіе возводились лучшіе люди, но государи могли сдѣлать и дѣйствительно дѣлали введеными боярами и людей новыхъ, не именитыхъ. Въ выборѣ лицъ въ свою думу князья не были ограничены какимъ-либо однимъ классомъ служилыхъ людей; да это и невозможно было по малой замкнутости и обособленности этихъ классовъ. Присутствіе въ княжеской думѣ XVI вѣка лицъ изъ средней полосы служилыхъ людей не представляется намъ новостью. С. М. Соловьевъ уже обратилъ вниманіе на одно мѣсто въ статейномъ спискѣ 1534 года. При описаніи пріема литовскаго посла тамъ сказано:

«А князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, и окольничіе, и дворецкіе, и дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ, и дѣти боярскіе прибыльные, которые не живутъ въ думѣ» (Акты Запад. Рос. II. 252).

«Если подъ именемъ думы, говоритъ по поводу этого мѣста авторъ Исторіи Россіи, мы будемъ здѣсь разумѣть совѣтъ великокняжескій и слову жить придадимъ обыкновенное значеніе существованія или присутствія, то должны будемъ признать, что еще прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV были введены въ думу дѣти боярскія. Конечно, мы никакъ не рѣшимся утверждать, что это введеніе послѣдовало именно въ правленіе Елены, а не ранѣе» (VI. 32). Соловьевъ исправляетъ здѣсь господствовавшее до него мнѣніе, по которому Ивану Грозному приписывалась демократизація царской думы. Мы совершенно присоединяемся къ его разъясненію приведенной цитаты. Дѣти боярскія, которыя жили въ думѣ, по всей вѣроятности, названы такъ потому, что приглашались въ думу. Но мы не думаемъ, чтобы по поводу разъясненнаго мѣста могла итти рѣчь о какомъ-либо нововведеніи въ составѣ думы, совершенномъ Иваномъ Грознымъ или кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ. Мысль, что до XVI в. въ княжескую думу входили только бояре введеные да окольничіе, основывается единственно на томъ, что о думныхъ дворянахъ рѣчь идетъ лишь въ памятникахъ второй половины XVI вѣка. Это, конечно, не доказательство. Князья сами назначали бояръ введеныхъ и окольничихъ и не могли быть ограничены ими въ выборѣ состава своей думы. Они всегда вольны были совѣщаться съ кѣмъ хотѣли, и совѣщались какъ съ большими боярами, такъ и съ меньшими, такъ и съ дѣтьми боярскими. Во второй половинѣ XVI вѣка, какъ мы видѣли, терминологія начинаетъ мѣняться, вмѣсто «дѣтей боярскихъ» начинаютъ говорить—«дворяне». Терминъ новый, а не дѣти боярскія или дворяне новость въ думѣ. Можно думать, что съ развитіемъ власти московскихъ государей число совѣтниковъ ихъ не возрастало, а сокращалось. Установленіе обязательной службы устранило необходимость тѣхъ соглашеній со служилыми людьми, къ которымъ надо

было обращаться при вольной службѣ и которыя превращали въ совѣтъ князя всѣхъ его вольныхъ слугъ.

Согласно господствовавшимъ въ началѣ XVI вѣка понятіямъ, памятники того времени говорятъ о дѣтяхъ боярскихъ въ думѣ, а не о дворянахъ. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ извѣстій этого рода находится въ описаніи переговоровъ съ посломъ прусскаго магистра, происходившихъ въ Москвѣ въ 1517 году. Крестъ на заключенной съ посломъ грамотѣ долженъ былъ цѣловать бояринъ, князь Дм. Вл. Ростовскій, но такъ какъ въ этотъ заключительный моментъ переговоровъ онъ изъ Москвы выѣхалъ, то государь приказалъ вмѣсто него цѣловать крестъ «сыну боярскому Ивану, Юрьеву сыну, Поджогину (Шигонѣ), который у государя въ думѣ живетъ» (Сб. Им. рус. ист. общ. LIII, 40). Вторымъ извѣстнымъ намъ сыномъ боярскимъ, входившимъ въ государеву думу является Иванъ Берсень Беклемишевъ. Онъ самъ говорилъ Максиму Греку, что принималъ участіе въ обсужденіи вопроса о Смоленскѣ, возражалъ на мнѣніе великаго князя и тѣмъ навлекъ на себя его неудовольствіе. «Пойди, смердѣ, прочь, ненадобенъ ми еси» сказалъ ему государь. По поводу этого столкновенія Берсень высказалъ такое заключеніе объ отношеніи Василія Ивановича къ думнымъ людямъ: «государь упрямъ, стрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему въстрѣчю говоритъ, и онъ на того опаляется. А отецъ его, князь велики, противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали (А. Э. I., № 172. 1525). Со второй половины XVI вѣка въ памятникахъ рѣчь уже идетъ о дворянахъ въ думѣ, а не о дѣтяхъ боярскихъ.

Дворяне въ думѣ, несмотря на то, что они признанные совѣтники государя, не имѣютъ равной чести не только съ боярами введеными, но и съ дворянами старинныхъ знатныхъ фамилій. Это видно изъ слѣдующей выписки о порядкѣ встрѣчи англійскаго посла въ 1583 году:

«А встрѣча послу первая была на нижнемъ крыльцѣ

противъ Благовѣщенія: дворянинъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкой, да дворянинъ думный, Романъ Васильевичъ Олферьевъ, да дьякъ Ондрей Шерефединовъ, да Дружина Петелинъ» (Сб. Им. Рус. Ист. Общ. XXXVIII. 82).

Думный дворянинъ занимаетъ при встрѣчѣ второе мѣсто, а первое принадлежитъ простому дворянину, но родовитому.

Шереметевская боярская книга, содержащая наиболѣе свѣдѣній о думныхъ дворянахъ XVI вѣка, начинаетъ свой перечень съ Олферьева (Алферьева то-же) Романа Васильевича, назначеннаго въ думные чины въ 1572 году, и ничего не знаетъ ни объ Ив. Юр. Поджогинѣ, ни о Берсенѣ.

Изъ Шереметевской боярской книги намъ извѣстны имена двѣнадцати думныхъ дворянъ XVI вѣка.

Изъ прилагаемаго списка [1]) древнѣйшихъ думныхъ дворянъ видно, что въ это званіе въ XVI вѣкѣ назначались какъ лица старинныхъ княжескихъ и боярскихъ фамилій (Зюзины), такъ и люди совершенно новые, однофамильцы которыхъ встрѣчаются только въ званіи дворянъ московскихъ и даже городовыхъ.

Фамилія Безниныхъ въ Шереметевской боярской книгѣ только одинъ разъ упоминается: въ боярскихъ же книгахъ XVII вѣка ея совсѣмъ нѣтъ. Знакъ, что думный

---

[1]) По времени назначенія ихъ въ думу, они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ	7080	году	назначенъ Олферьевъ Ром. Вас.,
»	7081	»	» Безнинъ Мих. Андр.,
»	7085	»	» Воейковъ Бапмъ Вас.,
»	»	»	» Зюзинъ Як. Вас.,
»	»	»	» Черемисининъ Деменша Ив.,
»	7086	»	» Нагово Аѳан. Ѳед.,
»	7087	»	» Пивовъ Ром. Мих.,
»	7089	»	» Татищевъ Игн. Петр.,
»	7095	»	» Писемскій Ѳед. Андр.,
»	7098	»	» Ржевскій Ив. Ив.,
»	7106	»	» кн. Ростовскій-Буйносовъ Петр. Ив.,
»	7108	»	» Татищевъ Мих. Игнат.

дворянинъ Мих. Андр. Безнинъ принадлежалъ къ очень не важнымъ людямъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ къ заурядным городовымъ дворянамъ. То же надо сказать о Пивовѣ, фамилія котораго упоминается еще одинъ только разъ въ боярскихъ книгахъ XVII вѣка и то въ качествѣ луховскаго городового дворянина. Далеко не высокимъ положеніемъ пользовались и нѣкоторые другіе изъ думныхъ дворянъ XVI вѣка, какъ напримѣръ: Воейковы, Писемскіе и Ржевскіе. Однофамильцы Ржевскихъ только къ концу XVII вѣка достигаютъ званія окольничаго, а Воейковы и Писемскіе и въ XVII не идутъ выше стольниковъ. Изъ двѣнадцати думныхъ дворянъ только двое (Зюзинъ и Буйносовъ) принадлежатъ къ старымъ именитымъ фамиліямъ; большинство же, слѣдовательно, состояло изъ людей новыхъ и не именитыхъ.

Тѣмъ же характеромъ думные дворяне отличаются и въ XVII вѣкѣ. Изъ сорока-двухъ фамилій, члены которыхъ (всего 59 человѣкъ) возведены были въ это званіе въ теченіе первыхъ 75 лѣтъ этого вѣка, только двѣ (Собакиныхъ и Сукиныхъ) принадлежатъ къ извѣстнымъ, достигавшимъ окольничества и даже боярства въ XVI вѣкѣ. Всѣ остальныя принадлежатъ къ новымъ, члены которыхъ не занимали высокаго положенія на служебной лѣстницѣ XVI вѣка. Изъ этихъ сорока новыхъ фамилій двѣнадцать и въ XVII в. не поднимаются выше стряпчихъ и стольниковъ [1]), а одиннадцать имѣютъ въ своей средѣ дьяковъ [2]).

Но нѣкоторые изъ этихъ новыхъ людей, проходя чрезъ званіе думнаго дворянина, быстро достигали самыхъ высшихъ ступеней тогдашней служебной лѣстницы. Думный дьякъ Семенъ Ивановичъ Заборовскій въ 1655 году былъ

[1]) Аничковы, Баклановы, Биркины, Голохвастовы, Лодыженскіе, Луговскіе, Ляпуновы, Микулины, Минины, Пашины, Соловцовы, Яновы.

[2]) Гавреневы, Грамотины, Елизаровы—двое, Заборовскіе, Леонтьевы, Лихачевы, Лопухины, Матвѣевы, Нестеровы, Полтевы, Проницищевы—двое.

назначенъ думнымъ дворяниномъ, 1671—окольничимъ, а въ 1677—боярином. Еще быстрѣе шло возвышеніе извѣстныхъ любимцевъ, Артамона Сергѣевича Матвѣева, сына дьяка, и Кирилла Полуэктовича Нарышкина, сына городового дворянина. Матвѣевъ въ 1671 году былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ, въ томъ-же году—окольничимъ, а въ 1675—боярином и дворецкимъ; Нарышкинъ—въ 1671 году думный дворянинъ, въ 1672—окольничій, въ 1673—боярин. Люди именитые прямо назначались окольничими и даже боярами, безъ посредствующей ступени думнаго дворянина [1]).

[1]) Вотъ фамиліи остальныхъ двадцати-четырехъ думныхъ дворянъ: Ершкинъ, Желябужскій, Измайловъ, Кондыревъ, Матюшкинъ, Нарбековъ. Нарышкинъ Ѳедоръ Полуэкт., Нащокины -двое. Проѣстевъ, Пушкины—четверо, Ржевскій, Ртищевы—двое, Соковнинъ, Стрѣшневъ, Толстой, Хитрово—двое, Чадаевъ, Яшковъ. Нѣкоторые изъ членовъ этихъ фамилій въ концѣ XVII вѣка достигли званія окольничаго и даже боярина.

Имена думныхъ дворянъ первыхъ 75 лѣтъ XVII вѣка мы извлекли изъ Шереметевскаго списка. Онъ не во всемъ совпадаетъ съ алфавитнымъ указателемъ къ боярскимъ книгамъ, составленнымъ Ивановымъ. Но большинство такихъ разногласій объясняется совершенно удовлетворительно. Въ алфавитѣ Иванова нѣтъ 11 назначеній въ думные дворяне, которыя извѣстны Шереметевскому списку. Всѣ эти назначенія послѣдовали въ такіе годы, книги которыхъ не сохранились въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Этимъ же объясняется и встрѣчающаяся иногда разница въ годѣ назначенія. У Иванова иногда отмѣченъ не годъ назначенія, а позднѣйшій, и не одинъ, а два и три. Это годы состоянія въ званіи, взятые не изъ книги современной назначенію, а изъ позднѣйшихъ. Свѣдѣнія же алфавита Иванова отъ тѣхъ лѣтъ, отъ которыхъ сохранились книги, почти во всемъ подтверждаютъ Шереметевскій списокъ. Нѣкоторыя разнорѣчія въ годахъ и личныхъ именахъ для нашей цѣли не имѣютъ особенно важнаго значенія; одно крупное разнорѣчіе замѣтили мы относительно Проѣстева Степана Матвѣевича. По Шереметевскому списку, онъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ въ 7142 г., а въ слѣдующемъ окольничимъ. Алфавитъ не говоритъ о назначеніи его дворяниномъ, потому, конечно, что книга 7142 г. не сохранилась; но утверждаетъ, что Проѣстевъ Ст. Мат. былъ окольничимъ еще въ

Въ памятникахъ начала XVII вѣка терминъ дворяне занимаетъ уже окончательно мѣсто, принадлежавшее прежде термину дѣти боярскія. Этотъ послѣдній или вовсе не упоминается или упоминается послѣ дворянъ.

Въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳедоровича на царство читаемъ:

«А по челобитью и прошенію бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и всего христолюбиваго воинства, и гостей.....»

Или:

«А потомъ митрополиты, и архіепископы и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дѣти боярскіе, и все христолюбивое воинство, и гости, и торговые и всякіе люди Московскаго государства, совѣтовавъ межъ себя», и пр. Рум. Собр. I, стр. 603 и 605, 1613.

Это словоупотребленіе удерживается во всѣхъ памятникахъ XVII вѣка. Въ предписаніяхъ по военному вѣдомству читаемъ:

«Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи указалъ быти на своей государевой службѣ въ украйномъ разрядѣ воеводамъ по полкамъ, а съ ними указалъ государь быти на своей государевой службѣ въ полкѣхъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ и иноземцамъ.....» 1627. Рус. ист. сб II, 385.

Въ это время дворяне населяютъ уже всѣ города. Челобитныя отъ мѣстныхъ служилыхъ людей пишутся отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ:

«Дворяне и дѣти боярскіе колужане и козличи, серпуховичи, медынцы, олексинцы били намъ челомъ, чтобы намъ для ихъ великія бѣдности пожаловати...» 1614. Двор. разр. I, 128.

Царскіе указы въ отвѣтъ на такія челобитья упоминаютъ также сперва дворянъ, а потомъ дѣтей боярскихъ.

7137 году. Если послѣдній годъ не ошибка, то свѣдѣніе Шереметевскаго списка подъ 7142 годомъ не можетъ быть вѣрно.

Кто на первомъ мѣстѣ названъ, тотъ считается первымъ, т.-е. старшимъ, лучшимъ. Такимъ образомъ, среди мѣстнаго служилаго населенія терминъ дворяне сталъ обозначать какъ-бы лучшихъ людей, а дѣти боярскія—меньшихъ. Произошла полная перестановка понятій.

Въ этомъ торжествѣ термина, возникшаго въ придворной службѣ, надъ терминомъ, возникшимъ въ вольной службѣ, выразилась полная и неоспоримая побѣда новыхъ московскихъ порядковъ надъ отживавшей стариной.

Уложеніе всякій разъ, когда говоритъ о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, ставитъ дворянъ впереди дѣтей боярскихъ.

«А будетъ которыя ратные люди на государевѣ службѣ учнутъ бити челомъ бояромъ и воеводамъ о отпускѣ за государевы службы своимъ домовымъ разореніемъ, или людскимъ побѣгомъ, или инымъ какимъ самымъ нужнымъ дѣломъ,—и бояромъ и воеводамъ про тѣхъ ратныхъ людей сыскивати въ полкѣхъ дворяны и дѣтьми боярскими...» VII, 13.

Или:

«А будетъ кто учнетъ государю бити челомъ о помѣстьяхъ, которые помѣстья даны на прожитокъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ старымъ, которыя отъ службы отставлены...» XVI, 8; смот. ст. 16, 22 и др.

Такое постоянное употребленіе двухъ терминовъ для обозначенія одного и того же класса повело къ слѣдующей редакціонной описки составителей Уложенія:

«А въ губныхъ старостахъ у такихъ дѣлъ (у разбойныхъ и убійственныхъ) въ городѣхъ быть дворяномъ добрымъ и прожиточнымъ, которые за старость или за раны отъ службы отставлены... А въ которыхъ городѣхъ дворянъ нѣтъ, и въ тѣхъ городѣхъ въ губные старосты выбирать изъ дѣтей боярскихъ, добрыхъ же и прожиточныхъ людей...» XXI, 4.

На основаніи этой статьи можно бы подумать, что дворяне составляютъ отдѣльный отъ дѣтей боярскихъ классъ. Но такое предположеніе ничѣмъ не подтверждается.

Наоборотъ, сохранившіяся въ Московскомъ Архивѣ министерства Юстиціи «десятни» не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дворяне и дѣти боярскія въ XVII вѣкѣ до такой степени слились въ одинъ разрядъ, что не представлялось уже никакой надобности, а, можетъ быть, даже и возможности различать сына боярскаго отъ дворянина. Десятни представляютъ опись городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ которой обозначалось имя, отчество и фамилія служилаго человѣка, «каковъ онъ будетъ на государевѣ службѣ конемъ и оружемъ и людемъ», какое дано ему государево денежное жалованье и кто по немъ въ службѣ и въ деньгахъ порука. Во многихъ десятняхъ къ этимъ даннымъ прибавляются еще свѣдѣнія о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Въ этихъ поименныхъ десятняхъ, однако, не означается, кто такой служилый человѣкъ, дворянинъ или сынъ боярскій. Напримѣръ:

«Семенъ, Александровъ сынъ, Бѣшенцевъ. Окладчики про него сказали: служитъ онъ, Семенъ, съ отцова помѣстья, а за отцомъ его, за Александромъ, помѣстья въ Луцкомъ уѣздѣ въ дачѣ 753 чети съ осьминою, 15 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пововыходцевъ, да подъ Луками Великими вотчинныя четвертныя его купленныя земли деревня, а живетъ въ той деревнѣ человѣкъ его и съ той земли государевъ оброкъ платитъ желѣтъ, а пожиточного угодья за нимъ нѣтъ; государеву службу служитъ онъ, Семенъ, со 155 года; на государевѣ службѣ бываетъ на конѣ; бою у него: сабля да пистоль да человѣкъ на мерникѣ съ простымъ конемъ; бою у человѣка: сабля да пистоль: на государеву службу на срокъ пріѣзжаетъ и до отпуску живетъ; а во 149-мъ году для государевы службы на Москвѣ за отца своего и на иныхъ службахъ и на межеванье былъ. А на государевѣ службѣ въ полку будетъ онъ, Семенъ, на конѣ, бою у него: сабля да коробинъ, пара пистолей, да человѣкъ на мѣрникѣ съ простымъ конемъ, бою у человѣка сабля да пистоль, да въ кошу человѣкъ съ пищалью. Самъ онъ, Семенъ, сказалъ противъ окладчиковы сказки тожъ, что онъ будетъ на государеву службу таковъ. Дано ему государева жало-

ванья 14 рублевъ. Порука по немъ, въ государевѣ жалованьѣ и что ему быть на государевѣ службѣ съ пріѣзду и до отпуску со всею полною службою, окладчики: Петръ Максимовъ сынъ Лукомской. Григорій Гавриловъ сынъ Хомутовъ. Лаврентій Алексѣевъ сынъ Непѣшинъ, Данило Ѳедоровъ сынъ Алексѣевъ. Семенъ Вѣшенцовъ государево жалованье, деньги, взялъ, а въ его мѣсто братъ его, Максимъ, руку приложилъ [1]).

Здѣсь ни самъ Вѣшенцевъ, ни четверо поручившихся за него окладчиковъ не говорятъ, кто они, дворяне или дѣти боярскія, потому, конечно, что это совершенно безразлично.

При такомъ смѣшеніи дѣтей боярскихъ и дворянъ возможны и случаи употребленія термина «дѣти боярскія» вмѣсто «дворянъ». Разрядная книга 1616 года предписываетъ явиться на службу дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ:

«А которые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди на государеву службы на Тулу на срокъ, на Вербное Воскресенье, пріѣдутъ и..... тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ людей велѣти въ пріѣзды писати.... А которые дворяне и дѣти боярскіе на срокъ не пріѣдутъ и.... по тѣхъ нѣтчиковъ, по дворянъ и по дѣтей боярскихъ, тотчасъ послати..... въ городы высылщиковъ.....»

Но далѣе въ томъ же наказѣ читаемъ:

«А которые дѣти боярскіе у смотру не объявятся, и высылщики ихъ не сыщутъ, и имъ (воеводамъ) про тѣхъ распрашивать тѣхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гдѣ тѣ дѣти боярскіе, побиты ли или померли, или хто гдѣ въ городѣхъ живетъ и хто тѣми ихъ помѣстьи владѣетъ?» Разр. кн. I. 124 сл.

Въ послѣднемъ случаѣ «дѣти боярскія» употреблено вмѣсто «дворянъ и дѣтей боярскихъ».

[1]) Великолуцкая, пусторжевская и невельская десятня 1649 года. Приведенныя выписки изъ десятень, хранящихся въ Мос. Арх. мин. Юстиціи, получилъ благодаря благосклонному содѣйствію покойнаго директора архива, Н. А. Попова.

Въ XVIII вѣкѣ терминъ «дѣти боярскія» совсѣмъ исчезаетъ; терминъ «дворяне» дожилъ до нашихъ дней.

По историческому своему происхожденію обширный классъ дворянъ XVII вѣка представляется состоящимъ изъ очень разнообразныхъ элементовъ. Въ него входятъ всѣ княжескія фамиліи, рюриковичи и гедиминовичи, потомки древнихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, дворовые люди, получившіе помѣстья въ государевыхъ земляхъ, и даже иноземцы. Разрядная книга 1675 года, перечисляя посланниковъ въ китайское государство, называетъ:

«Иноземецъ Николаій, Гавриловъ сынъ, Спотаріи, да съ нимъ дворяне, иноземцы кормовые: Ѳедоръ, Павловъ сынъ, Арапъ, да Костентинъ, Ивановъ сынъ, Христофоровъ». Дворц. разр. III, 1246.

Эти дворяне иноземцы не надѣлены даже помѣстьями, а получаютъ для своего содержанія изъ государевыхъ запасовъ отсыпной кормъ, почему и названы кормовыми.

Дворянство, состоявшее изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, конечно, не могло представлять никакого единства и сплоченности. Это масса до крайней степени разношерстная. Мы затруднимся указать и одинъ признакъ, который, будучи общимъ для всѣхъ элементовъ дворянства, отличалъ бы этотъ разрядъ лицъ отъ другихъ классовъ населенія Московскаго государства. Этой разграничительной черты нельзя найти ни въ обязанностяхъ, ни въ правахъ дворянства.

Дворяне были обязаны нести военную службу и подлежали кнуту, если не исполняли этой обязанности. Но къ военной службѣ призывались и всѣ другіе разряды лицъ: стрѣльцы, гости, посадскіе, крестьяне и дворовые люди и также не могли отказываться отъ явки, какъ и дворяне. Гости и посадскіе несли эту обязанность временно, только въ случаѣ опасности, угрожавшей мѣсту ихъ жительства. Но крестьяне и дворовые люди, поступавшіе на службу въ новые полки: солдатскіе, рейторскіе и драгунскіе, служили тамъ наравнѣ съ мелкопомѣстными дворянами

и на однихъ съ ними основаніяхъ. Стрѣльцы же также, какъ и дворяне, были обязаны постоянной службой и съ потомствомъ.

Дворяне имѣли право владѣть вотчинами и помѣстьями, но такое право принадлежало и дьякамъ. Изъ другихъ классовъ населенія право на вотчины признавалось указами за гостями; на дѣлѣ же вотчины, въ смыслѣ наслѣдственной собственности, встрѣчаются у посадскихъ и даже крестьянъ, но съ нѣкоторымъ различіемъ въ повинностяхъ.

Между дворянами и другими классами населенія можно указать только одно формальное различіе. Дворяне записывались по городамъ въ дворянскіе списки, посадскіе же люди и крестьяне въ писцовыя, переписныя и иныя книги тяглыхъ государевыхъ людей.

Мы не знаемъ, когда впервые возникъ порядокъ составленія дворянскихъ списковъ. На все служилое населеніе городовъ едва ли онъ могъ распространиться ранѣе установленія обязательной службы и опредѣленія мѣры этой службы. Можно думать, что составленіе такихъ списковъ стало общимъ правиломъ въ половинѣ XVI вѣка. Оно можетъ входить въ составъ тѣхъ реформъ по устройству службы, которыя приписываются лѣтописцемъ Ивану Грозному.

Дворянскіе списки были заведены въ интересахъ правительства, для опредѣленія числа лицъ, годныхъ въ службу, а не въ интересахъ дворянства, какъ особаго класса, а потому и не могли повести ни къ объединенію его пестрыхъ элементовъ, ни къ обособленію ихъ отъ другихъ классовъ. Изъ практики XVII вѣка мы знаемъ, что въ дворянскіе списки записывались не служилыхъ отцовъ дѣти, крестьяне и даже холопы.

Заботу о чистотѣ вновь созидаемаго дворянскаго сословія принимаетъ на себя правительство. Въ цѣломъ рядѣ указовъ о разборѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ оно предписываетъ, чтобы

«Холопей боярскихъ, и стрѣлецкихъ, и козачьихъ, и не служилыхъ никакихъ чиновъ отцовъ, и дѣтей, и братью, и племянниковъ, и пашенныхъ мужиковъ отнюдь никого дѣтьми боярскими у верстанья не называли и помѣстными и денежными оклады ихъ не верстали» (П. С. З № 744, 745, 1678).

Натуральное различіе составныхъ элементовъ дворянства отразилось въ московскихъ памятникахъ въ различіи большихъ дворянъ, московскихъ и городовыхъ.

I. Подъ городовыми дворянами разумѣются, по общему правилу, дворяне, имѣющіе вотчины и помѣстья въ уѣздахъ, кромѣ Московскаго и ближайшихъ къ Москвѣ мѣстъ, и записанные въ служебные списки городовъ этихъ уѣздовъ. Это самый низшій разрядъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они несутъ военную службу съ «городомъ», т.-е. въ качествѣ рядовыхъ воиновъ, а не начальства. Въ Разрядной книгѣ 1614 года читаемъ:

«А которые атаманы и казаки отъ воровства не отстанутъ, и на государеву службу, на Тихвину, не поѣдутъ, и уговоръ ихъ ни которыми дѣлы не имѣтъ;—и боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичу Лыкову, збратца съ городы, съ дворяны и съ дѣтми боярскими, а быть съ ними городомъ: Кострома, Ярославль, Галичъ, Вологда, Суздаль, Володимеръ, Лухъ, Гороховецъ, Переяславль, Ростовъ, Муромъ, Арзамасъ, Нижній-Новгородъ, Юрьевъ-Полской, опричь тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть подъ Смоленскомъ». Кн. разр. I. 9.

Такой службѣ съ городомъ противополагается служба «по разряду», т.-е. въ должностяхъ воеводъ и въ придворныхъ чинахъ, назначаемыхъ изъ разряда. Это высшая служба, служба же съ городомъ низшая. Должности изъ Разряда даются людямъ родословнымъ, съ городомъ же служитъ всякая мелочь. Въ мѣстническомъ спорѣ Дмитрія Погожева съ Петромъ Головинымъ бояре въ 1614 году приговорили:

«Дмитрія Погожева бить батоги въ Разрядѣ, и бивъ батоги, посадить въ тюрьму за то, что онъ на Петра Го-

ловина билъ челомъ не по дѣлу. Погожимъ съ Головиными не сошлось нигдѣ, и сказка ему была: не сошлось де и дѣтемъ Петровымъ съ твоимъ, Дмитріевымъ, отцомъ. У Петра Головина отецъ былъ боярин̀ъ да и всѣ Головины при государѣхъ были въ чести; а твой, Дмитровъ, отецъ въ разрядѣхъ не объявливался ни гдѣ, служилъ по Колугѣ съ городомъ и люди вы не родословные. И доселѣва де такіе не родословные люди на родословныхъ людей не бивали челомъ и государя тѣмъ не кручинивали»· Двор. разр. I. 139.

Въ 1615 году бояре обвинили князя Аѳанасія Гагарина въ мѣстническомъ его спорѣ съ Ѳедоромъ Бутурлинымъ, между прочимъ, потому, что

«Ѳедоровъ отецъ, Левонтей Бутурлинъ, при царѣ Иванѣ былъ честной человѣкъ, былъ въ стольникѣхъ, а князь Аѳанасьевъ отецъ Гагарина служилъ съ городомъ; да и нынѣ родъ ихъ, Гагарины, многіе служатъ съ городомъ». Кн. разр. I. 88.

Среди городовыхъ дворянъ источники различаютъ выборныхъ. Подъ выборными разумѣютъ они дворянъ, назначаемыхъ воеводами въ должности сотенныхъ и подъѣздныхъ головъ (Двор. раз. I. 591 и сл.). Такіе выборные, обыкновенно, назначаются изъ лучшихъ дворянъ. Въ разрядной книгѣ 1615 года читаемъ:

«А во всякія посылки воеводамъ, князю Василью Семеновичу и Ратману, посылати дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лутчихъ, чтобъ дворяне выборные и дѣти боярскіе лутчіе во всякіе посылки ѣздили, а даромъ на службѣ не жили; а меньше бъ статьи дѣти боярскіе болшихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лутчихъ не ослуживали, чтобъ передъ дворяны и передъ дѣтми боярскими лутчими дѣтямъ боярскимъ молодымъ на службѣ посылокъ лишнихъ однолично не было». Кн. разр. I, 44.

Приведенное распоряженіе исходитъ изъ того факта, что, кромѣ военной службы, которая была непостоянной, а временной дворяне употреблялись еще въ разныя посылки, и принимаетъ мѣры къ тому, чтобы въ эти по-

сылки въ одинакой мѣрѣ назначались какъ молодшіе (худшіе), такъ лучшіе и выборные дворяне. Выборные вездѣ поставлены впереди лучшихъ, а это, согласно понятіямъ того времени, надо понимать въ томъ смыслѣ, что выборные суть лучшіе изъ лучшихъ.

Эти бытовыя различія не могли, однако, связывать московскихъ государей. Они поддерживали ихъ, на сколько это имъ нравилось; но если хотѣли, то возвышали городовыхъ дворянъ до высшихъ ступеней служебной лѣстницы, такъ какъ всѣ назначенія зависѣли отъ ихъ усмотрѣнія. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, сынъ не важнаго городового дворянина, въ 7114 году былъ назначенъ стряпчимъ, въ 7148—комнатнымъ стольникомъ у крюка, въ 7166—окольничимъ и оружничимъ, а въ 7176—боярином. Еще быстрѣе поднялся Кириллъ Полуэктовичъ Нарышкинъ, сынъ городового тарусскаго дворянина. Въ 7166 году онъ сдѣланъ стряпчимъ, а въ 7188 былъ уже боярином.

Слѣдуетъ, однако, указать на то, что такое быстрое возвышеніе любимцевъ изъ городовыхъ дворянъ всегда вызывало неудовольствіе, а иногда и цѣлую бурю среди сверстниковъ.

Въ 1624 году вторымъ воеводой въ большой полкъ въ Тулу былъ назначенъ князь Никифоръ Яковлевичъ Мещерскій (Кн. Ширинскій-Усейновъ пришелъ изъ Б. Орды въ 1296 г. и сѣлъ въ Мещерскѣ), который до того времени служилъ въ Новгородѣ «съ городомъ». Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ первый воевода, князь Голицынъ, писалъ въ Москву:

«Которымъ дворяномъ выборнымъ велѣно быть на государевѣ службѣ съ нимъ на Тулѣ, и онъ, по государеву указу, росписалъ въ головы къ сотнямъ и къ подъѣздным станицамъ и списки сотнямъ имъ далъ. И тѣ дворяне приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ и сотенные и подъѣздные списки передъ нимъ въ съѣзжей избѣ помѣтали. А сказали ему, что имъ у сотенъ и у подъѣздныхъ станицъ въ головщины,

отъ него, для товарища его, князя Мещерскаго, быть невозможно».

Черезъ нѣсколько дней, въ дополненіе къ первому донесенію, князь Голицынъ увѣдомилъ государя, что трое изъ назначенныхъ имъ головъ, Борисъ Колтовской, Аѳанасій Уваровъ и Яковъ Хрущевъ, для товарища его, князя Никифора Мещерскаго, «съ государевой службы сбѣжали».

Бѣжавшіе изъ Тулы дворяне оказались въ Москвѣ, куда они явились для поддержанія своихъ претензій. Ихъ тамъ схватили, подержали день или два въ тюрьмѣ и выслали обратно въ Тулу на государеву службу. Но что ихъ неудовольствіе и въ Москвѣ не было найдено совершенно неосновательнымъ, это видно изъ государева указа на первое донесеніе князя Голицына, въ которомъ читаемъ

«А по нашему указу дворяномъ выборнымъ велѣно быть всѣмъ съ тобою съ однимъ». Двор. разр. I. 586 сл.

Недовольные дворяне утѣшились тѣмъ, что они служатъ съ однимъ Голицынымъ, а не съ товарищемъ его, Мещерскимъ, до котораго имъ, слѣдовательно, и дѣла нѣтъ. Это потому, что они назначены были Голицынымъ, а не Мещерскимъ. Что протестовали не всѣ городовые, а только выборные, это служитъ подтвержденіемъ выше высказанной мысли о томъ, что выбираютъ, обыкновенно, изъ лучшихъ. Какъ лучшіе, они и вступились за свою честь.

Такъ какъ городовые дворяне самый низшій разрядъ дворянъ, то записка въ городовые дворяне лицъ, служившихъ по разряду, имѣетъ значеніе наказанія.

Въ 1675 году стольникъ, Алексѣй Дмитріевъ Колтовской, за безчестье князя Юрія Петровича Трубецкого, приговоренъ былъ къ уплатѣ 500 рублей безчестья да его-же, Алексѣя, велѣно было

«Написать въ Кіевѣ по дворянскому списку и служить по Кіеву». Двор. разр. III. 1249.

Ясно, что записка въ дворянскіе списки XVII вѣка сосылъ[illegible]мъ не то, что установленная Екатериною Великой за-

писка въ дворянскія книги. Въ дворянскіе списки XVII вѣка записывали не для приданія чести и правъ, а для опредѣленія рода службы. Поэтому, званіе городоваго дворянина никому не жаловалось, какъ награда, и никто до этого чина не дослуживался, какъ до высшей чести. Городовые дворяне пополнялись актомъ рожденія. Званіе это сообщалось всѣмъ законнымъ дѣтямъ городоваго дворянина. Но родиться дворяниномъ еще не много значило. У отца дворянина могло совсѣмъ не быть вотчинъ, а помѣстій—только на одну душу. Сыновья такого дворянина были очень маленькіе люди, имъ и на службу снарядиться было не съ чего.

Въ 1556 году сынъ новогородскаго помѣщика, Бориска Ѳедоровъ Кашкаровъ, подалъ государю челобитье, въ которомъ говоритъ:

«За отцомъ за моимъ государева жалованья, помѣстья, девятнадцать обежъ, и отецъ мой съ того помѣстья государевы службы служитъ самъ; а опричь меня, Бориска, у отца моего четыре сына, а мнѣ братья. Сенка да Степанка въ государеву службу посѣли, а Тимошка да Макешмко въ государеву службу спѣютъ, а язъ, Бориско, и братья мои меншые къ отцу въ помѣстье не припущены и въ отводъ помѣстьемъ не пожалованы; и мнѣ, Бориску, впредь государевы службы служити не съ чего». Д. къ А. И. I, № 52, XXXVII.

Сыновья такихъ мелкихъ помѣщиковъ и по смерти отца могли ничего не получить, кромѣ титула дворянина да права просить государя о надѣлѣ помѣстьемъ для службы. Въ челобитьѣ сына новгородскаго помѣщика, Васки Михайлова Вольнина, читаемъ:

«Государева за мной жалованья, помѣстья, нѣтъ нигдѣ. И за отцомъ моимъ, за Михайломъ, было государева жалованья, стараго помѣстья, тридцать девять обежъ. И отца моего не стало, до писцовъ государевыхъ; а послѣ отца моего осталась жена, а мнѣ мачеха, да дочь, а мнѣ сестра, да насъ четыре браты: Семейка да язъ, Васка, да Третьячко да Меншикъ; а писцы государевы, Шелонскіе пятины,

Кашпя Свербѣевъ съ товарыщи, того старого отца нашего помѣстья тридцать двѣ обжи написали за братомъ моимъ за большимъ, за Семейкою, а семъ обежъ отца нашего помѣстья писцы государевы написали за отца нашего женою, а за нашею, за Васкиною съ братьею, мачехою, за Аницею съ дочерью, а съ нашею сестрою, съ Марьицею; а язъ, Васка, и братья мои, Третьячко и Меншикъ, къ брату своему, къ Семейкѣ, въ отцово помѣстье не пришущены и въ отводъ отъ брата помѣстьемъ не пожалованы»... Въ заключеніе Васка проситъ, чтобы государь пожаловалъ его семью обжами, которыя были даны его мачихѣ и сестрѣ, но теперь за смертью мачихи и выходомъ замужъ сестры, освободились. Тамъ же № II, 1556.

Несмотря на происшедшее слитіе дѣтей боярскихъ и дворянъ, вѣковое различіе этихъ двухъ разрядовъ не совершенно умерло и иногда сказывается въ памятникахъ даже половины XVII вѣка.

Въ Уложеніи читаемъ:

А которые порозжіе помѣстные земли въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ вотчинные земли покупали патріарши, митрополичьи, и архіепископли дѣти боярскіе себѣ въ вотчину, а тѣ... дѣти боярскіе изстари природные дѣти боярскіе, и за ними тѣмъ землямъ и впредь по куплѣ быть въ вотчинѣ-же. А которые... дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти и не природные дѣти боярскіе, покупили себѣ вотчины, и тѣхъ.... дворовыхъ людей по тѣмъ вотчинамъ написати въ государеву службу съ городы; а будетъ кто изъ тѣхъ... дѣтей боярскихъ государевы службы служить не похочетъ, и у него купленая его вотчина, взявъ, отдати въ роздачю, кому государь укажетъ», XVII. 37.

Статья различаетъ природныхъ дѣтей боярскихъ. Это настоящія, старинныя дѣти боярскія. За ними, какъ это ни странно, сохранились и старинныя ихъ права: они могутъ владѣть вотчинами и государю московскому не служить, а служить, кому хотятъ, въ данномъ случаѣ, духовнымъ властямъ.

Этимъ природнымъ дѣтямъ боярскимъ противополо-

гаются не природныя. Это патріаршіе и пр. дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти, а посадскихъ, крестьянъ, вольноотпущенныхъ, сами вольноотпущенные и пр. Они тоже могутъ покупать вотчины, но не могутъ оставаться на службѣ духовныхъ властей, а должны поступать на государеву службу въ городовые дворяне. Дворовые люди епископовъ, дѣти крестьянъ, вольноотпущенные, если только могутъ купить вотчину, вводятся въ составъ городового дворянства еще во второй половинѣ XVII вѣка!

II. Высшую ступень составляли московскіе дворяне. Они занимаютъ мѣсто за придворными чинами и всегда впереди городовыхъ дворянъ. Въ разрядной книгѣ на 1613 годъ читаемъ:

«А пѣвъ молебны и моля Бога о государевѣ многолѣтнемъ здоровьи, бояре, и окольничіе, и стольники, и дьяки думные, и стряпчіе, и приказные люди, и дворяне московскіе, и жильцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе..... и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу крестъ цѣловали». Двор. разр. I. 16.

Тоже мѣсто дается московскимъ дворянамъ и въ Уложеніи:

«А будетъ кто, какого чину нибудь, обесчеститъ стольниковъ, или стряпчихъ, или дворянъ московскихъ, или дьяковъ, или жильцовъ, или дворянъ, или дѣтей боярскихъ городовыхъ». X. 93.

Московскіе дворяне заносятся въ особый «московскій списокъ». Объ нихъ говорятъ, что они служатъ «по московскому списку».

Начало этому списку положено Иваномъ Грознымъ въ 1550 году испомѣщеніемъ въ Московскомъ уѣздѣ и уѣздахъ прилежащихъ къ нему городовъ, разстояніемъ отъ Москвы не далѣе 70 верстъ, 1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ, которые должны быть всегда готовы во всякія посылки.

Вотъ этотъ указъ:

«Лѣта 7059 октября въ 1 день, царь и великій князь

Иванъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ съ бояры: учинити въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, да въ Рузѣ, да въ Звенигородѣ, да въ Числякѣхъ, и въ Ордынцѣхъ, и въ Перевѣсныхъ деревняхъ, и въ Тетеревичѣхъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, лутчихъ слугъ, 1000 человѣкъ. А которымъ бояромъ и окольничимъ быти готовымъ въ посылки, а помѣстей и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ не будетъ, и бояромъ и окольничимъ дати помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей, а дѣтемъ боярскимъ въ первой статьѣ дати помѣстья по 200-же четьи, а другой статьѣ дѣтемъ боярскимъ дати помѣстья по 150 четьи, а третьей статьѣ дѣтемъ боярскимъ помѣстья по 100 четьи. А сѣна имъ давати по толку жъ конецъ, на колко кому дано четвертныя пашни, опричъ крестьянскаго сѣна. А крестьяномъ дати сѣна на выть по тридцати копецъ. А которой, по грѣхомъ, изъ тоя 1000 вымретъ, а сынъ его къ тоей службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного. А за которыми бояры и за дѣтми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или иномъ городѣ, которые близко къ Москвѣ, верстъ за 50 или за 60, и тѣмъ помѣстья не дати». А. Э. I. № 225.

Причина испомѣщенія — нужды государевой службы, необходимость имѣть подъ руками всегда готовыхъ людей для всякихъ внезапныхъ посылокъ.

Въ то время, когда послѣдовалъ указъ, дѣти боярскія еще не смѣшивались съ дворянами, дѣти боярскія были лучшіе слуги, а потому рѣчь идетъ объ испомѣщеніи только ихъ, а не дворянъ.

Но въ XVI вѣкѣ, какъ и ранѣе, многія дѣти боярскія служили во дворахъ московскихъ государей; въ противоположность городовымъ, они назывались дворовыми. Во исполненіе приведеннаго указа были помѣщены не только городовые, но и дворовыя дѣти боярскія, всего 1050 человѣкъ; земли имъ роздано 112,600 четвертей. Эти природныя, подмосковныя дѣти боярскія, именная роспись которыхъ сохранилась, и составляютъ первое зерно московскаго дворянскаго списка.

Думаемъ, что этотъ списокъ долженъ былъ потомъ пополниться фамиліями и тѣхъ дѣтей боярскихъ, которыя имѣли свои вотчины въ Московскомъ или въ ближайшихъ къ нему уѣздахъ, разстояніемъ не далѣе 60—70 верстъ отъ Москвы. Они находились въ одинаковыхъ условіяхъ съ новыми помѣщиками и, конечно, несли равную съ ними службу, а потому, надо думать, и были записаны въ общій съ ними служебный списокъ. Весьма вѣроятно, что прежніе вотчинники составляли старый московскій списокъ, къ которому пришлось присоединить новыхъ московскихъ помѣщиковъ.

Несмотря на то, что въ московскій списокъ вошли не одни только дворовыя дѣти боярскія, но и городовыя, въ XVII вѣкѣ всѣ служащіе по московскому списку безразлично называются дворянами. Первоначальное наименованіе «дѣтей боярскихъ» для нихъ совершенно утратилось въ XVII вѣкѣ.

Въ чемъ же преимущество московскихъ дворянъ передъ городовыми? Не въ томъ, что они всѣ природныя дѣти боярскія, большинство городовыхъ дворянъ тоже природныя дѣти боярскія, между ними очень нерѣдки и княжескія фамиліи. Преимущество московскихъ дворянъ въ близости къ московскому двору и въ службѣ на глазахъ государя. Московскіе дворяне по преимуществу назначаются въ стольники, стряпчіе и иные придворные чины; они состоятъ на службѣ при царицахъ, участвуютъ въ посольствахъ, назначаются въ приказы и на воеводства, посылаются съ разными порученіями по городамъ и предводительствуютъ полками. Московскіе дворяне не высшее сословіе въ западно-европейскомъ и древне-русскомъ смыслѣ, а ближайшіе государевы слуги. Въ указѣ 1550 года приказано прибрать въ число московскихъ помѣщиковъ «лучшихъ слугъ». Если это аристократія, то служебная. Для московскихъ дворянъ — великій интересъ постоянно находиться на глазахъ государя; живя въ разстояніи нѣ-

скольскихъ часовъ отъ Москвы, они имѣютъ къ этому и легкую возможность.

Такъ какъ служба по московскому списку составляетъ особое служебное преимущество, то городовые дворяне добиваются чести быть занесенными въ московскій списокъ. Изъ боярскихъ книгъ XVII вѣка видно, что государи жалуютъ московское дворянство городовымъ дворянамъ. Въ книгѣ на 7137 годъ на стр. 308 читаемъ:

«Въ нынѣшнемъ 137 году государь жалуетъ въ московскій списокъ...» Затѣмъ слѣдуютъ имена.

На этихъ вновь пожалованныхъ не всегда, однако, распространялись всѣ преимущества службы московскихъ дворянъ. Иногда они продолжали нести службу съ своимъ городомъ, о чемъ дѣлалась особая отмѣтка въ боярской книгѣ. Въ книгѣ на 7184 годъ, на стр. 176, передъ спискомъ дворянъ сказано:

«По московскому списку написаны изъ городовъ, а на государевой службѣ съ своими городами».

Или на 1449 стр.:

«По московскому списку написаны, а на службѣ велѣно быть въ полкахъ съ тѣми городами, изъ которыхъ написаны».

Служба по московскому списку, съ такимъ трудомъ дававшаяся городовымъ дворянамъ, доставалась, однако, значительному числу служилыхъ иноземцевъ. Въ боярскихъ книгахъ не разъ встрѣчаемъ такой списокъ:

Иноземцы, которые служатъ съ московскими дворяны».

Въ книгѣ 7176 года такихъ иноземцевъ показано 99 человѣкъ, въ книгѣ 7184 года—70.

И помѣстный окладъ въ Московскомъ уѣздѣ не давался вновь назначаемымъ немедленно по назначеніи; они могли служить нѣкоторое время по своему прежнему окладу. Петръ Апраксинъ значится уже въ москов-

скомъ спискѣ по книгѣ 7135 года; несмотря на это, въ книгѣ 7137 года (стр. 212) у его фамиліи стоитъ такая помѣта:

«Петру Аѳанасіну помѣстной окладъ въ алатырскомъ списку».

Подобная же отмѣтка есть и при фамиліи Тимоѳея Бѣлябовскаго, который имѣлъ окладъ не по московскому дворянскому списку, а по жилецкому (книга 7137 года стр. 307).

Многіе, слѣдовательно, изъ вновь пожалованныхъ первоначально были только по имени московскими дворянами.

По общему правилу, однако, московскіе дворяне получали помѣстный окладъ въ московскомъ уѣздѣ. Царскіе указы конца XVI вѣка и Уложеніе опредѣляютъ и размѣръ этого оклада. Это сравнительно позднѣйшее опредѣленіе существенно отличается отъ первоначальнаго, сдѣланнаго Иваномъ Грознымъ. Указъ Ѳедора Ивановича отъ 1587 года и Уложеніе (XVI. 1) не различаютъ среди московскихъ дворянъ никакихъ статей, всѣмъ безъ различія они назначаютъ по 100 четвертей (Христ. Влад. Будан. III, 205).

Возникаетъ вопросъ, дѣти московскихъ дворянъ наслѣдуютъ званіе своихъ отцовъ или возводятся въ званіе московскихъ дворянъ въ силу особаго пожалованія?

Прямыхъ опредѣленій по этому вопросу мы не встрѣчаемъ. Единственное косвенное указаніе находится въ выше приведенномъ указѣ Ивана Грознаго. Изъ этого указа слѣдуетъ, что не всѣ дѣти московскаго дворянина становились на мѣсто отца по его смерти, а только одинъ, и то при условіи годности къ той службѣ, какую несъ отецъ. Надо думать, что годный къ службѣ отца сынъ утверждался правительствомъ въ помѣстьи своего отца. Иначе сказать, онъ «прибирался» въ эту должность или жаловался въ списокъ московскаго дворянства, а не наслѣдовалъ преимущества своего отца. Если онъ не го-

дился, на его мѣсто прибирали другаго, т.-е. жаловали въ московскій списокъ или городоваго дворянина, или кого-либо изъ сыновей другихъ московскихъ дворянъ, годныхъ къ службѣ. Но такъ было, надо думать, только въ началѣ. Съ теченіемъ же времени это должно было измѣниться. Право наслѣдованія въ помѣстьяхъ у насъ мало-по-малу сближается съ правомъ наслѣдованія въ вотчинахъ. Съ успѣхами этого сближенія сыновья помѣщика, по всей вѣроятности, стали по общему правилу, а не по «прибору», наслѣдовать своему отцу и заноситься въ московскіе списки.

Мы сказали, что дворяне московскіе жалуются въ придворныя должности стольниковъ, стряпчихъ и иныя. Случалось, однако, что пожалованный въ должность стольника выбывалъ потомъ изъ этой должности, безъ назначенія въ иную высшую. Такіе выбывающіе изъ спеціальныхъ придворныхъ должностей снова заносились въ списокъ московскихъ дворянъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ каждаго человѣка, облеченнаго придворнымъ чиномъ, со стряпчаго начиная, скрывался московскій дворянинъ.

Въ 1627 году, въ праздникъ Вербнаго Воскресенья, у государя обѣдали два боярина, одинъ сокольничій, два думныхъ дьяка и 18 дворянъ. Передъ перечисленіемъ именъ и фамилій девяти первыхъ дворянъ сказано:

«Были напередъ того въ стольникахъ». Двор. разр. I, 905.

Эти бывшіе стольники названы дворянами, изъ боярскихъ же книгъ XVII вѣка видно, что они всѣ состоятъ въ спискѣ московскихъ дворянъ [1]).

Такимъ возвращеніемъ въ прежнее званіе и надо объяснять то обстоятельство, что въ печатномъ алфа-

[1]) Вотъ ихъ имена: кн. Прозоровскій Сем. Вас., Салтыковъ Ив. Ив., кн. Литвинъ Мосальскій Андр. Өед., кн. Репнинъ Пет. Александр., Плещеевъ Григ. Андр., кн. Гагаринъ Дан. Григ., Савинъ Андр. Пет., Ласкиревъ Никита Ив. и Сумбъ Лар. Григ.

вить къ боярскимъ книгамъ у нѣкоторыхъ фамилій сперва означено званіе стряпчаго или стольника, а потомъ—московскаго дворянина. Это вовсе не значитъ, что стряпчій или стольникъ получилъ вновь званіе московскаго дворянина, онъ только возвратился въ это званіе, будучи выписанъ изъ спеціальной придворной должности.

По какой причинѣ дѣлалось такое возвращеніе въ прежнее званіе, этого мы не знаемъ; но можно утверждать, что оно дѣлалось не въ наказаніе. Это видно изъ того, что на обѣдѣ 1627 года сперва названы девять фамилій бывшихъ стольниковъ, т.-е. исключенныхъ, а за ними уже девять фамилій московскихъ дворянъ, которые въ стольникахъ не были [1]). Если исключеннымъ дали первое мѣсто, то, конечно, потому, что они прежде были придворными, а теперь не находятся въ опалѣ или немилости.

III. Иногда въ разрядныхъ книгахъ дворянамъ придается эпитетъ «большіе». Эпитетъ большіе означаетъ лучшіе и примѣняется или ко всѣмъ московскимъ дворянамъ, которые въ полномъ своемъ составѣ лучше городовыхъ, или къ лучшимъ изъ московскихъ

Въ первомъ смыслѣ эпитетъ этотъ нѣсколько разъ употребленъ въ разрядной книгѣ 1613 года. «Дворяне большіе» занимаютъ тамъ мѣсто послѣ стряпчихъ и выше приказныхъ людей, жильцовъ и дворянъ городовыхъ; о московскихъ же дворянахъ не упоминается. Большими дворянами, слѣдовательно, здѣсь названы московскіе. Въ тѣхъ же мѣстахъ того же разряда, гдѣ упоминаются дворяне московскіе, наоборотъ, не говорится уже о большихъ (Двор. разр. I. стр. 14, 16, 18).

[1]) Вотъ имена этихъ московскихъ дворянъ: Стрѣшневъ Лук. Степ., кн. Пріимковъ-Ростовскій Александр. Дан., кн. Звенигородскій Сем. Григ., Измайловъ Тимоѳ Вас., Коробьинъ Сем. Гавр., Огаревъ Ив. Нелюб., Горихвостовъ Григ. Ив., Бояшевъ Ѳед. Мих. и Елизаровъ Мих. Григ. Всѣ они значатся москов. дворянами уже въ книгѣ 7135 года.

Во второмъ смыслѣ эпитетъ этотъ употребленъ въ разрядной книгѣ 1625 года. Марта 25, во время пріема Кизылбашскихъ пословъ, государь былъ окруженъ слѣдующимъ образомъ:

А въ палатѣ при государѣ, съ лѣвые стороны отъ государя, сидѣли бояре, и окольничіе, и думные люди въ золотѣ. А дворяня большіе и стольники сидѣли противъ государя въ золотѣхъ. А рынды были, по правой сторонѣ, стольники ..... (двое кн. Татевыхъ и двое кн. Волконскихъ). А въ сѣняхъ сидѣли дворяне жъ московскіе, и дьяки, и гости въ золотѣ» (Двор. разр. I. 671).

Изъ того, что въ сѣняхъ сидѣли тоже дворяне московскіе слѣдуетъ, что рынды и большіе дворяне суть тоже московскіе, по лучшихъ фамиліи, и, по всей вѣроятности, бывшіе уже стольниками, а потому и поставленные выше настоящихъ стольниковъ.

Кромѣ помянутыхъ видовъ дворянъ, источники XVII вѣка говорятъ еще о дворовыхъ дворянахъ. Этотъ видъ дворянъ постоянно встрѣчается въ десятняхъ XVI и XVII вѣка на ряду съ дворянами городовыми и выборомъ. Дворовые дворяне также владѣютъ помѣстьями, получаютъ государево денежное жалованье, службу служатъ на конѣ, имѣютъ саблю, карабинъ, пистоль. Но что это за видъ и чѣмъ они отличаются отъ городовыхъ и выборныхъ, объ этомъ будетъ сказано въ книгѣ о войскѣ.

VIII. Оружничіе

Какъ наименованіе казначея произошло отъ «казны», такъ наименованіе оружничаго отъ казенной оружничей палаты, содержавшей царскую оружейную казну, и состоявшей въ завѣдываніи оружничаго. Такія оружничьи палаты существовали, конечно, съ самыхъ древнихъ временъ, такъ какъ и самые древніе князья имѣли свое войско, которое вооружали на свой собственный счетъ.

Несмотря на это, «казенная оружничья палата», если не ошибаемся, впервые упоминается Котошихинымъ, а объ оружничихъ наши свѣдѣнія не восходятъ далѣе начала XVI вѣка.

Оружейная казна, какъ и всякая иная, входя въ составъ княжескаго двора, первоначально вѣдалась, надо полагать, тіунами и ключниками. Въ лѣтописныхъ разсказахъ, относящихся къ началу XIII вѣка, мы встрѣчаемъ княжескихъ мечеосцевъ. Можно думать, что въ лицѣ этихъ мечеосцевъ и обособилась впервые должность хранителей княжеской оружейной казны. Мечеоши не только носятъ княжеское оружіе, но и хранятъ его. Дѣлаемъ это предположеніе на томъ основаніи, что по свидѣтельству памятниковъ начала XIII вѣка мечеоши— люди довольно высокаго положенія.

Великій князь Всеволодъ, читаемъ въ Лаврентьевской лѣтописи, посла съ полкомъ Кузму Ратьшича, мечеошю своего, и взя Тепру и возвратися со многимъ полономъ въ Володимерь». 1210.

Этотъ древнѣйшій, извѣстный намъ мечеосецъ называется по имени и по отчеству съ окончаніемъ на «вичъ»; ему поручается главное начальство надъ полкомъ князя въ самостоятельной военной экспедиціи. Онъ пользуется, значитъ, особымъ довѣріемъ своего государя. Можно думать, что дѣятельность такого мечеоши далеко уже вышла за предѣлы того понятія, которое выражается въ его наименованіи. Весьма вѣроятно, что мечеоши XIII вѣка княжескаго меча уже и не носили, предоставляя это болѣе мелкимъ чинамъ, а хранили княжескую оружейную казну и начальствовали надъ войскомъ.

Другое извѣстіе о мечеошахъ XIII вѣка находимъ подъ 1225 годомъ:

«Той же зимы повоевашя литва около града Торжку, бяше бо ихъ 7000, и гость би на и Торопецкую волость взяша все. Князь же Ярославъ и Володимиръ съ ново-

торжцы, новогородцевъ мало, торопчане же поидоша по нихъ и сустиша ихъ на Въсвятѣ, полонъ весь отьяша, а самѣхъ избиша 2000 мужь. ту же убиша литва торопецкаго князя, Давыда, и Василья, меченошю Ярославля». Новогор. IV.

Изъ убитыхъ поименно названы только князь да меченоша.

Въ такомъ же почетномъ положеніи являются и оружничіе позднѣйшихъ московскихъ памятниковъ. Они встрѣчаются въ должности пословъ (П. С. Л. VIII. 260. 1516).

На высокое положеніе московскихъ оружничихъ указываетъ и то обстоятельство, что оружничество соединяется съ окольничествомъ и боярствомъ. Оружничій, получившій званіе окольничаго или боярина, продолжаетъ быть оружничимъ. Въ это званіе назначаются люди родовитые. Изъ восьми извѣстныхъ намъ оружничихъ [1]), четверо—князья, остальные принадлежатъ къ фамиліямъ, бывавшимъ въ окольничихъ и боярахъ. Четверо изъ восьми достигли боярства и остались оружничими.

Въ XVII вѣкѣ вѣдомство оружничаго расширилось. Онъ управляетъ Оружейнымъ приказомъ, въ составъ котораго вошла и старая «казенная оружничья палата». Но Оружейный приказъ не хранитъ только оружіе какъ оружейная палата; онъ озабоченъ изготовленіемъ его и закупкой. Необходимыя для этого средства получаются изъ приказа Новая Четверть, во главѣ котораго стоитъ тотъ

[1]) Оружничими были: въ 1511 — 1522 А. М. Салтыковъ, первый извѣстный Шереметевскому списку оружничій; 1523—1532 П. И. Карповъ, 1533 - 1549 кн. Ю. И. Щетининъ, 1550—1561 Л. А. Салтыковъ (съ 1563 боринъ и оружничій), 1564—1572 кн. А. И. Вяземскій, 1573—1577 кн. Иванъ Деветелевичъ, 1578—1610 кн. В. Я. Бѣльскій (съ 1605 боринъ и оружничій); въ 1656 году умеръ боринъ, дворецкій и оружничій Г. Г. Пушкинъ; В. М. Хитрово въ книгѣ на 1658 годъ показанъ окольничимъ и оружничимъ, въ книгѣ на 1668—боринома и оружничимъ, въ книгѣ на 1676 годъ—боринома, дворецкимъ и оружничимъ.

же оружничій [1]). Въ Оружейномъ приказѣ при оружничемъ сидитъ одинъ дьякъ, въ Новой Четверти—два.

IX. Постельничіе

Первое появленіе постельничихъ Шереметевская боярская книга относитъ къ 1495 году, къ княженію Ивана Васильевича, при которомъ появились казначеи, ясельничіе, конюшіе бояре и. по всей вѣроятности, крайчіе [2]). Лица, вѣдавшія постель князя, существовали съ древнѣйшихъ временъ, хотя, можетъ быть, и не подъ именемъ постельниковъ; а сперва подъ болѣе общимъ наименованіемъ отроковъ. Извѣстіе Шереметевской книги надо понимать въ томъ смыслѣ, что при Иванѣ Васильевичѣ постельничіе получили опредѣленное мѣсто на лѣстницѣ придворныхъ чиновъ и вѣдомство ихъ было регулировано болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ это могло быть прежде. Они вѣдаютъ не только постель государя, но и всю его «постельную казну», въ которой находились иконы, кресты, посуда золотая и серебряная, платье и иная рухлядь (Рум. Собр. I. № 144, 1504). Въ духовной грамотѣ начала XVI вѣка читаемъ:

«А што моего платья, а то платье у моего постель-

---

[1]) У Котошихина стр. 89:

«Приказъ новая Четверть; а сидитъ въ томъ приказѣ окольничій и оружейничей, да два дьяка»..... 20.

«Оружейной приказъ; а вѣдаетъ тотъ приказъ тотъ же окольничей, что и Новую Четверть, а съ нимъ дьякъ»..... 21.

Это не совсѣмъ точно. Оружничій не непремѣнно окольничій, онъ можетъ быть и бояриномъ; а можетъ не быть ни тѣмъ, ни другимъ. Правильнѣе было бы сказать: «вѣдаетъ.... тотъ же оружничій».

[2]) Давно уже и не одинъ разъ было указано на то, что развитіе пышности двора вел. князя Ивана Васильевича стоитъ въ связи съ его бракомъ на греческой царевнѣ. Но насколько новые придворные чины отразили на себѣ вліяніе византійскихъ образцовъ, это и по сіе время далеко еще не выяснено.

ничово, у Ондрѣя, у Иванова сына, Бѣлкина да у Ѳедора, у Васильева сына, Кокошкина у Малова». Далѣе идетъ перечисленіе платья, обуви, перстней. Рум. Собр I. № 147.

Завѣдывая постельной казной», въ которой хранилось бѣлье и платье государя, они завѣдывали и самымъ шитьемъ платья и бѣлья; въ ихъ вѣдомствѣ состояли мастера этого дѣла и Мастерская палата, въ которой производились работы. Въ разрядной книгѣ на 1675 годъ читаемъ:

Того жъ году указалъ великій государь быть въ Мастерской вмѣсто постельничаго, Ѳедора Алексѣевича Полтева, столнику и ближнему человѣку у крюка, Петру Савельевичу Хитрово, да съ нимъ же оставленъ стряпчей. Борисъ Лаврентьевъ сынъ Аргамаковъ, да съ ними же оставленъ дьякъ Мастерскіе палаты великого государя, Ѳедоръ Петровъ сынъ Казанецъ». Двор. разр. III. 1545.

Изъ приведеннаго мѣста видно, что Мастерская палата тоже коллегія, но мѣсто предсѣдателя можетъ быть предоставлено въ ней и не постельничему.

Постельничій, вѣдая постель, бѣлье, платье, перстни и другія украшенія государя, былъ ближайшимъ къ нему слугой. Онъ спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, ходилъ съ нимъ въ баню (Котош. 10, 23), сопровождалъ его въ торжественныхъ выходахъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы стулъ, скамеечка подъ ноги и другія необходимыя государю вещи были подъ руками и къ услугамъ царя. Марта 13-го 1675 года государь былъ у обѣдни въ церкви Рождества Пречистыя Богородицы, съ нимъ были бояре, окольничіе, думные дворяне и ближніе люди.

А съ стряпнею былъ постельничій, Ѳедоръ Алексѣевичъ Полтевъ, а съ нимъ стряпчіе съ стряпнею, съ полотенцомъ, и со стуломъ и съ подножіемъ». Двор. разр. III. 1279.

Если самъ постельничій не могъ слѣдовать за государемъ со стряпнею, то назначался иной чинъ, но съ ого-

воркой, что онъ идетъ «со стряпнею вмѣсто постельничаго». Двор. разр. III. 1312.

Въ распоряженіи постельничаго состояли стряпчіе, которые ходили со стряпнею, и спальники, которые дежурили въ комнатѣ царя, одѣвали, раздѣвали и разували его (Котош. II. 5).

Должность постельничаго исключительно частнаго, домашняго характера. Находясь и днемъ и ночью около государя, постельничіе могли вкрадываться въ его довѣріе и даже оказывать на него вліяніе; тѣмъ не менѣе родовитые люди никогда не принимали на себя этой должности. Въ постельничіе назначались люди четвертостепенные, которые въ окольничихъ не бывали [1]), а бывали въ казначеяхъ и постельничихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, начавъ съ этихъ мелкихъ должностей, дошли потомъ и до высшихъ. Изъ шестнадцати фамилій, члены которыхъ были постельничими въ первыя 150 лѣтъ существованія этой должности (по 1645 годъ), возвысились только двѣ фамиліи, Волынскихъ да Годуновыхъ. Съ 1562 по 1569 годъ Волынскіе дали одного постельничаго, одного казначея, да трехъ окольничихъ. Всѣ остальныя четырнадцать фамилій далѣе постельничаго не пошли. Только послѣ 1645 года для постельничихъ открывается болѣе свободное движеніе къ высшимъ чинамъ. П. М. Аничковъ и Г. П. Ртищевъ дошли до думныхъ дворянъ; М. А. Ртищевъ

---

[1]) Постельничими были: Ив. Юршъ съ 1495 1499; С. П. Брюхо 1502—1507; М. С. Яробкинъ 1508—1513; Як. Мансуровъ 1514—1520; К. А. Буруновъ 1521—1532; А. В. Мансуровъ 1542 1551; И. М. Вѣшняковъ 1552—1561; Я. В. Волынской 1562—1568; С. С. Ярцовъ 1569—1570; Д. И. Годуновъ 1571—1573; И. Д. Овцынъ 1574 1581; П. О. Безобразовъ 1582 1601; С. П Шапкинъ 1605—1606; К. О. Безобразовъ 1607—1608; П. Г. Одадуровъ 1609—1610, К П. Михалковъ 1613—1628; С. М. Хрущовъ 1629—1634; Ѳ. П. Игнатьевъ 1635—1642; П М Аничковъ 1643—1647; М. А. Ртищевъ 1647—1650; Ѳ. М. Ртищевъ 1650 1656; Г. П. Ртищевъ 1656—1669; Ѳ. А. Полтевъ 1669—1677; съ 1677 П. М. Языковъ.

былъ возведенъ въ званіе окольничаго, а П. М. Языковъ достигъ окольничества и боярства.

Должность постельничаго не соединяется ни съ какою высшею придворною. Но постельничіе, какъ и другіе чины, даже стоящіе ниже ихъ, назначаются иногда ратными воеводами. Такъ въ 1554 году постельничій П. М. Вѣшняковъ былъ первымъ воеводой въ передовомъ полку (Р. ист. сбор. II, 118).

На лѣстницѣ чиновъ постельничіе занимаютъ мѣсто за оружничими. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ Шереметевскомъ сводѣ и въ нѣкоторыхъ изъ боярскихъ книгъ Московск. Архива мин. Юстиціи [1]).

X. Стряпчіе съ ключомъ

Стряпчій съ ключомъ есть первый человѣкъ среди стряпчихъ. Многолюдный же чинъ стряпчихъ получилъ свое наименованіе отъ глагола стряпать, т.-е. дѣлать, работать, откуда стряпня и стряпчій. Въ старину говорилось: «стряпать послямъ» въ смыслѣ служить послямъ (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 623). И теперь говорятъ: «состряпать свадьбу» въ смыслѣ сладить, устроить свадьбу. То, что дѣлается въ Мастерской палатѣ, есть «стряпня». «Государь указалъ вѣдать стряпню въ Мастерской па-

[1]) Такъ по книгамъ за 7135, 7137 и 7148 годы. Въ книгахъ за 7184 и 7194 они поставлены выше думныхъ дворянъ, что неправильно и объясняется черновымъ характеромъ книгъ. Мѣсто, отводимое имъ разрядными книгами, колеблется; они называются то выше думныхъ дьяковъ, что согласно съ положеніемъ, высказаннымъ въ текстѣ, то ниже ихъ (Двор. разр. I, стр. 982, 998, 1000, 1002, 1005 и пр.). Это разногласіе разрядныхъ книгъ служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ высказанной выше догадкѣ, что мы имѣемъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, лишь черновыя разрядныя книги, которыя велись довольно небрежно. Свидѣтельство Котошихина, что «постельничіе честью противъ окольничихъ» надо признать не совершенно точнымъ (II, 13).

латѣ...». Двор. разр. III. 1611. Отсюда выраженіе «идти за государемъ со стряпней», т.-е. съ его шапкой, полотенцемъ, платкомъ и пр., что составляетъ «стряпню Мастерской палаты».

Древній типъ стряпчаго всего лучше сохранился въ Конюшенномъ дворѣ, въ лицѣ стряпчихъ конюховъ, о которыхъ Котошихинъ говоритъ:

«Чинъ ихъ таковъ: на Москвѣ, на конюшнѣ, и въ походехъ чистятъ, и кормятъ, и поятъ, и устраиваютъ лошадей, и лошади подъ царя сѣдлаютъ, и корѣты и сани наряжаютъ», т.-е. моютъ, чистятъ и запрягаютъ (VI. 6).

Это и есть стряпня. Стряпали и въ Мастерской палатѣ, т.-е. шили; стряпали въ Кормовомъ и Хлѣбенномъ дворѣ. Можно думать, что дѣловые люди хозяйственныхъ царскихъ дворовъ, портные, квасники, пивовары, повара, пирожники, хлѣбники тоже назывались первоначально стряпчими, ибо и они стряпали. Слово «стряпня» и до нашихъ дней сохранилось въ смыслѣ поваренаго дѣла. Но въ памятникахъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы только и узнаемъ о стряпчихъ, они уже такъ не называются. Котошихинъ говоритъ о «поварахъ-мастерахъ» и «полумастерахъ» и о «пирожныхъ мастерахъ» (63, 65). Въ этихъ терминахъ надо, кажется, видѣть указаніе на нѣмецкое вліяніе въ нашемъ поваренномъ искусствѣ XVII вѣка.

Мы встрѣчаемъ стряпчихъ и на другихъ хозяйственныхъ дворахъ, кромѣ Конюшаго, но въ нѣсколько высшей должности сравнительно со стряпчими-конюхами. Стряпчіе Сытеннаго двора не приготовляютъ питей, но состоятъ при погребахъ и отпускаютъ напитки по росписи. Съ этою цѣлью у нихъ на храненіи находится необходимая посуда серебряная оловянная, мѣдная и деревянная. По почамъ они спятъ на Сытенномъ дворѣ по очереди для его охраненія. Точно также и стряпчіе Кормового и Хлебеннаго дворовъ не стряпаютъ уже на кухнѣ, гдѣ ихъ замѣнили повара, пирожники, хлѣбники и калачники, а выдаютъ кушанья, пироги и хлѣбы, по

чину кому что надлежитъ, по особой росписи (Котош. 61 и сл.).

Терминъ «стряпчіе» встрѣчается только въ московскихъ памятникахъ. Въ болѣе отдаленное время должность ихъ исполнялась отроками, а потомъ дворовыми людьми.

Какъ ни скудны наши свѣдѣнія объ исторіи стряпчихъ, но мы, на основаніи приведенныхъ уже указаній, можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что въ положеніи стряпчихъ совершился своего рода подъемъ. Большинство стряпчихъ хозяйственныхъ дворовъ перестало уже быть рабочими людьми. Къ рабочимъ дворовымъ людямъ, послѣ конюховъ, всего ближе подходятъ стряпчіе разныхъ другихъ хозяйственныхъ дворовъ, о которыхъ только что было сказано. Но и тамъ есть чины ниже ихъ, которые заняты рабочимъ дѣломъ. На Сытенномъ дворѣ ниже стряпчихъ стоятъ виникуры, пивовары, бочкари и сытники, которые во время царскихъ походовъ носятъ сосуды съ питьемъ, но не подаютъ питье царю; на Кормовомъ ниже стряпчихъ: повара-мастера и полумастера; на Хлѣбенномъ—хлѣбники, калачники и пирожные мастера; даже на Конюшенномъ дворѣ стряпчіе не послѣдній чинъ, ниже ихъ стадные конюхи.

По числомъ этихъ дворовыхъ стряпчихъ вовсе не исчерпывается общее количество стряпчихъ, бывшихъ при московскомъ дворѣ. На Сытенномъ дворѣ Котошихинъ полагаетъ 40 человѣкъ стряпчихъ; на Хлѣбенномъ—2-хъ, на Конюшенномъ—200; число стряпчихъ на Кормовомъ дворѣ онъ не опредѣляетъ, полагаемъ ихъ тоже въ 40 человѣкъ, какъ и на Сытенномъ. Всего получится 282 стряпчихъ, а въ боярскихъ книгахъ находимъ, помимо этихъ «дѣловыхъ» стряпчихъ, еще сотни ихъ. Въ книгѣ на 1668 годъ ихъ болѣе 500, а въ книгѣ на 1676 годъ число ихъ простирается до 640 человѣкъ. Самъ Котошихинъ число стряпчихъ, о которыхъ говоритъ въ главѣ о царскихъ чиновныхъ людяхъ», полагаетъ въ 800 чело-

вѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые сидѣли въ разныхъ хозяйственныхъ дворахъ.

Какіе же это стряпчіе? Это придворные люди, носившіе званіе стряпчаго безъ назначенія къ какой-либо опредѣленной стряпнѣ; они состоятъ при особѣ государя для всякихъ услугъ ему.

Назначаются эти стряпчіе къ самымъ разнообразнымъ службамъ и въ самыя разнообразныя посылки, за исключеніемъ болѣе крупныхъ назначеній на должности воеводъ и пословъ. По свидѣтельству Котошихина, ихъ не дѣлаютъ воеводами и не посылаютъ послами; но они могутъ входить въ составъ посольствъ въ качествѣ второстепенныхъ чиновъ.

Стряпчіе эти назначаются по именной росписи къ разнымъ службамъ при особѣ государя. При его выходѣ въ церковь они несутъ за нимъ стулъ, скамеечку подъ ноги, платокъ; во время церковной службы они держатъ государеву шапку. Когда государь принимаетъ личное участіе въ военныхъ походахъ, стряпчіе везутъ его панцырь, мечъ (Котошихинъ 21). Во время зимнихъ поѣздокъ государя по окрестностямъ Москвы, они назначаются въ «ухабничіе» для поддерживанія возка на ухабахъ. 20 января 1620 года, когда государь «ѣздилъ тѣшиться на лоси въ Черкизово»,

«На ухабѣ стоялъ (вар. ухабничей) стряпчей Замятня, Ѳедоровъ сынъ, Левонтьевъ», Двор. разр. I. 435.

Въ 1674 году декабря 8-го, когда государь съ государыней и дѣтьми изъ села Преображенскаго ходилъ тѣшиться въ село Алексѣевское»,

«На ухабѣ стояли стряпчіе Илья, Михайловъ сынъ, Дмитріевъ да Ѳедоръ, Ивановъ сынъ, Собакины». Двор. разр. III. 1130.

Во время праздничныхъ обѣдовъ у государя стряпчіе чашничали и блюда ставили передъ боярами, окольничими и ближними людьми (Двор. разр. III. 1001).

Служба при государѣ не могла занять сотни стряпчихъ, а потому ихъ посылали съ воеводами по полкамъ въ качествѣ военныхъ людей (Кн. разр. стр. II. 787 и слѣд.).

Котошихинъ говоритъ, что стряпчіе не всѣ находились въ Москвѣ налицо, на случаи какого-либо назначенія, а только половина ихъ. Другая половина отпускалась въ деревни. Каждые шесть мѣсяцевъ они мѣнялись (21).

Согласно боярскимъ книгамъ, разрядамъ и Котошихину, стряпчіе занимаютъ мѣсто послѣ стольниковъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Несмотря на весьма невысокое положеніе стряпчихъ при московскомъ дворѣ, въ чинъ этотъ въ XVII вѣкѣ назначались даже люди изъ перворазрядныхъ фамилій. Въ стряпчихъ бывали: кн. Голицыны, кн. Пронскіе, кн. Репнины, кн. Ростовскіе-Буйносовы, кн. Урусовы, кн. Хованскіе, Шереметевы. Даже тѣ изъ членовъ этихъ фамилій, которые достигали боярства, въ молодости бывали стряпчими. Боярин кн. П. А Репнинъ изъ дворянъ московскихъ прежде всего былъ возведенъ въ званіе стряпчаго. Точно такъ же были стряпчими дворяне московскіе, В. и Б. П. Шереметевы, возведенные потомъ въ званіе боярина.

Члены родовитыхъ фамилій бывали стряпчими въ смыслѣ низшаго придворнаго званія, а не въ смыслѣ опредѣленной должности при одномъ изъ хозяйственныхъ дворовъ. Въ стряпчіе-конюхи люди родовитые не назначались. Въ виду такого разнообразнаго личнаго состава чина стряпчихъ, честь ихъ, по всей вѣроятности, не была одинакова. Мѣсто за стольниками принадлежало только стряпчимъ въ смыслѣ придворнаго званія, а не опредѣленной должности въ хозяйственныхъ дворахъ.

Это положеніе подтверждается текстомъ Уложенія. Въ статьѣ, опредѣляющей размѣръ помѣстнаго оклада въ Московскомъ уѣздѣ, читаемъ:

«За стольники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки,... по сту четвертей за человѣкомъ».

«За дворовыми людьми, за стряпчими, и за сытники съ помѣстныхъ ихъ окладовъ со ста четвертей по десяти четвертей». XVI. I).

Здѣсь различены два вида стряпчихъ. Одни идутъ за стольниками, это придворное званіе; другіе идутъ за дворовыми людьми, это рабочіе стряпчіе хозяйственныхъ дворовъ. Всѣ они люди честные и имѣютъ помѣстья; но честь послѣднихъ ниже чести первыхъ.

Люди родовитые только временно занимали должность стряпчаго, можетъ быть въ ранней молодости, а потомъ возвращались въ прежнее состояніе. В. и В. П. Шереметевы въ книгахъ на 7135 и 7137 годы написаны дворянами московскими, въ книгѣ на 7144—стряпчими, а въ книгѣ на 7148 опять дворянами московскими.

Шереметевская сводная книга о стряпчихъ вовсе не говоритъ. Она знаетъ только стряпчаго съ ключомъ и перечисляетъ лицъ, занимавшихъ эту должность съ 1616 года.

Стряпчій съ ключомъ есть помощникъ постельничаго, онъ вѣдаетъ подъ нимъ Мастерскую палату и постельную казну; у него ключъ отъ казны, отсюда, конечно, и наименованіе «стряпчій съ ключомъ». Онъ—порожденіе все осложняющейся придворной жизни. Въ разрядной книгѣ на 1675 годъ подъ мѣсяцемъ августомъ находимъ такой указъ:

«Указалъ великій государь быть за собой, великимъ государемъ, поочередно и помѣсячно, и въ походѣхъ жить, и на Москвѣ вѣдать стряпню въ Мастерской палатѣ: постельничему, Ѳедору Алексѣевичу Полтеву, да стряпчему съ ключемъ, Ивану Кузмичу Кузмину, да стольнику и ближнему человѣку, Ивану, Демидову сыну, Голохвостову, да стольнику и ближнему человѣку у крюка, Петру, Савельеву сыну, Хитрово, да съ ними дьякамъ Мастерскіе жъ великаго государя палаты: Ивану Чаплыгину да Ѳедору Казанцу. А за нимъ, великимъ государемъ, велѣно ходить въ походѣ поочередно». Двор. разр. III. 1611.

Потребности двора такъ разрослись, что сдѣлалось необходимымъ усилить первоначальный составъ Мастерской палаты. Первое учрежденіе должности стряпчаго съ ключемъ Шереметевская сводная книга относитъ къ 1646 году.

Стряпчіе съ ключемъ занимаютъ мѣсто послѣ постельничаго. Трое изъ пяти занимавшихъ эту должность съ 1646 года по 1677 повышены были въ постельничіе [1]).

XI. Ловчіе и сокольничіе

Эти два чина принадлежатъ къ древнѣйшему составу двора. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ упоминаетъ уже о ловчемъ, соколиномъ и ястребиномъ нарядѣ (Лавр. 1096). Съ самыхъ древнихъ временъ охота на звѣря и птицу составляла любимѣйшее развлеченіе князей и у каждаго изъ нихъ былъ свой штатъ охотниковъ. Хотя забава охотой составляла чисто частное дѣло князей, а не государственное, но, по смѣшенію въ древнее время элементовъ частнаго и государственнаго, княжескіе охотники являются не только приспѣшниками княжескихъ забавъ, а и властью. Князьямъ не только принадлежали въ собственность озера и рѣки, богатыя рыбою, и мѣста, въ которыхъ водился пушной звѣрь (бо-

[1]) Шереметевскій сводъ даетъ такой списокъ стряпчихъ: М. А. Ртищевъ съ 1646—1647; Ѳ. М. Ртищевъ 1650—1656; Ѳ. А. Полевъ 1656—1669; И. К. Кузьминъ 1669—1679; А. П. Ляхачевъ съ 1677.

У Котошихина читаемъ:

Царская Мастерская палата, а въ ней сидитъ стряпчей съ ключомъ да дьякъ, а тотъ стряпчей честью противъ окольничихъ, а въ думѣ не сидитъ.... да онъ же надсматриваетъ надъ другими стряпчими».... VII. 12.

Все это не очень точно. Стряпчій могъ имѣть первое мѣсто въ Мастерской палатѣ, но только въ томъ случаѣ, когда тамъ не сидѣлъ постельничій. Честь стряпчаго съ ключомъ ниже чести окольничаго. Подчинены стряпчему съ ключемъ могли быть только нѣкоторые стряпчіе, состоявшіе при постельной казнѣ, а никакъ не вѣ-

бровые гоны), но они ловили рыбу и звѣря въ предѣлахъ всего своего княженія, гдѣ только имъ было угодно [1]). Для этого лова при дворѣ ихъ состояли разные ловчіе: охотники, псари, бобровники, сокольники, подлазчики, рыболовы, подледчики, неводники. На обязанности ихъ лежало содержать въ исправности необходимую для ловли снасть, собакъ, соколовъ и производить самую ловлю. Для этой послѣдней цѣли, гдѣ бы охота ни происходила, въ княжескихъ водахъ и лѣсахъ или въ чужихъ, они имѣли право въѣзжать въ деревни мѣстныхъ жителей, останавливаться въ ихъ дворахъ, кормиться на ихъ счетъ и кормить своихъ лошадей, собакъ и соколовъ, и, наконецъ, требовать личнаго участія жителей деревни въ производимой ими охотѣ. Мѣстные жители были обязаны давать имъ кормъ, дворы для постоя, подводы, проводниковъ, сторожей, забивать на рѣкахъ ѣзы, и выходить на ловлю медвѣдей, лосей, лисицъ, бобровъ и пр. [2]).

Въ разсказѣ лѣтописца, относящемся къ концу XIII вѣка, находимъ указаніе, что въ пользу ловчихъ установлялся иногда особый сборъ. Въ 1289 году великій князь володимірскій, Мстиславъ Даниловичъ, опредѣлилъ брать «ловчее съ берестьянъ за ихъ измѣну. Вотъ разсказъ объ этомъ лѣтописца:

«И пріѣха (Мстиславъ) въ Берестіи. И рече бояромъ своимъ: «есть ли ловчіи здѣ?» (вар. ловци). Они же рѣкоша: «иѣтуть, господине, изъ вѣка». Мстиславъ же рѣче: «азъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее (вар. ловци) за ихъ коромолу... и повелѣ писцю своему писати грамоту. «Се азъ, князь Мьстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на берестьяны и въ вѣкъ за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадцать десяткъвъ луку, а по сту хлѣбовъ, а по

[1]) А. Э. I № 12, 1393; № 56, 1455; Рум. Соб. I № 127, 1496.

[2]) А. Э. I № 5, 18, 22, 35, 43, 44, 56, 81, 86, 120, 132, 136, 152, 215, 217, съ 1361 по 1548. Въ Рязани встрѣчаются «боровщики», о которыхъ не упоминаютъ московскіе памятники. А. И. I № 81, 1484—1501.

пяти цебровъ (zober) овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ, а по толку со всякого ста. А на горожанахъ по 4 гривны кунъ. А хто мое слово порушитъ, а станетъ со мною передъ Богомъ». Ипат. 225.

Вопросъ князя «есть ли въ Берестіи ловчіи (ловцы)? надо понимать такъ: имѣютъ ли мои ловчіи право въѣзда въ Берестье для сбора своей дани? Изъ этого вопроса видно, что въ XII вѣкѣ были уже мѣста привилегированныя отъ даней и въѣзда княжескихъ чиновниковъ. Берестье пользовалось такой привилегіей. За коромолу оно ее лишается. Изъ подробнаго опредѣленія въ грамотѣ размѣра дани можно, кажется, заключить, что она не вездѣ была одинакова.

И въ памятникахъ позднѣйшаго времени находимъ указанія на существованіе особаго сбора въ пользу ловчихъ. Московскіе князья называютъ нѣкоторыя пошлины не своими, а пошлинами своихъ рыбниковъ, подледчиковъ, бобровниковъ и пр. [1]). Можно думать, что эти охотничьи пошлины вводились въ замѣну натуральной повинности помогать княжескимъ ловцамъ во время охоты.

По мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ сосѣднихъ княженій, въ распоряженіи московскихъ государей оказалось охотниковъ болѣе, чѣмъ было нужно. Московскіе государи не затруднились найти этимъ лишнимъ людямъ иное употребленіе. Они освободили ихъ отъ падавшей на нихъ натуральной повинности и, взамѣнъ того, обложили единообразнымъ денежнымъ взносомъ. Отъ вел. князя Василія Ивановича сохранилась грамота галицкимъ рыболовамъ, которою онъ жалуетъ имъ Галицкое озеро, гдѣ они до того времени ловили рыбу на дворецъ, и обязываетъ ихъ вносить въ его казну за лѣтнюю рыбную ловлю 12 рублей съ половиной. Со дня выдачи этой жалованной грамоты галицкіе рыболовы перестали уже быть

---

[1]) А. Э. I № 34, 35, 1437; № 107, 1476; № 136, 1500; Рус. Ист. библ. II. № 5, 1397—1432.

рыболовами въ древнемъ служебномъ смыслѣ этого слова. Потребности же двора въ рыбѣ удовлетворялись переяславскими рыболовами, на которыхъ попрежнему лежала натуральная повинность въ государеву поварню (А. Э. I № 142. 143). А въ концѣ XVI в. и нѣкоторая часть переяславскихъ рыболововъ состоитъ уже на денежномъ оброкѣ (А. Э. I. № 341).

Особенно любопытна грамота того же князя переяславскимъ сокольникамъ. Въ 1507 г. въ городѣ Переяславлѣ состояло 20 человѣкъ сокольниковъ, и въ томъ числѣ четыре вдовы. Нѣкоторые изъ сокольниковъ-мужчинъ занимались сапожнымъ и сѣдельнымъ мастерствомъ, а одна изъ вдовъ пекла хлѣбъ на продажу. И вотъ этимъ-то 20 человѣкамъ вел. князь даетъ жалованную грамоту, которою освобождаетъ ихъ отъ суда и вѣдомства переяславскаго намѣстника, отъ всякихъ повинностей въ его пользу и въ пользу разныхъ ѣздоковъ, и ото всѣхъ иныхъ повинностей, за исключеніемъ ямa, городового дѣла и посошной службы. Судятся эти сокольники передъ самимъ вел. княземъ (или его сокольникомъ) и платятъ ему «за соколы оброкомъ полтора рубля въ годъ» (А. Э. I, № 147). Въ этой грамотѣ ясно отразилось и прежнее привилегированное положеніе сокольниковъ, и новое, состоящее въ томъ, что, какъ сокольники, они болѣе не нужны князю. Несмотря на полную ихъ ненужность, они не сливаются однако съ остальнымъ населеніемъ, а продолжаютъ составлять особую группу, которая находится въ непосредственномъ вѣдѣніи самого князя, какъ и всѣ его дворовые люди. Такъ робко вводятся новые порядки. Нельзя даже сказать, что они отмѣняютъ старые: они сливаются съ ними. Въ результатѣ получается учрежденіе, которое можетъ быть объяснено только съ исторической точки зрѣнія. Грамота дана сокольникамъ, которые, по всей вѣроятности, давно уже перестали быть сокольниками и живутъ разными иными промыслами. Замѣна поставки соколовъ въ натурѣ денежнымъ оброкомъ уничтожаетъ по-

слѣдній признакъ, по которому еще можно распознать сокольниковъ. Тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ состоять въ вѣдомствѣ двора, хотя къ этому нѣтъ болѣе ни малѣйшей разумной причины.

Во главѣ учрежденій охоты стояли ловчіе и сокольничіе.

Въ боярскихъ книгахъ ловчіе появляются съ 1509, а сокольничіе съ 1550 года. Сводная книга и здѣсь очень отстаетъ отъ дѣйствительности. Въ московскомъ посольствѣ, отправленномъ въ Литву въ 1503 году, принималъ уже участіе сокольничій. М. С. Ерошкинъ-Клюшкъ. Что это былъ не простой сокольникъ, а начальный человѣкъ, это видно изъ того, что имя его написано съ «вичемъ» и что во время переговоровъ ему также предоставлено было право слова, какъ и другимъ посламъ (Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV, 413).

Со времени появленія сокольничихъ должность эта нѣсколько разъ соединялась въ одномъ лицѣ съ должностью ловчаго. Въ сокольничіе и ловчіе назначались люди неименитые [1]. Но нѣкоторые изъ нихъ, начавъ службу съ ловчихъ, затѣмъ возвысились до думныхъ дворянъ, окольничихъ и даже бояръ. Таковы Нагіе и Пушкины, достигшіе боярства, и Проѣтевы, достигшіе окольничества. Обратная роль выпала на долю рода Заболоцкихъ. Въ XV вѣкѣ они выставили древнѣйшаго боярина-дворецкаго; въ XVI встрѣчаются въ боярахъ и окольничихъ; въ XVII не идутъ выше ловчаго.

[1]) Въ сводной боярской книгѣ находимъ слѣдующихъ ловчихъ и сокольничихъ: М. П. Нагой лов. 1509—1525; Д. Г. Проѣтевъ лов. 1526—1534; Ѳ. М. Нагой лов. 1535–1539; П. Ѳ. Наумовъ сок. и лов. 1550—1562; Г. Д. Ловчиковъ лов. 1563—1567; М. П. Бобрищевъ-Пушкинъ сок. и лов. 1568—1574; сок. 1571—1582; П. М. Пушкинъ лов. 1574—1583; Д. А. Замыцкій назначенъ лов. въ 1584; П. А. Жеребцовъ сок. 1590—1600; Г. Г. Пушкинъ сок. 1605—1606; Григорій Маматовъ лов. 1622–1634; П. Ѳ. Левонтьевъ лов. 1635—1647; А. С. Заболоцкій лов. 1648–1652; А. П. Матюшкинъ лов. 1653—1676; В. П. Философовъ лов. назначенъ въ 1677.

Должность ловчаго соединялась съ нѣкоторыми изъ ближайшихъ высшихъ и даже низшихъ. Такъ А. И Матюшкинъ былъ стольникомъ и ловчимъ, былъ ловчимъ и ясельничимъ и остался ловчимъ, получивъ званіе дворянина въ думѣ.

Въ половинѣ XVII вѣка существовало два разныхъ вѣдомства охоты. По свидѣтельству Котошихина, царская лѣтняя и зимняя потѣха на звѣря состояла въ вѣдомствѣ Конюшеннаго приказа. Для ловли тенетами и собаками лосей оленей, лисицъ, зайцевъ и пр. въ его распоряженіи состояло до ста ловцовъ и псарей (69). Лѣтняя потѣха соколиная состояла въ вѣдомствѣ приказа Тайныхъ Дѣлъ. Въ потѣшномъ соколиномъ дворѣ подъ Москвой онъ насчитываетъ сто человѣкъ сокольниковъ да по городамъ были учреждены кречетники для ловли и ученья птицъ: ихъ было больше ста человѣкъ. Число потѣшныхъ царскихъ птицъ превышало три тысячи (70).

Гавр. Гр. Пушкинъ былъ послѣднимъ сокольничимъ. Съ 1606 года не встрѣчаемъ болѣе назначенія въ эту должность. Вѣдомство соколиной охоты распредѣлялось между рядовыми сокольниками, начальными и подсокольничимъ. Алексѣй Михайловичъ, великій любитель соколиной потѣхи, сочинилъ торжественный обрядъ возведенія рядовыхъ сокольниковъ въ начальные. Онъ занимаетъ большую половину написаннаго при немъ «Урядника или новаго уложенія и устроенія чина сокольнича пути», снабженнаго собственноручными замѣтками царя. Конецъ «Урядника» содержитъ роспись государевымъ охотникамъ, кому которыхъ птицъ приказано держать. Сто одинъ кречетъ и соколъ московскаго потѣшнаго двора были розданы на руки 19-ти рядовымъ сокольникамъ, дѣлившимся на пять статей. Эти статьи носили наименованіе по первому рядовому сокольнику, напримѣръ: первая Парфентьева статья, вторая Михеева и пр. (П. С. З. № 440, 1668).

Всѣ эти рядовые сокольники, ястребники, кречетники и иные охотники, напримѣръ, конные псари и пр. награ-

ждались помѣстьями и имѣли вотчины и своихъ крестьянъ (А. Э. II. № 20, 1601; Котош. 70). Но на служебной лѣстницѣ московскихъ чиновъ они занимали такое невысокое мѣсто, что объ нихъ не упоминаютъ ни Шереметевскій сводный списокъ, ни боярскія книги. Опредѣленное мѣсто имѣли только начальные люди, ловчіе и сокольничіе.

XII. Печатникъ

Въ древности княжескіе грамоты и указы князьями не подписывались, а скрѣплялись приложеніемъ печати, которая привѣшивалась къ документу на снуркѣ. Поэтому печатники, хранившіе и привѣшивавшіе къ документамъ княжескія печати, должны принадлежать къ древнѣйшимъ чинамъ княжескаго двора. Лѣтописи сохранили указаніе на нихъ отъ первой половины XIII вѣка. У галицкаго князя Даніила Романовича, былъ печатникъ Кириллъ. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ своего государя и въ 1241 году посланъ былъ въ Бакоту «списати грабительства нечестивыхъ бояръ и утѣшити землю... Это былъ человѣкъ грамотный, но невысокороднный, а потому называется только по имени, безъ отчества. Въ томъ же году онъ былъ отправленъ ратнымъ воеводою въ землю Болоховскую (Кар. IV, пр. 20). Этотъ старѣйшій печатникъ, намъ извѣстный, также хорошо, значитъ, владѣлъ мечомъ, какъ и перомъ.

У Смоленскаго князя, Ѳедора, былъ печатникъ. Моисей, тоже изъ людей неименитыхъ: намъ извѣстна грамота этого князя отъ 1284 года, которую онъ печаталъ. Рум. Собр. II. № 3.

При московскихъ князьяхъ печатники сохраняютъ тотъ же характеръ: это люди грамотные, но не родовитые. Дмитрій Ивановичъ сдѣлалъ своимъ печатникомъ попа Митяя (Никонов. лѣт.). У великаго князя Ивана Васильевича печатникомъ былъ грекъ, Юрій Дмитріевъ (Рум. Собр. I,

стр. 399). У внука его, Ивана Васильевича, въ должности печатника встрѣчаемъ дьяка. Ив. Мих. Висковатова, фамилія совершенно неизвѣстная Шереметевскому списку.

Въ XVII вѣкѣ въ качествѣ печатниковъ исключительно являются дьяки.

Шереметевская сводная книга очень запаздываетъ съ печатниками. Она приводитъ единственнаго ей извѣстнаго печатника подъ 1667 годомъ; это думный дьякъ и печатникъ Алмазъ Ивановъ († въ 1669). Печатники какъ люди не родовитые, по всей вѣроятности, мало интересовали составителя свода. Котошихинъ много говоритъ о печатяхъ, но совсѣмъ не знаетъ печатниковъ. Это потому, что въ его время должность печатника слилась съ должностью думнаго дьяка, вѣдавшаго Посольскій и Печатный приказы [1]. На рукахъ этого дьяка было три печати: большая государственная, которою печатались грамоты къ иностраннымъ государямъ (за исключеніемъ крымскаго хана и хановъ калмыцкихъ) и грамоты въ Малороссію; 2) малая государственная, которою печатались грамоты къ крымскимъ и калмыцкимъ ханамъ и внутреннія грамоты на пожалованіе вотчинъ, помѣстій и гостинымъ именемъ; 3) печать, которая прикладывалась ко всѣмъ внутреннимъ правительственнымъ грамотамъ: «а бываетъ та печать у думнаго дьяка безпрестанно повѣшена на вороту» (Котош. стр. 72, 30, 92, 93).

Кромѣ этихъ трехъ печатей, у московскихъ государей въ XVII вѣкѣ была еще четвертая «для скорыхъ и тай-

[1] Соединеніе посольскихъ дѣлъ съ должностью печатника встрѣчается еще при Грозномъ. Довѣренный его дьякъ, Ив. Мих. Висковатовъ, которому не разъ поручались иностранныя сношенія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и печатникомъ. Но это не было общимъ правиломъ. Печатникъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ въ 1573 году сидѣлъ въ Разбойной избѣ, а не въ Посольской (А. до Ю. Б. № 230, II и III). При Ѳедорѣ Ивановичѣ дьякъ Посольскаго приказа, Василій Щелкановъ, былъ и печатникомъ (Рус. Ист. Сбор. II. 128). Такимъ образомъ, практика временъ Котошихина имѣетъ свои корни еще въ XVI вѣкѣ.

ныхъ царскихъ дѣлъ. Она хранилась у государева постельничаго (Котош. II. 13).

Мѣсто печатника на служебной лѣстницѣ XVII вѣка опредѣляется его думнымъ дьячествомъ. Думный дьякъ и печатникъ пишется послѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ чиновъ (за исключеніемъ стряпчихъ), но впереди другихъ думныхъ дьяковъ.

Можно думать, что то же мѣсто принадлежало и печатникамъ думнымъ дьякамъ XVI вѣка. Печатникъ и довѣренный дьякъ Ивана Грознаго, Ив. Мих Висковатовъ, въ соборной грамотѣ 1566 года написанъ послѣ казначеевъ и впереди другихъ думныхъ дьяковъ. Промежуточные чины, занимающіе мѣсто между казначеями и печатниками, въ соборномъ приговорѣ 1566 года не участвовали.

XIV. Стольники

Первоначальное назначеніе стольниковъ служить за столомъ государя, подавать ему блюда и наливать напитки въ чаши, отсюда и другое имъ наименованіе — чашники. Это, слѣдовательно, одинъ изъ многочисленныхъ видовъ спеціализаціи домашнихъ слугъ, отроковъ, а позднѣе, дворовыхъ людей.

Стольники встрѣчаются уже въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ началу XIII вѣка. Древнѣйшее изъ нихъ упоминаетъ подъ 1228 годомъ стольника новогородскаго владыки. Уже въ это отдаленное время дѣятельность стольниковъ не ограничивается тою служебною ролью, на которую указываетъ ихъ наименованіе. Стольникъ кіевскаго князя, Владиміра Рюриковича, принимаетъ въ 1230 году участіе въ посольствѣ къ князю Юрію вмѣстѣ съ митрополитомъ всея Руси, Кирилломъ, епископомъ, Порфиріемъ, и игуменомъ кіевскаго монастыря Святого Спаса. Галицкій князь Даніилъ ведетъ въ 1211 году переговоры съ галицкими боярами чрезъ по-

средство стольника своего, Іакова (Карам. III. пр. 324 и 333. IV, пр. 20). Чашники князя рязанскаго входятъ вмѣстѣ съ боярами въ составъ думы своего князя уже въ XV вѣкѣ (мѣсто привед. на стр. 458).

Изъ всего этого ясно, что задолго еще до московскаго времени существовали уже стольники и играли довольно видную роль въ придворномъ штатѣ своихъ государей.

Съ этимъ двоякимъ значеніемъ застольныхъ слугъ и весьма почетнаго придворнаго званія находимъ стольниковъ и при московскомъ дворѣ.

За столомъ московскихъ государей стольники служатъ только въ торжественныхъ случаяхъ, въ праздники и при пріемѣ пословъ. Возлагаемыя на нихъ при этомъ обязанности были весьма разнообразны. Онѣ состояли въ приглашеніи почетныхъ гостей къ столу. На языкѣ того времени эта обязанность обозначалась терминомъ: въ столы сказывать.

«Въ столы сказывали стольники: въ большой столъ князь Иванъ Ивановичь Меншой Одоевской да князь Матвѣй Васильевичь Прозоровской; въ кривой столъ князь Семенъ Васильевичь Прозоровской да Юрій Игнатьевичь Татищевъ... Звалъ посла за столъ стольникъ князь Григорій Васильевичь Тюфякинъ». Двор. разр. I, 283, 1617. См. Сб. Им. р. ист. общ. XXXVIII, 83.

Во время стола стольники «ѣсть и пить отпускаютъ, наблюдаютъ за общимъ порядкомъ стола и служатъ, наливая напитки и подавая блюда.

Мы уже знаемъ, что въ торжественные царскіе обѣды за особымъ поставцомъ сидѣлъ дворецкій и «къ великому государю отпускалъ ѣсть».

Для приглашенныхъ къ государеву столу гостей ту же роль игралъ стольникъ, для котораго устраивался особый поставецъ. 16-го февраля 1664 года, на обѣдѣ, данномъ англійскому послу, Чарльсу Говарду:

«За поставцомъ сидѣлъ и бояромъ и посломъ ѣсть отпускалъ стольникъ Василей, Григорьевъ сынъ, Нечаевъ».

„Для наряженія и отпуска вина назначался особый стольникъ. На томъ же обѣдѣ:

Вина наряжалъ столникъ князь Юрья, княжъ Михайловъ сынъ, Одоевскій».

„Для наблюденія за общимъ порядкомъ у государева стола стоялъ крайчій и стольникъ, у столовъ же гостей по стольнику. Объ нихъ говорилось, что они смотрятъ въ столы.„

Въ столы смотрѣли столники: въ большой столъ князь Михайла, княжъ Семеновъ сынъ, Прозоровской „да князь Борисъ, княжъ Лукинъ сынъ, Львовъ; въ кривой столъ князь Петръ Меншой, княжъ Семеновъ сынъ, Прозоровской да князь Петръ, княжъ Лукинъ сынъ, Львовъ„.

Напитки и кушанья подавали государю стольники: по тѣ, которые «передъ великого государя пить носили„, назывались чашниками. За столомъ боярь тоже служили стольники, но не всегда: весьма нерѣдко ихъ замѣняли стряпчіе.

Число стольниковъ и стряпчихъ, служившихъ за столомъ государя, „достигало иногда весьма значительной цифры. На упомянутомъ обѣдѣ въ присутствіи англійскаго посла передъ великаго государя пить носили» 26 чашниковъ; а ѣсть ставили 57 стольниковъ: «передъ боярь (которыхъ было никакъ не болѣе „десяти человѣкъ) пить носили» — шесть стольниковъ и 21 стряпчій; ѣсть ставили 22 стольника и 23 стряпчихъ: передъ послов пить носили» —2 стольника и 27 стряпчихъ; ѣсть ставили—1 стольникъ и 24 стряпчихъ. Всего 114 стольниковъ и 97 стряпчихъ. Какъ только государь сѣлъ за столъ, всѣ эти чашники и стольники были «явлены» ему окольничимъ. Ѳ. М. Ртищевымъ, который замѣщалъ въ этотъ день дворецкаго и сидѣлъ на его мѣстѣ за поставцомъ. Постоявъ нѣкоторое время предъ государемъ, Ртищевъ пошелъ около стола за поставецъ, а за нимъ пошли чашники и стольники въ золотыхъ одеждахъ, по „два человѣка въ рядъ [1].

[1]) Двор. разр. III. 565; см. еще 1001; т. 1. 284. 407.

По связи съ этой первоначальной обязанностью стольниковъ служить за столомъ, на нихъ возлагалась обязанность кормить монастырскую братію во время многочисленныхъ поѣздокъ московскихъ государей по монастырямъ (Двор. разр. III. 1385) и обязанность «принощиковъ» или «поднощиковъ». Въ праздникъ Воскресенія Христова московскіе государи имѣли обычай, при христосованіи, обмѣниваться яйцами. Для этой цѣли яйца подавалъ имъ стольникъ, который назывался то принощикомъ, то поднощикомъ (Двор. разр. III. 1323, 1353). Это была особая честь, которой могли удостоиться стольники. Въ разрядной книгѣ за апрѣль 1675 г. читаемъ:

«Пожаловалъ великій государь стольника, ближняго человѣка, принесомъ князь Андрея, княжъ Дмитреева сына, Щербатова». Двор. разр. III. 1319.

8-го апрѣля того же года, въ пятницу на Святой недѣлѣ, ходилъ великій государь въ Новодѣвичій монастырь праздновать Пречистой Богородицѣ, къ вечернѣ, и ко всенощной, и къ обѣднѣ». Число христосовавшихся при этомъ съ государемъ было такъ велико, что за вновь пожалованнымъ принощикомъ, стольниковъ А. Д. Щербатовымъ, стояло десять поднощиковъ изъ нижнихъ чиновъ съ яйцы (Двор. разр. III. 1323).

На стольниковъ возлагались и другія обязанности придворной службы, не стоявшія уже ни въ какой связи съ ихъ стольничествомъ. При торжественныхъ выходахъ имъ поручалось идти за государемъ «со стряпнею» вмѣсто постельничаго; они завѣдывали иногда, вмѣсто постельничаго же, Мастерской палатой, а вмѣсто сокольничаго — птицами и сокольниками (Двор. разр. III, 994. 1093, 1515).

Свидѣтельство Котошихина (II, 6), что на столы гостей «ѣству ставили окольничіе», надо считать невѣрнымъ. Изъ сказаннаго въ текстѣ видно, что окольничіе на торжественныхъ обѣдахъ играли высшую роль, чѣмъ крайчіе: они сидѣли за поставцомъ вмѣсто дворецкаго, а крайчіе стояли за столомъ государя.

При пріемѣ пословъ они назначались въ рынды. 25-го ноября 1626 года государь принималъ шведскихъ пословъ.

«А при государѣ были въ рындахъ въ бѣломъ платьѣ съ топоры, по правую сторону, столники: князь Ѳедоръ, княжъ Борисовъ сынъ, Татевъ да князь Ѳедоръ, княжъ Ѳедоровъ сынъ, Волконской; по лѣвую сторону: столникъ князь Иванъ, княжъ Борисовъ сынъ, Татевъ да стряпчій Юрей, Васильевъ сынъ, Телепневъ». Двор. разр. I. 866.

Въ тѣ дни, когда царевичи, бояре, окольничіе и иные чины допускались въ «комнату» государю челомъ ударить и «видѣть его государскіе пресвѣтлые очи», стольники назначались стоять въ комнатѣ «у крюка» (двернаго) и по списку вызывать допущенныхъ къ пріему.

«4-го апрѣля 1675 года приходили къ великому государю въ комнату царевичи, царевичъ сибирскій, Алексѣй Алексѣевичъ, да царевичъ касимовской, Михайло Васильевичъ, бояре и пр. А у крюка стоялъ въ комнатѣ и пущалъ по списку столникъ и ближней человѣкъ, Петръ, Савельевъ сынъ, Хитрово» [1]).

Наконецъ, стольники исполняли должность возницъ государя. Въ январѣ 1620 года государь ѣздилъ на охоту въ село Черкизово:

«А возница былъ у государя столникъ, князь Юрья, княжъ Андреевъ сынъ, Спцкой». Двор. разр. I. 435.

Въ декабрѣ 1674 годи государь ѣздилъ въ село Алексѣевское:

«А возницы у великаго государя были въ приказѣ: столникъ и ближней человѣкъ Ѳедоръ, Петровъ сынъ, Салтыковъ да столникъ князь Яковъ, княжъ Васильевъ сынъ, Хилковъ». Двор. разр. III. 1130.

Этою придворной службой далеко не исчерпывается дѣятельность стольниковъ. Придворная служба занимаетъ

[1]) Двор. разр. Ш. 1312. У крюка со стольниками конкурируютъ, иногда, стряпчіе, и, на оборотъ, стольники назначаются, иногда, въ ухабничіе. Въ 1666 году на ухабѣ стоялъ стольникъ кн. В. В. Горчаковъ, впослѣдствіи окольничій. Двор. разр. Ш. 605.

въ ихъ дѣятельности скорѣе второе, чѣмъ первое мѣсто. Это видно и изъ числа стольниковъ, которое, по Котошихину, доходило до 500 человѣкъ (21). Служба у стола занимала очень небольшое число стольниковъ и въ немногіе дни года. На что же нужны были 500 стольниковъ? Они составляли почетное придворное званіе; старшіе члены этого чина разсылались по воеводствамъ, младшіе несли военную службу въ полку государя и по городамъ при воеводахъ

«7183 году, мая въ 9 день, сказалъ, по указу великаго государя думной разрядной дьякъ, Герасимъ Дохтуровъ, всему великаго государя полку: столникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ... быть готовымъ на его великаго государя службу съ запасы; а великому государю походъ будетъ самому противъ солтана турецкаго и хана крымскаго, по вѣстямъ». Двор. разр. III. 1380.

Кромѣ того, стольники назначались въ приказы и посылались во всякія посылки, въ посольства, по судебнымъ дѣламъ, для смотра служилыхъ людей и пр. (Котош. 21).

Мѣсто стольниковъ на служебной лѣстницѣ московскихъ чиновъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они упоминаются всегда послѣ думныхъ дьяковъ и впереди стряпчихъ.

Въ стольникахъ служили лица самыхъ лучшихъ фамилій: князья Куракины, Одоевскіе, Голицыны, Трубецкіе, Репнины, Ростовскіе, Урусовы, Морозовы, Шереметевы и пр. Даже быть государевымъ возницей не считалось умаленіемъ служебной чести. Государевъ возница въ 1620 году, князь Ю. А. Сицкой, въ 1638 году былъ возведенъ въ званіе боярина; такое же повышеніе выпало на долю и князя В. В. Голицына, бывшаго возницей въ 1666 году. Двор. разр. III. 605.

Но въ стольники назначались и люди неименитые. Сынъ благовѣщенскаго протопопа, Андрея Посникова, любимца царя Алексѣя Михайловича, былъ стольникомъ. Двор. разр. III. 980.

Первоначальная обязанность стольниковъ состояла въ службѣ государю въ его дворцѣ, въ его комнатахъ. А потому быть въ стольникахъ значило «быть въ приближеньи» къ государю (Рус. ист. сбор. V. 309). Но съ развитіемъ чина стольниковъ и съ возрастаніемъ ихъ числа до нѣсколькихъ сотъ, должно было оказаться, что не всѣ стольники находятся въ одинаковой близости къ царю. Тогда какъ одни вмѣстѣ съ крайчимъ стояли за его стуломъ, ставили передъ нимъ блюда и наполняли царскія чаши виномъ, другіе находились въ разныхъ посылкахъ, по воеводствамъ, въ приказахъ. Такимъ образомъ, возникла разница «ближнихъ стольниковъ» и просто стольниковъ. Такъ какъ ближніе стольники служили государю въ его комнатѣ, то они назывались еще «комнатными». Комнатными назывались, впрочемъ, не одни ближніе стольники, но всякіе ближніе люди. Были комнатные бояре, какъ мы уже видѣли: постельничій, спальники, стряпчій съ ключемъ по существу дѣла были только комнатные.

Въ челобитной Мирона Вельяминова (1631) въ мѣстническомъ спорѣ его съ княземъ Василіемъ Вяземскимъ читаемъ:

«И въ роду, государь, нашемъ, по вашей государской милости, при прежнихъ государѣхъ, въ Сабуровыхъ, и въ Годуновыхъ, и въ Вельяминовыхъ были бояре и околничіе; а при царѣ, государь, Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи былъ дядя мой, Дмитрій Ивановичъ, околничей, а братья, государь, мои жили въ комнатѣ, а иные въ столникахъ и въ стряпчихъ». Рус. Ист. Сб. V. 68.

Когда число стольниковъ превысило потребности комнаты, то вошло въ обычай лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ назначать въ комнату. Такое назначеніе могло дѣлаться уже въ XVI вѣкѣ, а можетъ быть и раньше, но записывалось ли оно въ книги, этого мы не знаемъ, такъ какъ не имѣемъ боярскихъ книгъ того времени. Сводная же Шереметевская книга о назначеніи въ стольники совсѣмъ

не говоритъ. Въ алфавитѣ Иванова къ боярскимъ книгамъ XVII вѣка древнѣйшее встрѣтившееся намъ назначеніе въ комнатные стольники относятся къ 1640 году. Въ этомъ году комнатнымъ стольникомъ у крюка былъ назначенъ Б. М. Хитрово. Непрерывный же рядъ назначеній въ комнатные стольники начинается лишь съ семидесятыхъ годовъ XVII столѣтія [1]). Съ этого же времени начинается объ нихъ и рядъ извѣстій въ разрядныхъ книгахъ. Въ 1675 году послѣдовалъ указъ «росписать государевыхъ ближнихъ людей и стольниковъ дневать и ночевать поочередно, въ четыре перемѣны» (Двор. разр. III. 1184). Съ семидесятыхъ же годовъ мы начинаемъ встрѣчать ближнихъ стольниковъ со стряпней, у крюка, возницами и пр. (Двор. разр. III. 994, 1130, 1230, 1312, 1545). Ближніе стольники днюютъ и ночуютъ у гроба умершаго государя; они же несутъ изъ комнаты тѣло его [2]).

За стольниками идутъ стряпчіе, а за стряпчими дворяне московскіе. Объ этихъ чинахъ рѣчь была выше.

[1]) За исключеніемъ Б. М. Хитрово, мы не замѣтили въ алфавитѣ комнатныхъ стольниковъ за первыя 76 лѣтъ XVII столѣтія. Съ 1676 г. встрѣчается уже множество назначеній въ это званіе. Въ этомъ году восемь князей Долгорукихъ были комнатными стольниками, пять Собакиныхъ и пр. Такъ какъ книги за предшествовавшіе годы, съ 1668 по 1675, не сохранились, то можно допустить, что обильное назначеніе въ комнатные стольники началось съ конца шестидесятыхъ годовъ. Можно думать, что при Алексѣѣ Михайловичѣ «комнатный стольникъ» сталъ тоже особымъ придворнымъ званіемъ, какъ и чинъ дворецкаго. Всѣ не ближніе стольники стали съ этого-же времени называться «площадными» (Двор. разр. III. 1001, 1328).

[2]) Двор. разр. III. 1640. Вотъ фамиліи 25-ти ближнихъ стольниковъ, назначенныхъ дневать и ночевать во дворцѣ: Бутурлины, кн. Голицыны, Головины, Голохвастовы, кн. Долгоруковы, Лодыженскіе, Матюшковы, Морозовы, кн. Мышецкіе, Нарышкины, кн. Одоевскіе, кн. Ромодановскіе, Салтыковы, Собакины, кн. Троекуровы, Хитрово, Шеины и кн. Щербатовы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дьяки

Дьяки—письменные люди нашей древности. Въ памятникахъ XIII вѣка письменные люди называются писцами. Пространная Русская Правда знаетъ писца, сопровождавшаго вирника и получавшаго за свой трудъ 10 кунъ (Трот. р. 99). Мстиславъ Даниловичъ, возложившій на берестьянъ, за ихъ коромолу, ловчее, приказываетъ написать объ этомъ грамоту писцу своему (Ипат. 1289). Но въ IV вѣкѣ русское слово писецъ вытѣсняется греческимъ діакъ. Грамоты московскихъ князей, съ Ивана Калиты начиная, пишутся дьяками.

Соціальное положеніе дьячковъ было очень различно. Между ними встрѣчаются рабы и свободные. Свободные занимались не только письмоводствомъ, но и преподаваніемъ грамотности. Таковъ былъ дьякъ, у котораго учился въ юности новгородскій архіепископъ Іона: архіепископъ говоритъ, что въ училищѣ его наставника было множество учащихся дѣтей» (Карамз. V. пр. 386, 1459). Богатые господа имѣли въ своемъ распоряженіи дьяковъ-рабовъ. Къ этому разряду принадлежало и большинство княжескихъ дьяковъ. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ московскихъ

князей постоянно встрѣчаемъ распоряженія объ отпускѣ на волю «казначеевъ, тивуновъ, посельскихъ и дьяковъ, которые вѣдали прибытокъ князя» [1]).

Дьяки, какъ люди грамотные и просвѣщенные книжнымъ ученіемъ, представляли бо́льшую полезность, чѣмъ другіе дворовые слуги, и имѣли, поэтому, болѣе шансовъ войти въ довѣренность и близость къ своимъ господамъ. Мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ ихъ въ должностяхъ, свидѣтельствующихъ о довѣріи къ нимъ ихъ господъ. У Дмитрія Ивановича, внука великаго князя Ивана Васильевича, вся казна, за исключеніемъ постельной, находилась на рукахъ трехъ дьяковъ; одинъ изъ нихъ писалъ и грамоту его духовную (Рум. Собр. I. № 147). То же бывало и у владѣтельныхъ князей. Они отпускаютъ на волю дьяковъ, которые ихъ «прибытокъ» вѣдали, то-есть доходы, а слѣдовательно и казну. Дьяки вѣдаютъ прибытокъ по приказу князя, они первые приказные люди. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ, въ распоряженіи объ отпускѣ на волю, на мѣстѣ дьяковъ, дѣйствительно, стоятъ «приказные люди». Въ духовной Юрія Васильевича читаемъ:

«А что мои люди, ключники, и посельскіе, и всѣ приказные люди, которые мой приказъ вѣдали, и тѣ всѣ на свободу» (Рум. Собр. I № 96, 1472; срав. № 121, 1486).

Дьяки рабы — первоначальный составъ возникавшихъ въ XV вѣкѣ приказовъ.

Но на службѣ князей были и свободные дьяки. Дьяки, отпускаемые на волю, не всегда же уходили отъ наслѣдниковъ своихъ прежнихъ господъ; какъ люди уже извѣстные и пользовавшіеся довѣріемъ умершихъ князей, они могли продолжать службу и у ихъ преемниковъ, но въ качествѣ вольноотпущенныхъ.

Въ извѣстіяхъ XV и XVI вѣка встрѣчаемъ терминъ введеная дьяка. Такъ названъ Ѳедоръ Стромиловъ, дьякъ великаго князя Ивана Васильевича, и Василій Щел-

[1]) Рум. Собр. I. № 25, 34, 39, 42, 86, 96, 121, 144; 1328—1594.

каловъ, дьякъ Ивана Грознаго [1]). По аналогіи съ боярами введеными, во введеныхъ дьякахъ надо видѣть вольныхъ людей, введеныхъ во дворецъ и близость къ государю.

Первоначальные приказы возникали въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, а потому и дьяки, которымъ они поручались, назывались «дворцовыми» (А. Э. I, W. 155, 1512). О «полатныхъ и дворцовыхъ дьякахъ» говоритъ и Судебникъ 1550 года. Онъ упоминаетъ объ нихъ въ статьѣ, опредѣляющей размѣръ безчестья. Статья эта даетъ точныя опредѣленія мѣры безчестья не только для дѣтей боярскихъ, но для гостей, посадскихъ людей, крестьянъ и даже холоповъ; только для полатныхъ и дворцовыхъ дьяковъ не оказалось возможнымъ найти какую-либо опредѣленную мѣру вознагражденія. Безчестье имъ опредѣлялось всегда по особому усмотрѣнію царя и великаго князя. Это, конечно, потому, что въ составъ полатныхъ и дворцовыхъ дьяковъ входили очень разнообразные элементы: тутъ были рабы и свободные, ближніе и дальніе дьяки. Нѣтъ повода думать, что бы дьяки рабы не достигали близости.

Со второй половины XV вѣка въ положеніи дьяковъ происходитъ перемѣна величайшей важности и не для однихъ только дьяковъ, а для всей системы суда и управленія Московскаго государства. Изъ неважнаго придворнаго чина, какимъ были до того времени дьяки, вѣдавшіе письмоводство своего князя, его прибытки и казну, они становятся правительственнымъ классомъ, дѣятельность котораго обнимаетъ всѣ важнѣйшія дѣла и на пространствѣ всего Московскаго государства.

Первое общее опредѣленіе, выдвинувшее дьяковъ въ передовую линію правительственныхъ органовъ, принадлежитъ великому князю Ивану Васильевичу и было уже

---

[1]) П. С. Л. VIII. 234, 1498, А. И. № 180, 1571. Ѳедоръ Стромиловъ, можетъ быть, сынъ дьяка Алексѣя Стромилова, писавшаго завѣщаніе вел. кн. Василія Дмитріевича. Рум. Собр. I, № 42.

нами указано (стр. 445). Это первая статья его Судебника, предписывающая, чтобы на судѣ боярѣ и окольничихъ были дьяки.

Примѣсь дьяка къ древнему боярскому элементу представляется совершенно понятной: эта примѣсь, при той послѣдовательной смѣнѣ явленій, какая наблюдается въ ходѣ нашей исторіи, была неизбѣжна. Вольные слуги смѣшались чинами, обязанными службою, но дьяки были лучше и этихъ новыхъ обязанныхъ слугъ: у нихъ не было преданій старой вольности. Другое великое преимущество дьяковъ состояло въ томъ, что они были худородные: дворовые слуги (дворяне въ первопачальномъ значеніи слова), дѣти вольноотпущенныхъ, посадскихъ, духовенства. При назначеніи ихъ въ должность, князьямъ не нужно было стѣсняться соображеніями объ ихъ отеческой чести. Наконецъ, это все грамотные люди. При этихъ условіяхъ дьякамъ открывалось широкое поле дѣятельности въ только что возникшемъ московскомъ государствѣ.

Мы уже имѣли случай замѣтить (Лекц. и Изслѣд.), что новыя начала, выражаемыя въ указахъ московскихъ государей, обыкновенно, подготовляются предшествующей практикой. Можно думать, что такъ было и въ данномъ случаѣ. Великій князь Иванъ Васильевичъ и его братья, удѣльные князья, подмѣшивали уже дьяковъ къ боярамъ еще до изданія Судебника 1497 года.

Князь Андрей Васильевичъ Старшій держалъ въ Бѣжецкѣ при намѣстникѣ, Семенѣ Борисовичѣ Легневѣ, дьяка Александра Васильевича Карамышева. Для разсмотрѣнія спора, возбужденнаго Сергіевымъ монастыремъ о владѣніи землей, на мѣсто были посланы бѣжецкіе намѣстники и дьякъ: князь постановилъ рѣшеніе «по слову» намѣстника и дьяка [1]. Въ 1477 году, когда возникло знамени-

[1]) Өед. Чех. № 9. Грамота не имѣетъ года, но она, по крайней мѣрѣ, на четыре года старше судебника, такъ какъ упоминаемый въ ней князь Андрей Васильевичъ Старшій умеръ въ 1493 году.

тое столкновеніе изъ-за титула между великимъ княземъ и Новгородомъ, великій князь отправилъ въ Новгородъ двухъ бояръ и при нихъ дьяка, Василія Далматова [1]). То, что до 1497 года практиковалось въ отдѣльныхъ случаяхъ, съ этого года дѣлается общимъ правиломъ. Дьяки становятся товарищами бояръ введеныхъ и окольничихъ. Это наша древнѣйшая судная коллегія. Для образованія ея довольно двухъ членовъ. Но сколько бы ни было въ ней членовъ, она никогда не рѣшала по большинству голосовъ, а всегда единогласно: въ случаѣ раздѣленія голосовъ, необходимъ докладъ государю.

Дѣятельность дьяковъ не ограничивается участіемъ въ центральномъ судѣ бояръ и окольничихъ. Они посылаются и въ области съ намѣстниками и воеводами, но только въ важнѣйшіе пункты: въ Новгородъ Великій, въ Нижній, на Вологду, въ Кострому, въ Казань, Астрахань и пр. Въ грамотѣ свіяжскому воеводѣ, Богдану Юрьевичу Сабурову, читаемъ:

«А тебѣ велѣли есма быть на нашей службѣ въ воеводахъ въ Казани, въ острогѣ. А въ городѣ вѣдати и всякими нашими дѣлы промышляти съ воеводою, со княз Григорьемъ Булгаковымъ, съ товарыщы да съ дьякомъ, съ Михайломъ Битяговскимъ, вмѣстѣ за одно» (Д. къ А. И. I. № 127, 1581).

А какъ дѣла вѣдались за одно, это видно изъ формы слѣдующаго приговора, состоявшагося въ Казани же въ 1585 году въ бытность тамъ тѣхъ же воеводъ и дьяка:

«Въ лѣта 7093 іюля въ 22 день... воевода, князь Григорей Андреевичъ Булгаковъ, съ товарищи ,да государя царя и великаго князя діакъ, Михайло Битяговскій, при-

[1]) П. С. Л. VIII, стр. 183. Лѣтопись не приводитъ фамилій пословъ, а называетъ ихъ только по именамъ: Ѳедоръ Давыдовичъ и Иванъ Борисовичъ. Иванъ Борисовичъ долженъ быть Бороздинъ, назначенный въ бояре въ 1476 году и умершій въ 1501; Ѳедоръ Давыдовичъ долженъ быть Хромой; назначенъ въ бояре въ 1471 году, умеръ въ 1483.

говорили: ..... И государевы воеводы и діякъ на тѣхъ людей игумену Родіону въ поплинахъ велятъ давати пристава...» А. Э. I. № 328.

Дьякъ принимаетъ участіе въ составленіи приговора.

Грамота скрѣплена печатью воеводы, князя Булгакова, и подписью дьяка Битяговскаго, который, кромѣ того, скрѣпилъ ее и по склейкамъ.

Воеводъ въ Казани было много, а дьякъ одинъ. Но если бы онъ не присоединился къ приговору воевода, и отказался подписать его, приговоръ не могъ бы состояться. хотя бы на него были согласны и всѣ воеводы. Несогласіе дьяка могло остановить обычное теченіе дѣлъ. Такъ именно и случилось въ Астрахани. Въ 1626 году при воеводахъ, боярынѣ князѣ Пв. Ѳед. Хованскомъ и Григ. Валуевѣ, тамъ было два дьяка, Марко Поздѣевъ и Василій Яковлевъ. Поздѣевъ отличался гордымъ и необузданнымъ характеромъ. Сидя въ съѣзжей избѣ съ воеводами, онъ не снималъ шапки и тогда, какъ читалъ царскіе указы и произносилъ имя великаго государя. Въ отпискахъ въ Москву писалъ себя полнымъ именемъ, несмотря на то, что это не повелось и не разъ воспрещалось ему подъ угрозой государевой опалы. У себя на дворѣ держалъ для забавы медвѣдей и травилъ ими прохожихъ. Медвѣдь его изъѣлъ малаго Митьку, принадлежавшаго товарищу его, дьяку Яковлеву, содралъ съ головы кожу по самую кость и черепъ попортилъ, «а онъ, Марко, беречи того не велѣлъ». Съ такимъ человѣкомъ трудно было ужиться: у него были вѣчные нелады съ дьякомъ Яковлевымъ. Въ съѣзжей избѣ, въ присутствіи боярина и воеводы, дьяки постоянно чинили розни и ссоры, а послѣдствіемъ была полная остановка дѣла. Въ Москвѣ одно время не получалось изъ Астрахани никакихъ отписокъ. Дьяки спорили другъ съ другомъ, одинъ перемарывалъ то, что другой писалъ, а дѣла стояли (Двор. разр. I. 835).

Древнѣйшія свѣдѣнія объ участіи дьяковъ въ судѣ на

равныхъ правахъ съ судьями относятся къ самому началу XVI вѣка. Для описи земель московскіе князья нерѣдко посылали сына боярскаго и при немъ дьяка. Эти, такъ называемые, писцы не только описывали земли, но и производили судъ по споramъ о землевладѣніи, которые возникали при описи. Судъ этотъ творился не только сыномъ боярскимъ, но и дьякомъ. Вотъ выписка изъ дѣла 1511 года.

«По великого князя слову, Василія Ивановича всея Русіи, сіи судъ судили великаго князя писцы бѣлозерскіе. Иванъ Микулинъ Заболоцкій, да діакъ, Андрей Харламовъ. Ставъ передъ писцы у деревни у Шюклинскіе, тягался Лева и пр. .....И писцы вспросили Левы.... И по великого князя слову... писцы бѣлозерскіе Иванъ Микулинъ Заболоцкій да діакъ, Андрей Харламовъ, отвѣтчика, старцу Іону, оправили, а ищею, Леву Зайцева, обвинили» (Ѳед. Чехов. № 24. см. еще № 25, 51 и др.).

Соучастіе дьяковъ въ судѣ лицъ разныхъ чиновъ могло на практикѣ предшествовать Судебнику. Судебникъ дѣлаетъ это соучастіе необходимымъ на судѣ бояръ и окольничихъ.

Выше мы указали уже на то, что памятникъ XVI вѣка говоритъ о судебной боярской коллегіи (стр. 447). Дьяки, ставшіе товарищами бояръ, должны были получить мѣсто и въ ней. Случай древнѣйшаго ихъ участія въ боярской судной коллегіи приведенъ въ недавно вышедшемъ превосходномъ трудѣ г. Лихачева о дьякахъ. Онъ относится къ 1520 году. Коллегія изъ четырехъ бояръ, четырехъ окольничихъ, печатника и трехъ дьяковъ разсматривала дѣло о покраденной у корельскаго попа дьякомъ Спиридономъ ржи (176).

Нѣтъ повода думать, чтобы бояре и окольничіе, судившіе дѣло корельскаго попа, были постоянными членами судной боярской коллегіи. Нельзя этого утверждать и о дьякахъ, принимавшихъ участіе въ томъ же судѣ. И тѣ и другіе назначались, по всей вѣроятности, для каждаго

дѣла особо. Но отъ второй половины XVI вѣка мы имѣемъ документы, указывающіе на существованіе дьяковъ, постоянныхъ членовъ боярскаго суда. Мы разумѣемъ приговоровъ членовъ собора 1566 года о ливонскихъ дѣлахъ. Чины собора на вопросъ царя отвѣчали не всѣ за одинъ, а по группамъ. Первую группу составило духовенство, вторую бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ и дьяки, третью и четвертую — дворяне и дѣти боярскіе первой и второй статьи; пятую — опять дьяки и приказные люди и т. д.

Въ перечисленіи членовъ второй группы, послѣ печатника и передъ дьяками, находимъ такую запись:

«А у бояръ въ судѣ изъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ».

Борисъ Ивановичъ Сукинъ, подающій мнѣніе вмѣстѣ съ боярами и другими думными людьми, былъ въ то время дьякомъ, но онъ отличенъ отъ другихъ дьяковъ, перечисленныхъ послѣ него, тѣмъ, что онъ сидитъ у бояръ въ судѣ, а тѣ не сидятъ. Присутствіе на судѣ бояръ есть постоянный его признакъ [1]).

[1]) Въ разрядныхъ книгахъ на 1547 годъ Сукинъ отмѣченъ дьякомъ. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр 121. Что онъ оставался дьякомъ и въ 1566 году, это слѣдуетъ изъ того, что онъ названъ послѣ печатника. Думные дворяне всегда назывались ранѣе печатника, а дьяки, хотя бы и думные, — послѣ. То обстоятельство, что Сукинъ въ посольскихъ дѣлахъ 1543—44 года называется «ближнимъ дворяниномъ», ничего не доказываетъ. Въ посольскихъ дѣлахъ русскіе уполномоченные очень часто называются высшими титулами, имъ непринадлежащими. Такъ окольничій П. М. Плещеевъ названъ въ 1504 году боярином, а окольничій К. Г. Заболотскій - боярином и дворецкимъ. Сб. Им. рус. ист. общ. XXXV. 413. Придаваемый въ посольскихъ же дѣлахъ дьякамъ титулъ «великій» также не имѣлъ никакого опредѣленнаго значенія внутри московской территоріи.

Родной братъ дьяка Бориса Ивановича Сукина, Ѳедоръ Ивановичъ, изъ казначеевъ былъ возведенъ Иваномъ Грознымъ прямо въ бояре, съ обходомъ чина окольничаго. Это показываетъ, насколько Грозный мало стѣснялся соображеніями объ отеческой чести служилыхъ людей.

Кто же другіе дьяки, перечисляемые послѣ Сукина? Такъ какъ они подаютъ мнѣніе вмѣстѣ съ думными государевыми людьми, то и они, надо думать, думные дьяки, хотя такъ и не названы. Имъ противолагаются дьяки приказные, которые составляютъ особую, пятую группу.

Соборный приговоръ 1566 года сохранилъ для насъ отпечатокъ полной дьяческой организаціи XVI вѣка; но первые зачатки ея относятся къ XV-му вѣку и, пожалуй, еще къ болѣе отдаленному времени. Въ половинѣ XV столѣтія существуетъ уже раздѣленіе письменныхъ княжескихъ людей на дьяковъ и подъячихъ. Іюля 23-го 1453 года прискакалъ въ Москву изъ Новгорода подьячій Бѣда съ вѣстью о смерти Дмитрія Шемяки. За доставленіе этого радостнаго извѣстія онъ былъ награжденъ званіемъ дьяка (П. С. Л. VIII. 144). Судебники говорятъ уже о дьякѣ и подьячемъ, какъ лицахъ, совершенно различающихся по своимъ функціямъ: подьячій вѣдаетъ письменную часть, онъ пишетъ по приказу дьяка грамоты; дьякъ только подписываетъ ихъ. Грамоты должны храниться у дьяка.

Различіе ближнихъ и дальнихъ дьяковъ, конечно, современно появленію дьяковъ при князьяхъ. Ближніе, какъ пользовавшіеся довѣріемъ князей, призывались ими на совѣтъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда князья находили это нужнымъ. Дьяки призывались на совѣщаніе и одни и совмѣстно съ другими ближними людьми, съ боярами, дворецкими и пр. Весьма характерно извѣстіе Царственной книги о составѣ думы великаго князя Василія Ивановича, въ которой надлежало обсудить его завѣщаніе:

«И..... повелѣ къ себѣ принести тайно Меньшому Путятину (дьяку) духовныя грамоты. И пусти въ думу къ себѣ, къ духовнымъ грамотамъ дворецкаго своего тверского, Ивана Юрьевича Шигону, и дьяка своего, Меньшова Путятина. И нача мыслити князь великій, кого пустить въ ту думу и приказать свой государевъ приказъ» (6, 1534).

Такія государевы думы на случаи и въ произвольномъ составѣ собирались во всѣ времена и всѣми князьями. Появленіе думныхъ чиновъ подъ именемъ «дѣтей боярскихъ, живущихъ въ думѣ» и «думныхъ дворянъ» не измѣнило этого исконнаго характера думы. Думные чины призывались въ государеву думу, когда государь этого хотѣлъ. Они не были непремѣнными его совѣтниками. Это скорѣе почетное отличіе, чѣмъ право.

Въ качествѣ такихъ совѣтниковъ по наряду, а не по праву, являются и тѣ пять дьяковъ, которые въ 1566 году подаютъ свое мнѣніе съ боярами и другими думными чинами. Вотъ ихъ имена: Иванъ Клобуковъ, Путило Михайловъ, Андрей Васильевъ, Ишюкъ Бухаринъ, Андрей Щелкаловъ и Иванъ Юрьевъ.

Борисъ Ивановичъ Сукинъ весьма отъ нихъ отличается. Онъ названъ впереди ихъ и полнымъ именемъ. Онъ выше ихъ всѣхъ и, можетъ быть, потому что имѣетъ опредѣленное и постоянное назначеніе присутствовать на судѣ боярской коллегіи. До сихъ поръ не имѣется указаній на то, чтобы эта боярская коллегія въ XVI вѣкѣ была постояннымъ учрежденіемъ съ постояннымъ составомъ. Бор. Ив. Сукинъ есть первый и единственный, намъ извѣстный, постоянный ея членъ. Когда началось и какъ долго продолжалось его членство, этого мы не знаемъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ уже печатникомъ (Карам. IX, пр. 387 и 819).

Мы указали на преимущества дьяковъ передъ новыми обязанными слугами изъ высшихъ классовъ населенія (стр. 563), но не исчерпывали всѣхъ этихъ преимуществъ. Едва-ли не главнѣйшее изъ нихъ заключалось въ томъ, что дьякамъ не нужно было давать кормленій. Состоя на службѣ, они собираютъ доходы на государя, а не на себя; въ ихъ личную пользу шли только дьячьи пошлины. Назначаемыя вмѣстѣ съ кормленщиками, они управляютъ за счетъ князя. Чрезвычайно любопытный образчикъ совмѣстнаго управленія дьяковъ и кормленщиковъ на-

ходимъ въ Новгородѣ въ 1555—56 году. Мы остановимся съ нѣкоторой подробностью на этомъ явленіи, такъ какъ оно весьма характерно для возрастающаго отъ году въ годъ значенія дьяковъ въ Московскомъ государствѣ [1]).

Въ 1555 году въ Новгородѣ былъ намѣстникъ, боярин, князь Дмитрій Ѳедоровичъ Палецкій, и при немъ два дьяка, сперва Ѳедоръ Сырковъ и Казаринъ Дубровской, а потомъ мѣсто Сыркова занялъ Ѳедоръ Еремѣевъ. Намѣстнику, въ рукахъ котораго, по старому порядку, былъ судъ, не былъ пожалованъ въ кормленіе весь Новгородъ, а только половина его, то-есть половина судебныхъ доходовъ, да и то не со всѣхъ дѣлъ. По старому порядку кормленщикъ назначалъ для суда, въ первой инстанціи, изъ своихъ людей, тіуна и судебныхъ приставовъ, недѣльщиковъ и пр., которые назывались пошлинниками. Были такіе пошлинники и при боярин кн. Палецкомъ. Но такъ какъ ему шли не всѣ пошлины, а только половина, то для сбора другой половины дьяки, съ своей стороны, должны были назначить тоже тіуна и недѣльщиковъ, но уже не изъ своихъ людей, а изъ мѣстныхъ дѣтей боярскихъ (№ 86, 88, 55). Судъ производится тіунами, царскимъ и намѣстничимъ; чего они рѣшить не могутъ, восходитъ къ намѣстнику и дьякамъ; чего эти не могутъ рѣшить, о томъ докладывается въ Москву государю.

Въ концѣ декабря 1555 года намѣстникъ новгородскій долженъ былъ вмѣстѣ съ другими воеводами выступить въ походъ противъ нѣмцевъ. Уходя на войну, князь Палецкій увелъ вмѣстѣ съ собой тіуна и всѣхъ своихъ пошлинныхъ людей. Это все глубокая старина. Но намѣстничья половина не сливалась вслѣдствіе этого съ царской.

[1]) Приводимыя далѣе свѣдѣнія о дѣятельности новогородскихъ дьяковъ мы беремъ изъ первой офиціальной книги новгородскихъ грамотъ, отпечатанныхъ въ Доп. къ А. И. I. подъ № 47 и съ № 49 по № 112. Изъ этого чрезвычайно важнаго собранія въ актахъ отпечатано до 133 грамотъ. Для сокращенія цитатъ мы будемъ обозначать въ текстѣ только № грамоты.

Она сохраняла свою особность. Изъ Москвы дьяки получили указъ, въ которомъ имъ предписывалось:

«Выбрать тіуна и велѣть ему великія дѣла намѣстничьи судити, да недѣльщиковъ выбрати. и въ недѣли быти» (88, ср. 86).

Но и этого мало. Изъ Москвы прислали служилаго человѣка, Ивана Ивановича Жулебина (сына боярскаго), который долженъ былъ исправлять должность намѣстника. Въ грамотѣ о присылкѣ Жулебина находимъ ясное указаніе на тотъ порядокъ судопроизводства, который наблюдался при намѣстникѣ и долженъ продолжаться и теперь при его замѣстителѣ:

И вы бы, говорится дьякамъ, дѣла наши дѣлали съ Иваномъ (Жулебинымъ) по нашему указу. И которые дѣла учнутъ тіуны наши (прежній, царскій, и новый, назначенный вмѣсто тіуна намѣстника) судити (это первый судъ); а которыхъ будетъ дѣлъ кончати имъ не мочно, и мы Ивану велѣли да и вы съ Иваномъ (это второй, высшій судъ) тѣ дѣла по суду кончали (бы) и управу имъ чинили (бы); а въ которыхъ будетъ дѣлѣхъ невозможно вамъ управы учинити, и вы бъ суда списки намъ присылали (это третій, самый высшій судъ) съ приписью своими руками. А которые будетъ судные дѣла кончасте Иванова суда (то есть намѣстничья), и вы бы съ тѣхъ дѣлъ пошлины имали на насъ. А которые дѣла тіуня суда (то есть окончены тіунами), и вы-бъ пошлины велѣли имати тіуномъ. Да и надъ тіуны-бъ есте и надъ недѣльщики берегли, чтобы тіуны дѣла наши дѣлали и пошлины-бъ имали на насъ по нашему наказу»... 88.

Что́ дьяки судили вмѣстѣ съ намѣстникомъ и во время его бытности въ Новгородѣ, это видно изъ слѣдующей грамоты, присланной на имя намѣстника и дьяковъ:

«Били намъ челомъ изъ Воцкіе пятины Михалко да Гришко Шубины..... на Собакиныхъ дѣтей Скобелцына..... И ты-бъ имъ, боярине нашъ и намѣстникъ, и вы, дьяки наши, на Собакиныхъ дѣтей Скобелцына..... дали пристава, а велѣли ихъ поставить передъ собою, да въ тѣхъ бы есте ихъ во всѣхъ дѣлѣхъ судили. и обыскомъ обы-

скали, и управу имъ учинили..... А въ чемъ не возможете имъ управы учинити, и вы-бъ суда своего списокъ и обоихъ исцовъ къ намъ прислали»... (51, V).

Хотя во время отсутствія намѣстника пошлины его собирались на государя, но онѣ отдавались намѣстнику по его возвращеніи. 9-го марта 1556 года въ Новгородъ былъ назначенъ новый намѣстникъ, боярин, князь Мих. Вас. Глинскій. Приказано было отдать ему собранныя уже пошлины. Мы приведемъ выписку изъ этой грамоты, такъ какъ изъ нея ясно, что разумѣлось подъ половиной Новгорода:

«И язъ боярина и намѣстника своего, князя Михаила Васильевича Глинского, пожаловалъ, велѣлъ ему дати половины Великого Новагорода намѣстничь весь доходъ..... И вы-бъ, смѣтя намѣстничь доходъ, половину Новагорода, что собрано на меня, царя и велнкого князя, на весь годъ,... да отдали боярину и намѣстнику..... А которые будутъ у васъ судные дѣла и списки не вершены, а сужены будутъ въ томъ же году..... и вы-бъ тѣ дѣла не вершены отдали боярину же и намѣстнику...: а велѣлъ есмы тѣ дѣла вершити и половину пошлинъ съ тѣхъ дѣлъ взяти боярину-жъ своему и намѣстнику (109).

Половина Новагорода означаетъ половину пошлинъ съ намѣстничья суда. Опредѣленіе предѣловъ намѣстничья суда выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія. Ограничимся указаніемъ на то, что новгородскіе дьяки, кромѣ участія въ намѣстничьемъ судѣ, имѣли еще свой судъ, въ который намѣстники не вмѣшивались.

Въ 1551 году новгородской вѣсецъ возбудилъ искъ въ пятидесяти рубляхъ противъ вѣсчаго сторожа, который вѣсилъ товары «пудомъ татемъ» и царевы пошлины кралъ. Новгородскій намѣстникъ передалъ это дѣло въ докладъ новогородскому намѣстнику, боярину, князю Юв. Курлятеву, а дьяки у князя Курлятева «тотъ списокъ взяли потому, что то былъ ихъ судъ» (51, XIX). Дьяки, значитъ, присутствовали на судѣ намѣстника, но какъ только выяснилось, что докладываютъ дѣло ихъ специ-

альнаго суда, они прекратили дальнѣйшее теченіе его передъ намѣстникомъ и взяли къ себѣ (ср. 51, XVI).

Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, касалось вѣсчей пошлины и, слѣдовательно, доходовъ князя съ торговли. А мы знаемъ, что еще въ XIV вѣкѣ дьяки вѣдали «княжескіе прибытки». Этотъ порядокъ сохраняется и въ XVI-мъ. Княжескіе доходы состоятъ и во второй половинѣ этого вѣка въ вѣдѣніи дьяковъ. На основаніи многочисленныхъ грамотъ на имя новогородскихъ дьяковъ можно составить слѣдующій списокъ финансовыхъ дѣлъ, подлежавшихъ ихъ вѣдомству. Они получаютъ деньги отъ таможенниковъ (49) и отдаютъ на откупъ пятенную и анбарную пошлину (74), а продажу вина отдаютъ на вѣру (49), взыскиваютъ недоимки казенныхъ платежей (51, XIII и XXIII; 54, 60, 62, II) и рѣшаютъ споры о крестьянскомъ тяглѣ (51, XVII). Сосредоточивая въ своихъ рукахъ царскіе доходы, они расходуютъ ихъ на мѣстныя нужды, а остатокъ препровождаютъ въ Москву (51, XXI). Дьяки выдаютъ жалованье стрѣльцамъ (68) и старостамъ (87), заготовляютъ кормы и деньги для продовольствія и содержанія войскъ (70), выдаютъ деньги для приготовленія ядеръ (72); они же составляютъ смѣты для постройки крѣпостей (82). Такъ какъ дьяки вѣдаютъ всякое обложеніе, то въ ихъ рукахъ находятся писцовыя книги; они даютъ изъ нихъ выписи, кому нужно (78).

Вѣдомству новгородскихъ дьяковъ принадлежали не одни только государевы доходы и расходы, они вѣдали и помѣстныя дѣла. Всѣ распоряженія о помѣстьяхъ присылаются изъ Москвы исключительно на имя дьяковъ. Они одни приводятъ ихъ въ исполненіе, надѣляя, кого слѣдуетъ, участками, отписывая свободныя земли на государя и т. д. (52, I—XXXIX). Обо всѣхъ такихъ перемѣнахъ дѣлаются соотвѣтственныя отмѣтки въ помѣстныхъ книгахъ, которыя ведутся тоже дьяками. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ такіе важные документы, какъ писцовыя и помѣстныя книги, дьяки лучше вооружены для

суда по поземельнымъ спорамъ, чѣмъ намѣстники и ихъ тіуны. Этимъ объясняется то обстоятельство, что предписанія изъ Москвы о разборѣ споровъ о землѣ иногда присылаются только на имя дьяковъ (51, I, XIV; 57, 59, 84). По той же причинѣ распоряженія объ отводѣ мѣстъ въ Новгородѣ подъ осадные дворы, церковно-служителямъ и пр. присылаются исключительно на имя дьяковъ (69, 77).

Такова судебная и правительственная дѣятельность новогородскихъ дьяковъ XVI вѣка. Она обширнѣе дѣятельности намѣстниковъ того времени, хотя-бы на эту должность былъ назначенъ первый чинъ въ государствѣ, боярин. Дѣятельность дьяковъ превосходитъ дѣятельность намѣстниковъ и по пространству подчиненной имъ территоріи и по количеству порученныхъ дѣлъ. Въ новогородской волости былъ не одинъ намѣстникъ, а нѣсколько, по всей вѣроятности, въ каждомъ городѣ съ уѣздомъ былъ свой особый намѣстникъ. Кромѣ собственно новогородскаго намѣстника, акты упоминаютъ еще о корельскомъ, орѣшковскомъ, ивангородскомъ и ладожскомъ (50. 51. XIX; 54). Каждый изъ нихъ имѣлъ свой кормъ и свой судъ, и обращался къ новогородскому только, какъ къ высшей власти. Дьяки-же новогородскіе судили и управляли во всей области. Они принимали участіе во всякой дѣятельности намѣстника, какъ судной, такъ и правительственной, даже предписанія о военныхъ экспедиціяхъ присылаются на имя намѣстника и дьяковъ (50). Предписанія объ исправленіи десятень и о высылкѣ дѣтей боярскихъ на службу посылаются иногда только на имя дьяковъ (47). Дьяки вѣдаютъ, слѣдовательно, и военное управленіе. Изъ 133 грамотъ, отпечатанныхъ въ Доп. къ А. И., только одна не обращена къ дьякамъ. Но она касается не нуждъ Новогородской области, а похода противъ нѣмцевъ и говоритъ о пищальномъ и пушечномъ нарядѣ. Грамота эта адресована на имя князя Палецкаго, какъ ратнаго воеводы, а не какъ намѣстника (73). Всѣ остальныя грамоты обращены къ дьякамъ и только нѣ-

которыя изъ нихъ къ намѣстнику и дьякамъ. Намѣстникъ безъ дьяковъ не дѣлаетъ никакого дѣла, дьяки безъ намѣстника дѣлаютъ очень многое [1]).

Правительственную власть, исходящую изъ центра вновь возникшаго государства, въ окраинахъ его гораздо полнѣе представляетъ дьякъ, чѣмъ старый намѣстникъ-кормленщикъ хотя-бы и бояринъ.

Кромѣ двухъ указанныхъ дьяковъ, въ Новгородѣ былъ еще дворцовый дьякъ, подобно тому, какъ въ Новгородѣ былъ особый дворецкій. Дворцовый дьякъ стоялъ ниже Еремѣева и Дубровскаго; имя его пишется послѣ ихъ именъ и иногда съ сокращеніемъ, Ѳоня (94).

Дьяки владѣли вотчинами, а за службу свою награждались помѣстьями.

Управленіе въ Московскомъ государствѣ не было организовано по одному образцу. Старое уживалось тамъ весьма долго на ряду съ нарождающимся новымъ. Были и въ XVI вѣкѣ города, которые управлялись одними кормленщиками безъ дьяковъ, а были и такія мѣстности, въ которыхъ кормленщиковъ вовсе не было и которые управлялись своими выборными старостами, сотскими и цѣловальниками, какъ, напримѣръ, Двина въ 1550 году (Доп. къ А. И. I, № 45). Новогородская область, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ, представляла нѣкоторыя

---

[1]) Въ началѣ декабря 1555 года, когда былъ рѣшенъ походъ на «свейскихъ нѣмцевъ» и для этого былъ присланъ въ Новгородъ воевода боярин князь Пет. Мих. Щенятевъ, а другимъ воеводой назначенъ новогородскій намѣстникъ, боярин, князь Дм. Ѳед. Палецкій, новогородскіе дьяки получили указъ о послушаніи боярамъ:

«И которыя наши дѣла у бояръ нашихъ будутъ, и вы бы тѣ дѣла наши у бояръ нашихъ, у князя Петра Михайловича да у князя Дмитрія Ѳедоровича, дѣлали и въ нашихъ дѣлахъ ихъ слушали» (76).

Это спеціальный указъ, онъ предписываетъ исполненіе предписаній ратныхъ воеводъ во время войны, а не намѣстника въ качествѣ мѣстнаго правителя.

особенности, которыя не встрѣчаются въ старинныхъ владѣніяхъ Московскаго удѣла. Она имѣла въ Новгородѣ свой мѣстный центръ, къ которому тянули остальные новгородскіе города, непмѣвшіе непосредственныхъ сношеній съ Москвой. Это мѣстное центральное управленіе областью и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ рукахъ двухъ указанныхъ дьяковъ. Города же, которые не имѣли своихъ мѣстныхъ правительственныхъ центровъ, сносились непосредственно съ центральнымъ управленіемъ въ Москвѣ. Московскіе приказные дьяки играли по отношенію къ нимъ ту самую роль, какая по отношенію къ Порхову или Ладогѣ въ Новгородской волости принадлежала новгородскимъ дьякамъ. Эти разные порядки, по мѣстнымъ и личнымъ соображеніямъ, разнообразились до крайности и смѣнялись одни другими. Въ концѣ XV вѣка въ Бѣлозерскѣ находится подьячій, которому приказано получать съ бѣлозерскихъ откупщиковъ тамгу, а въ половинѣ XVI вѣка бѣлозерскіе таможенники должны были сами привозить тамгу въ Москву и сдавать ее

«Царевымъ и великаго князя казначеемъ, Ивану Петровичу Головину да Ѳедору Ивановичу Сукину, да царевымъ-же и великаго князя дьякамъ, Юрью Сидорову да Кожуху, Григорьеву сыну, Кроткову». А. Э. № 131, 1497; № 230, 1551.

Выше, когда рѣчь шла о казначеяхъ, мы указали уже, что они вѣдали государевы прибытки. Да и по состоянію своему они близки къ дьякамъ. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей XIV и XV вѣка они рабы и отпускаются на волю вмѣстѣ съ дьяками. Братъ казначея, Ѳедора Сукина, Борисъ Ивановичъ, былъ дьякъ.

Въ 1557 году таможенныя пошлины въ монастырскомъ селѣ, въ Веси Егонской, въ Бѣжецкомъ Верху, сдаются на оброкъ монастырю московскими казначеями: въ 1563 году тѣ-же пошлины, въ томъ-же мѣстѣ и тому-же монастырю, сдаются на оброкъ московскими дьяками; а въ 1591 году находимъ указаніе, что въ Москвѣ су-

ществуетъ особая Четь дьяка Андрея Щелкалова, въ которую поступаютъ таможенныя пошлины изъ Поморскихъ волостей (А. Э. I. № 263, 352).

Московскіе дьяки также вѣдали вѣсъ и мѣру, какъ и новогородскіе. Въ 1550 году были разосланы изъ Москвы во всѣ города новыя мѣдныя мѣры сыпучихъ тѣлъ, старыя же мѣры велѣно было прислать въ Москву

«Къ печатнику нашему и къ дьяку, къ Микитѣ Фуникову Курцову, да къ дьякомъ нашимъ, къ Юрью къ Сидорову да къ Ѳедорову къ Семенову». Доп. къ А. И. I. № 45.

Въ управленіи военными дѣлами принимаютъ участіе тоже не одни новогородскіе дьяки, а и московскіе. Въ разрядѣ на 1559 годъ читаемъ:

«7067 года послалъ государь, царь и великій князь на ливонскіе нѣмцы зимою царевича Тахтамыша да боярина и воеводу, князь Семена Ивановича Микулинскаго, и иныхъ своихъ бояръ и воеводъ, а были по полкамъ: въ большомъ полку царевичъ Тахтамышъ... да въ передовомъ-же полку изъ Острова воевода Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ.... да въ передовомъ-же полку у воеводъ Борисъ, Ивановичъ сынъ, Сукинъ съ казанскими и съ горными съ луговыми людьми»... (Рус. Ист. сбор. V. 211).

Этотъ Бор. Ив. Сукинъ, назначенный въ походъ съ воеводами передоваго полка и имѣвшій подъ своимъ начальствомъ казанскихъ людей, былъ, какъ мы знаемъ, дьякъ.

Въ 1595 году были посланы изъ Москвы въ Смоленскъ ставить каменный городъ дѣти боярскія, кн. Вас. Андр. Звенигородскій и Сем. Вол. Безобразовъ, а при нихъ два дьяка, Посникъ Шиловъ да Нечай Перфирьевъ. Царскій наказъ о постройкѣ стѣны данъ на имя всѣхъ четырехъ; дьяки принимаютъ такое же участіе въ постройкѣ города, какъ и дѣти боярскія:

«И князю Василью, и Семену, и дьякамъ, Поснику и Нечаю, пріѣхавъ въ Смоленскъ, сыскати въ Смоленску

на посадѣ и въ уѣздѣ сараи и печи, гдѣ дѣлывали кирпичъ и известь и кирпичъ жгли, да тѣ всѣ сараи и печи отписати на государя .... и гдѣ есть камень бутовой и стѣнной на городовое дѣло..... и гдѣ лѣсъ на сараи и на дрова..... и какъ которые запасы возити въ Смоленскъ..... и сколько къ которому дѣлу надо быть какихъ людей..... .. то имъ все смѣнить и росписать подлинно..... да та смѣта дьяку Нечаю Порфирьеву..... привести къ государю..... за дьячьими приписми.... (А. Э. 1. № 365).

Новогородское управленіе XVI вѣка имѣетъ свои особенности, но дѣятельность новогородскихъ дьяковъ не представляетъ исключенія. Имъ и въ другихъ мѣстахъ поручаютъ и судъ, и финансы, и военное дѣло.

Широкая правительственная и судебная дѣятельность дьяковъ XVI вѣка, составляющая необходимое слѣдствіе возвышенія ихъ при Иванѣ III, была замѣчена современниками и вызывала порицанія со стороны лицъ высшаго класса Курбскій упрекаетъ Ивана Грознаго за то, что онъ вѣритъ писарямъ, которыхъ избираетъ не отъ шляхетства, а отъ поповичей и простого всенародства. Еще рѣзче порицаетъ новые порядки другой московскій выходецъ, Тетеринъ. Есть у великаго князя, писалъ онъ въ Москву къ Морозову, новые вѣрники, дьяки, его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ: ихъ отцы вашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ [1]).

И Курбскій и Тетеринъ говорятъ объ Иванѣ Грозномъ.

[1]) Соловьевъ, Исторія VII. 45.

Люди XVI-го вѣка не очень хорошо знали нашу старину. Тетеринъ жалуется на то, что новые вѣрники берутъ себѣ половину доходовъ. Онъ думаетъ, что это новость. А это было весьма въ ходу еще въ XIV вѣкѣ. Въ завѣщаніи вел. князя московскаго, Симеона Гордаго, написано:

«А хто моихъ бояръ иметь служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгинѣ моей прибытка половину».

Трудно думать, чтобы такой дѣленъ дохода былъ первый и единственный случай. Не Симеономъ Гордымъ онъ выдуманъ, и не съ нимъ конечно, прекратился.

Въ немъ видятъ они виновника новыхъ порядковъ. Это не вѣрно. Прочное начало возвышенію дьяковъ положено великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Но слова порицателей Грознаго для насъ важны, несмотря на ихъ неточность. Возвышеніе дьяковъ началось во второй половинѣ XV вѣка. Но и въ XVI вѣкѣ это явленіе, сравнительно, все еще новое. До возвышенія Москвы роль дьяковъ была очень скромная. Правительственнымъ классомъ были бояре и слуги вольные. Съ ихъ помощью образовалось московское государство. И вотъ съ этого-то момента и наступаетъ переломъ. Московскіе государи начинаютъ ломать тѣ подмостки, при помощи которыхъ произошло возвышеніе ихъ собственной власти, и выдвигать на службу новому государству новыхъ людей. Они присоединяютъ дьяковъ къ боярамъ не по теоретическимъ соображеніямъ о превосходствѣ коллегіальнаго начала надъ единоличнымъ, а для того, чтобы создать въ дьякахъ противовѣсъ боярамъ. Вотъ объ этомъ-то характерномъ переломѣ въ ходѣ нашей исторіи и свидѣтельствуютъ Курбскій и Тетеринъ, хотя для ихъ времени это и не была свѣжая новость. Въ ихъ время новые порядки сдѣлали уже такіе успѣхи, что реформа стала для всѣхъ фактомъ очевиднымъ.

Въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть и ранѣе, появляется и титулъ думнаго дьяка [1]). Мы указали уже, что дьяки-совѣтники своихъ государей—явленіе очень старинное. Но въ старину это было дѣломъ домашней,

[1]) Въ договорной записи съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, 1610 года, упоминаются «думные дьяки, Василій Телепневъ и Томило Луговскій». Рум. Собр. II. № 199 и 200. Указаніе на «дьяковъ государевой ближней думы Андрея да Василья Яковлевичей Щелкаловыхъ» конца XVI вѣка приведено г. Лихачевымъ (167). Оно также находится въ договорной записи съ послами польскаго короля.

Въ Шереметевскій сводный списокъ первые думные дьяки занесены очень поздно. Они появляются тамъ только подъ 1655 годомъ: Алмазъ Ивановъ, Сем. Ив. Заборовскій и Лар. Дм. Лопухинъ.

кабинетной жизни. Теперь же дьяки удостоиваются и соотвѣтствующаго титула и, такимъ образомъ, явно, на глазахъ всего Московскаго государства, становятся рядомъ съ дѣтьми боярскими, живущими въ думѣ, съ окольничими и боярами введеными. Они признанные члены государевой думы, а не тайные совѣтники.

Въ XVII вѣкѣ возвышеніе дьяковъ дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ періодъ полнаго развитія приказной системы они являются непремѣнными членами приказовъ. Ни дворяне, простые и думные, ни стольники, ни окольничіе, ни бояре не были непремѣнными членами приказовъ. Были приказы безъ бояръ, безъ окольничихъ, безъ дворянъ и стольниковъ, но не было ни одного, въ которомъ не сидѣлъ бы дьякъ. Бояре, окольничіе, дворяне встрѣчаются въ приказахъ только въ единственномъ числѣ, дьяки же сидятъ тамъ и по два и по три. Но и это не все, были приказы, въ составъ которыхъ входили только одни дьяки. Такой составъ встрѣчаемъ не въ незначительныхъ только приказахъ, какъ, напримѣръ, Панафидный, но и въ такихъ, какъ Счетный, Посольскій и приказъ Тайныхъ дѣлъ [1]). Вотъ что говоритъ Котошихинъ о приказѣ Тайныхъ дѣлъ:

«А въ немъ сидитъ діакъ да подьячихъ съ 10 человѣкъ и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякіе царскіе, тайные и явные. И въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А

[1]) Составъ приказовъ отъ времени до времени мѣнялся. По Котошихину въ Посольскомъ приказѣ не было боярина, а въ 1675 году тамъ уже сидитъ боярин, Арт. Серг. Матвѣевъ; и наоборотъ, по Котошихину въ Разрядѣ сидитъ окольничій, думный дьякъ да два простыхъ, а по разрядамъ въ 1626—7 годахъ тамъ окольничаго не было и всѣ дѣла направлялись только къ двумъ дьякамъ: думному Ѳедору Лихачеву да Михайлѣ Данилову (Двор. разр. III, 1500, I, 819, 956). Но въ 1626 году и по разрядамъ въ Посольскомъ приказѣ сидитъ только дьяки, думный Максимъ Грамотинъ да приказный Максимъ Матюшкинъ, о боярине же не упоминается (Двор. разр. I, 814), чѣмъ вполнѣ подтверждается свидѣтельство Котошихина.

посылаются того приказу подьячіе съ послами въ государства, и на посолскіе съѣзды. и въ войну съ воеводами для того. что послы въ своихъ посолствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ..... а воеводы въ полкѣхъ много неправды чинятъ надъ ратными людми, и тѣ подьячіе надъ послы и надъ воеводами надсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ. И которые послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царского гнѣву, и они тѣхъ подьячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они, будучи при царѣ, ихъ,ословъ, выславляли, а худымъ не доносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре-бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» (VII. 1).

Одинъ дьякъ и десять подьячихъ опредѣлены для наблюденія за дѣятельностью всѣхъ высшихъ чиновъ въ государствѣ. О результатахъ своихъ наблюденій они докладываютъ прямо царю. помимо бояръ и думныхъ людей. Котошихинъ говоритъ, что это новое учрежденіе. устроенное царемъ Алексѣемъ. Въ этомъ ему надо вѣрить. Приказъ Тайныхъ дѣлъ—учрежденіе дѣйствительно новое, но идея его и практика старыя. Ту же роль играли ближніе дьяки великаго князя въ XV, XV вѣкѣ и ранѣе. Они тоже подсматривали, подслушивали и доносили царю о результатахъ своихъ тайныхъ наблюденій и тѣмъ выслуживались. Въ XVII вѣкѣ этотъ тайный надзоръ вводится въ общую систему приказной организаціи. Дьякъ тайныхъ дѣлъ и его подьячіе—ближайшіе люди къ царю, у нихъ право и обязанность нашептывать. Но они не думные люди. Фактически они выше думныхъ людей. такъ какъ они ближе къ царю, но официально они ниже ихъ. Дьяки тайныхъ дѣлъ возводятся въ думные и это для нихъ повышеніе. Въ 1672 году дьякъ тайныхъ дѣлъ, Ѳедоръ Михайловъ, сдѣланъ думнымъ; въ 1677 г. такое-же повышеніе выпало на долю дьяка Тайнаго приказа, Даниилы Полянскаго (Вивл. XX). Сдѣлавшись думными, дьяки

эти могли, конечно, сохранить и ту близость къ царю, въ которой состояли къ нему прежде.

Помимо этого тайнаго вмѣшательства во всѣ дѣла, дьяки принимали и прямое участіе въ рѣшеніи судебныхъ и правительственныхъ дѣлъ государства. Они дѣлали это въ качествѣ членовъ приказовъ. Мы указали уже, что съ конца XV вѣка они товарищи бояръ; далѣе мы видѣли, что роль товарищей бояръ и намѣстниковъ сохраняютъ дьяки и въ XVI вѣкѣ. Въ приказахъ XVII вѣка они тоже товарищи думныхъ людей, бояръ и окольничихъ. Это видно изъ формулы назначенія дьяковъ въ приказы. Въ разрядныхъ книгахъ читаемъ:

«Тогожъ году пожаловалъ великій государь..... указалъ сидѣть..... въ Большомъ Приходѣ дьяку. Тимоѳею Литвинову, съ окольничимъ, съ Никитою съ Михайловичемъ Бобарыкинымъ» (Двор. разр. III, 1186, 1675).

Или:

«Тогожъ году пожаловалъ великій государь во дьяки подьячаго Челобитеннаго приказу, Тимоѳея Пасонова. А указано ему сидѣть въ Челобитенномъ же приказѣ съ бояриномъ, съ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ» (тамъ же, 1086, 1674).

Дьяки сидятъ съ боярами и окольничими, они не служатъ имъ, какъ секретари, а засѣдаютъ въ приказѣ, какъ члены его и товарищи бояръ и окольничихъ.

То же говоритъ и Котошихинъ о дѣятельности дьяковъ:

«А на Москвѣ и въ городѣхъ въ приказѣхъ съ бояры, и окольничими, и думными, и ближними людми, и въ посольствахъ съ послами бываютъ они (дьяки) въ товарыщахъ и сидятъ вмѣстѣ и дѣлаютъ всякія дѣла, и суды судятъ» (II, 9).

И въ главѣ о приказахъ:

«А судити указано въ приказѣхъ бояромъ, и околничимъ, и столникомъ, и дворяномъ, и дьякомъ, кому въ которомъ приказѣ вѣдати приказано, всѣмъ вмѣстѣ» (VII, 38).

Согласно съ этимъ, бумаги въ приказъ присылались на имя всѣхъ его членовъ:

«Того жъ году пріѣхалъ подьячей Посолского приказу къ великому государю, къ Москвѣ, съ отпиской изъ Литвы .... въ Посолской приказъ: къ боярину, къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, да къ думному дьяку, къ Григорію Богданову, съ товарыщи» (Двор. разр. 1500, 1675).

Подъ товарищами боярина и думнаго дьяка здѣсь разумѣются простые дьяки, члены приказа.

А вотъ формула назначенія дьяковъ въ города къ воеводамъ:

«Того жъ году послать, по указу великого государя, въ Ярославль въ товарыщи къ столнику и воеводѣ, къ Ивану, Александрову сыну, Аничкову, Посольского приказу дьякъ, Яковъ Поздышевъ» (Двор. разр. III, 1186, 1675).

Начало, установленное великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ для суда бояръ и окольничихъ, въ XVII вѣкѣ проникаетъ всюду. Ни одно сколько-нибудь важное дѣло не обходится безъ участія дьяка.

Въ переговорахъ съ иностранными послами дьяки также говорятъ рѣчи, какъ и бояре. А такъ какъ рѣчи эти сочинялись впередъ въ Посольскомъ приказѣ, то можно думать, что и бояре говорили со словъ дьяковъ.

На смотрахъ служилымъ людямъ дьяки принимаютъ такое же участіе, какъ бояре, окольничіе и иные чины.

«7183 году, сентября въ 30 день, былъ смотръ стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и жилцомъ, а смотрѣлъ, по указу великаго государя, боринъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынской, разрядной дьякъ, Герасимъ, Семеновъ сынъ, Дохтуровъ, да думной-же дьякъ Стрѣлецкаго приказа, Ларіонъ Ивановъ, да разрядной же дьякъ, Василей Григорьевъ». Двор. разр. III. 1019; см. еще столб. 1060, 1064, 1199 и др.

По случалось, что смотръ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ поручалось произвести однимъ дья-

камъ. Такъ было 11-го и 12-го января 1675 года (тамъ-же, 1180).

Дьяковъ посылали и въ XVII вѣкѣ въ походы товарищами ратныхъ воеводъ. Въ разрядѣ на 1671 годъ читаемъ:

«Сказано по полкамъ бояромъ и воеводамъ на службѣ великаго государя, въ большомъ полку: бояринъ и воевода, князь Юрья Алексѣевичъ, да съ нимъ въ товарищѣхъ околничей, князь Володимеръ Дмитріевичъ Долгоруковъ, да съ нимъ жъ дьяки: Александро, Ворѳоломѣевъ сынъ, Алексѣевъ да Михайло Прокофьевъ да Тимоѳей Литвиновъ» (Двор. разр. III: 990).

Дьяки вездѣ: на судѣ, въ посольствахъ, при сборѣ и расходованіи государевой казны, въ войскахъ.

Дьяки непрестанно находятся и при государѣ. Въ важныхъ случаяхъ они говорятъ именемъ его рѣчи. Въ 1619 г. просительная рѣчь Михаила Ѳедоровича, обращенная къ отцу его, митрополиту Филарету Никитичу, о принятіи имъ на себя званія патріарха, была произнесена въ присутствіи царя, властей и бояръ думнымъ дьякомъ, Иваномъ Грамотинымъ (Двор. разр. I. 403).

Дьяки дѣлаютъ царю доклады по всякимъ дѣламъ. Въ разрядной книгѣ на 1663 годъ читаемъ:

«И государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ..... приказалъ думному дьяку, Томилу Луговскому, сыскати въ Разрядѣ челобитье князя Богдана Косаткина Ростовскаго..... и сказать про то бояромъ, чтобъ бояре о томъ поговорили, а что приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя» (Кн. разр. I. 981).

Или въ 1675 году:

«И великій государь указалъ, по челобитью стольника, Михаила Морозова, взнесть то судное дѣло вершеное въ докладъ къ себѣ, великому государю, въ верхъ думному дьку, Герасиму Дохторову (Двор. разр. III. 1288).

Въ поѣздкахъ государя изъ Москвы его сопровождаютъ дьяки. Они служатъ посредниками въ сношеніяхъ московскихъ приказовъ съ царемъ. Въ концѣ іюня 1675 г.

государь выѣхалъ на Воробьевы горы. Въ его отсутствіе пріѣхалъ изъ Литвы съ отписками подьячій Посольскаго приказа, Пр. Возницынъ. Изъ Посольскаго приказа бояринъ Матвѣевъ отправилъ того подьячаго:

«Въ походъ къ великому государю, на Воробьеву гору; и велѣлъ отписки подать и самому явиться въ походѣ думному дьяку, Дементью Башмакову, да тайныхъ дѣлъ дьяку, Даніилѣ Поляпскому» (Двор. разр. III. 1500).

А вѣдь при царѣ на Воробьевыхъ горахъ, конечно, были бояре и при томъ ближніе. Дѣла-же идутъ не черезъ нихъ, а черезъ дьяковъ, изъ которыхъ второй даже не имѣетъ титула думнаго. Но это дьякъ Тайныхъ дѣлъ, а онъ могъ быть ближе думнаго.

Дьяки объявляютъ царскіе указы (Двор. разр. I. 574 III. 992).

Думные дьяки приглашаются въ государеву думу и суть члены боярской судной коллегіи. Вотъ что говоритъ Котошихинъ о мѣстѣ, которое занимаютъ они въ царской думѣ:

«И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людьми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлехъ, и въ то время бояре и окольничіе и думные дворяне садятца по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежъ въ чину, окольничіе подъ боярами противъ того жъ, подъ окольничими думные дворяне потому жъ, по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть, и о чемъ лучитца мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ» (II, 5).

Какъ люди мелкіе, худородные, дьяки занимаютъ послѣднее мѣсто въ думѣ, они стоятъ, когда остальные члены сидятъ; но они принимаютъ участіе въ преніяхъ— «мыслятъ» съ царемъ, а иногда приглашаются даже сѣсть въ присутствіи царя. Если, обыкновенно, они стоятъ, то это потому, что въ думѣ присутствуетъ самъ царь. Не-

могло же въ началѣ XVII вѣка придти въ забвеніе, что съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ приказные дьяки были холопы и отпускались на волю изъ милости.

Гораздо болѣе свободная роль принадлежала дьякамъ въ судной боярской коллегіи, въ засѣданіяхъ которой царь не присутствовалъ. Думные дьяки принимали тамъ дѣятельное участіе въ преніяхъ, брали на себя инициативу и, случалось, проводили свое личное мнѣніе въ противность мнѣнію остальныхъ членовъ. Любопытный образчикъ даетъ боярскій судъ по дѣлу Ивана Чихачева. Чихачевъ, назначенный быть въ рындахъ при пріемѣ шведскаго посла, сказался больнымъ и на пріемъ не пріѣхалъ. По государеву указу наряженъ былъ судъ. Обвиняемый явился къ отвѣту на двухъ костыляхъ. Бояре спросили его, почему онъ не пріѣхалъ по наряду? «Лошадь ногу изломила, какъ государь тѣшился за лосями, потому и въ городъ не могъ пріѣхать», отвѣчалъ Чихачевъ. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ думнаго дьяка, Томилу Луговскаго. «Ты, сказалъ онъ, отбаливаешься отъ князя Аѳанасья Шеховскаго и вотъ почему въ городъ не поѣхалъ!» Чтобы понять это замѣчаніе, надо знать, что Чихачевъ назначенъ былъ рындой ниже Шеховскаго. Дьякъ угадалъ настоящую причину болѣзни подсудимаго. Онъ, дѣйствительно, не принялъ назначенія по соображеніямъ чести. Видя, что нельзя скрыть настоящей причины ослушанія государева указа, Чихачевъ тутъ же сталъ бить челомъ о судѣ съ княземъ Аѳ. Шеховскимъ, меньше котораго ему быть не вмѣстно. Бояре нашли, что можно ему быть меньше князя Аѳанасья и приговорили было Ивана Чихачева за князя Аѳанасьево безчестье бить кнутомъ. По думный дьякъ, Томило Луговской, не согласился съ такимъ рѣшеніемъ, онъ сказалъ боярамъ: долго того ждать! А потомъ подошелъ къ Чихачеву, взялъ у него изъ рукъ костыль и сталъ тутъ же бить его по спинѣ и по ногамъ. Эта короткая расправа весьма понравилась боярской коллегіи. Одинъ изъ почетнѣйшихъ ея

членовъ, боярин Иванъ Никитичъ Романовъ, взялъ у Чихачева другой костыль и сталъ бить его тоже по спинѣ и ногамъ, а другіе приговаривали: «не по дѣлу бьешь челомъ, знай свою мѣру». Вслѣдъ за этой расправой состоялось новое столь же единодушное рѣшеніе: Чихачеву велѣно быть по прежнему указу въ рындахъ ниже кн. Ю. Шеховскаго (Двор. разр. I. 435. 1620). Смѣлость, съ которою думный дьякъ поднялъ руку на московскаго дворянина, достаточно говоритъ о роли, принадлежавшей дьякамъ въ Московскомъ государствѣ вообще и въ боярскомъ судѣ въ частности [1]). Надо полагать, что дьяки въ боярской коллегіи сидѣли, а не стояли: сидѣли же они въ приказахъ въ присутствіи бояръ.

Когда у государя былъ званый столъ, дьяки думные и простые приглашались въ качествѣ гостей и въ числѣ сравнительно не меньшемъ, чѣмъ иные чины. При двухъ боярахъ, напримѣръ, и одномъ окольничемъ находимъ двухъ думныхъ дьяковъ и отъ трехъ до пяти простыхъ; число приглашенныхъ дворянъ достигало при этомъ до 18 человѣкъ (Двор. разр. I, 525, 535. 872 и др.).

Всего дьяковъ въ московскомъ государствѣ было около ста человѣкъ. Эта цифра, указанная Котошихинымъ, подтверждается и офиціальнымъ спискомъ бояръ и др. чи-

---

[1]) Это не единственный случай ручной расправы думныхъ дьяковъ съ дворянами. Думный дьякъ Сыдавной-Васильевъ въ 1617 году билъ по щекамъ Ѳед. Лев. Замятню за челобитье на князя Гагарина о мѣстахъ и Мих. Ив. Лодыженскаго за отказъ ѣхать въ Тулу къ Вердеревскому. Извѣстія Двор. разрядовъ объ этихъ случаяхъ (I. 261 и 287) очень кратки, но трудно думать, чтобы это битье по щекамъ имѣло значеніе исполненія какого-либо приговора царя или думы. Это, надо полагать, случаи самовольной расправы сильнаго человѣка, на котораго лучше было не жаловаться. Трудно сказать, чѣмъ могла кончиться жалоба на самовольную расправу дьяка; но дворянинъ, ослушавшійся царскаго указа по соображеніямъ отеческой чести и недоказавшій своей правоты, легко могъ попасть на конюшню, если бы дѣло его подверглось разсмотрѣнію формальнымъ порядкомъ.

новъ на 7184 (1676) годъ. Число думныхъ дьяковъ въ XVII вѣкѣ колеблется отъ 3 до 8. По книгамъ на 1627 и 29 годы ихъ было 3, въ 1668—5; въ 1640 и 1676—8; Котошихинъ насчитываетъ 4-хъ, по одному въ Посольскомъ, Разрядномъ, Казанскомъ дворѣ и Помѣстномъ приказѣ. Всего въ 38 приказахъ, находившихся въ городѣ Москвѣ, по счету Котошихина дьяковъ было до 70 человѣкъ [1]). Въ 13 лѣтъ, протекшихъ съ отъѣзда Котошихина въ Польшу (1664), число московскихъ приказовъ нѣсколько измѣнилось; въ спискѣ бояръ и др. чиновъ на 1676 годъ ихъ насчитывается всего 35, но распредѣленіе дьяковъ по приказамъ остается почти то же, въ 35 приказахъ сидятъ 68 дьяковъ.

Изъ общей котошихинской цифры 100 дьяковъ около 30 находилось по городамъ. Въ спискѣ на 1676 годъ въ городахъ показано 35 дьяковъ [2]). Всего будетъ 103 дьяка у дѣлъ, да кромѣ того было еще не у дѣлъ 17 человѣкъ, да одинъ показанъ больнымъ. Эти 17 человѣкъ находились въ запасѣ и могли быть ежеминутно куда-нибудь посланы. Такимъ образомъ, все центральное управленіе Московскаго государства и мѣстное, въ главнѣйшихъ пунктахъ, сосредоточивалось въ рукахъ 121 дѣльца. Если

[1]) Въ нѣкоторыхъ приказахъ Котошихинъ не указываетъ точной цифры дьяковъ, а говоритъ, что ихъ было 2 или 3; общее число дьяковъ, такимъ образомъ, будетъ колебаться между 65-ю и 70-ю. Итогъ приказамъ у Котошихина подведенъ въ суммѣ 42-хъ; но въ 4 приказахъ изъ этихъ 42-хъ дьяковъ не было. Это хозяйственные приказы, состоявшіе въ вѣдомствѣ Большого дворца; они управлялись низшими чинами, ключниками, а одинъ — дворяниномъ. Вотъ почему для показанія распредѣленія дьяковъ по приказамъ мы беремъ 38 приказовъ, въ которыхъ дѣйствительно были дьяки, а не 42.

[2]) Вотъ распредѣленіе дьяковъ по городамъ по книгѣ 1676 года: въ Бѣлгородѣ — 5, Смоленскѣ 4, въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани и Астрахани — по 3, Тобольскѣ — 2, въ Свіяжскѣ, Симбирскѣ, Терках, въ Нижнемъ, въ Ярославлѣ, на Вологдѣ, въ Костромѣ, у Архангельскаго города, на Верховьи, въ Олонцѣ, Сѣвскѣ, Путивлѣ и Кіевѣ по одному. (Списокъ на 184 годъ въ Моск. Арх. мин. Юстиціи).

принять въ соображеніе, что крайними пунктами Московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ были: на западѣ Псковъ и Смоленскъ, на сѣверѣ — Архангельскъ, на востокѣ —Тобольскъ, на югѣ—Кіевъ, Астрахань и Терки, то нельзя не признать, что у сотни дьяковъ, которая находилась у дѣлъ, дѣла было довольно.

За свою службу дьяки получали государево жалованье помѣстьями и деньгами. Мѣра его, какъ и для другихъ чиновъ, не была опредѣлена штатами, а зависѣла отъ усмотрѣнія государя. По боярской книгѣ на 7135 годъ (1627) думный дьякъ Лихачевъ получалъ 250 р., а Телепневъ, тоже думный дьякъ, получалъ старый окладъ въ 100 р., а въ думныхъ дьякахъ не былъ верстанъ. Этотъ старый приказный окладъ остается за нимъ и въ 1629 году. Нѣкоторые приказные дьяки получали болѣе Телепнева. Дьякъ Болотниковъ по книгѣ на 1627 годъ получалъ 200 р. Другіе приказные гораздо менѣе: Даниловъ 100 р. да за ярославскую службу ему прибавили 20 р.; Матюшкинъ при назначеніи въ дьяки получилъ 80 р.; а потомъ дошелъ до 100; Никиф. Шипула, посольскій дьякъ, началъ съ 70 р. Всѣхъ болѣе получалъ думный дьякъ Грамотинъ—300 р.; этотъ окладъ остался за нимъ по опалѣ и ссылкѣ на Алатырь.

Размѣръ помѣстья дьякамъ опредѣляется Уложеніемъ, но только для Московскаго уѣзда. Они уравнены здѣсь съ окольничими и получаютъ по 150 четвертей (XVI, 1). Обыкновенный размѣръ дьяческихъ помѣстій значительно превышалъ эту норму. Дьякъ Даниловъ въ 1627 году имѣлъ 800 четвертей, а за ярославскую службу ему прибавили еще 100; дьяку Матюшкину при назначеніи дали 700 четвертей, а потомъ прибавили 100 (Моск. Арх. м. юст.).

На лѣстницѣ служебной чести думные дьяки занимаютъ мѣсто послѣ стряпчаго съ ключомъ; дьяки по приказамъ послѣ дворянъ московскихъ.

За дьяками идутъ подьячіе. Общее число ихъ Кото-

писчихъ опредѣляетъ въ 1000 человѣкъ. Они дѣлились на старыхъ и молодыхъ. Молодые употреблялись для письма, а старые, какъ давно состоящіе въ должности подьячаго и потому опытные и дѣло знающіе, для болѣе важныхъ назначеній. Они участвуютъ на смотру служилыхъ людей, отвозятъ государеву казну, досматриваютъ съ дьяками больныхъ служилыхъ людей, а иногда назначаются и къ исправленію должности дьяка. Въ 1675 году были отправлены писцы въ Московскій уѣздъ:

«Московскій дворянинъ Сергѣй, Ѳедоровъ сынъ, Аксаковъ да съ нимъ: подьячій старый помѣстнаго приказа, Александръ Титовъ, справою вмѣсто дьяка, да три человѣка молодыхъ подьячихъ помѣстнаго-жъ приказу для письма [1]).

Подьячіе были тоже землевладѣльцы. Указъ царя Бориса 1601 года предоставляетъ и подьячимъ право вывозить «крестьянъ». Они получаютъ помѣстное и денежное жалованье. Изъ боярской книги на 1627 годъ видно, что подьячіе приказовъ получали денежнаго жалованья по 37, 40, 50 и 60 р., помѣстнаго по 350 и 500 четвертей.

Дьяки, наши первые приказные люди, зародившись въ предѣлахъ государева двора и для цѣлей дворцоваго управленія, мало-по-малу проникаютъ во всѣ важнѣйшія отрасли суда и администраціи. Въ то-же время старинный правящій классъ, бояре и дѣти боярскія, поступая въ придворныя должности, превращаются въ бояръ введеныхъ, окольничихъ, дворецкихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и получаетъ въ дьякахъ товарищей своей судной и административной дѣятельности. Но эти два класса не смѣшиваются. Между новымъ классомъ дьяковъ, вышедшимъ изъ дворни государевой, и потомками старыхъ вольныхъ слугъ есть великая разница. Потомки вольныхъ слугъ, воины по ремеслу, имѣютъ отеческую честь и счи-

[1]) Двор. разр. III. 1080, 1210, 1365.

таются ею; дьяки, дворовые писцы по происхожденію отеческой чести не имѣютъ. Это потому, что первоначальная должность ихъ мелкая; они и въ XVII вѣкѣ считаются «худымъ чиномъ». Люди, состоявшіе въ худомъ чинѣ, не могли по этому чину имѣть высокой чести, имъ нечего было передать и своимъ дѣтямъ.

Отсюда и преимущества дьяковъ и недостатки ихъ положенія. Великое преимущество худого чина состоитъ въ томъ, что дьяки проникаютъ всюду; это потому, что они могутъ быть младшими товарищами, какъ родовитыхъ людей, такъ и самыхъ худородныхъ. Но, занимая вездѣ послѣднее мѣсто, они незамѣтны; объ нихъ забываютъ иногда упомянуть: самое имя дьяка нерѣдко исчезаетъ въ болѣе широкомъ наименованіи «товарища». Согласно съ такимъ темнымъ положеніемъ дьяка, въ эту должность назначаютъ людей мелкихъ, худородныхъ. Ряды ихъ пополняются не только дѣтьми духовенства, но и посадскими людьми и даже пашенными крестьянами [1]). Есть случаи назначенія дьяковъ изъ дворянъ. Въ 1649 году бѣжецкій дворянинъ, Сем. Ив. Заборовскій, былъ назначенъ думнымъ разряднымъ дьякомъ; въ 1675 году дворянинъ Вас. Гр. Нестриковъ былъ назначенъ дьякомъ Дворцоваго суднаго приказа (Двор. разр. III. 108, 113, 1278). Но мы знаемъ, что терминъ дворяне со второй половины XVI вѣка обнимаетъ людей очень разнаго происхожденія. Между ними есть потомки дѣтей боярскихъ и даже князей, а рядомъ съ ними — потомки старинныхъ дворовыхъ людей и не только княжескихъ, но и митрополичьихъ, епископскихъ, боярскихъ. Въ дьяки назначались люди неважные по происхожденію или захудалые [2]).

[1]) Въ 1641 году послѣдовалъ указъ, которымъ воспрещалось принимать въ подьячіе «поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, и гостиныя и суконныя сотенъ торговыхъ, и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ, и пашенныхъ людей и ихъ дѣтей». А. И. III. № 92. XXXI.

[2]) Г. Лихачевъ въ «Отвѣтѣ суровому критику» приводитъ два

И должность дьяка худая и назначаются на нее люди худые. Поэтому-то и мѣстничество не могло привиться къ дьякамъ. Есть случаи мѣстническихъ споровъ дьяковъ съ дворянами и даже окольничими, но дьяки въ этихъ спорахъ опираются не на дьячествѣ своемъ, а на иныхъ основаніяхъ, напримѣръ, на происхожденіи отъ дѣтей боярскихъ. Выше помянутый думный дьякъ, Сем. Ив. Заборовскій, въ 1663 г. былъ приглашенъ къ царю на обѣдъ, но послѣ окольничаго Ос. Ив. Сукина. Онъ обидѣлся этимъ, уѣхалъ отъ стола «и билъ челомъ государю въ отечествѣ о счетѣ на окольничаго Осипа Сукина». Очень характерно это челобитье; мы находимъ тамъ такое мѣсто:

«Осиповъ прадѣдъ Сукина, Борисъ Сукинъ, былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дьякъ и въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его».

Не менѣе характеренъ отвѣтъ Сукина, который тоже билъ челомъ на Заборовскаго

«О безчестьи и объ оборони; а говорилъ, что де Семенъ Заборовской передъ нимъ, Осипомъ, человѣкъ молодой, а бьетъ челомъ на него, Осипа, не по своей мѣрѣ; а прежде сего на окольничихъ думные дьяки не бивали челомъ. А дѣдъ де его, Осиповъ, Борисъ, во дьякахъ не бывалъ, и тѣмъ его Семенъ безчеститъ. А тотъ Борисъ, что былъ во дьякахъ и тотъ не ихъ, Сукиныхъ; и никто роду его, Осипова, въ такихъ обышныхъ чинахъ не бывали; а прадѣдъ де его, Осиповъ, при

случая происхожденія дьяковъ изъ княжескихъ фамилій, относящееся еще къ XV вѣку (37). Это чрезвычайно цѣнное указаніе. Но общій составъ дьяковъ этимъ нисколько не мѣняется. Въ среду дворовыхъ людей бояръ постоянно поступали дѣти боярскія. Но отъ этой примѣси дворовые люди не становились же благородными; такъ и дьяки отъ примѣси князей. Боярскія дѣти, поступавшія во дворню бояръ и женившіяся на ихъ рабыняхъ, принадлежали къ захудалымъ отпрыскамъ высшаго сословія и только по крови были его членами; такъ и князья, поступавшіе въ дьяки. Это мелочь, хотя и знатнаго происхожденія, а не большіе люди. По выраженію лѣтописца «они были родомъ велики да закоснѣли» (Отвѣтъ 38).

государь, царь и великомъ князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи былъ боярин».

Потомокъ дьяка отрекается отъ своего предка. Заборовскій, самъ думный дьякъ, утягиваетъ своего противника дьячествомъ. Но Борисъ Сукинъ былъ, въ свое время, то же, что теперь Заборовскій. Чѣмъ-же думный дьякъ Заборовскій лучше думнаго дьяка Сукина? Происхожденіемъ: онъ дворянинъ и, можетъ быть, природный сынъ боярскій, а Сукины—дьяческая фамилія. Челобитье Заборовскаго и въ глазахъ царя не было, кажется, совершенно не основательно. Это видно изъ того, что Алексѣй Михайловичъ сперва разгнѣвался было на Заборовскаго и запретилъ ему съѣзжать со двора и свои царскія очи видѣть, но очень скоро (на другой-же день) смягчился и допустилъ къ себѣ опальнаго. Когда-же Заборовскій снова сталъ бить челомъ на Сукина, царь велѣлъ сдѣлать выписку въ Разрядѣ и доложить себѣ. Указа, однако, по этому дѣлу не послѣдовало (Двор. раз. III. Прилож. 374).

Въ 1623 году происходилъ споръ о мѣстахъ между двумя стряпчими, отцы которыхъ были дьяками. 3-го декабря государь принималъ казылбашскаго гонца. По этому случаю были назначены рынды и во второй царѣвъ стряпчіе, Степанъ, Васильевъ сынъ, Телепневъ да Михайло, Васильевъ сынъ, Ларіоновъ. Ларіоновъ обидѣлся и билъ челомъ государю на Телепнева,

«Что ему меньши быть его не вмѣстно, потому что отецъ его, Василей, былъ сынъ боярскій и служилъ по Дмитрову, а Василей Телепневъ былъ подьячей, а изъ подьячихъ дьякъ, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ сыскать».

Чрезвычайно характеренъ государевъ отвѣтъ:

«И по государеву указу сказано Михайлу Ларіонову, чтобъ онъ со Степаномъ Телепневымъ былъ, а быть ему съ нимъ пригоже, потому что отецъ его, Василей Телепневъ, былъ у государя думной дьякъ посолской, а его

отецъ, Михайловъ, Василей Ларіоновъ, рядовой дьякъ, а се они оба люди породословные и счету имъ нѣту: гдѣ государь велитъ быть, тотъ такъ и будь».

Несмотря на роль, какую играли дьяки въ XVII вѣкѣ, они продолжаютъ оставаться породословными, отеческой чести у нихъ нѣтъ и счету имъ нѣтъ. И это не правительственная только точка зрѣнія, а и самихъ дьяковъ. Въ обоихъ приведенныхъ нами случаяхъ никто не ссылается на честь дьяка. Наоборотъ, всѣ спорщики согласны въ томъ, что дьякъ худой чинъ. Это утверждаетъ и самъ думный дьякъ Заборовскій и тѣмъ безчеститъ потомка дьяка, окольничаго Сукина [1].

Московская отеческая честь не родовая только, но и служилая, а потому дьячество не мѣшало выслугѣ. Дьяки производятся въ высшіе чины. Думный дьякъ Ларіонъ Ив. Іонухинъ былъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ: думный дьякъ Сем. Ив. Заборовскій сперва возведенъ въ званіе думнаго дворянина, потомъ окольничаго, а, наконецъ, и боярина (Нов. XX, Алф. Ив.).

Отъ московскихъ дьяковъ въ наше время и памяти не осталось. А для Москвы они были новостью, а не древностью. Наша исторія за послѣднія два столѣтія далеко ушла отъ московскихъ порядковъ. Но она не стояла недвижно и до Петра Великаго. Москва второй половины XV, XVI и XVII вѣковъ еще менѣе походитъ на Русь домосковскую, чѣмъ на имперію Россійскую временъ Екатерины II. Но и екатерининское время на нашихъ глазахъ отходитъ уже въ вѣчность. Реформы второй половины истекшаго столѣтія опять двинули насъ въ новое, хотя еще и не вполнѣ опредѣлившееся будущее.

---

[1]) Дворц. разр. I, 575. Случай думнаго дьяка Караулова съ дворяниномъ Баклановскимъ записанъ слишкомъ коротко и не даетъ основаній для какихъ-либо заключеній. Двор. разр. III. 1565.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Войско

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Древнѣйшее время

Наша древность знала обязательное участіе въ войскѣ и свободное. Обязательная военная служба имѣла мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда война предпринималась по опредѣленію вѣча. Въ 1148 году Новогородцы рѣшили объявить войну ростовскому князю, Юрію; обращаясь къ призванному ими на помощь князю Изяславу, они сказали:

«Княже, мы всѣ пойдемъ! Хоть бы дьякъ былъ и гуменцо постриженъ, да не поставленъ, и тотъ пойдетъ».

Въ 1151 году кіевляне рѣшили воевать съ тѣмъ же княземъ, Юріемъ, и такъ возвѣстили объ этомъ бывшимъ на ихъ сторонѣ князьямъ:

«У насъ всѣ пойдутъ, кто только можетъ взять въ руки худъ! А кто не пойдетъ, укажите ихъ намъ, мы ихъ побьемъ».

Люди, которые такъ говорили, отправлялись, конечно, отъ мысли о всеобщей обязанности принять участіе въ

воинѣ. По мѣрѣ ослабленія вѣчевой жизни, право требовать отправленія ратной обязанности сосредоточивается въ рукахъ князя.

И въ глубокой древности князья могли вести войны безъ согласія вѣча. Но въ этихъ случаяхъ они выступали въ походъ не съ народнымъ ополченіемъ, а только съ охотниками: они призывали желающихъ идти съ ними. Война въ это время всегда сопровождалась грабежомъ, а потому охотники всегда находились. Даже частные люди предпринимали такіе походы на чужую собственность. Таковы были, напримѣръ, новогородскіе ушкуйники. Они доходили до Каспійскаго моря и возвращались иногда съ богатой добычей; а случалось, они всѣ складывали свои буйные головы въ такомъ предпріятіи. Большинство княжескихъ войнъ велось при участіи охотниковъ.

Ипатьевская лѣт. подъ 1147 г. совершенно ясно различаетъ эти два случая. Когда кіевское вѣче отказало своему князю поднять руку на Владимірово племя, Изяславъ Мстиславичъ обратился къ кіевлянамъ съ такимъ воззваніемъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!» и собралъ такимъ образомъ множество воиновъ. Но такія ясныя различенія весьма рѣдки [1]). Въ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить дѣйствительный характеръ ополченія. Надо, однако, думать, что война съ помощью народнаго войска, составленнаго изъ охотниковъ, была весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Военная добыча составляла одинъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія въ древнѣйшее время, и охотниковъ повоевать было не мало; а потому князь, взывавшій къ охочимъ людямъ, рѣдко оставался одинъ [2]).

Народное ополченіе не составляло постояннаго войска.

---

[1]) Ср. Лавр. 882 и 964 г., воины Олега и Святослава, по всей вѣроятности, были охотники.

[2]) Даже частные люди соединяли около себя шайки охотниковъ съ цѣлью войны, см. Воскр. 1032 г. Новгрд. I. 1219 г., Воскр. 1366 г.

Оно созывалось только на случай войны и распускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена.

Въ составъ обязательнаго народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивая — худшими или смердами. Такъ, въ войскѣ Ярослава Владиміровича встрѣчаемъ смердовъ, а позднѣе въ войскѣ Игоря Святославича упоминаются — черные люди (Воскр. 1019 г., Ипат. 1185 г.); наоборотъ, въ походѣ Всеволода Юрьевича на Черниговъ принимаютъ участіе новгородскіе мѣщане и купцы (Новгрд. I, 1195 г.). При описаніи почнаго нападенія Даніила Романовича на Вѣльзъ читаемъ: «боярин боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ—смерда, градъ—града», т. е. горожанинъ горожанина (Ипат. 1221 г.). На помощь къ Новому-городку изъ Пскова выступаютъ: посадники, бояре и псковичъ не много», т.-е. горожанъ въ тѣсномъ смыслѣ (Псков. I, 1463 г.). Великій князь Московскій, Иванъ Васильевичъ, посылаетъ изъ Москвы на Казань: сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичъ»... (Воскр. 1469 г.); подобно этому новогородцы въ борьбѣ съ тѣмъ же княземъ выставляютъ противъ него: «купцевъ, житыихъ людей и мастеровъ всякихъ, плотниковъ и гончаровъ» [1]). Въ лѣтописяхъ весьма часты извѣстія объ оборонѣ городовъ—горожанами, т.-е. всѣмъ городскимъ населеніемъ [2]); еще

[1]) Воскр. 1471 г. Это мѣсто объясняетъ слова воеводы Святогорка, обращенныя имъ къ новгородцамъ, составлявшимъ войско Ярослава Владиміровича: «что придосте съ хромцемъ симъ, о вы плотнице суще! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ» Лавр. 1016 г.

[2]) Въ Ипат. подъ 1185 г. читаемъ: «Римовичи же затворишася въ городѣ а вояѣваше на заборолѣ, и тако, Божіемъ судомъ, летѣста двѣ городницы съ людьми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ. Да которыи же гражане выйдоша изъ града и бихуться, ходяще по римскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша». Въ густ. подъ 1240 г. находимъ извѣстіе о защитѣ Кіева отъ Татаръ — «гражанами». Въ Ипат. подъ 1259 г. о Владимірцахъ на Волыни читаемъ: «взыдоша на

чаще городское ополченіе обозначается общимъ именемъ кіевлянъ, новогородцевъ, лучанъ, москвичей, галичанъ, вятчанъ и пр. [1]).

Случалось, что вѣче во всемъ его составѣ обращалось въ войско [2]). Если вѣче находило необходимымъ войну, оно же опредѣляло и самые размѣры военной повинности. Смотря по требованіямъ обстоятельствъ, тягость военной повинности была различна: самый высшій размѣръ ея составляло поголовное ополченіе [3]); въ менѣе важныхъ

нѣ (на Татаръ) гражане пѣшцы»... Такъ же гражданами защищается отъ Татаръ—Тверь, Москва и Переяславль Рязанскій, а Смоленскъ отъ Витовта, Новгрд. IV. 1375 г. Воскр. 1382 г., 1404 г, 1460 г. Ср. еще подобныя же извѣстія въ Ипат. подъ 1249 и 1258 г. и въ Воскр. подъ 1468 г.

[1]) Для примѣра см. Лавр. 1015 г., 1036 г., Ник. 1059 г., Лавр. 1085 г., Ник. 1125 г., 1135 г., 1138 г., 1142 г., Ипат. 1151 г., 1152 г., 1154 г., 1167 г., 1171 г., 1174 г., Сузд. 1213 г., 1214 г., Лавр. 1223 г., Ипат. 1224 г., Воск. 1282 г., Льв. 1285 г., Новгр. IV. 1372 г., Воскр. 1417 г., 1434 г., 1468 г.

[2]) Лѣтописи сохранили нѣсколько весьма ясныхъ указаній на такое единство вѣча и войска. Дрючане, призывая къ себѣ князя Рогволода, даютъ ему обѣщаніе «биться за него и съ дѣтьми». Ипат. 1151 г. Подобно этому о Пронянахъ читаемъ: «Проняне же пояша къ себѣ Изяслава Владимировича и затворишася съ нимъ въ градѣ. Князь же великій, пришедъ ста у града и посла къ нимъ мужа своего омирить ихъ. Они же не внушиша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость. Слышавъ же к. в. рѣчь ихъ буюю и повелѣ приступити къ граду, они же бьяхутся крѣпко изъ града»... Лавр. 1207 г.— Ярославъ Всеволодичь, пріѣхавъ въ назначенный ему отцемъ Переяславль, сзываетъ Переяславцевъ на вѣче и спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они имѣть его своимъ княземъ и сложить за него свои головы? Сузд. 1213 г. Особенно любопытно извѣстіе Новгорд. I. подъ 1209 г. Всеволодъ Юрьевичъ, отпуская съ Коломны пришедшихъ къ нему на помощь Новгородцевъ, даетъ имъ «волю всю, и уставы старыхъ князь»: и такъ, Владимірскій князь обращается съ Новогородцами-воинами совершенно такъ, какъ бы они составляли Новогородское вѣче. Ср. еще подобныя извѣстія: Ипат. 1135 г., 1147 г. Новгрд. I. 1169 г., Сузд. 1175 г., Воскр. 1371 г.

[3]) Случаи поголовнаго ополченія приведены во II т., гдѣ идетъ рѣчь о пред. вѣд. вѣча.

случаяхъ къ участію въ войнѣ призывалась только часть населенія [1]).

Право сходиться на вѣче народъ удерживалъ за собой и во время похода.

Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя, которые въ древнѣйшее время и жили во дворѣ князя. Мы ознакомились уже съ разными наименованіями этого низшаго разряда княжескихъ слугъ. Согласно съ послѣдовательнымъ измѣненіемъ этихъ наименованій въ войскахъ князя встрѣчаемъ: въ древнѣйшее время—отроковъ, дѣтскихъ, гридей [2]); а потомъ дворянъ—и дѣтей боярскихъ [3]). Высшій рядъ служилыхъ

[1]) Въ Псков. лѣт. сохранились нѣкоторыя указанія на порядокъ распредѣленія военной повинности. За основаніе при обложеніи военной повинностью брали имущественную обезпеченность человѣка; съ извѣстной ея мѣры, всякій разъ особо опредѣляемой, выставлялся одинъ вооруженный человѣкъ. Въ Пск. I. подъ 1495 г. читаемъ: «и псковичи срубилися съ 10 сохъ человѣкъ конный»... Такіе воины назывались рубленными и отличались отъ охвочихъ людей, которые выступали по личному желанію и вооружались на собственный счетъ. Тамъ же подъ 1463 г. читаемъ: «А иная сила псковская, не рубленіи люди, охвочей человѣкъ, въ то же время ходиша за Нѣмреко въ слободу и воеваша нѣмецкую власть»...—На такое же распредѣленіе военной повинности по имуществу находимъ указаніе и въ Воскр. лѣт. подъ 1169 г. В. к. Иванъ Васильевичъ посылаетъ на Казань «всѣхъ москвичъ, коихъ пригоже, по ихъ силѣ». Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ вмѣсто «срубиться» встрѣчаемъ выраженіе «крутитися навойну», Новгрд. IV. 1137 г.

[2]) Лавр. 1093 г., Ипат. 1149 и 1231 г. При описаніи пораженія Мстислава Изяславича читаемъ: «и много изоимаша дружины около его:.... дворьскаго..... тіуна и ины многи». Ипат. 1171 г. — Въ числѣ этого рода служилыхъ людей встрѣчаемъ мечниковъ, спеціальное названіе воиновъ по оружію, Ипат. 1146 г., 1175 г. — Гридей встрѣчаемъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и Владимірѣ Сѣв. См. Лавр. 996 и 1014 г. и Суздал. 1177 г. Они жили во дворѣ князя, въ помѣщеніи, которое называлось гридницей.

[3]) Новгород. 1. 1245 г.: «а князь (Александръ Новогородскій) погонися по нихъ (за Литвой) съ своимъ дворомъ и бі и подъ Зижьчемъ и не спусти ихъ ни мужа»... Воскр. 1310 г.: «князь же Свято-

людей также принималъ непосредственное участіе въ составѣ княжескихъ войскъ [1]. Но мужи и бояре, выходили на войну не одиночно, а въ сопровожденіи своихъ собственныхъ слугъ [2].

Тотъ видъ служилыхъ людей, который находился неотлучно при князѣ, жилъ въ его дворѣ, составляетъ древнѣйшій видъ постояннаго войска. У нѣкоторыхъ князей число такихъ воиновъ, по тому времени, достигало значительныхъ размѣровъ. Святополкъ-Михаилъ Кіевскій, собираясь противъ Половцевъ, говорилъ:

«Имѣю отрокъ своихъ 800, иже могутъ противу имъ стати» (Лавр. 1093).

Третій видъ войскъ образуютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы: Варяги, Половцы, Татары и проч.

славъ (Брянскій) дворомъ своимъ токмо много бився»... О Псковскомъ князѣ Александрѣ Черторижскомъ читаемъ: «а двора его, кованой рати, боевыхъ людей—300 человѣкъ»... Псков. I. 1460 г. — См. еще Новгород. I. 1220 г., Воскр. 1443 г., 1445 г., 1452 г., 1455 г., 1469 г., 1478 г.

[1]) Въ Лавр. подъ 1093 г. читаемъ: «мнози бо падоша отъ полка его (Владиміра Мономаха) и боляре его ту падоша»; въ Ипат. подъ 1277 г.: «Мстиславъ и Юрій посласта лутьшѣи своѣ бояре и слуги воевать съ Тюимою»...; тамъ же подъ 1280 г.: «убиша бо Ляхове отъ полку его (Льва Даниловича) многи бояре и слуги добрые». — Р. С. Ч. I. №№ 33, 35, 37.

[2]) Древнѣйшее свидѣтельство въ пользу этого относится къ X вѣку; въ Лавр. лѣт. подъ 945 г. читаемъ: «отроци Свѣнельжи (воеводы Игоря) изодѣлитя суть оружіемъ и порты». Тамъ же подъ 1095 г.: «и начаша думати дружина Ратиборя (мужа Владиміра Мономаха) со княземъ Владиміромъ». Тамъ же подъ 1127 г. встрѣчаемъ «своихъ отроковъ» у тысяцкихъ князей Андрея и Вячеслава Владиміровичей, которые сопровождаютъ ихъ во время войны и посылаются ими ночью для ограбленія побѣжденнаго города. Особенно любопытно мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1211 г.: «бѣ бо вой Даниловыхъ больши и крѣплѣйши, бяху бояре велиціи отца его вси у него». Въ томъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто той же лѣт. подъ 1231 г.: «Мирославу (галицкому боярину) пришедшему къ нему (къ князю Даніилу) на помощь съ малымъ отрокъ...

Въ древнѣйшее время эти разные виды княжескихъ войскъ, взятые отдѣльно и въ соединеніи одинъ съ другимъ, назывались дружиной. Въ примѣръ обозначенія дружиной народнаго ополченія укажемъ на слова Ярослава Владиміровича, обращенныя къ Новгородцамъ:

«Завтра же, говоритъ лѣтописецъ, собравъ остатокъ Новгородцевъ Ярославъ рече: о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ (для войны съ Святополкомъ [1]).

Подъ 1036 г. находимъ примѣръ обозначенія дружиной всего войска, изъ какихъ бы частей оно ни состояло:

«Ярославъ выступи изъ града и исполчи дружину: поставн варяги посредѣ, а на правой сторонѣ Кыянѣ, а на лѣвомъ крылѣ новгородцы» [2]).

Такимъ образомъ, народное ополченіе изъ кіевлянъ и новгородцевъ входитъ въ составъ дружины наравнѣ съ варягами. Кромѣ того, то же слово употребляется и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ для обозначенія однихъ только княжескихъ слугъ въ отличіе ихъ отъ другихъ составныхъ частей войска. Подъ 1024 г. читаемъ:

[1]) Лавр. 1015 г. Въ Ипат. подъ 1147 г. читаемъ: «Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, кіяне» (т.-е. кіевское вѣче), а далѣе: Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ... поидоста Кіеву, рекше своей дружинѣ, кіяномъ и смолянамъ»... Тамъ же подъ 1150 г., «дружина» Изяслава даетъ такой совѣтъ своему князю: «княже! поѣди Кіеву своей дружинѣ», въ первомъ случаѣ дружина означаетъ только тѣхъ, кто сопровождалъ Изяслава въ походѣ; во второмъ—всѣхъ кіевлянъ. Въ Лавр. подъ 1096 г. читаемъ: къ Мстиславу же собрашася дружина въ тотъ день и въ другой, новгородцы, и ростовцы, и бѣлозерцы».

[2]) Лавр.; тамъ же подъ 1024 г. читаемъ: «Мстиславъ же съ вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крылома». Въ первомъ случаѣ дружина означаетъ сѣверянъ, во второмъ — только служилыхъ людей князя.

«Мстиславъ же рече: кто сему не радъ? Се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя—цѣла» [1].

Наконецъ, слово дружина обозначаетъ и отдѣльные разряды служилыхъ людей. Такъ, Владиміръ святой созываетъ бояръ своихъ и старцевъ и, обращаясь къ мужамъ, которые были посланы имъ для изученія различныхъ религій, говоритъ: «скажите предъ дружиною». Здѣсь наименованіе дружиной помимо старцевъ градскихъ относится только къ боярамъ князя, т.-е. высшему разряду его слугъ [2]. Но иногда слово дружина употреблялось для обозначенія низшаго разряда слугъ, и именно въ отличіе его отъ высшаго, которое въ такомъ случаѣ являлось подъ именемъ бояръ. Такъ подъ 1186 г. читаемъ:

«А дружину Всеволожю повязаша, а жену его ведоша въ Рязань и бояръ его» (Суздал.).

Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто Лаврентьевской лѣт. подъ 945 г.:

«Рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази»...

Эта дружина, лишенная всего необходимаго, и ставящая себя въ уровень съ отроками Свѣнельда, состояла, конечно, изъ самаго низшаго слоя княжескихъ слугъ [3].

[1]) Лавр.; въ Ипат. подъ 1147 г. читаемъ: «Мстиславъ же совокупився съ дружиною и съ переяславци»... и тамъ же подъ 1151 г.: «дружина же Вячеславля и Изяславля, и Ростиславля и всихъ князей утягиваху отъ того, и Кияне, паипаче же Черніи Клобуци»...

[2]) Такое же слово-употребленіе находимъ и подъ 1169 г. Ипат.: «И рекоша ему дружина его: о собе еси княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали. Володимеръ же рече, възрѣвъ на дѣцкы: а се будутъ мои бояре». Изъ отвѣта князя видно, что дружина, отказавшаяся слѣдовать за нимъ, — состояла изъ бояръ. Подобно этому Нижегородскій князь, Константинъ Борисовичъ, обращаясь къ боярамъ своимъ, говоритъ: «Господіе моя и братія и милая дружина». Никон. 1391 г.

[3]) Кромѣ того, слово дружина употребляется и еще въ нѣкоторыхъ другихъ смыслахъ; напр. для обозначенія товарищей вообще

Итакъ, слово дружина употребляется въ очень разныхъ смыслахъ: и въ тѣсномъ и въ очень широкомъ смыслѣ; оно служитъ для обозначенія всѣхъ сторонниковъ князя, къ какому бы роду людей они ни принадлежали. Но такъ какъ служилые люди князя принадлежатъ по преимуществу къ его сторонникамъ и друзьямъ, то, понятно, что всего чаще мы и встрѣчаемъ ихъ подъ этимъ именемъ [1]).

Кромѣ дружины для обозначенія войска съ древнѣйшихъ временъ было употребительно слово «полкъ». Въ отличіе полковъ народныхъ отъ полковъ, составлявшихся изъ княжескихъ слугъ, первые назывались по городамъ, напр., кіевскій полкъ, новогородскій, бѣлозерскій и пр., вторые по князьямъ, напр., полкъ Изяслава, Юрія, Вячеслава и пр. [2]). Городовые полки назывались еще тысяи соратниковъ въ особенности, въ Ипат. подъ 1180 г. читаемъ: крило же ихъ (воиновъ) въ малѣ отлучивше отъ дружинѣ своеѣ» (т.-е. отъ центра); для обозначенія особаго отряда воиновъ, составленнаго съ какой-либо спеціальной цѣлью; тамъ же подъ 1151 г. читаемъ: «повелѣ нарядити дружину изъ полковъ, а полковъ не рушити»; въ Лавр. подъ 1067 г. кіевляне называютъ своею дружиною князя Всеслава: «поидемъ, говорятъ они, высадимъ дружину свою изъ погреба».

[1]) Что же касается до разныхъ разрядовъ служилыхъ людей, то не всегда бываетъ легко опредѣлить, который именно изъ нихъ разумѣлъ лѣтописецъ въ томъ или въ другомъ случаѣ. Если говорится о «думѣ» князя съ дружиною, можно предполагать, что дѣло идетъ о высшемъ разрядѣ служилыхъ людей, ибо они составляли обыкновенныхъ совѣтниковъ князя; то же самое, когда говорится о передней или о старшей дружинѣ. Наоборотъ, эпитеты — «younая», «молодшая» — указываютъ на отроковъ и дѣтскихъ.

[2]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1150 г. встрѣчаемъ чрезвычайно ясное различіе народнаго полка отъ княжескаго: «а мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, а въ сильный полкъ кіевскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя бьютъ». Тамъ же подъ 1160 г. читаемъ: «бяше бо Володимеръ притягль съ полкомъ своимъ и съ кіепскимъ полкомъ»; подъ 1148 г.: «Изяславъ поя полкъ у стрыя своего Вячеслава и володимерскій полкъ приведе»; подъ 1153 г.: «И пойде Изяславъ на Галичъ и Вячеславль полкъ пол съ

чами [1]). Позднѣе для обозначенія войска вообще входитъ въ употребленіе слово „рать» [2]): полкъ же встрѣчается только въ смыслѣ боевого подраздѣленія рати: большой полкъ или центръ арміи, сторожевой или авангардъ и пр.

Что касается до военнаго управленія, то завѣдываніе мѣстной обороной находилось въ рукахъ посадниковъ и намѣстниковъ, которымъ въ силу этого и усвоилось наименованіе воеводъ. Подъ ихъ начальствомъ состояло не одно только мѣстное народное ополченіе, съ цѣлью усиленія мѣстныхъ средствъ — въ ихъ распоряженіе предо-

---

собой, Изяславъ Давыдовичъ пусти съ нимъ свой полкъ, и сынъ его Мстиславъ приде съ переяславскимъ полкомъ»; подъ 1180 г.: «Святославъ же сняся на пути съ сыномъ Володимеромъ и со всимъ полкомъ новогородскимъ, бѣ бо сынъ его Володимеръ княжа въ Новгородѣ великомъ». Ср. еще Ипат. 1149 г., 1150 г., 1152 г., 1162 г., 1180 г., 1185 г.—Что полки князя состояли изъ его служилыхъ людей, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. лѣт. подъ 1291 г.: «Левъ (Галицкій) пріѣха къ своимъ полкомъ, и рады быша ему бояре его и слуги его»; народъ галицкій не входилъ въ составъ этихъ полковъ, иначе и объ немъ было бы упомянуто. Ср. еще тамъ же 1280 г.— Но нельзя утверждать, чтобы именемъ князя не называлось иногда и все его войско, изъ кого бы оно состояло.—«Исполчить дружину» или «нарядити полкъ» значило построить войско къ бою. Лавр. 1096 г. Съ этою цѣлью всѣ воины составляли или одинъ полкъ или нѣсколько. Такъ въ Новгородѣ въ 1220 г. приверженцы посадника Твердислава становятся у Бориса и Глѣба «полкомъ, урядивше на 5 полковъ». Новгород. I.—Если воиновъ распускали изъ строя для отдыха, говорили: «людье... безъ ряду», Ипат. 1277 г. Пойдти на непріятеля «полкомъ» значило двинуться на него въ боевомъ порядкѣ. Лавр. 1096 г. «Дать полкъ»—значитъ дать битву. Ипат. 1195 г.

[1]) Лавр. 1089 г. Но тысяча не была дѣйствительной ариѳметической тысячью. Въ Кіевѣ была одна тысяча и одинъ тысяцкій, точно такъ же въ Перемышлѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и пр. Тысячи совпадали съ городовыми полками.

[2]) Воскр. 1469 г.: «послалъ к. в. на казанскія мѣста рать въ судѣхъ, воевода К. А. Беззубцевъ, а съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ свой, также и отъ всей земли своей дѣти боярскіе; а съ Москвы послалъ сурожанъ» и т. д.

ставлялись иногда и особые отдѣлы изъ служилыхъ людей князя [1]).

Центральное военное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ самого князя и особыхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именами воеводъ и тысяцкихъ. Эти оба названія означаютъ собственно одну и ту же военную власть. На это указываютъ такія выраженія источниковъ, какъ, напримѣръ: «воеводство держащю кіевскія тысяща Яневи» [2]). Такимъ образомъ, тысяцкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воевода: первое наименованіе перенесено на него отъ военнаго дѣленія на тысячи, второе же отъ самаго рода его занятій. Но въ употребленіи этихъ терминовъ усматривается нѣкоторое различіе, условливаемое указаннымъ уже различіемъ въ составныхъ частяхъ княжескаго войска. Слово воевода употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ: такъ называется всякій военачальникъ, какимъ бы разрядомъ княжескихъ войскъ онъ ни командовалъ, и на какое бы короткое время ни былъ назначенъ. Болѣе въ тѣсномъ смыслѣ употребляется наименованіе тысяцкаго; такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ или тысячъ, откуда и возникло самое ихъ имя. Мы остановимся прежде на тѣхъ немногочисленныхъ свидѣтельствахъ источниковъ, которыя характеризуютъ должность тысяцкаго, и затѣмъ уже перейдемъ къ остальнымъ воеводамъ.

Должность тысяцкаго есть постоянная должность. Онъ назначался непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ извѣстный князь добывалъ себѣ извѣстный столъ, и независимо

---

[1]) Черниговскій епископъ, призывая Святослава Всеволодовича на черниговскій столъ, приказываетъ сказать ему: «стрый ти умерлъ, а дружина (умершаго князя) ти по городомъ далече», Ипат. 1161 г. Сюда же надо отнести и древнѣйшее извѣстіе о гридяхъ, состоявшихъ въ Новгородѣ на жалованьи.

[2]) Лавр. 1089 и 1231 г. Кромѣ того, иногда одно наименованіе употребляется вмѣсто другого. Такъ «воевода» Густинской лѣтописи въ Воскресенской названъ «тысяцкимъ», см. 1240 г.

отъ этого, предстояла война или нѣтъ [1]). Согласно съ этимъ характеромъ тысяцкихъ, какъ постоянныхъ чиновниковъ, источники сохранили указаніе на существованіе ихъ въ мирное время [2]).

Назначеніе тысяцкаго принадлежало князю, такъ же какъ и увольненіе [3]). Разъ назначенный, онъ являлся во главѣ городовыхъ полковъ во всѣхъ войнахъ, которыя велись въ теченіе его служебнаго періода, безъ всякаго новаго назначенія, въ силу того, что онъ возведенъ въ званіе тысяцкаго. Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча. Согласно съ этимъ, если князь выступалъ на войну противъ воли вѣча, тысяцкій не слѣдовалъ за нимъ, а оставался въ городѣ [4]). — Должность

[1]) Любопытное указаніе на это находимъ въ Ипат. лѣт. подъ 1146 г. Игорь Ольговичъ, получивъ кіевскій столъ по смерти брата своего Всеволода, призываетъ къ себѣ Гѣба, кіевскаго тысяцкаго, и говоритъ ему: «держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держалъ». Извѣстно, что въ томъ же году Кіевляне отступили отъ Игоря и признали Изяслава Мстиславича; вмѣстѣ съ тѣмъ они испрашиваютъ у него и новаго для себя тысяцкаго. — Впрочемъ одна перемѣна князя, сама по себѣ, еще не условливала смѣны тысяцкаго, см. Лавр. 1252 г.

[2]) См. Ник. 1138 г.; Ипат. 1147 г., 1164 г. 1187 г., 1213 г.; Новгород. I. 1215 и 1219 г.; Лавр. 1252 г.; Воскр. 1374 г. Новгородскіе договоры съ князьями пишутся и отъ имени тысяцкаго; въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями встрѣчаемъ подпись тысяцкаго, какъ свидѣтеля.

[3]) Въ Новгородѣ и въ учрежденіи тысяцкаго встрѣчаемъ тѣ же отступленія отъ общихъ порядковъ, какія были въ учрежденіи посадника. Съ начала XIII в. тысяцкіе назначаются не княземъ, а вѣчемъ. Новгород. I. 1219. Кромѣ того, у Новгородскихъ тысяцкихъ былъ свой судъ. Новгород. IV. 1384 г.

[4]) Чрезвычайно любопытное указаніе на это сохранилось въ Ипат. лѣт. подъ 1147 г. Въ этомъ году кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ предпринялъ въ союзѣ съ нѣкоторыми изъ Ольговичей войну противъ Юрія Владимірскаго. Кіевское вѣче не хотѣло поднять руки на Владимірово племя и отказалось принять участіе въ войнѣ. Согласно съ этимъ, кіевскій тысяцкій Лазарь не послѣдовалъ за кня-

тысяцкаго не могла пережить тѣхъ условій, которыя ее вызвали, т.-е. вѣча и зависѣвшихъ отъ него городовыхъ полковъ. Позднѣйшее указаніе на существованіе тысяцкихъ въ Москвѣ относится къ концу XIV в. Въ Воскр. лѣт. подъ 1374 г. находимъ извѣстіе о кончинѣ послѣдняго московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Протасьева: эпитетъ послѣдній указываетъ на то, что по смерти Протасьева московскіе князья не назначали болѣе тысяцкихъ, а довольствовались воеводами [1]). Значеніе этой перемѣны уяснится изъ того, что будетъ сказано о воеводахъ.

Должность ратныхъ воеводъ не была постоянною: они назначались, по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ [2]). Съ окончаніемъ войны, для которой они были назначены, сами собой прекращались и данныя имъ полномочія. Предводительству воеводъ поручались какъ служилые люди князя, такъ и охотники изъ народа. Число воеводъ было совершенно произвольное и исключительно зависѣло отъ усмотрѣнія князя, которому принадлежало ихъ назначеніе и увольненіе [3]). Такимъ

земъ, выступившимъ къ Суздалю съ одними охотниками да служилыми людьми.—Узнавъ объ измѣнѣ черниговскихъ князей, Изяславъ посылаетъ въ Кіевъ посольство «къ брату своему Владиміру, того бо бяшеть оставилъ Изяславъ въ Кіевѣ, и къ митрополиту Климову, и къ Лазореви, тысяцкому»...

[1]) Но и по уничтоженіи званія тысяцкаго городовые полки не слились сейчасъ совершенно съ княжескими. Они продолжали выходить въ походъ подъ начальствомъ особо назначаемаго для нихъ воеводы. Эта особенность выразилась въ княжескихъ договорахъ въ условіи: «А московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и потѣча съ воеводами, а намъ ихъ не принимати». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 33.

[2]) Такъ напр., Ярославъ назначаетъ особаго воеводу для войны съ Греками, Воскр. 1043 г.; подобно этому Даніилъ Романовичъ поручаетъ своему дворскому предводительство войсками въ походѣ на Перемышль. Ипат. 1211 г.; въ Галичѣ воеводамъ раздаются города, чего не могло бы быть, если бы съ званіемъ воеводы соединялась постоянная должность. Ипат. 1235 г.

[3]) Позднѣйшая исторія Пскова и по отношенію къ этому вопросу

образомъ, учрежденіе воеводъ оставляетъ гораздо большую свободу князю, чѣмъ учрежденіе тысяцкихъ; въ этомъ различіи и коренится объясненіе только-что указаннаго уничтоженія послѣдней должности.

На подчиненіе однихъ воеводъ другимъ не находимъ указаній. Если для одной и той же войны назначалось нѣсколько воеводъ, каждому изъ нихъ давался особый отрядъ войскъ и особое поле дѣйствія [1]). Въ случаѣ же совокупнаго дѣйствія, по общему обычаю древней Россіи, они должны были руководствоваться началомъ единенія, дѣйствовать «за одинъ мужъ».

Въ должность воеводъ назначались — князья, бояре, мужи, дѣти боярскія, дворскіе, окольничіе и пр. [2]) Должности тысяцкихъ, надо думать, поручались лучшимъ людямъ изъ мѣстныхъ бояръ.

Подъ тысяцкими стояли сотскіе, а подъ ними десятскіе.

Наши древнія войска вовсе не были знакомы съ требованіями правильной военной дисциплины; подчиненіе начальникамъ было далеко не безусловное [3]). Воины сра-

---

представляетъ особенность. Мы встрѣчаемся здѣсь съ случаями назначенія ратныхъ воеводъ—вѣчемъ. см Псков. I. подъ 1463 г.

[1]) При описаніи Новгородскаго похода 1471 г. читаемъ: «тьиже и князя великаго воеводы твориху, кійждо на свое мѣсто посланъ». Воскр. Въ источникахъ встрѣчаемъ «великихъ» и «большихъ» воеводъ. Воскр. 1380 и 1450 г.; но это не отъ власти надъ другими, а отъ числа поручаемаго ихъ вѣдѣнію войска.

[2]) Въ Ипат. подъ 1180 годомъ читаемъ; «Лѣпшіи муки остолись бяху: Лазарь, воевода, съ полкомъ Рюрика и Борисъ Захарьичь съ полкомъ своего княжича Володимера» и пр. Ср. еще Ипат. 1241 и 1281 г.; Воскр. 1378 и 1445 г.

[3]) Примѣры неповиновенія князю и самовольныхъ распоряженій воиновъ во время самаго хода военныхъ дѣйствій встрѣчаются какъ въ древнее время, такъ и позднѣе. Въ Лавр. лѣт. подъ 1096 г. читаемъ: «Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же (т.-е. воины) не послушаша, но ударища въ ковѣ къ противнымъ». Въ 1127 г. жители города Изяслава сдались Вячеславу подъ условіемъ, что онъ «не дастъ ихъ на щитъ». Несмотря на это, Воротиславъ, тысяцкій князя Андрея, и Иванко, тысяцкій Вячеслава, ночью послали своихъ

жались не столько по сознанію долга службы, сколько по охотѣ и воодушевленію, за отсутствіемъ которыхъ не было никакой возможности расчитывать на успѣхъ дѣла [1]).

Въ заключеніе, необходимо остановиться на порядкѣ командованія военными силами въ тѣхъ случаяхъ, когда война велась не однимъ княземъ, а нѣсколькими союзниками вмѣстѣ. Въ древнѣйшее время, въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ князей для одного общаго дѣла, каждый изъ нихъ удерживалъ начальство надъ принадлежащими ему войсками. Другая особенность состояла въ томъ, что князьямъ-союзникамъ совершенно чужда мысль объ учрежденіи главнаго начальника, которому принадлежало бы верховное распоряженіе надъ всѣми военными дѣйствіями. Князья-союзники дѣйствовали или по общему соглашенію или врозь, каждый за себя, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда извѣстный князь подчинялъ себя волѣ другого [2]).

отроковъ грабить городъ. Остальные воины, узнавъ объ этомъ на разсвѣтѣ, бросились на Изяславль и взяли его на щитъ «седа Мстиславины товаръ ублюдоша», (дочери Мстислава Кіевскаго и жены Брячислава, оставленной мужемъ въ Изяславлѣ). Ипат. 1127 г. Ср. еще приведенное уже мѣсто объ оборонѣ Днѣпровскаго брода, Ипат. 1151 г.—Въ Воскр. лѣт. подъ 1433 г. при описаніи битвы в. к. Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ читаемъ»: Съ княземъ Юріемъ множество бѣ вой, а у великаго князя добрѣ мало, но единако ратишася съ ними; а отъ москвичъ не быть ни коея помощи, мнози убо отъ нихъ пѣши бяху, а инии съ собою медъ возяху, что пити еще».

[1]) Въ Ипат. подъ 1185 г. при описаніи нападенія Половцевъ на Переяславль, читаемъ: «Володимеръ же Глѣбовичъ бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣнокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ, и бися съ нимъ крѣпко. И обступивши многи и Половцѣ, тогда прочіи, видѣвше князя своего крѣпко бьющеся, выпрошася изъ города, а тако отъяша князя своего, язвена суща тремя копьи». Константинъ Всеволодичъ передъ Липецкой битвой на совѣтъ союзниковъ своихъ,—обойдти непріятельскую рать и направиться прямо къ Владимиру, отвѣчалъ: «Люди мои къ бою недружни, и если пойдемъ къ Владиміру, они разойдутся по городамъ». Воскр. 1216 г.

[2]) Проистекающее отсюда отсутствіе единства команды было

Въ лѣтописныхъ источникахъ встрѣчаемъ обычай посылать одного изъ князей «ѣздить на переди». Ѣздить на переди значило ѣздить съ авангардомъ для предварительныхъ развѣдокъ. Для этой цѣли избирались князья «бодрые, дерзкіе и крѣпкіе на рать». Избраніе ихъ, какъ и всѣ другія распоряженія во время похода, зависѣло отъ соглашенія всѣхъ князей участниковъ [1]).

Съ тѣми же порядками встрѣчаемся и во времена позднѣйшія. Начало единства команды одинаково чуждо всѣмъ донедавнимъ до насъ княжескимъ договорамъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ. Каждый изъ князей-союзниковъ, на основаніи этихъ договоровъ, удерживалъ за собой право команды своими войсками—лично или чрезъ посредство назначаемыхъ имъ воеводъ [2]). При отсутствіи

главною причиной пораженія русскихъ князей на Калкѣ, см. Ипат. подъ 1224 г.—Во время совокупнаго похода на Литву южныхъ князей Мстислава, Юрія и Володимера, двое первыхъ, «угашиеся Володимера», послали войска свои въ отдѣльную экспедицію. Ср. еще Суздал. 1186 г.

[1]) Въ Ипат. подъ 1187 г., при описаніи похода Русскихъ князей на Половцевъ, читаемъ. «Володимеръ же Глѣбовичъ пріѣха къ нимъ (къ Святославу, Рюрику и друг. князьямъ, собравшихся въ походъ) изъ Переяславля съ дружиною своею и испроси у Святослава и у Рюрика ѣздити напереди съ Чернымъ Клобукомъ. Святославъ же (Кіевскому князю) не любяшетъ пустити Володимера напередъ передъ сыны своими, но Рюрикъ и ини вси улюбиша, яко не бѣ мужь бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати, всегда бо тосняся на добра дѣла».

[2]) Относительно наступательныхъ военныхъ дѣйствій, начало это выражалось въ слѣдующей формулѣ: которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлахъ и въ великомъ княженьи, а тѣ бояре съ тобою (выступаютъ въ походъ): а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тѣмъ по тому же». Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1 № 35; Ср. еще тамъ же №№ 37, 43, 46, 47, 49, 53, 61, 64, 91, 92, 95, 108 128, 133, 160. Наоборотъ, для войны оборонительной существовало другое начало, выражавшееся въ слѣдующей формулѣ: «а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти», т.-е. во время осады города для его защиты должны явиться всѣ, живу-

особыхъ статей, опредѣляющихъ порядокъ распоряженія союзными войсками, нѣтъ никакого основанія допустить подчиненіе одного союзника другому на случай похода, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ князей, въ договоры которыхъ не внесено никакого односторонняго ограниченія воли одного изъ договаривающихся въ пользу другаго [1].

Въ княжескихъ договорахъ встрѣчаемъ только опредѣленіе лица, подъ предводительствомъ котораго въ извѣстныхъ случаяхъ войска должны были выступать въ походъ. Особенно важное значеніе имѣло личное предводительство князя; а потому князья, выговаривавшіе въ свою пользу содѣйствіе другихъ князей, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляли и самые случаи, когда это содѣйствіе должно было быть оказываемо подъ личнымъ предводительствомъ ихъ союзниковъ. Случаи эти опредѣлялись различно: иногда союзники обязывались выступать лично въ походъ только тогда, когда выступалъ лично и самъ нуждавшійся въ помощи; иногда они предоставляли ему право требовать ихъ личнаго участія въ войнѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ оставался дома и вмѣсто себя высылалъ сына или воеводъ [2].

ціе вблизи города, хотя бы они служили и не тому князю, которому принадлежитъ городъ; изъ этого исключались только бояре введенные и путные, которые, какъ имѣющіе особое назначеніе, не обязывались являться на защиту своего города. Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 35, 15, 61 и др. Тамъ же въ № 33 это начало принято и для войны наступательной.

[1]) О подчиненіи воеводъ князей-союзниковъ одного другому также нѣтъ указаній. Выраженіе договора Дмитрія Юрьевича съ Василіемъ Васильевичемъ: «а моимъ воеводамъ идти подъ твоимъ воеводою» надо считать опиской, ибо оно не повторено во второмъ экземплярѣ того же договора и не вошло не въ одинъ изъ послѣдующихъ договоровъ между тѣми же князьями. Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. №№ 54, 55, 56, 57, 58, 59.

[2]) Условія перваго рода выражались въ слѣдующей формулѣ: «А гдѣ, господине князь великій, самому тебѣ вѣсти на коня противу своего недруга и мнѣ пойдти съ тобою безъ ослушанія; а гдѣ пошлешь на свою службу своихъ воеводъ, и мнѣ послати съ твоими

Въ договорахъ встрѣчаемъ еще одно частное опредѣленіе относительно назначенія воеводъ для московской рати. Такъ какъ Москва находилась въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ князей, то естественно, между ними возникалъ вопросъ о правѣ назначенія воеводы въ эту общую рать. Въ договорѣ Боровскаго князя, Василія Ярославича, съ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ право это передано послѣднему (Р. С. 1, № 15). Гдѣ такого условія нѣтъ, надо предполагать назначеніе воеводы по общему соглашенію всѣхъ князей совладѣтелей.

Переходимъ къ вопросу о содержаніи войска. Постояннымъ содержаніемъ пользовалась только небольшая часть воиновъ—отроки, гриди, дворяне, словомъ только тѣ, кто жилъ во дворѣ князя и на его счетъ. Источники не сохранили никакихъ подробностей о мѣрѣ и родѣ этого содержанія [1]. Остальное войско не получало постояннаго содержанія и вознаграждалось нѣкоторыми случайными выгодами войны, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ военной добычѣ.

По первоначальному взгляду, воевать значило—обогащаться добычею, брать въ плѣнъ людей, овладѣвать ихъ скотомъ и всякаго рода движимостями [2]. Возможность

воеводами своего воеводу съ своими людьми»; Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. №№ 28, 45, 48, 62, 65 и пр. Для втораго рода условій служила формула: «А гдѣ ми будетъ самому великому князю всѣсти на конь, и тобѣ со мною поидти; а гдѣ ми тобя послати, и тобѣ поити безъ отступанія; а гдѣ поиплю своихъ воевотъ и тобѣ послати съ моими воеводами своего воеводу съ своими людьми»: тамъ же №№ 23, 46, 47, 52, 84, 92, 97, 99, 113 и пр., ср. еще тамъ же №№ 43, 115, 119. Эти условія, опредѣляя исключительно порядокъ выступленія въ походъ союзныхъ войскъ, соединяются съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ договоровъ, ср. тамъ же №№ 80 и 84.

[1]) Только о новгородскихъ гридяхъ находимъ извѣстіе, что въ XI в. они получали содержаніе деньгами; въ Лавр. подъ 1014 г. читаемъ: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху».

[2]) Въ Ипат. подъ 1142 г. читаемъ: «Изяславъ же слышавъ, что

легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участію въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Онъ начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Такъ, при описаніи похода Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, читаемъ: «и пришедше только въ землю ихъ (Новгородскую), много зла створиша (воины Андрея): села взяша и пожгоша, и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша...» (Ипат. 1173). И все это-по отношенію къ мирнымъ жителямъ, которые не вошли въ составъ собравшагося въ Новгородѣ войска, а остались дома за своими обычными занятіями. Эти суровые обычаи войны объясняютъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи о полочанахъ. Узнавъ о походѣ на нихъ смольнянъ и новогородцевъ, полочане такъ разсуждаютъ на вѣчѣ:

«Не можетъ стати противу новгородцевъ и смольнянъ, аще пустимъ ихъ въ землю, то и миръ хотя съ ними будетъ, а зла много сдѣлаютъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ: поидемъ къ нимъ на рубежъ» [1]).

брать его (Ростиславъ Смоленскій) воюетъ волость ихъ (черниговскихъ князей), и ѣха изъ Переяславля вборзѣ въ землю Черниговскую и повоева около Десны села ихъ и около Чернигова; и тако повоевавъ волость ихъ възратися въ свояси съ честью великою». Тамъ же подъ 1229 г. русскіе князья заключаютъ миръ съ польскими съ условіемъ: «не воевати ляхомъ русское челяди, ни руси лядской», т. е. не брать въ плѣнъ. Въ Воскр. лѣт. подъ 1171 г. читаемъ: «Вои же князи великаго послѣ бою того воевали много посады новгородскіе и до нѣмецкаго рубежа по рѣку Перову, и великое мѣсто, зовое Новое село, поплѣниша и пожгоша». Въ договорѣ Ивана Ѳедоровича Рязанскаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ читаемъ: «А что есми посылалъ свою рать съ твоимъ братаничемъ, съ княземъ Васильемъ, и воевали, и грабили, и полонъ имали; ино грабежу тому всему погребъ». Въ послѣднемъ случаѣ слово грабежъ употреблено вмѣсто: «воевали, и грабили и полонъ имали». Р..С. Г. Г. и Д. ч. 1 № 48.

[1]) Воскр. 1186 г. Въ Ипат. подъ 1148 г. читаемъ: «И пріидоста (Изяславъ и Ростиславъ) къ Кыеянтину, и ту имъ отъ Юрія вѣсти не бысть и начаста городы его жечи и села и всю землю его вое-

Этотъ характеръ войны не измѣнился и въ позднѣйшее время. Подъ 1382 г. читаемъ:

«Не по многѣхъ же дняхъ великій князь Дмитрій Ивановичъ посла рать свою на князя Олега Рязанскаго: князь же Олегъ самъ не въ многѣ людей убѣжа, а землю его до остатка пусту ратніи учинили, пуще ему бысть и татарскія рати». (Воскр.).

Война Великаго князя Ивана Васильевича съ Новгородомъ описана въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Братіи же великаго князя всѣ съ многими людьми, кійждо изъ своея отчины, поидоша разными дорогами къ Новугороду, плѣняюще и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще. Также и князя великаго воеводы тоже творяху, кійждо на свое мѣсто посланъ»; и далѣе: «не токмо бо тѣ воевали, кои съ великимъ княземъ и братіею его, но и изо всѣхъ земель ихъ иѣшею ратью ходили на нихъ, а Псковская вся земля отъ себя ихъ же воевала». (Воскр., 1471).

Вести такую войну значило «брать землю на щитъ».

«Того же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1401 г., на міру, на крестномъ цѣлованіи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ да Герасимъ Ростригa съ князя великаго ратью, наѣхавъ войною за Волохъ, и взяли всю Двинскую землю на щитъ безъ вѣсти, въ самый Петровъ день, христіанъ посѣкли и повѣшали, животы ихъ и товаръ поимали»... (Новг. I. Ср. Лавр. 1127).

Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всею своею массой переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ немирныхъ и щадить жизнь и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія

вати обаполъ Волги. Ср. еще тамъ же 1152 г., 1170 г., 1171 г., 1191 г., 1193 г.

войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ кромѣ собственности непріятеля. Конфискація же ея только въ мѣрѣ, необходимой для обезпеченія продовольствія, была невозможна по отсутствію всякой дисциплины въ рядахъ княжескаго войска, и кромѣ того лишила бы войну всей ея привлекательности въ глазахъ народныхъ массъ.

Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князей занимали не столько стратегическія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность способную и прокормить ихъ воиновъ и обогатить ихъ полономъ.

«Оже пойдемъ къ Новугородку, думаютъ южные князья, Мстиславъ, Владиміръ и Юрій, во время похода на Литву, а тамо уже татарове взвоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту!» (Ипат. 1277).

Право дѣлать добычу принадлежало всѣмъ разрядамъ княжескихъ войскъ, безъ всякаго между ними различія: каждый воинъ пріобрѣталъ то, чѣмъ завладѣвалъ [1]). Въ мирныхъ договорахъ князей находимъ статьи, которыми военная добыча признается собственностью пріобрѣтателя [2]). Исключенія дѣлаются только въ пользу плѣн-

[1]) Изъ указаннаго уже мѣста Лавр. лѣт. подъ 1127 г. видно, что грабежъ Изяслава начали отроки тысяцкихъ, посланные ими для этой цѣли тайкомъ; на разсвѣтѣ же къ нимъ присоединились и всѣ остальные воины.—По взятіи Кіева въ 1171 г., его грабятъ въ теченіи 2 дней: смольняне, суздальцы, черниговцы, ольгова дружина, а также и дружины прочихъ князей. Дружина Владиміра Андреевича отличалась при этомъ не менѣе другихъ. Когда, по смерти этого князя, пришлось везти тѣло его въ Кіевъ, она отказалась слѣдовать за нимъ: «Княже, говорятъ служилые люди покойнаго князя Давыду въ отвѣтъ на предложеніе его — проводить до Кіева тѣло умершаго, ты самъ вѣдаешь, что есмы падѣяли кіяномъ; а не можемъ ѣхати, избьютъ ны». Ипат.

[2]) Это начало выражается въ слѣдующей формулѣ: «А что были межи насъ въ наше нелюбье войны и грабежи... и тому грабежу всему погребъ на обѣ стороны». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 13, 18, 56, 65 и друг. Но для этого требовалось, чтобы добыча была сдѣлана въ періодъ—«нелюбья» или «размирья», т.-е. въ періодъ войны, открыв-

ныхъ, относительно которыхъ встрѣчаемъ условія о возвращеніи ихъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они были уже кому и проданы (Тамъ же №№ 13, 17, 18, 51, 56, 65). Въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г. есть указаніе на ограниченіе права дѣлать добычу. Въ мирный договоръ русскихъ князей, Даніила и Василька, съ польскими было внесено условіе, по которому обѣ стороны, въ случаѣ войны между ними, —обязались не дѣлать плѣнниковъ [1]).

Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдывались князьями и обыкновенно вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира [2]). Единовременныя награды выдавались всѣмъ воинамъ, безъ различія рода войскъ [3]); но, понятно, что дружина въ тѣс-

---

шейся установленнымъ порядкомъ, возвращеніемъ складныхъ грамотъ. Согласно съ этимъ, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчаемъ условія, коими выговаривается возвращеніе добычи, сдѣланной до объявленія войны или по заключеніи мира. См. тамъ же №№ 28, 51. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Михаиломъ Тверскимъ, находимъ мѣсто, изъ котораго видно, что это право освоенія не простиралось на церковныя вещи: колокола, книги, кузнь, онѣ подлежали возвращенію; тамъ же № 28.

[1]) Означенное мѣсто лѣтописи читается такъ: «Руси бо бѣаху полониле много челядь и боярыни. Створиша же межу собою клятву Русь и Лядове: аще по симъ межи ими коли будетъ усобица, не воевати Лядомъ Русское челяди, ни Руси Лядьской». Надо думать, что разсматриваемое условіе не совсѣмъ точно записано лѣтописцемъ. Судя по поводу, его вызвавшему: «Руси бо бѣаху полониле многу челядь и боярыни», необходимо допустить, что союзники обязались не брать въ плѣнъ не одну челядь, но и вообще плѣнниковъ, кто бы ни былъ.

[2]) Ипат. 1144 г., Новгород. I. 1214 г., Воск. 1376 г. Эти контрибуціи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли имѣть значеніе откупа отъ взятія на щитъ.

[3]) Ярославъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ одѣлитъ смердовъ, старостъ и новгородцевъ—всѣхъ безъ различія. Воскр. 1019 г. Подобно этому тамъ же подъ 1376 г. читаемъ: «Князь же Болгар-

помъ смыслѣ, состоя постоянно при князѣ, имѣла гораздо болѣе случаевъ получать такія награды, а потому и обогащалась скорѣе.—Лѣтописи отмѣтили имена нѣкоторыхъ князей особенно щедрыхъ въ этомъ отношеніи. Такъ о Владимірѣ Глѣбовичѣ читаемъ:

«И плакашася о немъ всѣ переяславцы, бѣ бо любя дружину, и злата не собираетъ, но дояшетъ дружинѣ» [1]).

Для продовольствія войска во время его переходовъ въ предѣлахъ собственнаго княжества встрѣчаемъ учрежденіе корма, какъ натуральной повинности, лежавшей на волостныхъ и городскихъ людяхъ. Древнѣйшее указаніе на кормъ относится къ XI вѣку [2]).—Въ договорныхъ грамотахъ князей встрѣчаемъ условія, которыми князья-

---

скій... доби челомъ великому князю и тестю его Дмитрію Константиновичу двѣма тысячемя рублевъ; а ратемъ ихъ тремя тысячемя рублевъ».

[1]) Ипат. 1187 г.; ср. еще подобную же похвалу Святославу и Давыду Ростиславичамъ, тамъ же 1172 и 1197 г.

[2]) Лавр. 1018 г., здѣсь дѣло идетъ о продовольствіи союзныхъ войскъ польскаго короля Болеслава Храбраго. Тотъ же кормъ означаетъ и древній терминъ «зажитье». Въ Новг. 1. подъ 1216 г. читаемъ: «Мстиславъ же поиде Серегеремъ, и вниде въ свою волость, и рече новгородцемъ: идите въ зажитья, толико головъ не емлете; идоша, исполнишася корма и сами и кони».—Въ выраженіи «толико головъ не емлете» заключается указаніе на размѣры корма: воины не должны были ни уводить съ собою стадъ, ни бить скотину на мѣстѣ. Указаній на болѣе точное опредѣленіе корма источники не сохранили: см. слѣдующее прим. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ жалобы на превышеніе воинами всякой мѣры при собираніи корма. Въ Воскр. подъ 1438 г. читаемъ: «Идущимъ же имъ къ Бѣлеву (воиномъ в. к. Василія Васильевича), вся пограбиша у своего же православнаго христіянства, и мучаху людей изъ добытка, и животину бьюще, назадъ себѣ отсылаху...» Ср. еще Пск. 1. 1474 г. Слово «зажитье» съ присоединеніемъ слова «воевать» употребляется и для обозначенія способа продовольствія войскъ въ непріятельской землѣ. Въ Пск. 1. подъ 1234 г. читаемъ: «Иде Ярославъ на нѣмцы и пусти вои воевати въ зажитье; нѣмцы же изъ городовъ высунушася... на сторожей, и бишася съ ними».

союзники обязываются давать другъ другу кормъ при переходѣ ихъ войскъ чрезъ предѣлы союзнаго княжества [1]). Согласно съ этимъ встрѣчаемъ и учрежденіе особаго чиновника, обязанность котораго состояла въ наблюденіи за собираніемъ корма для продовольствія союзныхъ войскъ [2]).— Рядомъ съ обязанностью давать кормъ существовала обязанность отводить квартиры проходящимъ войскамъ, давать имъ подводы и проводниковъ. Въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ встрѣчается освобожденія отъ этихъ повинностей. (А. А. Э. I, № 24, 89, 98).

---

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 76: «а кормъ взяти, а не корыстватися ни ни чѣмъ». Это различіе «корма» и «корысти» указываетъ на то, что подъ кормомъ разумѣлось нѣчто опредѣленное, хотя, можетъ быть, только обыкновенными потребностями здороваго человѣка.

[2]) Въ Воскр. подъ 1478 г. читаемъ: Еще же князю великому, на Волоцѣ сущу, присла противу ему князь великій Михайло Тверской сына боярскаго своего, отдавати кормы по отчинѣ своей (на походѣ къ Новгороду).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Служба въ Москвѣ

Въ первой половинѣ XV вѣка Московское государство было очень невелико: къ нему не принадлежали ни Тверь, ни Псковъ, ни Новгородъ, ни Рязань. Обширныя земли Новгорода охватывали владѣнія московскихъ князей и съ запада, и съ сѣвера, и съ востока, а Рязань, владѣнія которой переходили и на лѣвый берегъ Оки, ограничивала ихъ съ южной стороны. Но и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ московскіе великіе князья дѣлили свою власть съ удѣльными, которые были ихъ соправителями даже въ предѣлахъ стольнаго города Москвы. Только со второй половины вѣка объединеніе Руси начинаетъ дѣлать значительные успѣхи. Великій князь Иванъ Васильевичъ присоединяетъ къ Москвѣ Новгородъ, Тверь, сѣверскіе города (Брянскъ, Мценскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ, Рыльскъ, Путивль) и Пермь; воеводы его проникаютъ и за Уральскія горы. Но на этомъ не могло остановиться дѣло государственнаго объединенія русскаго народа. На западной границѣ Москвы находилось Литовское княжество, соединившееся съ Польшей: это была постоянная угроза Москвѣ; на восточной границѣ лежали цар-

ства Казанское, Сибирское и Астраханское; съ юга угрожали крымцы, татары, ногаи. Надо было или присоединить всѣ эти земли и народы къ Москвѣ, или погибнуть. Сынъ Ивана Васильевича овладѣлъ Псковомъ. Рязанью и Смоленскомъ, а его внукъ, Царь Иванъ,—царствами Казанскимъ, Сибирскимъ. Астраханскимъ. И на этомъ нельзя было остановиться: новыя границы только переносили на новыя мѣста точки враждебнаго столкновенія противниковъ. Въ XVII вѣкѣ границы Московскаго государства раздвигаются еще шире.

Таково историческое движеніе Москвы въ XV, XVI и XVII вѣкахъ. Она ведетъ постоянныя войны: то на западѣ, то на востокѣ, то на югѣ, а иногда и единовременно на двухъ сторонахъ. Но если войны и нѣтъ, Москва все же должна держать по всѣмъ своимъ окраинамъ вооруженную заставу на случай нападенія.

На долю каждаго государства въ каждый моментъ его жизни выпадаютъ нѣкоторыя цѣли, достиженіе которыхъ становится для него жизненной необходимостью. Оно идетъ впередъ, если достигаетъ ихъ осуществленія, и разлагается, если не умѣетъ справиться съ предстоящими ему задачами.

Задачи и цѣли Московскаго государства чисто военныя.

При дворѣ московскихъ государей велись записи о всѣхъ событіяхъ придворной и государственной жизни: о свадьбахъ въ царской семьѣ, о торжественныхъ обѣдахъ, о пріемахъ иностранныхъ пословъ, о походахъ царскихъ войскъ; въ эти записи заносились и правительственныя распоряженія по службѣ, наказы воеводамъ и т. д. Этотъ любопытнѣйшій матеріалъ сохранился далеко не вполнѣ; часть его издана и извѣстна подъ названіемъ разрядныхъ книгъ. Эти книги даютъ яркую картину и нашей старинной военной жизни. Въ нихъ приведены всѣ наряды войскъ для цѣлей войны. Наряды

идутъ изъ года въ годъ и требуютъ большого напряженія народныхъ силъ. Вотъ примѣры.

Лѣта 1492 князь великій Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ своихъ въ Сѣверу: въ большомъ полку и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе полковъ и воевод въ нихъ).

Лѣта 1493.... князь великій послалъ своихъ воеводъ тѣхъ городовъ доставать (городовъ, захваченныхъ вел. кн. литовскимъ) и т. д.

Лѣта 1495 послалъ князь великій воеводъ на свейскіе нѣмцы...

Лѣта 1496 князь великій послалъ на свейскіе нѣмцы изъ Новгорода отъ себя другихъ своихъ воевод...

Лѣта 1497 сентябрь въ—день князь великій изъ свейскаго похода воеводъ убавилъ, а приговорилъ на весну послати на Казань воеводъ, а на свейскую землю велѣлъ ити воеводамъ по полкамъ.

Лѣта 1499 великій князь послалъ въ Казань воевод своихъ...

Лѣта 1500 князь великій послалъ воевати Литовскія земли.

Лѣта 1501 князь великій послалъ воевод въ Литовскую землю.

Въ тотъ же годъ послалъ великій князь на улусы (татарскіе) рать свою.

Лѣта 1502 послалъ князь великій въ Стародубъ воевод своихъ...

Того же лѣта князь великій послалъ на Смоленскъ рать свою...

Лѣта 1503 походъ изъ Сѣверы на Литовскую землю...

Лѣта 1505 князь великій послалъ заставу свою въ Муромъ...

Того же лѣта въ Муромъ же послалъ князь великій воеводу ..

Лѣта 1506 князь великій Василій Ивановичъ послалъ подъ Казань на царя Магметъ Аминя...

Того же лѣта послалъ князь великій въ Муромъ воевод...

Лѣта 1507 послалъ князь великій въ Муромъ воевод казанскаго дѣла для...

Лѣта 1508 послалъ князь великій на Литовскія мѣста

Лѣта 1509 послалъ князь великій къ Дорогобужу...

Лѣта 1512 послалъ князь великій воеводъ своихъ на украйну... (противъ Татаръ).

Того же лѣта велѣлъ князь великій быти воеводамъ своимъ на Угрѣ...

Лѣта 1513 походы великаго князя къ Смоленску...

Лѣта 1514 великій князь приговорилъ ити въ третьи къ Смоленску...

Лѣта 1515 князь великій велѣлъ отпустить воеводъ къ Полоцку...

Это все военные воеводы, а не городскіе: такимъ образомъ, въ теченіе 24 лѣтъ война не прекращается. Если въ нѣкоторые годы воеводы и не посылались, такъ вѣдь это вовсе не значитъ, что эти краткіе промежутки населеніе пользовалось благодѣяніями твердаго міра и спокойно предавалось трудамъ земледѣлія и промысловъ.

Я прекратилъ мои выписки вовсе не потому, что съ 1516 года началось вожделѣнное спокойствіе. Сдѣлаемъ перерывъ и посмотримъ, что происходило во второй половинѣ вѣка.

Лѣта 1551 въ Елатмѣ были воеводы по нагайскимъ вѣстемъ и на дѣлѣ были...

Въ Бѣлевѣ были воеводы по крымскимъ вѣстемъ... До потѣмъ же бѣлевскимъ вѣстемъ послалъ царь и великій князь...

Того же лѣта въ Смоленску годовали воеводы...

Того же лѣта были воеводы отъ поля, отъ крымскіе стороны, въ Происку..., въ Тулѣ..., во Мценску..., въ Одоевѣ .., въ Козельску..., въ Корачевѣ... и т. д.

Лѣта 1552 царь и великій князь послалъ воеводъ къ Казани...

Того же лѣта крымскій царь приходилъ къ Тулѣ и царь и великій князь велѣлъ ити къ Тулѣ воеводамъ...

Лѣта 1553 царь и великій князь городъ Казань взялъ...

Лѣта 1554 изъ Нагаи выбѣжали полоняники и сказывали, что Измаилъ мурза и иные мурзы Волгу переѣзлися со многими людьми... и быти имъ на царевѣ и великаго князя украйнѣ. И царь и великій князь по тѣмъ вѣстемъ расписалъ воеводъ по полкамъ...

В. Лѣта 1555 царь и великій князь послалъ воеводъ въ казанскія мѣста на луговыхъ людей...

Того же лѣта были воеводы отъ поля и по берегу отъ крымскіе сторопы...

Того же лѣта приговорилъ царь и великій князь послать на крымскіе улусы воеводъ...

Того же лѣта писалъ Царю и в. к. изъ Новгорода боярин и намѣстникъ .., что собираются свейскаго короля нѣмецкіе люди въ Выборгъ, а хотятъ ити на украйны царя и великаго князя. И царь и в. к. отпустилъ воеводъ своихъ...

Лѣта 1556 по крымскимъ вѣстемъ Царь и в. к. для крымскимъ людей прихода велѣлъ быть воеводамъ...

Да на свейскихъ же нѣмцевъ послалъ царь и в. князь...

Лѣта 1557 были воеводы для осенняго приходу отъ крымскихъ людей...

Того же лѣта царь и в. князь послалъ по украйнымъ городамъ на обмѣну тѣмъ воеводамъ, которые съ поля пришли...

Лѣта 1558 послалъ царь и в. к. на Ливонскіе нѣмцы зимою...

Лѣта 1559 государь, ц. и в. к. послалъ на ливонскіе нѣмцы зимою...

Того же лѣта приговорилъ царь и в. к., какъ ему противъ своего недруга, крымскаго царя Девлетъ Кирея стоять..., а воеводамъ велѣлъ быть по полкамъ...

Лѣта 1560 противъ маистра, какъ маистръ пришелъ къ Юрьеву, были воеводы по полкамъ..

Того же лѣта приходили на Рыльскія мѣста крымскіе люди.., царевичъ крымскій стоялъ на Удахъ, а съ нимъ 20 000 человѣкъ. И по тѣмъ вѣстемъ на Тулѣ были воеводы...

Лѣта 1561 послалъ государь воевать Ливонскія земли...

Лѣта 1562 посылалъ государь воеводъ изъ Юрьева къ Тарвасу на литовскіе люди...

Лѣта 1563 походъ царя и в. к. къ Полоцку зимою...

А какъ государь пошолъ съ Лукъ къ Москвѣ, росписалъ воеводъ по годовымъ службамъ отъ нѣмецкихъ городовъ и отъ Литовской украйны...

Лѣта 1564 походъ изъ Полоцка въ Литовскую землю..

Того же лѣта роспись воеводъ по полкамъ отъ Литовской украйны...

Лѣта 1565 писалъ къ государю изъ Чернигова кн. В. Прозоровскій да Фома Третьяковъ: приходили литовскіе люди къ Чернигову... и они тѣхъ литовскихъ людей отъ

города отбили и многихъ литовскихъ людей побили и знамя Сапегина взяли.

Изъ Полоцка архіепископъ и бояре писали: приходили литовскіе люди и польскіе къ Полоцку многіе... и, стоявъ, отъ города пошли прочь и по домамъ разошлись. И царь и в. к. велѣлъ ити съ Лукъ съ Великихъ. Роспись воеводамъ по полкамъ и т. д.

На эти 15 лѣтъ выпадаетъ не мало походныхъ и боевыхъ трудовъ, а я выписалъ далеко не всѣ.

На украйнахъ, а онѣ со всѣхъ сторонъ окружаютъ Московское государство, постоянно содержатся военныя силы; онѣ охраняютъ вновь присоединенныя мѣста и, по мѣрѣ надобности, идутъ впередъ: въ этихъ случаяхъ они пополняются новыми полками. И такъ безъ перерыва изъ года въ годъ, изо дня въ день, цѣлыя десятилѣтія, и одно десятилѣтіе за другимъ. Много ли оставалось времени у этихъ бойцовъ на что-нибудь другое? И что это за жизнь, которую имъ приходилось вести? Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ увѣренности въ томъ, гдѣ проведетъ завтрашній день.

Кто же составляетъ эти боевыя силы и какъ онѣ были устроены?

Отвѣтъ на предложенный вопросъ встрѣчается съ значительными трудностями, благодаря особенностямъ московскаго законодательства и управленія. Москва разсматриваемаго времени имѣла уже законы въ смыслѣ общихъ нормъ, но только не въ той области управленія, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Порядокъ военной организаціи опредѣлялся не законами, а правительственными распоряженіями на отдѣльные случаи. Да и распоряженія-то эти далеко не всѣ сохранились и намъ извѣстны. Мы имѣемъ дѣло не съ законами и даже не всегда съ частными распоряженіями, а главнымъ образомъ съ практикой, оставившей свои слѣды въ разрядныхъ книгахъ, служилыхъ спискахъ (десятняхъ) и другихъ документахъ, сохранившихъ свѣдѣнія о нашихъ старинныхъ военныхъ

порядкахъ. На основаніи этой практики и надо составить себѣ понятіе о томъ, каковы были у насъ военные порядки. Благодаря этой особенности московскаго управленія, я буду имѣть дѣло не столько съ законами и распоряженіями, сколько съ фактами бытовой военной жизни. А это, въ свою очередь, должно отразиться и на характерѣ моихъ выводовъ. Они скорѣе дадутъ картину обычной правой жизни, чѣмъ жизни, регулированной закономъ: а потому они и не могутъ отличаться той опредѣленностью и всеобщностью, какъ нормы законныя.

Говоря о военныхъ силахъ, мы разумѣемъ теперь людей, состоящихъ на военной службѣ, а военной службѣ мы противополагаемъ гражданскую. И военные люди, и гражданскіе чины одинаково служатъ государству. Такъ ли это было въ Москвѣ?

Въ Москвѣ службою царю и великому князю считалась—только военная. Въ 1622 году стольникъ да подьячій, разбиравшіе тверскихъ дворянъ, спрашивали, есть ли между ними такіе, «которые живутъ по приказамъ и у дѣлъ, а государевы службы не служатъ, а служить имъ мочно [1])?». По нашему, служить по приказамъ и быть у разныхъ правительственныхъ дѣлъ—значитъ быть на службѣ: по понятіямъ московскихъ людей это не служба; служба—только военная, на которую стольникъ съ подьячимъ и пріѣхали записывать тверичей. Служить въ военной службѣ это особая честь, которой добиваются всѣ служилые люди. Тѣхъ изъ нихъ, которые не являются къ смотру, «выкидываютъ изъ службы вонъ» [2]).

Выкинуть изъ военной службы значитъ наказать. Находиться на военной службѣ — это особая честь. Быть назначеннымъ въ полковые воеводы—значитъ быть «пожалованнымъ». Въ 1510 году царь и великій князь

[1]) Тверская десятня 1622 г. стр. 12.
[2]) Рижская десятня 1597 г. стр. 391.

Ивнаъ Васильевичъ приказываетъ кн. Ив. Ногтеву «быть на своемъ жалованьи, на Калугѣ», т.-е. полковымъ воеводой. Въ 1621 году всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказано было объявить: кто къ служебному разбору не будетъ и у смотру въ спискѣ не объявится, и тѣмъ впредь верстанья не будетъ и въ службу ихъ не возмутъ [1]).

Въ награду за труды военнаго времени дается доходная гражданская должность. Въ 1577 году В. М. Бабину «за крымскій полонъ даны недѣли», т.-е. должность недѣльщика, приносящая доходъ [2]). Служащіе въ гражданской службѣ, но не имѣющіе военныхъ заслугъ, лишаются тѣхъ преимуществъ, которыя даются военнымъ. Въ 1591 году раздавали жалованье ряжскимъ служилымъ людямъ; но тѣмъ изъ нихъ, которые были у государевыхъ дѣлъ по приказамъ, государево денежное жалованье не дано [3]). По Уложенію рѣшоточнымъ прикащикамъ помѣстій не даютъ. А если у нихъ есть помѣстья, они должны служить военную службу (XVI, 67).

Эта разница военной и гражданской службы хорошо объясняется тѣми постоянными трудами, а нерѣдко и опасностями, которыя соединялись съ первой. Гражданская служба — отдыхъ отъ трудовъ, а не служба.

Такъ какъ подъ службой разумѣютъ только военную службу, то понятно, что это слово пріурочилось къ военному дѣлу и подъ нимъ стали разумѣть разныя принадлежности военной службы. Въ Москвѣ говорили: «и службы у него никакія въ заводѣ нѣтъ». Это значитъ, у него нѣтъ никакого служебнаго снаряда, ни латъ, ни копій, ни пищалей. Или: «взять доточныхъ людей съ полною службой», т.-е. со всякимъ вооруженіемъ [4]).

[1]) Книги разряды. I 801.

[2]) Коломенская десятня, № 83.

[3]) Ряжская десятня, стр. 307.

[4]) Зубцовская десятня 1622 г. № 1. А. II. IV. № 140, 1660. А вотъ еще любопытное мѣсто въ Орловскихъ актахъ (I, стр. 139,

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду говорить «военная служба», а просто «служба», такъ какъ только военная служба и считалась въ Москвѣ службой. Не слышатся ли отголоски этихъ старыхъ понятій и въ наши дни?

Въ Москвѣ, какъ и ранѣе, была служба обязательная и добровольная.

Обязательная служба лежала на всемъ населеніи; ей подлежали: дѣти боярскіе, помѣщики, дворяне [1]), всякіе виды посадскихъ людей и крестьянъ, какъ коренные русскіе, такъ и всякіе инородцы, присоединенные къ Московскому государству. У насъ въ наукѣ установился терминъ «служилые люди», подъ которымъ разумѣютъ высшіе разряды служилыхъ: дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это словоупотребленіе не соотвѣтствуетъ древнему. Въ десятняхъ служилыми людьми называютъ даже крестьянъ и рабовъ, которыхъ господа обязаны были выводить съ собою въ походы. Объ обязанности нести военную повинность крестьянъ и посадскихъ людей говорится въ III т. Древностей, но для большей очевидности этого порядка вещей приведу еще нѣсколько новыхъ данныхъ.

Въ 1609 году въ Смоленскѣ росписаны по башнямъ и воротамъ, для осаднаго времени, дворяне и дѣти боярскіе, а съ ними и посадскіе люди. Они служатъ у наряда. Въ 1616 году для огражденія Литовской украйны призвано было на службу, кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 100 человѣкъ можайцевъ, посадскихъ людей. Въ 1618 году для защиты Москвы отъ прихода польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей были призваны на службу, кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, люди гостиной и черныхъ сотенъ,

1678). «Осипъ... сдалъ... драгунскую службу въ Орловѣ: дворъ и земдю и жеребій свой». Второй союзъ „и“ лишній: „жеребій свой“— это и есть дворъ и земля. Здѣсь службой названы дворъ и земля, данные для обезпеченія службы.

[1]) Что такое дѣти боярскіе, помѣщики и дворяне, — объ этомъ рѣчь будетъ выше.

изъ нихъ 70 человѣкъ съ пищалями и 209 съ рогатинами. Въ 1623 году для огражденія Бѣлгорода были призваны жилецкіе люди съ ихъ братьею и племянниками, съ сусѣды и съ подсусѣдники и захребетники, со всякими боями. Въ 1625 году для защиты города Владиміра были призваны: 44 посадскихъ человѣка съ пищалями, да 115 съ рогатинами, 62 дворника и 14 огородниковъ съ пищалями, да 4 огородника съ рогатинами, да великаго государя святѣйшаго патріарха московскаго и всея Русіи слободскихъ крестьянъ—17 человѣкъ съ рогатинами, соборныхъ поповъ крестьянъ—31 человѣкъ, Дмитровской слободки крестьянъ 2 человѣка съ рогатинами, Вознесенскаго монастыря слободки крестьянъ 7 человѣкъ съ рогатинами и т. д. [1]).

Для лицъ высшихъ разрядовъ служилыхъ людей воинская повинность составляла личную обязанность каждаго, по достиженіи 15 лѣтняго возраста; крестьяне же и посадскіе воины поступали на службу не по личной обязанности, а они выставлялись своими обществами, на которыхъ и лежала воинская повинность. Сельскія и городскія общества обыкновенно давали ихъ съ извѣстнаго числа сохъ или дворовъ, но въ смутное время эта повинность принимала иногда размѣры всенароднаго ополченія. Въ наказныхъ памятяхъ о сборѣ ратныхъ людей опредѣлялись и ихъ качества. Это должны дать люди молодые, рѣзвые и стрѣлять изъ самопаловъ гораздые, не воры, не брахники и не зернщики. Имъ усвоилось наименованіе «даточныхъ людей». Если не было своихъ подходящихъ, общества могли нанимать людей, знакомыхъ съ огненнымъ боемъ. Въ 1617 году, по вѣстямъ о приходѣ литовскихъ людей, велѣно было собрать «даточныхъ людей съ митрополитовъ, и со владыкъ, и съ монастырей, и съ посадовъ, и съ чорныхъ волостей» и т. д. Эти даточные люди несутъ совершенно такую же службу, какъ дѣти

[1]) А. И. II № 259. Книги разрядныя I. стр. 174, 564, 946, 1107.

боярскіе и дворяне. Далѣе въ томъ же документѣ читаемъ: «И росписать дворянъ и дѣтей боярскихъ, и иноземцевъ, и даточныхъ людей въ сотни . . . и гдѣ литовскіе люди объявятся, посылать головъ съ сотнями». (Кн. разр. 362).

Въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи хранятся любопытные матеріалы, относящіеся до службы посадскихъ людей XVII вѣка. «Это «смотрѣнные списки» посадскихъ людей, составлявшіеся для опредѣленія боевой способности жителей извѣстнаго города. Дворы ихъ дѣлились на сотни и десятки, а въ Вологдѣ на сороки, они были вооружены. Имъ велись списки съ показаніемъ, у кого какой бой. Въ Ярославлѣ, напримѣръ, въ 1669 году было 2803 двора, а людей съ боемъ было — 3.466 человѣкъ [1]).

Инородцы, присоединяемые къ Москвѣ, также зачислялись въ службу. Въ московскихъ полкахъ служили: татары, литовцы, нѣмцы, чуваши, черемисы и т. д. [2]).

Кромѣ обязательной службы въ Москвѣ была и вольная, въ смыслѣ поступленія на службу не по обязанности, а по охотѣ. Въ казаки [3]) и стрѣльцы, напримѣръ, прибирали вольныхъ охочихъ людей, добрыхъ, которые стрѣлять горазды. Точно такъ же изъ вольныхъ людей, путемъ прибора, составлялись драгунскія, солдатскія и рейтарскія войска: въ составъ этихъ войскъ вводились и обязанные къ службѣ [4]).

Подъ вольными людьми въ Москвѣ разумѣлись люди, не записанные ни въ тягло, ни въ службу. Но случалось, что и записанные и въ тягло и въ службу бросали свое дѣло и переходили въ разряды охотниковъ. Эти переходы

[1]) Опис. докум. и бум. IV. Списки служилыхъ людей.

[2]) Древн. разр. кн. 213, 1560; Кн. разр. 49, 1614.

[3]) Подъ казаками я разумѣю не донскихъ и малороссійскихъ, а городовыхъ, которые стояли по московскимъ городамъ.

[4]) А. И. II 46, 1604; А. Э. III № 287, 1639; Д. къ А. И. IV, № 128, 1663; Атемарск. десят. 1679 г. Введеніе. Рус. ист. библ. XV.

допускались и правительствомъ. Въ 1619 году нѣкто Е. П. Хабаровъ предложилъ правительству прибрать служилыхъ и промышленныхъ охочихъ людей, которые похотятъ идти безъ государева денежнаго жалованья на непослушныхъ ясашныхъ людей по рѣкамъ Олекмѣ и Шилкѣ. Это ходатайство было разрѣшено [1]).

Охочіе люди не только входятъ въ составъ новыхъ разрядовъ войскъ, каковы стрѣльцы, солдаты, рейтары и пр., но и зачисляются въ ряды стародавней московской службы: они вездѣ тамъ, гдѣ это для государства нужно. Въ 1614 году получено было извѣстіе, что въ за московскіе и поморскіе города пришли воры-казаки, многіе люди, и по селамъ и городамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и гостей и торговыхъ и уѣздныхъ всякихъ людей побиваютъ до смерти, и тѣсноту Московскому государству чинятъ великую. По этимъ вѣстямъ во всѣхъ угрожаемыхъ городахъ повелѣно было сбирать охочихъ всякихъ людей, боярскихъ и дворянскихъ, и прикащиковъ, и монастырскихъ слугъ съ посадовъ и уѣздовъ, а собравъ тѣхъ людей, надъ тѣми ворами и измѣнники промышлять (Кн. разр. I, 10). Охочіе люди на службѣ это, конечно, остатокъ самой глубокой древности. Безчисленныя войны удѣльнаго времени велись, если не исключительно, то при значительномъ участіи охочихъ людей. Но и обязательная военная служба, какъ видно изъ предшествующей главы, имѣетъ весьма глубокіе корни въ нашей исторіи.

Переходъ вольной службы бояръ и дѣтей боярскихъ въ обязательную совершился не въ одинъ день. Можно думать, что первая мысль о переходѣ ихъ службы въ обязательную возникла въ примѣненіи къ тѣмъ лицамъ, которыя получали отъ князей пожалованіе земель на помѣстномъ или иномъ какомъ правѣ. Первые зародыши такой обязательной службы можно видѣть въ памятни-

[1]) А. И. IV № 31, II.

кахъ XIV вѣка; но она слагалась очень медленно и не составляла еще общаго правила даже въ XVI вѣкѣ. Шестнадцатый вѣкъ представляетъ еще очень крупные пережитки порядковъ старинной военной службы. По переписи земель въ Тверскомъ уѣздѣ, произведенной въ 1539 году, оказалось, что въ Микулинской волости изъ 159 вотчинниковъ на службѣ великому князю состоитъ только 49 человѣкъ, тверскому владыкѣ служили — 3, частнымъ лицамъ—46, никому не служили—55 человѣкъ. Въ волости Захожьи было 150 вотчинниковъ, изъ нихъ великому князю служили—57, тверскому владыкѣ—12, частнымъ людямъ—2, вовсе не служили - 56. Въ волости Суземье было 104 вотчинника, изъ нихъ великому князю служили—55, владыкѣ—9, частнымъ лицамъ—10, никому не служили—14. Объединеніе русскихъ земель въ XVII вѣкѣ сдѣлало въ этомъ отношеніи большіе успѣхи, но и въ XVII вѣкѣ встрѣчаются дѣти боярскіе и дворяне, которые все еще не служатъ великому князю, а служатъ разнымъ частнымъ лицамъ: бѣжецкій помѣщикъ М. Ю. Сербениновъ, напримѣръ, въ 1622 году служилъ Д. Погожеву; другіе были служками въ монастыряхъ и т. д. Но это уже мелкія исключенія изъ общаго правила, и даже не исключенія, а нарушенія общаго правила.

Итакъ, обязательной службѣ подлежали въ Москвѣ всѣ классы населенія, начиная отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и кончая посадскими и крестьянами. Соціальное положеніе этихъ классовъ было неодинаково: одни могли спокойно сидѣть дома и кормиться отъ своихъ земель, не прилагая къ нимъ рукъ своихъ, другіе содержали себя личнымъ трудомъ. Это отразилось и на отправленіи ими воинской повинности. Служилые люди высшихъ разрядовъ, дворяне и дѣти боярскіе, должны были служить всѣ поголовно. Низшіе же классы служили не поголовно; здѣсь обязанность службы лежала не на каждомъ человѣкѣ, а на обществахъ сельскихъ и городскихъ, которыя должны

были выставить извѣстное число воиновъ съ опредѣленнаго числа дворовъ.

Въ этомъ и заключается существенное различіе службы высшихъ и низшихъ классовъ населенія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ служебное положеніе ихъ, если и не совершенно совпадаетъ, то подходитъ довольно близко одно къ другому; встрѣчаются даже случаи, когда служилые высшихъ классовъ переходили въ службу низшихъ, а эти послѣдніе—въ службу высшихъ.

Высшіе и низшіе классы не составляютъ постояннаго войска, они одинаково призываются только на извѣстный походъ. Въ этомъ они равны.

Но высшіе классы служатъ поголовно, дѣти служатъ еще при жизни родителей, здѣсь служитъ цѣлый классъ; въ низшихъ же разрядахъ служитъ не классъ, а постоянно смѣняющіяся лица. Это порождаетъ новыя важныя различія. Въ высшемъ классѣ обязанность службы отъ отца переходитъ къ сыну, и служба получаетъ наслѣдственный характеръ. Это уже видно въ памятникахъ XVI вѣка. Въ одной грамотѣ объ отставкѣ читаемъ: „А въ его мѣсто велѣли служить сыну его Булгаку, какъ поспѣетъ; а сынъ его одиннадцати лѣтъ; а дали сыну его срокъ на 4 года“ [1]. Далѣе, имѣя въ своемъ распоряженіи классъ наслѣдственныхъ слугъ, правительство считаетъ себя обязаннымъ особенно заботиться объ этомъ классѣ и устранять членовъ его такъ, чтобы они дѣйствительно могли служить. По отношенію къ слугамъ низшихъ классовъ правительство такихъ мѣръ не принимаетъ. Здѣсь обязанность вооружать воиновъ и содержать ихъ лежитъ не на правительствѣ, а на общинахъ, которыя ихъ выставляютъ. Служба и тѣхъ и другихъ оплачивается, но изъ разныхъ кошельковъ.

Съ появленіемъ постоянныхъ войскъ, по западно-европейскому образцу, а эта новость восходитъ къ концу XV

[1]) Доп. къ А. И. I. № 47, 1554.

вѣка, происходитъ сближеніе и въ этихъ двухъ отношеніяхъ. Въ драгунахъ, рейтарахъ, солдатахъ служатъ вольные люди всякаго происхожденія. Кто поступилъ въ эти войска, остается тамъ съ потомствомъ; такимъ образомъ и для низшихъ классовъ возникаетъ наслѣдственная служба. Заботу о содержаніи и вооруженіи постоянныхъ войскъ правительство принимаетъ тоже на себя. Солдаты, драгуны, рейтары точно такъ же верстаются помѣстьями и денежнымъ государевымъ жалованьемъ, какъ дворяне и дѣти боярскія [1]).

Въ этихъ новыхъ войскахъ, какъ и въ старыхъ, стоятъ рядомъ лица самаго разнаго происхожденія. Въ 1679 г. верхотурскому воеводѣ велѣно было, отъ прихода воинскихъ людей, построить драгунъ изъ тяглыхъ и не тяглыхъ людей; а около того же времени въ Орлѣ въ драгунахъ служили дѣти боярскія, въ Атемарѣ дворяне и дѣти боярскія служили въ рейтарахъ и солдатахъ, въ Ломовѣ дворяне и дѣти боярскія—въ рейтарахъ, въ Луцкѣ казаки служили въ рейтарскомъ строю. Одно и то же лицо служитъ то полковую службу съ дворянами и дѣтьми боярскими, то рейтарскую со всякими вольными и даже тяглыми [2]).

Тѣ же явленія наблюдаемъ и въ XVI вѣкѣ. Рязскія дѣти боярскія въ 1591 году уходятъ добровольно въ казаки, и правительство это допускаетъ, а имя данковскаго стрѣльца значится въ послужномъ спискѣ рязскихъ дѣтей боярскихъ [3]).

Были даже случаи, когда крестьяне прямо-таки замѣняли на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ. И вижу это въ постоянно повторяющемся распоряженіи, по которому

[1]) А. И. V № 47. Доп. къ А. И. VI № 16, 1670; Атемарская десят. 1679, 440.

[2]) Орловск. ак. ст. 390, 1681, Атемар. дес. 306, 414, 430, Доп. къ А. И. IV, № 128, 1663. Ук. кн. помѣст. пр. 89, 1635. Опис. бум. и док. IV, стр. 454.

[3]) Рязскія десятни 1591 года № 511 сл. и 1597 года № 620.

отставные служилые люди и недоросли должны были выставлять за себя даточных людей. Сами они служить не могутъ, отставные — по старости, болѣзнямъ, ранамъ, недоросли — по молодости, а потому и замѣняются своими крестьянами. Это выступаетъ еще яснѣе изъ одной десятни, въ которой приведено такое правило: «Въ случаѣ отставки, служитъ сыну его, а если сына нѣтъ, даточному человѣку» (Атемарск. дес. 142).

Итакъ, въ Москвѣ дворянская служба не была обособлена отъ крестьянской, и дворяне и крестьяне стояли рядомъ въ одинѣхъ и тѣхъ же сотняхъ и замѣняли другъ друга и въ новомъ строевомъ, и въ старомъ нестроевомъ войскѣ. Московская служба не имѣла характера привилегіи; объединеніе русской земли совершалось не силами замкнутаго дворянскаго сословія, а силами всего населенія русской земли, и дворянами, и посадскими, и крестьянами.

Насколько рѣзкое обособленіе высшихъ классовъ отъ низшихъ было чуждо служилымъ чинамъ Москвы, видно изъ слѣдующихъ курьезныхъ случаевъ.

Г. А. Пиковъ былъ верстанъ денежнымъ и помѣстнымъ окладомъ и въ 1597 году явился на смотръ къ полученію денежнаго жалованья. Рязанскій сынъ боярскій Г. Коробынъ увидалъ его на смотру и призналъ въ немъ своего холопа и вчинилъ искъ о возвращеніи его въ холопство.

Е. П. Вороновъ, надѣленный помѣстьемъ въ 10 четей, также явился на смотръ и къ полученію государева жалованья. Мѣстные дворяне, увидавъ его, сказали, что онъ живетъ въ крестьянахъ за П. Протасовымъ. Вороновъ это призналъ, но утверждалъ, что это было раньше, а въ послѣднее время, въ теченіе цѣлыхъ 8 лѣтъ, онъ служитъ государю. Дѣло поступило на рѣшеніе московскихъ бояръ; они нашли, что Вороновъ, несмотря на то, что въ прежнее время рядился въ крестьяне къ Протасову, можетъ нести дворянскую службу съ городомъ.

Ѳ. П. Кирьяковъ верстанъ былъ окладомъ помѣстнымъ

и денежнымъ наравнѣ съ другими ряжскими дѣтьми боярскими, но на смотръ не явился; мѣстные дворяне сказали, что онъ не служитъ, а состоитъ дьячкомъ на крылосѣ.

М. Г. Балашовъ былъ надѣленъ помѣстьемъ въ 20 четей и служилъ съ городомъ, а по рожденію онъ былъ сынъ ямщика.

Б. С. Никоновъ также былъ верстанъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ и состоялъ въ спискѣ ряжскихъ дѣтей боярскихъ и явился на смотръ. Мѣстныя дѣти боярскія сказали про него, что онъ мужикъ, портной мастеришко, и жилъ у Г. Фролова въ дворникахъ. Дѣло дошло до Москвы. Бояре приговорили выкинуть его изъ службы [1]).

Итакъ, въ дворянскіе и дѣтей боярскихъ списки заносятся крестьяне, мастеровые, дьячки, сыновья ямщиковъ и даже холопы, они верстаются помѣстными и денежными окладами и несутъ государеву службу въ рядахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. А всякая такая запись дѣлается при участіи самихъ же мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это возможно было только при очень маломъ развитіи чувства классовыхъ различій, что и составляетъ особенность Москвы. А эта особенность объясняется крайней пестротой состава высшаго служилаго класса въ Москвѣ, о чемъ уже была рѣчь. Среди дворянъ и дѣтей боярскихъ было много людей столь бѣдныхъ, что поступленіе ихъ въ крестьяне, дворники, дьячки не представляло ничего необычайнаго; они поступали даже въ холопы. Это извѣстно и законодательству того времени; оно дозволяетъ принимать дѣтей боярскихъ въ холопы, но на условіи, что они отъ службы отставлены [2]).

Въ нашихъ памятникахъ встрѣчаются даже указанія на установляемые правительствомъ пути перехода изъ

[1]) Ряжск. десят. 1597 года № 545, 554, 557, 560 и 561.
[2]) Ц. Суд. 81.

холоповъ въ служилые люди, а затѣмъ и въ дворяне. В. И. Сторожевъ, издатель многихъ десятенъ XVI и XVII вѣка, приводитъ такое мѣсто изъ Муромской десятни 1605 года: «Сказали про нихъ (про нѣкоторыхъ лицъ, записанныхъ въ списки дѣтей боярскихъ) окладчики, что они по Борисову велѣнію Годунова верстаны въ дѣти боярскія изъ холопей за доводы, а въ нынѣшнемъ 114 году, по государеву, цареву и вел. кн. Дмитрія Ивановича всея Руси указу отъ службы отставлены и отданы попрежнему въ холопство» [1]).

Служба дворянъ, дѣтей боярскихъ, посадскихъ людей и крестьянъ не была даровой, она оплачивалась. Тяглые люди получали плату и всякій военный снарядъ отъ сельскихъ обществъ, которыя ихъ выставляли, о чемъ подробнѣе въ III т. Древностей. Служилые люди вознаграждались правительствомъ; оно же содержало и постоянныя войска. Но случалось, что военныя потребности и этихъ войскъ иногда удовлетворялись тѣми же тяглыми людьми. Такъ, въ Литовскій походъ 1577 года велѣно быть изъ Вилина помѣщикамъ да стрѣльцамъ, сколько можно, верхомъ, а лошадей приказано взять съ Вилинской слободы да съ уѣзда, съ сохъ. Въ 1614 году велѣно было снарядить отрядъ стрѣльцовъ лошадьми, собравъ ихъ съ Ярославскаго посада и уѣзда. Въ слѣдующемъ году, въ походъ на нѣмецкихъ людей ко Пскову, велѣно было кормовые запасы взять въ городахъ и уѣздахъ, гдѣ ближе. Въ томъ же 1615 году кормовыя казачьи деньги собирали съ волостей и т. д. [2]).

Перехожу къ вопросу о содержаніи служилыхъ людей высшаго разряда и постоянныхъ войскъ. Они содержались государевымъ денежнымъ жалованьемъ и раздачей земель. Но слово «жалованье» означало въ Москвѣ не то, что мы теперь понимаемъ подъ нимъ, не опредѣленную штатную

[1]) Опис. док. и бум. VIII Десятни стр. 89.

[2]) Симбир. сборн., Разряд. кн. 1577 года; Кн. разряд. I стр. 9 и 72; А. Э. III № 64.

выдачу 20 числа каждаго мѣсяца, а государеву милость, которая оказывалась служилымъ людямъ всякій разъ по особому распоряженію; это и есть первоначальный смыслъ слова «жалованье». Государь давалъ жалованье, когда находилъ это нужнымъ. Это дѣло его милостиваго усмотрѣнія.

Государево жалованье состояло въ дачѣ земель и денегъ. Дачѣ жалованья предшествовало верстаніе. Что же такое верстаніе? Верстаніе есть опредѣленіе мѣста служилаго человѣка въ ряду другихъ. Въ десятняхъ такъ и говорится: «Верстаютъ, кто кому отечествомъ и службою въ версту». Въ силу верстанья каждый зналъ, какое мѣсто занимаетъ онъ на службѣ, кому онъ равенъ, а быть равнымъ и значитъ быть въ версту, кого онъ выше и кого ниже. Верстаніе распредѣляло служилыхъ людей по статьямъ высшимъ и низшимъ и имѣло своимъ слѣдствіемъ опредѣленіе оклада ихъ денежнаго и помѣстнаго жалованья, который, смотря по статьѣ, тоже былъ то выше, то ниже.

Верстаніе дѣлалось на основаніи отечества и службы. Что же это такое?

Отечество есть мѣстническое понятіе. Подъ нимъ разумѣется отеческая честь, а такъ какъ она у отцовъ не одинакова, то и сыновья, по чести отцовъ, зачисляются въ разныя статьи. Объ отеческой чести у меня идетъ рѣчь въ Лекціяхъ и Изслѣдованіяхъ, и я не буду повторять, такъ сказаннаго. Верстанье по отечеству — любопытная черта. Она указываетъ на то, что верстанье сложилось въ періодъ процвѣтанія мѣстническихъ обычаевъ. Это явленія параллельныя.

Верстаются городовые дворяне, но не одни они; верстаются и рейтары, и драгуны, и солдаты [1]). А среди нихъ служатъ не одни дворяне, но и дѣти неслужилыхъ отцовъ, всякіе вольные люди, дѣти крестьянъ, посад-

[1]) Верстальные списки московскихъ дворянъ не открыты.

скихъ и пр. Какъ же эти меньшіе люди верстаются? Есть у нихъ отеческая честь? По московскимъ понятіямъ, у нихъ нѣтъ отеческой чести. Крайняя ступень, на которой признается за людьми отеческая честь, это городовые дворяне. Дьяки, очень почтенный разрядъ лицъ въ Московскомъ государствѣ, но и они не имѣли отеческой чести. Не могли ее имѣть и неслужилыхъ отцовъ дѣти, поступавшія въ драгуны, рейтары, солдаты. Какъ же они версталися? Они версталися только по службѣ, по этому второму условію верстанья, которое примѣнялось и къ дворянамъ, и къ дѣтямъ боярскимъ. Это также очень любопытное условіе.

Если при верстаніи берутъ въ соображеніе службу, то, значитъ, верстающіеся уже служили. Да, многіе изъ нихъ уже служили, но не всѣ. Это не была обязательная служба: обязательная служба начинается только съ верстанья; до верстанья служатъ добровольно. Это такъ называемые служилые новики; они противополагаются неслужилымъ.

Вотъ для примѣра отзывъ окладчиковъ и мѣстныхъ дворянъ о служиломъ новикѣ, С. А. Лопаковѣ:

«Служилъ съ нами, съ городомъ, многія государевы службы: какъ де былъ подъ Москвою воръ, Ивашко Болотниковъ, и какъ Ивашку Болотникова побили и разгоняли, а Юшку Беззубцева осадили въ Заборьѣ, а онъ де въ тѣ поры въ бою былъ; да онъ же служилъ въ Болховѣ, какъ былъ боярин и воевода князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, ходилъ на литовскихъ людей къ Орлу и сошлися межъ Орла и Болхова, и онъ въ тѣ поры съ литовскими людьми билея явственно, и съ того бою отвезъ знамя; да онъ же служилъ, какъ шолъ съ Москвы Гасѣвской съ литовскими со многими людьми, и въ тѣ поры приходилъ на литовскихъ людей князь Микита Шеховской да Кирило Воржинской, и въ тѣ поры литовскихъ людей побили и языки поимали, и онъ де въ тѣ поры съ литовскими людьми билея же; да онъ же служилъ, какъ приступалъ къ Погорѣлову городищу Лисовской, и онъ де въ тѣ поры сидѣлъ въ осадѣ, и написанъ былъ на стѣнѣ, и съ литовскими людьми на при-

стуѣ бился же. И за службу де пригодится онъ въ первую статью служилыхъ новиковъ»... (Зубцовская десятня 1622 года).

Чѣмъ была лучше служба, тѣмъ лучшій назначался новику окладъ.

Очень важно было бы опредѣлить процентное отношеніе служилыхъ новиковъ къ неслужилымъ. Это бросило бы яркій свѣтъ на патріотизмъ высшаго московскаго служилаго класса. Но этого сдѣлать нельзя. Можно подобрать цифры служилыхъ и неслужилыхъ новиковъ, явившихся къ верстанью, но это еще не дастъ отвѣта на вопросъ, потому что мы не знаемъ, какихъ лѣтъ были неслужилые новики. Возможно, что они всѣ были въ возрастѣ 15 лѣтъ и, слѣдовательно, до верстанья, по молодости, не могли служить. Напечатанный матеріалъ крайне недостаточенъ для рѣшенія нашего вопроса. Для примѣра приведу нѣсколько цифръ. Въ Коломнѣ къ верстанью въ 1577 году явилось служилыхъ новиковъ — 34 человѣка, неслужилыхъ - 69; въ Бѣжецкѣ въ 1622 году: служилыхъ—10, неслужилыхъ—25; а въ 1646: служилыхъ—7, неслужилыхъ—14; въ Кашинѣ: служилыхъ—4, неслужилыхъ—68. Коломенскія и бѣжицкія цифры представляютъ московскій патріотизмъ въ блестящемъ видѣ: и тутъ, и тамъ до половины наличнаго состава новиковъ уже состояло на службѣ добровольно, безъ верстанья; Кашинскій списокъ представляетъ ничтожный процентъ патріотовъ, но вѣдь мы не знаемъ возраста 68 неслужилыхъ: можетъ быть они всѣ только что поспѣли на службу. А если это такъ, мы не имѣемъ основанія грустить и передъ цыфрой 4. Мы имѣемъ еще отрывокъ кашинской верстальной десятни 1646 г. По этому отрывку дѣло кашинскаго патріотизма представляется тоже въ очень благопріятномъ свѣтѣ: на 21 неслужилаго новика къ верстанью явилось 13 служилыхъ. Это болѣе половины [1]). Во всякомъ случаѣ, и по напе-

[1]) В. Н. Сторожевъ, Тверское дворянство, вып. III и IV.

чатанным матеріалам, мы можемъ сказать, что служба не верстаных новиков не представляла исключенія. Этотъ новый матеріалъ даетъ иное представленіе о нашей старой службѣ, чѣмъ то, какое мы находимъ у историковъ, не видавшихъ десятенъ, а потому говорившихъ съ такою настойчивостью о нѣтяхъ и кнутахъ, которыми ихъ били за лѣнку. О нѣтяхъ и кнутахъ у меня рѣчь будетъ впереди; а теперь я желалъ бы обратить вниманіе читателя на «ести», которые служили безъ жалованья и безъ помѣстій. Надо думать, что имъ далеко не были чужды чувства патріотизма и любви къ отечеству.

На значительное распространеніе добровольной службы лицъ не верстаных указываетъ и общее правило, извѣстное всѣмъ десятнямъ: «Верстать по отечеству и по службѣ». Служба не верстаных, значитъ, не рѣдкость.

По одному отечеству верстаются всѣ неслужилые новики. Верстаніе солдатъ, рейтаръ, драгунъ дѣлается только по службѣ. Поэтому они верстаются не при пріемѣ на службу, а послѣ нахожденія нѣкотораго времени на службѣ.

Верстанье помѣстьями и денежнымъ жалованьемъ солдатъ, рейтаръ, драгунъ и другихъ видовъ постоянныхъ войскъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. О немъ прямо говорится въ десятняхъ.

По государеву указу велѣно дѣтей боярскихъ, нѣмшихъ кормовыхъ солдатъ, разныхъ городовъ, и всякихъ чиновъ людей новиковъ, которые были подъ Смоленскомъ (т.-е. служилыхъ) съ прихода до отхода, государевымъ жалованьемъ, помѣстными оклады и деньгами, верстать... А вольнымъ русскимъ всякимъ людямъ, солдатомъ же, учинены оклады противъ статей казаковъ, помѣстной по 200 четей, денегъ по 8 р.» и т. д.

Это десятня 1634 года [1]. А въ 1585 году верстали епифанскихъ казаковъ, и въ результатѣ этого верстанія изъ казаковъ получились дѣти боярскіе. Въ заголовкѣ

[1]) Напечатана въ изслѣдованіи у В. И. Сторожева, вып. II, 140.

десятни читаемъ: «Десятня дѣтей боярскихъ епифанцевъ, которые верстаны изъ казаковъ». Такъ легко переходятъ разные разряды одинъ въ другой, казаки въ дворянъ, дворяне въ казаковъ. Въ Астрахани десятнѣ 1679 года встрѣчаемъ верстанье копейщиковъ, рейтаръ и опять солдатъ. Итакъ, верстаютъ не однихъ дворянъ, а и всякихъ вольныхъ людей, состоящихъ на службѣ. А между тѣмъ въ 1614 году въ указѣ о смотрѣ и верстаньи дѣтей боярскихъ тулянъ сказано: «А не служилыхъ отцовъ дѣтей помѣстьями и деньгами не верстать» [1]). Такого рода запрещенія повторяются въ теченіе всего XVII вѣка. Какъ же быть, дѣти неслужилыхъ отцовъ то верстаются, то нѣтъ? Это очень легко примиряется. Окладчики, на основаніи показаній которыхъ дѣлается верстаніе, иногда, за взятки, вмѣстѣ съ дворянами проводятъ къ верстанью крестьянъ, мастеровыхъ и даже холоповъ. Вотъ это и запрещено, а не верстанье служилыхъ людей, каковы казаки, рейтары, солдаты и т. д., хотя они не служилыхъ отцовъ дѣти.

Верстанье по отеческой чести породило такое правило: верстать должно не выше отцовъ и большой братьи [2]), т.-е. какова бы ни была служба служилаго новика, онъ не можетъ получить высшаго оклада, чѣмъ были оклады его отца и старшихъ родственниковъ. Это чисто мѣстническое правило.

Кромѣ отеческой чести и службы при верстаньѣ принимается еще во вниманіе физическая и умственная способность къ службѣ. Въ одобреніе новика, обыкновенно, говорится: «головою и службою добръ» или: «собою добръ» или «отечествомъ середній, а собою добръ».

Обыкновенно предписывалось верстать новиковъ, какъ только они въ службу поспѣли; а поспѣвалъ человѣкъ въ службу по достиженіи 15 лѣтъ. До этого возраста

[1]) Книги разряд. I, 125.

[2]) Воронеж. акты III, 173, 1671.

онъ былъ «недорослъ». Но въ дѣйствительности верстанье нерѣдко очень запаздывало. Въ десятняхъ встрѣчаются указанія, что молодые люди служатъ до верстанья 2, 3 и болѣе лѣтъ, а есть и такіе, которые служили по 10 лѣтъ до верстанія и, стало быть, верстались въ 25 лѣтъ.

Случалось, что нѣкоторые дворяне и совсѣмъ не верстались и въ службу не попадали. Городовые дворяне, какъ увидимъ далѣе, имѣли очень небольшія помѣстья. Родители не всегда могли давать своимъ дѣтямъ достаточныя средства содержанія. Верстанье нерѣдко очень запаздывало, а вмѣстѣ съ тѣмъ запаздывало и надѣленіе новиковъ помѣстьями. Это имѣло послѣдствіемъ то, что такіе засидѣвшіеся новики отъ бѣдности «брели розно», т.-е. уходили изъ родительскаго дома для пріисканія себѣ какого-либо рода жизни: одни поступали служками въ монастыри, другіе шли въ боярскіе дворы, въ дьячки, и т. д. [1]). Хотя указы и запрещали брать въ холопы служилыхъ отцовъ дѣтей безъ отпуска, но ихъ брали, и, такимъ образомъ, они уходили отъ службы и терялись для дворянства.

Запаздываніе верстаньемъ было причиной того, что новики должны были просить о верстаньѣ, и верстанье совершалось не по почину правительства, какъ обыкновенно, а по челобитью, которое вызывало указъ [2]).

Обыкновенно при верстаньѣ опредѣлялся окладъ помѣстнаго и денежнаго жалованья, но случалось, и нерѣдко, что сперва опредѣлялся какой-нибудь одинъ окладъ, денежнаго или помѣстнаго жалованья, а потомъ дѣлалось дополнительное верстанье по окладу еще не назначенному.

Верстанье дѣлается по статьямъ, а въ статьяхъ выражается оцѣнка отечества и службы. Какія же были статьи? На этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно потому, что практика правительства чрезвычайно колебалась.

[1]) Тверск. двор., вып. I, 108.
[2]) Ряжская дес. 1579 года стр. 236.

Статьи верстанья половины XVI вѣка очень отличаются отъ тѣхъ, которыми руководствовались въ XVII-омъ. Въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаемъ скалу въ 25 статей денежнаго жалованья. Самая большая въ 100 р., затѣмъ идутъ статьи въ 95, 90, 85 р. и т. д. до 17-й статьи въ 20 р.; послѣднія восемь статей идутъ въ такомъ порядкѣ: 17 р., 15, 12, 10, 9, 8, 7, и 25-я статья въ 6 рублей. Такой окладъ, однако, не первоначальный, онъ названъ «новымъ» [1]. Какой ему предшествовалъ, я не знаю. Съ конца XVI вѣка встрѣчаемъ скалу всего въ шесть статей. Вотъ она:

1	статья	350	четей и		12	рублей	
2	—	300	—	—	10	—	
3	—	250	—	—	8	—	
4		200	—	—	7	—	
5	—	150	—	—	6	—	
6	—	100	—	—	5	—	[2]).

Но и отъ этой скалы дѣлаются постоянныя отступленія.

[1]) Приведенную скалу я извлекъ изъ документа, напечатаннаго въ Арх. ист. юрид. свѣд. кн. III подъ заглавіемъ: «Книга боярская 1556 г.». Это не боярская книга. Боярскія книги сохранились въ Московскомъ архивѣ Мин. Юстиціи; онѣ содержатъ въ себѣ списки служилыхъ людей, начиная съ высшихъ придворныхъ чиновъ, бояръ, за ними идутъ окольничіе, потомъ крайчій, у ѣствы и т. д. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшимъ служилымъ спискомъ, во многомъ сходнымъ съ позднѣйшими, напечатанными подъ именемъ десятенъ. Здѣсь также указаны размѣры помѣстій, вотчинъ, денежнаго оклада, вооруженіе, число коней и пр. Но есть и особенности. Это не списокъ дѣтей боярскихъ извѣстнаго города, а, кажется, списокъ кормленщиковъ. У каждаго показано его кормленіе, а у нѣкоторыхъ отмѣчено, что кормленіе за нимъ не сыскано. Въ числѣ перечисленныхъ находимъ лицъ разныхъ городовъ. Начала списка недостаетъ. Всего перечислено 196 лицъ,—въ этомъ числѣ къ московскимъ дворянамъ, по ихъ первоначальному списку 1550 г., принадлежатъ 54 человѣка.

[2]) В. Н. Стороженъ, Тверск. дес. 1621 года; Указн. кн. помѣстн. прик. 116, 1645; Архивъ кн. Баюшева № 138. 1641 годъ

Въ 1590 году велѣно было верстать переяславцевъ денежнымъ жалованьемъ только въ три статьи: первая въ 7 рублей, вторая въ 6, третья въ 5. Здѣсь не допускается ни отечества, ни службы въ 8, 10 и 12 рублей. Такое же предписаніе повторяется въ 1597 году для Рижска, но съ тою разницею, что третья статья оцѣнена и въ 5 и въ 4 рубля. Одна и та же статья имѣетъ разную цѣну!

Далѣе, оклады различаются, смотря по тому, кто верстается: служилые новики или неслужилые, дѣти боярскія или казаки. Въ 1597 году въ Рижскѣ служилымъ новикамъ приказано было положить денежный окладъ въ 7, 6 и 5 рублей; а неслужилымъ въ 5 и 4 рубля. То же дѣлается и въ XVII вѣкѣ. Въ 1616 году приказано было лучшимъ новикамъ, дѣтямъ боярскимъ служилымъ, большой статьѣ, дать по 300 чети и по 8 рублей, другой статьѣ по 250 чети, денегъ по 7 рублей, третьей статьѣ по 200 чети, денегъ по 6 рублей; а неслужилымъ, большой статьѣ только по 200 чети, денегъ по 7 рублей и т. д. [1]). Здѣсь тоже только три статьи, но по выше и съ предпочтеніемъ служилыхъ неслужилымъ. Это очень важно въ томъ отношеніи, что службѣ придается бо́льшее значеніе, чѣмъ отечеству. Неслужилые по отечеству могли быть выше служилыхъ, но за службу они всегда верстаются выше. Личная служба шла въ Москвѣ впереди отеческой чести. То же явленіе наблюдалось и въ мѣстническихъ счетахъ въ предпочтеніи, которое отдавалось ближайшей службѣ передъ дальнѣйшей.

Оклады солдатамъ и казакамъ опредѣлялись иногда въ одной только статьѣ: помѣстный окладъ въ 200 четей, денежный въ 8 р.; такъ было въ 1634 году. А въ 1585 году верстали въ Епифани казаковъ въ дѣти боярскія въ въ двѣ статьи: имъ давали помѣстный окладъ большой статьѣ въ 10 четей, а второй въ 30. И это не единственный случай такихъ мелкихъ окладовъ. Очень небольшіе пер-

[1]) Книги разряд. I, стр. 125.

вичные оклады находимъ и въ ряжской десятнѣ 1597 г. и для природныхъ дѣтей боярскихъ, а не казаковъ. Многіе изъ нихъ были верстаны по 80, 70 и 50 четей. И нѣтъ основанія думать, что это убавка новичнаго оклада за плохую службу. Это первичный окладъ, далеко отступающій отъ той скалы, которая указана выше.

Итакъ, первичные оклады были очень разнообразны. Какъ же это объяснить?—Очень просто. Москва управлялась не законами, а усмотрѣніемъ. Отсюда всѣ различія. Общаго закона не было. На всякій случай нужно было особое распоряженіе; при этомъ, по особенностямъ случая, намъ неизвѣстнымъ, правительство распоряжалось различно.

Такъ разнообразны были новичные оклады помѣстнаго и денежнаго жалованья.

Разсмотримъ теперь, въ чемъ заключалось значеніе верстанья и каковы его послѣдствія.

Значеніе верстанья чисто юридическое. Съ момента верстанья начинается обязательная служба для новика, и нерѣдко случалось, что послѣ верстанья онъ немедленно куда-нибудь посылался. «А поверставъ новиковъ, велѣти имъ быти на государевой службѣ въ Коломнѣ» [1]). Это первое. Во-вторыхъ, верстанный получалъ право на жалованье въ размѣрѣ опредѣленнаго ему оклада и могъ просить о выдачѣ ему этого жалованья; но получалъ онъ денежное жалованье, когда были въ казнѣ деньги и государь находилъ нужнымъ такую выдачу, помѣстное — когда были свободныя земли. Это право прекарное.

Такъ какъ верстанье дѣлается для опредѣленія жалованья, то этимъ и объясняется, почему верстанье примѣняется ко всѣмъ ратнымъ людямъ, получающимъ содержаніе отъ правительства, а не однимъ только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; оно примѣняется и къ солдатамъ, хотя бы они были изъ крестьянъ.

[1]) Книги разряди. I 431, 1617 годъ.

Такъ какъ верстанье дѣлается на основаніи отеческой чести и прежней службы, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что поверстанный дѣйствительно можетъ служить. Дворяне и дѣти боярскія выходили на службу въ собственномъ вооруженіи, на своихъ коняхъ и со своими продовольственными запасами на все время службы. Новикъ служилый могъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служить на счетъ отца или родственника, съ ихъ помѣстій, а потомъ онъ могъ лишиться этой поддержки и быть не въ состояніи нести издержки похода. Въ десятняхъ окладчики, зачисливъ новика въ первую статью, очень нерѣдко говорятъ, что ему на службу подняться нечѣмъ. Я привелъ выше отзывъ о прежней службѣ зубцовскаго сына боярскаго Лопакова. Его зачислили въ большую статью, 350 четей и 12 рублей; но способности къ службѣ у Лопакова не было ни малѣйшей; онъ не имѣлъ ни помѣстій, ни вотчинъ; онъ не могъ выступить въ походъ даже, если бы ему и выдали назначенное жалованье. На государеву службу»,—говорили о немъ окладчики,—«ему тѣмъ государевымъ жалованьемъ подняться не чѣмъ; а помѣстья де за нимъ и вотчины нѣтъ».

Итакъ, верстанье не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ дѣйствительной способности нести службу. Новики низшихъ статей могли имѣть болѣе средствъ къ службѣ, чѣмъ новики высшихъ.

Верстаніе есть актъ повторяющійся. Отеческая честь—не измѣняется и послѣ первичнаго верстанія, но достоинство службы можетъ измѣниться. Отсюда вытекаетъ логическая необходимость повторительныхъ верстаній. При этомъ первичный окладъ можетъ быть и увеличенъ и уменьшенъ, смотря по службѣ. Въ 1594 году приказано было произвести смотръ рязскимъ дѣтямъ боярскимъ, и тѣмъ изъ нихъ, которыя «собою и службою добры», оклады увеличить, а которые «собою и службою худы, а были верстаны окладами большими», — убавить. Нѣкоторымъ, дѣйствительно оклады были увеличены съ 250 четей до

300. На смотру 1597 года нѣкоторымъ ряжанамъ оклады были уменьшены. О Фроловѣ, Дышковѣ, Климовѣ, Кокуринѣ и Лагвеновѣ окладчики сказали, что они съ ними совсѣмъ не служили. На этомъ основаніи первоначальный ихъ окладъ въ 100 четей былъ низведенъ до 25. Лица, негодныя къ службѣ за старостью, по болѣзнямъ и пр., совсѣмъ выключались изъ оклада. Наоборотъ, за особыя заслуги первоначальный окладъ могъ увеличиться вдвое и болѣе. П. С. Шестаковъ въ началѣ XVII вѣка былъ поверстанъ во вторую статью, 300 четей. А потомъ ему прибавили за подмосковныя службы 100 четей, въ 1616 г. за подмосковныя же службы еще 50 четей, за службы въ шестнадцатыхъ и семнадцатыхъ годахъ прибавили еще 100 четей, а за можайскую службу и за московское осадное сидѣнье въ 1820 году прибавили 100 четей, всего получилось—650 четей. Но не всѣ имѣли такую удачу. Ѳ. С. Батюшковъ въ 1617 году былъ верстанъ въ 300 четей, а въ 1619 году имѣлъ прибавки только 50 четей. Оклады другихъ, болѣе счастливыхъ слугъ, доходили до 900 четей и даже до 1000, а окладъ денежнаго жалованья до 100 руб. Возрастаніе денежнаго оклада не шло параллельно съ возрастаніемъ помѣстнаго. И тотъ и другой увеличивались независимо одинъ отъ другого. Этимъ нарушалось указанное выше соотношеніе новичныхъ окладовъ. Въ десятняхъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такіе оклады: 300 четей и 14 руб., 200 четей и 13 руб. Денежный окладъ перегналъ въ этихъ случаяхъ помѣстный [1]. Верстаніе помѣстьями и деньгами дѣляется независимо одно отъ другого. Въ источникахъ такъ и говорится: «имали первыя деньги, нынѣ поверстаны дургими», при этомъ помѣстный окладъ могъ остаться въ новичномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, дѣятельность служилаго человѣка находилась подъ постояннымъ надзо-

[1]) Опис. док. и бум. VIII стр. 330, 345, 420. В. Н. Сторожевъ, вып. IV 57; Указ. кн. пом. пр 55.

ромъ, и онъ ежеминутно могъ быть низведенъ на самый ничтожный окладъ или возведенъ въ тройной и болѣе.

Въ чьихъ же рукахъ находилась участь московскихъ служилыхъ людей? Участь ихъ рѣшалась на смотрахъ, на которыхъ должны были присутствовать какъ новики, такъ и всѣ служилые дворяне и дѣти боярскія; а смотры производились присылаемыми изъ Москвы чинами при участіи мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Изъ Москвы для производства смотровъ присылались чины разнаго достоинства: въ XVI вѣкѣ производство смотровъ поручалось очень высокимъ лицамъ: окольничимъ и боярамъ и при нихъ дьякамъ, въ XVII—встрѣчаемъ стольниковъ и при нихъ подьячихъ. Они привозили съ собой изъ Москвы списки служилыхъ людей, по которымъ и дѣлалась перекличка и смотръ дворянъ и дѣтей боярскихъ. На основаніи этихъ списковъ составлялись новые, по новымъ даннымъ смотра и верстанія, и дополнялись списками новиковъ, а иногда недорослей. Эти новые списки служили матеріаломъ для слѣдующаго смотра. Сомнительные вопросы докладывались боярамъ въ Москвѣ. Но, кто бы ни былъ назначенъ изъ придворныхъ чиновъ, суть дѣла была не въ нихъ: суть дѣла была въ показаніяхъ окладчиковъ, на основаніи которыхъ московскіе чины и постановляли свои приговоры. Лучше сказать, они только скрѣпляли показанія окладчиковъ. А кто были окладчики? Окладчиками были выборные изъ мѣстныхъ дворянъ: выборы производились всѣми дворянами города [1]). Они давали свои показанія подъ присягой. Московскіе чины опрашивали ихъ публично, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ дворянъ, показанія которыхъ тоже выслушивались. Въ этомъ могла заключаться значительная гарантія правдивости показаній окладчиковъ. Но въ самомъ существѣ дѣла было столько неопредѣленнаго и

[1]) Книги разрядн. I 794, 1621.

трудно уловимаго, что участь служилыхъ людей рѣшалась въ значительной мѣрѣ, усмотрѣніемъ окладчиковъ. Мѣсто усмотрѣнію было очень широкое. Возьмемъ, напримѣръ, рѣшеніе вопроса объ отечествѣ или о служебныхъ заслугахъ. Тутъ нѣтъ никакихъ твердыхъ правилъ, это все дѣло усмотрѣнія. Хотя окладчики и выбирались и дѣйствовали они публично, но вопросы, подлежавшіе ихъ рѣшенію, допускали столько субъективности въ ихъ оцѣнкѣ, что о правдивости ихъ показаній могли быть очень разныя мнѣнія. Московское правительство само понимало трудность этого дѣла и иногда назначало повѣрку верстанья. Такъ, въ 1622 году велѣно было стольнику Ивану Куракину да подъячему Ботвиньеву «допросить окладчиковъ и всего города про тѣхъ новиковъ, которыхъ верстали окольничій Микита Пушкинъ да дьякъ Б. Поздѣевъ: тѣхъ новиковъ помѣстными и денежными оклады верстали по ихъ ли отечеству и службѣ или ихъ верстали не дѣломъ».

Верстаніе опредѣляетъ окладъ денежнаго и помѣстнаго жалованья: только верстаные могутъ получать это жалованье. Тѣмъ не менѣе жалованье не составляетъ необходимаго условія службы. Какъ до верстанья служатъ безъ жалованья, такъ и по верстаньи многіе служили безъ жалованья. Въ 1619 г. упоминаются новгородскіе дворяне и дѣти боярскія, которые служатъ безъ помѣстій; въ 1647 явилось на смотръ нѣсколько служилыхъ ряжанъ верхомъ и съ оружіемъ, т.-е. совершенно готовые выступить въ походъ, а помѣстій за ними не было. Тверской сынъ боярскій А. З. Бобарыкинъ служилъ безъ помѣстья цѣлыхъ 12 лѣтъ [1]). Назначенье денежнаго или помѣстнаго жалованья зависѣло отъ усмотрѣнія правительства. Не было никакихъ общихъ указовъ, которыми регулировались бы размѣры выдаваемаго жалованья и

[1]) Кн. разрядн. стр. 641; Опис. док. и бум. VIII стр. 457; В. И. Сторожевъ, вып. II, стр. 56.

сроки его выдачи. Денежное жалованье выдавалось для извѣстной цѣли, и въ этой цѣли и заключалось объединяющее начало разныхъ распоряженій по выдачѣ жалованья. Денежное жалованье предназначалось не для обезпеченія жизни служилыхъ людей,—для этого назначались помѣстья; оно предназначалось прежде всего для того, чтобы служилый человѣкъ могъ «подняться въ походъ», т.-е. должнымъ образомъ снарядить себя вооруженіемъ и лошадьми: дальнѣйшая цѣль жалованья—прокормленіе людей и лошадей во время похода.

Зубцовскій дворянинъ Г. В. Норматцкій такъ опредѣляетъ цѣль жалованья: «А съ вологодскаго помѣстья ему на государеву службу подняться не чѣмъ, а государева де ему жалованья изъ чети 19 рублевъ, и только де государь его пожалуетъ, велитъ ему дать свое государево жалованье, окладъ его, и онъ на государевѣ службѣ будетъ на добромъ конѣ, въ латахъ да въ шишакѣ, съ пищалью, а простого коня и служилаго человѣка за нимъ не будетъ» [1]).

Поэтому, жалованье нерѣдко выдавалось при самомъ верстаніи новиковъ. Съ новичнаго верстанія для новиковъ начиналась обязательная служба; чтобы они могли къ ней приготовиться, имъ и давали деньги. Прежде поверстанымъ деньги давались при выступленіи въ походъ. Въ указахъ такъ и говорится: «выдать деньги для такой-то службы», ржевской, смоленской и пр. Въ 1578 году приказано было собрать въ Новгородѣ дѣтей боярскихъ на государеву службу во Псковъ, а жалованье обѣщано дать, какъ пріѣдутъ во Псковъ. Въ 1618 году государево денежное жалованье приказано раздать дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ въ Ярославлѣ, какъ только сборщики,

[1]) А вотъ еще весьма любопытная точка зрѣнія на жалованье: воронежскій сынъ боярскій говоритъ, что «за его службы и за смерть убитаго племянника жалованья ему не дано». Воронеж. ак. стр. 171, 1670.

собравъ служилыхъ людей, приведутъ ихъ къ воеводамъ. Это жалованье предназначалось на походныя издержки по прокормленію людей и лошадей [1]).

Служба подъ Смоленскомъ продолжалась подърядъ нѣсколько лѣтъ, а потому жалованье выдавалось ежегодно: въ 1631, 1632 и въ слѣд. [2]). Изъ предшествующаго мы знаемъ, что въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ немного было лѣтъ, когда бы не было службы. Служилые люди должны были быть всегда готовы къ выступленію. Чтобы удовлетворить должнымъ образомъ этой потребности, деньги выдавались не при самомъ выступленіи, а заранѣе, до назначенія похода. Такіе случаи не рѣдки [3]). Но служили

---

[1]) Доп. къ А. И. I № 124; Книги разрядн. I 579.

[2]) Указанія на такіе случаи выдачи жалованья очень многочисленны, приведемъ немногія: Ак. Ист. IV № 256, 1675; Муромск. десят. стр. 90, 1605; А. Э. III № 237, 1633.

[3]) Выдачу жалованья безъ указанія на предстоящій походъ, т.-е. заранѣе, находимъ въ нѣсколькихъ десятняхъ конца XVI вѣка, епифанской и двухъ ряжскихъ. Ряжанамъ дано было жалованье въ 1591 году по десятнѣ 1584 года, а въ 1597 по десятнѣ 1593 года. Если при выдачѣ жалованья ссылка дѣлается на десятни 1584 и 1593 года, то изъ этого надо заключить, что въ промежутки отъ 1584 до 1591 и отъ 1593 до 1597 не было другихъ выдачъ. Если бы такія выдачи были, на нихъ надо было бы сослаться и отправляться отъ нихъ, а не отъ болѣе старыхъ десятенъ. Итакъ, ряжанамъ было дано жалованье въ 1591 и 1597, а, можетъ быть, и въ 1584 и 1593 году. Въ первомъ случаѣ промежутокъ между двумя выдачами будетъ въ 6 лѣтъ, во второмъ будутъ три разныхъ промежутка въ 7, 2 и 4 года. Слѣдовательно, выдачи жалованья, не вызываемыя предстоящимъ походомъ, отдѣляются одна отъ другой, значительнымъ временемъ и разнымъ. Это опять дѣло усмотрѣнія правительства. Опредѣленныхъ сроковъ не было.

Въ ряжской десятнѣ 1579 года встрѣчается, однако, слово срокъ: ряжанамъ, при выдачѣ жалованья,—«не додано по рублю, потому что ихъ денежному жалованью по государеву указу до сроку деньги даны за два года». Что это за срокъ? Нѣтъ основанія думать, что были опредѣленные сроки выдачи жалованья. Изъ ряжанъ въ 1579 году выбрали 100 лучшихъ для нѣмецкаго похода; а такъ какъ они до этого срока два года тому назадъ получили уже жалованье, то

и безъ денежнаго жалованья. Въ десятняхъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка постоянно встрѣчаемъ такое выраженіе: окладчики, опредѣляя способность дворянина къ службѣ, говорятъ: «Безъ государева денежнаго жалованья можетъ служить на мерникѣ, а съ жалованьемъ на добромъ конѣ». Тутъ предполагается служба всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ безъ жалованья, только она будетъ хуже снаряжена, чѣмъ служба съ жалованьемъ.

Встрѣчаемъ указаніе на годовое жалованье. Въ 1556 году городскіе пищальники получали въ годъ по одному рублю и, кромѣ того, соль и хлѣбъ. Въ 1647 году упоминается годовое денежное и хлѣбное жалованье для стрѣльцовъ, казаковъ и пушкарей по новогородскимъ городамъ; около того же времени получали годовое денежное и хлѣбное жалованье служилые люди въ Якутскѣ, а въ Терскомъ городѣ даже дѣти боярскія и стрѣльцы [1]. Это случаи неключительные, и нельзя думать, чтобы перечисленные воины получали свое денежное и хлѣбное жалованье на основаніи верстанья.

Въ виду многочисленности извѣстій о томъ, что выдача денегъ пріурочивалась къ походамъ, и думать нельзя,

имъ теперь дано жалованье съ убавкой кому въ два рубля, кому въ полтора, а кому въ рубль. Слово—«срокъ» употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ русскій человѣкъ и теперь говоритъ, потрясая высоко поднятымъ кулакомъ: дай мнѣ срокъ, и тебя выучу!

Среди ряжскихъ десятенъ XVI вѣка напечатана десятня 1594 года. Слѣдующая за ней десятня составлена въ 1597: какъ я сказалъ, она ссылается на десятню 1593 года, какъ на свою предшественницу, а десятни 1594 года не знаетъ. Какъ же это? Заголовокъ десятни 1594 года сдѣланъ другою рукою, какъ говоритъ издатель, и письмомъ XVII вѣка, а не XVI. Надо думать, что эта десятня или неправильно отнесена къ 1594 году, или что ссылка десятни 1597 года имѣетъ въ виду десятню денежной раздачи, а не просто вереталь-ную, какова десятня 1594 года.

[1]) Доп. къ А. И. I № 91; III № 36, 1647, № 91, 1651, IV № 154 1664 и намекъ на полученіе годового жалованья небольшимъ числомъ дѣтей боярскихъ въ Коломнѣ. Опис. док. и бум. VIII стр. 42. 1577.

что въ Москвѣ возникло уже годовое жалованье, какъ общее правило, независимо отъ потребностей наступившихъ походовъ. Даже жалованье, вызываемое походами, и то, выдавалось не всегда. Это видно изъ того, что служилые люди нерѣдко обращаются къ правительству съ просьбою о выдачѣ жалованья. Въ 1555 году послѣдовалъ указъ объ отправленіи казаковъ въ походъ. На этотъ указъ казаки отвѣчали: «Ити имъ не мочно потому, что они жалованья не получали». Велѣно было дать имъ по полтинѣ на человѣка [1]). Въ 1614 году «присылали бить челомъ государю, царю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичу всея Руси, изъ полковъ, изъ подъ Новгорода, изъ подъ Смоленска, стольники и стряпчіе, и дворяне большіе, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ, и атаманы и казаки о его государевѣ денежномъ жалованьи, и государь царь и в. кн. указалъ въ городы послать для денежнаго сбору властей и дворянъ» [2]). Здѣсь мы имѣемъ случай нахожденія служилыхъ людей въ походѣ; имъ жалованье не только не выдано, но въ казнѣ для этого и денегъ нѣтъ, ихъ надо еще собрать. При такомъ состояніи государственнаго хозяйства едва-ли могла возникнуть мысль о годовомъ жалованьѣ всѣмъ служилымъ людямъ, какъ общемъ правилѣ, и независимо отъ выступленія въ походъ [3]).

Наконецъ, встрѣчаются случаи выдачи жалованья послѣ службы. Въ 1634 году жалованье было выдано дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ по уходѣ ихъ изъ подъ Смоленска. Это жалованье имѣетъ характеръ награды.

[1]) Доп. къ А. И. I № 80.

[2]) Кн. разр. I, 4, 1614.

[3]) Въ предисловіи къ Кормленой книгѣ Костромской четверти высказано мнѣніе, что жалованье лицамъ «пущеннымъ въ четь» выдавалось ежегодно въ отличіе отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, получавшихъ его съ городомъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Это мнѣніе совершенно не соотвѣтствуетъ господствовавшему у насъ порядку.

Жалованье дается для службы и за службу, но не за всякую. По московскимъ понятіямъ была служба столь легкая, сравнительно, конечно, что ее можно было служить и безъ денежнаго жалованья, съ одной земли. Такой легкой службой считалась осадная. За нее жалованья не полагалось [1]. Точно такъ же не полагалось жалованье и за приказную службу, на которую нерѣдко назначались дворяне и дѣти боярскія. Во введеніи къ каширской десятнѣ 1599 года читаемъ:

«Которые дворяне и дѣти боярскія по приказамъ и у дѣлъ по городамъ, и тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ государева ц. и в. князя денежнаго жалованья не давали».

Такъ какъ жалованье дается для службы, то оно дается не просто съ росписки получателя, а за порукой мѣстныхъ дворянъ, которые ручаются «въ службѣ и въ деньгахъ». Весьма обыкновенна такая форма ручательства:

«А поверставъ, денежное жалованье имъ дали съ поруками, что имъ государева служба служить, на срокъ пріѣзжать, и до сроку не съѣзжать».

Но встрѣчаемъ и такую поруку:

«Давали государево жалованье по списку всѣмъ на лицо съ порукою, что имъ быть на государевѣ службѣ конным и оружнымъ».

Эта прибавка, конечно, не измѣняетъ существа дѣла. И безъ нея ручательство «въ службѣ» предполагаетъ и вооруженіе и оконеніе.

Въ случаѣ непріѣзда получившаго жалованье, поручитель долженъ уплатить за него деньги и, кромѣ того, онъ можетъ быть наказанъ еще тюремнымъ заключеніемъ [2]. Кто не представлялъ за себя поручителя, тотъ жалованья не получалъ [3].

[1]) Опис. док. и бум. VIII, стр. 308, 309, 429, 1591 и 1597.

[2]) Рижская дес., 1579, 221; Переяславск. дес. 1590, 62; Кн. разр. I, 10, 1614.

[3]) Опис. док. и бум. VIII, стр. 419, 1597; Тверское двор. в. II, 9.

Выше я указалъ на точки соприкосновенія дворянской и крестьянской службы. Ихъ надо дополнить новой. Крестьяне получаютъ свою наемную плату также за порукой; рѣчь объ этомъ идетъ въ III т. Древностей, стр. 202.

Если мужа убивали въ войнѣ, окладъ его жалованья выдавали женѣ [1]). Увѣчнымъ давали на лѣченіе ранъ, но не по окладу, а по особому усмотрѣнію: 2, 3 и 4 рубля [2]).

Служилые люди имѣютъ по верстанью окладъ денежнаго жалованья, и на походныя издержки дѣйствительно имъ жалуются деньги. Спрашивается теперь, выдаваемое жалованье соотвѣтствуетъ окладу или нѣтъ? Очень нерѣдко выдаваемое жалованье совершенно соотвѣтствуетъ окладу, и въ этомъ случаѣ оно называется «свершеннымъ [3]). Но это соотвѣтствіе не необходимо; бываютъ случаи не только умаленія и прибавки къ окладу, но, при выдачѣ однимъ полнаго жалованья, невыдачи другимъ, ихъ сверстникамъ по службѣ и городу, ни копейки.

Послѣдній случай бываетъ тогда, когда отпущенныя для жалованья деньги исчерпаются прежде удовлетворенія всѣхъ, кому велѣно сдѣлать выдачу. Такъ случилось съ ряжанами въ 1591 году. Изъ наличнаго состава - 379 че-

[1]) Ряжск. дес. 1591 № 489—493.

[2]) А. Э. III, № 234, 1633.

[3]) Терминъ «свершеные 6, 7, 8 р.» и т. д. встрѣчается въ десятняхъ XVI вѣка очень часто, но смыслъ его не всегда ясно бросается въ глаза, а потому считаю нелишнимъ привести нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ значеніе его несомнѣнно.

«489. Ѳ. И. Ретюнской ималъ свершеные 6 р.; сказали про него окладчики, что убили его въ 99 г. крымскіе люди... и по выспросу окладчиковъ Ѳедорѣ, женѣ Рютинскаго, дано мужа ея окладъ 6 р.». Опис. док. и бум. VIII стр. 313.

Ряжскія дѣти боярскія въ 1584 году были поверстаны новичнымъ окладомъ въ 100 четей и 5 рублей. Въ 1591 году имъ дали денежное жалованье по 5 р. Это жалованье называется то первымъ (первые 5 р.), то свершенымъ. Оно, дѣйствительно, и первое, и свершеное, т.-е. безъ убавки. Тамъ же, стр. 296.

ловѣкъ жалованье получили, а девяти «жалованье не дано, потому что денегъ не стало».

Дается жалованіе неполное или вовсе не дается за неявку на службу и за ранній со службы отъѣздъ. Количество вычета опредѣляется особо для каждаго случая. Въ 1591 году «за ругодовскіе пѣты» однимъ не додали половину жалованья, а у другихъ вычли гораздо менѣе. Въ томъ же году вовсе не получили жалованья не пріѣхавшіе на службу противъ крымскаго царя.

Но нерѣдко дается больше, чѣмъ по окладу положено. Прибавка дѣлается за служебные труды, но по очень разнымъ соображеніямъ. Въ 1597 году муромецъ В. М. Ларивоновъ получилъ окладное жалованье 6 р. да въ прибавку 2 р. «за полонъ».

Въ 1634 году бѣжецкіе дворяне и дѣти боярскія получили за смоленскую службу жалованье выше оклада и разное, смотря по тому, кто былъ усерднѣе и долѣе оставался на службѣ [1]). Прибавка противъ оклада за смолен-

[1]) Они были раздѣлены на три статьи, первая получила 25 р., ее составили тѣ, что «оставались на службѣ по 18 октября, по отходъ окольничаго кн. Прозоровскаго, и съѣхали послѣ отходу, и которые, по окладчиковымъ сказкамъ, были отпущены изъ подъ Смоленска до отхода къ Москвѣ, съ отписками, и съ языками, и со всякими государевыми разными дѣлами, и ранены и больны, а у разбору на Москвѣ государево жалованье дано имъ было по 25 рублей человѣку, и нынѣ имъ государево жалованье дано по 25 р.; а другой статьѣ, которые были подъ Смоленскомъ и на Бѣлой, а у разбору на Москвѣ государево жалованье имали по 25-ти рублевъ, а съѣхали изъ подъ Смоленска, недождавшись отходу окольничево кн. Прозоровскаго, самовольствомъ, безъ отпуску, и тѣмъ государево жалованье дано противъ государевы указныя статьи по 20 рублевъ человѣку; а которые дворяне и дѣти боярскія государево жалованье имѣли на Москвѣ у разбору по 20 и по 15 рублевъ, а были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ и подъ Бѣлой, а тѣмъ всѣмъ по государеву указу государево жалованье одна статья, дано по 20-ти рублевъ человѣку». Это жалованье не по окладу, а по особому государеву указу. Изъ приведеннаго мѣста видно, что одни и тѣ же

скую службу была распространена и на зубовскихъ дворянъ. Одинъ изъ нихъ, Ѳ. А. Демьяновъ, получилъ по высшей статьѣ 25 рублей, а окладъ его былъ всего въ 17 р.

Тверской дворянинъ П. К. Рудаковъ имѣлъ окладъ въ 8 р., а въ 1631 и 1634 г. получилъ по 20 р., а въ 1619 г.— 14 рублей. Въ послѣднемъ году окладъ его, кажется, былъ увеличенъ, но только до 12 рублей. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ боярину и воеводѣ кн. П. Б. Черкасскому отъ 1618 года. Въ этомъ наказѣ велѣно было дать жалованье по 15 рублевъ всѣмъ, кто имѣетъ жалованье менѣе 15 р., т.-е. чей окладъ менѣе 15 рублей [1]).

Выдача жалованья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ есть результатъ усмотрѣнія. Это усмотрѣніе обусловливается не одними служебными заслугами, а иногда и наличнымъ состояніемъ служилаго человѣка: бѣднымъ даютъ больше, богатымъ меньше. Въ 1633 году приказано было дать по 25 р. тѣмъ, у кого помѣстья пусты или ихъ и совсѣмъ нѣтъ; по 20 р., у кого было отъ 2 до 15 крестьянъ; у кого болѣе 15 крестьянъ—ничего не давать. Это передъ выходомъ въ походъ [2]).

Сотникамъ былъ обыкновенный окладъ въ 10 р. Эти 10 р. такъ и назывались «сотничьи». Но и сотникамъ выдавали то больше, то меньше. Казацкому сотнику въ 1597 году дано 10 р. «сотничьи», да придано за воронежскую службу 2 рубля. А сотникъ Озеровъ въ 1597 году

лица могутъ получать по 25 р. и по 20, по 15 и по 20, при томъ же окладѣ, это въ зависимости отъ оцѣнки ихъ службы въ извѣстномъ походѣ, при чемъ не дѣлается новаго верстанья и никакой перемѣны въ окладѣ не происходитъ. Для однихъ это прибавка, для другихъ уменьшеніе. В. Н. Сторожевъ, в. II стр. 7.

[1]) В. Н. Сторожевъ в. II стр. 137 и 138; в. I стр. 32; Разр. кн. I стр. 579.

[2]) А. Э. III № 238.

получилъ только первые 6 рублей [1]). Въ Москвѣ на каждомъ шагу величайшее разнообразіе! Пушкари и затинщики въ Рыльскѣ, Сѣвскѣ, Брянскѣ, Курскѣ имѣютъ лавки и торгуютъ, но свободны отъ посадскаго тягла [2]). Московское управленіе не любитъ общихъ правилъ, оно предпочитаетъ приспособляться къ обстоятельствамъ.

Кому и сколько выдать, это обыкновенно опредѣляется царскими указами. Но самая выдача производится на смотрахъ и при участіи окладчиковъ. Окладчики и при выдачѣ денежнаго жалованья играютъ такую же рѣшающую роль, какъ и при верстаніи. Въ 1650 году велѣно было арзамасскимъ дворянамъ выдать по 14 рублей жалованья; окладчики Пв. Воронцову ничего не дали за его плохую службу. Онъ нашелъ это несправедливымъ и подалъ царю весьма характерную жалобу. Вотъ какъ описываетъ онъ свою службу и несправедливость окладчиковъ:

«И будучи на твоей государевѣ службѣ, валъ земленой дѣлалъ и ровъ копалъ и всякую работу работалъ... а мнѣ, холопу твоему, государево жалованье не дано, потому что окладчики оболгали меня, холопа твоего, по недружбѣ, будто меня съ твою государеву службу не будетъ.. А отецъ мой убитъ на твоей государевѣ службѣ подо Ржевою, а брата моего родного, Калины не стало на твоей государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ, и службы, государь, родителей моихъ и мои въ разрядѣ выписаны... Милосердый государь... пожалуй меня, холопа своего, за службы и за кровь отца моего и за смерть брата моего и за мое службишко, вели, государь, мнѣ свое государево жалованье противъ моей братіи выдать».

Рѣшеніе неизвѣстно. Въ челобитьѣ приведены указанія на отечество и на собственную службу. Но собственная служба ограничивается земляными работами, а по-

[1]) Опис. док. и бум. VIII стр. 365 и 384.
[2]) А. И. IV. № 76, 1654.

тому приговоръ окладчиковъ, можетъ быть, и справедливъ [1]).

Въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаемъ и въ вопросѣ о жалованіи особенности, неизвѣстныя XVII вѣку. Тогда выдавалось, кромѣ жалованья по окладу, еще особое жалованье на каждаго выводимаго служилымъ человѣкомъ воина. Это жалованье было различно, смотря по тому, выводилъ ли онъ только обязательное число воиновъ или больше. За обязательныхъ платили по 3 р., по 2 и даже менѣе; за выводимыхъ сверхъ того платили по 3 р., по 5, по 6 и даже больше. Чѣмъ обусловливались эти различія въ вознагражденіи за людей того же характера, это не ясно. Кто выводилъ менѣе людей, чѣмъ долженъ былъ вывести, у того дѣлался вычетъ изъ окладнаго жалованья [2]).

Кромѣ денежнаго жалованья служилые люди получаютъ земельную дачу; она-то и обезпечиваетъ ихъ существованіе. Но и земельная дача не необходима для службы: служатъ и безъ помѣстій. Выше я указывалъ уже на новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые служили безъ помѣстій. Это далеко не единственный случай. Въ десятняхъ можно найти не мало указаній на службу безъ помѣстій и вотчинъ. Такъ служили тверскіе дворяне Давыдовы, нѣсколько ряжскихъ дворянъ и другіе [3]). Имъ, конечно, помогали ихъ родственники. А встрѣчаются и такіе, которые служили безъ помѣстій и денежнаго жалованья.—Но всѣ, поверстанные помѣстными окладами, имѣли право на надѣлъ землей. Какъ же осуществлялось это право?

На этотъ вопросъ отвѣчать общими положеніями чрезвы-

[1]) Архивъ кн. Баюшева I т. стр. 3.

[2]) Эти любопытныя свѣдѣнія находимъ въ вышеприведенной Боярской книгѣ.

[3]) Ряжск. дес. 1591 г. стр. 273, 1647 г. № 35, 42, 44 и 45; Тверск. дес. 1621 № 30 и 36.

чайно трудно, по крайнему разнообразію московской практики. Выше я имѣлъ случай указать на то, что солдаты и рейтары тоже верстаются помѣстными окладами. Отсюда можно было бы вывести, что помѣстныя дачи одинаково обезпечиваютъ содержаніе какъ новыхъ постоянныхъ войскъ, такъ и старыхъ, не постоянныхъ, созывавшихся только на время войны. А въ дѣйствительности это далеко не такъ. Нѣкоторые служащіе въ постоянныхъ войскахъ могли имѣть помѣстья, но не всѣ. Можно думать, что большинство служившихъ въ новыхъ постоянныхъ войскахъ обезпечивалось не помѣстьями, а дачею имъ пашни.

Въ чемъ же разница? Помѣстье состояло изъ населенной земли. Дворяне и дѣти боярскіе получали населенныя земли и жили трудомъ крестьянъ. Люди постоянныхъ войскъ получали не населенныя, а пашенныя земли, которыя они должны были обрабатывать своими руками. А такъ какъ въ постоянныхъ войскахъ служили и дворяне и дѣти боярскія, то, слѣдовательно, и нѣкоторые изъ нихъ жили трудами своихъ рукъ.

Въ 1647 году велѣно было новогородскихъ и ладожскихъ козаковъ и ладожскихъ стрѣльцовъ устроить землями. Въ 1658 году встрѣчаемъ въ Олонецкихъ погостахъ солдатъ и драгунъ, поселенныхъ на пашнѣ. Они посылаются въ разные походы и, кромѣ того, ставятъ изъ своей среды даточныхъ людей. Въ 1667 году старые солдаты, воевавшіе съ нѣмцами и поляками, были поселены на вѣчныя времена въ городѣ Красномъ и получили пашенную землю. Они дали на себя крѣпость «быть на службѣ»; эту крѣпость они сопровождаютъ челобитьемъ о выдачѣ имъ недоданныхъ кормовыхъ денегъ и впредь о жалованьи, ибо скудно [1]). Но разнообразіе земельнаго устройства войскъ шло и еще далѣе. Были стрѣльцы и козаки, которые жили по городамъ и получали тамъ не

[1]). Доп. къ А. И. III № 36; II № 146; V № 55.

пашенные, а дворовые участки. Имъ давали денежное пособіе на дворовое строеніе [1]).

Итакъ, постоянныя войска имѣли очень разнообразное обезпеченіе. Я выше указалъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли годовое жалованье. Нѣтъ основанія думать, что выдачѣ его предшествовало верстаніе. Это годовое жалованье состояло иногда изъ денегъ и хлѣба. Нѣкоторые стрѣльцы, напримѣръ, получали денежное жалованье по 3 р. да ржи и овса по 6 четвертей. Нѣкоторымъ драгунамъ и солдатамъ вмѣсто хлѣба натурой давали поденный кормъ въ размѣрѣ 7 и 8 денегъ, разную сбрую изъ казны, да на платье по 3 руб. Эти тоже не верстались и денежнаго и помѣстнаго оклада не имѣли [2]). Перечислить всѣ эти разности не представляется никакой возможности, да это, конечно, и не нужно: для характеристики московскихъ порядковъ довольно сказаннаго.

Перехожу къ дачѣ земель. Надѣленіе постоянныхъ войскъ пашенной землей совершалось массами. Правительство приказывало, напримѣръ, всѣхъ новогородскихъ и ладожскихъ козаковъ устроить землями и ихъ устроивали, такъ какъ пустыхъ земель было много. Устроивать такимъ образомъ помѣстьями можно было только въ исключительныхъ случаяхъ. Такой случай наблюдаемъ при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, по присоединеніи новогородскихъ владѣній къ Москвѣ. Онъ конфисковалъ тогда всѣ новогородскія боярщины и боярщинки и роздалъ ихъ въ помѣстья цѣлой массѣ московскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [3]). Но въ обыкновенное время такихъ массовыхъ раздачъ помѣстій производить было нельзя, ибо свободныхъ населенныхъ имѣній или и совсѣмъ не было, или ихъ было немного. Какъ же надѣлялись имѣвшіе помѣстный окладъ дворяне и дѣти боярскія? Они надѣлялись, когда оказывались на лицо сво-

[1]) А. И. I № 228, 1589.

[2]) А. Э. III 190, 1632; № 287, 1639.

[3]) Подробнѣе объ этомъ въ III т. Древностей.

бодныя населенныя имѣнія. Для этого не было никакого опредѣленнаго срока. Свободныя помѣстья могли оказаться въ случаѣ смерти помѣщика или отобранія у кого-либо помѣстій и вотчинъ.

Московскіе государи раздавали въ помѣстья и свои дворцовыя имѣнія и чорныя села и деревни, но ихъ нельзя же было раздать всѣ: этотъ источникъ тоже былъ ограниченный. Спросъ на помѣстья всегда превышалъ предложеніе. Кому же давали свободное помѣстье изъ имѣющихъ право получить? Тутъ не было никакой очереди. Желающихъ получить свой окладъ были тысячи; какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, никто не имѣлъ помѣстья въ мѣру своего оклада, и, слѣдовательно, всѣ имѣли право на открывшееся помѣстье; а сколько было помѣстій? На этотъ вопросъ, конечно, нельзя отвѣчать цифрами; но, такъ какъ ни у кого не было полнаго оклада, то помѣстій всегда недоставало для необходимыхъ дачъ. Какъ же они раздавались? Помѣстье могло открыться въ Каширскомъ уѣздѣ, а имѣющіе право его получить были въ каждомъ уѣздѣ Московскаго государства, кому же его дать? Да и кто знаетъ, что оно есть налицо? О дачѣ помѣстья надо было бить челомъ, т.-е. просить. А, чтобы просить надо было знать, что помѣстье открылось. А чтобы это знать, надо было высматривать, не умеръ ли кто нибудь или не владѣетъ ли кто-нибудь большимъ количествомъ земли, чѣмъ ему отведено, или не завладѣлъ ли кто-нибудь помѣстьемъ неправильно, или не владѣетъ ли послѣ того, какъ у него приказано отобрать, и т. д. Это цѣлая система высматриванія, вывѣдыванія и подыскиванія подъ своими ближними. Въ этой смрадной атмосферѣ жило наше дворянство во все время дѣйствія разсматриваемой системы.

Помѣстій не было, а потому дворяне и дѣти боярскія били иногда челомъ и о надѣленіи ихъ порожжими землями, дикимъ полемъ. Объ этомъ говоритъ уложеніе (XVI, 40). Но изъ другого памятника узнаемъ, что дво-

ряне и дѣти боярскія въ 1620 году не били челомъ даже о надѣленіи ихъ старыми отцовскими помѣстьями, потому что они пусты и служить не съ чего.

Итакъ, о дачѣ помѣстья надо бить челомъ; но случаются и предложенія со стороны правительства. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка есть много указаній на дачу дворянамъ пустошей; онѣ давались на льготѣ. Дворяне брали и пустоши, но встрѣчаются и отказы отъ такихъ дачъ.

Какъ далеко шло несоотвѣтствіе помѣстныхъ дачъ съ окладами, это ясно изъ напечатанныхъ В. Н. Стороженкомъ десятенъ. Денежное жалованье, какъ мы видѣли, часто соотвѣтствовало окладу, но иногда было выше и ниже оклада. Помѣстныя дачи рѣдко равняются окладу, онѣ почти обыкновенно ниже оклада и намного, а никогда не выше: я по крайней мѣрѣ, не замѣтилъ ни одного случая.

Въ десятняхъ конца XVI вѣка встрѣчаемъ очень мало данныхъ для сравненія окладовъ съ дачей; но и эти немногія данныя подтверждаютъ мои обобщенія.

Въ ряжской десятнѣ 1591 года приведено нѣсколько нужныхъ намъ свѣдѣній о дѣтяхъ боярскихъ, павшихъ въ войнѣ съ крымскими людьми. У Свиридова, при окладѣ въ 100 четей, было усады только на 40 четей: у К. Ретюнскаго, при окладѣ въ 150 четей, было усады только на 55 четей; у П. Ретюнскаго, при окладѣ въ 200 четей, было усады только на 14 четей. Все меньше и на много.

Въ муромской десятнѣ 1597 года встрѣчается небольшой списокъ новиковъ, которые были уже повершаны помѣстнымъ окладомъ, а денежнымъ еще нѣтъ. Ихъ всего 14 человѣкъ съ окладомъ въ 200 четей; помѣстья же оказались только у шести, и вотъ въ какомъ размѣрѣ: у Невзора — 177 четей, у двухъ братьевъ Лопатиныхъ—125, у третьяго Лопатина 75, у Кикова—40 и у Оксентьева—12. У остальныхъ вовсе не было помѣстій.

а были вотчины, и только у одного въ 25 четей, у другихъ по 5, 4, 3 и 2 чети. Это размѣръ крестьянскаго участка! Я указывалъ на то, что служба дворянская и крестьянская близко сходятся; изъ приведеннаго примѣра видно, что и состоянія ихъ тоже не далеко расходятся.

Данныя для сравненія окладовъ и дачъ въ XVII вѣкѣ очень многочисленны. Приведу нѣкоторыя. Въ зубцовской десятнѣ 1622 года при окладѣ въ 850 четей находимъ одну дачу въ 200 четей, при 800 — одну въ 60, при 750—одну въ 110, при 650—одну въ 157 въ разныхъ уѣздахъ, при 600 —нѣсколько дачъ отъ 200 до 395; окладъ въ 350 четей имѣли 27 дворянъ, изъ этого числа у 12 не было ни помѣстій, ни вотчинъ, у остальныхъ дачи или отъ 60 четей до 250; съ окладомъ въ 300 четей оказалось 17 дворянъ, у которыхъ не было помѣстій, изъ нихъ у 15 не было и вотчинъ, и это на 27 дворянъ съ такимъ окладомъ. Но среди нихъ были и счастливцы: Вахровъ имѣлъ помѣстье въ 180 четей, а Сысоевъ—въ 201.

Ту же картину даетъ и дворянство Тверского уѣзда. При окладѣ въ 900 четей была одна дача въ 374, при 750—одна въ 196, при 700—нѣсколько дачъ отъ 111 до 395 четей, при 650—нѣсколько дачъ отъ 134 до 430, при 600—одна дача въ 149. При 250 на 16 человѣкъ шестеро не имѣли ни помѣстій, ни вотчинъ, а Трыпковъ имѣлъ 200 четей, Жуковъ 250. это чрезвычайно рѣдкій случай соотвѣтствія помѣстья окладу; а меньшая дача при этомъ окладѣ была въ 20 четей. При окладѣ въ 200 четей у Рудакова дача въ 196 четей, у Мерлина въ 200, а у шести дворянъ помѣстій вовсе не было; у трехъ изъ нихъ были вотчины, но пустыя. Съ окладомъ въ 100 четей было шесть дворянъ. У пяти изъ нихъ помѣстій не было, про шестого сказали, что никто не знаетъ, есть у него помѣстья или вотчины, а также никто не знаетъ и того, гдѣ онъ самъ находится. Такія же данныя находимъ и въ другихъ десятняхъ того же времени.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько болѣе позднихъ

данныхъ изъ ряжской десятни 1617 года, въ которой встрѣчаемъ только четыре оклада: въ 250, 200, 150 и 100 четей. При окладѣ въ 250 четей дачи были отъ 40 четей до 102, при окладѣ въ 200 четей дачи отъ 7 до 120, одна была въ 235, но это общее помѣстье отца и двухъ сыновей. При окладѣ въ 150 дачи отъ 25 до 117, одна въ 160, но опять общая двухъ братьевъ. При окладѣ въ 100 четей на 16 дворянъ у 5 помѣстій не было, а у остальныхъ дачи идутъ отъ 20 до 70 четей, у одного въ 168, это опять общая на двухъ.

Итакъ, помѣстныя дачи не стоятъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ окладу. При одномъ и томъ же окладѣ можно было не только имѣть разныя дачи, но однимъ имѣть, а другимъ и вовсе ихъ не имѣть. При меньшемъ окладѣ можно было имѣть болѣе крупное помѣстье, чѣмъ при большомъ окладѣ. Все это хорошо объясняется способомъ раздачи помѣстій. Никакого порядка раздачи не было. Помѣстья давались тому, кто умѣлъ выслѣдить свободное и первый билъ челомъ о дачѣ. Отсюда все то безконечное разнообразіе государева жалованья, которое наблюдается въ десятняхъ.

Разнообразіе первыхъ дачъ новикамъ имѣетъ и другую причину. Изъ только что приведенныхъ данныхъ видно, что отцы съ сыновьями и братьями иногда имѣютъ общія дачи, но считаются эти дачи за кѣмъ-нибудь однимъ изъ нихъ, при отцѣ — за отцомъ. Это такъ называемый «припускъ». Подъ припускомъ разумѣется не надѣленіе вновь поверстаннаго особымъ помѣстьемъ, а предоставленіе ему права пользоваться средствами помѣстныхъ дачъ отца и брата, если, конечно, эти дачи считались окладчиками достаточными для содержанія двухъ и болѣе лицъ. По смерти отца или брата эти дачи переходили къ одному уже «припущенному» сыну или младшему брату; а если ихъ было нѣсколько, они могли быть подѣлены между ними. У отцовъ могло быть значительное помѣстье, оно, по его смерти, передавалось сыну, который

былъ припущенъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые новики оказались съ хорошими дачами. Другіе, отцы которыхъ ничего не имѣли, не могли быть припущены и, по смерти отцовъ, какъ и при жизни ихъ, могли оказаться вовсе безъ дачъ.

«Припускъ» опредѣляется при самомъ верстаньѣ. Верстанью «въ припускъ» противополагается верстанье «въ отводъ». Оно имѣетъ мѣсто тогда, когда окладчики находятъ, что сыну съ отцовскаго помѣстья служить «не чѣмъ». Иногда и отцы просятъ поверстать въ отводъ. Въ 1622 году о сынѣ тверского дворянина, П. П. Хомякова, окладчики заявили, что «ему съ отцовскаго помѣстья служить не съ чево, пусто». А Хомяковъ самъ сказалъ: «Велѣлъ бы ему государь служить осадную службу въ Твери, а сына бы его, Ивана, велѣлъ бы государь поверстать въ отводъ». Это ходатайство подтвердили и окладчики: «И Потапу велѣно служить осадная служба, а сынъ его, Иванъ, верстанъ въ новикахъ въ отводъ, потому, сказали окладчики и съ городомъ, что съ того отцова помѣстья служить ему не мочно, пусто». О томъ же проситъ и другой тверской боярскій сынъ, З. П. Бобарыкинъ. Онъ старъ и увѣченъ и бьетъ челомъ государю, помѣстье съ него снять, потому что пусто, а сына его поверстать «въ отводъ».

Дача, какъ мы видѣли, совершенно не соотвѣтствуетъ окладу: при маломъ окладѣ можно имѣть большую дачу и при большомъ малую. Но окладомъ чрезвычайно дорожатъ. Окладъ увеличивается за заслуги и уменьшается за плохую службу. Всѣ служилые люди добиваются увеличенія оклада. Почему же это?

А вотъ почему. За особо усердную службу, за осадное сидѣніе, раны, увѣчья, московскіе государи жаловали помѣстныя земли въ вотчину. Размѣръ такого пожалованія обыкновенно опредѣлялся въ 20 четей со 100 четей оклада [1]). Чѣмъ выше окладъ, тѣмъ больше получалъ по-

[1]) Указн. кн. пом. прик. № 55 а.

жалованный. Вотъ почему московскіе служилые люди всѣми способами добивались повышенія оклада. Любопытная черта. Она доказываетъ, что и въ XVII вѣкѣ помѣстье и вотчина не одно и то же, тѣмъ болѣе прежде. Въ вотчинѣ цѣнили собственность. А у насъ и теперь еще есть ученые, которые говорятъ и пишутъ, что наша древность не знала собственности.

Вотчина есть собственность и, какъ таковая, переходитъ къ дѣтямъ по наслѣдству; помѣстье же въ общемъ порядкѣ не наслѣдуется. Муромскій сынъ боярскій Т. О. Невзоровъ давно былъ боленъ и въ службу не годился; у него былъ сынъ одного года и помѣстье въ 177 четей. Разсмотрѣвъ этотъ случай, бояре приговорили: отдать Тимохино помѣстье его старшему брату съ условіемъ, чтобы онъ кормилъ больного. О малолѣтнемъ сынѣ и рѣчи нѣтъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи былъ бы сынъ Т. О. Невзорова, если бы 177 четей принадлежали его отцу на вотчинномъ правѣ. Приведенный случай относится къ самому концу XVI вѣка. Какъ же было не добиваться большихъ окладовъ и пожалованія помѣстій въ вотчину?

Покончивъ съ вопросомъ о верстаньѣ и дачѣ денежнаго и помѣстнаго жалованья, которое могло быть и не дано, можно теперь говорить и о самой службѣ, ея видахъ и размѣрахъ.

Въ Москвѣ было нѣсколько видовъ службы, различавшихся по тягости и издержкамъ. Легкой, сравнительно, службой, считалась осадная и обозная; трудной — полковая и при нарядѣ.

Осадная — это служба по защитѣ укрѣпленій города. Смотря по требованію обстоятельствъ, въ защитѣ городовъ принимали участіе всякія войска; но спеціально осадная служба возлагалась на тѣхъ воиновъ, которые по преклонному возрасту и болѣзнямъ не могли принимать участія въ походахъ. По общему правилу, это была пѣшая служба; но встрѣчаются и осадные на коняхъ. Въ осадную службу переводили всѣхъ, кто болѣе не годился въ

полковую. При этомъ осаднымъ людямъ полагался уменьшенный окладъ въ 20 четей: у кого земли было больше, то отбиралось; денежнаго же жалованья они вовсе не получали. Осадную службу можно было нести даже «съ пуста», т.-е. если земля была вовсе незаселенная [1]).

Эти спеціалисты осады представляютъ чрезвычайно жалкій разрядъ войска. Кашинскій дворянинъ Г. И. Еремѣевъ былъ увѣченъ, безъ ногъ, не имѣлъ ни крестьянъ, ни бобылей, а служить осадную службу ему было приказано. И. Т. Кувшиновъ руки не имѣлъ, ему также приказано было служить осадную службу. Одинъ дворянинъ былъ такъ бѣденъ, что жилъ въ одной избѣ съ своимъ бобылемъ; онъ тоже зачисленъ въ осаду.

По ряжской десятнѣ 1591 года служба въ обозѣ поставлена рядомъ со службой въ осадѣ. Другихъ подробностей не встрѣтилъ.

Полковая служба требуетъ силъ здороваго человѣка и нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ для вооруженія и окоченія. Она различается по разстоянію отъ мѣста постояннаго жительства и носитъ наименованіе то ближней, то дальней. Ближняя легче дальней. Со введенія огнестрѣльнаго оружія артиллерія сопровождаетъ полки; служба въ артиллеріи носитъ наименованіе службы «у наряда» и относится тоже къ тяжелой. Ближняя полковая называется иногда «рядовой» [2]).

Вооруженіе полковыхъ было различно. Оно состоитъ изъ защитнаго, которое носило наименованіе «доспѣха», и боевого. Къ защитному принадлежали: панцыри, шеломы, зерцала, наручники, батырлыки, тегиляи, шапки желѣзныя; къ боевому: сабли, саадаки, топорки, копья, пищали. Спеціалисты осады, если имѣли вооруженіе, тоже, конечно, вооружались. Но, при осадѣ, могли быть полезны

[1]) Тверск. дес. № 73, 110, 113, 117; Кашин. дес. № 19, 23, 38; Ряжск. д. 1594 года № 469, 515, 523.

[2]) Зубцовская десятня стр. 80.

и не вооруженные люди. Люди, сопровождавшіе своихъ господъ, также были вооружены, и, случалось, одинаково съ господиномъ.

Въ полковой службѣ чрезвычайно важную роль играло окоиеніе; вся полковая служба была конная. Въ разсматриваемое время было много весьма опредѣленныхъ различій въ качествѣ лошадей; онѣ играли важную практическую роль. Мнѣ эти различія представляются не совсѣмъ ясными.

Первое мѣсто среди лошадей занимаетъ «конь» просто или «добрый конь». На немъ выѣзжаетъ самъ господинъ: но, если онъ со средствами, то и его люди. Послѣднее мѣсто принадлежитъ «меринѣ»; это вьючная лошадь: на немъ везутъ «юки». Но на меринѣ выѣзжаютъ и сами господа, кто побѣдиѣе. Середину между конемъ и мериномъ занимаютъ: средній конь, простой конь, обышный конь и кошпика. Можно думать, что это только разныя наименованія коня средняго достоинства. На этомъ среднемъ конѣ выѣзжаютъ и сами господа, и ихъ люди, смотря по достатку.

Дворяне и дѣти боярскія, обязанные къ походной службѣ, должны выводить съ собой одного, двухъ и болѣе слугъ, тоже вооруженныхъ и конныхъ; кромѣ того за нимъ слѣдовалъ на меринѣ человѣкъ съ вьюкомъ. Люди бѣдные выѣзжали одни, безъ всякой свиты, даже безъ вьюка.

Служилымъ людямъ въ Москвѣ велись списки, которые носятъ очень разныя наименованія, — это: то просто списки, то служилые списки, то разборные, то десятни. Въ этихъ спискахъ служилые люди перечисляются, иногда, по рубрикамъ. Такихъ рубрикъ обыкновенно три: выборъ, дворовые, городовые. Иногда встрѣчаются только двѣ послѣднихъ рубрики. Встрѣчаются списки и безъ всякихъ рубрикъ, какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и въ XVII [1]). Списки

[1]) Безъ рубрикъ всѣ четыре рязскихъ списка отъ 1591 года по 1617 годъ. Въ спискахъ Коломны и Переяславля XVI в. нѣтъ выбора,

новиковъ всегда безъ рубрикъ. Отсюда слѣдуетъ, что эти различія выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ нѣчто позднѣйшее верстанья. Эти различные признаки по наслѣдству не передаются.

Выборные всегда занимаютъ первое мѣсто въ спискѣ, и число ихъ не велико; дворовые — второе, число ихъ всегда больше; городовые — послѣднее, число ихъ самое большое. Въ Каширѣ по списку 1599 года: выбора—51, дворовыхъ — 79, городовыхъ — 96; въ Твери по списку 1621 года: 11, 36, 76; въ Кашинѣ по списку 1622 года: 9, 24, 92 и т. д.

Что же это такое, откуда эти различія, и какое ихъ значеніе?

Это остатокъ весьма почтенной старины. Для объясненія списка выборныхъ имѣемъ достаточныя указанія источниковъ. Еще въ началѣ XVI вѣка въ походы посылали не всѣхъ городскихъ дѣтей боярскихъ, а по выбору. Всѣхъ, конечно, и послать нельзя было, по неготовности многихъ изъ нихъ. Готовы могли быть только лучшіе, а ихъ надо было выбрать. Это и были списки выборныхъ. Въ 1508 году Москва воевала Литву; въ этой войнѣ принимали участіе кн. В. П. Шемячичъ и Мих. Льв. Глинскій (нѣмецъ). Передъ госпожинымъ днемъ, августа 10, Мих. Льв. Глинскій пріѣхалъ къ великому князю съ рубежа въ подводахъ и въ тотъ же день ѣлъ у великаго князя и пировалъ у него со всѣми своими пріятелями; во время пира ему и его пріятелямъ были поднесены дары. Оставался онъ у великаго князя 10 дней, а въ послѣдній день сталъ просить у него людей для защиты своихъ городовъ: Мозыря и Турова.

«И вел. князь послалъ съ кн. Михайломъ воеводу своего, кн Несвицкаго, а съ нимъ людей выборомъ: галичанъ, костромичъ, да татаръ городецкихъ [1]).

Такъ, вѣроятно, и возникли первые списки выборныхъ.

[1]) Древн. разр. кн., стр. 40.

Въ 1591 г. приказано было поставить въ правую руку большихъ дворянъ да изъ городовъ выбранныхъ дѣтей боярскихъ [1]. Лучшіе люди изъ городовъ были нужны не для одной боевой походной службы. Во время войны бывали всякія посылки съ разными порученіями. Для этого тоже требовались отборные люди. Въ наказѣ тульскимъ воеводамъ 1615 года читаемъ:

«А во всякія посылки воеводамъ посылать дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ, чтобы дворяне выборные и дѣти боярскія лучшіе во всякіе посылки ѣздили, и даромъ на службѣ не жили; а меньшіе въ статьи дѣти боярскія большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ не ослуживали, чтобы передъ дворяны и передъ дѣтьми боярскими лучшими дѣтемъ боярскимъ молодымъ на службѣ посылокъ лишнихъ однолично не было» [2].

Въ выборные пишутъ дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ. Кто не попалъ въ списокъ выборныхъ, тотъ состоитъ въ спискѣ городовыхъ, т.-е. въ спискѣ мѣстныхъ дворянъ извѣстнаго города.

А что такое дворовые? По этому вопросу наши памятники не такъ ясны; но все же они даютъ возможность предложить объясненіе весьма правдоподобное.

У московскихъ князей съ давняго времени были свои полки. Воеводы этихъ полковъ, въ отличіе отъ другихъ, носили наименованіе дворовыхъ воеводъ. Если были «дворовые воеводы», то должны были быть и «дѣти боярскія изъ двора», тоже дворовыя, входившія въ составъ полка великаго князя. Они дѣйствительно упоминаются въ росписи людей по полкамъ 1509 года. Въ этомъ году кн. В. В. Шуйскому приказано было оставить въ своемъ передовомъ полку изъ своихъ людей, которые у него были, 500 головъ дѣтей боярскихъ, кромѣ тѣхъ князей

[1]) Симб. сбор. 115 стр.
[2]) Книги разрядныя I, 44.

и дѣтей боярскихъ, которые «изъ двора» и изъ городовъ, тѣхъ всѣхъ отдать кн. Василію Даниловичу да кн. Александру Володимировичу, и они себѣ тѣхъ людей подѣлятъ сами. «Изъ двора» это и будутъ дѣти боярскія полка вел. князя. Въ ихъ составъ, кромѣ московскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, могли входить и городовыя. Они, надо думать, и писались дворовыми, ибо служили въ государевомъ полку по особому дворовому списку. Люди изъ полка великаго князя нерѣдко посылались для пополненія другихъ полковъ. Въ 1551 году, напримѣръ, люди изъ государева полка находились въ большомъ полку [1]). Съ теченіемъ времени особый полкъ великаго князя исчезаетъ, въ XVII вѣкѣ онъ болѣе не встрѣчается. Но дворовыя дѣти боярскія встрѣчаются и въ спискахъ XVII вѣка, какъ переживаніе. Уложеніе еще говоритъ и о выборѣ и о дворовыхъ (XVI, 1).

Итакъ, выборъ и дворовые — это остатокъ старины. Москва очень ея держится, а потому и въ XVII вѣкѣ составляются еще списки и выбора, и дворовыхъ, но первоначальное различіе между ними весьма ступевалось. Только что приведенное мѣсто изъ наказа тульскимъ воеводамъ уже указываетъ на это. Въ немъ безразлично идетъ рѣчь о выборныхъ дворянахъ и лучшихъ дѣтяхъ боярскихъ. Выборные — это лучшіе, но рядомъ съ ними идутъ въ посылки и просто лучшія дѣти боярскія, хотя бы въ спискѣ выбора и не стояли. Въ разборныхъ спискахъ 1622 года встрѣчаемъ выборныхъ, которые находятся въ разныхъ посылкахъ и въ воеводахъ; но и дворовые также бываютъ въ посылкахъ, служатъ въ осадныхъ головахъ, въ головахъ у стрѣльцовъ и казаковъ и даже въ воеводахъ. Зубцовскій дворянинъ, кн. П. Л. Шаховской, написанъ въ дворовомъ спискѣ, а былъ кашпрскимъ воеводой. Городовые дворяне (т.-е. записанные по

[1]) Древн. разр. кн. стр. 42, 121, 155, 156, 1546—1552; Симбирск. сборн. стр. 590, 1572.

городовому списку) въ посылки тоже посылаются, хотя въ болѣе мелкія: служатъ они не въ головахъ, а въ сотникахъ; въ воеводы назначаются очень рѣдко.

По спискамъ (десятнямъ) XVII вѣка вся разница этихъ трехъ группъ сводится къ тому, что лица высшей группы имѣютъ высшій окладъ, но не всѣ, а только первыя. Окладъ выборныхъ по зубцовской десятнѣ идетъ отъ 500 четей до 850, дворовыхъ отъ 150 до 800, городовыхъ отъ 250 до 500. Въ цѣломъ высшая группа крупнѣе низшей; а если взвѣшивать не группу, а отдѣльныя лица, то даже среди городовыхъ найдутся лица по окладу равныя съ выборными. Выборъ, дворовая служба и городовая—это исторически сложившіяся различія, которыя въ XVII вѣкѣ въ значительной степени утратили свои особенности и находятся въ стадіи вымиранія.

Перехожу къ вопросу о томъ, кѣмъ и какъ опредѣлялся размѣръ службы, которую должны были нести служилые люди. На первый вопросъ отвѣчать очень легко. Размѣръ службы опредѣлялся на смотрахъ, на которыхъ происходили также и верстаніе и раздача денегъ, присланными изъ Москвы чинами и окладчиками, при участіи всѣхъ мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это опредѣленіе могло быть измѣнено въ Москвѣ боярами.

Опредѣленіе размѣровъ службы дѣлалось для каждаго лица въ отдѣльности. Чѣмъ же при этомъ руководились? Никакихъ указовъ, опредѣляющихъ мѣру службы, до насъ не дошло. Мы имѣемъ только краткое свидѣтельство лѣтописи подъ 1556 годомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Иванъ Грозный

«Съ вотчинъ и съ помѣстій уложенную службу учинилъ, со ста четей доброй, угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь».

Это извѣстіе очень не полно. Со ста четвертей доброй, угожей земли долженъ выѣхать одинъ человѣкъ на конѣ. А мы знаемъ, что повинности въ древности ле-

жали не на землѣ вообще, а только на населенной. Съ пуста никто ничего не давалъ и не платилъ. Далѣе, земли были очень разнаго качества: добрыя, средняя и плохія. Взявъ все это въ соображеніе, извѣстіе лѣтописи надо выразить такъ: человѣкъ на конѣ брался со 100 четей земли доброй и достаточно населенной, а при отсутствіи этихъ качествъ—ничего не бралось. Такъ это и было. А наличность или отсутствіе служебныхъ качествъ земли опредѣлялись усмотрѣніемъ окладчиковъ.

Документы XVII вѣка и конца XVI-го даютъ возможность ближе подойти къ этому порядку опредѣленія по свойствамъ владѣній. На первый взглядъ, списки служилыхъ людей этого позднѣйшаго времени даютъ возможность установить только отрицательныя условія, не вліявшія на размѣры службы. Вотъ они.

Окладъ не оказывалъ никакого вліянія на размѣръ служебныхъ обязанностей. При одномъ и томъ же окладѣ можно было нести разную службу. При окладѣ въ 100 четей и 14 р. жалованья можно было выходить на полковую службу на конѣ, въ сопровожденіи трехъ служилыхъ людей тоже на коняхъ, съ тремя запасными простыми конями и съ человѣкомъ въ кошу на двухъ меринахъ, и того—пять человѣкъ и девять лошадей. При томъ же окладѣ можно было выйти на службу на конѣ съ простымъ запаснымъ конемъ съ двумя служилыми людьми: одинъ на конѣ, другой на меринѣ, да съ человѣкомъ въ кошу на меринѣ, и того 4 человѣка и 5 лошадей. Вооруженіе тоже разное. Первый долженъ былъ явиться въ панцырѣ, шлемѣ, въ бархатной приволокѣ, съ саадакомъ, второй—только въ панцырѣ да шлемѣ. Разница весьма значительная, особенно въ лошадяхъ, и не только въ ихъ числѣ, но и въ достоинствѣ: у перваго 7 коней да 2 мерина, у второго 3 коня да 2 мерина, а окладъ равный [1]. Это очень понятно. Изъ предыдущаго

[1]) Коломен. дес. 1577 № 4 и 5.

мы знаемъ, что окладъ—величина совершенно идеальная. Имъ вовсе не опредѣляется способность къ службѣ.

Идемъ далѣе. Служба не только не опредѣляется окладомъ, она не опредѣляется и дачей. При одномъ и томъ же помѣстьѣ и денежномъ жалованьѣ служба можетъ быть разная, и наоборотъ. Два тверскихъ дворянина, по мнѣнію окладчиковъ, могли безъ государева денежнаго жалованья одинаково служить на середнемъ конѣ, безъ людей и добавочныхъ коней, а у одного изъ нихъ была дача въ 225 четей, а у другого помѣстій и вотчинъ—561 четь, крестьянъ и бобылей одинаковое число, по 12 человѣкъ. Число крестьянъ одинаково, а земли у второго болѣе. чѣмъ вдвое больше; служба же у нихъ одна и та же. Два коломенскихъ новика, въ 1577 году, получили при верстаньѣ по $3^1/_2$ рубля жалованья, а служба ихъ была опредѣлена различно. Одинъ долженъ былъ служить на конѣ, имѣть въ запасѣ коня простого и человѣка на мериѣ съ юкомъ, другой выѣзжалъ безъ запаснаго коня. Трое тверскихъ дворянъ могутъ. по мнѣнію окладчиковъ, выѣзжать, безъ государева жалованья, только на мериѣ, а у одного изъ нихъ 438 четей и 4 крестьянъ и бобылей, у другого—275 четей и одинъ бобыль. у третьяго – 300 четей и 6 бобылей [1]). Ни число четей, ни число крестьянъ не опредѣляетъ мѣры способности къ службѣ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы набрать много.

Десятни двадцатыхъ годовъ XVII вѣка даютъ только одинъ положительный признакъ для опредѣленія способности къ полковой службѣ: земля должна быть населена, съ пуста нѣтъ полковой службы; съ пуста полагается только осадная служба.

Если служба не опредѣляется ни окладомъ, ни мѣрою земли, ни числомъ крестьянъ и бобылей, ни денежнымъ жалованьемъ. то чѣмъ же она опредѣляется? А что она

[1]) Тверск. дес. 1621 ч. № 7, 19, 27, 31, 32; Опис. док. и бум. VIII стр. 35, № 236, 237.

опредѣляется, —это несомнѣнно. Мы имѣемъ коломенскую десятню 1577 года, которая вся состоитъ изъ такихъ опредѣленій: «Быти ему на службѣ на копѣ въ панцырѣ и т. д., да за нимъ три человѣка на коняхъ, въ панцырѣхъ и т. д, да человѣкъ на меринѣ съ юкомъ». Выѣхать въ такомъ видѣ въ полкъ, это обязанность. Тверскіе разборные списки (десятни) 1621 и 1622 годовъ, составленіе которыхъ вызвано желаніемъ правительства узнать, въ какомъ состояніи находятся служилые люди, постоянно говорятъ о томъ, можетъ или нѣтъ служилый человѣкъ подняться на государеву службу, и если можетъ, то въ какомъ видѣ. Это безконечный рядъ соображеній окладчиковъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ тотъ или другой дворянинъ можетъ нести государеву службу. Эти соображенія отправляются, конечно, отъ тѣхъ же основаній, отъ какихъ отправляются и опредѣленія мѣры службы. Что же это за основанія?

Въ III т. Древностей, говоря о повинностяхъ землевладѣльцевъ, я доказывалъ, что повинности эти опредѣляются не какими-либо внѣшними признаками, напримѣръ, мѣрою земли, а общимъ состояніемъ хозяйства. То была индивидуальная оцѣнка всякаго хозяйства. Здѣсь было то же. Способность къ службѣ каждаго дворянина опредѣлялась индивидуально по состоянію его хозяйства.

Списки служилыхъ людей, которые дошли до насъ, составлены очень неодинаково и чрезвычайно коротко. Въ нихъ внесено далеко не все то, что было въ виду у окладчиковъ. Коломенская десятня, опредѣляющая службу, приводитъ окладъ помѣстный и денежный и денежную выдачу, но вовсе не говоритъ о размѣрахъ помѣстій, а можно ли сомнѣваться въ томъ, что помѣстныя и вотчинныя дачи при опредѣленіи службы тоже брались въ соображеніе на ряду съ другими условіями хозяйства. Разборныя десятни двадцатыхъ годовъ XVII вѣка подробнѣе, но и онѣ составлены не по одному образцу, хотя во главѣ осмотрщиковъ стояли одни и тѣ же лица, при-

сланныя изъ Москвы: стольникъ кн. Куракинъ и подъячій Ботвиньевъ. Тверской и зубцовскій списки приводятъ помѣстный окладъ и помѣстную дачу съ показаніемъ числа четей, крестьянъ и бобылей; списки кашинскій и бѣжицкій приводятъ помѣстный и денежный окладъ, но помѣстную дачу обозначаютъ только числомъ крестьянъ и бобылей, а не четями, а, конечно, при опредѣленіи службы, окладчики брали въ соображеніе и размѣры помѣстій и вотчинъ. Если эти данныя, которыя легко было занести въ списокъ, въ него не заносились, то что же сказать о той общей оцѣнкѣ хозяйства, на основаніи которой дѣлалось заключеніе о способности къ службѣ? Ее и занести-то было нелегко. Вѣдь это не статистическая цифра, а цѣлое разсужденіе. Вотъ почему окладчики, обыкновенно, ограничиваются краткимъ результатомъ своей оцѣнки положенія хозяйства того или другого дворянина. Приведя число четей и крестьянъ или только крестьянъ, они коротко говорятъ: «съ того помѣстья и съ той вотчины на государевой службѣ быти не съ чего», или «съ того помѣстья и вотчины на государевѣ службѣ будетъ на конишкѣ». А почему? Это всѣмъ извѣстно, но не написано. Только очень изрѣдка въ списки проникаютъ извѣстія о положеніи хозяйства. Напримѣръ, у тверского дворянина, П. З. Бобарыкина, есть помѣстье въ 155 четей и два бобыля, но они «ходятъ межъ дворъ», т.-е. у него нѣтъ хозяйства, а потому ему и «на государевой службѣ быть не съ чего». У кашинскаго дворянина, Б. П. Тютчева, было 9 крестьянъ и 8 бобылей; а у тверского помѣщика, Б. Б. Изъединова, было 8 крестьянъ и 4 бобыли при 561 чети. У Тютчева земли было, судя по числу крестьянъ, не меньше, если не больше; но крестьяншки его были худы, а потому окладчики нашли, что ему подняться нечѣмъ; Изъединовъ же, у котораго крестьянъ и бобылей было меньше, по мнѣнію окладчиковъ, могъ служить и безъ государева жалованья на среднемъ конѣ. У Тютчева еще бѣда случилась, у него конь палъ.

Крестьянишки худы и лошади нѣтъ, вотъ почему ему подняться не чѣмъ. «И съ государевымъ жалованьемъ»,— говорятъ окладчики,—«ему подняться не чѣмъ». А денежный окладъ его достигаетъ 16 р. Это утверждаетъ онъ самъ, и все подтверждаютъ окладчики. У бѣжецкаго дворянина, М. М. Батюшкова, 2 крестьянина и 9 бобылей, но они также «всѣ бродятъ межъ дворъ», а потому и ему «на государевѣ службѣ быть не съ чего». У зубцовскаго дворянина, П. Ѳ. Пусторослева, было помѣстье въ 200 четей, да родственная вотчина, сельцо Бубново (число четей неизвѣстно), и одинъ крестьянинъ да два бобыля; окладчики нашли, что ему служить не съ чего. А у тверского дворянина, О. Т. Кулишскаго, было помѣстье въ 205 четей, жалованная вотчина въ 70 четей да еще родственная вотчина, пустошь Логвиново (число четей неизвѣстно), и на всѣ помѣстья и вотчины всего одинъ бобыль. Окладчики нашли, что Кулишскій можетъ служить на меринкѣ. Почему онъ можетъ служить, а Пусторослевъ нѣтъ? Земель у него не больше, а людей втрое меньше. А вотъ почему. Зубцовскіе окладчики нашли, что Пусторослевъ «бѣденъ добре и службы у него никакія въ заводѣ нѣтъ». Такія отмѣтки, къ сожалѣнію, встрѣчаются очень рѣдко.

Изъ приведеннаго, полагаю, совершенно ясно, что въ старину оцѣнка размѣровъ службы была индивидуальная, по состоянію хозяйства, а не по внѣшнимъ признакамъ величины имѣнія и числа душъ, какъ и оцѣнка способности нести денежныя и всякія другія повинности. Одно и то же начало проникало всюду: какъ денежныя и всякія другія повинности, такъ и служебныя опредѣлялись на основаніи индивидуальной оцѣнки каждаго хозяйства.

Состоянія городовыхъ дворянъ начала XVII вѣка были очень невелики. Въ Тверскомъ уѣздѣ самымъ богатымъ является Овцынъ, у него было 612 четей, за нимъ слѣдуютъ: Изъединовъ съ 561, Епишевъ съ 550, Одадуровъ

съ 500 вотъ и всѣ богачи. Затѣмъ уже идетъ мелочь въ 300, 100 четей и совсѣмъ безпомѣстные. Овцыны — это фамилія старинныхъ новогородскихъ дѣйствительно богачей; ихъ боярщины были конфискованы великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и сами они переведены въ Москву. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ былъ одинъ еще болѣе богатый человѣкъ, это Демьяновъ съ 695 четями. Но другіе зубцовцы гораздо бѣднѣе тверичанъ. Я уже имѣлъ случай указывать на то, что дворяне съ окладомъ въ 300 четей нерѣдко не имѣли ни одной чети [1]).

Населеніе дворянскихъ земель было тоже очень невелико. Самую высокую цифру находимъ у кашинскаго дворянина, Лазарева, у него было 33 души, и у бѣжецкаго, Нелединскаго, 32, за ними идутъ: Гавреневъ съ 25 и Травинъ съ 21. У Овцына было 28 душъ, у Изъединова—22, а у Демьянова, владѣвшаго самымъ большимъ количествомъ земли, всего 7 крестьянъ. Какъ ни малы эти цифры, но въ нихъ едва-ли можно видѣть результаты опустошенія русской земли послѣ смутнаго времени. Въ оффиціальномъ документѣ 1620 года читаемъ: «Въ прежнія лѣта многія мѣста были въ пустѣ, а послѣ того поселились и объявились въ житьѣ» [2]). Итакъ, въ двадцатыхъ годахъ мы были уже въ нормальномъ положеніи.

Возвращаюсь на прежнее. Размѣръ службы каждаго опредѣлялся индивидуально, за исключеніемъ осадной. Ее должны были нести даже увѣчные съ пуста и безъ денежнаго жалованья. Въ полковую службу требовалось физическое здоровье и нѣкоторое состояніе. Самой высшей мѣрой такой службы, по даннымъ конца XVI в. и двадцатыхъ годовъ XVII-го, считался выѣздъ на службу

[1]) Четь равнялась полдесятинѣ. Приведенныя цифры четей обозначаютъ количество земли въ одномъ полѣ: всей пахотной земли было втрое болѣе. Къ этому количеству надо еще прибавить луга и лѣса.

[2]) Указ. кн. помѣстн. прик. 33.

дворянина съ 3 служилыми людьми, съ человѣкомъ въ конну и съ тремя или четырьмя лошадьми. Но хорошей службой былъ уже выѣздъ съ однимъ служилымъ человѣкомъ и съ однимъ запаснымъ конемъ. Тверской дворянинъ Калитинъ съ нѣкоторою гордостью говоритъ о себѣ: «службы мои вѣдомы въ разрядѣ, а служивалъ я на добромъ конѣ и простой конь и человѣкъ служилой за мной бывалъ». Самой малой службой считался выѣздъ дворянина на мерникѣ безъ запасной лошади и безъ всякаго сопровожденія.

Обязанные служить полковую службу могли получить денежное жалованье. Оно выдавалось имъ, если окладчики находили такое пособіе необходимымъ. Выдача жалованья увеличиваетъ служебную способность дворянина. Если безъ жалованья онъ могъ служить на мерникѣ, то съ жалованьемъ онъ будетъ служить на среднемъ конѣ и т. д. Но случалось, что хозяйственное положеніе служилаго человѣка было такъ плохо, что и съ жалованьемъ онъ не могъ подняться. Такихъ случаевъ въ десятыхъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка очень много.

Какъ опредѣленіе оклада есть дѣло усмотрѣнія окладчиковъ, такъ и опредѣленіе службы. Но это дѣло столь трудное, что окладчики могли оказаться и безъ вины виноватыми. Дѣлалось оно съ большой осторожностью, какъ это видно, по крайней мѣрѣ, изъ десятенъ двадцатыхъ годовъ. Всегда опрашивался и самъ облагаемый службой. Обыкновенно его показанія подтверждались и окладчиками. Споры крайне рѣдки.

Списки съ опредѣленіемъ службы шли въ Москву и тамъ могли быть измѣнены боярами. Случалось, что служилые люди подвергались въ Москвѣ новому осмотру [1]).

Среди изданныхъ служилыхъ списковъ мы имѣемъ рижскую десятню 1617 года [2]). Она представляетъ въ

[1]) Муромск. дес. 1597 г. № 155.
[2]) Опис. док. и бум. VIII, стр. 453

бытовомъ отношеніи большой интересъ. Это десятня раздачи денежнаго жалованья, а не разборная двадцатыхъ годовъ. И тутъ, и тамъ производился смотръ дворянъ. Но въ двадцатыхъ годахъ смотръ дѣлался для опредѣленія ихъ способности къ будущей службѣ, а теперь для выдачи имъ жалованья. Картина получилась совершенно иная. Въ 1621 году, по мнѣнію окладчиковъ, тверской дворянинъ Блохинъ, при 374 четяхъ и 23 душахъ населенія, могъ выѣхать на службу, безъ государева жалованья, на конѣ, но безъ запаснаго коня и служилаго человѣка: а Желнинскому, у котораго было 248 четей и 4 бобыля, на государеву службу и совсѣмъ подняться было не съ чего и т. д. Въ 1647 году рижскій дворянинъ Подъяпольскій пріѣзжаетъ для полученія государева жалованья на конѣ, а у него было всего 40 четей земли и одинъ дворъ бобыльскій; Куркинъ пріѣзжаетъ на меринѣ, а у него было всего 7 четей и ни одной души крестьянъ и бобылей: пріѣзжаетъ на меринѣ и Кожариновъ въ садакѣ и съ саблею, какъ и другіе, а у него не было ни помѣстій, ни вотчинъ. Жалованье по 6 рублей давалось имъ по осмотрѣ. Такъ какъ всѣ они оказались способными къ службѣ и пріѣхали, кто на конѣ, кто на меринѣ, и всѣ были вооружены, то они всѣ и получили жалованье. Окладчики тутъ были ни причемъ, они только осматривали и удостовѣряли фактъ. Полагаю, что всѣ эти господа, если бы ихъ послали въ походъ, такъ бы и выступили, какъ они были на смотру.

Вотъ почему есть основаніе думать, что десятни двадцатыхъ годовъ едва-ли даютъ настоящую мѣру нашей старой службы. Это было время чрезвычайное. Двадцатымъ годамъ предшествовала страшная неурядица. Цари смѣнялись одинъ за другимъ, новая династія только-что вступила на престолъ и не вошла еще въ силу. Этимъ и можетъ объясняться слабое опредѣленіе способности къ службѣ въ двадцатыхъ годахъ. Что оно слабо, это видно изъ сравненія съ только что приведенной десятней 1647

года. То же можно заключить и изъ Коломенской десятни 1577 года. Правда, она не допускаетъ полнаго сравненія съ десятнями XVII вѣка, такъ какъ въ ней нѣтъ указаній на размѣры помѣстій; но она все же даетъ основаніе для заключеній по интересующему насъ вопросу. Въ ней перечислено 288 дѣтей боярскихъ. Окладъ ихъ очень различенъ, отъ 100 до 400 четей. Помѣстныя дачи ихъ не указаны. Но есть ли основаніе думать, что они были больше тѣхъ, которыя числились за тверскими и зубцовскими дворянами XVII вѣка? Думаю, — никакого. На 288 коломенскихъ дѣтей боярскихъ приходится 28 человѣкъ съ окладомъ въ 150 четей и 68—съ окладомъ въ 100 четей. Помѣстья ихъ не могли быть выше ихъ окладовъ, а могли быть между ними и безпомѣстные, какъ и въ XVII вѣкѣ. Жалованье выдали имъ отъ 12 (только двумъ) до 2 рублей. И между ними не нашлось ни одного, которому бы не была предписана служба на меринѣ. А есть между самыми послѣдними изъ нихъ и такіе, которые должны были имѣть еще запаснаго мерина, а другіе должны были выѣхать на конѣ. Лучшимъ же при 100 четяхъ и 12 р. жалованья должно было выѣхать на конѣ, въ панцырѣ, въ шапкѣ желѣзной, въ саадакѣ, съ саблей и копьемъ, человѣкомъ на меринѣ, тоже въ саадакѣ, съ саблей и копьемъ, да человѣкъ на меринѣ съ юкомъ. Въ муромской десятнѣ, тоже конца XVI вѣка, находимъ указаніе на службу съ пуста и безъ денежнаго жалованья: «Оксенко, Лаврентьевъ сынъ, Крокозовъ ималъ 6 рублей. Сказали окладчики: служба худа, помѣстье за нимъ 13 чети пусто, крестьянъ нѣтъ, а женатъ не бывалъ. На Москвѣ бояре осматривали, приговорили: Оксенку служить безъ денегъ». Это на будущее время безъ денегъ; а теперь онъ уже получилъ деньги. Такъ въ концѣ XVI вѣка. Еще болѣе характерныя данныя даетъ извѣстная уже намъ Боярская книга половины XVI вѣка. Въ ней показано, съ какимъ числомъ людей дѣти боярскія должны были пріѣзжать на службу по уложенію и

съ какимъ числомъ они дѣйствительно пріѣзжали. Здѣсь находимъ драгоцѣнныя указанія для оцѣнки служебнаго усердія дѣтей боярскихъ того времени. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

К. В. Телятевъ	должень	былъ	пріѣзжать	съ 4,	а пріѣзжалъ	съ 6.
П. Ѳ. Колтовской	—	—	—	— 3	—	6.
Б. У. Болтинъ	—	—	—	— 1	—	4,
М. М. Гагинъ	—	—	—	— 1	—	5,
П. А. Совинъ	—	—	—	— 1	—	8.
А. Е. Огаревъ	—	—	—	— 2	—	10.
К. А. Вешняковъ	—	—	—	— 1	—	8.
Я. Г. Моклоковъ	—	—	—	— 1	—	10,
Г. М. Сукинъ	—	—	—	— 7	—	20.

Въ книгѣ приведено 196 лицъ. Изъ нихъ 73 выѣзжали съ большимъ числомъ воиновъ, 18—съ меньшимъ. Изъ остальныхъ одни съ полнымъ, а о другихъ нѣтъ свѣдѣній.

Практика XVII вѣка гораздо слабѣе. Вотъ примѣры. Тверской дворянинъ Калитинъ, при окладѣ въ 700 четей, съ помѣстьями и вотчинами въ 296 четей и съ жалованьемъ въ 37 рублей могъ, по мнѣнію окладчиковъ, выѣхать на службу только одинъ на одномъ добромъ конѣ! Другому тверскому дворянину, Одадурову, при окладѣ въ 700 четей, съ помѣстьемъ въ 111 четей, съ 7 душами и съ жалованьемъ въ 32 рубля можно было быть на службѣ только на обыкновенномъ конѣ, а Спечову, при окладѣ въ 500 четей, съ помѣстьемъ въ 100 четей, 3 душами и жалованьемъ въ 6 рублей совсѣмъ нельзя было подняться! И такихъ примѣровъ много. Во всѣхъ десятняхъ двадцатыхъ годовъ опредѣленіе размѣровъ службы очень слабое. Полагаю, это послѣдствіе распущенности смутнаго времени, понизившей служебную ревность дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Я указалъ уже на сходство въ обложеніи службой и всякими другими повинностями: всякое обложеніе въ старину происходило въ силу индивидуальной оцѣнки состоя-

нія. Это сходство шло весьма глубоко. Денежныя повинности брались не съ пуста, а съ земель, обработываемыхъ, т.-е. населенныхъ. Тоже и служба, требовавшая издержекъ, т.-е. полковая, — она предполагала населенное имѣніе. Это выражено и въ Уложеніи, которое предписываетъ тѣмъ, у кого «старое помѣстье пусто и служить не съ чего», дать новое (XVI, 24). Вышеприведенное рѣшеніе бояръ относительно муромскаго дворянина Крокозова представляетъ случай исключительный, мотивы котораго не указаны. По ряжской десятнѣ 1647 года готовыми къ походу оказываются люди, не имѣющіе ни крестьянъ, ни бобылей, ни помѣстій, ни вотчинъ. Можно думать, что имъ не чуждо было сознаніе насущныхъ потребностей Московскаго государства и для ихъ достиженія они не прочь были и отъ личныхъ жертвъ. Это то же самое, что служилые новики въ родѣ Лупакова. Въ очень хорошемъ свѣтѣ выступаютъ и многіе служилые люди Боярской книги 1556 года.

Итакъ, служба хотя не всегда и не непремѣнно, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ стоитъ въ зависимости отъ землевладѣнія. Поверстанные обязаны были служить и безъ дачъ, но большинство служило съ дачъ; не имѣвшіе своихъ помѣстій и вотчинъ служили съ родственныхъ, по добровольной поддержкѣ близкихъ имъ людей. Теперь возникаетъ вопросъ, была ли служба привязана къ мѣсту нахожденія помѣстья, т.-е. обязанъ ли былъ всякій дворянинъ служить съ дворянами того города, въ округѣ котораго находилось его помѣстье? Такъ было обыкновенно, но обязанности такой не было. Каждый дворянинъ, имѣя помѣстье въ одномъ городѣ, могъ «записаться» [1]) на службу съ дворянами другого. Ряжскій сынъ боярскій, П. П. Лупинъ, еще въ 1591 году числился въ спискахъ Ряжска, а служилъ онъ въ Рязани въ Коло-

[1]) Выраженіе «записаться по Ростову» см. зубцовск. десят. стр 107, № 5.

мѣстномъ стану. Въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка нерѣдко перечисляются помѣстья за дворянами и дѣтьми боярскими, которые «служатъ изъ иныхъ городовъ», т.-е. помѣстье въ уѣздѣ одного города, а служба въ другомъ городѣ [1]).

Такъ и въ XVII вѣкѣ галицкій дворянинъ С. Е. Калитинъ служилъ прежде по Галичу, гдѣ у него помѣстье; а потомъ переписался въ Тверь, гдѣ у него помѣстья не было, а была вотчина, да пустая: въ галицкомъ же помѣстьѣ у него были 4 крестьянина да 2 бобыля. Въ половинѣ XVII вѣка этотъ порядокъ вещей обратился въ общее правило. По указамъ 1650—1651 годовъ дворяне и дѣти боярскія, переведенные на службу въ другіе города, не лишаются помѣстій, которыя были имъ даны въ покинутыхъ уѣздахъ (Указн. кн. помѣст. приказа).

Служба съ верстанья составляетъ обязанность, и неявившіеся на службу подлежатъ наказанію. Подлежатъ наказанію не только неявившіеся въ походъ или въ осаду, но и на смотръ. Смотры стоятъ въ самой тѣсной связи со службой. На смотру опредѣляется служебное состояніе человѣка, здоровъ онъ или боленъ, какъ вооруженъ и окопенъ. На смотру опредѣляется мѣра его службы и производится верстаніе, а съ перваго верстанія начинается обязательная служба. Безъ смотра нѣтъ и службы. Вотъ почему неявка на смотръ такъ же наказуема, какъ и неявка на службу.

Наказанія полагались всякій разъ по особому указу и очень разныя; самое слабое — выкинуть изъ службы, затѣмъ или: убавка жалованья, отнятіе помѣстья и даже тѣлесныя наказанія, батоги и кнутъ. Уже давно было указано, что въ Москвѣ самыя строгія наказанія назначались во многихъ случаяхъ не для примѣненія ихъ на дѣлѣ, а только для устрашенія; такова была нерѣдко и смертная казнь [1]). Думаю, что такую же роль играли тѣ-

[1]) I отд. стр. 373, II—1436.

[1]) Сергѣевскій, Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. 1888.

лесныя наказанія и въ дѣлахъ службы. Практика была весьма мягкая. Вотъ примѣры.

Въ 1555 году велѣно было отобрать помѣстья у всѣхъ не бывшихъ на государевой службѣ въ Казани и отдать въ раздачу. Но вскорѣ за тѣмъ все не розданное было возвращено, а что было роздано, то замѣнено дачей въ другомъ мѣстѣ.

Въ 1591 году велѣно было ряжскимъ дѣтямъ боярскимъ давать государево денежное жалованье, но съ такимъ разсчетомъ: за ругодивскіе нѣты давать съ вычетомъ: а кто въ приходъ крымскаго царя не былъ, тѣмъ вовсе не давать; а которые бѣжали со службы, съ Воронежа, тѣмъ не додать по 2 р. человѣку.

Въ 1594 году пріѣхавшихъ на смотръ, но не дождавшихся верстанья, приказано было выкинуть изъ службы. Но черезъ два года государь всѣхъ нѣтчиковъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ испомѣстить.

За бѣгство со службы въ 1613—27 годахъ приказано давать жалованье съ вычетомъ 5 руб. изъ 15 и т. д.

Въ 1635 году государь, «ради своихъ государевыхъ чадъ», велѣлъ нѣтчикамъ, которые въ Можайскѣ на смотру не объявились, возвратить отобранныя за неявку помѣстья [1]).

Нѣтчикамъ, хотя и съ вычетомъ, но все же давали жалованье, помѣстья же отобранныя возвращали назадъ. При такомъ мягкомъ отношеніи правительства къ служилымъ людямъ трудно думать, чтобы ихъ за нѣты дѣйствительно наказывали тѣлесно. Уложеніе за отъѣздъ со службы до отпуска назначаетъ кнутъ (VI, 8), а мы знаемъ, что въ 1634 году дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, съѣхавшимъ изъ подъ Смоленска, не дождавшись отхода окольничаго кн. Прозоровскаго, т.-е. до отпуска, назначено было наградное жалованье по 20 р., на 5 р.

[1]) Доп. къ А. И. I № 52; Опис. док. и бум. VIII 253, 391; Рус. ист. библ. 15, Кормов. кн. 1619—27; Указан. къ пом. прик., 91.

менѣе тѣхъ, которые дождались отпуска. Можно ли думать, что они были наказаны кнутомъ?! Статьи Уложенія написаны для угрозы, а вовсе не выражаютъ практики свое времени.

Подведу нѣкоторые итоги.

Въ Московскомъ государствѣ все населеніе обязано было нести тягости военной службы.

Служба дворянъ и дѣтей боярскихъ не имѣла значенія привилегіи. Они стояли въ одномъ ряду съ крестьянами и посадскими людьми.

Кромѣ обязательной службы существовала и добровольная для охотниковъ.

Было не мало дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые служили добровольно, не получая ни денежнаго жалованья, ни помѣстій.

Служба обязательная оплачивалась, но для дворянъ и дѣтей боярскихъ—по мѣрѣ возможности.

Обязательная служба дворянъ и дѣтей боярскихъ начиналась съ верстанія.

Верстаніе опредѣляло мѣсто служилаго человѣка въ ряду другихъ «по его отечеству и службѣ».

Верстаніе есть актъ, многократно повторяющійся.

Дѣйствительно получаемое служилыми людьми денежное и помѣстное жалованье далеко не всегда соотвѣтствовало тому окладу, который назначался при верстаніи.

За верстаніемъ слѣдовало опредѣленіе размѣровъ службы.

Размѣры службы опредѣлялись индивидуально для каждаго отдѣльнаго дворянина и сына боярскаго. Здѣсь проводилось то же начало, какое примѣнялось и къ опредѣленію размѣровъ всякихъ повинностей: хозяйственная обезпеченность человѣка.

Верстаніе, опредѣленіе размѣровъ службы, дача денежнаго жалованья, — все это дѣлалось по приговору всѣхъ мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и выбираемыхъ ими изъ своей среды представителей (окладчиковъ).

Исправность службы обезпечивалась поручительствомъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей того же класса людей.

Вся служба извѣстнаго лица находилась, такимъ образомъ, подъ постояннымъ контролемъ всѣхъ его сослуживцевъ.

Правительство относилось очень мягко къ служилымъ людямъ. Строгія постановленія Уложенія относительно нѣтчиковъ, повторяющія слова болѣе раннихъ указовъ, не составляютъ практики того времени; это только угроза.

Плата особаго вознагражденія за выводимыхъ дворянами воиновъ вышла изъ употребленія въ концѣ XVI вѣка. Это обстоятельство также могло имѣть вліяніе на уменьшеніе числа этихъ воиновъ, замѣчаемое въ тверскихъ десятняхъ XVII вѣка.

Земельное устройство служилыхъ людей представляетъ общераспространенное въ исторіи явленіе. Но земельное ихъ устройство въ Москвѣ имѣетъ много оригинальныхъ особенностей, совершенно неизвѣстныхъ, насколько я знаю, другимъ народамъ.

Печальную сторону нашего земельнаго устройства представляетъ необходимость для служилыхъ людей самимъ отыскивать свободныя помѣстья. Это должно было питать въ ихъ средѣ чувство розни и даже вражды.

Это обстоятельство, въ соединеніи съ чрезвычайно пестрымъ составомъ московскихъ служилыхъ людей, было причиной того, что дворяне и дѣти боярскія, несмотря на то, что организація ихъ, какъ служилаго класса, была вся въ ихъ рукахъ, — не сложились, однако, въ сословіе крѣпко сплоченное и съ опредѣленными политическими стремленіями.

2007088073